ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

68

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2019 Issue 68

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2019 Выпуск 68

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет Мехико

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный гуманитарный университет

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество интеллектуальной истории

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики Национальный исследовательский университет

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский федеральный университет

Дюла СВАК
Будапештский университет имени Лоранда Этвеша

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный гуманитарный университет

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Г. П. МЯГКОВ
Казанский федеральный университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории Академии социальных наук, КНР

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный гуманитарный университет

ББК 63.3

Издание подготовлено в рамках научного проекта «Россия в мире»
Ассоциации содействия развитию академической науки и образования
«Институт перспективных исторических исследований»
(руководитель – академик РАН А.О. Чубарьян)

Генеральный спонсор

ТРАНСНЕФТЬ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 68
М.: ИВИ, 2019. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

АКВИЛОН

DIALOGUE WITH TIME 68
Moscow: IWH, 2019. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2019
© Институт всеобщей истории, 2019
© Журнал «Диалог со временем», 2019

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

РОССИЯ И МИР В ПРОСТРАНСТВЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Е. М. Миронова

РУССКАЯ НЕБОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ПРОБЛЕМА КОНФЕРЕНЦИИ НА ПРИНЦЕВЫХ ОСТРОВАХ

В статье предложен новый взгляд на обсуждаемый в историографии вопрос о конференции на Принцевых островах. Этот проект рассматривается в контексте борьбы русской небольшевистской дипломатии за право участвовать в Версальской мирной конференции. Изучены вновь введенные в научный оборот аналитические записки русских дипломатов, подготовленные в ходе и по итогам обсуждения проблемы.

***Ключевые слова*:** *конференция на Принцевых островах, Русский Заграничный дипломатический корпус, РПС, союзники, С.Д. Сазонов, М.Н. Гирс, Б.А. Бахметев*

В России полыхала гражданская война, когда отгремели последние залпы Первой мировой. Империя, будучи членом Антанты, принимала в ней самое активное участие и неоднократно спасала союзников по блоку от тяжелых поражений. Русские антибольшевики, которые не признали сепаратного Брест-Литовского мира и боролись с оружием в руках за воссоздание добольшевистской, «исторической» и «национальной» России, считали, что при заключении мира им должно принадлежать равное с другими союзниками место за столом переговоров.

Работа в этом направлении велась с осени 1918 г. Решение вопроса было самым непосредственным образом связано с необходимостью обеспечить международное признание правительства, которое должно было избрать делегацию, снабдив ее полномочиями. Однако поднимавшееся на периферии страны сопротивление было разобщено уже в силу географии. Лишь осенью 1918 г. в антибольшевистском лагере было создано правительство (Директория), которое претендовало на статус всероссийского и поставило вопрос о своем международном признании, но, вследствие происходивших в мире событий, он рассматривался в тесной связи с проблемой участия представительства страны в мирной конференции. Приход к власти в Омске 18 ноября 1918 г. адмирала Колчака ситуацию в этом вопросе не исправил: перемирие в мировой войне уже было заключено, времени на признание нового правительства не оставалось. Решено было прибегнуть к программе, разработанной русским Заграничным дипломатическим корпусом, не подчинившимся Советской власти и продолжившим работать за рубежом. В конце года в Париже было созвано Совещание дипломатов и общественных деятелей, позднее переименованное и известное в историографии как русское по-

литическое совещание (РПС). В начале января оно подало союзникам заявление о своей готовности представлять интересы России на мирной конференции и сформировало делегацию для участия в переговорах.

Победители рассматривали вопрос о представительстве России в первые дни работы конференции. Обсуждение проходило без участия тех, кого, оно, собственно говоря, касалось. Неприятие большевиков западными лидерами было сильно преувеличено как их противниками, так и советской историографией[1]. В конце 1917 г. отношение к ним в значительной степени определялось их готовностью продолжить войну в составе Антанты. К январю 1919 г. стало очевидно, что несмотря ни на какие ожидания, как русских антибольшевиков, так и западных демократий, советская власть в России не рухнула ни через три месяца, ни через год. Более того, она сумела завоевать массы народа, справлялась с внешним нажимом, создала Красную армию, строила свое государство. Ее противники в стране консолидироваться не смогли и возлагали большие надежды на внешнюю помощь. Конечно, идеология Белого движения была ближе иностранным правительствам, чем коммунистические воззрения большевиков, и они всерьез опасались распространения «красной заразы» за пределы территории бывшей империи. Однако исповедуемая Белым движением программа возрождения «единой, неделимой» России в границах до 1914 г. (за исключением Польши), определенно заявленное стремление сохранить в послевоенном мире статус страны как великой державы не могли импонировать политикам, которые мечтали освободиться от опасности «русской экспансии». На встречах союзников в Париже с декабря 1918 г. звучали мнения о возможности приглашения на мирную конференцию Финляндии, Эстонии и Латвии для выступления по касающимся их вопросам; лидеры англо-саксонского мира – Ллойд Джордж и Вильсон – были готовы рассматривать Советы как фактическое правительство страны[2]. Запад получил редкую возможность вмешаться в дела России и попытаться их устроить к собственному удовлетворению, и было бы наивным ждать от него отказа использовать такую возможность.

22 января 1919 года союзные и «соединенные» державы выступили с торжественной декларацией следующего содержания:

> Представители Держав Согласия помогут русскому народу, не ставя препятствий и не мешая ему урегулировать его дела по его собственному усмотрению. Эти представители смотрят на русский народ, как на дружественный, и согласны прийти к нему на помощь во всех случаях, когда он пожелает этой помощи; для них ясно, что несчастия и испытания русского народа будут все увеличиваться, что голод и всевозможные лишения будут все обостряться и становиться настолько ужасными, что помощь будет невозможна, если не воз-

[1] Субботовский 1926. С. 221–226; Штейн 1949. С. 94–139; Шишкин 1969. С. 115–116.
[2] Ллойд Джордж С. 278.

вратятся порядок и нормальные условия работы, торговли и транспорта не возобновятся. Представители изыскивают способы помочь русскому народу в достижении этих целей. Они признают абсолютное право русского народа, без постороннего вмешательства решать свою судьбу. Они не стремятся подчинить Россию или воспользоваться ее положением; они признают революционное движение и никоим образом и ни в каком случае не будут способствовать или сочувствовать контрреволюции. Не в их желаниях и интересах одобрять или участвовать в спорах за власть отдельных организованных групп. Единственное и искреннее их пожелание – это сделать все от них зависящее, чтобы дать России мир и возможность избавиться от настоящих трудностей. Союзные Державы в настоящее время заняты важными вопросами, лежащими на их ответственности – установить мир в Европе и во всем свете и глубоко убеждены, что этот мир невозможен, пока его нет в России. Вследствие этого, Союзные державы считают своим долгом помочь России в этом важном деле и готовы самоотверженно идти ей навстречу всеми приемлемыми способами.

С этой надеждой и в этих целях, Союзные Державы приняли на себя следующее решение:

Они предлагают всем организованным группам, имеющим или могущим иметь авторитет или военный контроль, где бы они не находились, в Сибири или в границах Европейской России, бывших до войны, которая только что закончилась (исключая Финляндию и Польшу) указать представителей числом (…) для каждой группы. Они будут приняты представителями Союзных Держав, чтобы дать им Директивы для установления соглашения между партиями. Эти представители будут допущены на конференцию представителей Союзных Держав, чтобы выяснить желания всех русских партий и если возможно придти к определенным решениям.

Необходим срочный ответ на это предложение. Упомянутым представителям будет предоставлена полная возможность для скорейшего приезда. Представители должны прибыть к 15 февраля 1919 г[3].

Редко какой еще не удавшийся план привлекал такое внимание исследователей[4] и возбуждал вокруг себя столько толков. Значение его для современников, как и историков, следует объяснить, по–видимому, тем, что он проявил ранее скрывавшееся за политическими играми и некомпетентностью в русской проблеме отдельных западных политических деятелей, истинное отношение держав к России, ее борьбе, ее будущему. После блестящих статей Б. Штейна и С.В. Листикова по вопросам возникновения, причин, хода рассмотрения, целей этой инициативы в дипломатии западных держав и советского государства возвращаться к этому смысла не имеет[5]. Для нас важны другие аспекты: отношение к данной проблеме российской небольшевистской дипломатии, выводы, которые она сделала из создавшейся ситуации.

Декларация конференции произвела на русских антибольшевиков эффект разорвавшейся бомбы. Она появилась совершенно неожиданно

[3] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 607. Л. 1.

[4] Субботовский 1926, Лившиц 1972, Думова, Трухановский 1989, Дэвис, Трани 2002, Смолин 2017.

[5] Штейн 1947, Листиков. 2009.

даже для действовавшего в Париже с конца 1918 г. Русского Политического Совещания. Для тех, кто с оружием в руках поднялся против «негодяев, убийц, предателей», для тех, кто работал на Белое движение, сесть с большевиками за стол переговоров было невозможно. Но Декларация, с которой выступила конференция, включала и другие подводные камни. Русские дипломаты не могли не увидеть в приглашении представителей советского правительства на международный форум признания их фактической властью, чего они не могли допустить. Кроме того, их не могло не беспокоить перемирие, которое в декларации рассматривалось как необходимое условие переговоров. Наконец, от внимания политиков, общественных деятелей не ускользнуло то, что иностранные коллеги, по сути, приглашают их на «суд», который будет правомочен определить, кто прав, кто виноват в страшном бедствии, обрушившемся на Россию, и воздействовать на ее дальнейшую судьбу. Решение главного вопроса, беспокоившего русских политиков – об участии в мирной конференции, было поставлено в зависимость от того, что покажет встреча на Принцевых островах.

На заседании РПС, посвященном рассмотрению декларации, кипели страсти. Крайнюю позицию занял временный поверенный в Лондоне К.Д. Набоков. В характеристиках он не стеснялся: идею конференции назвал дикой и гнусной, и к тому же оскорбительной своей пошлостью[6]. Он предложил заявить протест и разъехаться, часть участников заседания поддержала его позицию[7]. Независимо от происходившего в Париже, находившийся за тысячи километров посол в Токио В.Н. Крупенский рекомендовал правительству в Омске «немедленный и категорический отказ». Однако позиция Крупенского основывалась не на эмоциях, а на сделанных им наблюдениях. В телеграмме на имя министра иностранных дел России он писал, что предложение держав не носит ультимативного характера: «отказ принять его еще не равносилен размолвке с ними, тем более что не следует преувеличивать возможность единодушных и последовательных действий с их стороны». Кроме того, он считал, что при существующем положении в Западной Европе не приходится опасаться непосредственных сношений между державами и большевиками. Он торопил правительство с ответом, считая, что любое колебание и промедление может вселить в союзников сомнение в безусловной правоте Белого дела; опасался укрепления представлений союзников о большевизме, как о явлении, способном принять «жизненные и нормальные» формы, стремился избежать создания впечатления, что Омск допускает мысль о компромиссе[8]. Не дожидаясь указаний, он про-

[6] ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 об.
[7] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л.3.
[8] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

вел консультации в Токио и выяснил, что японцы не поддерживают эту идею и, в случае отказа Колчака, не изменят свое отношение к нему[9]. Однако русский Париж придерживался другой тактики.

На Совещании снизить градус обсуждения попытался посол во Франции В.А. Маклаков. Он напомнил, что государственные люди не могут действовать под влиянием эмоций и предложил не спешить с протестами, а выяснить, что послужило поводом к принятию такого решения. Особо он оговорил необходимость телеграфировать Колчаку и Деникину совет отложить ответ до того времени, когда Совещанию удастся выяснить закулисную сторону дела[10]. С ним был согласен А.П. Извольский. Умудренный опытом бывший министр иностранных дел Российской империи (1906–1910), указал на необходимость «изучить документ и постараться извлечь из него все то, что могло бы быть нам полезным». Он также настаивал на неуместности поспешных выступлений со стороны членов Совещания по поводу Принкипо[11].

Поддержав эту конструктивную точку зрения, члены РПС принялись за анализ текста Декларации союзников. Среди документов, которые сохранил посланник в Швеции К.Н. Гулькевич по итогам своей работы в политическом отделе Совещания, содержится записка, к сожалению, не поддающаяся атрибутированию[12]. Свое внимание автор сконцентрировал на причинах появления идеи о конференции на Принцевых островах. Он поставил цель выявить подоплеку этого решения с тем, чтобы иметь возможность сделать выводы о дальнейшем.

> Составитель охарактеризовал формулу предложения союзников о конференции как компромиссную, выделив в нем элементы двух видов: интересы того или иного государства, непосредственно связанные с осуществлением данной инициативы, и тактические соображения, по которым «то или иное государство сочло для себя выгодным лишь появление на свет формулы, так или иначе заранее учитывая судьбу предположения». Весь дальнейший анализ декларации он вел исходя из этих двух тезисов. Рассматривая первый вариант – реальной политики, которая может вытекать из проекта конференции, аноним обращает внимание на то, что декларативная часть документа, по сути, объявляет большевизм мировым злом, из чего логично вытекает мысль о необходимости помочь России с ним справиться. Однако анализ текста документа приводит автора к выводу, что общие заявления и предполагаемые практические шаги находятся во взаимном противоречии, что заставило его поставить логичные вопросы, «кому это выгодно» и «к чему это ведет». Он подчеркивает готовность держав, несмотря ни на что, вести переговоры с большевиками, и вести их как с «одной из организованных групп». Это привело его к выводу о

[9] Там же. Л. 10.
[10] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л.3.
[11] Там же. Л. 21.
[12] Документ не датирован и не до конца оформлен: напечатанный на русском языке, он содержит рукописные вставки на французском, во второй половине текста, однако оставленные для вставок места не заполнены.

«территориальной интерпретации большевизма» на Западе, и дало возможность подчеркнуть противоречие такого подхода заявленному в декларативной части восприятию его как «мирового зла». Цель такого искажения он видит в закреплении расчленения России. Предварительное требование перемирия для проведения переговоров, в его интерпретации, выглядит как стремление держав защитить себя от большевизма. Перемирие, пишет он, достигает двух целей: 1. для России его объявление имело бы следствием продолжение разложения и раздробленности, 2. для Европы – некоторую локализацию большевизма, направление его усилий на ближайшие задачи, переключение внимания от мировых проблем. При этом Державы декларировали стремление через переговоры установить «условия счастливой кооперации» России со всем миром. «С т.з. внешних сношений обнаруживается желание разговаривать только с целым России», – отмечает аналитик; но тогда получается, что большевизм допускается как внутреннее русское явление, а перемирие привело бы к закреплению большевизма в наиболее русской части территории страны. На национальных окраинах советская власть к тому времени серьезного распространения не получила. Страх распространения большевизма неминуемо привел бы к укреплению желания национальных окраин отделиться от России и поддержке сепаратизма со стороны держав. Результатом этих процессов стало бы закрепление раздробления страны. Автор записки пришел к выводу о существовании сил, которые, прикрываясь тезисами Вильсона о праве на самоопределение, о недопустимости вмешательства во внутренние дела России и оказания поддержки одним против других, решали своекорыстные задачи. Но аналитик считает, что были и другие силы, не заинтересованные в проведении конференции, но поддержавшие идею ее созыва в расчете на ее громкий провал при сохранении значения декларативной части сделанного заявления. В этом варианте он видел существенные преимущества для России, ибо не верил в возможность безучастного отношения мировых лидеров к происходившему в стране (нет порядка в России, нет порядка в Европе) и выводил отсюда готовность Запада оказать помощь одним против других и, как он писал: «ясно, что не большевикам». Возможную поддержку он видел в двух формах: в интервенции или же в виде поддержки материальной, финансовой и т.д.

Сохранившийся отрывок документа не позволяет дальше заглянуть в лабораторию русского политика, узнать, какие окончательные выводы он из всего этого сделал, какие задачи поставил перед дипломатическими структурами Белого движения[13]. Но интересно, что консультации, проведенные в Омске с представителями союзных держав, дали результат, который аноним предвидел в своем обзоре. Западные политики, ссылаясь на рост рабочего движения в своих странах и его симпатии к Советской России, дружно говорили о необходимости испытать сначала мирные средства, чтобы доказать народам невозможность решить проблему таким путем: американцы уверяли: когда миру станет ясно, что воздействие на большевиков силой необходимо, тогда «Америка не поколеблется выступить», и настаивали на том, что отказ правительства от участия в конференции был бы крупной ошибкой[14].

[13] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 6-7.
[14] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 262. Л. 44.

Старейшина дипломатического корпуса, посол в Италии М.Н. Гирс поддержав предложение не торопиться, отнесся к Декларации союзников, как к рабочему материалу. Он обратил внимание на то, что союзники сочли нужным облечь свое обращение к правительствам России в торжественную форму, подчеркнув таким образом единодушие держав. «Мы имеем дело с конференцией, заключал он. – Тем лучше для нас»[15]. Вместо того чтобы придаваться возмущению или унынию, он напомнил собравшимся постулат, что «всякое заявление обязывает».

Проанализировав декларацию конференции, он извлек из ее текста положения, которые можно было использовать в интересах России в дальнейших переговорах:

1. Признание самостоятельности России в ее внутренних делах.

2. Отказ от эксплуатации России. По его мнению, это заявление могло стать полезным при рассмотрении вопросов о Баку, Туркестане, Криворожских копях… «главным образом против алчности англичан».

3. Фразу декларации о безусловном признании русской революции и отказе в поддержке контрреволюции Гирс находил возможным использовать как орудие против возможных попыток в будущем держать русский народ на низком уровне культуры в целях эксплуатации страны. «Здесь заключено желание видеть Россию сильной. Нам дается направление, в котором мы, работая над собой в области своего внутреннего строительства, можем с вероятностью рассчитывать на симпатии со стороны западноевропейского общественного мнения»[16]. Показательно, что государственный служащий в этом случае рассчитывал не на политическую волю государств – он собирался апеллировать к общественному мнению.

4. Положение о том, что Европа и мир в целом не могут пользоваться покоем, пока Россия им не пользуется, он интерпретировал как признание всеобщего значения большевизма и необходимости для держав ответить ему «в мировой плоскости». Кроме того, он считал, что фразу эту можно использовать в переговорах как «принципиальное и общее заявление держав о необходимости покончить с анархией и ее главным источником – большевизмом, независимо от успеха данного или любого другого предложения».

5. Заявление о том, что конференция рассматривает русский народ как друга, признает своим долгом помочь России со всей заботливостью и ответственностью, которую они предоставляют другим друзьям и союзникам, по мнению Гирса, прямо указывало на признание России (в отличие от РСФСР) союзницей – то, чего с конца 1917 года добивались, на чем настаивали русские дипломаты. Тем самым, считал посол,

---

[15] Там же. Л. 4.
[16] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 4.

страны сами признали право России участвовать в конференции и предъявлять претензии Германии и Центральным державам.

6. Наконец, в приглашении на Принцевы острова представителей возникших на территории России правительств, он увидел косвенное определение будущих границ России, куда, однако, уже не были включены Польша и Финляндия[17]. Эта констатация была особенно важна в момент, когда те правительства, которые были созданы на территории Российской империи, и с которыми дипломаты призывали союзников сотрудничать, признавая их фактическое существование, отказались считаться с решением русских властей о создании единого представительства России на мирной конференции и посылали в Париж собственные делегации с программой отделения и постановкой вопроса о независимости своих стран.

Таким образом, М.Н. Гирс, сосредоточился на проработке того, что в дальнейшем можно было использовать в переговорах, опираясь на торжественные заявления самих союзников. Его записки показывают, что он не заблуждался насчет целей и стремлений союзников относительно России, но пока не видел другого: их готовности уклоняться от тех торжественных заявлений, которые были сделаны.

Несмотря на то, что Набоков получил в Совещании некоторую поддержку, его предложение не прошло. Возобладало мнение о необходимости не доводить дело до разрыва с ведущими державами мира, выждать, прояснить ситуацию. Недавно прибывший в Париж министр иностранных дел правительств Колчака и Деникина С.Д. Сазонов был, по-видимому, обескуражен. Получалось, что он упустил обсуждение, рассмотрение и принятие столь значимого для представляемых им правительств решения. В тот день, 23 января, он отправил в Россию две телеграммы. В первой, изложив суть предложения держав, он попытался оправдаться, указав, что в связи с непризнанием союзниками антибольшевистских правительств, участия в заседаниях мирной конференции он не принимает, и выразил намерение заявить, что ни омское, ни екатеринодарское правительства в переговорах, в которых планировалось участие большевиков, участия не примут[18]. Во второй, отправленной уже после окончания заседания РПС, он от имени Совещания просил подождать с «гласным и бесповоротным ответом на радио конференции». Вероятно, уже на Совещании или в его кулуарах всплыли какие-то дополнительные сведения, не нашедшие отражения в протоколе.

Несколькими днями позже в доверительном письме Нератову, он писал: «Благодаря допущенной со стороны англичан нескромности, перед самым открытием конференции (т.е. до 18 января – *Е.М.*) стало из-

[17] Там же. Л. 4-5.
[18] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.

вестно, что Ллойд Джордж торжественно выскажется за вступление в переговоры с большевиками и даже склонен пригласить их представителей в Париж для объяснений в специальной комиссии»[19]. Однако в момент отправки первой телеграммы 23 января он явно об этом не знал. Тогда кто знал? И почему заявление держав оказалось неожиданным для РПС, для дипломатов в Париже? Свет на эту ситуацию проливает Т.И. Полнер в труде, посвященном жизненному пути кн. Г.Е. Львова. Оказывается именно председателю русского Совещания Ллойд Джордж и Бонард Лоу еще 16 января в деталях сообщили о плане созыва конференции. Как пишет Полнер, князь предлагал обратиться с этой идеей к РПС, но его собеседники хотели выслушать его мнение[20]. Непонятно, почему, с какой целью, председатель Русского политического совещания, получив такую информацию, скрыл ее от своих коллег, от министра иностранных дел, не дав возможности предпринять превентивные меры.

Вторая телеграмма в Омск, отправленная в тот же день, показывает, что Сазонов уже успокоился. Тщательно избегая местоимений во избежание указаний на то, кто далее будет действовать, он предложил правительству прислать в Париж свой ответ, предоставив право использовать его в нужный момент[21].

На Омское правительство обращение союзников произвело очень тяжелое впечатление. Оно усмотрело в нем два положения, представлявших «смертельную опасность» для борьбы с большевизмом. Сама постановка вопроса о возможности переговоров с большевиками должна была, по его мнению, иметь деморализующее действие, а перемирие могло повлечь за собой «угрозу возвращения к большевизму всей освобожденной от него территории». С другой стороны, нельзя было допустить и того, чтобы в общество просочились сведения о конфликте с союзниками. В окружении Колчака, как и в РПС, возникли разные мнения по поводу возможной реакции на проект конференции. Так, работавший в это время в омском МИД чрезвычайный посланник в Сиаме И.Г. Лорис-Меликов, составил собственный ответ. Документ до сих пор не обнаружен. Судить о его содержании можно лишь по той критике, которой подверг его управляющий министерством И.И. Сукин. Последний посчитал неудобным указывать на «будто бы нанесенное нам «грубое оскорбление»; предложение же отметить, что Белое движение представляет из себя «подлинную русскую демократию» показалось ему ненужным заискиванием перед общественным мнением Европы. Его недовольство также вызвало содержавшееся в проекте Лорис-

[19] LRA, MS 780/10
[20] Полнер. С. 404-406.
[21] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.

Меликова пожелание о международном признании Омской власти, от чего, стараясь сохранить достоинство, правительство в этот период последовательно воздерживалось[22]. Впрочем, эта переписка интересна нам, скорее, как показатель положения в омском МИД: реального политического значения она не имела – до ее начала Колчак сформулировал свое отношение к ситуации, ответ в Париж уже ушел. В сложной обстановке правительство проявило выдержку и продемонстрировало полное доверие своим представителям во Франции: Париж «нас понимает с полуслова», – писал в это время Сукин[23]. Конечно, Колчак считал наилучшим выходом полный отказ от участия в такой конференции без всяких оговорок. Однако, приняв во внимание серьезную опасность ситуации, Верховный правитель согласился воздержаться от каких-либо резких заявлений. Он предоставил Сазонову возможность вести переговоры с союзниками так, как того требовала обстановка в Париже. Сходную позицию занял и А.И. Деникин.

Получив от правительств карт-бланш, Сазонов в Париже начал кампанию по дискредитации и сведению на нет идеи Принкипо. Русские деятели, в т.ч. сам министр, «громко и единодушно заявили в печати о горестных чувствах, вызываемых в них резолюцией конференции». Послы при союзных державах получили предписание сообщить правительствам об отношении антибольшевиков к идее созыва конференции[24]. В период до 13 февраля в Париже была проведена серия переговоров. Сам Сазонов беседовал с Пуанкарэ[25], Пишоном[26] и Тардьё (помощник Клемансо на конференции)[27]. Маклаков тоже встречался с Пишоном[28], а Бахметев, по поручению министра, с Лансингом[29]. Кроме того, были организованы беседы с Мишель Котэ (другом Тардье), с Бертело и Сержаном[30]; с англичанином Говардом[31]. На этих встречах дипломаты самым определенным образом говорили об оскорбительности подобного предложения для достоинства представителей России, о крайней опасности, не только для интересов России, вступления на путь переговоров с большевиками, которые «не преминут использовать эту попытку Держав для признания себя законной властью»[32].

---

[22] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 265. Л. 28.
[23] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 28.
[24] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 6.
[25] Там же. Л. 23.
[26] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[27] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 28.
[28] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[29] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 36.
[30] Там же. Л. 31.
[31] Там же. Л. 2.
[32] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

В результате собеседований русские дипломаты не смогли прийти к какому-то определенному выводу о причинах, толкнувших мировых лидеров на продвижение идеи Принкипо. В письме Нератову Сазонов писал, что она родилась как следствие осознания трудностей разрешить русский вопрос путем интервенции, но допускал и то, что она явилась результатом «непонимания президентом Вильсоном положения вещей в России». «Особенные свойства его [Вильсона] психологии» давали повод министру рассматривать получившую распространение в русских кругах (возможно, подброшенную иностранцами) аналогию с событиями мировой войны: тогда предложение президента о посредничестве между Германией и Антантой стало прологом к вступлению США в боевые действия. Министру хотелось верить, что подтвержденная провалом конференции невозможность прекращения гражданской войны мирными средствами, создаст для Вильсона моральную обстановку, «при которой можно ожидать со стороны Америки решительных шагов к восстановлению порядка в России»[33]. У него сложилось убеждение, что французский истеблишмент уступает англичанам и американцам в вопросе о Принкипо только из-за договоренностей с ними по другим вопросам; более того, он пришел к справедливому выводу, что не весь английский кабинет поддерживает идею конференции. В письмах, датированных концом января, он отмечал, что печать союзников, за исключением левой, не поддерживала идею переговоров с большевиками[34].

Уже к 30 января у русских представителей в Париже появились основания полагать, что проект конференции провалится[35]. В дальнейшем эта уверенность крепла. Союзники так и не направили приглашение большевикам. Советское правительство, узнав о планах держав из радиоперехвата, содержавшего обзор западной печати, сочло, тем не менее, нужным ответить[36]. Оно предприняло попытку исключить из круга договаривающихся сторон антибольшевистские силы России, заявив о готовности вести переговоры с теми, кто питал это движение, т.е. с державами Согласия. Им советское правительство предложило широкую программу уступок: рассмотрение вопроса о русских займах, от выплаты которых оно ранее категорически отказалось; создание концессий на территории страны, гарантию уплаты сырьем процентов по своим заграничным займам; даже обсуждение территориальных вопросов. Степень своей сговорчивости оно поставило в зависимость от того состояния, в которое придет на момент соглашения страна, где, по уверениям, содержавшимся в документе, крепла власть большевиков[37].

---

[33] LRA, MS 780/10
[34] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2,11.
[35] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 58. Л. 2; Д. 115 Л. 8; Д. 617. Л. 52; 6. д. 33. Л. 193.
[36] ДВП. Т. 2. 1958. С. 42-45.
[37] Там же. С. 57-60.

Ни слова об остановке успешно развивавшегося наступления Красной армии, о перемирии этот документ не содержал.

Реакция Москвы, прямо указывавшая на державы Согласия как на инициаторов гражданской войны в России, откровенная попытка их купить названными преференциями носили настолько неприкрытый характер, что сделали их обсуждение совершенно невозможным. Вильсон назвал ответ Чичерина «умышленно оскорбительным»[38], французы расценили как «неприемлемый и неискренний»[39]. Тем не менее, опубликование этого документа 8 февраля в Париже спровоцировало новое обсуждение проблемы Принкипо в РПС. Дискуссия не касалась существа вопроса: здесь все было ясно, и двух точек зрения быть не могло. Могло показаться, что споры велись по поводу тактики, но, по сути, решался спор о руководстве внешней политикой Белого движения. Работа по дискредитации идеи конференции на Принцевых островах укрепила непростое положение Сазонова в русском Париже. Его назначение министром не обрадовало создателей РПС. Его законные претензии на руководство всей внешней политикой антибольшевистской России и Делегацией на мирной конференции вызвали сопротивление. Опасаясь спровоцировать раскол в Совещании, он согласился принять участие в Делегации в качестве рядового члена. Теперь он постепенно возвращал себе полномочия министра, все более забирая дело в свои руки.

Только что приехавший в Париж председатель временного правительства Северной области Н.В. Чайковский поднял на Совещании вопрос о необходимости дать ответ на инициативу конференции от имени РПС, как его дали большевики, он заявил, что нельзя отмалчиваться, что «облекаться в обиженную гордость – плохая политика» . Сазонову пришлось указать на то, что к Совещанию, собственно, никто не обращался и никаких ответов от него не ждет. Отвечать же «как большевики, и ставить себя на одну доску с большевиками» он считал неуместным. Однако Совещание с ним не соглашалось. После сложного и длительного обсуждения министр предложил компромисс. Не меняя своей точки зрения, он готов был пойти навстречу РПС и выработать текст с тем, чтобы в «*законченном виде* сообщить совещанию *для сведения* (курсив мой – *Е.М.*)»[40]. Выработанный им документ 14 февраля был передан Союзникам. С удовлетворением констатировав, что Конференция считает восстановление порядка в России необходимым условием прочного мира, в декларации была выражена уверенность, что будет сделано все, чтобы «вернуть России, вместе с порядком внутри страны, ее место в союзе наций». Союзным державам были предложены услуги «объеди-

[38] Дэвис, Трани.2002. С. 312.
[39] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 262. Л. 9.
[40] ГАРФ. Ф. 6094 . Оп. 1. Д. 223. Л. 36.

ненных правительств» (Омского, Екатеринодарского и Архангельского – *Е.М.*) в ознакомлении с положением в России и сотрудничество в изыскании средств помощи. В заключение еще раз подчеркивалось, что никакой обмен мнениями при участии большевиков невозможен[41].

К 12 февраля были получены ответы на предложение держав, в основном негативные. Стало понятно, как справедливо отметили в своей монографии Д. Дэвис и Ю. Трани, что «нельзя в приказном порядке собрать воюющие стороны в одном месте… Никто не вправе был заставить их присутствовать на конференции»[42]. На заседании Совета десяти в отсутствии покинувших Париж главных приверженцев идеи Принкипо – Вильсона и Ллойж Джорджа – обсуждение быстро свернуло в сторону отказа от нее, однако сделанное министром иностранных дел Франции Ст. Пишоном М.Н. Гирсу двумя днями позже сообщение, что «вопрос о Принкипо окончательно похоронен»[43], было преждевременным. «Мертвец» оказался настойчив в своем стремлении к жизни: во второй половине февраля в Европе продолжали циркулировать слухи о готовности США[44] и Великобритании[45] реанимировать вопрос о конференции, и лишь 9 марта в Омске французский представитель сообщил об окончательном решении оставить этот проект[46].

Русские дипломаты постарались осмыслить произошедшее и сделать выводы на будущее. В процессе обсуждения проекта конференции на Принкипо стало очевидно, что военную поддержку антибольшевистским силам союзники оказывать не станут, как и прямой открытой поддержки «национальным» правительствам. Тому были причины, объективность которых русские дипломаты признавали. Понимали они и то, что отказ от Принкипо не означает изменения условий, в которых державам предстояло вести поиск решения русской проблемы. Поэтому Б.А. Бахметев в специальной записке, пришел к выводу, что поиск этот будет происходить в той же плоскости, и опасался, что союзниками и впредь «будут формулироваться предложения столь же нецелесообразные и неприемлемые для русского национального движения». Стремясь избежать обострения отношений при повторяющихся отказах, он предлагал перехватить инициативу и заранее определить основные пункты, по поводу которых надо было договариваться с союзниками, и создать платформу для совместных действий: «Исходной точкой нашей постановки вопроса должно явиться подтверждение солидарности видов и намерений национального движения с целями союзников. Мы одина-

[41] Внешняя политика 1929. С. 75-76.
[42] Дэвис, Трани.2002. С. 312.
[43] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 40.
[44] ГАРФ. 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 54.
[45] Там же. Л. 68.
[46] АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540. Л. 38 об.

ково стремимся к окончанию гражданской войны, и никто более нас не хочет замирения и успокоения России. Вместе с союзниками мы видим замирение России в осуществлении народного суверенитета. Гражданская война обуславливается большевистским режимом, нарушившим органическое перестроение России на новых началах. Большевистскому режиму для успокоения страны должен быть положен конец»[47].

Практическую задачу на ближайшее время посол видел в том, чтобы добиться от союзников решительного и бесповоротного осуждения режима «террора, произвола и классовой диктатуры» и категорического заявления о том, что советское правительство не будет признано ни при каких обстоятельствах. Трезво оценивая положение дел, дипломат понимал, что в политике вообще, а в данной ситуации возможно особенно, нельзя ограничиваться негативной стороной вопроса. Он признавал, что в сложившихся обстоятельствах союзные правительства не могут открыто делать ставку на какие–либо группы или правительства, вместо этого он предлагал противопоставить большевикам принятые в Западном мире «разумные принципы демократии» (например, свободные выборы в Учредительное собрание), против которых выступали большевики, и допуск которых советской властью привел бы к неминуемому краху режима. Политик считал, что объединенным правительствам несложно будет доказать свою приверженность такой программе[48].

Добились ли дипломаты своей цели? Внешне – да. Однако с точки зрения собственно международных отношений то была Пиррова победа.

Позволю себе не согласиться с прочно держащимся в историографии суждением, что план Принкипо был задуман исключительно против Советской власти в России[49]. В таком случае непонятно, почему этот шанс не был использован? Более того, не были выполнены необходимые условия для его осуществления – ведь приглашение в Москву так и не было послано. А когда большевики все-таки ответили, ничего не было сделано для их дискредитации. Возможно, все встанет на свои места, если взглянуть на этот проект с другого ракурса.

Если план проведения конференции на Принцевых островах рассматривать в контексте борьбы русской дипломатии за участие в мирной конференции, то следует признать, что это была замечательно задуманная и проведенная комбинация союзников, которая позволила, не давая отказа, не порывая в условиях неясного итога гражданской войны с политическим лагерем, олицетворявшим историческую Россию, навсегда похоронить ее претензии на равноправное участие в решении судеб послевоенного мира.

---

[47] ГАРФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.
[48] Там же. Л. 1-5.
[49] Штейн 1947, Листиков 2009(б). С. 21.

Французский дипломат Тардье еще в начале февраля весьма точно спрогнозировал ход событий. В беседе с Сазоновым он выразил уверенность, что «когда вопрос Принкипо будет похоронен, у конференции не будет другого выхода, как признать какое-либо из русских правительств и «допустить его представителей на конференцию для выслушивания их точки зрения по поводу русских дел». А когда Сазонов выразил сомнение в том, будет ли «достойно великой державы – России – являться на конференцию в роли маленькой страны, докладывающей о своих делах для разрешения их другими», он жестко расставил точки над «и», разъяснив, что данный выход будет единственным и он советует им воспользоваться[50]. Реальность оказалась еще жестче. Когда вопрос о конференции на Принцевых островах был снят с повестки дня, проблема официального участия России в мирной конференции уже никем всерьез не рассматривалась. Перед русскими политиками встали задачи совсем иного порядка, прежде всего – борьба за сохранение территории страны в довоенных границах. Ни одно из Белых правительств пока шла конференция, так и не было признано, а русской делегации пришлось довольствоваться выступлениями в некоторых комиссиях, которые рассматривали вопросы, связанные с судьбой территорий, входивших в состав Российской империи, и проявили готовность выслушать русскую точку зрения.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 187. Оп. 524. Д. 3540.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 16.
ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1 Д. 58, 59, 119, 262, 265, 442, 607.
ГА РФ. Ф. 5805. Оп. 1. Д. 9.
ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 223.
Leeds Russian Archive (LRA). MS 780/10.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берти. Ф. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже (1914–1919). М.: Государственная публичная библиотека, 2014.
Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (из документов Парижского посольства // Красный архив 1929 № 6 (37). С. 69-101.
Документы внешней политики СССР. (ДВП) Т. 2. М., 1958.
Ллойд Джордж. Правда о мирных переговорах. Т. 1. М., 1957.
Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1945.
Тардье А. Мир. Госполитиздат, 1943.
Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Наука, 1982.
Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Милюков против Советской России. М.: Наука, 1989.
Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. М., Олма-Пресс, 2002.
Листиков С.В. Президент В. Вильсон, русские небольшевистские силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник 2007. М.: ИВИ РАН, 2009а. С. 260-286.
Листиков С.В. Мир без России: Представительство Белого Движения на Парижской мирной конференции// Вестник МГИМО университета 2009(б) № 1. (4) С. 13-26.

[50] ГАРФ 6094. Оп. 1. Д. 223. Л. 28.

Лившиц С.Г. К истории переговоров о созыве конференции на Принцевых островах // Барнаульский педагогический институт. Ученые записки. Т.19. 1972. С. 34-68.
Полнер Т.Е. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001.
Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926.
*Смолин А.*В. У закрытых дверей версальского дворца. СПб.: Наука, 2017.
Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л., 1969.
*Шмелев А.*В. Внешняя политика правительства Колчака (1918–1919 гг.) СПб.. Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.
Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949.
Штейн Б. Дипломатия Антанты и проект конференции на Принцевых островах // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 25-52.

REFERENCES

Berti. F. Za kulisami Antanty: Dnevnik britanskogo posla v Parizhe (1914–1919). M.: Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka, 2014.
Vneshnyaya politika kontrrevolyucionnyh «pravitel'stv» v nachale 1919 g. (iz dokumentov Parizhskogo posol'stva // Krasnyj arhiv 1929 № 6 (37). S. 69-101.
Dokumenty vneshnej politiki SSSR. (DVP) T. 2. M., 1958.
Llojd Dzhordzh. Pravda o mirnyh peregovorah. T. 1. M., 1957.
Nikol'son G. Kak delasya mir v 1919 g. M., OGIZ Gospolitizdat, 1945.
Tard'e A. Mir. Gospolitizdat, 1943.
Dumova N.G. Kadetskaya kontrrevolyuciya i ee razgrom. M.: Nauka, 1982.
Dumova N.G., Truhanovskij V.G. Cherchill' i Milyukov protiv Sovetskoj Rossii. M.: Nauka, 1989.
Devis D., Trani Yu. Pervaya holodnaya vojna. M., Olma-Press, 2002.
Listikov S.V. Prezident V. Vil'son, russkie nebol'shevistskie sily i konferenciya na Princevyh ostrovah // Amerikanskij ezhegodnik 2007. M. IVI RAN 2009(a). S. 260-286.
Listikov S.V. Mir bez Rossii: Predstavitelstvo Belogo Dvizheniya na Parizhskoy mirnoy konferentsii// Vestnik MGIMO universiteta 2009 № 1. (4) S. 13-26.M., 2009(b).
Livshic S.G. K istorii peregovorov o sozyve konferencii na Princevyh ostrovah // Barnaul'skij pedagogicheskij institut. Uchenye zapiski. T.19. Baraul 1972. S. 34-68.
Polner T.E. Zhiznennyj put' knyazya Georgiya Evgen'evicha L'vova. M., 2001.
Subbotovskij I. Soyuzniki, russkie reakcionery i intervenciya. L., 1926.
Smolin A.V. U zakrytyh dverej versal'skogo dvorcv. SPb.: Nauka, 2017.
Shishkin V.A. Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg. L., 1969.
Shmelev A.V. Vneshnyaya politika pravitel'stva Kolchaka (1918–1919 gg.) SPb.: Izdatel'stvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017.
Shtejn B.E. «Russkij vopros» na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919–1920). M., 1949.
Shtejn B. Diplomatiya Antanty i proekt konferencii na Princevyh ostrovah // Voprosy istorii 1947. № 3. S. 25-52.

***Миронова Елена Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН: alena.stankina@mail.ru*

Russian anti-Bolshevik diplomacy and the problem of the conference on the Princes' Islands

This article gives us a new way of looking at the debated historiography question about the conference on the Princes' Islands. This project is discussed in the context of Russian anti-Bolshevik diplomacy fight for the right to take part in the Versailles Peace conference. The article deals with rediscovered analytical notes of Russian diplomats, which were prepared during the conference and based on the outcomes of the discussion.

Keywords: conference on the Princes' Islands, Russian foreign diplomatic corps, RPC, allies, Sazonov, Girs, Bahmetev

***Elena Mironova**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: alena.stankina@mail.ru*

А. А. Щелчков

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ – “МЕККА” ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. ОБРАЗ СТРАНЫ–“МЕССИИ” В ТРУДАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ[1]

Латиноамериканская интеллигенция испытала огромное потрясение после первых известий о Российской революции 1917 г., а затем и провозглашения первого в мире социалистического государства. Первая влюбленность в «русский эксперимент» часто сменялась отрезвлением после личного знакомства с реалиями советского режима и его практикой. Первые очерки путешественников, посетивших Советскую Россию по линии Коминтерна или ВОКСа, их непредвзятый взгляд на российскую революцию привел к глубокому размежеванию среди латиноамериканской интеллигенции на тех, кто принимал все советское, и тех, кто занял критическую позицию. Одно оставалось неизменным – непрекращающийся интерес к происходящему в России и анализ сквозь призму русского опыта латиноамериканской действительности.

***Ключевые слова*:** *Советская Россия, латиноамериканская интеллигенция, образ идеального общества, ВОКС, Коминтерн*

Российская революция вызвала многочисленные отклики не только среди политических партий и движений, связывавших своё будущее с провозглашёнными ею целями, но также в широких слоях латиноамериканской интеллигенции. В одно мгновение Россия превратилась в страну-«мессию», несущую освобождение миру. Многие интеллектуалы обратились к образу страны, удивлявшей мир призывом к построению нового общества. В книге «История XX века» Э. Хобсбаум отмечал центральное значение русской революции для понимания всего хода всемирной истории прошедшего, да и текущего века:

> «Казалось для всех очевидным, что старый мир уже приговорён к небытию. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорилось в Китае, “утратили мандат Неба”... Казалось, что нужен только один сигнал, чтобы народы поднялись и сменили капитализм на социализм, преобразовав невиданные страдания мировой войны в позитивное событие рождения нового мира. Этот сигнал дала русская, а точнее большевистская революция октября 1917 г., которая стала самым ключевым событием мировой истории после французской революции 1789 г... Последствия октябрьской революции были более глубинными и всеобщими, чем французской, её идеи продолжают жить и после исчезновения большевизма»[2].

Значение событий в России сразу поняли передовые люди во всех уголках мира. Интеллигенция стала первым получателем этого исторического послания из России и не могла остаться к нему равнодушной.

[1] Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект 19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы».

[2] Hobsbawm, 1995. P. 63.

Мы обратимся к личным впечатлениям от посещений страны Советов, хотя затронем и посвященные революционной России тексты популярных среди латиноамериканской публики авторов, которые никогда в России не были, но формировали общественное мнение. И все-таки предпочтение будет отдано текстам тех, кто побывал в России и оставил литературное свидетельство об этом, ибо, как писал аргентинской историк Хорхе Монтелоне, «без рассказа о путешествии и его самого как бы не было», но при этом «в любом путешествии реальное и воображаемое, материя, время и пространство вступают во взаимозависимость»[3]. Для нас важно не находить ошибки, преувеличения или замалчивания, а представить систему образов Советской России, которые формировались через печатные тексты, прессу, толстые журналы, создавая «коллективное воображаемое» о стране в Латинской Америке.

Первые впечатления часто обманывают

Самым влиятельной, имевшей континентальный резонанс была книга аргентинца Хосе Инхеньероса «Новые времена», в которой перед читающей публикой предстал новый лик России, страны революции и прообраз будущего для всего человечества, страны, в которой восходила заря всеобщей духовной революции[4]. Для этого автора Россия несла свет и приносила себя в жертву, что было заложено в характере русского народа, «мессии» и жертвы, а значение революции состояло в «духе обновления, которое уже сформировало новое сознание морали во всем человечестве»[5]. В работе «Моральные силы революции», посвященной трёхлетию революции в 1920 г., Инхеньерос поставил достижения русских революционеров выше свершений Христианства, Возрождения и Французской революции. Признав, что не имеет полной и достоверной информации о революции в России и большевистском режиме, получая ее лишь от противников нового революционного режима, a priori соглашался с возможными жестокостями и эксцессами революции, так она принесёт новую эру народам, ведь и французская революция, результатами которой пользуется все человечество, пролила реки крови[6].

Инхеньерос обращал внимание латиноамериканцев на главные лозунги новой власти в России – они касались создания нового человека, проведения культурной революции в одной из самых отсталых стран Европы. Он писал об «интегральном просвещении», о системе, которая превратит гражданина в созидательного и полезного члена общества[7]. Революционный дух реформы просвещения в России привлекал в рус-

[3] Montelone, 1998. P. 14.
[4] Подробно об этой важной книге Х. Инхеньероса. и его взгляде на Русскую революцию см.: Щелчков, 2018. С. 155-171.
[5] Ingenieros, 1921. P. 11-12.
[6] Ibid., P. 59.
[7] Ibid., P. 10-11.

ской революции и тех, кто ей симпатизировал, и тех, кто её яростно критиковал, как например, мексиканец Х. Васконселос, писавший, что мексиканские интеллектуалы убивали время в дискуссия о «Советах», о революции, о Ленине, но главное, что нужно было обсуждать – это реформы просвещения Луначарского[8].

Тему революции в сфере просвещения в Советской России поднимал влиятельный во всех странах региона, знаменитый коста-риканский журнал «Repertorio americano», на страницах которого регулярно появлялись статьи о советских реформах в вопросах школы и воспитания молодёжи, о первостепенности дела просвещения в созидании нового человека[9]. Особый интерес вызывали эксперименты в области просвещения и воспитания, как например, детская самоуправленческая коммуна в Ясной Поляне, основанная на принципах трудового воспитания: «Дух Толстого витает над этими опытами коммунистической педагогики»[10]. Цели этих усилий нового государства состояли в распространении моральных принципов, необходимых при построении нового общества[11]. Латиноамериканские интеллигенты были охвачены энтузиазмом и верой в революционный дух советских экспериментов в деле формирования нового человека и новой, не опирающейся на религию, морали.

Новый подход к просвещению, создание новой школы на основе унификации, технологии, а главное трудового воспитания были в центре внимания латиноамериканских интеллектуалов с первых лет русской революции. Аргентинская «Claridad» подчеркивала революционный характер школьной реформы в России, ее обращение к ценностям труда и Коммуны как принципа сосуществования учеников, создание «школьного самоуправления» для подготовки молодых граждан к солидарной и коллективистской жизни в новом обществе, контуры которого были ещё не совсем ясны. Отмечались отказ от наказаний и домашних заданий и прочие новшества в школьном деле[12].

В начале 1920-х гг. в Южной Америке были опубликованы первые очерки с впечатлениями очевидцев о происходившем в Советской России. Наиболее известны и популярны были труды испанцев Ф. Де лос Риоса и Л. Аркистайна. А собственно первым, правда «условным», латиноамериканцем был Михаил Комин-Александровский, эмигрант из России, давно живший в Аргентине. В 1921 г. он опубликовал свои заметки о путешествии в Советскую Россию.

Комин-Александровский окольными путями, через Закавказье, прибыл в Россию, когда ещё на юге шла гражданская война. Комин был

---

[8] Vasconcelos, 2011. P. 19-20.
[9] Repertorio Americano. Vol. 1. No. 16. 1 de abril, 1920. P. 246.
[10] Repertorio Americano. Vol. 1. No. 16. 1 de abril, 1920. P. 251.
[11] Repertorio Americano. Vol. 1. No. 19. 15 de mayo, 1920. P. 293-294.
[12] Claridad. Buenos Aires. No. 4. 19 de marzo, 1920. P. 11.

исполнен энтузиазма и даже нехватка всего необходимого, деградация системы обеспечения и обмена, честно описанные автором, казались незначительными деталями в общей панораме революционных изменений на его бывшей родине[13]. Буквально все у него вызывало энтузиазм, а трудности казались временными. Он описал новые коммунальные квартиры рабочих в бывших апартаментах буржуазии с общими столовыми и библиотеками как некое великое достижение коллективизма и нового быта. И главное – все обращались друг к другу словом «товарищ»[14]. Именно эта эмоциональная атмосфера позволяла Комину не видеть ничего реально омрачавшего жизнь людей.

Более комфортно автор чувствовал себя в описании культурной жизни Москвы: действительно, новые театры и артистические группы повсюду удивляли экспериментированием и своим изобилием, открывались художественные кружки, выставки и библиотеки. Культурный подъем нового государства производил огромное впечатление, создавал атмосферу надежды на будущее. Москва показалась ему спокойным городом, где исчезла уличная преступность, пьянство и проституция как пороки капитализма[15]. По крайней мере, он так хотел представить идеальное государство рабочих. Все усилия «друзей Советской России» в первые годы ее существования были направлены на политическую агитацию и создание некого идеального образа нового общества равенства, благосостояния и социальной гармонии, а видимые, невозможные для умолчания недостатки и противоречия, несовместимые с идеальной схемой, сопровождались пространными объяснениями объективных, как правило, внешних причин, и убеждением в их временности.

Такие же восторженные и полные надежд на «светлое будущее» коммунизма впечатления изложил в своих путевых заметках лидер аргентинских коммунистов Родольфо Гиольди, побывавший в Москве и Петрограде в 1921 г. Надо признать, что после дежурных славословий великому делу большевиков самые яркие строки Гиольди посвятил реально впечатлившим его событиям, связанным с Коммунистическим конгрессом женщин, с волновавшей его проблемой женского равноправия, о чем даже многие левые политики в Латинской Америке в то время ещё мало задумывались. Из его работы видно, что равенство в России завоевывало самое сложное пространство семьи и положения женщин. Огромное впечатление на него оказали русские борцы за женское равноправие, прежде всего Александра Колонтай[16]. Надо отметить, что в вопросах культуры, просвещения, освобождения семьи и других гу-

[13] Primeros viajeros al País de los Soviets, 2017. P. 32.
[14] Ibid., P. 34.
[15] Ibid., P. 35.
[16] Ibid., P. 66.

манитарных вопросах, в отличие от казенных оценок политических и социальных аспектов жизни советского общества, энтузиазм коммунистических путешественников был более искренен и подлинен.

Иное дело – описание посещения Советской России непартийными деятелями, как например, аргентинского анархо-синдикалиста Аугусто Пеллегрини, который рассматривал свою поездку в 1922 г. как «поиск правды» о пролетарской России. Он был полон сомнений относительно правоты большевиков в подавлении восстания в Кронштадте, и явно симпатизировал любым народным движениям, особенно если они были направлены против партийной или какой-либо иной бюрократии. Уже в 1922 г. Коминтерн и все советские учреждения производили на Пеллегрини впечатление заскорузлой и мертвой бюрократии. Зато посещая заводы, рабочие профсоюзы, аргентинец чувствовал себя счастливым, лишь отмечая, что по возвращении в гостиницу у него сильно болели руки от бесконечных твердых рукопожатий сотен рабочих. Другое забавное наблюдение аргентинского анархиста: повсюду поют хором – на улицах, на площадях, в колоннах, все бесконечно поют революционные песни. Пеллегрини отметил благотворное воздействие НЭПа на страну: Петроград полностью ожил – торговля, транспорт, гуляющие толпы людей, общее настроение подъема. Надолго ли? В отличие от «политических туристов»–коммунистов, анархист более взвешенно оценивал общую поддержку режима со стороны народа и пролетариата, отмечал, что встретил немало рабочих, с возмущением говоривших о глупости, догматизме новой диктатуры, «советской тирании». И действительно, закончилось ли неравенство с победой революции? На словах – да, а на деле – руководство (партийцы и гости Коминтерна) ехали в Москву в комфортабельном вагоне, куда не допускались ни крестьяне, ни простые люди, которые штурмовали теплушки и занимали даже крыши вагонов[17].

Большое влияние на латиноамериканцев оказали работы испанского социалиста Фернандо де лос Риоса, который побывал в России в 1920 г. и издал очень критическую к большевикам книгу в 1921 г. Отрывки этой книги публиковали самые популярные среди латиноамериканских интеллигентов издания, такие как «Repertorio Americano».

При всей своей критичности к советскому эксперименту социалисты и левые интеллектуалы сохраняли чувства симпатии к России и прежде всего к ее культуре и тому социальному вызову, который ассоциировался с революцией. Ф. де Лос Риос писал о благодарности русской культуре, о наследии великих писателей и мыслителей: «Мы все должны испытывать чувство благодарности России, …несмотря на те огромные ошибки, которые были у её революции, пришло время заду-

[17] Ibid., P. 97–102.

маться над ними, над тем, что в области духа она стремилась свершить. Пришло время для развития чувств братства, и это – единственное, что может внушить уверенность в светлом, более гуманном будущем»[18].

Создатель идеологии индоамериканизма, перуанец Виктор Рауль Айя де Ла Торре был настолько увлечен Российской революцией, что вступил в эмиграции в Мексиканскую коммунистическую партию и побывал в Советской России в качестве делегата конгресса Профинтерна[19]. Айя де Ла Торре сформулировал отношение левых сил Латинской Америки к Российской революции. В 1924 г. он писал: «Я должен изложить свои впечатления в отдельной книге, которую я подготовлю после поездки по ряду регионов страны советов. Её значение больше, чем какой-либо книги о путешествиях. Как Мексика важна для Америки, так Россия для всего мира. В Мексике началась социальная революция латиноамериканского типа, и в России идет новая революция универсального типа, которая поменяет все приводные ремни истории»[20]. Делясь впечатлениями от путешествия в Россию в самых читаемых интеллектуальных журналах континента, он выражал воодушевление в связи с молодостью русской революции, энтузиазмом масс (прежде всего молодежи), программой просвещения, задуманной большевиками, ибо культурная революция была самой важной в созидании главной цели революции – создании нового человека[21]. Молодежь – вот главное оружие «советов», и в Латинской Америке движение Университетской реформы подтверждало правоту выбора большевиков.

Культурная революция, положение и равноправие женщин, новый взгляд на семью, на воспитание детей и брак вызывали неподдельный интерес не только левых интеллектуалов, но и в целом в общественной среде латиноамериканских стран. Один из репортажей о положении в Советской России начинался сюжетом: русский крестьянин заявлял американскому журналисту, что самое большое изменение в их жизни состояло в том, что теперь он не мог безнаказанно бить свою жену[22]. Развод в России стал обыденным делом, рассматривался как «аннулирование брачного согласия, данного ранее» и не нес никаких ограничений в свободе нового брака для бывших супругов. Власти не вмешиваются в обстоятельства развода, занимаясь только охраной прав детей. Самое удивительное и революционное в подходе к равенству полов в браке аргентинцы увидели в одном случае судебной практики в Москве, когда алименты по содержанию общей квартиры и детей были присуждены не жене, а мужу, так как он зарабатывал значительно меньше нее, что озна-

[18] Repertorio Americano. Vol. IV. No. 8. 15 de mayo, 1922. P. 102.
[19] Янчук, 2007. С. 159.
[20] Цит. по Aricó, 1991. P. 20.
[21] Repertorio Americano. San José (Costa Rica). Tomo X. No.16. 29 de junio de 1925.
[22] Atlántida. Buenos Aires. No. 477. 2 de junio de 1927. P. 19.

чало «конец сексуального рабства женщин в традиционной семье». Новая мораль, заключал автор, состояла не только в полном равенстве, но и в честности отношений, которые переставали зависеть от тысяч материальных условий, внешних и внутренних предрассудков людей. В результате, женщины не стремятся своим кокетством и соблазнением привлечь в себе мужчину, а сближаются с ним на основе общих интересов в работе и досуге, по взаимной симпатии[23]. Лево-социалистическая «Claridad» приветствовала освобождение женщин и новый взгляд на семью и брак в России, подчеркивая не только юридическое равенство в браке, но и заботу государства о детях и защиту материнства. Газета приводила известный лозунг: «Дети – цветы жизни»[24]. Католическому ригоризму и предрассудкам аргентинского общества противопоставлялся иной образ свободы личности не только в политике, но и в социальной, бытовой, культурной среде, а главное – освобождение от супружеского рабства.

ВОКС: пропаганда и конструирование образа «новой России»

Через ВОКС (Всесоюзное общество связей с заграницей) почти недоступную новую Россию стали посещать иностранные туристы, чьи репортажи и фото-свидетельства занимали центральное место в прессе, так, в 1926 г. журналы Буэнос-Айреса писали о посещении Москвы и Ленинграда большой группой аргентинцев[25]. Туристы не церемонились и высказывались крайне критично о положении в стране – об этом сообщали переводчики. ВОКС, тем не менее, больше внимания обращало на симпатизирующих советской власти и способствовало созданию внепартийной сети Обществ друзей Советской России. В Аргентине такое общество было создано в мае 1925 г. В письме в ВОКС было заявлено, что цель общества – «вести пропаганду и информировать страну о той работе, которая сейчас ведется в Советской России в политической, экономической и культурной сферах»[26]. Тогда же было принято решение об издании журнала «Revista del Oriente», который вел пропаганду достижений советской России, прежде всего в гуманитарной сфере, и привлек на сторону коммунизма и советского проекта видных деятелей интеллигенции. Во главе журнала встал «проверенный друг» СССР Артуро Орсабаль Кинтана, который не был членом политических партий и отмежевывался от компартии[27]. В Москве с энтузиазмом поддержали эту инициативу «друзей СССР» из самой богатой и влиятельной страны Латинской Америки[28]. Приветственное письмо журналу «Revista del

[23] Atlántida. Buenos Aires. No. 477. 2 de junio de 1927. P. 20.
[24] Claridad. Buenos Aires. No. 5. 10 de abril, 1920. P. 9.
[25] Atlántida. Buenos Aires. No. 447. 4 de noviembre de 1926. P. 37.
[26] ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 12.
[27] Ávila, 2015. P. 166.
[28] В феврале 1926 г. такое же общество было создано в соседнем Уругвае. – ГАРФ. Ф. 5283, оп. 2, д. 17. Л. 109.

Oriente» подписал Луначарский, а ВОКС предложило помощь. Через подставное берлинское Торгово-промышленное общество Aufbau в Аргентину переводились средства, выделяемые Заграничной комиссией ЦИК[29]. Коммунисты Аргентины просили советские власти оказать помощь обществу, которое позволяло им расширять влияние партии среди «попутчиков», стоявших пока вне политической работы[30]. В ВОКСе обуславливали материальную помощь соответствием публикаций в журнале «генеральной линии» партии. Для контроля начальница ВОКС О.Д. Каменева требовала присылать журнал в Москву через всё ту же берлинскую фирму[31]. Советские чиновники были удовлетворены содержанием журнала, полного фоторепортажей, восторженных статей о советской власти и международной ситуации в духе её интерпретации Коминтерном. Каменева написала для журнала статью о советско-аргентинских связях, сделав упор на культурном обмене. Статья, по сути, была отчетом о деятельности ВОКС в европейских странах и призывом через культуру и гуманитарные связи способствовать налаживанию межгосударственных контактов между СССР и Аргентиной[32]. В ответ Общество друзей СССР направляло в Конгресс Аргентины требования признания СССР и установления дипломатических отношений[33].

Издатель «Revista del Oriente» Орсабаль Кинтана во время пребывания в Париже в 1910–1920 гг. увлекся левыми идеями, а в ходе революционных событий в России испытал, как и многие латиноамериканские интеллектуалы, проживавшие в Европе, влияние Анри Барбюса и Ромена Роллана, возглавлявших дело поддержки Русской революции и идей большевизма в непартийной среде «попутчиков». В Аргентине Орсабаль был близок Х. Инхеньеросу, считал себя его учеником и сподвижником в поддержке Советской России, хотя никогда не вступал в ряды компартии. На культурно-просветительском и публицистическом поприще он принес коммунистам гораздо больше пользы, чем если бы открыто вступил в партию: под его руководством «Revista del Oriente» обращался к более широкой аудитории, особенно к интеллигенции и студенчеству. К этому времени Орсабаль, хотя и не принял большевистской ортодоксии, стал активным защитником антикапиталистического эксперимента в России – как социального, так и эстетического[34].

Журнал много места отводил успехам ликвидации неграмотности, школьной реформе, культурным процессам в Советской России, политике Пролеткульта и авангардистской эстетике, что вызывало интерес у

[29] ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 14–17.
[30] ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 23.
[31] ГАРФ. Ф. 5283, оп. 3, д. 9. Л. 29–30.
[32] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 13.
[33] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 28.
[34] Ávila, 2015. P. 172-173; Lucía, 2012. P. 10.

образованной публики и деятелей культуры[35]. Особое внимание уделялось авангардистским поискам русских художников: подробный очерк о выставке Нового советского искусства во Флоренции сопровождался большой коллекцией иллюстраций работ Фалька, Анненкова, Экстер и др.[36] О путях развития советской культуры, новых направлений в искусстве специально для этого журнала писал А. Луначарский[37]. Искусство рассматривалось издателями как средство привлечь молодежь, студентов и передовых рабочих на сторону революции. На страницах журнала печатались работы молодых советских авторов – М. Зощенко[38], И. Бабеля[39], Вс. Иванова[40]. Для него также писали выдающиеся представители латиноамериканской мысли – Х.К. Мариатеги, В.Р. Айя де ла Торре, Диего Ривера. В этом аргентинском журнале печатались и представители партийной «левой оппозиции» (троцкисты), чего не могли себе позволить органы компартии и Коминтерна: в частности, там появилась большая статья Виктора Сержа (Кибальчич) о роли и месте интеллигенции в революции[41]. Острые вопросы, которые могли вызвать недоверие к журналу в случае прямой пропаганды, такие как антирелигиозная политика советской власти, о чем много писали консервативные издания, либо игнорировались, либо подавались нейтрально. Борьба с религией отсутствовала на страницах журнала, но он не мог пройти мимо этой темы. СССР представлялась исключительно как идеальное воплощение принципа отделения церкви от государства, и не более[42].

Эпопея просвещения, расцвет новой культуры, театра, литературы привлекали внимание не только интеллектуалов, но и латиноамериканских рабочих-синдикалистов, изумлявшихся размаху культурных событий и свершений культурной революции в Советской России. В 1927 г. на празднование 10-летия Октября Коминтерн и ВОКС пригласили не только партийных деятелей, но и союзников – синдикалистов, и «попутчиков» – интеллигентов. В аргентинской делегации был рабочий, профсоюзный руководитель Абрам Резник, человек образованный и интересующийся культурой. По возвращении он опубликовал в 1929 г. заметки, в которых важное место заняли его впечатления от «театральной революции» в Советской России. Фактически, это сборник рецензий, сделанных Резником, посетившим множество театральных постановок. Так как он происходил из семьи русских евреев, то обходился без пере-

[35] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 33–34.
[36] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 14–16.
[37] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 3. Agosto de 1925. P. 4–5.
[38] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 30.
[39] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 30-31.
[40] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 4. Octubre de 1925. P. 28–29.
[41] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 5. Noviembre de 1925. P. 20–21.
[42] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 2. Julio de 1925. P. 22.

водчика. Резник с удовлетворением и радостью отмечал переполненные залы всех московских театров и их доступность по цене билетов для широкой публики. Постановки Мейерхольда он называл не иначе как «революционные» и «воспитывающие новое художественное чувство». Если стилистика Мейерхольда поражала, удивляла, приводила в восхищение, то наибольший интерес вызвали мхатовские постановки, в частности, пьеса Вс. Иванова «Бронепоезд 14.69»: Резник подробно описал фабулу и режиссуру спектакля, привел диалоги[43]. Труд Резника вызвал большой интерес среди аргентинской интеллигенции, всегда внимательно следившей за новинками русской литературы и театра.

«Revista del Oriente» отличался вниманием к достижениям советского театра, таким великим фигурам театрального дела как Мейерхольд и Таиров. Обширные статьи на эту тему сопровождались богатым иллюстративным материалом. Особо отмечалась доступность театральных зрелищ, так как часть билетов бесплатно распределялись среди рабочих заводов и фабрик[44]. Россия представала как «рай» освобожденной от власти денег культуры, расцветшей в стране Советов.

Такой образ России, достижения страны в области культуры и просвещения завоевывали гораздо больше сторонников, нежели прямолинейная политическая пропаганда местных коммунистов, побывавших в СССР, что прекрасно понимали в ВОКС. Журнал предоставлял возможность аргентинским коммунистам публиковать свои материалы, но лидеры партии, как например, В. Кодовилья, всегда выступали от имени МОПРа или иных «скрытых» коммунистических женских или студенческих организаций, и никогда от лица компартии, что помогало делу пропаганды более, нежели прямая партийная агитация.

В 1927 г. ВОКС пригласило на юбилей революции обширную делегацию латиноамериканцев[45]. Многие приглашенные затем написали тексты, опубликованные как отдельными книгами, так и сериями статей в рабочей прессе. В них наряду с клише, свойственным партийным деятелям, были и некоторые критические замечания. Этим отличились аргентинец Мануэль Угарте и кубинец Серхио Карбо. Кубинский коммунистический лидер Х.А. Мелья и С. Карбо посещали одни и те мероприятия, однако, если у Мелья все соответствовало официальной советской доктрине «рабочего рая», то Карбо отмечал, что на заводах «рабочие жаловались на низкие зарплаты, на то, что их протесты игнорируются начальством», и с иронией описывал роскошные приемы, организованные ВОКС в Москве. Такая коррекция восторженного образа не

[43] Primeros viajeros al País de los Soviets, 2017. P. 117–124.
[44] Revista de Oriente. Buenos Aires. No. 1. Junio de 1925. P. 20–21.
[45] Подробно о перипетиях в связи с составом латиноамериканской делегации со стороны Коминтерна и ВОКС см.: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2014. С. 266–291.

вписывалась в планы ВОКС и Коминтерна. Карбо даже покусился на самое «святое»: он писал, что в стране, где отвергают всякое религиозное поклонение и иконопочитание, повсюду видны примеры превращения Ленина в «религиозного идола»[46]. Карбо делал вывод, что русский опыт не подходит Кубе и Латинской Америке, и надо искать свой путь, что было само по себе еретической мыслью.

Среди приглашенных на 10-летие революции в Москву был выдающийся аргентинский мыслитель Мануэль Угарте. До 1917 г. Угарте жил в Париже, где был знаком и дружил со многими русскими социалистами всех мастей. Его симпатии были на стороне Плеханова. Он общался с Анжеликой Балабановой. С победой большевистской революции Угарте был сразу же насторожен репрессиями новой власти в отношении своих старых знакомых социалистов, меньшевиков, его беспокоила судьба Плеханова[47]. И все же он с надеждой взирал на процессы обновления в России. В 1927 г. по приглашению ВОКС он отправился в Россию. Именно в Москве Угарте, уже будучи знаком ранее, по-настоящему сдружился с А. Барбюсом. Там же он познакомился с Диего Риверой. Все они жили в одной гостинице. С большим сарказмом Угарте вспоминал свой с Барбюсом визит в НКИД к Чичерину. На его предположение, что со временем «советы» восстановят свободу прессы, Чичерин расхохотался, заявив, что такой свободы нет нигде. В ответ Барбюс слегка улыбнулся. Для Угарте, полного симпатий к русскому эксперименту, это был приговор большевистскому режиму[48], тем не менее за ним закрепилась репутация агента Москвы[49]. Для Угарте Российская революция была грандиозным, но исключительно национальными явлением, а для Латинской Америки её опыт был малозначим[50].

Десятилетний юбилей революции в 1927 г. не остался незамеченным латиноамериканской прессой, «толстыми» журналами, являвшимися важнейшими инструментами формирования общественной мысли и социального проектирования в обществах континента. Такой важной институцией был перуанский журнал «Mercurio Peruano», который издавал человек – символ «поколения 1900 г.», выдающийся социал-христианский мыслитель Виктор Андрес Белаунде[51]. Перуанский журнал, посвятил весь номер России. Открывая целую серию статей, призванных разгадать «русскую душу» и секрет русской истории, редакция журнала заявляла: «Русский феномен – это не только социальная рево-

[46] Muñiz, 2015. P. 50–51.
[47] Ugarte, 1978. P. 314.
[48] Ibid. P. 312.
[49] Ibid. P. 331.
[50] Ugarte, 2010. P. 128.
[51] Следует отметить, что В.А. Белаунде в послевоенное время был генсеком ООН.

люция, которую переживает последние годы Россия, а весь комплекс религиозных, художественных и моральных ценностей, в которых русский народ выразил свою странную душу и глубокую драму жизни»[52]. В центре внимания перуанских интеллектуалов оказались проекции на современность великих русских писателей и философов: Достоевского, Толстого, Вл. Соловьева, Л. Андреева, М. Горького, А. Белого, поэтов серебряного века З. Гиппиус, В. Брюсова, Н. Гумилева, А. Блока и других. Не остались без внимания достижения в музыке, в первую очередь революционные опусы Стравинского. Анализ советского опыта присутствовал, но как отражения глубинных вековых процессов в области духа, как отражение утопических устремлений, заложенных в культурном коде русских. Для оценки России, призывал автор журнала, нельзя ориентироваться ни на сторонников, ни на противников Русской революции, ибо страна больше и значительней для мира, чем простая политическая конъюнктура[53].

Аргентинские интеллектуалы также искали истоки русского коммунизма в литературе и культуре страны. Они обращались к работам русских литераторов, в частности, Максима Горького, для понимания истоков большевизма и перспективы развития советской России. Многие видели лишь поражения и безысходность террора[54]. Все усилия ВОКС и сторонников «советов» не смогли преодолеть раскол в среде интеллигенции, большая часть которой проделала путь от симпатий к критическому взгляду, однако симпатия к России, советской или антисоветской осталась записанной в культурные коды латиноамериканцев, что вполне очевидно сохранилось до сегодняшнего времени.

Эудосио Равинес. Особый взгляд после подвалов Лубянки

Впервые лидер перуанских коммунистов Эудосио Равинес был приглашен в СССР на празднование десятой годовщины Октября. Когда он пересек границу СССР, то сравнивал свои эмоции с теми, которые, как он предполагал, испытывали средневековые крестоносцы и пилигримы, вступая на Святую землю. Казалось, что там веял особый ветер, по-особому выглядела земля, деревья и все окружающее[55]. Однако главным впечатлением от родины мирового социализма была повсеместная нужда, разруха и голод. Даже высшие чиновники Советского государства (например, на даче у Зиновьева), хотя явно не голодали и обильно кормили гостя, жили в скромных условиях. Правда, его приятно удивила простая обстановка и быт высших деятелей СССР[56].

---

[52] Mercurio Peruano. Lima, 1927. Vol. XVI. No.113–114. P. 401.
[53] Mercurio Peruano. Lima, 1927. Vol. XVI. No.113–114. P. 472.
[54] Atlántida. Buenos Aires. No. 429. 1 de julio de 1926. P. 14.
[55] Ravines, 1952. P. 134.
[56] Ibid. P. 144–145.

Равинесу, как и другим членам латиноамериканской профсоюзной делегации предложили поездку на Юг России и в Закавказье. Первым пунктом оказалась Тула, где гости Профинтерна посетили обычную деревню. Равинес был потрясен увиденным: «Пожалуй, никогда в жизни я не видел более ужасающей и страшной картины нищеты: оборванные, истощённые, грязные подобия людей. Мы не рассчитывали увидеть эту дантову картину ада. Казалось, что война только прошла по улицам поселка». На высказанное удивление от увиденного сопровождавший их сын переводчицы ответил: «В России везде так», – за что получил суровую отповедь матери[57]. Делегатов Коминтерна привезли в одно коллективное хозяйство, где они встретили председателя, окруженного большой толпой местных крестьянок, которые кричали и протестовали. Они жаловались на тяжелый труд и ужасный продовольственный паек. Это было неожиданно для организаторов, которые пытались объяснять все саботажем со стороны кулачества. Контрастом этому сюжету был визит в образцовое хозяйство «Гигант», где кругом были клумбы с цветами, опрятные дома и дороги. Равинес и его товарищи по поездке искренне верили, что именно таким будет будущее, а ужасы сегодняшней деревни в России, которые они тоже видели, будут преодолены[58].

На протяжении всего пути организаторы поездки хотели показать самое лучшее и передовое: «Лучшие металлургические заводы, лучшие фабрики сельского инвентаря, лучшие дома отдыха, лучшие санатории и клубы. Но на всем этом был низменный отпечаток примитивизма, грубости и полного отсутствия вкуса. Это было огромное пространство печали, где люди как черви ведут самую ничтожную жизнь на пороге трагедии, будто бы перед лицом неминуемой смерти»[59].

Среди этого ужаса и депрессии, среди все ещё зияющей язвами нищеты обыденности контрастом, шокирующим и порой невероятным для путешествующих, были речи сопровождавших их функционеров и партийных деятелей на местах, с которыми они встречались. Все выражали убежденность в скором приходе всеобщего счастья и благосостояния. Руководители партии и колхозов заявляли, что народ не понимает своего будущего счастья и не хочет страдать во имя какого-то счастливого будущего[60]. Посреди рудиментарных фабрик и нищих деревень как религиозный символ веры звучали слова партийных руководителей: «Мы сделаем из России то, чем являются сейчас США. Соединим американскую технологию и социализм!». Российские коммунисты преклонялись перед техническими достижениями Запада и не видели

[57] Ibid. P. 46.
[58] Ibid. P. 149-150.
[59] Ibid. P. 147.
[60] Ibid. P. 152.

без их использования никакого будущего для того нового общества, которое они строили. Препятствий на этом пути русские видели немало, однако, Равинес отмечал, что главным была «вечная русская лень». Он с удовольствием приводит цитату одного из собеседников: «Нам русским нравится много мечтать и мало работать». И после этих слов все предались безудержной выпивке[61]. Совпавший с празднованием десятилетия Октябрьской революции визит Равинеса, помимо знакомства с советской реальностью, удивил политическими потрясениями. Первое место в его воспоминаниях занимает описание антисталинской демонстрации рабочих Москвы, которая, по его мнению, заставила режим смягчить политический террор и направить репрессивную машину против нэпманов и кулаков, и лишь через несколько лет, укрепившись, сталинская бюрократия развязана террор против самих коммунистов[62].

Второй раз Равинес попал в СССР в 1934 г. после побега из тюрьмы в Перу. После обследования в кремлевской больнице его отправили в санаторий в Сочи. Он попал в райское место, отдыхал и лечился почти во дворце, в шикарных условиях, но там уже не встретил ни одного рабочего, колхозника или красноармейца. Вокруг него в санатории отдыхали «ответственные работники» и их семьи. На его недоуменные вопросы ему с улыбкой отвечали, что у рабочих и колхозников есть свои санатории. Несмотря на весь комфорт, Равинес отметил острую нехватку медикаментов, даже вата и бинты были дефицитными[63].

По возвращении в Москву Равинес, вместе с А. Барбюсом и Мао Цзэдуном был удостоен чести встретиться с самим Сталиным. Он работал в Коминтерне, готовил Третью латиноамериканскую конференцию компартий и 7-й конгресс. В декабре 1934 г. после убийства Кирова он стал свидетелем чисток в Интернационале, в частности присутствовал на собрании аппарата, на котором исключали из партии венгерского коммуниста и лидера Венгерской советской республики Бела Куна и многих других. Он был свидетелем, как из коминтерновского Hotel Lux (Центральный) увозили его коллег на Лубянку, и никто не вернулся.

В третий и последний раз Равинес прибыл в Москву зимой 1938 г. после Испании, где бушевала гражданская война. Он был потрясен нищетой и дефицитом после победных реляций о пятилетках и коллективизации: «Двадцать лет спустя после революции положение оставалось печальным: не только нищета и отсутствие самого необходимого, отчего страдали миллионы людей, но и атмосфера преследования и вездесущего глаза Лубянки»[64]. До тошноты раздражал культ Сталина: по-

[61] Ibid. P. 151.
[62] Ibid. P. 164.
[63] Ibid. P. 221.
[64] Ibid. P. 367.

всюду его портреты и славословия в честь вождя. Новым был облик Москвы: широкие проспекты, современные дома для номенклатуры в центре города. В витринах магазинов красовались портреты Сталина рядом с ничтожным выбором крайне неприглядной по качеству обуви или других товаров. Появились огромные очереди по утрам, когда в магазинах появлялся белый хлеб. Раньше такого Равинес не помнил. Также он обнаружил, что для аппарата появились свои распределители продуктов. Равинес отмечал социальное неравенство и пропасть в образе потребления и условий жизни в первом рабочем государстве на земле – комфорт аппаратчиков и нищету рабочих, по сравнению с которой жизнь рабочих даже в таких отсталых странах, как Перу, была лучше, чем в СССР. Больше всего шокировало то, что старые друзья отказывались принимать его у себя без указаний начальства. Однако самым острым впечатлением во время этого визита был его допрос в Кадровой комиссии и НКВД, и спасло его от дальнейшей печальной судьбы только вмешательство Димитрова. Поэтому самой большой радостью было решение Коминтерна вновь отправить его на работу в Чили, а самым волнующим воспоминанием – пересечение границы СССР, куда он никогда более не вернулся[65]. Ничто так не отрезвляло как прямой контакт со страшной сталинской действительностью.

Советская Россия после первой почти тотальной влюбленности со стороны латиноамериканских интеллигентов довольно быстро превратилась в предмет раздоров и вражды былых соратников и друзей. Личное и опосредованное через публикации посещавших «рабочий рай» писателей и журналистов знакомство с новой общественной реальностью одних оттолкнуло в ряды сомневающихся в «русском чуде», других – в лагерь убежденных противников коммунизма. Однако было немало тех, кто так и не смог снять «розовые очки», для них Россия так и осталась предметом восхищения, новой Меккой настоящей веры и прообразом будущего мира. На их восприятие уже не могли повлиять ни собственные впечатления на месте, ни рассказы других о советской действительности. Любую критику они воспринимали как заинтересованный, классово враждебный выпад, а неприятные очевидности готовы были объяснять, пользуясь пропагандистской фразеологией и вербальными конструкциями, предлагаемыми либо партийной литературой, либо услужливыми сотрудниками ВОКСа и Коминтерна.

Отношение к СССР навсегда разделило латиноамериканских прогрессивных интеллектуалов на два непримиримых лагеря. И это разделение не было преодолено даже после исчезновения самой страны Советов в конце XX в.

---

[65] Ibid. P. 424–425.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Празднование Десятилетия Октябрьской революции и развитие латиноамериканского революционного движения // Латиноамериканский исторический альманах. №14. 2014. С. 266–291 [Jeifets V.L., Jeifets L.S. Prazdnovanie Desyatiletiya Oktyabr'skoj revolyucii i razvitie latinoamerikanskogo revolyucionnogo dvizheniya // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. №14. 2014. S. 266–291]

Щелчков А.А. Российская революция и латиноамериканская интеллигенция // Новая и новейшая история. №1. 2018. С. 155-171 [Schelchkov A.A. Rossijskaya revolyuciya i latinoamerikanskaya intelligenciya // Novaya i novejshaya istoriya. №1. 2018. C. 155-171]

Янчук И.И. Коминтерн и АПРА. К истории становления идеологии и организационных форм революционного национализма в Латинской Америке. // Латиноамериканский исторический альманах. No.7. 2007 [Yanchuk I.I. Komintern i APRA. K istorii stanovleniya ideologii i organizacionnyh form revolyucionnogo nacionalizma v Latinskoj Amerike. // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah. No.7. 2007]

Aricó J. 1917 y América Latina // Nueva Sociedad. No.111. enero-febrero 1991.

Ávila N. Intelectuales y artistas por la Revolución: La Revista de Oriente, 1925-1926. // Revista Izquierdas. N° 25, Octubre 2015.

Hobsbawm E. Historia del siglo XX. 1914–1991. Barcelona: Crítica, 1995.

Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid: ed. América, 1921.

Lucía D.O. Liberalismo y revolución: los georgistas argentinos y la revolución rusa // Pacarina del Sur. año 3. núm. 10. enero-marzo, 2012.

Montelone J. El relato de viaje. De Sarmiento a Umberto Eco. Buenos Aires: Ateneo, 1998.

Muñiz M. Viajeros cubanos a la Unión Soviética: la experiencia del periplo y las formas del relato en las plumas de Julio Antonio Mella, Sergio Carbó y Rubén Martínez Cillena (1927–1932) // Revista de la Red Intercátedras de Historia de América Latina Contemporánea **45** Año 2, N° 3, Córdoba, Diciembre de 2015.

Primeros viajeros al País de los Soviets: Crónicas porteñas 1920-1934. Buenos Aires: Dirección General del Libro, Bibliotecas y Promoción de la Lectura, 2017.

Ravines E. La Gran estafa (La penetración del Kremlin en Iberoamérica). México: Libros y Revistas, 1952.

Ugarte M. La nación latinoamericana. Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 1978.

Ugarte M. La patria Grande. Buenos Aires, 2010 (www.bibliotecafederal.org)

Vasconcelos J. La creación de la Secretaria de la Educación Pública. México: INEHRM, 2011.

Щелчков Андрей Аркадьевич, *доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru*

Soviet Russia – a “Mecca” for Latin American revolutionaries. The image of a “messiah” country in the works by Latin American intellectuals

The Latin American intellectuals experienced a tremendous ideological and psychological shock after the first news of the Russian revolution of 1917 and the proclamation of the first socialist state. The first love to the “Russian experiment” often gave way to sobering up after a personal acquaintance with the realities of the Soviet regime and its practice. The first essays of travelers who visited Soviet Russia through the Comintern or VOKS, their unbiased view of the Russian revolution led to a deep division between the Latin American intelligentsia. One thing remained unchanged – the continued interest in what was happening in Russia and analysis through the prism of the Russian experience of Latin American reality.

Keywords: Soviet Russia, Latin America, intellectuals, the image of the ideal society, VOKS, Comintern

Andrey Schelchkov, *Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru*

Г. Е. Гиголаев

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНЦЕ 1950-Х ГГ.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Культурное и экономическое взаимодействие между государствами, входившими в противоборствующие военно-политические блоки в годы холодной войны, тесно связано с понятиями «мягкая сила» и «мирное сосуществование», возникшими в западном и восточном политическом лексиконе, соответственно. Активизация экономических и культурных связей между СССР и Италией на рубеже 1950-х–1960-х гг. способствовала налаживанию политического взаимодействия, хотя оно было обусловлено и чисто политическими причинами, связанными с ранней разрядкой в отношениях между СССР и странами Запада.

***Ключевые слова*:** *холодная война, советско-итальянские отношения, мирное сосуществование, ранняя разрядка, культурные связи, международная торговля*

Ситуация, сложившаяся в международных отношениях в середине 1950-х гг., характеризовалась ослаблением напряженности, которое получило наименование «ранней разрядки». Взаимоотношения между СССР и Италией не были отмечены существенным улучшением в первые годы, последовавшие за смертью И.В. Сталина. Италия, потерявшая по итогам Второй мировой войны великодержавный статус, старалась компенсировать недостаток своего политического веса активным участием в интеграционных процессах в рамках европейского и атлантического направлений, традиционно декларировала приверженность атлантической солидарности и опасалась проявлять излишнюю инициативу. Важным обстоятельством было наличие в Италии мощной коммунистической партии, которая была крупнейшей оппозиционной силой в стране и активно выступала за улучшение советско-итальянских отношений, что само по себе являлось сдерживающим фактором для итальянского руководства, представлявшего политическую коалицию во главе с Христианско-демократической партией[1]. В середине 1950-х гг. политические, экономические и культурные контакты между двумя странами несколько активизировались, однако события осени 1956 г. (Суэцкий кризис и Венгерское восстание) привели к их временному замораживанию. Тем не менее, последние годы десятилетия были от-

[1] На эти обстоятельства указал итальянский посол в СССР Марио Ди Стефано в беседе с главой советского правительства Н.А. Булганиным в марте 1955 г.: оправдывая инертность своего правительства в отношении ряда советских инициатив, посол указал на союзнические отношения с США и другими странами Запада, а также на наличие в Италии сильной компартии, которая «повторяет и поддерживает все предложения Советского Правительства и слишком усиленно пропагандирует их в стране». См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 116. Л. 14-26.

мечены расширением политического взаимодействия (апогеем этого процесса стал визит президента Италии Дж. Гронки в СССР в феврале 1960 г.), а также настоящим прорывом в двусторонней торговле и положительными сдвигами в области культурных связей (здесь важнейшими вехами были первое долгосрочное торговое соглашение 1957 г. и подписанное в ходе визита Гронки в 1960 г. культурное соглашение).

Чем же было обусловлено это оживление в двусторонних контактах? Советская дипломатия еще в середине 1950-х стала рассматривать Италию как страну, на которую можно воздействовать с целью ослабления ее зависимости от США, т.е. как некое «слабое звено» в Западном блоке. В частности, с этой целью предполагалось расширить торговлю с Италией, добиться лидерства по ряду товаров, поставляемых на итальянский рынок и таким образом снизить ее зависимость от США[2]. Под влиянием решений XX съезда и концепции мирного сосуществования борьба между двумя социально-политическими системами переносилась преимущественно в область идеологического и экономического соревнования, и советская дипломатия особое внимание стала уделять вопросам экономического и культурного взаимодействия.

Однако любые взаимоотношения – улица с двусторонним движением. Соответственно и в Италии должны были произойти изменения в подходах к советско-итальянским отношениям. В этой связи следует отметить, что в середине – второй половине 1950-х гг. в Христианско-демократической партии и в итальянской политике в целом усиливается влияние представителей левого крыла партии – сторонников неоатлантизма. К этому течению принадлежали Джованни Гронки (Президент Республики с 1955 г., а до этого – председатель Палаты депутатов), секретарь ХДП Аминторе Фанфани (неоднократно на протяжении 1950–1960-х гг. занимавший должность премьер-министра и министра иностранных дел) и президент государственного нефтегазового объединения ЭНИ (Ente Nazionale Idrocarburi – ENI) Энрико Маттеи и лица из их окружения. Сторонники неоатлантизма настаивали на важности консультаций между союзниками внутри НАТО, подчеркивали необходимость интенсификации экономического сотрудничества внутри блока и говорили о признании особых интересов Италии на Ближнем Востоке и в Средиземноморье[3]. Для итальянских «неоатлантистов» было, кроме того, характерно стремление к развитию отношений, в первую очередь

[2] В одном из документов МИД СССР 1956 года говорилось, что «основной внешнеполитической задачей СССР по отношению к Италии является активная политика дальнейшего улучшения советско-итальянских отношений и создание предпосылок для уменьшения зависимости Италии от США и ее ослабления как одного из звеньев Атлантического пакта». См.: АПВ РФ. Ф. 098. Оп. 39. Папка 247. Д. 12. Л. 7-9.

[3] Brogi 2002. P. 8-9; Италия. 1973. С.397-398. Более подробно о механизме политических консультаций в НАТО и неоатлантизме см.: Гудев 2005. С. 98-137.

экономических, со странами Востока в широком смысле слова, т.е. речь шла не только о Ближнем Востоке, но и об СССР и Восточной Европе. Преимущественно с этими именами были связаны также инициативы посредничества Италии в переговорах между СССР и странами Запада[4].

Выход экономических связей на качественно новый уровень был связан с заключением первого долгосрочного торгового соглашения. Итальянцы сами предложили начать переговоры по этому поводу в начале 1957 года. В августе произошел обмен нотами между итальянским МИД и советским посольством и согласована дата начала переговоров: конец сентября – начало октября 1957 года[5]. 28 декабря Долгосрочное соглашение между СССР и Итальянской Республикой о взаимных поставках товаров на 1958–1961 гг. было подписано (одновременно был подписан Протокол о товарообороте между СССР и Итальянской Республикой на 1958 г. и осуществлен обмен нотами, вводящий в действие Соглашение о платежах между СССР и Итальянской Республикой). Долгосрочное торговое соглашение предусматривало за отчетный период (до 1961 г.) увеличение торговли в 2 раза, однако этот показатель был существенно превышен уже в 1960 г.: по сравнению с 1958 г. советско-итальянская торговля возросла более чем в 2,5 раза[6].

В 1957–1960 гг. Италия занимала пятое место по объемам торговли с СССР среди капиталистических держав (после Финляндии, Великобритании, ФРГ и Франции), но по некоторым товарам ее позиции были более впечатляющими. Прежде всего, речь идет о закупках сырой нефти в СССР[7]. Начиная с визита председателя ЭНИ Энрико Маттеи в Москву в декабре 1958 г. и заключения первого соглашения о поставке крупной партии нефти (800 тыс. тонн в обмен на синтетический каучук)[8], Италия стала одним из основных покупателей советской нефти: если в 1958 г. она еще занимала по этому показателю второе место в мире после Чехословакии, то, начиная с 1959–1960 гг. Италия вышла на первое место, покупая нефти в СССР больше, чем любая другая страна мира[9].

В 1957–1960 гг. связи с итальянским бизнесом были гораздо более продуктивными, чем ранее. Объяснений этому можно найти несколько. Во-первых, итальянская экономика продемонстрировала в 1950-е гг. впечатляющий рост и существенно окрепла. Ее зависимость от США уменьшилась, чему способствовало также и создание ЕЭС в 1957 г. (уже

[4] Подробнее см.: Салаконе 2015. Гиголаев 2008. С. 157-168.
[5] АВП РФ. Ф. 098. Оп. 40. Папка 51. Д. 4. Л. 14.
[6] Внешняя торговля Советского Союза за 1959 г. С. 7-10; Внешняя торговля Советского Союза за 1960 г. С. 7-10; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 45. Папка 264. Д. 7. Л. 42.
[7] Подробнее см.: Салаконе 2018. С. 134-141.
[8] Bagnato 2003. P. 112.
[9] Внешняя торговля Советского Союза за 1960 г. С. 41-43; Внешняя торговля Советского Союза за 1962 г. С. 47.

в 1959 г. ФРГ – член ЕЭС сумела стать главным внешнеторговым партнером Италии, оттеснив США на второе место[10]). Наконец, в конце 1950-х гг. все более активную роль в руководстве страной играли неоатлантисты (прежде всего, Гронки, Маттеи, Фанфани), которые являлись сторонниками развития торговли со странами Востока.

В этом плане особенно показательна роль Энрико Маттеи. Его стремление развивать коммерческие отношения со странами Ближнего Востока и Северной Африки и попытки разрушить в этом регионе монополию международного нефтяного картеля на разработку нефти вызывали серьезное беспокойство в Вашингтоне. Устремления Маттеи воспринимались там как националистические, и американцы совершенно справедливо рассматривали экономическую экспансию Италии в этом регионе в тесной связи с политикой, особенно учитывая тесные отношения Маттеи и Гронки и влияние президента ЭНИ на итальянскую внешнюю политику в целом[11]. Действия Италии в этом регионе всерьез угрожали интересам англо-американских монополий.

Поэтому соглашение между ЭНИ и советскими внешнеторговыми организациями о закупке в СССР 800 тыс. тонн сырой нефти, еще раз продемонстрировавшее неуправляемость Маттеи, стало для американцев каплей, переполнившей чашу терпения: как признался Маттеи в беседе с советским послом С.П. Козыревым 21 апреля 1959 г., после этого «командование НАТО в Италии исключило ЭНИ из числа поставщиков вооруженных сил атлантического союза в Италии» (что, впрочем, по словам Маттеи, не ослабило его решимости развивать отношения с Советским Союзом, прежде всего, разумеется, с объединением «Совэкспортнефть»: он, в частности, положительно отнесся к просьбе Козырева принять группу советских специалистов для ознакомления с техникой нефтяной и газовой промышленности на предприятиях ЭНИ)[12]. 11 октября 1960 г. между ЭНИ и советскими внешнеторговыми организациями было подписано, по которому СССР должен был в течение 4-х лет поставить в Италию 12 млн тонн нефти и нефтепродуктов в обмен на 240 тыс. тонн труб большого диаметра, необходимых для строительства нефтепроводов (таким образом, Италия оказалась в числе первых среди западных стран, которые стали продавать СССР трубы большого диаметра, считавшиеся стратегическим товаром), а также прочее оборудование для нефтепроводов и синтетический каучук[13]. Заключение этого соглашения еще сильнее взволновало международные нефтяные компании. 3 ноября 1960 г. состоялась встреча группы высокопоставлен-

[10] ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 214. Л. 26.
[11] FRUS. 1993. P. 499-500.
[12] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 42. Папка 56. Д. 12. Л. 4-8.
[13] АВП РФ. Ф. 098. Оп. 45. Папка 264. Д. 7. Л. 43.

ных представителей «Стандарт Ойл компани» во главе с исполнительным вице-президентом компании У. Райтом и сотрудников Госдепартамента США во главе с заместителем Госсекретаря Л.Т. Мерчентом. На этой встрече представители «Стандарт Ойл» выразили серьезную обеспокоенность советским «нефтяным наступлением» и действиями ЭНИ, которые имели, по их мнению, не только экономические, но и политические последствия. Активность Маттеи, с их точки зрения, вела к росту зависимости Италии во внешней торговле от СССР и ее подчинению «восточному блоку». Сотрудники «Стандарт Ойл» просили Госдепартамент обратить на это внимание и в соответствующем ключе повлиять на итальянское правительство[14].

Оценки американских нефтепромышленников во многом совпадали с намерениями Маттеи, как он изложил их Косыгину во время неофициального визита последнего в Италию в 1960 г.: Маттеи сказал, что с помощью СССР он стремится подорвать позиции нефтяного картеля, который выкачивает европейские деньги. Он особо подчеркивал политический аспект борьбы ЭНИ с «семью сестрами» и говорил о намерении вытеснить американскую нефть с африканского и западноевропейского рынка, как это в значительной мере получилось у него в самой Италии. «По сути дела, – заключил он, – вопрос стоит о том, чтобы заменить в будущем американскую нефть в Европе советской нефтью». Косыгину очень понравилась эта идея, и он высказался в том плане, что Европа вполне может обойтись своими нефтяными ресурсами без участия США, что особенно актуально в свете строительства советского нефтепровода до Берлина. Маттеи тоже говорил о нефтепроводах, которые ЭНИ с партнерами прокладывали в Центральную Европу, и о возможности соединения этих нефтепроводов с советским[15].

Закупки Италией нефти в СССР и сотрудничество с ЭНИ были ярким примером прорыва в двусторонних торговых связях, но ЭНИ была не единственным крупным торговым партнером СССР в Италии, активно сотрудничали и другие крупнейшие государственные и частные промышленные объединения: ФИАТ, Шатильон, СНИА-Вискоза, ИРИ и его подразделения, Пирелли, Монтекатини. В 1958–1960 гг. ряд представителей итальянского делового мира посетили СССР с целью заключения контрактов[16]. Важную роль в налаживании экономических связей сыграл Лука Пьетромарки, ставший в 1958 г. итальянским послом в Москве[17]. Хорошо знакомый со многими представителями итальянского

[14] FRUS. 1993. P. 620-624.
[15] АВП РФ. Ф. 098. Оп. 43. Папка 60. Д. 12. Л. 37-42.
[16] Bagnato 2003. P. 65-67.
[17] Недаром, когда Пьетромарки вернулся в 1961 г. в Рим, окончив свою службу, Альберто Пирелли (президент фирмы «Пирелли») написал ему сердечное письмо, в котором, отдавая должное заслугам Пьетромарки в установлении экономического

делового мира, он и до отъезда в СССР встречался с ними в Риме, чтобы выяснить их позицию. В беседах с советскими дипломатами он всячески подчеркивал важность развития экономических отношений, давая понять, что это повлечет за собой и улучшение политических связей. Так, в беседе с Козыревым в октябре 1958 г. он говорил, что если Советскому Союзу удастся привязать к себе Италию экономически, то потом легко будет привязать ее к себе и политически, и что лично он будет способствовать развитию итало-советских экономических связей (хотя американцы со своими ограничениями на торговлю с соцстранами этому очень мешают)[18]. Позднее, во время подготовки визита Гронки, Пьетромарки в беседе с генеральным секретарем МИД СССР Б.Ф. Подцеробом (30 декабря 1959 г.) сказал, что он убежден в том, что благодаря быстрому экономическому росту СССР скоро обгонит США, хотя в Италии и в Европе в целом это плохо понимают. Однако европейские страны видят рост экономического могущества СССР, и это вызывает у них стремление к экономическому сотрудничеству с ним[19].

Весьма позитивную роль сыграли в развитии торговли визит итальянского министра торговли Ринальдо Дель Бо в СССР (1959) и неофициальный визит в Италию заместителя Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина (1960). В ходе визита Косыгин встретился с президентом Дж. Гронки, премьер-министром Ф. Тамброни, министром иностранных дел А. Сеньи, руководителями крупнейших итальянских фирм (ИРИ, ЭНИ, «Монтекатини», ФИАТ, СНИА-Вискоза, «Шатильон», «Пирелли»). Косыгин обсуждал с лидерами итальянского бизнеса конкретные экономические вопросы, касающиеся выполняемых заказов для СССР или возможных новых сделок, а кроме того с ними и с государственными деятелями Италии обсуждался вопрос предоставления долгосрочных (до 10 лет) кредитов советским внешнеторговым организациям на приобретение итальянских товаров под гарантии государства[20]. Важным вопросом, который Косыгин также ставил как перед

присутствия Италии в СССР, сказал, что он один из немногих дипломатов, которые чувствуют важность экономических отношений между странами и, в частности, возможность найти, как в случае с СССР, в этой области определенную компенсацию за сложность установления отношений в политической сфере. – Bagnato 2003. P. 1.

[18] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 41. Папка 53. Д. 11. Л. 13-14.

[19] Там же. Оп. 42. Папка 57. Д. 17. Л. 29-30.

[20] В частности, Джустиниани в беседе с Косыгиным жаловался на то, что кредитные учреждения могут предоставить долгосрочные кредиты под внешнеторговые операции только под государственную гарантию, а государство установило лимит в 100 млн долларов США по гарантиям на операции по поставкам оборудования в СССР. Исчерпание этого лимита создавало трудности в ведении дальнейших операций. Поэтому в беседах с Сеньи и Тамброни Косыгин ставил вопрос о кредитах, и отношение руководителей итальянского правительства было положительным. См.: АВП РФ. Ф. 098. Оп. 43. Папка 60. Д. 12. Л. 25-30, 31-33, 43-45.

представителями деловых кругов, так и перед руководством итальянского государства и правительства, было заключение нового долгосрочного торгового соглашения, поскольку срок предыдущего в следующем 1961 году истекал, а в вопросах торговли лучше было бы иметь перед собой ясную перспективу, хотя бы на пять лет вперед (тем более, что советско-итальянская торговля была взаимовыгодной и СССР мог бы дать итальянской промышленности новые крупные заказы в области химической промышленности, химического машиностроения, судостроения, производства труб и т.д., т.е. в тех областях, которые по признанию самого министра иностранных дел Италии Сеньи представляли интерес и для Италии). И в этом вопросе Косыгин встретил полное понимание и поддержку политических и деловых кругов Республики[21]. Когда во время беседы с Гронки Косыгин выразил опасение, что у итальянского правительства могут возникнуть препятствия для заключения подобного соглашения «учитывая общую политическую обстановку и состояние политических отношений между нашими странами», итальянский президент ответил, что не предвидит никаких затруднений, поскольку, если развитие политических отношений встречает затруднения, «то тем больше оснований развивать и расширять сейчас связи в области экономики, где никаких трудностей не встречается». Более того, по его мнению, «от улучшения торговли и экономических связей... легко будет перейти в определенный момент к установлению и добрых политических отношений»[22]. В беседах Косыгина с представителями деловых кругов Италии, В. Валетта, Ф. Маринотти, П. Джустиниани, также говорили о торговле как о факторе мира и улучшения взаимопонимания между народами. В беседе с Джустиниани и Валеттой Косыгин сказал, что итальянский деловой мир мог бы больше сделать в деле мира и разрядки международной напряженности; он призывал итальянский бизнес активнее бороться за мир, поскольку «авторитетный голос итальянских промышленников может сыграть важную роль»[23].

Можно констатировать, что советско-итальянская торговля в данный период развивалась очень динамично, что, с одной стороны, должно было со временем дать положительный эффект для политических отношений, ввиду заинтересованности весьма влиятельных экономических кругов в развитии связей с СССР. А с другой стороны, само положительное развитие экономических связей стало возможным благодаря: а) активизации диалога Восток-Запад в конце 1950-х гг.; б) усилению экономической независимости Италии (как и Европы в целом) в результате успешного экономического развития и укреплению на итальянском

[21] Там же. Л. 21-49.
[22] Там же. Л. 21-24.
[23] Там же. Л. 43-45,46-49.

политическом Олимпе позиций неоатлантистов, с их вниманием к экономическим связям внутри НАТО и проведению более независимой экономической политики в ряде регионов.

Что касается сферы культурных связей, то, безусловно, она имела двоякое значение для советско-итальянских отношений и помимо контактов между гражданами и взаимного ознакомления с культурными достижениями двух стран, несла важную идеологическую и пропагандистскую нагрузку. В 1957 г. система органов, осуществлявших в СССР координацию в области культурных связей с зарубежными странами, подверглась кардинальной перестройке. Постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1957 г. был образован Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР – ГККС[24] (с февраля 1960 г. – Государственный комитет Совета Министров по культурным связям с зарубежными странами), на который была возложена функция координации деятельности советских учреждений в сфере научного, культурного, спортивного и туристического обмена с зарубежными странами[25]. Под управление ГККС были переданы на правах главных управлений комитета Главное управление радиовещания (занималось вещанием на зарубежные страны), Совинформбюро и Издательство литературы на иностранных языках, выделенные из состава Министерства культуры. В июле 1957 г. также из состава Министерства культуры в ведение ГККС была передана Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО. Председателем Госкомитета был назначен Георгий Александрович Жуков, ранее работавший заместителем главного редактора газеты «Правда»[26]. Понятно, что ГККС отвечал не только за руководство культурным обменом: основной функцией, возложенной на него, было руководство внешнеполитической пропагандой[27].

В 1957–1958 гг. последовала реорганизация Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), поскольку оно, согласно соответствующему постановлению Секретариата ЦК КПСС, уже не отвечало требованиям времени. Вместо него были созданы общества дружбы с отдельными странами, контрагентами которых выступали существовавшие в этих странах общества дружбы с СССР. Центральные органы ВОКС были преобразованы в Союз Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), который осуществлял руководство всеми обществами дружбы[28]. 7 февраля 1958 г. в рамках

[24] ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.
[25] Там же. Д. 17. Л. 94-95.
[26] Там же. Д. 2. Л. 48; Д. 4. Л. 55.
[27] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 37. Л. 180.
[28] РГАНИ. Ф. 89. Перечень 46. Документ 28. Кстати, общество дружбы с Италией постановлением предписывалось создать в первую очередь, вместе с обществами

ССОД было образовано и Общество «СССР – Италия». Президентом Общества стал известный кинорежиссер Г.В. Александров, одним из вице-президентов – А.И. Аджубей[29].

Одной из функций ГККС было заключение культурных соглашений с зарубежными странами. Это должно было поставить культурные связи на более прочную основу и открыть «дополнительные каналы для внешнеполитической пропаганды», как отмечал Г.А. Жуков в справке, адресованной ЦК. При этом наряду с пользой от заключения соглашений, с точки зрения пропаганды, он все же подчеркивал важность представившейся возможности «для ознакомления с достижениями зарубежных стран в области науки, техники, образования, культуры»[30]. Переговоры с Италией по данному вопросу не были простыми. Несмотря на то, что вопрос о долгосрочном культурном соглашении поднимался советским посольством неоднократно, к практическим переговорам смогли приступить только после закрытия вопроса о репатриации итальянских военнопленных из СССР[31], что, в свою очередь, стало возможным на волне очередного потепления в отношениях между СССР и Западом. В ходе согласования текста самым существенным противоречием стало советское предложение о включении в него положений о мероприятиях, не предусмотренных соглашением, о свободе общественной и частной инициативы в культурном обмене вне рамок компетенции смешанной советско-итальянской комиссии (она создавалась в рамках соглашения, и в ее задачу должно было входить уточнение ежегодных планов культурного обмена). Итальянская сторона возражала, понимая, что эти дополнения предлагаются в интересах итальянской компартии и тесно связанного с ней общества «Италия – СССР»[32]. В ходе беседы двух послов – Козырева и Пьетромарки – в декабре 1959 г., первый выражал недоумение попыткой итальянцев «втиснуть» все формы культурного взаимодействия «в рамки деятельности смешанной комиссии», а второй настаивал, что любая частная инициатива должна регулироваться комиссией[33]. В итоговый текст (январь 1960 года) была включена

дружбы с КНР, странами народной демократии, Францией, Великобританией, Финляндией, Индией, Индонезией, Ираном и Японией.

[29] ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 17. Л. 135, 146-147.

[30] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 370. Л. 74-76.

[31] Правда. 1959. 19 октября. Во время упомянутого визита итальянского министра торговли Дель Бо в СССР в октябре 1959 г. было принято совместное коммюнике по этому вопросу. Кроме того, в ходе визита Дель Бо заявил о готовности Италии вести переговоры о культурном соглашении, а советский МИД уведомил его о готовности Президиума Верховного Совета СССР пригласить президента Гронки с официальным визитом в СССР.

[32] Pietromarchi 2002. P. 257-258.

[33] АВП РФ. Ф. 98. Оп. 42. Папка 56. Д. 12. Л. 32-33.

компромиссная формулировка о том, что мероприятия, не входящие в составленный Смешанной комиссией годовой план, проводиться могут, однако о них необходимо своевременно информировать комиссию или правительственные органы второй стороны[34]. Подписание Культурного соглашения состоялось в феврале 1960 года, в ходе визита президента Гронки в СССР. Верховный совет СССР ратифицировал Соглашение в мае того же года, а вот в Италии ратификация затянулась по политическим причинам и состоялась уже в 1961 г. Соответственно, Смешанная комиссия не могла приступить к работе и культурный обмен на вторую половину 1960-го и 1961 год. согласовывался путем прямых переговоров ГККС и итальянского МИД. Однако это не помешало интенсификации культурного, научного и спортивного обмена между странами[35].

В целом, можно констатировать, что укрепление итальянской экономики и развитие процессов европейской интеграции вкупе с усилением позиций неоатлантистов в итальянских правящих кругах привело к проведению Италией более самостоятельной экономической политики и, как следствие, к интенсификации советско-итальянской торговли. При этом возможности решать политические вопросы были куда более скромными. В целом они определялись ходом отношений между Западом и Востоком. Только активизация контактов между СССР и западными державами в 1959 г. привела к аналогичному развитию советско-итальянского диалога, апогеем которого на данном этапе был визит Гронки в СССР, который получил положительную оценку в СССР, несмотря на то, что по большинству вопросов международных отношений (а ведь Гронки ехал в СССР, в том числе, с посреднической миссией, надеясь стать связующим звеном между СССР и Западом в германском вопросе, который, как известно в конце 1950-х гг. обострился) дальше выяснения позиций сторон дело не пошло. Последовавший в 1960 г. «откат» в диалоге Восток – Запад (в связи со срывом Парижской встречи на высшем уровне) почти совпал с некоторым застоем в советско-итальянских отношениях после визита Гронки. Сфера культурных контактов находилась в теснейшей зависимости от сферы политической, поэтому общая активизация советско-итальянских культурных контактов в 1960 г., связанная с заключением культурного соглашения во время поездки итальянского президента в СССР, испытала затем на себе все перепады итальянской политики в течение года.

---

[34] СССР – Италия. С. 106-110.

[35] Надо отметить, что осенью 1960 года состоялся обмен студентами, хотя из-за проволочек не только итальянские студенты, приехавшие на учебу в советские вузы, опоздали к началу учебного года, но и советские студенты, отправившиеся в Италию, хотя там учебный год начинался 1 ноября. ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 215. Л. 207-209; Д. 216. Л. 4-24; Д. 219. Л. 170-171.

ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 98, Фонд 098.
Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 9518.
Российский Государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Фонд 5, Фонд 89.
Внешняя торговля Советского Союза за 1959 г. Статистический обзор. М.: Внешторгиздат, 1960.
Внешняя торговля Советского Союза за 1960 г. Статистический обзор. М., 1961.
Внешняя торговля Советского Союза за 1962 г. Статистический обзор. М., 1963.
СССР – Италия. Страницы истории, 1917-1984. Документы и материалы. М., 1985.
Foreign Relations of the United States, 1958-1960. Volume VII. Part 1. Western European integration and Canada; Part 2. Western Europe. Washington, 1993 (FRUS)
Pietromarchi, Luca. I diari di Luca Pietromarchi ambasciatore Italiano a Mosca (1958-1961) / a cura di Bruna Bagnato. Firenze, 2002

БИБЛИОГРАФИЯ

Гиголаев Г.Е. Италия и многосторонняя дипломатия в 1950-е гг. // Многосторонняя дипломатия в годы холодной войны. – М.: ИВИ РАН, 2008. С.157-168.
Гудев П.А. Система военно-политического доминирования США в Европе // От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Войтоловский Ф.Г., Гудев П.А., Соловьев Э.Г. М., 2005. С. 98-137.
Италия. / Отв. ред. Н.П. Васильков. М., 1973.
Салаконе А. Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Выпуск 2 (35) URL: https://history.jes.su/s207987840000986-3-1/
Салаконе А. Энергетическая политика СССР как фактор влияния на Италию в 1960-годах // Современная Европа. 2018. №6. С. 134–141
Хормач И.А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. М.: ИРИ РАН, 2005. 940 с.
Bagnato, Bruna. Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso L'Unione Sovietica 1958-1963. Firenze, 2003
Brogi A. Ike and Italy: The Eisenhower Administration and Italy's "Neo-Atlanticist" Agenda // Journal of Cold War Studies. Volume 4, Number 3. Summer 2002. P. 5-35.

REFERENCES

Gigolaev G.E. Italiya i mnogostoronnyaya diplomatiya v 1950-e gg. // Mnogostoronnyaya diplomatiya v gody` xolodnoj vojny`. – M.: IVI RAN, 2008. S.157-168.
Gudev P.A. Sistema voenno-politicheskogo dominirovaniya SShA v Evrope // Ot miroporyadka imperij k imperskomu miroporyadku / otv. red. Vojtolovskij F.G., Gudev P.A., Solov`ev E`.G. M., 2005. S.98-137.
Italia / otv. red. N.P. Vasil'kov. M.: Misl', 1973. 456 s.
Salakone A. Mezhdu stolknoveniem i razryadkoj: mnogostoronnost` vneshnej politiki Italii i nalazhivanie otnoshenij s Vostochny`m blokom (1947–1960) // E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya». 2015. T. 6. Vyp. 2 (35) URL: https://history.jes.su/s207987840000986-3-1/
Salakone A. E`nergeticheskaya politika SSSR kak faktor vliyaniya na Italiyu v 1960-h godax // Sovremennaya Evropa. 2018. №6. S. 134–141
Khormach I.A. SSSR – Italia I blokovoye protivostoyanie v Evrope: vtoraya polovina 40kh – pervaya polovina 50kh gg. M.: IRI RAN, 2005. 940 s.
Bagnato, Bruna. Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso L'Unione Sovietica 1958-1963. Firenze, 2003
Brogi A. Ike and Italy: The Eisenhower Administration and Italy's "Neo-Atlanticist" Agenda // Journal of Cold War Studies. Volume 4, Number 3. Summer 2002. P. 5-35

Гиголаев Герман Ефимович, к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории Российской академии наук: g.e.gigolaev@yandex.ru

Soviet-Italian interaction in the late 1950s: the economic and cultural aspects

Cultural and economic interaction between states that were part of the opposing military-political blocs during the Cold War years is closely related to the concepts of "soft power" and "peaceful coexistence" that emerged in the Western and Eastern political lexicon, respectively. The intensification of economic and cultural relations between the USSR and Italy at the turn of the 1950s – 1960s. contributed to the establishment of political interaction, although it was also due to purely political reasons related to early détente in relations between the USSR and Western countries.

Keywords: Cold War, Soviet-Italian relations, peaceful coexistence, early détente, cultural ties, foreign trade

German Gigolaev, *PhD in History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: g.e.gigolaev@yandex.ru*

A. S. GUSACHENKO

THE SOCIAL ACTIVITIES OF RUSSIAN YOUTH MOVEMENTS IN THE REPUBLIC OF LATVIA (1920-1940)[1]

В статье анализируются аспекты общественной деятельности крупнейших русских молодежных движений в межвоенной Латвии. Разные стороны культурной и общественной жизни русского населения описываются в контексте принадлежности к ареалу Зарубежной России. Общественные традиции, заложенные во время Российской империи, способствовали тому, что в Латвийской Республике образовалась плодотворная почва для успешного развития русских общественных начинаний. Среди множества русских общественных организаций, особое место занимали такие международные молодежные движения как: Скаутизм, Сокольство, а тагже Русское студенческое православное единение. Анализируя деятельность русских молодежных движений, автор заостряет внимание на общественной работе организаций, выходящей за рамки их внутренней деятельности, а также затрагивает различные аспекты политических событий и их влияние на деятельность организаций.

***Ключевые слова*:** *Латвийская Республика, Зарубежная Россия, русское национальное меньшинство, Скаутизм, Сокольство, РСПЕ, русские молодежные движения*

Since the first days of the independent Republic of Latvia, Russians were the largest ethnic minority in the multicultural space of the country. Despite this, the written historiography of the interwar Russian community in Latvia is not as extensive as it could have been when taking into account the population of the minority[2]. During the Soviet period, historical researches of the exact problematics were very tendentious, thus a deep critical analysis should be conducted when looking at this topic today. In the 1990s, new historiographical traditions appeared, which was reflected in the works of Latvian scholars. The first larger historical and social research of the interwar Russian community was carried out in the monographs of sociologist Vladislavs Volkovs[3] and his colleague Ilga Apine[4]. In 2000, fundamental historical research by Tatjana Fejgmane was published[5]. Soon the publications by the historians Alexandr Gavrilin, Leo Dribins, Svetlana Kovalchuk, Boris Ravdin, Jury Abizov and other scholars were published[6]. Russian youth movements,

[1] This article has been prepared within the framework of the project "Interaction between the individual, the society and the state in process of the history of Latvia: conflicting values and formation of shared values during historical turning points". Project No. VPP-IZM-2018/1-0018.

[2] Dribins 2009. 109. lpp.

[3] Volkovs 1996.

[4] Volkovs, Apine 2007.

[5] Фейгмане 2000.

[6] Гаврилин 2015; Dribins 2007; Ковальчук 2016; Балтийско-русский сборник 2007; Абызов 1991; Абызов 2006. Publications in newspaper *Daugava* and others.

as a specific social phenomenon, were depicted only on the surface and in a narrow way, while focusing the main attention on other aspects of the Russian community, or its social manifestations. The history of the Сокол (Sokol) movement and the Russian Scout movement in Latvia was studied by Andrejs Gusachenko, and were depicted in his Master thesis and in the following publications[7]. Considering the third largest youth movement of the described period – Русское студенческое православное единение (Russkoye studencheskoye pravoslavnoye edinenie)[8] is depicted well enough in a publication issued by the participant of the movement – Boris Plyuhanov in 1993. The work is based on his own recollections, publications of the organization and other sources, thus is the largest publication regarding the topic[9].

The aim of this article is to analyze the social activities of the largest Russian youth movements in interwar Latvia: the Russian Scout movement, Sokol, the Unity of the Orthodox Russian Students. The base of research consists of documents of the Latvian State Historical Archive; publications of the organizations, Russian and Latvian interwar periodicals; recollections.

The geographical position of Latvia defined the factor of the Russian emigration, which appeared in fluctuating way, depending on the political, social and religious collisions with Russia. One of the first such waves of political and religious emigration reached the region in the 14-15th cc., when refugees from Novgorod and Pskov arrived in the region of Latvia[10]. Nevertheless, the largest flow of Russian emigration in the Early Modern Period reached Latvia by the end of the 17th c., after the Great Schism in the Russian Orthodox Church, when thousands of so-called Old believers used the opportunity to emigrate with the threat of repressions back home.

The results of the Northern War and the final partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth in 1795 led to the territory of modern Latvia to became a part of the Russian Empire. Despite this, the actual Russian presence in the region was rather weak, and the indigenous Russian population was mostly represented by peasants, or Old believers[11]. Although the official Governor and his secretariat quite often consisted of Russians (assigned from the Capital), the real rulers of the region were the Baltic Germans. The situation began to change from the 1860s, in the era of rapid economic development of the Russian Empire. The geographical position of Latvia – large ports (usually non-freezing in winter), recently laid railway and the Western cultural discourse, were the main factors of the economic growth of the Baltic provinces. Industrial growth, abolition of serfdom in Russia and the fol-

[7] See: Gusačenko 2017; Гусаченко 2016; 2017.
[8] Onwards: The Unity of The Orthodox Russian Students.
[9] Плюханов 1993.
[10] Podmazovs 2001. 54.-55. lpp.
[11] There was also a little segment of Orthodox Russians: mainly they were craftsmen, negotiators and peasants.

lowing imperial politics of Russification, caused large economic immigration from Russia. The immigrants mainly were workers, the personnel of the newly built factories and its administration, intelligence, clergy and the administration of governmental facilities. Thus, during the 19th c. the Russian population of the region increased by almost 10 times.

Furthermore, since 1840s an ideology of slavophiles became popular among the Russian intelligentsia in Russia and in the Baltic provinces. Aimed to decrease the influence of the Baltic Germans in the region, slavophiles created the positive ideological basis, and supported the development of local Russian cultural life. Since the last third of the 19th c. and for the next decades (until the First World War), dozens of Russian cultural, professional, educational, religious and charity organizations were founded[12].

The First World War and the following events drastically influenced the demographical situation in Latvia. Large mobilization and evacuation of factories, governmental, educational institutions and its personnel caused a huge decrease of the Russian population[13]. In numbers, the Russian population in the modern territory of Latvia decreased from 300,000[14] before the War to 125,746 in the 1920s.[15] In the 1920–1930s the Russian population increased on the account of refugees returning from Russia, the population of the new territories (added to Latvia, according to the Latvian–Soviet Peace Treaty in 1920), as well as Russian emigres – who fled to the Republic of Latvia as the result of the Bolshevik coup d'etat following the Civil War and the Red Terror in their motherland. Considering the results of the population censuses, conducted in 1925, 1930 and 1935, the numbers of the Russian emigrants, owners of the Nansen passport, reached 25,427; 15,643 and 12,444 respectively[16].

Decreasing of the Russian population mainly impacted the economically active and educated population, which was mobilized or evacuated to Russia. The large number of them did not return. Thus the interwar Russian population mainly consisted of indigenous people – economically low active peasants who lived in the region for centuries[17]. Furthermore, more than half of them were Old believers. In the aspect of education, Russians took first place as the lowest educated population. Such situation was caused by the negative "heritage" of the Russian Empire, when the Old believers were discriminated for centuries, by limited educational opportunities[18].

Despite the situation, the Russian community expressed itself in a fulfilled cultural life. Since Imperial times, a Russian Theatre was up and run-

[12] Фейгмане 2000. С. 173.
[13] Гаврилин 2015. С. 234–235.
[14] Otrā tautas skaitīšana Latvijā 1925. 68. lpp.
[15] Гаврилин 2015. С. 234–235.
[16] Ceturtā tautas skaitīšana 1936. 31. lpp.
[17] Гусаченко 2018. С. 74–79.
[18] Гаврилин 2015. С. 234–235.

ning in Riga, where prominent international stars of Russian emigration performed, among them: Fyodor Shalyapin, Alexander Vertinsky, Nikolay Barabanov, Mariya Vedrinskaya, the famous Don Cossack Choir, directed by Sergey Zharov and others. For a decade, the Latvian National Opera was directed by Pyotr Melnikov, who arrived in Latvia in 1922. Since the mid-1920s another Russian immigrant – "prime ballet dancer" Alexandra Fyodorova directed her own ballet studio. Riga was often visited by famous Russian philosophers, writers, historians and politicians such as Ivan Ilyin, Ivan Bunin, Ivan Shmelev, Nikolay Berdyaev, Pavel Milyukov, Alexander Kizzeveter. Latvia also became the second motherland for Russian academic emigrants, most of them worked as professors at the University of Latvia: Vasily Sinaisky, Boris and Robert Vippers, also professors Kallistrat Zhakov, Vladimir Kossinsky, Konstantin Arabazhin, academic painters Nikolay Bogdanov-Belsky, Sergey Vinogradov, Konstantin Visotsky and others[19]. Russian emigres founded publishing houses, two of them (Саламандра (Salamandra) and Компания Максима Дидьковского (Kompaniya Maxima Didkovskogo) were well known within the whole international area of "Russia abroad"[20]. During the interwar period, Russian emigres founded dozens of periodicals, but the most successful and long-term was "Сегодня" (Segodnya) – a highly professional and democratically oriented newspaper, the largest Russian periodical in Latvia, well-known in the "Russia abroad"[21].

Thus, Russian intellectuals and entrepreneurs were the most active of this relatively large, but low educated and political indifferent Russian community. But not all of them stayed in Latvia. Quite often emigres lived in Latvia for a short time and soon went abroad to Paris, Berlin, Belgrade, etc. Regarding the mental aspects, distinguishing the large spectre of Russian emigres in the 1920s (and even the 1930s), they believed in soon collapse of the Bolshevik regime in Russia, thus in emigration they lived in a so-called "stand by" mode, dreaming to return immediately after the fall of the hostile regime. This factor negatively influenced their integration into the Russian community in Latvia – emigres ignored the possibilities of naturalization and behaved apathetically towards the political and cultural life of local Russians.

Naturalization laws in interwar Latvia were highly favorable towards the emigres and under the Law on Citizenship, Latvian citizenship could be obtained by people born in Latvia (or whose family had lived in Latvia until 1914), or who had lived in Latvia for five years since 1919[22]. Thus, starting from the second half of the 1920s, a lot of Russian emigres obtained Latvian citizenship, but were not assimilated and kept their national traditions and

[19] Плюханов 1993. С. 62.
[20] See: Hungtington 1930.
[21] Анохин 1998. С. 53–59.
[22] Фейгмане 2000. С. 63.

identification[23]. To avoid assimilation and preserve national traditions, a large number of cultural and public organizations were founded. In general, these were cultural, professional, social, educational, youth, sport, charity and religious organizations, around 150 organizations in total during the interwar period.[24] Comparing to other European countries where large numbers of Russians lived, in Latvia the Russian community had well rooted historical traditions of public organizations before the World War which became good soil for similar activities within the Republic of Latvia. Thus, during the interwar period, some previous organizations were restored, but much more were founded, a lot of them were related to organizations and movements in the "Russia abroad". Youth movements were the spectacular manifestations of Russian public organizations. During the interwar period, three large youth movements were established in the Republic of Latvia: the Sokol movement, Scout movement and the Unity of the Orthodox Russian Students[25]. Besides the main objectives concerning the peculiarities of each movement, all of them largely participated in the fields of social activities and quite frequently cooperated with one another to achieve certain aims.

The first youth movement in Latvia[26] was the Scout movement, which was founded by the veteran of the Boer War – Lieutenant-General Robert Stephenson Smyth Baden-Powell in 1907. Soon the movement expanded worldwide, and appeared in the Russian Empire. Thus in 1918, the Russian Scout movement numbered about 88,000 participants[27]. The results of the Russian defensive in 1915, and the approaching frontline to Riga, led to many Latvian schools and pupils being evacuated to the territory of modern Estonia and Russia. Some of them were relocated to Tartu, where they met the pupils from other regions and got familiarized with the Scout movement. Soon, several Scout troops were founded under the jurisdiction of the Scout centre in Petrograd[28]. In 1917, Scouts exported the idea of Scouting to Latvia by creating Latvian and Russian units in Cēsis and Riga. Despite the dreadful and depressing situation in 1917, the Scout movement gained much interest not only among the potential participants, but also in the perception of the military commandment of the 12th Russian Imperial army. A lot of Scouts became

[23] Гаврилин 2015. С. 234–235.
[24] Ibid. С. 250.
[25] It need to be noticed that the participants of so-called "students organizations" were not students (except fellowships and fraternities which were founded by the High school students), but often youth and interested people of all ages. Such unusual classification was continued from the time of Russian Empire. Thus, the Union of the Orthodox Russian Students was classified not as a student, but as a youth movement. More information: Плюханов 1993. С. 63-64.
[26] Russian and Latvian youth movement.
[27] Полчанинов 2009. С. 4–13.
[28] Маяк 1933. С. 4–5.

volunteers and assisted at the front line as a runners, as well as nurse assistants at hospitals and hospital trains, with some of them even awarded with military awards. In the USSR, the Scout movement was banned in 1923, but despite this the movement continued to develop and expanded in the "Russia abroad".

Scouts participated in the Latvian War of Independence (1918–1920) in the military formations of the Latvian Provisional Government against the Bolsheviks[29]. During the interwar period, all the Scout units in Latvia were united under the jurisdiction of the Latvian Scouts and Guides Central Organization (Latvijas skautu un gaidu centrālā organizācija, LSCO), directed by General Kārlis Goppers, participant of the anti-Bolshevik rebellion in Yaroslavl, and a former general of the Komuch army. In the middle of 1930s, President of Latvia Kārlis Ulmanis became the honorary president of LSCO. By the end of 1939 the organization reached a peak membership number of 8,872[30]. During the interwar period, about 25 Russian Scout troops were founded, around 10-15 units with approximately 300-400 members worked at the same time. Troops were founded in Riga, Daugavpils, Rēzekne, Liepāja and in other cities and towns where the concentration of Russian population was rather dense[31]. The aim of the movement was to raise the young people in a national spirit, supporting their physical, mental and spiritual development, with a focus on the outdoors and survival skills.[32] Furthermore, Scouts were engaged in a large spectrum of social activities. Thus, Scouts frequently cooperated with local police, patrolled and kept order at large public events, assisted in rescue operations. Scouts also frequently helped firefighters by assisting during firefighting operations. For example, in the late 1930s, the LSCO issued a decree, which obliged all Scouts to establish contacts with local firefighting departments and obtain firefighting training[33]. Scouts also got familiarized with first aid, which was highly useful during the summer time, when Scouts usually kept watch at crowded beaches and other swimming places. The newspapers quite often praised the quick response and bravery of the Scouts, who saved the lives of many careless swimmers. Such acts were appreciated and lifesavers usually were awarded by the local administrations[34].

Russian Scouts were the first Russian organization to start a long-term project – restoring and maintaining abandoned cemeteries, where soldiers of

[29] Kletnieks 1960. 20.-23. lpp.
[30] LVVA. 2415.f., 1.a., 82.l., 75.lp.
[31] Русский ежегодник 1940. С. 69–71.
[32] Маяк Nr. 2 1933. С. 8–9.
[33] Сегодня 30.09.1938. С. 6.
[34] LVVA. 2415.f., 1.apr., 135.l., 22.lp. In winter, when the outside temperature dropped to -25 C, the municipal administration in cooperation with police and Scouts organized search and rescue units, which patrolled the city parks, woke up homeless people who fell asleep and forwarded them to shelters. – Сегодня 12.01.1926. С. 6.

the Russian army were buried. Such burials were located near Riga, where the heavy battles took place. These cemeteries quite often were in a neglected condition, without any marks of identification or even crosses. "Сегодня" reported: "Small Russian Scout troops have been the first to decide to act instead of talking. They are acting on their own initiative, without any support and directions from the outside. Scouts restored cemetery, which have been abandoned and forgotten for a long time. They have restored identification marks, placed the burials in appropriate order and made wooden crosses. In such a way, they proved that youth organizations can be much more responsive and kind-hearted, compared to the social organizations which are tasked to take care of such burials"[35]. Such activities started in 1926 and soon attracted the attention of the governmental organization – the Brethren Cemetery Committee. The Committee took over the initiative and in 1931 erected the monument in the Brethren Cemetery restored in Babīte[36]. In Latgale (east part of Latvia, where about 75% of all Russians lived) Russian Scouts assisted Sunday school directors. The priest of the Russian Orthodox church in the name of Protection of the Holy Virgin in Demene (a village nearby Daugavpils), father Gennady Komorovsky said: "Scouts are the closest assistants of the priest in all affairs related to the moral education of the new generation"[37].

Russian Scoutmasters (leaders of the Scout troops) took part in meetings of the organizing committee of the annual event "The Days of the Russian Culture". The festival was organized under the jurisdiction of the "Russian educational organization" in all Latvian cities and towns where notable number of Russians lived. The festival was the largest public manifestation of the Russian community in Latvia[38]. In Riga, the festival's events mainly took place at Miera Dārzs (a large park in the Moscow suburb, a historical Russian district), where performances of choirs and folk dance ensembles, spectacles and plays, exhibitions and folk markets were organized. Some of these amusements were organized by the Russian Scout troops[39]. As has been mentioned above, Russian Scout units were under the jurisdiction of the LSCO, thus they took part in all annual national celebrations along with the Latvian Scouts, such as Latvian Independence Day, Lacplesis Day[40], the opening of the Monument of Freedom, processions and other government manifestations.

---

[35] Сегодня 03.08.1926. С. 6.

[36] Сегодня 17.08.1931. С. 4

[37] Сегодня 28.10.1926. С. 2. During Orthodox celebrations in Riga, churches were overcrowded and sometimes some of the church goers even fainted. Scouts assisted to the administration of the largest Orthodox church in Riga, the Nativity of Christ Orthodox Cathedral, providing the first aid and further care for such persons. – Сегодня 22.04.1930. С. 5.

[38] More information: Фейгмане 2000. С. 186–190.

[39] LVVA, 2415.f., 1.a., 82.l., 44.lp

[40] Memorial day (November 11) celebrated the victory over the West Russian Volunteer Army – a joint Russian-German volunteer force led by the warlord Pavel Bermondt-Avalov – at the Battle of Riga in 1919 during the Latvian War of Independence.

The members of Scout and Guide[41] troops were 13-16-year-old youths. Since these troops cannot exist without financial support from the outside, sometimes lack of such support led to the closing of the units. This problem was essential in the case of the Russian Scouts - Russians were the poorest minority in the country and this factor impacted the financial situation of the Scout troops. Another problem was a relatively poor informational spectre and propaganda – Russian Scout troops did not issue flyers or magazines for the promotion of the movement, and did not arrange promotional campaigns, thus the lack of such public activities slowed down the development of the Russian Scouting movement in Latvia. At the same time, Latvian Scouts and Scouts of large Latvian minorities (as Jew, German and Polish Scouts) received wide financial, informational and other support by social organizations of each community[42]. These problems were realized by the part of active Russian community and in 1931 the "Friends of Russian Scouts and Guides" was founded[43]. Members of the board were the Scoutmasters of the leading Russian Scout units, public persons, Russian entrepreneurs and others. The organization arranged entertainment events, spectacles, plays, lotteries, and performances of popular musicians, bands and singers. All income, as well as the member fees, was directed to the needs of Russian Scouts. Furthermore, the Friends issued the newspaper "Маяк" (Mayak) – an informational periodical aimed at promoting the movement. The newspaper depicted the life of the Russian Scouts, Scouting ideology and history, and provided insights into peculiarities of the Scouting movement in other countries etc.[44]

The most popular Russian youth movement was Sokol, an exclusively Slavic youth movement, which was founded in Prague in the Czech region of the Austrian Empire in 1862 by Miroslav Tyrš and Jindřich Fügner. In fact, it was a hidden manifestation of the national identity and separatist trends of the Czech nation in the Empire of the Habsburgs[45]. The aim of the organization was the education and training of the new physically strong and educated, nationally oriented generation. For physical training, special Sokol gymnastics by Miroslav Tyrš was even invented. The educational spectre was conducted by lectures and group discussions[46]. At the beginning of the 20th c., the movement spread in all Slavic countries as well as in the Russian Empire. During the First World War, Sokols were volunteers in the Russian army and joined the White movement during the Civil War. As Russian Sokols were against Bolshevism, a lot of members were arrested, while a large number of Sokols emigrated abroad. In 1920 the first organization of Russian Sokols was

[41] Guides – female scouts, acted in troops of Russian guides.
[42] Сегодня 25.02.1929. С. 5.
[43] LVVA, 5911.f., 1.a., 1.l., 1.lp.
[44] For additional information: Маяк 1933–1934.
[45] Nolte 2003. P. 40–41.
[46] Краевой союз русского сокольства в Югославии 1935. С. 6–7; 44–49.

founded in then Czechoslovakia (in Prague), then in the State of the Slovenes, Croats and Serbs (in Belgrade) and in other countries where Russian emigres lived. In Soviet Russia, the Sokol movement was banned in 1923.

In exile the movement was directed by former officers of the White armies. Thus, the movement had a strong anti-Bolshevik orientation and the ideology of revanchism mixed with the original basis of the Slavic Sokol movement. The training and education of the youth were aimed to create a new nation (in fact a new generation of the White movement), who will participate in an intervention against the Bolsheviks and will be involved in the resurrection of Russia after the fall of the Bolshevik regime[47].

The first Sokol organization in Latvia was founded in 1928 in Daugavpils. Two years later another organization was founded in Riga. Thus the Sokol movement in Latvia developed in two centers, and around 10 branches, in the jurisdiction of the central organizations, with about 1,000 members at the peak of the activity in total[48]. Sokol was a Slavic movement, and in Latvia was represented exclusively by Russian organizations, and during the first half of 1930s acted under the jurisdiction of the centers in Belgrade and Prague. Only slavs were allowed to participate as active members, potential members of other nations could participate as passive members, with limited rights, such as being forbidden voting rights, participation board meetings etc.[49] The average age of the Sokols was between 16-18 years.

The movement in Latvia was directed by well-known public figures, deputies of city councils, writers, teachers, journalists and former white officers. In addition to the trainings and internal lectures, Sokols organized public evenings, where the demonstrations of the gymnastic exercises and acrobatic tricks, were followed by performances of prominent actors, singers, choirs. Sokols organized the lectures of local and famous international Russian philosophers, writers, politics and clergy such as Ivan Ilyin, Ivan Shmelev, Vladimir Ilyin, Hieromonk John (Shahovskoy) and others[50].

In the same way as Russian Scouts, Sokols took care of abandoned cemeteries, where Russian soldiers were buried. Thus, within two years, the Sokols of the Daugavpils chapter restored over 1,000 (sic!) graves at an almost abandoned First World War cemetery and replaced more than 50 crosses[51]. In 1931, the same organization took part in a monument opening, which was dedicated in honor of fallen soldiers[52].

The Sokols of Riga focused their attention on taking care of cemeteries in Dubulti and Ikšķile – towns nearby Riga, where bloody battles in 1915–

[47] Ibid. C. 189.
[48] Gusačenko 2017. 146; 148–150. Lpp.
[49] LVVA, 3285.f., 1.a., 2.l., 13.lp.
[50] Gusačenko 2017. 65, 71, 79, 104. lpp.
[51] Гимнастическое общество "Русский Сокол" в Двинске 1933. С. 10.
[52] Latvijas Kareivis 1931. 3. lpp.

1917 took place. The front line went through Ikšķile, and, as a result, almost all buildings were ruined, including the Orthodox Church of Archistratege Michael. In the 1930s, a new project of the church renewal was developed by the architect of the Holy Sinode Vladimir Shervinsky. But the local parish was not able to collect the necessary funding. The Russian society, as well as Sokols, helped them in the raising of donations in Riga and in 1936 the building of the church was concluded. In 1935, on the initiative of the Sokols, the same architect developed the project of the monument in the name of the soldiers buried at the cemetery in Ikšķile. For this purpose, the Sokols initiated a donation drive, but one which did not get large support within society, and thus the project was "frozen"[53]. In 1931 the Sokols of Riga received a proposal from the Russian Charity Organization to take over the full care of the Orthodox church in the name of the icon Mother of God "Joy of all who sorrow" in Riga. The proposal was unanimously accepted and the Sokols provided the firewood for the church, arranged the cleaning of the spaces, sang in the church choir and even helped the priest during the liturgy in the altar[54].

As most popular Russian youth organizations, Sokols took part in the popular "Days of Russian Culture" in all cities and towns where the branches were located[55]. After the liturgy (as the event opening) and the official parade of Russian public organizations, the Sokols arranged acrobatic demonstrations, performed spectacles, singed in choirs, arranged kiosks in the Russian folk style, and even invited the circus artists to take part in the celebration with a trained bear[56]. Furthermore, Sokols participated in charity markets, where "Russian stands" decorated in the folk style were usually set-up to sell national food and drink, which was accompanied by folk dance and singing performances. All the income was directed for the purpose of charity.[57]

In accordance with the peace treaty with Soviet Russia (signed on August 11, 1920) anti-Bolshevik organizations in Latvia were officially forbidden, as they were hostile towards Soviet Russia[58]. Being a movement under jurisdiction of the centers controlled by former Russian White officers, Sokols in Latvia were suspected as "monarchistic" organizations, and were supervised by the Political Police[59]. To avoid closing of their organizations, Sokols

[53] Gusačenko 2017. 98.—104. lpp.
[54] LVVA, 3285.f., 1.a., 3.l., 116.lp.
[55] Сегодня 15.05.1932. С. 1.
[56] LVVA, 3285.f., 1.a., 68.l., 50.lp.
[57] Сегодня вечером 14.04.1937. С. 4.
[58] Section IV, Article 2 of the peace treaty prohibited the organization and activity of any groups and organizations aiming to overthrow the government of the other party to the treaty. – Miera līgums starp Latviju un Krieviju. http://www.mfa.gov.lv/stpetersburg/sadarbiba-ar-krievijas-federaciju/miera-ligums-starp-latviju-un-krieviju
[59] All Russian anti-Bolshevik organizations and people linked with them in Latvia were deemed "Russian monarchists". But, in fact, ideology of monarchism, aiming to restore monarchical power, was declared only by a few anti-Bolshevik organizations. Even during

tried to act highly loyal towards the government and from the middle of the 1930s quit and denied any connections with the White centers. To verify the loyalty, especially during the authoritarian regime of Kārlis Ulmanis, Sokols participated in all governmental celebrations and public manifestations and several times visited the Minister of Internal Affairs to approve their apolitical orientation[60]. In reality, the suspicion was reasonable – anti-Bolshevik moods were rather common inside the Sokol fellowships until the liquidation of the organizations in 1940. A large number of Sokols participated in illegal anti-Bolshevik organizations, and were repressed by the Soviet regime.

The third Russian large youth movement in interwar Latvia – the Unity of the Orthodox Russian Students – was, in fact, a branch of the international movement of the Russian Christian Students, spread in European countries where the Russian emigres lived. The main center was in Paris, directed by well-known Russian theologians and philosophers. In Latvia the first organization was founded in 1928 as a result of combining several Russian theological sections, where the people interested in Orthodoxy gathered and discussed theological matters. Within the next several years, 13 sections, which numbered around 100-150 persons each, were founded. Sections worked under the jurisdiction of central organization in Riga and branches in Daugavpils and Rēzekne. The aim of the Unity was "to unify the Christian youth for the good of the Orthodox Church by attracting students", "to educate the participants to protect the religion and the Church, and participate in missionary activities in conditions of modern materialism and atheism"[61]. It is important that the "Orthodox" meaning in the name of the Unity was not an obstacle for membership – any Christian student, graduate or the person who studied in high school could participate in the organization. The Unity organized congresses, conferences, lectures and seminars, where theological, philosophical and pedagogical problems were discussed[62]. As lecturers, local clergy, theologists and historians were attracted, but almost at every conference lectures were conducted by well-known lectors from "Russia Abroad". Among them were such prominent persons as Lev Zander, Ivan Logovsky, mother Maria (Skobcova), Lev Liperovsky, Vasily Zenkovsky, Boriss Vishesclavcev and many others.

In the beginning of the 1930s, under the jurisdiction of the center in Riga, a pedagogical bureau was founded, which organized pedagogical courses, directed by Vasily Zenkovsky, representative of the Paris organization in Riga. Under the guidance of Mr. Zenkovsky, a close cooperation between the

---

the Civil War, the White movement mainly adhered to the so-called "undefined" concept of the future Russian political system. Their general aim was the destruction of Bolshevik dictatorship, but the future Russian political system had to be defined by a popularly elected Constituent Assembly. See: Басик и др. 2007.

[60] LVVA, 3285.f., 1.a., 14.l., 2.lp.

[61] LVVA, 3724.f., 1.a., 7922.l., 107.lp.

[62] Ibidem.

similar bureaus in Riga and Paris was established. The bureau organized theological and pedagogical seminars in Riga, Daugavpils and Rēzekne, where educational questions and pedagogical problems were discussed. Lecturers shared their experience and knowledge based on the latest pedagogical methods widely used in Europe. The events were supported by the local Orthodox clergy and the municipal administration. In Rēzekne, over 400 persons visited the seminar and the main City Hall was overcrowded. There were similar situations in other cities where the seminars were organized[63]. For educational purposes, the Unity arranged so-called mobile libraries, which travelled from town to town and were in demand in the countryside[64].

In 1931, under the supervision of the Unity, the squads of "Витязи" (Vitjazi) and the "Девичьи дружины" (Devich'y druzhini) were founded. They were based on the practice of Scouting with the large additional spectre of national and religious education[65]. More than 130 girls and boys, with the average age of 13-14, were a part of the squads. At the same time, the Unity organized a kinder garden for the poor Russians in Riga, based on Sunday school practice[66]. In 1931, a section of icon painting and the free of charge courses of Latvian, English, German and French studies were founded[67].

The Unity also participated in the Social committee founded in 1929 under jurisdiction of the Holy Sinode for the needs of the people of Eastern Latvia, where the threats of famine took place due to the low harvest of that year. The committee collected donations, organized so-called "fast reaction medical squads", which in general were managed by the Russian students, who distributed the products and other material goods in the regions of risk.

As other Russian organizations, the Unity also participated in the annual "Days of Russian Culture", by organizing spectacles, plays, choir singing, performances etc.[68] Lecturers of the organizations, as well as their foreign colleagues, participated in public events, dedicated to Russian writers. For example, remembering the 50th anniversary since the death of Fjodor Dostoyevsky, Lev Zander (the secretary of the Union in the Baltics, and a famous Russian philosopher and writer) took part as a lecturer in the event arranged at the Russian Theatre. Several days later, he was invited by Latvian educational organizations and conducted a lecture at the University of Latvia[69].

In the fall of 1934, police arranged the sudden search of headquarters of the Unity in Riga. Several persons were arrested and put into detention cells. The official reasoning of the arrests was suspicions in the assassination of

[63] Плюханов 1993. С. 106–107.
[64] Сегодня 17.06.1928. С. 8.
[65] Сегодня 25.02.1929. С.5.
[66] LVVA, 3724.f., 1.a., 7922.l., 48.lp.
[67] Плюханов 1993. С. 76.
[68] LVVA, 5911.f., 1.a., 3.l., 1.lp.
[69] Сегодня 05.02.1931. С.8.

Archbishop Jānis (Pommers). The cause was so absurd that police officers themselves confessed this during the interrogations[70]. Soon the case was thrown out, but the Unity was disbanded, with the official reasoning as follows: "Despite its statutes, the Unity of the Orthodox Russian Students behave in a spirit of Russian chauvinism and in a way of Russification. Furthermore, the organization is a branch of the Movement of Christian Russian Students – the organization of Russian emigrants with hidden military context, based in Paris and aimed to recover the "Great, Holy and indivisible Russia". As stated in the conclusion of the Political Police, the Unity was acting in a hostile way towards the Latvian statehood. It was closed down in December 1934[71].

The historical context of Latvia was fruitful soil for the social and cultural activities of the Russian community during the interwar period. Despite the quite poor economic situation, as well as low level of education (political indifference), Russians were active in aspects of organized social and cultural manifestations. Among more than 150 Russian organizations, especially active were organizations of international youth movements. The Russian Scout movement, the Sokol movement and The Unity of The Orthodox Russian Students were the three largest Russian youth movements during the interwar era in the Republic of Latvia. As the movements were imported into Latvia and had an international discourse, almost all of them were founded with participation of Russian emigres. In addition to the specific activity of every movement, extra attention to public activities for the good of the society was paid. The movements frequently cooperated in some fields of their activities, but in other aspects of their social work each of them acted in a different, unique way. Depending on the movement, their social investment varied from the maintenance of cemeteries and cooperation with firefighters to the supporting and subsidizing of the churches, as well as organizing educational conferences conducted by famous foreign philosophers of "Russia abroad".

Despite income from member fees, self-taxation, and rare subsidies, the financial situation of Russian youth movements often was quite poor. This obstacle limited a larger scale of social activities, which were initially planned by the organizations. Nevertheless, when looking at activities aimed for the good of society, the youth movements sometimes were more active than adult Russian organizations, which had much more financial opportunities.

Inner and international political collisions, complicated relationships between the Soviet Union and Kārlis Ulmanis' authoritarian regime reflected on the Russian youth movements as on the most public organizations in Latvia. Due to political reasons, the Unity of the Orthodox Russian Students was disbanded, the Sokols were forced to cardinally change their ideological basis and international leadership structure. Despite this, the organizations of the

[70] Плюханов 1993. С. 147
[71] LVVA, 3724.f., 1.a., 7922.l., 3.lp.; 48.lp.

Sokol movement and Russian Scout troops continued to exist until the beginning of the Soviet regime in the summer 1940, when the movements were banned, the organizations eliminated and most of the participants repressed.

ИСТОЧНИКИ

Latvijas valsts vēstures arhīvs (LVVA). 2415.f., 1.a., 82.l., 75.lp.
LVVA. 2415.f., 1.a., 135.l., 22.lpp.; 82.l., 44.lp.
LVVA, f. 5911., 1.a., 1.l. 1.lp.; 1.apr., 3.l., 1.lp.
LVVA, 3285.f., 1.a., 3.l., 116.lp.; 68.l., 50.lp.; 14.l., 2.lp.
LVVA, 3724.f., 1.a., 7922.l., 107.lp.
Балтийско-русский сборник. Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института. Издание подготовили Лазарь Флейшман и Борис Равдин. Stanford, 2004.
Балтийско-русский сборник. Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе. Из Архива Гуверовского института / Издание подготовили Лазарь Флейшман и Борис Равдин. Stanford, 2007.
Дни русской культуры в Риге // Сегодня. 15.05.1932. 1. lpp.
Идеал русского ровера // Маяк Нр.2. Рига: Общество друзей русских скаутов и гайд, 1933. С. 8–9.
Краевой союз русского сокольства в Югославии. Основы русского сокольства. Белград: Союз Русского Сокольства, 1935. С. 6–7; 44–49.
Морозы в Латвии // Сегодня. 12.01.1926. С. 6.
Открытие памятника жертвам мировой войны у станции Бабите // Сегодня. 17.08.1931. С. 4
Предсоборное совещание православных священнослужителей // Сегодня. 28.10.1926. С.2.
Работа русских скаутов нуждается в поддержке русской общественности // Сегодня. 25.02.1929. С. 5.
Русский ежегодник за 1939 г. Рига: РНО, 1940. С. 69–71.
Русское студенческое православное единение // Сегодня. 17.06.1928. С. 8.
Светлый праздник в Риге // Сегодня. 22.04.1930. С. 5.
Сегодня - вечер памяти Достоевского // Сегодня. 05.02.1931. С. 8.
Скауты изучат приемы обращения с огнестрельным оружием // Сегодня. 30.09.1938. С. 6.
Слова и дело // Сегодня. 03.08.1926. С. 6.
Otrā tautas skaitīšana Latvijā 1925. gada 10. februārī. M. Skujnieka teksts un redakcija. Rīga: Valsts statistiskā pārvalde, 1925. 68. lpp.
Pieminekļa atklāšana Daugavpilī // Latvijas Kareivis. 18.09.1931. 3. lpp.
Salnītis, V. Ceturtā tautas skaitīšana. Marģera Skujnieka redakcijā. Rīga 1936, 31. lpp.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии, 1917–1944 годы. Vol. 1-4. Stanford, 1991 [Abyzov Ju. Russkoe pechatnoe slovo v Latvii, 1917–1944 gody. Vol. 1-4. Stanford, 1991].
Абызов Ю. А издавалось это в Риге. 1918–1940. Москва: Русский путь, 2006 [Abyzov Ju. A izdavalos' jeto v Rige. 1918—1940. Moskva: Russkij put', 2006].
Анохин Д. Как мы жили в довоенной Риге. Рига: Студия дизайна Е. Шашевой, 1998 [Anohin, D. Kak my zhili v dovoennoj Rige. Riga: Studija dizajna E. Shashevoj, 1998].
Басик И.И., Авдеев В.А., Алексеев Ю.А., Жадобин А.Т., Зданович А.А., Карпов В.Н., Марковчин В.В., Муранов В.И. Русская военная эмиграция 20-40х годов XX века. Документы и материалы. М., 2007 [Basik I.I., Avdeev V.A., Alekseev Ju.A., Zhadobin A.T., Zdanovich A.A., Karpov V.N., Markovchin V.V., Muranov V.I. Russkaja voennaja jemigracija 20-40h godov HH veka. Dokumenty i materialy. M., 2007].
Гаврилин А. Русские эмигранты в межвоенной Латвии: Правовой статус и попытки самоорганизации // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX века. Москва: ИВИ РАН, 2015 [Gavrilin A. Russkie jemigranty v mezhvoennoj Latvii: Pravovoj status i popytki samoorganizacii // Rossija i Latvija v potoke istorii. 2-ja polovina HIX – 1-ja polovina XX veka. Moskva: IVI RAN, 2015].

Гусаченко А. Движение «Сокол» в контексте русской эмиграции в Латвии в 20–30-х годах XX века // Вопросы исторической науки: материалы IV Междунар. науч. конф. Москва: Буки-Веди, 2016.

Гусаченко А. “Сокольство”, "скаутизм" и русская эмиграция в довоенной Латвии. “Берега”. Санкт-Петербург: ИКЦ "Русская эмиграция", 2017 [Gusachenko A. “Sokol'stvo”, "skautizm" i russkaja jemigracija v dovoennoj Latvii. “Berega”. Sankt-Peterburg: IKC "Russkaja jemigracija", 2017].

Ковальчук С.Н. Настоящий изгнанник с собой всё уносит. Судьбы учёных-эмигрантов в Латвии. 1920-1944 гг. Москва: Новый хронограф, 2016 [Koval'chuk S. N. Nastojashhij izgnannik s soboj vsjo unosit. Sud'by uchjonyh-jemigrantov v Latvii. 1920-1944 gg. Moskva: Novyj hronograf, 2016].

Плюханов, Б. РСХД в Эстонии и Латвии. Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. Paris: YMCA-Press, 1993 [Pljuhanov, B. RSHD v Jestonii i Latvii. Materialy k istorii Russkogo Studencheskogo Hristianskogo Dvizhenija. Paris: YMCA-Press, 1993].

Полчанинов, Р. Лекции по истории российского разведчества-скаутизма 1909–2009. N.Y.: Издание Сектора истории и архива Главной квартиры Зарубежной ОРЮР. С. 4–13.

Фейгмане Т. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига: БРИ, 2000 [Fejgmane T. Russkie v dovoennoj Latvii. Na puti k integracii. Riga: BRI, 2000].

Dribins L. Latvijas nacionālo minoritāšu historiogrāfija. II daļa. Latvijas nacionālo minoritāšu historiogrāfija atjaunotajā Latvijas Republikā 1990.–2008. gadā. LVIŽ 2009, 2. Rīga: LVI, 2009. 109.lpp.

Dribins L. Mazākumtautības Latvijā. Rīga: LU FSI, 2007.

Gusačenko A. “Sokol” organizāciju darbība Latvijā 1928.–1940. gados”. Maģistra darbs. Rīga: LU, 2017.

Hungtington W.C. The Homesick Million. Russia out of Russia. Boston: The Stratford Company, 1930.

Kletnieks, V. Latviešu skautisma cetrdesmit gadi. Mineapole.1960. 20-23. lpp.

Nolte C. The Sokol in the Czech Lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 40- 41.

Podmazovs, A. Vecticība Latvijā. Rīga: LU FSI, 2001, A. 54.-55. lpp.

Volkovs V. Krievi Latvijā. LU: FSI, 1996.

Volkovs V., Apine I. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. Rīga: LU FSI, 2007.

***Гусаченко Андрей Сергеевич**, магистр исторических наук, научный ассистент, Институт истории Латвии Латвийского Университета; andrejs.gusacenko@lu.lv*

Общественная деятельность русских молодежных движений в Латвийской республике в 1920-1940 гг.

The article presents the analysis of social activities of the most popular Russian youth movements in the interwar Latvia. Within the framework of the publication, the cultural and social manifestations of the Russian minority are reflected as a part of the phenomenon of Russia abroad”. Traditions of social and cultural activities rooted in the memories of the Russian Empire were fertile soil for the same activities during the interwar period. Especially notable were the manifestations of such Russian youth movements as the Russian Scouts, Sokol movement and the Unity of The Russian Orthodox Students. Conducting an analysis of the movements, the author has drawn attention to their work for the good of the society. Conclusions about the aspects of the international and inner political situation which affected the organizations were reached.

Keywords: Republic of Latvia, The history of Russian emigration, Russian ethnical minority, Scouting, Sokol, RSPE, Russian youth movements

***Andrejs Gusachenko**, Mag. hist, Scientific Assistant, Institute of Latvian History at the University of Latvia; andrejs.gusacenko@lu.lv*

Любица Гарбульова

РУССКИЕ УЧЕНЫЕ В СЛОВАКИИ ИНТЕРАКЦИЯ СЛОВАЦКОЙ И РУССКОЙ НАУКИ (1920–1945)

Первые русские ученые-эмигранты, покинувшие Россию после революции, прибыли в Словакию в начале 1920-х гг., чтобы поступить на факультет недавно основанного Университета им. Яна Амоса Коменского в Братиславе. Доля интеллектуалов в русской общине выросла в 1930-х, когда в Словакию приехала большая группа русских инженеров и техников. В независимой Словацкой Республике были созданы новые высшие учебные заведения (в основном в области технологий и естественных наук), что привлекло в страну еще больше российских специалистов. Деятельность российских ученых (исследовательская и педагогическая) явилась ценным вкладом в развитие высшего гуманитарного и технического образования и формирование отдельных дисциплин в межвоенной Словакии. Интенсивное и плодотворное научное и профессиональное сотрудничество между словацкими и российскими учеными стало неотъемлемой частью развития науки в России и Словакии в первой половине XX века.

***Ключевые слова*:** *русские ученые-эмигранты, Словакия, интеракция науки*

Беженцы, покинувшие Россию после окончания гражданской войны, стали оседать на территории Словакии с 1921 г. В конце лета в Братиславу по Дунаю прибыли первые группы из Белграда. Первоначально Словакия, как составная часть межвоенной Чехословакии, выполняла для большинства беженцев роль транзитной территории, но часть изгнанников здесь задержалась: одни поступили на учебу, другие нашли работу и впоследствии остались на постоянное место жительства[1]. Так в начале 1920-х гг. в Словакии сформировалось русское эмигрантское сообщество. По сравнению с Чехией и другими европейскими центрами русского зарубежья русская колония в Словакии, не была значительной, от 2500 до 3000 человек. Среди них преобладали рабочие, крестьяне и ремесленники. Немногочисленную интеллигенцию представляли инженеры разного профиля, техники, врачи, служащие в судах, министерствах, преподаватели высших учебных заведений.

Центрами русской эмиграции в Словакии стали столица – Братислава, и восточнословацкий город Кошице. Здесь образовались наиболее крупные колонии, возникли эмигрантские общества и союзы, была сосредоточена общественная и культурная деятельность русских эмигрантов в Словакии. В Братиславе в 1920–1939 гг. существовало 12 русских эмигрантских организаций и обществ, самые известные – Русский кружок, Галлиполийское землячество, Общество русских инженеров и тех-

[1] Подробнее смотри: Harbuľová 2001.

ников. В Кошице работали две русские организации: Русский кружок и Объединение русских эмигрантов[2]. Кроме того, в Словакии существовал и конфессиональный центр эмиграции, которым стала деревня Ладомирова в северо-восточной части Словакии, где в 1923–1944 гг. работала Русская православная миссия и типография св. Иова Почаевского[3].

В сознание словацкого населения русская эмиграция вошла прежде всего благодаря деятельности ее интеллигенции, в частности ученых и преподавателей, работавших в высших учебных заведениях.

Русская интеллигенция перебиралась в Словакию постепенно, в три этапа. Первая группа русских ученых приехала в Словакию в начале 1920-х гг., потому что здесь существовала возможность применения профессиональных знаний и продолжения преподавательской деятельности в новообразованных словацких высших учебных заведениях. Одновременно в страну в небольшом количестве перебрались, русские врачи и юристы. Второй этап относится к началу 1930-х гг., когда в Словакию приехали русские инженеры и техники, получившие образование в чешских технических вузах. Они активно включились в практическую деятельность страны (например, в постройку железных дорог).

Третий этап связан с созданием в Словакии в конце 1930-х – начале 1940-х гг. новых высших учебных заведений, главным образом технического и естественнонаучного направлений[4]. Для работы в них прибыли несколько русских специалистов-эмигрантов, прежде всего из Чехии. Свою роль здесь сыграла и общественно-политическая ситуация в Европе и в Чехословакии в 1938–1939 гг. Начало Второй мировой войны оказало большое влияние на жизнь всех русских эмигрантов в Европе, не исключая Чехословакию. В это время в Словакию прибывают последние русские ученые-гуманитарии, которые пополняют состав русской интеллигенции, проживающей в Словакии.

В Словакии жизнь в сфере науки и высшего образования в начале 1920-х гг. сосредоточивалась, прежде всего, вокруг Университета им. Яна Амоса Коменского в Братиславе. Молодой, основанный в 1919 г. Университет, решая проблему кадрового обеспечения некоторых научных дисциплин, был готов открыть свои двери для иностранных специалистов. Прибывшие в Словакию русские ученые, прежде всего, связали свою жизнь именно с этим учебным заведением.

Первым в Словакию в 1921 г. приехал историк Евгений Юлианович Перфецкий (1888–1947)[5]. Он начал работать в качестве ассистента

---

[2] Подробнее см.: Harbuľová 2001. С. 132–166.

[3] Подробнее см.: Harbuľová 2000.

[4] В 1937 г. чехословацким правительством было принято постановление об основании Словацкой высшей технической школы, и в 1939 г. начал работать Факультет естественных наук Университета им. Коменского в Братиславе.

[5] См.: Dostaľ 1995. С. 51-56; Daniš 2015. С. 20–28.

исторического семинара на философском факультете братиславского университета. В 1922 г. он получил звание доцента российской истории, по специализации «история Подкарпатской Руси». В 1935 г. президент республики присвоил ему звание экстраординарного профессора. В течение всего периода его работы на философском факультете (вплоть до самой смерти в 1947 г.) он преподавал историю восточных славян, историю России и историю Подкарпатской Руси. Последняя долгое время оставалась приоритетным направлением и в его научных исследованиях. Этой теме он посвятил ряд монографий[6] и множество статей. Другой ведущей областью научных интересов Перфецкого во время его пребывания в Словакии была древняя и средневековая русская история, прежде всего, в экономическом, философском и культурном аспектах[7]. Кроме того, ученый принимал участие в работе научных обществ: Ученого общества им. П.Й. Шафарика в Братиславе, Чехословацкого общества по изучению вопроса о нацменьшинствах в Праге. Не забывал он и о популяризации истории России в Словакии, чему способствовало чтение многочисленных лекций по всей стране[8].

В 1923 г. на тот же философский факультет Министерством школ и народного просвещения ЧСР был приглашен известный русский славист Валерий Александрович Погорелов (1872–1955)[9]. В следующем году декретом Президента Республики ему было присвоено звание «договорного» профессора русского языка и литературы. Содержание его педагогической работы составили лекции по русской филологии и литературе. Погорелов продолжал в Словакии и свои исследования в области сравнительно-исторической филологии: он анализировал древнерусские и староболгарские рукописи, изучал памятники кирилло-мефодиевской традиции, период древнейшей истории славян и его письменные источники. По этой проблематике Погорелов опубликовал ряд статей в научной периодике – журналах «Slavia», «Byzantinoslavica», «Slovenské pohľady», «Bratislava», позже обобщив их в монографии «Кирилл, Мефодий, Горазд. Их деятельность и происхождение»[10]. Во время пребывания в Словакии он расширил круг своих научных интересов, обратившись к карпаторусской проблематике[11], но не забывал и русскую литературу – ее популяризации в словацкой среде он посвятил

[6] Perfecký 1922; 1924; 1926.
[7] Перфецкий 1922; 1925; 1931.
[8] В 1922–1931 гг. Е.Ю. Перфецкий читал лекции в 40 городах Словакии и Подкарпатской Руси. Тематика их была разнообразна: начальная история России, прошлое украинцев и восточных славян, идеологические и духовные аспекты жизни России в XVIII–XIX вв. и др.
[9] О деятельности В.А. Погорелова в Словакии см.: Harbuľová 2001. С. 103-110.
[10] Pogorelov 1936.
[11] См. также: Pogorelov 1939(a); 1939(b); 1939(c).

несколько статей. Русская литература и ее ведущие представители часто были предметом лекций, которые он читал по всей Словакии[12]. Многочисленные глубоко фундированные специальные исследования ученого публиковались не только в Словакии, но и в русских, польских, немецких и чешских научных журналах. В.А. Погорелов также активно участвовал в деятельности русского землячества в Словакии, русских обществ в Братиславе, помогал русским студентам, учившимся в словацких вузах. Перед приходом Красной армии в 1945 г. ученый уехал в Германию, последнюю часть своей жизни провел в Мюнхене.

В отличие от своего коллеги (с которым одно время сотрудничал в Варшавском университете), перебравшийся в Словакию лишь в 1925 г. профессор Томского университета, славист Александр Дмитриевич Григорьев (1874–1945), не смог найти места в высшей школе. Ему пришлось поселиться в Восточной Словакии, в городе Прешов, где он преподавал русский язык и литературу в русской гимназии. Однако он продолжил начатые еще в России исследования по русской фольклористике и диалектологии, публикуя их в чешском научном журнале «Slavia»[13]. Александр Дмитриевич поддерживал контакты с русскими учеными, жившими в Праге, и в 1929 г. участвовал в первом съезде славянских филологов, проходившем в столице Чехословакии. Он работал в Прешове до 1936 г. Выйдя на пенсию, переселился в Прагу[14].

В развитие языкознания и славистики внес вклад и приехавший в Братиславу в марте 1941 г. русский славист Александр Васильевич Исаченко[15]. Преподававшего в Люблянском университете профессора пригласили словацкие коллеги с философского факультета Университета им. Я.А. Коменского, но место, которое ему прочили, не освободилось, и ему пришлось зарабатывать на жизнь преподаванием русского языка и литературы в Высшей торговой школе. Со временем он вернулся к научной работе. Результаты своих исследований древних западнославянских текстов он обобщил в монографии «Язык и происхождение Фрейзингенских отрывков»[16]. По приезде в Словакию он начал собирать материал о Великой Моравии и в работе «О начале образованности в Великоморавской державе»[17] доказал факт создания кирилло-мефодиевских западнославянских литургических текстов на территории Словакии. Он также интенсивно занимался изучением диалектологии, в частности, хорватскими диалектами в словацких подунайских деревнях и

[12] В.А. Погорелов читал лекции по всей Словакии. Тематически они посвящались главным образом творчеству А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.К. и Л.Н. Толстого.
[13] Григорьев 1928; 1929(a); 1929(b).
[14] Там он издал «Краткую грамматику церковнославянского языка». – Григорьев 1938.
[15] Harbuľová 2003.
[16] Isačenko 1943.
[17] Isačenko 1948.

украинскими наречиями в Северо-Восточной Словакии. Исаченко активно включился в научную жизнь страны и регулярно публиковался в словацких научных изданиях. По окончании войны он остался жить и работать в Чехословакии, но в 1968 г. перебрался в Австрию.

К русским специалистам, работавшим в Университете им. Коменского в межвоенный период, принадлежит также Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971), который в 1936–1939 гг. читал лекции по славянской этнографии на философском факультете. До переезда в Словакию Богатырев работал в Праге, где, будучи деятельным участником Пражского лингвистического кружка проводил исследования в области этнографии и фольклористики. В Братиславе он продолжил поиск более точных методологических (функционально-структуральных) подходов в изучении традиционной культуры. Предметом его исследований стала история народной культуры Словакии и Подкарпатской Руси[18].

Русские ученые-эмигранты внесли вклад и в развитие философии в Словакии. В первую очередь, это Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965). Он приехал из Праги в апреле 1942 г. и в 1942–1945 гг. читал лекции на философском факультете Братиславского университета[19]. Вокруг него постепенно возник круг словацких философов: А. Гирнер, М. Хладный-Гайнош, П. Гула, Й. Панин и особенно Й. Диешка, с которым Лосский сблизился больше всего. Эта группа во главе с Лосским заложила основу издания специального философского журнала под названием «Filozofický zborník (Философский сборник)». Трехлетнее пребывание Лосского в Словакии ознаменовалось изданием монографии «Условия совершенного добра»[20]. Вклад русского философа в научную и университетскую жизнь страны еще в 1944 г. оценил известный словацкий историк, тогдашний декан Философского факультета Братиславского университета Б. Варсик: «Его исключительно активная научная и преподавательская деятельность для нашего факультета была не только полезна, но и невосполнима и незаменима»[21].

Заслуги в деле популяризации русской истории имеет и бывший русский дипломат Георгий Николаевич Гарин-Михайловский, который в 1936 г. переехал из Праги в Братиславу[22]. Ему не удалось найти места на юридическом факультете Братиславского университета, своими профессиональными знаниями дипломата и юриста-международника он делился со словацкой публикой в десятках публицистических статей в газетах «Slovenský denník (Словацкий дневник)» и «Slovák (Сло-

[18] См., напр.: Bogatyrev 1935; 1937(a); 1937(b).
[19] Подробнее о пребывании Н.О. Лосского в Словакии см: Matejko 1992(a); 1992(b).
[20] Losskij 1944.
[21] Archív UK Bratislava (Архив Университета Коменского Братислава). Fond: R-UK. Č.k. 70. Osobný spis profesora N.O. Losského.
[22] См.: Гарбульова 2008.

вак)»[23]. Статьи касались актуальных проблем международных отношений 1930–1940-х гг. и международного права, а также истории России в разные периоды, внешней политики царской России и СССР, русской культуры и ее выдающихся представителей. В 1939 г. Гарин-Михайловский стал референтом отдела печати МИД Словацкой республики. В этом министерстве он проработал до апреля 1945 г., когда был арестован органами СМЕРШ, отправлен в СССР, где скончался.

Русские ученые-гуманитарии обеспечивали не только педагогический процесс, они активно включились в научную жизнь Словакии, сотрудничали со словацкими коллегами, становились членами научных обществ: Ученого общества им. П.Й. Шафарика, Словацкого языковедческого общества при Матице словацкой. Они публиковали результаты своих исследований в научных журналах: «Prúdy», «Slovenské pohľady», «Bratislava» и др.; выступали с публичными лекциями. Между представителями русской и словацкой интеллигенции складывались личные дружеские отношения, например, между историком Е.Ю. Перфецким и словацким писателем Йозефом Грегор-Тайовским; в приятельских отношениях находились лингвисты В.А. Погорелов и Людовит Новак.

Центром научно-исследовательской работы в гуманитарной области в 1920–1930-х гг., помимо Философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе, была организация под названием Matica slovenská (Матица словацкая), основанная в 1863 г. в городе Мартине. Во главе этой культурно-научной организации стоял известный словацкий языковед и литератор Й. Шкултети. Матица издавала свои научные журналы и сборники: «Slovenské pohľady», «Prúdy», Сборник Матице словацкой и Литературно-исторический сборник Матице. В культурных и научных кругах страны большой популярностью пользовался журнал «Slovenské pohľady». Это издание уже с начала 1920-х гг. публиковало научные статьи русских специалистов-эмигрантов, а также переводы произведений Мережковского, Куприна, Зайцева, позже – Бунина, Ремизова, Лескова и др. Переводы на словацкий язык делали Микулаш Гацек, Рудольф Клачко, Антон Придавок, Зора Есенска и др. Матица словацкая в межвоенный период стала организацией, вокруг которой сосредоточилось сотрудничество русской и словацкой интеллигенции, прежде всего в области языкознания, литературоведения и славистики.

Центральной фигурой среди тесно сотрудничавших с Матицей русских ученых-эмигрантов, был глубокий знаток кирилло-мефодиевской проблематики В.А. Погорелов. Его работы печатались почти во всех научных периодических изданиях и сборниках. Словацкие ученые очень ценили работы Погорелова и уважали его как ученого – они торжественно отметили его 70-летний юбилей. Матицей словацкой по

[23] О публицистической деятельности Гарина-Михайловского см.: Рандин 2017.

инициативе А. Мраза и Л. Новака было предпринято издание сборника по находившейся в центре внимания юбиляра проблематике. На посвященном этому событию заседании Философского факультета Университета им. Коменского профессор А. Мраз следующим образом оценил деятельность в Словакии русского ученого: «Следы вашего научного влияния превышают границы университета. В свое научное влияние вы вкладывали и человеческую доброту, и благородство»[24].

С Матицей словацкой сотрудничали также Петр Богатырев и, особенно, А.В. Исаченко. Спустя несколько месяцев после своего приезда (в 1941 г.) последний стал членом ее отдела языкознания. Он регулярно писал статьи по языкознанию и литературоведению в журнал «Slovenské pohľady», подбирал художественные тексты (например, Н. Лескова), с которыми стоило познакомить словацкую интеллигенцию. Вначале его статьи переводил Микулаш Гацек, позже, он выучил язык в такой степени, что смог сам свои научные работы писать по-словацки. Работу Исаченко в Матице высоко оценивал ее секретарь С. Мечиар. Ученый активно сотрудничал со словацкими лингвистами: Людовитом Новаком, Яном Паулиним, Андрейом Мразом и др.

Число русских ученых-гуманитариев в межвоенной Словакии было невелико. Речь шла лишь о нескольких крупных специалистах, приехавших по официальному или личному приглашению. Однако они сумели внести весомый вклад в становление высшего гуманитарного образования и формирование отдельных дисциплин (славистика, лингвистика, славянская этнология, философия и др.).

Не менее значимым было влияние русских ученых-эмигрантов в развитие технических и естественнонаучных дисциплин в Словакии. В конце 1930-х гг. в стране начали формироваться новые высшие учебные заведения, главным образом технического и естественнонаучного направления, что и обусловило, как говорилось выше, новый прилив русских специалистов-эмигрантов в Словакию.

В 1938 г. в страну приехал геолог Дмитрий Андрусов (1897–1976). Он сначала возглавил Геологический институт Словацкой высшей технической школы в г. Мартин, а в 1939 г. вместе с Институтом переехал в Братиславу, где сосредоточился на преподавании геологии в Словацкой высшей технической школе[25]. В 1941–1944 гг. профессор параллельно преподавал на естественнонаучном факультете Братиславского университета. Основным предметом его научных исследований и публикаций были Карпаты[26]. Его многочисленные научные труды ока-

[24] SNK – ALU Martin (Словацкая национальная библиотека – архив литературы и искусства Мартин). Fond. A. Mráz. Sign. 52MM13.
[25] О пребывании Андрусова в Словакии см: Andrusová-Vlčeková 1997.
[26] Отметим, напр.: Andrusov 1931; 1932; 1943.

зали существенное влияние на формирование геологии как научной дисциплины в Словакии.

В 1939 г. в Братиславу из Праги перебрался Михаил Михайлович Новиков (1876–1960), бывший в свое время ректором Московского университета. В Праге он преподавал в Русском свободном университете, а в Словакии, сразу после приезда, возглавил недавно созданный на Факультете естественных наук Братиславского университета Институт зоологии и сравнительной анатомии животных. Он стал членом Словацкого научного общества, публиковал научные работы как по теме своих исследований, так и по зоологии в целом[27]. Покинув страну в 1945 г., он тепло вспоминал годы, проведенные здесь[28].

В Словацкой высшей технической школе в то время работали и другие русские специалисты. Константин Белоусов (1896–1977) стал в 1940 г. профессором Словацкой высшей технической школы по специальности «строительство водных сооружений». В рамках этого учебного заведения он основал и сам возглавил Институт водного строительства и хозяйства. Одновременно активно работал над проектами использования водной энергии Словакии[29]. В марте 1945 г. переехал в Германию. В 1942 г. профессором Словацкой высшей технической школы стал Николай Николин (1896–?), он читал лекции по строительству деревянных и железных мостов. В 1941–1945 гг. с тем же учебным заведением сотрудничал русский инженер Александр Георгиевский (1898–1974), специалист по железнодорожному строительству.

Таким образом, при участии русских ученых-естественников и инженеров в Словакии были заложены основы таких дисциплин, как зоология, геология, гидрология, строительство водных сооружений, железнодорожного строительства.

С окончанием войны судьбы русских ученых в Словакии сложились по-разному. Часть из них покинула страну еще до прихода Красной Армии (В.А. Погорелов, Н.О. Лосский, М.М. Новиков, К. Белоусов, Н. Николин), другие остались в Словакии, были арестованы СМЕРШ и погибли (Г.Н. Гарин-Михайловский), но некоторые из оставшихся (А.В. Исаченко, Е.Ю. Перфецкий, Д. Андрусов) после войны продолжили педагогическую деятельность в высших учебных заведениях.

Число русских ученых в Словакии в межвоенный и военный период было невелико, однако они внесли свой вклад в формирование отдельных научных дисциплин и становление высшего гуманитарного и технического образования в стране. Научное и профессиональное сотрудничество, контакты и дружеские отношения словацких и рус-

[27] Из его работ, вышедших в Словакии, см.: Novikov 1942; 1944(a); 1944(b);1944(c).
[28] Новиков 1952.
[29] См.: Belousov 1941; 1942.

ских ученых до 1945 г. были интенсивны и полезны для развития науки в Словакии. Их результаты являются неотделимой частью истории словацкой и русской науки первой половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Andrusov, D. Geologický výskum vnitřního bradlového pásma v západních Karpatech 1,-3. Praha, 1931.

Andrusov, D. Základný rys geologickej stavby Západných Karpát na strednom Slovensku. Bratislava, 1932.

Andrusov, D. Geológia a výskyt nerastných surovín Slovenska. Bratislava, 1943.

Andrusová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou. Dmitrij Andrusov – životopisná črta. Bratislava, 1997.

Belousov, K. Zakladanie stavieb. Bratislava, 1941.

Belousov, K. Hydrológia a vodné stavby. Bratislava, 1942.

Bogatyrev P.G. Funkcia kroja na Moravskom Slovensku. Martin, 1937(a).

Bogatyrev P.G. Funkčnoštrukturálna metóda a iné metódy etnografie a folkloristiky // Slovenské pohl'ady. Bratislava. 1935. roč. 51., s. 550–558.

Bogatyrev P.G. Byli slovenské písně prameňom Puškinovým? // Slovo a slovesnost'. Bratislava. 1937(b). roč.3. , s. 53.

Daniš, M. Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy. // N. O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoji slovenskej vedy. Ed. M. Daniš, L. Rybár. Bratislava 2015, s. 20–28.

Dostaľ M.J. Bratislavské roky historika Eugena Julianoviča Perfeckého // Slovanské štúdie 1995, č. 1, s. 51-56.

Григорьев А.Д. Русские старожильческие говоры Сибири. Вып. 1. К изучению русских старожильческих говоров Сибири. Отд. оттиск из журнала Slavia. Прага, 1928, с. 1-36 [Grigor'ev A.D. Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri. Vyp. 1. K izucheniyu russkih starozhil'cheskih govorov Sibiri. Otd. ottisk iz zhurnala Slavia. Praga, 1928, s. 1-36].

Григорьев А.Д. Мои воспоминания о записи Кулойских былин // Slavia. 1929(a), roč, VII, sv. 4, c. 980–983 [Grigor'ev A.D. Moi vospominaniya o zapisi Kulojskih bylin // Slavia. 1929(a), roč, VII, sv. 4, s. 980–983].

Григорьев А.Д. Происхождение русских говоров Уральских губерний: Пермской, Уральской и Оренбургской. // Sborník práce I. Sjezdu slovanských filológu v Praze 1929(b). Praha: Nákladem výboru 1932, sv. II., c. 531–532 [Grigor'ev A.D. Proiskhozhdenie russkih govorov Ural'skih gubernij: Permskoj, Ural'skoj i Orenburgskoj. // Sborník práce I. Sjezdu slovanských filológu v Praze 1929(b). Praha: Nákladem výboru 1932, sv. II., s. 531–532].

Григорьев А.Д. Краткая грамматика церковнославянского языка. Ладомирова, 1938 [Grigor'ev A.D. Kratkaya grammatika cerkovnoslavyanskogo yazyka. Ladomirova, 1938].

Гарбульова, Любица. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. М.: Наука, 2008. С. 177–188 [Garbul'ova, Lyubica. ZHizn' russkogo diplomata Georgiya Nikolaevicha Garina-Mihajlovskogo v Slovakii // Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya. Materialy i issledovaniya. M.: Nauka, 2008. S. 177–188].

Harbuľová, Ľubica. Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej pooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939. Prešov 2001.

Harbuľová, Ľubica. Ladomirovské reminiscencie. Z dejín ruskej pravoslávnej misie v Ladomírovej 1923–1944. Prešov 2000.

Harbuľová, Ľubica. Prvé roky pobytu A.V. Isačenka na Slovensku.// Slavica Slovaca 2003, č. 1, s. 60–63.

Isačenko A.V. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943

Isačenko A.V. O začiatkoch vzdelanosti vo Vel'komoravskej ríši. Bratislava, 1948.

Losskij N.O. Podmienky dokonalého dobra. Martin, 1944

Matejko, Ľ.: N.O. Losskij a jeho filozofické dielo na Slovensku.// Acta Facultatis Philosophicae universitatis Safarikane Rossica Slovaca I. Bratislava 1992(a).

Matejko Ľ. Bratislavské roky ruského filozofa N.O. Losského // Verbum. Časopis pre kresťanskú kultúru. 1992(b), č.3.
Novikov M.M. K otázke vplyvu okolia na živočíšne organizmy. Bratislava, 1942.
Novikov M.M. Adaptačná schopnosť u hmyzu a stavovcov. Bratislava, 1944(a).
Novikov M.M. K otázke stavbe chrupky u Nautila. Bratislava, 1944(b).
Novikov M.M. Dejiny biologických teórií. Martin 1944(c).
Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 363–375 [Novikov M.M. Ot Moskvy do N'yu-Jorka. Moya zhizn' v nauke i politike. N'yu-Jork, 1952. S. 363–375].
Перфецкий Е.Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Bratislava, 1922 [Perfeckij E.YU. Russkie letopisnye svody i ih vzaimootnosheniya. Bratislava, 1922].
Perfecký E.Ju. Dvě stati k dejinám Podkarpatské Rusi.Bratislava, 1922.
Perfecký E.Ju. Sociálno-hospodárske pomery Podkarpatské Rusi ve století XIII–XV. Bratislava, 1924.
Perfecký E.Ju. Cár Petr I a Leibniz. Bratislava, 1925.
Perfecký E.Ju. Podkarpatské a haličskoruské tradicie o králi Matyášovi Corvinovi. Bratislava, 1926.
Perfecký E.Ju. Historia Polonica Jana Dlugosze a ruské letopisectví. Praha, 1931.
Pogorelov, Valerij. Cyril, Metod, Goazd. Ich činnosť a pôvod. Trnava, 1936.
Pogorelov V.A. Karpatoruské štúdie. Bratislava, 1939(a).
Pogorelov V.A. Literárna činnosť M. Lučkaja, karpatského spisovateľa začiatkom XIX. storočia. Bratislava, 1939(b).
Pogorelov V.A. Bulharizmy v dialektoch karpatoruských. Bratislava, 1939(c).
Рандин А.В. Вторая мировая война глазами русского эмигранта. Публицистика Г.Н. Гарина-Михайловского в ежедневнике «Словак» (1939–1945) // Запад – Восток. Научный журнал. 2017, 10, с. 48–64 [Randin A.V. Vtoraya mirovaya vojna glazami russkogo emigranta. Publicistika G.N. Garina-Mihajlovskogo v ezhednevnike «Slovak» (1939–1945) // Zapad – Vostok. Nauchnyj zhurnal. 2017, 10, s. 48–64].

***Любица Гарбульова**, доцент, к.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей всеобщей истории, Институт истории Философского факультета Прешовского университета (г. Прешов, Словацкая Республика); harbulovalubica@gmail.com*

Russian scientists in Slovakia. The interaction of Slovakian and Russian science in 1920-1945

Immigrants who left Russia after the revolution attracted public attention in Slovakia in the early 1920s. At that time first Russian scholars arrived in Slovakia to join the faculty of the newly founded Jan Amos Komenský University in Bratislava. New tertiary education institutions were established in the independent Slovak Republic, which attracted more Russian specialists to the country. Russian scholars' teaching and research work was a valuable contribution to the development of tertiary humanities and technical education in the interwar Slovakia and the genesis of individual disciplines. Intensive and fruitful scientific and professional cooperation between Slovak and Russian scholars was an integral part of Russian and Slovak science development in the first half of the 20th century.

Keywords: Russian emigrants in Slovakia, science interaction.

***Ľubica Harbuľová**, doc. PhD, CSc., Head of the Department of modern and contemporary general history, Institute of History, Faculty of Arts, University of Prešov (Slovakia); harbulovalubica@gmail.com*

И. В. Щеблыгина

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В истории процесса открытия и признания русского искусства за рубежом огромная роль принадлежит русской художественной эмиграции. Продолжив отечественную культурную традицию, она вписала свою страницу в историю мировой художественной культуры. Статья посвящена одному из малоизученных аспектов русского культурного наследия в мире – творческому наследию художников русского зарубежья в Великобритании. Русское художественное собрание в музее Эшмолеан и дом-музей Л.О. Пастернака в Оксфорде, мозаики Б. Анрепа, украшающие художественные галереи и общественные здания в Лондоне, серия панно Л. Бакста в музее «Уодесдон», витражи Марка Шагала в графстве Кент – все это, созданное русскими художниками, органичная часть культурного пространства Великобритании.

***Ключевые слова*:** *серебряный век, русское художественное зарубежье, культурное наследие, Англия*

Художественное наследие русского зарубежья является частью того богатого культурного наследия, которое было создано эмиграцией первой волны в период между двумя мировыми войнами. Эту эмиграцию отличала необычайная концентрация культурных сил, не случайно она вошла в историю с определением «русская культурная эмиграция». «За рубежом в обстановке интеллектуальной свободы, оказываются лучшие культурные силы страны с тысячелетними традициями – философы, богословы, художники, прозаики, поэты, театральные деятели, музыканты», – писал Д.С. Лихачев[1]. Представлявшая лицо эмиграции первой волны творческая интеллигенция, принадлежала к поколению, которому мы обязаны феноменом русского культурного ренессанса рубежа XIX–XX вв. В нравственных и эстетических поисках этого поколения родился серебряный век. «На арену выступило новое поколение деятелей искусства и художников, которому суждено было <…> распахнуть настежь двери в Европу конца века и вместе с тем оглянуться восхищенно на забытые красоты “дедов” и “прадедов”. Перед этим поколением <…> предстала огромная задача, и эта задача была выполнена с быстротой и увлечением поистине русским, словно в предчувствии краткости отпущенного историей срока»[2].

В эпоху серебряного века Россия влилась в общий поток мировой культуры и стала ее органичной частью. Начало процессу открытия и

[1] Лихачев 2010. С. 447.
[2] Маковский 1999. С. 22.

признания русского искусства за рубежом было положено в Париже, признанном центре мировой художественной жизни, где вырабатывались новые эстетические концепции, формировались живописные стили и направления. После большого успеха ретроспективной выставки «Два века русской живописи и скульптуры», организованной в 1906 г. Сергеем Дягилевым участие русских художников в Осенних салонах в Париже стало регулярным[3]. Затем последовал триумф «Русских сезонов» 1907–1914-х гг., решительно изменивший не только представление европейцев о культуре России, но и о месте ее в истории Европы[4].

Русские все чаще участвовали в разнообразных групповых выставках и салонах за границей. Выставки «Мира искусства» и «Союза русских художников», прошедшие в Мюнхене, Дюссельдорфе, Кельне, Берлине, Праге, Венеции, Риме, Брюсселе, познакомили Европу с работами мастеров нового художественного поколения: от В. Серова, К. Коровина и Ф. Малявина до М. Врубеля, К. Сомова, М. Ларионова, Л. Бакста. Они открыли новую страницу в истории русского искусства. В сентябре–ноябре 1913 г. на 1-м Немецком осеннем салон были широко представлены русские авангардисты; в 1912 г. в Лондоне состоялась вторая выставка постимпрессионистов с участием британских, французских и русских художников; в 1913 г. русские художники участвовали в международной выставке живописи и скульптуры XIX–XX вв. «Armory Show» в Нью-Йорке, Чикаго и Бостоне. Принадлежность деятелей русского искусства к международному художественному сообществу постепенно становилась признанным фактом.

Большая часть художественной интеллигенции, создававшей русскую культуру серебряного века, оказалась после революции в эмиграции. Вдали от родины им удалось не просто выжить, а создать особый мир, мир русского зарубежья, в котором они продолжили культурную традицию серебряного века, утратившую право на существование в России, и своим творчеством обогатили культуру принявших их стран. Основополагающим фактором жизни для них вдали от России становится задача сохранения и приумножения ценностей отечественной культуры. «Мы не в изгнании, мы – в послании!»[5]. Эта фраза стала знаком осознания эмиграции не как способа выживания, а как особой духовной миссии по сохранению и продолжению отечественной культурной традиции, носителями которой они себя ощущали. С.К. Маковский писал о русской художественной интеллигенции: «Все они в условиях эмигрантской жизни завершили свой труд, начатый на родине, что само по

[3] См. подробнее: Толстой 2003.
[4] См. подробнее: Григорьев 1993.
[5] См.: Неизвестная Берберова. 1998. С. 73. Строки из «Лирической поэмы» Н. Берберовой были трансформированы современниками во множественное число.

себе – явление необыкновенное для эмиграции; оно говорит об исключительной жизнеспособности русского человека, о верности себе»[6].

Художественное наследие русского зарубежья, органично вписавшись в историю отечественного искусства, восстанавливает целостную картину его развития в XX веке в контексте мирового художественного процесса. Проблема русского культурного наследия в зарубежных странах еще не раскрыта во всей своей полноте. Среди недостаточно изученных ее аспектов художественное наследие русского зарубежья в Великобритании. Этот пробел мы и попытаемся отчасти восполнить.

Британия не относилась к признанным центрам русского зарубежья, таким как Париж, Берлин или Прага. При этом творческое наследие русских мастеров, которые волею судеб оказались в Англии, внесло ощутимый вклад в культуру этой страны. Русская колония не приобрела культурной обособленности на английской почве в отличие от других стран. Как отмечал один из современников, «засасывающий характер» английской культуры способствовал тому, что она отвлекала русских от их проблем и вовлекала их, как и других иностранцев, в английскую жизнь»[7]. Возможно, поэтому русская художественная эмиграция в Англии стала частью культурного слоя общества этой страны и ее творческое наследие органично вписалось в культурное пространство Великобритании. Важной частью этого наследия являются музейные коллекции русского искусства.

Одна из самых значимых зарубежных музейных коллекций – русское художественное собрание в музее искусства и археологии при Оксфордском университете – Эшмолеан. В красивом здании на тихой улице Оксфорда нашла пристанище одна из лучших коллекций русской живописи и графики, хранящихся вне России. Ее основу составляют работы из собрания М.В. Брайкевича (1874, Одесса – 1940, Лондон), одного из известнейших коллекционеров времен серебряного века и первой волны эмиграции. Инженер, один из лучших выпускников петербургского Института путей сообщения, впоследствии председатель Одесского отделения Императорского русского технического общества, одесский Городской голова; после февральской революции – товарищ министра промышленности и торговли Временного правительства, он был страстным поклонником и собирателем русской живописи, в основном художников круга «Мира искусства». Возможно, этому увлечению способствовало то, что его пригласили стать вице-президентом Одесского общества изящных искусств. Но еще ранее, в 1911 г., он познакомился в Петербурге с художником Константином Сомовым, и завязавшаяся между ними дружба продлилась несколько десятков лет,

[6] Маковский 2000. С. 145.
[7] Казнина 2009. С. 34.

до самой кончины художника. Быть может, именно это знакомство стало отправной точкой собирательской страсти инженера Брайкевича.

В октябре 1919 г. Брайкевич вместе с семьей покидает Одессу – сначала переезжает в Батуми, а в 1920 г. эмигрирует в Лондон. Свою коллекцию, насчитывавшую к тому времени около ста картин, он оставляет Музею изящных искусств Новороссийского университета – сегодня это гордость Одесского художественного музея. В эмиграции Брайкевич продолжил свою деятельность коллекционера и за 20 лет собрал впечатляющую коллекцию русской живописи и графики, которую собирался оставить одному из музеев Европы: «…чтобы недостаточно оцененная за пределами России "русская школа" получила подобающее себе место в ряду остального европейского художества»[8].

С 1949 г. наследие Брайкевича – 68 работ – находится в составе музейного собрания в Эшмолеане. Одна из главных составляющих коллекции – работы К. Сомова: его автопортрет в зеркале и портрет дочери Н.В. Брайкевича Татьяны, эскизы и костюмы к балетным постановкам, среди них – эскиз костюма для А. Павловой, («Коломбина» в балете Фокина «Арлекинада») и Т. Карсавиной, («Маркиза» для танца на музыку Моцарта), в котором она выступала в Карнеги-Холл, а также фантастические этюды художника на галантные темы XVIII столетия.

А.Н. Бенуа представлен своими театральными работами. Среди них – девять эскизов декораций и костюмов к дягилевской антрепризе оперы И. Стравинского «Соловей», сценографией которой восхищались критики. По заказу Брайкевича для его коллекции художник написал в 1939 г. реплику известного полотна «Павел I, принимающий парад у Михайловского замка». Наследие Л. Бакста, наделенного в равной мере талантом живописца и декоратора, включает эскизы к ряду театральных постановок и портреты. В частности, портрет писателя А. Белого и карандашный портрет прима-балерины Императорских театров Вирджинии Зуччи, написанный художником в 1917 г., когда известной в прошлом танцовщице было 70 лет. Последний, по мнению специалистов, несомненно, жемчужина коллекции. В Эшмолеан сегодня также находятся 18 работ Л. Пастернака, в том числе портреты А. Эйнштейна, Э. Грига, Э.М. Рильке, сыновей художника Бориса и Александра. Бесспорным украшением коллекции являются портреты кисти В. Серова графини Варвары Мусиной-Пушкиной и Елены Ивановны Рерих.

Достойным дополнением собрания Брайкевича стала серия работ, переданных в дар музею в 1960 г. лондонским врачом русского происхождения Татьяной Гурлянд и искусствоведом Мари Шамот – среди них работы И. Билибина, Н. Гончаровой, М. Ларионова, К. Коровина, А. Яковлева, В. Шухаева.

---

[8] Бенуа 1940.

Долгие годы хранителем русского наследия в Эшмолеане была Лариса Николаевна Салмина-Хаскелл. Историк искусства, ученица профессора М.В. Доброклонского, работала в Эрмитаже в отделе итальянского рисунка. Как специалист по эпохе Возрождения она сопровождала эрмитажные выставки за границу и в 1962 г. на Биеннале в Венеции познакомилась с английским искусствоведом Фрэнсисом Хаскеллом, за которого в 1965 г. вышла замуж. Его отцом был известный балетный критик, подготовивший к изданию воспоминания М. Кшесинской[9]. Мир русского балета с детства был хорошо знаком его сыну, жена которого родилась в городе, где некогда блистала балерина Кшесинская. Такие пересечения судеб вряд ли случайны и еще раз убеждают нас в том, что «времен связующая нить» существует не только в воображении поэта. Сначала супруги жили в Кембридже, а затем Ф. Хаскелл получил место профессора в Оксфордском университете, и вся последующая их жизнь была связана с этим городом. Более 30 лет Лариса Николаевна была хранителем русской коллекции в самом известном музее Оксфорда, и результатом ее многолетней работы стал изданный в 1989 г. каталог, посвященный русскому собранию Эшмолеана[10].

В Оксфорде находится дом-музей Л.О. Пастернака, настоящий островок русской культуры, созданный в старинном университетском городе Великобритании внучкой известного художника, племянницей великого поэта Энн Пастернак-Слейтер. Л.О. Пастернак (1862, Одесса – 1945, Оксфорд) – признанный портретист, мастер книжной иллюстрации. Пастернак создал целую серию портретов современников, среди них: М. Горький и В.Я. Брюсов, А.Н. Скрябин и С.В. Рахманинов, И.И. Мечников и А. Эйнштейн, Э.М. Рильке и К.Д. Бальмонт и многие другие замечательные люди, с которыми довелось встретиться художнику на своем долгом творческом пути. В 1921 г. Пастернак вместе с женой (пианистка Роза Исидоровна Кауфман) и дочерьми выехал на лечение в Берлин**.** Сыновья Александр и Борис остались в России. Пастернаки не отказывались от советского гражданства, надеясь вернуться на родину, но судьба распорядилась иначе и семье не суждено было воссоединиться. В 1939 г. они переехали в Оксфорд, где и провел свои последние годы художник в доме младшей дочери Лидии на ул. Парк Таун. Родные Л.О. Пастернака сделали все, чтобы увековечить его память и добиться заслуженного признания его творчества. Первая большая выставка картин открылась в 1956 г. в музее Эшмолеан и имела такой успех, что ее продлили на две недели. Затем последовали выставки в ряде европейских городов. Музей создала Энн Пастернак-Слейтер, конечно, при помощи ее матери и тети Жозефины (дочерей художника), а также всех

[9] См. подробнее: Haskell 1960.
[10] См.: Salmina-Haskell 1989.

московских и английских родственников. Почти 25 лет каталогизировалось, описывалось и фотографировалось Оксфордское собрание. Ящики с архивами были разобраны, документы описаны, поврежденные холсты и листы с бумагами отреставрированы. 2 мая 1999 г. при огромном стечении народа музей был открыт. Здесь экспонируется живописное и графическое наследие художника – около 80 работ, хранится его семейный архив и обширная переписка. Через месяц после открытия музея состоялась большая выставка в Эшмолеан, где были представлены два тома каталога-резоне «Леонид Пастернак: Годы в России: 1875–1921». Результат огромной совместной работы профессора русской литературы Университета в Колорадо Римгайлы Салес и Энн Пастернак-Слейтер. Предисловие написал один самых известных искусствоведов Великобритании Джон Уитни. Так, живописное наследие мастера, созданное в России, стало признанной частью мировой истории искусства.

Художественные галереи, общественные и частные здания в Лондоне сегодня украшают работы яркого представителя серебряного века, художника русского зарубежья Бориса Васильевича Анрепа (1883, Санкт-Петербург – 1969, Лондон). Художник-монументалист, литератор, учился живописи у Д.С. Стеллецкого. Заинтересовавшись византийской мозаикой, изучал эту технику во Франции и Великобритании. В 1910 г. девять месяцев провел в Колледже искусств в Эдинбурге. Его первая персональная выставка живописи, рисунков и мозаики состоялась в лондонской галерее Chenil в 1913 г. В дальнейшем, творческая жизнь и судьба художника была тесно связана с Лондоном. Свое признание как художник-мозаичист, он получил, создавая произведения на религиозные и современные светские сюжеты, стилистически опираясь на византийскую традицию. Для галереи Тейт были созданы мозаики на тему «Пословиц Ада» У. Блейка; для Банка Англии художник исполнил напольные мозаики на тему английских монет. В Вестминстерском соборе мозаики Б. Анрепа украшают капеллу Св. Патрика и Ирландских святых[11], а в поминальной часовне церкви Королевского военного колледжа в Сандхёрсте можно полюбоваться прекрасной работой художника – «Видение св. Иоанна». В художественной галерее Бирмингема сегодня находится серия напольных панно «Ежедневная жизнь светской леди», выполненная для лондонского дома сэра Вильяма и леди Лесли Джоуитт. Свое самое главное произведение художник создал для Национальной галереи в Лондоне. Напольные мозаики для вестибюля представляют собой пятьдесят мозаичных картин, включающих четыре аллегорических цикла, три из которых иллюстрируют различные стороны современного бытия: «Труды жизни», «Удоволь-

[11] Rogers 2010. C. 80-83.

ствия жизни», «Современные добродетели», и четвертый – «Пробуждение муз». Любопытно, что в последних двух представлены портреты выдающихся британцев: У. Черчилля («Вызов»), физика Э. Резерфорда («Любознательность»), балерины Марго Фонтейн («Наслаждение»), поэта Т.С. Элиота («Отдохновение»), философа Б. Рассела («Ясность»), астрофизика Ф. Хойла («Поиск»), писательницы В. Вульф (муза Клио), писателя О. Ситвелла (Аполлон), – а также портреты друзей и покровителей художника. В цикле «Современные добродетели» нашел свое отражение яркий сюжет в жизни Б. Анрепа – встреча с А. Ахматовой[12], поэтесса изображена в аллегории «Сострадание».

Яркое свидетельство признания прекрасного мира русского искусства можно увидеть в самом центре Лондона – купол театра Victoria Palace украшает летящая золотая скульптура – памятник великой балерине Анне Павловой, установленный в 1911 г. директором театра Альфредом Батом. Создателем проекта здания был архитектор Фрэнк Мэтчем, предположительно он же был и автором статуи, венчавшей купол театра до 1939 г. С началом войны ее сняли для маскировки и следы ее затерялись. Точную копию первой статуи, исполненную скульптором Гарри Франчетти, установили на куполе театра в 2006 г.

Уникальный памятник монументального искусства эпохи ар-деко – серия полотен, посвященных сюжету сказки Ш. Перро «Спящая красавица», написанные Л. Бакстом для дома Ротшильдов, доступна сегодня для обозрения в отдельном зале музея «Уодесдон. Коллекция Ротшильдов». Они были заказаны молодоженами Джеймсом и Дороти де Ротшильд в год их свадьбы в 1913 г. для украшения лондонского особняка. Бакст получил этот заказ, когда находился в зените славы – триумф Русских сезонов в Париже принес ему всемирную известность. Лондон сыграл особую роль в карьере художника. Здесь, начиная с 1912 г. регулярно проходили его выставки в Обществе изящных искусств, где он и познакомился со своими заказчиками. Работа над полотнами продолжалась с 1913 по 1922 г. Моделями для сказочного сюжета послужили родственники и друзья четы Ротшильдов, по существу, это портретная галерея высшего света Европы. В одном из своих интервью художник говорил об этом периоде своего творчества как о «самой важной работе в своей жизни»[13]. В Лондоне монументальные росписи эпохи ар-деко почти не сохранились, что делает серию панно Бакста особенно ценной.

В небольшой деревушке Тьюдли графства Кент находится церковь Всех Святых – единственный в мире собор, все окна которого украшены витражами Марка Шагала. Свои первые витражи Шагал создал в пре-

[12] Об истории их взаимоотношений см: Фарджен 2016. С. 119-133.
[13] Беспалова 2004. С. 41.

клонном возрасте, художнику было далеко за 70. Возможность создавать по-настоящему светящиеся картины настолько увлекла его, что он быстро освоил технику росписи стекла, став одним из самых известных витражистов XX века. В 1963 г. к Шагалу обратились сэр и леди Дэвидждор-Гольдсмит, давние почитатели его искусства, с просьбой расписать самый большой восточный витраж местной церкви в память об их дочери Саре, трагически погибшей в 21-летнем возрасте. Выбор скорбящих родителей не был случайным – Сара была поклонницей таланта мастера, она видела проекты окон Хадасса (в Иерусалиме) на выставке в Лувре в 1961 г. и пришла от них в восторг. Художник лично приехал в Тьюдли в 1967 г. чтобы установить готовый витраж в восточном окне. И когда увидел церквушку, его восхищению этим пустынным местом не было предела. К тому же, все помещения церкви имели идеальное естественное освещение, а значит, вставленные в окна витражи, могли меняться в зависимости от времени суток. Художник решил расписать все витражи, и за последующие 15 лет в сотрудничестве с Шарлем Марком, автором уникальной технологии, которую использовал Шагал, он сделал еще 11 витражей. Их чарующее сияние при естественном освещении делает церковь Всех Святых уникальным объектом притяжения для искусствоведов со всех концов света.

В эпоху серебряного века русская культура вливается в общий поток мировой культуры. Искусство живописи, обладая универсальным языком, становится органичной частью международной художественной среды. В истории процесса открытия и признания русского искусства за рубежом огромная роль принадлежит русской художественной эмиграции. Продолжив отечественную культурную традицию, она вписала свою страницу в историю мировой художественной культуры. И яркий тому пример – творческое наследие русских художников в Великобритании, которое сегодня является гармоничной частью английского культурного ландшафта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Н. Бенуа и С.П. Дягилев. Переписка (1893–1928) / Сост. И.И. Выдрина. СПб.: «Сад искусств», 2003. 127 с. [N.Benua i S.P.Dyagilev. Perepiska (1893–1928). Sost. Vydrina I.I. Spb., «Sad iskusstv», 2003. 127 s.]

Бенуа А.Н. М.В. Брайкевич // Последние новости. 20 февраля 1940 г. [Benua A.N. M.V.Brajkevich // Poslednie novosti. 20 fevralya 1940 g.]

Беспалова Е.Р. Настенная живопись Бакста для дома Ротшильдов в музее «Уодесдон» // Русское искусство. 2004. № 3. [Bespalova E.R. Nastennaya zhivopis' Baksta dlya doma Rotshil'dov v muzee "Uodeston" // Russkoe iskusstvo 2004. № 3].

Герра Р. «Когда мы в Россию вернемся…». СПб: «Росток», 2010. 668 с. [Gerra R. «Kogda my v Rossiyu vernemsya…». SPb.: Rostok, 2010. 668 s.]

Григорьев С.Л. Русский балет Дягилева. 1909–1929. М.: Арт, 1993. 268 с. [Grigor'ev S.L. Russkij balet Dyagileva. 1909–1929. M., Art, 1993. 268 s.]

Изобразительное искусство, архитектура и искусство Русского зарубежья / Отв. ред. О.Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С.648. [Izobrazitel'noe iskusstvo, arhitektura i iskusstvo Russkogo zarubezh'ya / Otv. red. O.L. Lejkind. SPb., Dmitrij Bulanin, 2008].

Казнина О.А. Русская эмиграция в Англии в первой трети XX века // Русское присутствие в Британии: Сб. ст. / Сост. Н.В. Макарова, О.А. Моргунова. М., 2009 [Kaznina O.A. Russkaya emigraciya v Anglii v pervoj treti XX veka. // Russkoe prisutstvie v Britanii / Sost. Makarova N.V. Morgunova O.A. M. 2009]

Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.) / Ред. О.Б. Василевская. М.: Русский путь, 2000. 448 с. [Kul'turnoe i nauchnoe nasledie rossijskoj emigracii v Velikobritanii (1917–1940) / Red. O.B. Vasilevskaya M., Russkij put', 2000. S.448.]

Лихачев Д.С. Зарубежная русская культура XX века в собрании профессора Р. Герра // Р. Герра. «Когда мы в Россию вернемся…» СПб.: Росток, 2010 [Lihachev D.S. Zarubezhnaya russkaya kul'tura HKH veka v sobranii professora R. Gerra // R. Gerra. «Kogda my v Rossiyu vernemsya…» SPb.: Rostok, 2010].

Маковский С.К. На Парнасе Серебряного века. М.: XXI век – Согласие, 2000. 560 с. [Makovskij S.K. Na Parnase Serebryanogo veka. M.: XXI vek – Soglasie, 2000. 560 s.]

Маковский С.К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. 383 с. [Makovskij S.K. Siluety russkih hudozhnikov. M.: Respublika, 1999. 383 s.]

Неизвестная Берберова: Роман. Стихи. Статьи. СПб., Лимбус Пресс, 1998. 288 с. [Neizvestnaya Berberova N.: Roman. Stihi. Stat'i. SPb., Limbus Press, 1998. 288 s.]

Северюхин Д.Я. Русская художественная эмиграция. 1917–1929. СПб.: Изд-во им. М.И. Новикова, 2003. 127 с. [Severyuhin D.YA. Russkaya hudozhestvennaya emigraciya. 1917–1929. SPb.: Izdatel'stvo im. M.I.Novikova, 2003. 127 s.]

Толстой А.В. От крайнего Севера до Атлантиды. Картины русских художников на парижских выставках начала XX в. // Новая юность. 2003. № 1(58) [Tolstoj A.V. Ot krajnego Severa do Atlantidy. Kartiny russkih hudozhnikov na parizhskih vystavkah nachala XX v. // Novaya yunost'. 2003. № 1(58)]

Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М.: Искусство XXI век, 2005. 383 с. [Tolstoj A.V. Hudozhniki russkoj emigracii. M.,«Iskusstvo XXI vek», 2005. 383 s.]

Фарджен, Аннабел. Приключения русского художника. Биография Бориса Анрепа. М., АСТ: CORPUS, 2016. 380 с. [Fardzhen, Annabel. Priklyucheniya russkogo hudozhnika. Biografiya Borisa Anrepa. M., ACT: CORPUS, 2016. 380 s.]

Dancing in Petersburg: The Memoirs of Mathilde Kshessinska by Mathilde Kshessinska. Arnold Haskell (Translater). L.: Gollancz, 1960. 272 p.

Rogers P. Reflections. The Westminster Cathedral Mosaik. L., 2010.

Russian paintings and drawings in the Ashmolean Museum. Larissa Salmina-Haskell. Oxford: University Press, 1989. 107 p.

***Щеблыгина Ирина Васильевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, МГУ им. М.В. Ломоносова; sheblygina@yandex.ru*

Russian Culture within European Context
Artistic Heritage of Russian Emigration in Great Britain

Russian artistic emigration has played an important part in the historic process of discovery and recognition of Russian arts. Having followed Russian cultural traditions the emigration wrote down its own page in the history of world artistic culture. This article speaks about the artistic heritage of Russian emigration artists in the United Kingdom which appeared to be one of little studied aspects of Russian cultural heritage in the world. Russian arts collection of Ashmolean Museum, memorial house of Leonid Pasternak in Oxford, mosaics by Boris Anrep decorating art galleries and public buildings in London, series of canvas wall panels by Leo Bakst in Waddesdon museum, stained-glass panels by Marc Chagall in Kent county – all these creations by Russian artists blended in with the culture of Great Britain.

Keywords: Silver Age, Russian artistic emigration, cultural heritage, England

***Irina Shcheblygina,** Doctor of Philosophy, Senior researcher, Moscow State Lomonossov University; sheblygina@yandex.ru*

М. Н. Мосейкина

ФОРМИРОВАНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО МИРА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ДВУХ ВОЛН ЭМИГРАЦИИ[1]

Латинская Америка в XX в. стала одним из центров русского рассеяния за рубежом, сюда направлялись потоки первой и второй волн эмиграции: к представителям белого движения, казачества, техноэлиты после II мировой войны присоединились перемещенные лица, демонстрировавшие собственный опыт правовой, экономической и социокультурной адаптации. Представляется актуальным изучение военно-политического, экономического и культурного потенциала Русского мира в странах Латинской Америки, благодаря которому формировалось мемориальное пространство, продолжающее существовать и сегодня. В статье определяются места и модели памяти русской диаспоры, связанные с историей русской эмиграции в этом регионе.

***Ключевые слова*:** *Латинская Америка, эмиграция, диаспора, Русский мир, историческая память, адаптация, идентичность*

История формирования русской диаспоры в странах Латинской Америки связана прежде всего с революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной в России, следствием которых стал исход значительной части представителей русской интеллигенции как в страны Европы, так и Северной и Южной Америки. На пространстве Западного полушария русская эмиграция создала «Русский мир», представители которого привнесли на латиноамериканский континент свой опыт в области военных, научных, культурных достижений, дополнив культурно-цивилизационное многообразие проживающих здесь народов. С этой точки зрения, актуальным является осмысление места русской эмиграции в исторической памяти стран Латинской Америки в XX в. Важен этот вопрос и в свете последних событий, которые развиваются на континенте, и той роли, которую играет Россия в защите собственных национальных интересов в регионе, в котором до сих пор сохраняется память об историческом и культурном наследии Русского зарубежья.

Анализируя применительно к эмигрантам первой волны концепт «русский европеец» в качестве индикатора изменений индивидуальной социокультурной идентичности человека в переломный период жизни, Н.Б. Селунская говорит о «сохранении русской эмиграцией культурно-исторической памяти, определяющей устойчивость ментальных и поведенческих традиций «своей» среды русскими эмигрантами и их адап-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности РУДН «5-100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016-2020 гг.

тацию к новой культурной среде»[2]. В методологическом смысле применительно к истории Русского зарубежья понятие «культурная память» также может рассматриваться как «особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная», выражающаяся «в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках»[3].

Для русской эмиграции культурно-историческая память служила важным элементом национальной идентичности, через которую происходила ретрансляция духовных связей и традиций, что позволяло разным поколениям мигрантов отождествлять себя с конкретной национальной общностью – Русским зарубежным миром.

Историография истории русской эмиграции в странах Латинской Америки складывалась в рамках нескольких этапов. В советский период рассматривались главным образом проблемы трудовой, религиозной и политической эмиграции из Российской империи на континент, в то время, как история становления здесь собственно русской диаспоры в XX в. не была предметом специального изучения[4]. Данный аспект феномена Русского зарубежья стал востребован лишь в постсоветский период, когда в центре внимания исследователей оказались проблемы социально-экономической, правовой и культурной адаптации мигрантов, в т.ч. в странах Латинской Америки, в ходе которой, с одной стороны, решалась задача сохранения национальной идентичности, а с другой – интеграции в иное социокультурное и религиозное пространство[5].

Особый интерес у отечественных специалистов вызывает история белой эмиграции в Парагвае. Весомый вклад в разработку этой темы и в изучение судьбы генерала и ученого-этнографа И.Т. Беляева внес Б.Ф. Мартынов[6]. В 2019 г. история генерала Беляева получила новое освещение в монографии Е.М. Емельяновой благодаря вновь привлеченным документам из государственных и частных архивов Парагвая, а также результатам собственных полевых исследований, проведенных в рамках экспедиций по маршрутам жизни и деятельности И.Т. Беляева[7].

В зарубежной историографии долгое время основное внимание также уделялось анализу национальной эмиграции из Российской империи (прежде всего еврейской, польской, немецкой, позднее украинской

[2] Селунская 2018. С. 197-198.
[3] Репина 2004; 2011; Диалоги со временем…
[4] Стрелко 1980; Тудоряну 1986; Черненко 1989; Шейнбаум 1989.
[5] Пивовар 2008; Бочарова 2011; Русское зарубежье в Латинской Америке…; Сизоненко 2005; Нечаев 2010, Мосейкина 2011; и др.
[6] Мартынов 2006.
[7] Емельянова 2019.

и белорусской)[8]. История формирования русской диаспоры в странах Латинской Америки в XX в. и ее вклад в культурно-цивилизационную составляющую иберо-американского мира получили освещение в последние годы главным образом в работах латиноамериканских исследователей[9]. Однако специальных работ по сохранению исторической памяти о Русском зарубежном мире в Латинской Америке до сих пор не создано. Цель данной статьи показать, как происходило сохранение исторической памяти о русских на латиноамериканском континенте, выявить степень участия самих эмигрантов, прежде всего военных чинов, в формировании пространства исторической памяти за рубежом.

Боевой опыт русских военных за рубежом и историческая память о нем

После окончания Гражданской войны, как и после Второй мировой войны, часть выходцев из России выбрала местом своего нового проживания далекую Латинскую Америку, часто не отдавая себе отчета в том, сколь трудным может оказаться путь адаптации. Один из эмигрантов Н.Н. Домерщиков так передавал в стихах переживания и психологическое состояние переселенцев тех лет:

...Слыхали мы про Аргентину,
(Вертинский про нее певал),
Но все ж туманную картину
Весь континент тот представлял.
Вдруг говорят: «Хотите визу?
В Венецуэлу, в Каракас?»
Чернявый консул смотрит снизу.
Ответить просит сразу нас.
Схватили карту, поискали.
Венецуэла – где она?
Как будто в детстве мы слыхали,
Что это дикая страна.
Ах вот она — земли немало,
Экватор близко — не беда,
Не будет хуже, чем бывало,
Зато нет снега никогда!
Перекрестились, помолились,
На карту капнула слеза,
Наутро к консулу явились
И шепотом сказали «ДА»...[10].

[8] Vila Villar 1966; Lattes 1973; Armus 1984; Stempowski 1985; La migracion internacional…; Brym, Ryvkina 1994; The Struggle for Soviet Jewish Emigration…; Качараба 2003; Коваль 2011; Campos 2012.

[9] Русские в Уругвае…; Русские в Мексике…; Ульянова и Норамбуэна 2009; Жосинто Анатолий Заболоцкий 2009; Moiseev, Egorova 2010; Campos 2012; Martinez Virginia 2013; Кублицкая 2018.

[10] Плотников 1988.

Латиноамериканские государства, остро нуждавшиеся в то время в дополнительной рабочей силе, охотно принимали у себя «русос бланкос» (русских белоэмигрантов), которые обладали профессиональными знаниями и богатым боевым опытом и могли принести неоценимую пользу в различных областях экономики региона. По приблизительным данным, в Латинскую Америку в послереволюционный период прибыло до 3 тысяч русских эмигрантов. Значительная их часть оказалась в Аргентине и Бразилии, меньшая – в Парагвае, Уругвае, Чили, Коста-Рике. Первое время некоторым переселенцам пришлось заниматься тяжелым физическим трудом: колонизацией латиноамериканской сельвы, работой на кофейных плантациях. Но постепенно многие офицеры смогли найти применение своим профессиональным знаниям и навыкам, устроиться как специалисты, переводчики, педагоги. Успешно пройдя этапы адаптации, русские эмигранты внесли вклад в модернизацию вооруженных сил и экономик ряда латиноамериканских стран. Особенно это было заметно по Парагваю, куда в 1920-е и в начале 1930-х гг. по инициативе генерала И.Т. Беляева прибыли сотни русских офицеров и военных инженеров, чей опыт и знания оказались востребованы в период войны Парагвая с Боливией 1932–1935 гг. за спорную территорию Чако. В самом начале боевых действий, в августе 1932 г., белоэмигрант Николай Корсаков заметил: «Почти 12 лет назад мы потеряли нашу любимую Императорскую Россию, оккупированную силами большевиков. Сегодня Парагвай, эта страна, которая с любовью приютила нас, переживает тяжёлые времена. Так чего же мы ждём, господа? Это же наша вторая родина и она нуждается в нашей помощи. Ведь мы же офицеры!»[11].

Еще накануне Чакской войны благодаря экспедициям генерала Беляева, организованным в период 1924–1931 гг. по поручению парагвайского Министерства военных дел и флота, хорошо был изучен район будущих боевых действий[12]. Обеспечению парагвайских войск картами и планами содействовал также Отдел картографии Генерального штаба, который состоял в основном из русских офицеров-топографов во главе с майором Н.И. Гольдшмидтом. Известно также, что капитан С.С. Щетинин помогал парагвайцам создавать авиацию и систему ПВО, успешно противостоявшую авиации противника во время этой войны.

В сложившихся условиях перед парагвайским правительством остро стояла задача подготовки кадров для армии и флота. И здесь вновь пригодился опыт русских эмигрантов, которые были инкорпорированы в Военное министерство и в Морской департамент в качестве преподавателей военных и кадетских училищ, курсов подготовки морских офицеров. Русские военные специалисты помогали наладить ра-

[11] Азаренков А. Русские Парагвая…
[12] Емельянова 2019. С. 195.

боту столичного арсенала, они внесли заметный вклад в организацию инфраструктуры и электроснабжения Парагвая[13].

Во многом благодаря участию русских офицеров и военных инженеров Парагвай, который к началу боевых действий не имел полноценной армии, к ее окончанию сформировал регулярную армию в 50 тыс. чел., а также военный флот. В боевых действиях на стороне Парагвая принимали участие более 80 русских офицеров-добровольцев, среди которых были начальники крупных штабов, командующий дивизией, 12 чел. командовали полками, остальные – батальонами, ротами и батареями[14]. В рядах вооруженных сил Парагвая в годы войны находились русские генералы С.П. Бобровский и И.Т. Беляев. Последний одновременно был советником и начальником оперативного, организационного и информационного департаментов высшего командного состава. В ноябре 1933 г. по личному указанию президента республики И.Т. Беляев был назначен советником главы государства по приему членов Комитета Лиги Наций по примирению[15]. По окончании войны генералу Беляеву было присвоено звание Почетного гражданина Республики Парагвай.

В годы Чакской войны некоторые русские офицеры за боевые заслуги получили высшие воинские звания парагвайской армии. Так, звание генерал-лейтенанта было присвоено начальнику штаба дивизии, затем командующему артиллерией капитану С.Л. Высоколяну. В 1936 г., наряду с И.Т. Беляевым, С.Л. Высоколян стал Почетным гражданином Парагвайской республики, был награжден золотой медалью Военной академии Парагвая имени маршала Франциско Солано Лопеса. К тому времени Высоколян был также признанным в мире математиков ученым, занимался преподавательской деятельностью, возглавлял в Парагвайском университете кафедры физико-математических и экономических наук, одновременно был профессором двух академий – Высшей военной и Высшей морской, а также Кадетского корпуса[16].

Еще одним русским офицером, получившим на службе в парагвайской армии звание генерал-лейтенанта, был полковник Н.Ф. Эрн. Он возглавлял Управление фортификаций парагвайской армии, где под его руководством служили русские добровольцы, имевшие за плечами опыт создания оборонительных сооружений. В боевых действиях на стороне Парагвая участвовали также его сын Борис (лейтенант парагвайской армии) и родной брат, полковник Сергей Эрн.

Известны сегодня парагвайцам имена и других русских офицеров, отличившихся в годы Чакской войны. Среди них – майор Н. Чирков,

---

[13] Часовой. Париж. 15 сентября 1936 г. № 174. С. 14-16.
[14] Мартынов 1993. С. 52.
[15] Емельянова 2019. С. 183, 187.
[16] Нечаев С. 80.

потомок русского ученого-химика А.М. Бутлерова капитан Ю. Бутлеров, капитан I ранга В. Канонников и др. В качестве добровольцев в этой войне принимали участие также русские военные врачи и сестры милосердия, чья помощь была чрезвычайно важна на полях сражений.

В мирное время усилиями русских военных специалистов был основан инженерный факультет Парагвайского университета. Его первым деканом стал бывший профессор петербургской Инженерной академии генерал С.П. Бобровский, до этого руководивший инженерным департаментом в правительстве Парагвая. В то время на факультете работало 12 русских преподавателей, внесших вклад в развитие теоретической и прикладной науки. В их числе был ученый-гидроэнергетик Н.Г. Кривошеин (сын одного из разработчиков плана ГОЭЛРО Г.Г. Кривошеина), который после многих лет эмиграции в 1960 г. вернулся в СССР[17]. Его именем сегодня названа одна из улиц парагвайской столицы.

Таким образом, во многом благодаря боевому опыту русских офицеров-добровольцев, а также русской инженерной мысли Парагваю удалось одержать важную победу в Чакской войне, присоединив территорию площадью более 50 тыс. кв. км. «Добровольное участие русских в войне за Парагвай и пролитая на полях чакских сражений кровь, – отмечает Н.М. Емельянова, – создали особое мнение о русских среди парагвайцев: они считали россиян наиболее близкими себе по духу»[18].

В честь солдат и офицеров, погибших в этой войне, в Асунсьоне открыта «Аллея героев» как место почитания и памяти местного населения о подвигах участников боевых сражений – Малютина, Серебрякова, Касьянова и др. В столице Парагвая существует и площадь Российской Федерации, на которой установлен Памятный знак русским людям, внесшим неоценимый вклад в историю и развитие страны. В музее Республики Парагвай находится памятный стенд, на котором представлены фотографии русских участников Чакской войны. Имена русских офицеров выбиты золотыми буквами и в Зале воинской славы Министерства обороны Парагвая, а на стене «Пантеона Героев» размещена памятная доска с надписью: «От Ассоциации русских и их потомков в Парагвае (АРИДЕП). Офицерам, павшим на защите своей второй Родины на войне Чако», и внизу по-русски: «Для них вечная память»[19].

В знак признательности народа Парагвая и памяти о подвиге русских офицеров на парагвайской земле пять улиц в Асунсьоне были названы в честь погибших русских офицеров (Василия Серебрякова, Бориса Касьянова, Сергея Салазкина, Василия Малютина, Николай Гольдшмидта). В столице есть улицы, названные и в честь других рус-

[17] Мосейкина 2011. С. 149.
[18] Емельянова 2019. С. 196.
[19] Азаренков А. Русские Парагвая…

ских героев Чакской войны – «Команданте Беляев», «Полковник Бутлеров», «Команданте Канонников», «Капитан Блинофф». Один из проспектов в Асунсьоне назван именем русского подполковника медицинской службы доктора Артура Вейса[20].

Особое место в истории русской военной эмиграции в Парагвае занимает имя генерала И.Т. Беляева. Весьма значительным является и его научное наследие как антрополога и лингвиста, занимавшегося изучением индейских племён, включая языки гуарани и несколько индейских наречий. В ходе своих этнографических экспедиций в провинции Чако Бореаль и Гран-Чако Беляев собирал сведения по языкам и обычаям народа мака; им были составлены испано-индейские словари. После окончания Чакской войны, когда территория проживания индейцев перешла в руки частных владельцев и миссионеров, он разработал программу спасения индейцев, а впоследствии возглавил Ассоциацию индейских народов Парагвая и в этом качестве до конца жизни проводил просветительскую деятельность среди индейцев, защищая их самобытность. Благодарные индейцы поставили бронзовый бюст генералу Беляеву. Для них он – защитник и национальный герой; ежегодно в день его смерти проводится специальная поминальная церемония.

Часть архивного наследия И.Т. Беляева находится в Рукописном отделе РГБ, часть – в Этнографическом музее Асунсьона и в личных коллекциях. «Для российских исследователей, – пишет Н.М. Емельянова, – важно не упустить время и провести тщательную работу по сбору всего творческого наследия Ивана Беляева в единый архивный блок. Для сохранения исторической памяти нашей страны такая работа представляется чрезвычайно важной»[21]. В самом Парагвае помнят о русских и, как заявил президент этой страны Орасио Картес, испытывают «чувство благодарности к России», эмигранты из которой прибыли в Парагвай еще в первой половине XX века[22].

Русские военные оставили о себе добрую память и в других странах Латинской Америки. В мае 1925 г. в письме князя Н.Л. Оболенского капитану I ранга Б.К. Шуберту в Аргентину сообщалось, что в чилийской армии служат белые офицеры[23]. Среди них был полковник Сергей Кушелев – один из организаторов артиллерийских частей в чилийской армии[24]. В источниках мы находим также упоминания о русских офицерах (летчиках), которые участвовали в создании чилийской авиации и в строительстве автомобильных дорог[25].

---

[20] Там же.
[21] Емельянова 2019. С.317.
[22] https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/
[23] ДРЗ. Ф.2. Оп.1. Картон № 9. Д. 68. Л. 1.
[24] Ульянова и Норамбуэна 2009. С. 163.
[25] ГА РФ. Ф. 6378. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.

Значительная группа белоэмигрантов оказалась в Аргентине. Из них – три генерала, около 500 офицеров армии и флота. Хотя, в отличие от Парагвая или Чили, в Аргентине, как и в Бразилии, иностранцев не принимали на службу в войсках, тем не менее, и здесь русские офицеры смогли найти применение своим знаниям и опыту[26]. Яркий пример – жизнь военного инженера, генерала фон Шварца, который был профессором фортификации в Высшей военной школе и на Высших военных курсах Военной академии в Буэнос-Айресе. Он до конца жизни не прекращал научных разработок в своей профессиональной области, анализировал исторический опыт фортификационного дела периода первой и второй мировых войн, что нашло отражение в его трудах на испанском языке: «Крепости до, во время и после войны» (1924), «Прошлое и настоящее долговременной фортификации и её применение к обороне государства» (1926), «Оборонительные сооружения в европейской войне» (1939), «Настоящие ценности фортификации» и «Сталинград» (1943) и др. А.В. фон Шварц оставил после себя более десятка изобретений и патентов в военной и гражданской областях, многотомные издания трудов по вопросам фортификации крепостей и портов, организации обороны морских границ Аргентины, что было весьма ценно для принявшей его страны. В своих воспоминаниях он писал: «Резюмируя мою работу, я прихожу к заключению, что как профессор я достиг того, к чему стремился, подготовив стране специалистов, необходимых для организации обороны, когда она понадобится. Всегда я стремился сделать для государства, в котором живу и работаю, что-либо полезное, и поэтому любимым моим занятием было создавать новые более мощные и современные способы обороны в проектах или в книгах»[27].

Тогда же в Аргентине жил полковник артиллерии, доктор технических наук, профессор М.М. Костевич, имя которого было хорошо известно в мировых научных кругах. Аргентинское правительство высоко оценило научный вклад русского ученого, наградив его золотой медалью за выдающиеся заслуги в области химии и взрывчатых веществ[28].

«**Рассеяны, но не расторгнуты**».

Сохранение традиций военного братства в эмиграции

Оказавшись за рубежом, представители военной эмиграции старались сохранить корпоративные связи, считали своим долгом не допустить забвения славного пути армии императорской России в Великой войне, участниками которой многие из них были. Память об этой войне

[26] Так, например, генерал А.А. Бейер работал в качестве консультанта лаборатории газового завода в Буэнос-Айресе; капитан I ранга Б. К. Шуберт служил переводчиком технической литературы в Морском министерстве Аргентины.

[27] Цит. по: Нечаев 2010. С. 117.

[28] Мосейкина 2011. С. 148-149.

в российском зарубежье «присутствовала в форме личных и корпоративных военных реликвий и архивов, в том числе воинских частей и соединений, преобразованных в офицерские общества и союзы, а также как часть научно-культурного и литературного наследия российской эмиграции – в трудах военных ученых-эмигрантов, мемуарной литературе, в создававшихся в российском зарубежье музейных экспозициях, произведениях изобразительного искусства»[29].

В Аргентине и Бразилии, основных странах русского рассеяния в Южной Америке, возобновилась деятельность отделений Зарубежного союза русских военных инвалидов (ЗСРВИ), Кают-компании офицеров императорского флота, Объединения бывших чинов Российской Императорской Кавалерии и Конной артиллерии, Союза георгиевских кавалеров, бывших воспитанников Пажеского корпуса в Петербурге – Союза пажей[30]. Память о событиях Гражданской войны и Великом исходе из России хранили участники отделений Союза российских кадетских корпусов, Общества галлиполийцев, деятельность которых в Латинской Америке с новой силой развернулась после Второй мировой войны, с прибытием на континент из Европы и Китая новой волны переселенцев из числа белоэмигрантов[31]. Самой «элитной и многочисленной семьей в русской эмиграции» считали себя кадеты[32]. После Второй мировой войны значительная их часть оказалась за океаном, где, в соответствии с девизом «Рассеяны, но не расторгнуты»[33], началось возрождение Объединения бывших кадетов Русских императорских корпусов. Кадеты имели свои отделения в Аргентине, Бразилии, Чили, Венесуэле. Аргентина, где выходили периодические издания «Вестник кадетского объединения в Аргентине» и «Кадетское письмо», стала центром кадетского эмигрантского движения Южной Америки.

В мировой организации зарубежного кадетства большую роль играли съезды (первый состоялся в 1967 г. в Канаде). В одном из приветственных посланий ему отмечалось: «...Мы кадеты зарубежники являемся прямыми наследниками и осколками "славной орлиной стаи" бывших Кадетских корпусов Императорской России, мы приняли их традиции, переняли заветы и устои, их спайку и где бы мы не находились мы хоть раз в году собираемся под сенью наших эмблем вспомнить дорогое прошлое, дорогие кадетские годы»[34].

---

[29] Катагощина 2019. С. 177.
[30] Окороков 2003. С. 73; Часовой. Париж. 1960. № 410. С.19; Волков 2002. С. 67; Судьбы поколения… С. 258.
[31] Часовой. Париж. 1957. № 380. С. 19. В Аргентине, Бразилии, Чили, Венесуэле получали печатный орган галлиполийцев – журнал «Перекличка».
[32] Кадетская перекличка. 1971. № 1. С. 5, 31.
[33] Андрушкевич 2011.
[34] Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 1971. № 1. С. 8.

12–19 июля 1970 г. 2-й съезд кадетских зарубежных объединений впервые состоялся в Латинской Америке, в столице Венесуэлы, г. Каракасе. Это был юбилейный год: исполнялось 50 лет с момента создания по инициативе П.Н. Врангеля двух зарубежных Корпусов на территории Югославии (Крымского и 1-го Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса) и «перехода на чужую землю» третьего, Донского корпуса. К этой дате было приурочено издание «Памятки» со сведениями о каждом Корпусе, выпущены юбилейные медали, нагрудные значки и открытки[35].

В Латинской Америке велась работа по сохранению исторической памяти о кадетском братстве за рубежом. В 2004 г. был составлен «Русский кадетский некрополь в Аргентине»[36], состоящий из 225 фамилий. Как отмечалось, кадеты проживали в разных странах Латинской Америки, в том числе в Бразилии, куда после Второй мировой войны переселился белоэмигрант А.Г. Лермонтов, председатель Бразильского отделения Ассоциации Рода Лермонтовых. Он был последним из воинской династии Лермонтовых, при этом всю жизнь оставался патриотом России. В последние годы жизни он был вице-президентом Института культуры «Бразилия–Россия» имени М.Ю. Лермонтова. Интересно, что брат А.Г. Лермонтова Юрий также был кадетом, капитаном югославского, а затем американского флота, участником Второй мировой войны, плававшим в легендарных морских конвоях, в том числе, в Мурманск[37].

Рассеянные по миру русские кадеты, поддерживали друг друга материально, предоставляли стипендии для обучения детей кадетов, заботились о приведении в порядок могил бывших кадетов в странах рассеяния. Через детские и молодежные объединения скаутов, витязей, русского сокольства эти люди направляли усилия на воспитание у подраставшего вне России молодого поколения чувства патриотизма и гордости за ее славное прошлое. Говоря о завещании русских кадетов потомкам, лидер кадетского Объединения в Аргентине И.Н. Андрушкевич, справедливо отмечал: «оно – многогранное» и включает «музеи, архивы, библиотеки»[38]. Кроме того, это – «десятки тысяч томов книг и брошюр», написанных представителями русской эмиграции более чем за 70

[35] Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 1971. № 1. С. 91. Накануне в Нью-Йорке Объединением Российских Зарубежных кадетских корпусов, было подготовлено историко-мемориальное издание под названием «Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945 гг.». Сюда же на хранение был передан флаг организации и погоны всех кадетских корпусов, здесь хранился и их фотоархив. См.: Кадетские корпуса за рубежом…

[36] См.: Русский кадетский некрополь в Аргентине…

[37] http://xxl3.ru/voron.htm (сайт профессора Л.Л. Лазутина).

[38] Электронное Кадетское письмо. № 25, октябрь 2000. И.Н. Андрушкевич в 2009 г. принимал участие в Поместном соборе Русской православной церкви в Москве, в 2010 г. был награждён орденом святого благоверного князя Даниила Московского III степени «во внимание к трудам по укреплению церковного единства».

лет, которые также стали частью мемориальной деятельности русских эмигрантских объединений за рубежом. Только в Аргентине Южно-Американским отделом Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала Н.Н. Головина были изданы многочисленные коллективные труды по истории Русской императорской армии и истории Гражданской войны («Рыцари России (1963); «Великая война» (1964), «Начало Белой борьбы и ее основоположник» (1957) и др.), мемуары русских офицеров об участии в Первой мировой и Гражданской войнах. Среди них – «Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г.: Воспоминания офицера генерального штаба генерала Самсонова»; книга воспоминаний генерала А.Г. Шкуро «Записки белого партизана», рукопись которой была передана издателю эмигрировавшим из Франции в Аргентину полковником В.М. Беком.

Кадет, участник Гражданской войны М.Д. Каратеев оказался в Латинской Америке в числе первых переселенцев. В эмиграции, проживая последние годы жизни в Уругвае, он стал писателем и историком, собрал уникальную библиотеку, в которой насчитывались десятки русских летописей и сотни трудов средневековых историков, а также арабских, персидских, польских, германских хронистов. Как показывает его многолетняя личная переписка с жившим в Бельгии кадетом В.В. Местмахером-Будде, Михаила Дмитриевич до конца своих дней старался быть в курсе происходивших в кадетском зарубежье событий, хотя и находился вдали от русских эмигрантских центров. Труды М.Д. Каратеева, посвященные главным образом истории Русского государства периода Золотой Орды («Ярлык великого хана», «Карач-Мурза (Тверь против Москвы)» и др.) написаны на принципах антинорманизма и державности, в жанре т.н. «романизированной истории». В 1960-е гг., еще при его жизни, книги М.Д. Каратеева стали известны на родине и были положительно восприняты ведущими советскими историками М.Н. Тихомировым и Б.А. Рыбаковым, отправившими коллеге-соотечественнику в далекий Уругвай ряд своих трудов[39].

Таким образом, в рамках различных корпоративных сообществ русской эмиграции двух волн через сохранение боевых реликвий и традиций, личных документов в Латинской Америке формировалось мемориальное пространство Русского мира и одновременно осуществлялась важная миссия по сохранению исторической памяти о событиях, сыгравших решающую роль в судьбе целого поколения людей, покинувших свою Родину, но при этом не прервавших с ней духовных и исторических связей. Созданное в XX веке диаспорами социокультурное пространство русских за рубежом служит фактором памяти о них и в странах- реципиентах.

[39] ДРЗ. Ф. 2. М–79. Л. 25-27.

БИБЛИОГРАФИЯ

Государственный Архив Российской Федерации. Фонд 6378.
Дом русского зарубежья имени А.И. Солженицына. Фонд. 2; Фонд 2. М–79.
Азаренков А. Русские Парагвая. Или, – как белогвардейцы выиграли войну в Америке // https://dbelyaev.ru/p/11612
Андрушкевич И.Н. Организационные структуры русских зарубежных кадет // Электронное Кадетское письмо. № 73. Буэнос-Айрес. сентябрь 2011 // http://www.xxl3.ru/kadeti/andruskiewitch.htm
Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. М.: АИРО-XXI, 2011. 304 с.
Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: «Русский Путь», 2002. 568 с.
Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008, 800 с.
Емельянова Н.М. Один в поле воин. Белый генерал – вождь краснокожих. Иван Беляев. СПб.: Питер. 2019, 512 с.
Жосинто Анатолий Заболоцкий. Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa: RS - Coli Grafica e Editora Ltda, 2009. 164 p.
Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 1971. № 1. С. 5, 8, 31, 91.
Кадетские корпуса за рубежом 1920-1945 гг. Монреаль: Канадская епархия. 502 с.
Катагощина М.С. Первая мировая война в зеркале частных и корпоративных историко-культурных коллекций России и Российского зарубежья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 151-181.
Качараба С.П. Эмиграция из Западной Украины. 1919-1939. Львов6 Львовский национальный университет имени И.Франко, 2003. 416 с. Укр.яз.
Коваль О.В. Взаимосвязи белорусской и украинской эмиграции в межвоенный период. Минск: РІВШ, 314 с. 2011.
Королев Н.В. Страны Южной Америки и Россия (1890–1917 гг.). Кишинев: Штиинца, 1972. 180 с.
Кублицкая М.А. Русская жизнь в Аргентине. Пенза: Ваза, 2018. 321 с.
Кублицкая М.А. Русские книги, изданные в Аргентине. XX век. М.: «Старая Басманная», 2013. 310 с.
Мартынов Б.Ф. Парагвайский Миклухо-Маклай. Повесть о генерале Беляеве. М.: ИЛИ РАН, 1993. 111 с.
Мартынов Б.Ф. Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М.: Воениздат, 2006. 238 с.
Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Крымский след в судьбе выдающегося русско-бразильского психолога Елены Владимировны Антиповой (1892–1974) // Крымский архив. 2015. № 3(18) С.133-148
Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960 гг. М.: РУДН, 2011. 388 с.
Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010. 320 с.
Окороков А.В. Русская эмиграция: политические, военно-политические и военные организации. М.: Авуар консалтинг, 2003. 330 с.
Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.
Плотников Б. Сорокалетие Венецуэльского объединения // Кадетская перекличка. 1988. № 45 // http://www.xxl3.ru/kadeti/venesuela.htm.
Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с.
Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.
Русские в Мексике / Под общ. ред. В. И. Морозова. М.: Фортуна ЭЛ, 2009. 272 с.
Русские в Уругвае. Монтевидео: Б.и., 2009. 229 с.

Русский кадетский некрополь в Аргентине. Сост. М.А. Кублицкая // Электронное Кадетское письмо, июнь 2007 г. № 50. http://www.dk1868.ru/argentina/Kadet_nekropol.htm

Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. М.: ИЛА РАН, 1993. 80 с.

Селунская Н.Б. Мифологема "русский европеец" как субъективное измерение идентичности эмигрантов "первой волны" // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 196-207.

Селунская Н.Б. Память как основа ригидности и подвижности национальных диаспор // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции. М.: Аквилон, 2016. С. 354-357.

Сизоненко А. И. Русские в Латинской Америке (очерки). М.: ИЛА РАН, 2005. 164 с.

Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки (Исторический очерк). Киев: Наук. думка, 1980. 142 с.

Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л. С. Флам. М.: Русский путь, 2006. 472 с.

Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев: Штиинца, 1986. 309 с.

Ульянова О. и Норамбуэна К. Русские в Чили. Santiago: Usach, 2009. 423 с.

Часовой. Париж. 15 сентября 1936 г. №174. С.14-16.

Часовой. Париж. 1957. № 380. С. 19.

Часовой. Париж. 1960. № 410. С. 19.

Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.). Киев: Выща школа, 1989. 202 с.

Шейнбаум Л.С. Аргентинский этнос: этапы формирования и развития. Л.: Наука, 1989. 168 с.

Электронное Кадетское письмо. октябрь 2000. № 25 // http://www.kadet.ru/lichno/andrushkevich/andru_5.htm

Armus D. Notas sobre el impacto inmigratorio ultramarino a la Argentina y la vision de los protagonistas // Revista de Indias. Madrid.1984. № 174. P. 489–504.

Brym R., Ryvkina R. The Jews of Moscow, Kiev and Minsk: identity, antisemitism, emigration. N.Y.: New York University Press, 1994. 400 p.

Campos R.H.F. Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. New York: Psychology Press, 2012, pp. 51-66.

La migracion internacional en Venezuela // Revista sobre relaciones industriles y laborales. Caracas. 1986. № 18. pp. 5–82.

Lattes A. Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo 19 – 1961 / // Desarollo economico. Buenos-Aires. 1973. Volume 12. № 48.

Martinez Virginia. Los rusos de San Javier. Perseguidos por el zar. Perseguidos por la dictadura uruguaya. De Vasili Lubkov a Vladimir Roslik. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2013. 298 p.

Moiseev A., Egorova O. Los rusos en Cuba. Cronicos historicas: juicios y testimonies. La Habana: Casa Editora Abril. 2010. 215 p.

Stempowski R. Los colonos eslavos del Nordeste Argentino (1897-1938): Problematica, fuentes e investigaciones en Polonia // Estudios latinoamericanos. Pol. akad. nauk. Inst. historii: Wroclaw etc. 1985. 10.1986, pp. 169–183.

The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967 /by Yaacov Ro'i. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 460 p.

Vila Villar. Los Rusos en America. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. 104 p.

REFERENCES

Azarenkov A. Russkie Paragvaya. Ili, - kak belogvardejcy vyigrali vojnu v Amerike // https://dbelyaev.ru/p/11612/

Andrushkevich I.N. Organizacionnye struktury russkih zarubezhnyh kadet // EHlektronnoe Kadetskoe pis'mo. № 73. Buehnos-Ajres. sentyabr' 2011 // http://www.xxl3.ru/kadeti/andrushkiewitch.htm
Bocharova Z.S. Rossijskoe zarubezh'e 1920–1930-h gg. kak fenomen otechestvennoj istorii. M.: AIRO-XXI, 2011. 304 s.
Volkov S.V. Oficery rossijskoj gvardii. Opyt martirologa. M.: «Russkij Put'», 2002. 568 s.
Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2008, 800 s.
Emel'yanova N.M. Odin v pole voin. Belyj general – vozhd' krasnokozhih. Ivan Belyaev. SPb.: Piter. 2019, 512 s.
ZHosinto Anatolij Zabolockij. Russkaya immigraciya v Brazilii. «V dolgij put' nadezhdy». Santa Rosa: RS - Coli Grafica e Editora Ltda, 2009. 164 s.
Katagoshchina M.S. Pervaya mirovaya vojna v zerkale chastnyh i korporativnyh istoriko-kul'turnyh kollekcij Rossii i Rossijskogo zarubezh'ya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2019. T. 18. № 1. S. 151-181.
Kacharaba S.P. EHmigraciya iz Zapadnoj Ukrainy. 1919-1939. L'vov6 L'vovskij nacional'nyj universitet imeni I.Franko, 2003. 416 s. Ukr.yaz.
Koval' O.V. Vzaimosvyazi belorusskoj i ukrainskoj ehmigracii v mezhvoennyj period. Minsk: RIVSH, 314 s. 2011. Belor. yaz.
Korolev N.V. Strany YUzhnoj Ameriki i Rossiya (1890–1917). Kishinev: SHtiinca, 1972. 180 s.
Kublickaya M.A. Russkaya zhizn' v Argentine. Penza: Vaza, 2018. 321 s.
Kublickaya M.A. Russkie knigi, izdannye v Argentine. XX vek. M.: «Staraya Basmannaya», 2013. 310 s.
Martynov B.F. Paragvajskij Mikluho-Maklaj. Povest' o generale Belyaeve. M.: ILI RAN, 1993. 111 s.
Martynov B.F. Russkij Paragvaj. Povest' o generale Belyaeve, lyudyah i sobytiyah proshlogo veka. M.: Voenizdat, 2006. 238 s.
Masolikova N.YU., Sorokina M.YU. Krymskij sled v sud'be vydayushchegosya russko-brazil'skogo psihologa Eleny Vladimirovny Antipovoj (1892–1974) // Krymskij arhiv. 2015. № 3(18). S.133-148
Mosejkina M.N. «Rasseyany, no ne rastorgnuty»: russkaya ehmigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. M.: RUDN, 2011. 388 s.
Nechaev S. YU. Russkie v Latinskoj Amerike. M.: Veche, 2010. 320 s.
Okorokov A.V. Russkaya ehmigraciya: politicheskie, voenno-politicheskie i voennye organizacii. M.: Avuar konsalting, 2003. 330 s.
Pivovar E. I. Rossijskoe zarubezh'e: social'no-istoricheskij fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii. M.: RGGU, 2008. 545 s.
Plotnikov B. Sorokaletie Venecuehl'skogo ob"edineniya // Kadetskaya pereklichka. 1988. № 45 // http://www.xxl3.ru/kadeti/venesuela.htm.
Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe HKH–XXI vv. Social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: «Krug"», 2011. 560 s.
Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya https://poisk-ru.ru/s12943t8.html
Russkie v Meksike / Pod obshch. red. V. I. Morozova. M.: Fortuna EHL, 2009. 272 s.
Russkie v Urugvae. Montevideo: B.i., 2009. 229 s.
Russkij kadetskij nekropol' v Argentine. Sost. M.A. Kublickaya // EHlektronnoe Kadetskoe pis'mo, iyun' 2007 g. № 50. http://www.dk1868.ru/argentina/Kadet_nekropol.htm
Russkoe zarubezh'e v Latinskoj Amerike. Sb. st. M.: ILI RAN, 1993. 80 s.
Selunskaya N.B. Mifologema “russkij evropeec”kak sub"ektivnoe izmerenie identichnosti ehmigrantov “pervoj volny” // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 64. S. 196-207.
Selunskaya N.B. Pamyat' kak osnova rigidnosti i podvizhnosti nacional'nyh diaspor // Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M.: Akvilon, 2016. S. 354-357.
Sizonenko A.I. Russkie v Latinskoj Amerike (ocherki). M.:ILA RAN, 2005. 164 s.

Strelko A. A. Slavyanskoe naselenie v stranah Latinskoj Ameriki (Istoricheskij ocherk). Kiev: Nauk. dumka, 1980. 142 s.
Sud'by pokoleniya 1920–1930-h godov v ehmigracii: Ocherki i vospominaniya / Red.-sost. L. S. Flam. M.: Russkij put', 2006. 472 s.
Tudoryanu N.L. Ocherki rossijskoj trudovoj ehmigracii perioda imperializma (v Germaniyu, Skandinavskie strany i SSHA). Kishinev: SHtiinca, 1986. 309 s.
Ul'yanova O. i Norambuehna K. Russkie v CHili. Santiago: Usach, 2009. 423 c.
CHernenko A. M. Rossijskaya revolyucionnaya ehmigraciya v Amerike (konec XIX v. – 1917 g.). Kiev: Vyshcha shkola, 1989. 202 s.
SHejnbaum L. S. Argentinskij ehtnos: ehtapy formirovaniya i razvitiya. L.: Nauka, 1989. 168 s.
EHlektronnoe Kadetskoe pis'mo. oktyabr' 2000. № 2 // http://www.kadet.ru/lichno/andrushkevich/andru_5.htm
Armus D. Notas sobre el impacto inmigratorio ultramarino a la Argentina y la vision de los protagonistas // Revista de Indias. Madrid.1984. № 174. P. 489–504.
Brym R., Ryvkina R. The Jews of Moscow, Kiev and Minsk: identity, antisemitism, emigration. N.Y.: New York University Press, 1994. 400 p.
Campos R.H.F. Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. New York: Psychology Press, 2012, pp. 51-66.
La migracion internacional en Venezuela // Revista sobre relaciones industriles y laborales. Caracas. 1986. № 18. pp. 5–82.
Lattes A. Las migraciones en la Argentina entre mediados del siglo 19 – 1961 / // Desarollo economico. Buenos-Aires. 1973. Volume 12. № 48.
Martinez Virginia. Los rusos de San Javier. Perseguidos por el zar. Perseguidos por la dictadura uruguaya. De Vasili Lubkov a Vladimir Roslik. Montevideo: Ediciones de la Banda Oriental, 2013. 298 p.
Moiseev A., Egorova O. Los rusos en Cuba. Cronicos historicas: juicios y testimonies. La Habana: Casa Editora Abril. 2010. 215 p.
Stempowski R. Los colonos eslavos del Nordeste Argentino (1897-1938): Problematica, fuentes e investigaciones en Polonia // Estudios latinoamericanos. Pol. akad. nauk. Inst. historii: Wroclaw etc. 1985. 10.1986, pp. 169–183.
The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948–1967 /by Yaacov Ro'i. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 460 p.
Vila Villar. Los Rusos en America. Sevilla: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1966. 104 p.

Мосейкина Марина Николаевна, *доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов: marina_moseikina@mail.ru*

Formation of the Russian world's memorial space in Latin America in the context of the history of the two waves of emigration

Latin America became one of the centers of the Russian resettlement abroad, where the first and second waves of emigration flowed in the 20th century. These were representatives of the white movement, the Cossacks, the techno-elites, who were joined by displaced people after World War II. They demonstrated their own experience in legal, economic and sociocultural adaptation. It is very useful to examine the experience of the military-political, economic and cultural potential of the Russian world in the countries of Latin America. Thanks to it a memorial space was formed, which continues to exist today. The article identifies the places and memory models of the Russian diaspora associated with the history of Russian emigration in this region.

Keywords: Latin America, emigration, diaspora, the Russian world, historical memory, adaptation, identity

Marina Moseykina*, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); marina_moseikina@mail.ru*

Е. Е. Седова

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются пути взаимодействия и взаимовлияния педагогики российского зарубежья и западной педагогики XX века в 1920–1950 гг. Формирование образовательного пространства русской эмиграции, причины и факторы, оказавшие влияние на её становление. Особенности педагогических взглядов и идей наиболее значительных ученых и педагогов российского зарубежья (С. Гессен; П. Сорокин, Е.В. Антипова), оказавших влияние на развитие педагогических идей в XX веке.
***Ключевые слова*:** *Российское зарубежье, педагогика, образование, воспитание, взаимодействие культур*

Педагогическая наука российского зарубежья в последние десятилетия находится в сфере приоритетных интересов как историков педагогики, так и педагогов-практиков, которые, в поисках оптимальных форм и методов современного образования, нередко обращаются к историческому опыту. Российское зарубежье представляет собой уникальное культурно-образовательное пространство. Педагоги в эмиграции оказались в крайне сложной ситуации и вынуждены были решать сразу несколько масштабных разнонаправленных задач: с одной стороны, они стремились предотвратить процесс денационализации молодого поколения, неизбежный для детей, находящихся в инокультурной среде. Это понятие трактовалось ими как «угроза и реальные явления утраты подрастающим поколением личностных установок на сохранение национальной идентичности, языка, культуры и принятие ими под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны проживания»[1]. С другой стороны, уже в 1930-е гг. становится очевидным, что ассимиляция беженцев была неизбежным условием выживания в эмиграции, и перед педагогами встала задача найти такое содержание, средства, формы и методы педагогической практики, которые позволили бы обеспечить образовательную подготовку в русских учебных заведениях на высоком уровне.

Педагогическая наука российского зарубежья в 1920–1940е годы становится точкой пересечения для трех разнонаправленных педагогических традиций и установок:

- российской дореволюционной педагогики, хранительницей и продолжательницей которой становится педагогическая теория и практика российского зарубежья, так как образцом для среднего обра-

[1] Дубровина 1999. С. 12.

зования в российском зарубежье стала дореволюционная гимназическая система России, кроме того, только в эмиграции продолжили существование кадетские корпуса и девичьи институты;

- новой советской педагогики, за развитием которой педагоги российского зарубежья следили с пристальным вниманием;
- современной западной педагогической теории и практики, в окружении которой и проходило становление и развитие образовательной системы российского зарубежья.

Формирование педагогической теории и образовательной практики русской эмиграции происходило под воздействием демографического фактора (большое количество русских детей и юношества, оказавшихся в эмиграции) и факта присутствия в эмиграции выдающихся российских ученых, философов и педагогов.

Исследователи российского зарубежья, применительно к проблемам педагогики и образования, выделяют комплекс специфических черт[2]: 1) стремление к сохранению национальной культуры через образовательный процесс, основой которого должны были стать родной язык, православная религия и исторические традиции; 2) создание единого образовательного пространства и национальной системы образования – от дошкольных учреждений до высшей школы; 3) возникновение мощного общественно-педагогического движения.

Объективной предпосылкой развития педагогической науки и системы национального образования в российском зарубежье было наличие детско-юношеской эмиграции, оказавшейся вне российского образования. Воссозданные в эмиграции дошкольные учреждения, гимназии, вывезенные из России кадетские корпуса и девичьи институты, российские высшие учебные заведении выполняли функции не только образовательных, но и национальных, а также являлись своеобразной формой психологической и социальной защиты подрастающего поколения. По данным, озвученным на Первом Педагогическом съезде во Франции (1929) В.В. Рудневым, к 1929 г. в странах расселения российской эмиграции было создано 120 русских школ, где обучалось 7500 детей, в лимитрофных государствах – 2500 детей, и около 1000 человек посещало дополнительные национальные курсы[3].

На протяжении 1920–1930-х гг. в эмиграции была создана полная уникальная система национального воспитания и образования, охватывающая все ступени от дошкольного до высшего, в которой решение проблемы национального самосохранения детей за счет опоры на родной язык, национальные традиции и русскую культуру сочеталось с

[2] Макеева 2003. С. 16
[3] ГАРФ, Ф. Р.5785.Л.42

получением универсального качественного образования, соответствующего требованиям стран, приютивших изгнанников. Так, например, русская гимназия в Париже находилась в подчинении Министерства народного просвещения и имела права французских лицеев. Ежегодные выпускные экзамены принимала объединенная комиссия из членов Русской Академической группы во Франции и представителей Министерства Народного Просвещения Франции под председательством профессора русского языка из Сорбонны.

Большинство выпускников русских школ и гимназий вполне успешно поступало в высшие ученые заведения стран пребывания.

Развитию педагогической науки российского зарубежья способствовало возникшее в эмиграции общественно-педагогическое движение, «деятельность представителей различных отраслей науки, культуры, религии и учительства, общественных деятелей, оказавшихся в изгнании, по объединению усилий эмиграции для организации социальной защиты детства, установлению связей с государственными и общественными органами стран пребывания, по организации дошкольного, школьного, внешкольного и высшего образования детей, молодежи и взрослых, формированию национальных, культурных, психолого-педагогических, социальных и правовых основ русской школы за рубежом, по развитию педагогической науки»[4]. В формировании этого движения участвовала научная, техническая, творческая и педагогическая интеллигенция, которая оказалась в эмиграции в 1920-е гг. Это и академики Петербургской Российской Академии Наук, 140 профессоров, более тысячи ученых разных специальностей (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.М. Бицилли, А.В. Ельчанинов, М.М. Гофман, Н.А. Ганц, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, С.И. Карцевский, Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, П.А. Сорокин, Е.Ф. Шмурло, Г.П. Федотов, В.А. Францев и др.), ректоры университетов, консерваторий и духовных академий, директора различных институтов, начальники военных академий[5]. Будучи в эмиграции, многие из них проявили интерес к вопросам образования и педагогики.

На первом съезде Русских академических организаций за границей (Прага, 1921) обсуждался вопрос о создании Русского педагогического союза за границей, который смог бы объединить всех русских педагогов в эмиграции и сделать единообразными программы обучения в русских школах за рубежом. В 1923 г. в Праге на съезде деятелей средней и низшей школы за рубежом, на котором присутствовали 73 делегата из 12 стран, обсуждались актуальные вопросы – типы и программы зарубежных школ, старая и новая орфография, религиозное

[4] Сухачёва 1995 С. 44.
[5] Осовский 1997.

воспитание детей и др. Главным организационным результатом съезда стало решение о создании педагогического центра, координирующего развитие русской школы в эмиграции, которым стало «Педагогическое бюро по делам средней и низшей школы за границей». Председателем президиума Бюро избран В. В. Зеньковский.

Педагогическое бюро становится не только организационным центром, координирующим и унифицирующим русскую школу за рубежом, но и сосредоточением научно-педагогической мысли, что позволило в кратчайшие сроки разработать национальный компонент в содержании обучения в русских школах, выработать программы по всем предметам, формы и методы национального воспитания как в учебном процессе, так и во внеучебной деятельности. Ко Второму съезду деятелей средней и низшей школы за рубежом (июль 1925 г.) были разработаны программы по истории, законоведению, географии, родиноведению, естествоведению, Закону Божию, пению, чистописанию и другим предметам. Наибольшие дискуссии вызвала разработка программы по русскому языку и литературе как основы национального образования и воспитания в эмиграции. Совершенствованию гуманитарных программ – «россики», как наиболее важным для национального воспитания был посвящен специальный Пленум Педагогического бюро (1926, Прага). Принятые на нем программы по истории, русскому языку, русской литературе и географии имели рекомендательный характер и могли варьироваться в конкретных школах в зависимости от местных условий.

Общественно-педагогическое движение русского зарубежья стремилось охватить национальным компонентом все уровни и сферы образования детей и молодежи эмиграции. Так, в 1927 г. в Праге проходит I съезд по дошкольному воспитанию за границей, а в 1928 – I съезд по внешкольному образованию за границей.

Уникальным явлением в мировом образовательном пространстве стало создание в эмиграции высшего педагогического учебного заведения – Русского педагогического института им. Я.А. Коменского в Праге (1924), который должен был готовить педагогические кадры не только для русских школ за рубежом, но и для работы в России после неизбежного, как тогда казалось, падения большевистского режима.

Центром развития педагогической мысли российского зарубежья становится педагогическая печать русской эмиграции, и, прежде всего журналы «Русская школа за рубежом» (1923–1931) и «Русская школа» (1934–1940), которые издавались в Праге. Эти журналы не только координировали деятельность русской школы за рубежом, но и способствовали изучению современной западной педагогики, а также интеграции ее с лучшими достижениями отечественной педагогической мысли. Так, журнал «Русская школа за рубежом» за годы своего существования опубликовал более 50 статей, анализирующих различные

аспекты современной западной школы[6]. Анализ этих материалов показал, что русская педагогическая мысль в эмиграции не только стремилась всесторонне обогатиться педагогическим опытом стран Европы и Америки, изучая постановку школьного дела и новейшие педагогические течения Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Польши, США, Франции, Чехословакии, Югославии и др. стран, но и вела активные дискуссии с европейскими педагогами, предоставляя им свои журналы для публикаций, взаимообогащаясь педагогическим опытом и новыми педагогическими идеями.

Журнал «Русская школа за рубежом» пристально следил и за развитием педагогики и образования в Советской России, в разделе «Хроника» регулярно публикуя тексты из советских журналов и газет, стремясь объективно представить не только эмигрантское видение перемен в школьной политике Советской России, но и взгляды их непосредственных участников. Эти материалы становились для западной педагогики источником информации о процессах, происходящих в образовательной политике и практике Советской России. Среди них наиболее полными и объективными были статьи Н.А. Ганца, С.И. Гессена, А.В. Маклецова, А.П. Маркова, М.М. Новикова, А.Т. Павлова и др.[7] Высокий научный авторитет журнала в педагогическом пространстве Европы подтверждается тем, что Министерства народного просвещения Болгарии и Югославии рекомендовали этот журнал к обязательной выписке всем учебным заведениям своих стран. Традиции издания были продолжены журналом «Русская школа» (1934–1940), имевшим научно-педагогический и аналитический характер. На его страницах представлены исследования философско-педагогических взглядов Т. Масарика, обсуждений новейших течений в педагогике и мн. др.

---

[6] Среди них: Ганц Н.А. Народное образование в Шотландии и Ирландии // Русская школа за рубежом. 1925. № 13/14. С. 55-68; Гессен С.И. Школьная система Чехословакии // Русская школа за рубежом. 1927-1928. 29/30. С. 702-731; Жекулина А.В. Метода Декроли в школах Бельгии: Доклад, прочтенный на Съезде деятелей русской зарубежной школы в апреле 1923 года в Праге // Русская школа за рубежом. 1923. № 2/3. С. 31-40; Иванов К.И. Подготовка преподавателей первоначальных и средних школ в Болгарии // Русская школа за рубежом. 1929. № 31. С. 80-85; Сокольцов Д.М. Организация школы в Польше // Русская школа за рубежом. 1927-1928. № 25. С. 64-82.

[7] Ганц Н.А. Политика Рабочего правительства по народному образованию // Русская школа за рубежом. 1924. № 7. С. 125-126; Гессен С.И. Органы управления народным просвещением в СССР // Русская школа за рубежом. 1926. № 18. С. 557-571; Маклецов А.В. Борьба с детской беспризорностью в СССР // Русская школа за рубежом. 1927. № 24. С. 637-668; Марков А.П. Бюджет народного образования в советской России // Русская школа за рубежом. 1926. № 18. С. 572-593; Новиков М.М. Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом. 1923. № 5/6. С. 1-17; Павлов А.Т. Единая трудовая школа в советской России: (Устав ед. труд. школы от 18.12.1923 г.) // Русская школа за рубежом. 1924. № 8. С. 29-44; Сирополко (Серополко) С. Внешкольное образование в РСФСР // Русская школа за рубежом. 1927-1928. № 26. С. 153-181.

По мнению М.В. Богуславского[8], российскими педагогами в эмиграции «была разработана оригинальная философия образования, основанная на соединении общечеловеческих и национальных ценностей (С.И. Гессен); определены психолого-педагогические основы формирования у подростков и юношества национального самосознания и разработаны концептуальные основы православного воспитания как базиса для развития патриотизма (В.В. Зеньковский); установлены действенные формы и средства воспитания патриотизма в результате вдумчивого использования национальных ценностей образования (И.А. Ильин)».

Наиболее значительное место в мировом образовательном пространстве принадлежит педагогическим идеям Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950). Основная часть его научно-педагогической деятельности пришлась на период эмиграции. В Берлине в 1923 г. вышел его главный труд «Основы педагогики», в котором изложена одна из наиболее значимых педагогических теорий первой половины XX века. Круг проблем, представленных в «Основах педагогики», чрезвычайно широк. Автор создал цивилизационную концепцию «диалога культур» как методологию историко-культурологического анализа различных парадигм воспитания, эволюции их взаимосвязей, выявления целостной педагогической картины мира. Ученый считал, что такой подход может «объяснить механизмы взаимодействия культур, «борьбы в среде культурных ценностей эпохи»[9]. Концепция национального образования С.И. Гессена выкристаллизовалась через сравнительный анализ идеалов национального образования Ушинского и Фихте. Споря с соотечественником, Гессен утверждал, что национальное образование – не столько проявление уже сформировавшейся «народной души», сколько приобщение народа к культурному преданию. Безусловным достижением Фихте он считал то, что тот первым увидел проблему национального образования в отношении народа к внешней культуре: «Нация не есть нечто противоположное человечеству, но стиль творческого усвоения народом общечеловеческого культурного содержания»[10]. Нация в понимании Гессена – единство «задания и предания» (предание – это «совокупность всего сотворенного, но никогда не конченного и мертвого, а живого и живительного»[11]), а стремление реализовать общечеловеческие, вечные ценности определяет направление ее духовного творчества. Национальное образование, по Гессену, не особый вид образования, отличный по составу и целям от других его видов, а «естественная форма, стиль, в которых по необходимости проявляется работа народа над общечеловече-

[8] Богуславский 1997. С. 62
[9] Гессен. 1993. С. 35.
[10] Там же. С. 339.
[11] Там же. С. 95.

скими ценностями»[12]. Из этого постулата Гессен вывел главную задачу национального образования: «Приобщение всех слоев народа к культуре, и, в частности, к образованности как высшему ее проявлению».

Ведущим понятием в научном образовании становится научный метод. Формирование и значение его дано С.И. Гессеном через сравнительный анализ разнообразных современных теорий научного образования, среди которых выделяется два основных течения, противоположных друг другу и различающихся, прежде всего, по своим целям[13].

Главной идеей философско-педагогического наследия С.И. Гессена является трактовка образования как бесконечного процесса духовного «созревания» личности, развитие в человеке свободы и приобщения его к культурным ценностям. Взгляды С.И. Гессена на национальное образование как никогда актуальны в современном образовательном пространстве, где национальный и общечеловеческий компоненты образования вновь пытаются достичь консенсуса.

Переехав в Чехословакию в 1924 г., Гессен вместе с другими выдающими представителями педагогики российского зарубежья участвовал в создании Русского педагогического института им. Я.А. Коменского (Прага). В последовавшее десятилетие он публиковал научные статьи в русских, немецких, итальянских, французских, английских, чешских, польских изданиях. Много выступал с лекциями в учебных заведениях Кракова, Берлина, Праги, Варшавы, Парижа, Лондона, Вены, участвовал в международных научных форумах по вопросам философии и воспитания, например, во Всенемецком педагогическом съезде в Висбадене, в международном конгрессе по моральному воспитанию в Кракове.

После переезда в Варшаву в 1936 г. С.И. Гессен продолжил активную научную и педагогическую деятельность: преподавал в Свободном Польском университете, Варшавском университете, институте специальной педагогики, работал над монументальными трудами «Философия воспитания» и «Структура и содержание современной школы» (рукописи обеих книг погибли). Даже в трагические военные годы Гессен читает лекции в подпольных учебных заведениях. Пережив гибель сына, и чудом избежав отправки в концлагерь в 1943 г., он остается в Польше, где продолжает свою педагогическую деятельность.

После войны Гессен переезжает в Лодзь, где возглавляет кафедру педагогики. А. Валицкий, характеризует этот период как время «сталинизации» и «марксистский перелом» в общественных науках[14]. В высших учебных заведениях начинается «чистка», и Гессен одним из первых попадает в эти жернова. После закрытия кафедр философии в поль-

[12]Там же. С.340
[13] Подробно см.: Седова 2006.
[14] Валицкий 1994. С.186

ских университетах он преподает русскую грамматику на отделении русистики. По воспоминаниям его ученика А. Валицкого, «Гессен анализировал язык, как это делали, наверное, древние философы-грамматики. Он созерцал мудрость языковой структуры, мудрость морфологии слов… Особенно восхищала его красота сложных церковнославянских слов… Он записывал их на доске, давал их морфологический анализ, объясняя происхождение, часто делая отступление о древних и новых воззрениях на язык и даже о философском содержании слов»[15].

По приглашению ЮНЕСКО, С.И. Гессен с 1949 г. и вплоть до последовавшей в 1950 г. кончины участвовал в работе Комитета философских оснований прав человека вместе с М. Ганди, П. Тейяр де Шарденом, Б. Кроче, Ж. Маритэном. В последние годы жизни он продолжает разрабатывать проблемы философии образования, анализирует современные философско-педагогические теории, например, учение Д. Дьюи, обращенное к экспериментальной практической педагогике, основанной на актуализации практического опыта ребенка и возможности его применения в социуме, а также близкие по духу идеи Дж, Кершенштейнера о трудовой школе, которая должна давать ребенку профессиональные навыки в соответствии с его устремлениями и будить в нем радость от труда на службе обществу и др.

Уже после смерти С. Гессена его труды оказываются чрезвычайно востребованными при разработке новой образовательной политики европейских стран. В частности, в Италии издаются его работы «Педагогика Дж. Джентиле», «Педагогика Дж. Дьюи», «Школа Дж. Лобрадо-Радиче и школа Дж. Кершенштейнера» и др. Изданная в Риме работа «Педагогика и мир экономики» (1954) повлияла на ход реформ в итальянском образовании и стала основой итальянских школьных программ профессионального обучения. В городе Вадо-Лигуре был создан центр информации и документации по наследию Гессена. Кроме того, созданная им теория «критической дидактики» стала основой развития польской теории проблемного обучения.

Влияние педагогики русского зарубежья не исчерпывается научно-педагогическим наследием С.И. Гессена. Большое влияние на формирование мирового образовательного пространства XX века оказали также педагогические взгляды выдающегося российского социолога Питирима Сорокина (1889–1968)[16], соединившего в своем учении социоло-гию с педагогикой. Разработанная им теория социальной мобильности впервые доказывает безусловные возможности образования в изменении социального статуса индивида, вводит понятие «социального лифта», подробно анализирует горизонтальную и вертикальную образовательно-

15 Там же. С. 182-183.

[16] См. об этом: Запесоцкий 1999. С. 287-295.

социальную мобильность. П. Сорокин писал: «В обществе, где школы доступны всем его членам, школьная система представляет собой “социальный лифт”, движущийся с самого низа общества до самых верхов. В обществе, где привилегированные школы доступны только высшим слоям населения, школьная система представляет собой лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания, перевозящий вверх и вниз только жильцов верхних этажей. Однако даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоёв всё-таки удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему возвыситься»[17].

Значительный вклад в формирование мирового образовательного пространства внесла выдающийся российский психолог и педагог Елена Владимировна Антипова (1892–1974). Её деятельность неоценима как в области развития теории коррекционной психологии и социальной педагогики, так и в практической организации образовательных комплексов и школы-приюта для детей с отклонениями в развитии. В 1929 г. Е.В. Антипова, как ведущий специалист в области детской психологии Женевского университета была приглашена в Бразилию для помощи в создании национальной системы педагогической и психологической поддержки детства. Однако, приехав в Бразилию для работы с одаренными детьми, она по зову души переключается на область инклюзивного образования. Вклад Антиповой в развитие коррекционной педагогики Бразилии был высоко отмечен еще при её жизни.

Наследие Е. Антиповой активно изучается в последнее десятилетие в России[18]. Как пишут М. Сорокина и Н. Масоликова, «Антипова не только предложила обществу свой личный психолого-педагогический проект, но сумела воплотить его, добившись создания в 1940 г. в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) интегративного образовательного комплекса «Фазенда до Розарио», где на вполне рациональных научных началах, оказалась реализована русская социальная утопия – мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была, и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности»[19]. В современной Бразилии продолжают действовать образовательный Фонд Елены Антиповой, Центр истории психологии и документации им. Елены Антиповой при Федеральном университете Минас-Жерайс.

Таким образом, опыт педагогической теории и образовательной практики российского зарубежья в XX в. показывает, что, несмотря на

[17] Сорокин 2005.
[18] Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой…
[19] Масоликова, Сорокина 2018. С. 6.

тяжелейшие социальные, материальные и психологические условия, российские педагоги в эмиграции сумели:

- создать целостную систему национального образования и воспитания в инокультурной среде;
- совместить национальный и общечеловеческий компонент в содержании образования и воспитания, что оказывается чрезвычайно актуальным в современном мировом образовательном пространстве;
- синтезировать лучшие достижения как дореволюционной российской, так и современной западной педагогики;
- стать тем мостиком, который помог западной педагогической теории изучать новые идеи и методики, которые предлагала советская педагогика 1920–1950-х гг.;
- высокий научный уровень педагогической печати русской эмиграции позволил педагогической мысли российского зарубежья стать полноправным участником мирового образовательного процесса;
- научная и педагогическая деятельность наиболее выдающихся педагогов российского зарубежья (С.И. Гессена, П. Сорокина, Е.В. Антиповой и др.) оказала реальное влияние на развитие образовательной политики, нахождение новых содержательных и организационных аспектов педагогической практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАРФ, Ф. Р. 5785. Оп.2. Д.46.

РНБ, Семейный архив Дуровых, Ф.1350. Ед.хр.36

Богуславский М.В. Национальные ценностные приоритеты образования и воспитания в наследии философов русского зарубежья // Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е гг. XX в.). М., 1997. С. 61-64.

Валицкий А. Послесловие к публикации «Жизнеописания» С.И. Гессена // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С .182-183.

Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и составитель П.В. Алексеев. М.: «Школа-Пресс», 1995. 448 с.

Дубровина С.К. Национальное образование и воспитание детей и подростков в Российском Зарубежье (20-50-е гг. XX в.): Дисс. …канд. пед. наук. Нижний Новгород. 2000. 157 с.

Запесоцкий А.С. Культуроцентристская концепция образования в свете идей Питирима Сорокина // Возвращение Питирима Сорокина: Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. Москва – Санкт-Петербург – Сыктывкар. 4–9 февраля 1999 года. С. 287-295.

Макеева Н.А. Высшее образование российской молодежи в условиях эмиграции «первой волны» (1920 – 1930 гг. XX века): Дисс. ... канд. пед. наук. Саранск, 2003. 226 с.

Масоликова Н., Сорокина М. Русский апостол Бразилии: Елена Антипова, 1892–1974. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2018. 96 с.

Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России. Материалы международного научного коллоквиума / Сост. Н. Масоликова, М. Сорокина. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2014. 332 с.

Осовский Е.Г. Деятели общественно-педагогического движения и педагогики российского зарубежья: 150 биогр.: К 2-й всерос. науч. конф. «Образование и пед. мысль рос. зарубежья, 20-50-е гг. XX в.». Саранск: МГПИ, 1997. 99 с.

Сорокин П. Социальная мобильность. М.: Academia: LVS, 2005. 608 с.

Седова Е.Е. Быт и бытие русской гимназии в Париже // Нансеновские чтения – 2012. СПб., 2014. С. 55-70.
Седова Е.Е. Философия образования С.И. Гессена в социокультурном контексте общественно-педагогического движения России и Русского Зарубежья первой половины XX века: монография. Воронеж: ВГПУ, 2006. 109 с.
Сухачёва В.А. Общественно-педагогическое движение российской эмиграции в странах Европы (1919–1939 гг.): Дисс. …канд. пед. наук. Саранск, 1995. 250 с.

REFERENCES

Boguslavskiy M.V. Natsionalnyye tsennostnyye prioritety obrazovaniya i vospitaniya v nasledii filosofov russkogo zarubezhia // Natsionalnyye tsennostnyye prioritety sfery obrazovaniya i vospitaniya (vtoraya polovina devyatnadtsatogo – 90-e gody XX v.). M.. 1997. S. 61-64.
Valitskiy A. Poslesloviye k publikatsii «Zhizneopisaniya» S.I. Gessena // Voprosy filosofii. 1994. №7-8. S.182-183.
Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedeniye v prikladnuyu filosofiyu / Otv. red. i sost. P.V. Alekseyev. M.: "Shkola-Press". 1995. 448 s.
Dubrovina S.K. Natsionalnoye obrazovaniye i vospitaniye detey i podrostkov v Rossiyskom Zarubezhye (20-50-e gg. 20 v.): Diss. …kand. ped. nauk. Nizhniy Novgorod. 2000. 157 s.
Zapesotskiy A.S. Kulturotsentristskaya kontseptsiya obrazovaniya v svete idey Pitirima Sorokina // Vozvrashcheniye Pitirima Sorokina: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma. posvyashchennogo 110-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Sorokina. Moskva – Sankt-Peterburg – Syktyvkar. 4-9 fevralya 1999 goda. S. 287-295.
Makeyeva N.A. Vyssheye obrazovaniye rossiyskoy molodezhi v usloviyakh emigratsii «pervoy volny» (1920–1930 gg.): Diss. ...kand. ped. nauk. Saransk. 2003. 226 s.
Masolikova N.. Sorokina M. Russkiy apostol Brazilii: Elena Antipova. 1892–1974. M.: Dom russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2018. 96 s.
Naslediye russko-brazilskogo psikhologa Eleny Antipovoy (1892–1974) v oblasti nauki. obrazovaniya i prav cheloveka v Latinskoy Amerike. Evrope i Rossii. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma / Sost. N. Masolikova. M. Sorokina. Moskva: Dom russkogo zarubezhia im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2014. 332 s.
Osovskiy E.G. Deyateli obshchestvenno-pedagogicheskogo dvizheniya i pedagogiki rossiyskogo zarubezhia: 150 biogr.: K 2-y vseros. nauch. konf. «Obrazovaniye i ped. mysl ros. zarubezhia. 20-50-e gg. XX v.». Saransk: MGPI. 1997. 99 s.
Sorokin P. Sotsialnaya mobilnost. M.: Academia: LVS. 2005. 608 s.
Sedova E.E. Byt i bytiye russkoy gimnazii v Parizhe // Nansenovskiye chteniya – 2012. SPb.. 2014. S. 55-70.
Sedova E. E. Filosofiya obrazovaniya S.I. Gessena v sotsiokulturnom kontekste obshchestvenno-pedagogicheskogo dvizheniya Rossii i Russkogo Zarubezhia pervoy poloviny XX veka: monografiya. Voronezh: VGPU. 2006. 109 s.
Sukhacheva V.A. Obshchestvenno-pedagogicheskoye dvizheniye rossiyskoy emigratsii v stranakh Evropy (1919–1939 gg.): Diss. …kand. ped. nauk. Saransk. 1995. 250 s.

***Седова Елена Евгеньевна**, кандидат педагогических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета, sedova00@nbox.ru*

Pedagogical heritage of Russian emigration in the world educational space

The article deals with the ways of interaction and mutual influence of pedagogy of the Russian abroad and Western pedagogy of the twentieth century in 1920-1950. Formation of the educational space of Russian emigration, the reasons and factors that influenced its formation. Features of pedagogical views and ideas the most significant scientists and teachers of the Russian abroad (S. Hessen; P. Sorokin, E.V. Antipova), which influenced the development of pedagogical ideas in the twentieth century.

Keywords: Russian abroad, pedagogy, education, upbringing, interaction of cultures

***Elena Sedova**, PhD in Pedagogy, associate Professor of Voronezh State Pedagogical University, sedova00@nbox.ru*

З. А. Барбарунова, А. В. Копршивова

МОЛОДЕЖЬ ЮГА РОССИИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920–1930-е гг.)

Данная работа представляет собой опыт историко-социологического исследования групп эмигрантов в возрасте до 35 лет. Рамки исследования ограничиваются уроженцами Области Войска Донского, Области Терского казачьего войска, Кубанской области и Черноморской губернии.

***Ключевые слова*:** *эмиграция, казаки, донские, кубанские, терские, «иногородние», чешские колонисты, гимназисты, студенты, Чехословакия, Русская Акция Помощи*

Чехословацкая республика (ЧСР) была одной из стран, которые приняли русских беженцев по окончании гражданской войны на их родине. Правительство разработало и финансировало за счет государственного бюджета т.н. «Русскую акцию помощи» (1920-е гг.), которая позволила предоставить изгнанникам всестороннюю помощь; особенно в сфере образования[1]. Положение российских эмигрантов в Чехословакии и проведение «Русской акции» нашли отражение в ряде работ как чешских, так и российских исследователей. Наиболее значимыми в этом плане являются исследования Е.П. Серапионовой, И.В. Сабенниковой, Л.С. Кишкина, А.В. Копршивовой и З. Сладека[2]. К.Б. Егорова и Л.С. Кишкин обращались непосредственно к проблемам учащейся молодежи в Чехословакии[3]. Однако эти исследования рассматривали эмигрантскую колонию как целое, игнорируя специфику региональных, культурно-этнических групп российской эмиграции, каковой, в частности, являлись выходцы с Юга России, значительную часть из которых составляли казаки. Положение казаков-эмигрантов в Чехословакии представлено в работах Е.Б. Парфеновой и О.В. Ратушняка[4]. Интересна в этом отношении и монография О.В. Ратушняка, обобщающая российскую историографию по истории казачьего зарубежья[5].

В статье представлен анализ социально-демографических процессов в среде учащейся эмигрантской молодежи Юга России в ЧСР (1920–1930-е гг.). В эту группу входят выходцы из казачьего сословия, т.н. «иногородние» жители станиц и городов Дона, Кубани и Терека, а также небольшое число детей чешских колонистов Черноморской губернии[6].

[1] Документы к истории русской и украинской эмиграции… С. 9.
[2] Серапионова 1995; Сабенникова 1995; Кишкин 1996; Kopřivova 2001; Сладек 1993.
[3] Егорова 2011; Кишкин 1993.
[4] Парфенова 1997; Ратушняк 2013.
[5] Ратушняк 2015. С. 119-127.
[6] Птицын. 2014. С. 71-76.

Анализ статистики персональных данных этой общности позволит уточнить многие параметры их жизни в изгнании[7].

При подготовке статьи использованы преимущественно документы Государственного Архива Чешской Республики (Národní archiv České republiky (NA ČR), к которым относятся:

- решения МИД ЧСР (MZV RPA) о предоставлении и продлении русским эмигрантам вида на жительство в стране (1922–1937 гг.),
- документы МВД ЧСР, Полицейского управления г. Праги (MV ČR. PŘ Hl.m. Praha. Evidence obyvatel) за 1930–1941 гг. по вопросам получения русскими эмигрантами гражданства ЧСР,
- документы о легитимации русских эмигрантов, заверенные общественными организациями эмигрантов: ЗЕМГОР в ЧСР, Объединенный комитет казаков Дона, Кубани и Терека, Громада украинцев в ЧСР и др.,
- нансеновские паспорта, выданные русским эмигрантам, проживающим на территории ЧСР в 1920-1930-е гг.,
- документы MZV RPA, касающиеся оформления процедуры репатриации эмигрантов в РСФСР и УССР 1920-е гг.,
- документы Комитета помощи русским, украинским и белорусским студентам в ЧСР за 1920-е – нач. 1930-х гг.

Обработаны документы из пятидесяти одной единицы хранения (karton) NA ČR. Выявлены персоналии, достоверно отнесенные к выходцам с: Дона – 251, Кубани – 293, Терека – 23. Всего: 567 человек.

Большинство молодых людей покинуло Россию в начале 1920-х во время эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма, вместе с родителями или родственниками, принявшими сторону Белого движения или в составе воинских частей, лазаретов и кадетских корпусов. После содержания в лагерях беженцев в Турции, Греции и на острове Лемнос, они были переправлены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов, словенцев (КСХС). Оттуда, получая разрешения на въезд для продолжения образования, они прибывали в 1921–1922 гг. в ЧСР организованными транспортами. До 1925 г отдельные молодые люди самостоятельно, иногда без документов и визы, пробирались в Чехословакию из Болгарии, КСХС и других стран Европы. Многие молодые люди не успели на родине получить даже среднее образование. «Русская акция» в ЧСР предоставляла возможность молодежи разных возрастов закончить среднее, высшее образование или ремесленную школу.

Приехавших в 1921–1922 гг. эмигрантов содержали максимум два дня в военных карантинных пунктах, где они проходили медицинский осмотр (заразно больных и раненых посылали на лечение), карантинную

[7] Ранее нами был предложен опыт подобного исследования пребывания кубанской молодежи в Чехословакии. См.: Априк, Барбарунова, Копшивова 2016.

баню и получали сменную одежду. Затем их селили в пражские общежития «Свободарну», «Худобинец» и др. Проживание было бесплатным, питание отвечало общему уровню жизни чехов того времени[8].

Всю молодежь с Юга России, прибывшую в 1921-1925 гг., можно условно разделить на две группы, исходя из даты рождения и степени ранее полученного образования, что могло им позволить или не позволить сразу начать учебу в вузе или 2-хлетней профессиональной школе.

Первая группа (373 исследованных) состоит из молодых людей неженатых или оставивших семьи в России (96%), а также девушек и женщин, приехавших с мужьями, в составе семей или самостоятельно (4%). Все они родились в 1884–1905 гг. и успели получить какое-то образование в дореволюционной России. Эта группа сразу начала учебу в русско- или украино-язычных вузах Чехословакии и в двухлетних ремесленных школах, созданных при содействии чехословацкого правительства и российской эмигрантской профессуры. Фактором, объединяющим студентов и учащихся ремесленных школ в одну группу, стало получение ими на руки стипендии для самостоятельного проживания – в отличие от гимназистов, которые жили в основном в интернатах на полном пансионе. Лицам, не имевшим при себе документов о ранее полученном среднем образовании, пришлось испрашивать в 1922–1925 гг. их копии из Советской России. В ином случае, студенты должны были сдать дополнительные экзамены за курс средней школы, т.н. «матуриту», в течение первого года обучения в вузе.

В первой группе, в большинстве своем не учившейся на чешском языке, бытовали настроения, свойственные старшему поколению эмигрантов – ожидание возвращения на родину после падения большевистской власти. Относящиеся к ней молодые люди, живя в чешской среде, не консолидировались с местным обществом, создавая свои общественные организации, газеты и журналы. Примерно к 1927 г., когда надежды на возвращение у большинства эмигрантов были потеряны, а высшее образование закончено, или находилось в стадии окончания, перед этой группой возникла проблема поиска работы. Не найдя себе применения в ЧСР, многие молодые люди вынуждены были переселиться во Францию или ее колонии в Северной Африке; в Аргентину, Парагвай, Канаду или же вернуться к своим семьям в Болгарию и Югославию. Небольшое число молодых людей (4%) в 1923-1927 гг. приняли решение о возвращении на родину и выехали в СССР. Средствами на оплату переезда молодые люди, как общее правило, не располагали, обращались за помощью к местным властям; источники показывают, что полученные ссуды в абсолютном большинстве случаев не возвращались[9].

[8] Kopřivova 2001. S. 12-15, 18-19.
[9] Kopřivova 2001. S. 47-59.

Вторая группа включала 194 исследуемых, рожденных в 1900 – начале 1930-х гг. Она состояла в основном из учащихся русских гимназий в Праге и Моравской Тшебове; выпускников гимназий, кадетских и средних школ в Болгарии и КСХС. Девочек и девушек в этой группе было больше, чем в первой (ок. 20%), а создавших свои семьи в ЧСР – 17%. Эта группа, в отличие от первой, уже в гимназические годы связала себя со страной пребывания: говорила по-чешски, училась и жила с детьми чешских колонистов и легионеров из России, знавших русский язык, в большинстве своем православных. Представители этого поколения участвовали в соревнованиях русских и чешских «сокольских» команд, чаще своих старших товарищей продолжили учебу в вузах на чешском языке (20% из числа гимназистов), молодые люди, преимущественно кубанцы, нередко заключала браки с чешками.

На выбор факультетов у молодежи повлиял традиционный для них хозяйственный уклад Юга России. Они предпочли факультеты: агрономический (32%), медицинский (17%), механико-технологический (13%), торгово-экономический (11%), строительный (8%) и электромеханический (7%). Учащиеся двухлетних ремесленных школ (44 человека) выбрали Русское высшее училище техников путей сообщения, электротехническую и автотракторную школы в Праге, Земскую молочную школу в Кромежиже, Начальную сельскохозяйственную школу в г. Писек, Специальную женскую школу кройки и шитья в Праге. Они также обучались садоводству, виноградарству, скотоводству, плетению лозы и другим ремеслам в разных местах ЧСР.

К 1929 г. между двумя группами молодых эмигрантов уже не наблюдалось существенных различий в отношении интеграции в чехословацкое общество. Более адаптированная к жизни в ЧСР вторая группа, в силу своего позднего возраста рождения, подошла к окончанию высшего образования, когда начался мировой экономический кризис 1929 г. Закон об охране местного рынка труда от 1929 г. не только ограничил прием на работу эмигрантов, но и требовал их увольнения с чехословацких предприятий и фирм. За уклонение от его исполнения работодателя штрафовали на 10 тыс. крон (прожиточный минимум эмигранта был в среднем 500 крон в месяц)[10]. Исключением являлись специалисты, в которых были заинтересованы работодатели, например, инженеры на заводах «Шкоды», горные инженеры и высококвалифицированные врачи. В таких случаях владельцы или управленцы предприятий должны были защищать своих работников перед Министерством труда ЧСР.

К этому времени ЧСР постепенно закрывает «Русскую акцию» и уменьшает суммы на поддержку русских учащихся. Однако до 1932 г. правительство позволило доучиться 1420 студентам и гимназистам для

[10] Na ČR. F. MZV RPA. Karton 305.

получения дипломов за счет дополнительного финансирования[11]. Выпускники вузов 1930–1932 гг. до конца десятилетия с трудом подыскивали себе постоянные места занятости. В поисках средств пропитания приходилось покидать Прагу, довольствоваться сезонными поденными заработками в провинции. Между тем, отсутствие трудоустройства ставило под вопрос возможность пребывания эмигранта с нансеновским паспортом в стране. Власти ЧСР последовательно и жестко боролись с бродяжничеством. Полиция строго проверяла наличие прописки по определенному адресу. В такой ситуации безработным эмигрантам, при невозможности платить за фактическое жилье, приходилось платить арендаторам даже за номинальный адрес. Бездомных, найденных ночующими в укромных углах общественных мест, подвергали аресту на 2 дня с предписанием встать на учет по безработице. Однако чиновники местных управлений труда отказывались регистрировать лиц с нансеновскими паспортами в качестве «безработных». Счастьем было упасть в голодный обморок на улице и провести 2 месяца в больнице по причине «полного истощения»[12]. Чешский Красный Крест выдавал субсидию 100 крон в месяц инвалидам, хронически тяжело больным и многодетным семьям без отцов, но не безработным выпускникам учебных заведений[13]. От экономического кризиса и безработицы, достигшей почти миллиона человек (10–15% населения к марту 1933 г.)[14], страдали все граждане ЧСР. Но для эмигрантов без подданства, с нансеновскими паспортами условия жизни были гораздо суровее. В этот период, на фоне коммунистической пропаганды об успехах жизни в СССР, изменилось к худшему и отношение к русским эмигрантам чешских обывателей. Они уже не видели причин помогать им.

Во второй половине 1930-х гг. наметилось оживление экономики: вновь стали развиваться отрасли промышленности, особенно связанные с вооружением, строительством дорог и оборонительных сооружений вдоль границ. Появилась нужда в квалифицированных рабочих и специалистах. После Мюнхенского соглашения ситуация на рынке труда облегчилась в связи с отделением от Чехословакии Словакии и Подкарпатской Руси. В связи с возникшим там спросом на квалифицированный труд, туда потянулись эмигранты, получившие образование в ЧСР.

Некоторые молодые люди в период с 1932 по 1938 гг., осознав сложности, вытекающие из их долголетнего проживания в стране без принятия подданства, приняли гражданство ЧСР. В последующий период, до 1941 г., только единицы смогли получить чешский паспорт.

---

[11] Na ČR. F. MZV RPA. Karton 314.
[18] Na ČR. F. MZ ČR. PŘ Hl.m. Praha. Evidence obyvatel. Semen Špyg.
[19] Na ČR. F. MZV RPA. Karton 305.
[20] Soběhart 2013. C. 93.

С 1939 г. в Чехии открылась возможность отъезда на работу в Германию, в том числе для специалистов-эмигрантов. Большинство из тех, кто воспользовался этим шансом в ЧСР более не вернулись: некоторые погибли при бомбежках, другие опасались обвинений в сотрудничестве с фашистской Германией – через лагеря для перемещенных лиц в 1945–1947 гг. они перебрались на Запад.

Немногочисленная группа русских эмигрантов, испросив советское подданство, была репатриирована в СССР (1945–1947 гг.)[15].

Таким образом, исследование социально-демографических процессов в среде учащейся эмигрантской молодежи Юга России в ЧСР (1920–1930-е гг.), представленной выходцами из казачьего и не казачьего сословия станиц и городов Дона, Кубани и Терека, а также небольшой группой чешских колонистов Черноморской губернии, способом статистической обработки персоналий, выявило:

- наличие двух групп, различающихся по дате рождения и уровню дореволюционного образования, что явилось причиной разных путей и скорости интеграции этих групп в ЧСР;
- существенные отличия кубанской диаспоры от донской и терской в процессе интеграции в чехословацкое общество за счет свободного владения украинским и русским языками, что расширило для них круг учебных заведений, ускорило освоение чешского языка, создало условия для заключения браков с гражданками ЧСР;
- общая для обеих исследованных групп приверженность к традиционным способам хозяйствования, что выразилось в выборе профессий в процессе образования в ЧСР.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Národní archiv České republiky (NA ČR). Fond. Ministerstvo Zahraničních Věcí. Ruská Pomocní Akce (MZV RPA). Kartony 39, 50, 51, 73, 77-80, 89, 91, 98, 100, 104-107, 110, 111, 139, 142-145, 147, 150, 152, 159, 160-165, 168, 172, 199-201, 206, 207, 209, 212-217, 291, 302, 305, 309, 314, 315, 334, 335, 338, 363.

Národní archiv České republiky (NA ČR). Fond. Ministerstvo Vnitra ČR. Policejní ředitelství Hl.m. Praha. Evidence obyvatel.

Личный архив А.В. Копшивовой. Прага. Чешская республика.

Русские в Праге 1918-1928 гг. Редактор-издатель С.П. Постников. Прага. 1928 г. С. 69-114.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) З. Сладек, Л. Белошевская и колл. Славянский институт АН ЧР, Прага 1998. 344 с.

Kopřivova A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921-1952). Praha, 2001. 122 s.

Soběhart R. Hospodárské dějiny Československa 1918-1992. Praha. 2013. 207 s.

Априк М.Ю., Барбарунова З.А., Копшивова А.В. Кубанская молодежь в Чехословацкой Республике (1920–1930-е гг.) // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. ст. Краснодар. 2016. С. 13-18 [Aprik M.Yu., Barbarunova Z.A., Kopshivova A.V. Kubanskaya molodezh' v Chekhoslovackoj Respublike (1920-1930-e gg.) //Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya: sb. st. Krasnodar. 2016. S. 13-18].

[21] Kopřivova. 2001.C.78-82.

Егорова К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русское зарубежье XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 28-33 [Egorova K.B. «Russkaya akciya» T.G. Masarika v podderzhku obrazovaniya detej iz semej russkih emigrantov // Mir detstva v russkom zarubezh'e: III Kul'turologicheskie chteniya "Russkoe zarubezh'e XX veka". M.: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2011. S. 28-33].

Кишкин Л.С. О русской эмигрантской молодежи в Праге (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 95-98 [Kishkin L.S. O russkoj emigrantskoj molodezhi v Prage (1920–1930-e gody) // Slavyanovedenie. 1993. № 4. S. 95-98].

Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3-10 [Kishkin L.S. Russkaya emigraciya v Prage: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920-1930-e gody) // Slavyanovedenie. 1996. № 4. S. 3-10].

Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Чехословакии // Русская эмиграция в Чехословакии: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 27-32 [Parfenova E.B. Kazach'ya emigraciya v Chekhoslovakii // Russkaya emigraciya v Chekhoslovakii: sb. nauch. tr. SPb., 1997. S. 27-32].

Птицын А.Н. Социально-демографические процессы в чешских колониях на Кавказе в дореволюционный период // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. Ставрополь. 2014. 71-76 с. [Pticyn A.N. Social'no-demograficheskie processy v cheshskih koloniyah na Kavkaze v dorevolyucionnyj period // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. SKFU. Stavropol'. 2014. 71-76 s.]

Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920-1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2013. 246 с. [Ratushnyak O.V. Kazachestvo v emigracii (1920-1945 gg.). Krasnodar: Kubanskij gos. un-t. 2013. 246 s.]

Ratushnyak O.V. Izuchenie kazach'ego zarubezh'ya v rossijskoj istoriografii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2015. № 4. S. 119-127 [Ратушняк О.В. Изучение казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С.119-127].

Сабенникова И.В. Русская эмиграция в Чехословакии: образование, наука, просвещение // Педагогика. 1995. № 3. С. 51-55 [Sabennikova I.V. Russkaya emigraciya v Chekhoslovakii: obrazovanie, nauka, prosveshchenie // Pedagogika. 1995. № 3. S. 51-55].

Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). М., 1995. 198 с. [Serapionova E.P. Rossijskaya emigraciya v Chekhoslovackoj respublike (20-30-e gody). M., 1995. 198 s.]

Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28-38 [Sladek Z. Russkaya emigraciya v Chekhoslovakii: razvitie "russkoj akcii" // Slavyanovedenie. 1993. № 4. S. 28-38].

***Барбарунова Зоя Александровна**, независимый исследователь; transmer@mail.ru*

***Копршивова Анастасия Васильевна**, консультант Славянской библиотеки в Праге, Чешская Республика; kopriva.vlk@centrum.cz*

Young Generation of Don, Kuban and Terek Cossacks in Czechoslovak Republic (1920s-1930s)

This work is an example of the historically sociological research, analyzing the groups of Don, Kuban and Terek immigrants up to 35-year-old, who came to Czechoslovakia to study in the period of the Russian auxiliary actions of Czechoslovakia. These groups include the young generation of Cossacks and urban citizens from the Don, Kuban, Terek, and also Czech colonists from the Black Sea provinces.

Keywords: emigration, Don, Kuban and Terek Cossacks, urban citizens, Czech colonists, gymnasium, students, Russian auxiliary actions, Czechoslovakia

***Zoya Barbarunova,** independent researcher: transmer@mail.ru*

***Anastasia Koprshivova**, consultant of the Slavonic Library in Prague (Czech Republic); kopriva.vlk@centrum.cz*

З. С. Бочарова

РОЛЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-Х ГОДОВ В СТАНОВЛЕНИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ

Статья посвящена роли эмигрантских организаций в формировании правового статуса российских беженцев. Два этапа законотворчества эмиграции налицо. Первый этап касался выдачи специальных удостоверений личности, известных как паспорта Нансена. Второй связан с усилиями эмигрантских адвокатов по принятию единого правового статуса для российских беженцев. Выделены противоречивые позиции эмигрантов относительно обоснования отказа от российских паспортов и введения новых, без гражданства. Показана как роль Земгора в разработке Свидетельства, так и роль Центральной юридической комиссии по изучению положения российских беженцев в подготовке Соглашения (1928 г.) и последующей Конвенции (1933 г.) о статусе русских и армянских беженцев.

***Ключевые слова*:** *совещательный комитет при верховном комиссаре по делам русских беженцев, совещание послов, К.Н. Гулькевич, М.Н. Гирс, Ф. Нансен, Т. Джонсон, А.Н. Мандельштам*

Точкой отсчета современного правового режима относительно беженцев стала деятельность Зарубежной России 1920–1930-х гг. по урегулированию правового положения бывших граждан Российской империи, бежавших от советской власти. Проблема актуальна для зарубежной[1] и отечественной историографии[2]. Осваивается история вопроса и соответствующая деятельность Лиги Наций, специфика и особенности положения изгнанников по странам, обращено внимание и на конкретные социальные и профессиональные группы[3]. Однако вклад русских организаций в формирование особого юридического статуса лиц, оставшихся без поддержки отечества после эпохи революционных катаклизмов, специальным предметом исследования не был.

Для осмысления правового пространства русского Зарубежья исходным является признание раскола России на советскую и зарубежную. В 1920 г. А.С. Ященко, правовед, философ, библиограф, не вернувшийся из научной командировки в 1919 г., писал об исчезновении

[1] Holborn 1938; Hathaway 1984; Гудвин-Гилл 1997; Marrus 2002; Klein-Gousseff 2008; Gafarowski 2014; White 2017 и др.

[2] Сабенникова 2002; Ипполитов 2004; Правовое положение… 2006; Сергиенко, Аурилене 2007; Мосейкина 2010; Мосейкина 2011; Миронова 2013; Наземцева 2017; 2018; Микуленок 2018.

[3] Некоторые вопросы в отечественной историографии разрабатываются более активно, чем за рубежом. Так, Т.М. Симонова и П. Глушковский отмечают, что «проблематика правового положения русских эмигрантов и беженства в Польше более подробно изучена российскими историками». – Симонова, Глушковский 2018. С. 62.

страны из международно-правовой жизни, и о том, что «русские люди… превратились в людей без государства, без подданства»[4]. Едва ли не единственным институтом, сохранявшим свою инфраструктуру, пользовавшимся международным авторитетом и способным повлиять на изменение правового пространства, в котором оказались бывшие подданные Российской империи, оставался русский дипломатический корпус, направивший основные усилия на сохранение России вне ее территориальных границ. Центральным звеном этой системы стало совещание послов во главе с М.Н. Гирсом. Постепенно разворачивался процесс самоорганизации эмигрантского сообщества. Бывшие депутаты Государственной думы, Учредительного собрания попытались взять в свои руки представительство интересов русских за рубежом. Одним из самых удачных проектов стала деятельность Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК, Земгор). Активность проявляло также Российское общество Красного Креста (старая организация) (РОКК), имевшее свои денежные активы еще со времен Первой мировой. Так рождалась Россия зарубежная.

В силу массовости исхода и проявляемой эмиграцией инициативы «русский вопрос» оказался в сфере внимания мирового сообщества. Молодая, только что созданная межправительственная организация – Лига Наций, координировавшая решение важнейших и самых злободневных проблем, по настоянию Международного комитета Красного Креста пошла на создание летом 1921 г. верховного комиссариата по делам русских беженцев во главе с Ф. Нансеном. Представитель Норвегии к этому времени завершил работу по возвращению военнопленных и беженцев (термин тогда использовали для обозначения мирного населения, спасавшегося из прифронтовой зоны) в рамках соответствующего комиссариата. Аргументом в пользу выбора этой кандидатуры стал авторитет личности будущего верховного комиссара и налаженные контакты с советской стороной в ходе международной помощи по борьбе с голодом в России. Проблема беженцев находилась в ведении Пятой комиссии по социальным вопросам наряду с другими – об эсперанто, торговле женщинами и детьми, продаже опиума, борьбе с порнографией и т.д. Поэтому ее члены всецело полагались на Ф. Нансена[5].

Лига Наций рассматривала «русский вопрос» как временный. В ее представлении решение должно было заключаться в переписи, расселении, трудоустройстве, но главным образом – в возвращении русских к родным очагам. Предполагалось, что к 1924 г. верховный комиссариат свои задачи выполнит, и вопрос будет закрыт. Иную позицию занимала эмиграция. Юристы взяли в свои руки разработку предложений по упо-

[4] Ященко 2003. С. 39.
[5] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 5.

рядочению правового положения бывших подданных Российской империи за границей. 10 января 1921 г. юрист-международник, бывший директор юридического департамента министерства иностранных дел, юрисконсульт парижского посольства, член-корреспондент Института международного права А.Н. Мандельштам разослал российским миссиям за рубежом записку «О правовом положении русских эмигрантов в иностранных государствах, которые признали бы Советскую республику»[6]. Автор проанализировал различные варианты решения вопроса в зависимости от национальной правовой системы страны-реципиента, наличия/отсутствия советских, прежних российских дипломатических и/или консульских учреждений. Правительствам предлагалось признавать удостоверения личности, выданные русскими несоветскими властями или миссиями за рубежом, а также «русскую национальность» их обладателей[7]. Эта записка[8], наряду с другими материалами, была положена в основу доклада, представленного Бюро защиты прав русских граждан за границей на Общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 18 мая 1921 г.[9] Однако должного развития эти предложения не получили.

На конференции представителей правительств десяти стран в августе 1921 г. обсуждались вопросы об источниках финансовой помощи, использовании русских заграничных фондов. А главное – об учреждении документов о личности (сертификатов, паспортов) для беженцев, не имевших документов, и с целью унификации имевшихся у них на руках. Такие сертификаты необходимы были, прежде всего, для перемещения по странам в поисках работы. Чтобы не остаться на обочине процесса урегулирования статуса беженцев, русские организации стали хлопотать о возможности быть представленными в Лиге Наций. В итоге РОКК делегировал свои полномочия Ю.И. Лодыженскому; Земгор – С.В. Паниной и Н.И. Астрову; дипломатические круги (совещание послов) – с 1922 г. К.Н. Гулькевичу, именно он стал играть посредническую роль между эмиграцией и Лигой Наций, с ним непосредственно контактировал секретарь верховного комиссара. Эти представители (за исключением Гулькевича) 13 сентября 1921 г. в составе русской делегации, куда вошли также чрезвычайный посланник и полномочный представитель Временного правительства в Швейцарии, признанный де факто швейцарским правительством И.Н. Ефремов и А.Н. Мандельштам, встретились с Нансеном. К тому времени верховный комиссар уже ознакомился

[6] Русские беженцы… 2004. С. 227; Записка А.Н. Мандельштама…; АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1. Л. 1–8; ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–44.
[7] Бюллетень № 9–10 1922. С. 27.
[8] Личный статут русских…
[9] Подробнее см.: Шацилло 2008.

с записками Русского национального комитета[10] и Русского совета[11], которые, претендуя стать преемственными органами власти и объединить все эмигрантское сообщество под своей эгидой, независимо друг от друга заявили претензии на исключительное право защищать интересы россиян за рубежом. Нансена обеспокоило отсутствие единства в рядах эмигрантов. Члены делегации постарались дистанцироваться от политических кругов, определив свою миссию как гуманитарную[12].

Возможно, этот визит повлиял на решения международной конференции, состоявшейся 16–19 сентября 1921 г. в Женеве, которая рекомендовала правительствам укреплять сотрудничество с российскими несоветскими дипломатическими миссиями, учредить представительства по делам беженцев (по одному делегату от местной власти и от Ф. Нансена). В помощь верховному комиссариату по делам русских беженцев создавался совещательный комитет. В этот вновь создававшийся орган вошли делегаты от международных и национальных гуманитарных организаций, финансово независимых, зарекомендовавших себя в области оказания помощи беженцам, кроме русских. Вскоре допустили и русские организации, и в комитет вошли представители совещания послов, Земгора и РОКК. К 1935 г. «в целях получения возможности с большим успехом отстаивать интересы русской эмиграции»[13] русских насчитывалось уже 12 из 38 входивших в комитет организаций.

Совещательный комитет дважды в ноябре 1921 г. заслушал доклады об идентификационных документах для беженцев (Certificat de réfu-

---

[10] Русский национальный комитет (РНК) – центральный орган Русского национального объединения (РНО), созданного в июне 1921 г. в Париже. Цель организации – политическая борьба против большевизма, поддержка Русской армии генерала П.Н. Врангеля, сотрудничество с эмигрантскими учреждениями и организациями, защита интересов российских беженцев. РНО издавало газеты «Общее дело» (1918–1934), «Вестник русского национального комитета» (1923–1926) и др. Председатель президиума РНК – А.В. Карташев, товарищи председателя – А.А. Бубликов, С.С. Ольденбург, П.Б. Струве и др., секретарь президиума – Ю.Ф. Семенов. Комитет имел отделы в европейских странах проживания российских эмигрантов.

[11] Русский совет был создан 5 апреля 1921 г. при главнокомандующем П.Н. Врангеле, объединял представителей разных политических течений (монархисты, кадеты, социал-демократы (меньшевики). Две трети из 30-ти его членов избирались от парламентского комитета, земского и городского союзов, торгово-промышленной и финансовой группы, русской академической группы, одна треть назначалась Врангелем. Старшим товарищем председателя был И.П. Алексинский, вторым товарищем В.В. Мусин-Пушкин. Основные программные принципы – «продолжение борьбы с большевиками, предоставление народам России свободного решения вопроса о формах ее государственного устройства, сохранение всех сил и средств, необходимых для воссоздания будущей России». Последнее заседание состоялось 20.09.1922.

[12] ГАРФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1126. Л. 199. Журнал № 27 общего собрания РЗГК от 6 октября 1922 г.

[13] Чему свидетели мы были… 1998. Кн. 1. С. 343; см. также: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 11, 11 об., 16 об., 20–25, 37, 40 и др.

gie). На заседаниях прозвучали разные позиции относительно условий их выдачи. Верховный комиссар высказался за возможность получения беженцами обычных национальных паспортов тех стран, где они находились. Юридическая секция генерального секретариата Лиги Наций настаивала на особых удостоверениях личности, выдаваемых местными правительствами либо представителями верховного комиссара. Международное бюро труда (МБТ) допускало возможность выдачи сертификатов русскими учреждениями[14]. Обсуждался также вопрос о характере, степени обязательности этих документов. Остановились на добровольном волеизъявлении государств и беженцев, ибо положение в разных странах не отличалось единообразием.

К разработке проектов сертификатов для беженцев были привлечены юристы-эмигранты. М.Н. Гирс сформировал юридическую комиссию при совещании послов «для правильного направления и обсуждения вопроса беженства»[15]. Однако целесообразность введения международного документа признавалась далеко не всеми. Юрисконсульт Финансово-промышленного союза А.А. Пиленко заявлял, что сертификат международного образца не только ухудшит положение членов Союза, но и подорвет престиж российских консульских учреждений, а потому предлагал в странах, где сохранились старые российские миссии, документы Лиги Наций не выдавать. Н.И. Ефремов, глава российской миссии в Берне, также высказал опасения, что упразднение русских паспортов, «символа русской государственности», и учреждение верховного комиссариата по делам русских беженцев приведет к умалению значения российских представительств – «осколков», «пусть даже фикции оплота» русской государственности[16]. Более реалистичную позицию занял Гирс, допускавший возможность введения при определенных условиях универсальных идентификационных документов.

Сторонники учреждения сертификатов – юрисконсульт Земгора Я.Л. Рубинштейн, П.П. Гронский – приводили следующие аргументы. Во-первых, эти документы облегчат получение беженцами виз в страны, признавшие советские паспорта (например, Польша, Норвегия). Во-вторых, они могут заменить национальные паспорта, необходимые для предъявления при получении разрешения на пребывание в любой стране. В-третьих, в случае признания большевиков той или иной страной, для беженцев сохранялась возможность обращения за документами в независимое, альтернативное советским, учреждение.

31 января 1922 года в российском посольстве в Париже под председательством В.А. Маклакова состоялось совещание русских юристов

---

[14] Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 28–29.
[15] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 40. Л. 27 об. Письмо К.Н. Гулькевича от 20 декабря 1921 г.
[16] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46. Л. 344. Письмо Н.И. Ефремова М.Н. Гирсу от 20 января 1923 г.

с представителями юридической секции Лиги Наций (Э. Фриком, В. Славиком, Энглезом, Маккиненом). Накануне Исполком Земгора определился с собственной позицией, поддержав введение паспортов и их факультативный характер, и выдвинул Я.Л. Рубинштейна представлять организацию на предстоящей встрече. По-видимому, другие эмигрантские объединения действовали по тому же сценарию. После бурных дискуссий[17] участники заседания приняли предложения делегата от Земгора. Рубинштейн также настаивал на внесении в документ национальности его обладателя («русского происхождения») и чтобы в самом названии сертификата не упоминалось о «беженстве» (réfugie'). Совещание признало также необходимым закрепить в документе обязательство Лиги Наций и правительства, защищать права его обладателя[18].

2 февраля 1922 г. состоялось второе заседание совместного совещания, на повестке дня которого стояли вопросы о личном статусе и положении беженцев в капитуляционных странах. Русские организации отстаивали приоритет русских дореволюционных законов в тех странах, где права иностранца определялись по его национальному праву. Применение советских декретов было признано недопустимым и нарушающим право убежища. Более того, использование по отношению к русским беженцам права страны местонахождения (домициля) расценивалось как отрицание за ними их «принадлежности к определенному национальному единству». Результатом стало компромиссное решение: страны, не признавшие Советы, могли опираться на добольшевистское право, а установившие дипломатические отношения с РСФСР – применять советские декреты. Достигнутые соглашения были зафиксированы в протоколе и направлены в Женеву[19].

Уже в марте 1922 г. Совет Лиги Наций одобрил проект сертификата для русских беженцев. Предлагалось выдавать удостоверение личности только по желанию, визировать их таким же порядком, как и паспорта граждан других стран, внести в содержание текста документа слова об оказании предъявителю помощи и покровительства, а также возможности «свободно путешествовать и пребывать в других странах». Лига Наций разослала запрос заинтересованным странам об их отношении к проекту сертификатов, а также призвала правительства выдавать и визировать документы бесплатно[20]. Совещательный комитет 29–30 мая 1922 г. одобрил рекомендации, выработанные юридической комиссией

[17] Например, А.А. Пиленко настойчиво, но безуспешно предлагал вместо предлагаемого сертификата документы, выдававшиеся местными властями для легализации иностранцев – «перми де сежур», а также заключить по этому поводу специальное соглашение о возможности их визирования.
[18] ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46. Л. 420–421. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922
[19] Там же. Л. 423. Доклад Я.Л. Рубинштейна от 8 февраля 1922 г.
[20] Бюллетень № 9–10 РЗГК. С. 30.

Лиги Наций при содействии юристов-эмигрантов. Итоговое решение должна была вынести межправительственная конференция.

Тем временем М.Н. Гирс разослал 22 апреля 1922 г. циркулярное письмо своим дипломатическим представителям. Он рекомендовал им склонить власти государства, при котором они аккредитованы, в своем ответе секретариату Лиги Наций высказаться в пользу изменений в наименовании учреждаемых верховным комиссариатом документов, и вместо «Certificat de réfugie» (удостоверение беженца) ввести «Passeport provisoire» (временный паспорт) с тем, чтобы сохранить связь с русской государственностью, а не стать «международными бродягами» без отечества[21]. В конце концов Пятая комиссия Лиги Наций согласилась на уступку и приняла название «Certificat d'identite» (удостоверение личности), а наименование «беженец» было заменено на «русский по происхождению, не приобретший никакой другой национальности»[22].

Конференция состоялась 3–5 июля 1922 г. в Женеве. В ней приняли участие 16 государств. Был утвержден текст удостоверения личности и правила его выдачи. Владелец паспорта определялся как лицо «русского происхождения, не приобретшее никакой другой национальности». Документ должно было выдать правительство страны-реципиента. Отстоять равенство прав русских беженцев с правами граждан, имевших государственную защиту, не удалось, хотя и не отрицалось их особое юридическое положение. Гарантий возвращения, в случае поездки в другую страну, сертификат не предоставлял. Правительства отказались связывать себя какими-либо обязательствами относительно защиты беженцев, сделав тем самым шаг назад от проекта документа, утвержденного совещательным комитетом и Советом Лиги Наций. По оценке представителей русских организаций, эффективность итогового документа была значительно ниже предполагаемой.

В целом русским организациям удалось продвинуться в направлении универсализации правового пространства беженцев. Таким образом, учреждаемые документы призваны были компенсировать отсутствующие у изгнанников удостоверения личности, унифицировать имеющиеся на руках у них паспорта[23], облегчить в какой-то мере получение виз и, соответственно, возможность трудоустройства в других странах.

В августе 1922 г. Лига Наций предложила правительствам высказать свое мнение по поводу удостоверений личности, принятых на Женевской конференции 5 июля 1922 г., и подписать соглашение. Выяви-

---

[21] АВП РИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56. Л. 16об.

[22] Национальность трактовалась в данном контексте как гражданство или подданство.

[23] У бывших подданных Российской империи могли быть заграничные паспорта, выданные губернаторами в дореволюционный период, белыми правительствами, консульствами нейтральных стран (Голландии, Испании), российскими миссиями за рубежом и пр.

лось неоднозначное отношение к документу. Наряду с государствами, одобрившими систему новых документов, выделились те (Бельгия, Чехословакия, Эстония), которые к тому времени решили проблему, приравняв беженцев к местным гражданам в отношении получения заграничных паспортов, тем самым предоставив возможность возвращения без дополнительных разрешений[24]. В этом случае введение документа Лиги Наций ухудшило бы положение эмигрантов. Часть государств, не смирившихся с невозможностью выслать обладателя сертификата в страну, из которой он прибыл, не признали документ. Другие (например, Румыния) готовы были ввести паспорт, но с тем, чтобы дать возможность беженцу выехать из страны и обосноваться в другом месте[25].

В эмигрантской среде мнения также разделились. Совет послов получал письма от соотечественников с жалобами на то, что некоторые правительства придают нансеновским паспортам обязательный характер. Поэтому, рассылая циркулярные письма, Гирс пытался через прежние российские дипломатические представительства и миссии отстоять, насколько возможно, легальность тех паспортов, которые предоставляли российские (несоветские) учреждения за границей. Он подчеркивал лишь компенсаторную роль документов образца Лиги Наций[26].

Вводимые удостоверения личности не разрешали весь комплекс правовых проблем, с которыми сталкивались бывшие российские подданные. Ввиду неопределенности функций и роли российских миссий, необязательности решений Лиги Наций, неустойчивости русских эмигрантских организаций, положение беженцев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приютили. Юристы-эмигранты, считая своей святой обязанностью защиту правовых интересов соотечественников, на своем первом съезде 1 октября 1922 г. обозначили самые болезненные точки, в том числе подняли вопрос о квалификации изгнанников – «беженцы», «политические эмигранты», имеющие право на убежище, или «апатриды»? Съезд постановил добиваться внесения в сертификаты, одобренные международным соглашением от 5 июля 1922 г., дополнения о праве безвизового возвращения в страну, выдавшую паспорт. Реализовать эту задачу удалось лишь четыре года спустя.

Ко второй половине 1920-х гг. советский строй стабилизировался, и возвращение на родину в результате падения большевистского режима всерьез уже не рассматривалось. В основном закончилось расселение и обустройство беженцев, и центр тяжести в решении «русского

[24] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 70; РГВА. Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103. Л. 144–144 об.; Русские беженцы… С. 215.
[25] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; Русские беженцы… С. 217.
[26] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 43. Л. 169.

вопроса» переместился на урегулирование и унификацию правового статуса. Кроме того, европейский рынок труда был исчерпан, что заставило задуматься о возможности поиска работы в заокеанских странах. Однако пометка в удостоверении личности Лиги Наций «без права возвращения» становилась препятствием для переселения, так как латиноамериканские страны в этом случае не давали визу. Да и мигранту психологически проще было отправиться в дальнюю дорогу в незнакомую страну, зная, что может вернуться. Таким образом, встали новые задачи: пересмотр системы удостоверений личности для получения гарантий возможности возвращения в страну, выдавшую сертификат, обеспечение источников финансирования переезда и обустройства на новом месте жительства и получение объективной информации об условиях переезда и адаптации на новом месте.

С актуализацией проблемы трудоустройства и истечением срока, на который учреждался верховный комиссариат по делам беженцев, пятая сессия Ассамблеи Лиги Наций (1924 г.) высказалась за перевод с 1 января 1925 г. комиссариата из прямого подчинения секретариату Лиги в Международное бюро труда (МБТ). На верховном комиссариате оставались только правовые вопросы. Поскольку МБТ отвечало в первую очередь за трудоустройство, русские эмигрантские организации возложили на себя задачу помощи Ф. Нансену в деле разработки предложений по урегулированию правового статуса беженцев.

Верховный комиссариат провел анкетирование правительств и просил выслать предложения по улучшению положения русских эмигрантов. Центральная юридическая комиссия по изучению вопроса о правовом положении беженцев[27] (под председательством Б.Э. Нольде, в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленки, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна[28]) собрала и обобщила подробные анкетные сведения, присланные русскими организациями с мест («все вопли со всех концов Европы и практику во всех странах»[29]), разработала программу усовершенствования и унификации правового положения беженцев. Нольде писал Гулькевичу: «Все, что в нем [мемуаре] написано, основано на основательнейшей, произведенной всеми организациями, анкете. …Мемуар исходит не от какой-нибудь одной организации, а от сотен организаций. Мы не прилагали списка их всех.., чтобы не имело вид жалоб»[30]. Кроме того, содержание мемуара стало итогом общеэмигрантской дис-

[27] Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев состояла из представителей Юридической комиссии Российского Эмигрантского комитета, Бюро Совета съездов русских юристов за границей, Юридической комиссии при совещании послов.
[28] Таубер 1933. С. 4.
[29] Русские беженцы… С. 232.
[30] Русские беженцы… С. 233.

куссии, в ходе которой вновь был поднят вопрос о правилах выдачи сертификатов (об их обязательности и факультативности, возможности выдачи Лигой Наций), о повышении их статуса. Гулькевич настаивал на исключительном праве Международного бюро труда, в ведении которого теперь находились беженские вопросы, выдавать сертификаты для апатридов. Но в силу серьезных возражений в итоговый вариант вошла формулировка в редакции Мандельштама о праве беженцев обращаться непосредственно в правительственные структуры стран пребывания[31]. Русские эксперты совещательной комиссии продолжали настаивать на замене выдававшихся сертификатов полноценными паспортами (как писал в одном из писем Гулькевич: «не наш лист, а *книжка*»[32]), безусловности обратной визы. Осознавая бесперспективность поиска консенсуса по этим вопросам, Гирс предлагал сосредоточить усилия на формировании особого (оборотного) фонда, средства которого пошли бы на переселенческую и производственную помощь беженцам. Необходимо было убедить правительства, подписавшие Женевское соглашение 1922 г., направлять примерно половину сборов, взимаемых за выдачу беженских удостоверений, на нужды беженцев[33]. По итогам обсуждений Мандельштам составил, а Гулькевич отредактировал проект записки, которую секретарь Нансена Т. Джонсон должен был довести до правительств от имени верховного комиссара[34].

К концу ноября 1925 г. текст мемуара, включавшего 14 пунктов, был готов, и Комиссия направила документ секретарю верховного комиссара Т. Джонсону[35]. Как видим, проведению межправительственной конференции предшествовала серьезная подготовительная работа институтов Зарубежной России. 10–12 мая 1926 г. в Женеве представители 24 государств обсудили порядок создания оборотного фонда и оказания финансовой помощи мигрантам, а также изменение режима сертификатов. Делегаты не согласились на преобразование беженских сертификатов в полноценный паспорт. Таким образом, беженцы, идентифицированные как апатриды, составили особую категорию лиц, выделенную из круга полноправных граждан. Вместо предлагаемых Центральной юридической комиссией трех лет устанавливался годичный срок действия удостоверений. Конференция видоизменила и формулировку определения их держателей. Право на получение удостоверения личности Лиги Наций имело уже не просто лицо «русского происхождения, не принявшие никакого другого подданства», а «всякое лицо русского проис-

[31] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 42.
[32] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.
[33] Там же. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 33.
[34] См. записку на фр. яз. с поправками К.Н. Гулькевича: ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 45. Л. 37–39.
[35] Русские беженцы… С. 234–243.

хождения, которое не пользуется или перестало пользоваться покровительством СССР, и, которое не приобрело новой национальности». Теперь сертификат могли получить как утратившие советское гражданство, так и отказавшиеся от него. Делегаты откликнулись на пожелание русских общественных организаций по поводу гарантий возвращения беженцев в страну, выдавшую удостоверение личности Лиги Наций: выездная виза отныне предоставлялась вместе с обратной. Регулировался и размер сбора за сертификат. Конференция одобрила создание оборотного фонда (в первую очередь для помощи переселенцам), но не на основе правительственных ассигнований, а за счет уплаты 5-франковых сборов за получение и ежегодное продление удостоверений личности и других документов самими беженцами, достигшими 16 лет. Ввиду того, что такой сбор был тяжелым, порой непосильным бременем для многих эмигрантов, от него освобождались неимущие, однако грань обеспеченности не была определена, что вызвало недовольство эмиграции.

Б.Э. Нольде и Я.Л. Рубинштейн от имени Центральной комиссии по изучению положения русских беженцев подали секретарю верховного комиссара Т. Джонсону записку[36] с пожеланиями участия русского представителя в расходовании средств фонда и облегчения получения беженцами въездных виз. Ф. Нансен откликнулся на это предложение. В состав постоянной комиссии при верховном комиссариате, контролирующей оборотный фонд, был введен К.Н. Гулькевич, с правом совещательного голоса. Решение же о возможности использования части фонда, образуемого от продажи нансеновских марок, на местные нужды эмиграции было принято лишь три года спустя, в сентябре 1929 г., на десятой сессии Лиги Наций[37].

По итогам конференции не все пожелания русских организаций были учтены. Государства осторожничали, не спешили брать на себя безусловную защиту русских эмигрантов

Следующий шаг был сделан в направлении универсализации личных прав, юридического статуса беженцев. Верховный комиссар разослал заинтересованным правительствам анкету о правовом положении беженцев, и к 31 марта 1928 года получил ответы[38]. Центральная комиссия по изучению положения русских беженцев также разослала

[36] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д 11. Л. 33–37.

[37] Бюллетень № 55 РЗГК. 15 декабря 1929 г. С. 14. Например, во Франции половина нансеновского сбора шла в Лигу Наций, а другая половина поступала в распоряжение Распределительного комитета в Париже, который входил в состав образованного в 1924 г. Эмигрантского комитета во главе с В.А. Маклаковым. Средства, полученные от нансеновского сбора, Распределительный комитет направлял русским благотворительным организациям во Франции // Русские во Франции 1937. С. 3. Но во многих странах эти деньги целиком шли в Женеву.

[38] Таубер 1933. С. 6; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.

русским эмигрантским учреждениям в странах рассеяния вопросник (всего 110 пунктов[39]). Специальная техническая комиссия под председательством Я.Л. Рубинштейна обобщила и проанализировала ответы и на их основе разработала универсальные рекомендации[40] для очередной межправительственной конференции, посвященной специально правовому статусу русских и армянских беженцев. Предлагаемые меры во многом развивали тот режим, который уже сложился в ряде стран.

Конференция под эгидой МБТ, состоялась 28–30 июня 1928 года с участием 15 государств. Присутствовали помощник верховного комиссара Т. Джонсон и помощник директора МБТ Б.Г. Батлер[41]. Русскую эмиграцию представляли К.Н. Гулькевич, юристы-эксперты Б.Э. Нольде, Я.Л. Рубинштейн, А.А. Гольденвейзер. Присутствовали и представители нансеновского комиссариата из отдельных стран: Польши – Галлати, Болгарии – Б.С. Серафимов, Югославии – С.В. Юрьев; делегаты русских организаций – Я.Л. Тейтель, И.М. Брушвит.

Конференция была посвящена уже не только русским, но и армянским беженцам. После распространения Советом Лиги Наций в сентябре 1923 года программы удостоверений личности на армянских беженцев к решению беженского вопроса привлекались также армянские юристы (Л. Пашалаян). По оценкам Нансена, к июню 1924 года около 320 тысяч армян нуждались в удостоверениях личности[42].

В программе конференции прослеживался системный и комплексный подход к беженскому вопросу. Положения, предложенные русскими организациями, в основном были учтены.

Межправительственное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев было подписано 30 июня 1928 года. Документ включал в себя две части. Предусматривалось учреждение представительств верховного комиссара для беженцев в разных странах (1 часть, 1 ст.) с консульскими полномочиями. Далее оговаривались личные права беженцев (2 часть, 2–9 ст.)[43]. Конституирование представительств верховного комиссара вводило новый институт, не имевший прецедента в мировой практике. Это был логичный шаг, ибо за беженцами должно было стоять некое учреждение, призванное защищать их интересы. Вместе с тем это нововведение свидетельствовало о признании того факта, что беженский вопрос носит долговременный характер.

---

[39] Русские беженцы… С. 248–253; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11 . Л. 57–60; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 32–36.

[40] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–5; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 102–106; Русские беженцы… С. 255–258.

[41] Директор МБТ и верховный комиссар Нансен в силу обстоятельств отсутствовали.

[42] Hathaway 1984. P. 352.

[43] См.: Таубер 1933. Приложение 1. С. 29–30.

На конференции встал также вопрос о разграничении функций нансеновских офисов, местных органов власти, эмигрантских организаций и советских представительств. После обсуждения решено было предоставить государствам возможность самостоятельно определять приоритетность тех или других учреждений.

Личные права, согласно достигнутым договоренностям, устанавливались на основе местного права, но допускалось также отступление в пользу законов досоветского времени. Было реализовано уравнивание беженцев в правах с гражданами стран пребывания. Формулировка: «этот паспорт не имеет силы для возвращения», была заменена на: «этот паспорт имеет силу для возвращения в страну, его выдавшую, в течение срока его действия». Гарантия возвращения в страну постоянного проживания, где была работа, жилье, семья, давала эмигранту относительную свободу передвижений. По прибытии на территорию СССР статус беженца утрачивался, как и действие обратной визы.

Принятие соглашения 30 июня 1928 года означало формирование единого правового пространства для беженцев, но при этом у государств оставались возможности для оговорок и изъятий.

После ухода из жизни Ф. Нансена в мае 1930 года должность верховного комиссара упразднили, беженская секция Лиги Наций была расформирована. 1 апреля 1931 г. был учрежден Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена[44], деятельность которого предполагалось закончить к 31 декабря 1939 г. К.Н. Гулькевич стал заместителем председателя Правления Офиса (первый случай непосредственного участия представителя беженцев в международной организации), а также вошел в финансовую подкомиссию совещательного комитета частных организаций. Но влияние русских организаций значительно сократилось. Как писал Н.И. Астров, не стало и «прежних защитников – Ф. Нансена и А. Тома»[45]. Ушел из жизни в 1935 г. и К.Н. Гулькевич[46], авторитет которого был недосягаем.

Последним взлетом русской инициативы в деле урегулирования правового положения эмиграции стала подготовка в рамках совещательной комиссии[47] конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев, поскольку соглашение 1928 года носило рекомендательный характер. Конвенция была подписана 26–28 октября 1933 г. на

---

[44] Там же. С. 17; Доклад… 1931. Ст. 552; Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 42.
[45] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 49–50.
[46] Преемником К.Н. Гулькевича в 1935 г. был избран Я.Л. Рубинштейн. Подробности его избрания см.: *Ст-й* 1935.
[47] В 1929 г. в рамках реорганизации верховного комиссариата совещательный комитет частных организаций высказался за создание межправительственной совещательной комиссии и предложил ввести в ее состав своих технических консультантов с правом совещательного голоса, коими стали Гулькевич, Рубинштейн, Нольде.

конференции в Женеве 12-ю государствами. 15 статей из 23-х регулировали правовой статус беженцев. Как компромисс сохранялось право государств на высылку мигранта из страны по соображениям национальной безопасности, т.е. если его действия нарушали общественный порядок и стабильность. (но не в страны происхождения беженцев – СССР и Турцию (для армян). Предусматривался более широкий спектр социального обеспечения беженцев. В то же время оставалась возможность для государств принимать ту или иную статью с оговорками.

После вступления в Лигу Наций Советского Союза его представители В. Потемкин и Б. Штейн настаивали не просто на ликвидации Офиса имени Ф. Нансена в 1939 г.[48], но и на исключении русского вопроса из повестки дня организации. Эмигранты осознавали, что их влияние на решение беженских вопросов будет сокращаться или сойдет на нет, и «помощь русским спасти можно, только связав ее с помощью другим» категориям беженцев[49]. Что на практике и было осуществлено.

Таким образом, русские эмигрантские организации привлекли внимание к проблеме беженцев, наполнили само понятие «беженец» новым содержанием, и главное, приняли участие в разработке международно-правовых документов, заложивших основы упорядочения статуса беженцев, механизмов защиты их прав. Удалось добиться относительной унификации правового пространства для русских апатридов, проживавших в разных странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 1.
АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 56.
Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5680. Оп. 1. Д. 7.
ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1 Д. 46.
ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 1.
ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7.
ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56, 1126.
ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 3, 7, 11, 13, 40, 43, 45.
ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363, 365.
Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 720к. Оп. 1. Д. 103.
Бюллетень № 55 Российского земско-городского комитета помощи русским гражданам заграницей. 15 декабря 1929 г. Париж: РЗГК, 1929.
Бюллетень № 9–10 Российского земско-городского комитета помощи русским гражданам заграницей 15 декабря 1922 г. Париж: РЗГК, 1922.
Гаухман-Черняк Т. Беженский вопрос в Лиге Наций // Закон и суд. 1937. № 3. Стб. 3549–3552.
Гудвин-Гилл Г.С. Статус беженца в международном праве / пер. с англ. Иванченкова А.В.; под ред. Левиной М.И. М.: ЮНИТИ: регион. Представительство упр. Верхов. Комиссара ООН по делам беженцев в Рос. Федерации; Будапешт: Colpi, 1997. 647 с.
Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. М.: НЛО, 2014. 328 с.

[48] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 315.
[49] Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 50–51.

Доклад междуправительственной Совещательной комиссии при верховном комиссаре по делам беженцев (окончание) // Закон и суд. 1931. № 17. Стб. 551–552.

Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Издательство Ипполитова, 2004. 376 с.

Личный статут русских, не признающих большевистской власти (Доклад, представленный Бюро защиты прав русских граждан за границей на Общем съезде представителей русской промышленности и торговли в Париже 17–23 мая 1921 г.) // URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Toc242082629

Микуленок А.А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5. С. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135

Миронова Е.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917−1918. М.: ИВИ РАН, 2013. 253 с.

Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты». Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920−1960 гг. М.: РУДН, 2011. 383 с.

Мосейкина М.Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-30 годы // Российская история. 2010. № 3. С. 98–115.

Н. О. Письмо из Женевы // Закон и суд. 1929. № 3. Стб. 91–94.

Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920–1949 гг. М.: ИВ, 2017. 477 с.

Наземцева Е.Н. Правовой статус беженцев как фактор межгосударственных отношений в сравнительно-историческом контексте: взаимодействие СССР и Китая в урегулировании правового положения русских эмигрантов в 1920-е – 1940-е гг. // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 51–66. DOI: https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-10004

Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. трудов / науч. ред. З.С. Бочарова. СПб.: Сударыня, 2006. 353 с.

Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сб. документов и материалов / сост., публ., введение, примечания, биографический комментарий, именной указатель З.С. Бочарова). М.: РОССПЭН, 2004. 400 с.

Русские во Франции. Справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. Париж: Сарач, 1937. 86 с.

Сабенникова И.В. Российская эмиграция. (1917−1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 429 с.

Сергиенко В., Аурилене Е. Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 6. С. 142–149.

Симонова Т.М., Глушковский П. История русской эмиграции в Польше в 1919−1939 гг.: новые источники и современная историография проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 1. С. 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.

Ст-й А. Как был в действительности выбран Я.Л. Рубинштейн // Последние новости. 1935. 3 ноября.

Таубер Л.Я. Лига наций и юридический статут русских беженцев. Белград: б/и, 1933. 32 с.

Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940 / МИД РФ; Служба внешней разведки РФ. В 2 кн. М.: Гея, 1998. 1179 с. Кн. 1. 430 с.

Ященко А.С. Юридическое положение русских за границей // Русский Берлин / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 38–42.

Gafarowski D. Международное сотрудничество в области урегулирования правового статуса русских беженцев в межвоенный период // VIII международная научно–практическая конференция «Россия и Европа: связь культуры и экономики». Praha, 2014. С. 486–494. DOI: 10.13140/2.1.5115.7440

Hathaway J.C. The evolution of Refugee Status in International Law: 1920–1950 // International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33. N. 2. P. 348–380.

Holborn L.W. The Legal Status of Political Refugees, 1920–1938 // The American Journal of International Law. 1 October 1938. Vol. 32. N 4. P. 680–703.

Klein-Gousseff C. L'exil russe: la fabrique du réfugié apatride, 1920-1939. P.: CNRS, 2008. 335 p.

Marrus M.R. The Unwanted: European Refugees from First World War Through the Gold War. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 414 p.
White E. The legal status of Russian refugees, 1921-1936 // Comparativ. Zeitschrift fur Globalgeschichte und Vergleichende Gesellshaftsforschung. 2017. P. 18-38. Сайт University of the West of England. URL: http://eprints.uwe.ac.uk/id/eprint/33611

REFERENCES

Byulleten' № 55 Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshchi russkim grazhdanam zagranicej. 15 dekabrya 1929 g. Parizh: RZGK, 1929.
Byulleten' № 9–10 Rossijskogo zemsko-gorodskogo komiteta pomoshchi russkim grazhdanam zagranicej 15 dekabrya 1922 g. Parizh: RZGK, 1922.
Gauhman-Chernyak T. Bezhenskij vopros v Lige Nacij // Zakon i sud. 1937. № 3. Stb. 3549–3552.
Gudvin-Gill G.S. Status bezhenca v mezhdunarodnom prave / per. s angl. Ivanchenkova A.V.; pod red. Levinoj M.I. M.: YuNITI: region. Predstavitel'stvo upr. Verhov. Komissara OON po delam bezhencev v Ros. Federacii; Budapesht: Colpi, 1997. 647 s.
Guseff K. Russkaya emigraciya vo Francii: social'naya istoriya (1920–1939 gody) / per. s franc. E. Kustovoj; nauch. red. M. Bajssvenger. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.
Doklad mezhdupravitel'stvennoj Soveshchatel'noj komissii pri verhovnom komissare po delam bezhencev (okonchanie) // Zakon i sud. 1931. № 17. Stb. 551–552.
Ippolitov S.S. Rossijskaya emigraciya i Evropa: nesostoyavshijsya al'yans. M.: Izdatel'stvo Ippolitova, 2004. 376 s.
Lichnyj statut russkih, ne priznayushchih bol'shevistskoj vlasti (Doklad, predstavlennyj Byuro zashchity prav russkih grazhdan za granicej na Obshchem s"ezde predstavitelej russkoj promyshlennosti i torgovli v Parizhe 17–23 maya 1921 g.) [Elektronnyj resurs] // URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/2_1917-1928/#_Toc242082629
Mikulenok A.A. Polozhenie detej-emigrantov iz Rossii v limitrofnyh gosudarstvah v 1920-e gody // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 5. S. 129–135. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-5-129-135
Mironova E.M. Diplomatiya nebol'shevistskoj Rossii. Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel'. 1917−1918. M.: IVI RAN, 2013. 253 s.
Mosejkina M.N. «Rasseyany, no ne rastorgnuty». Russkaya emigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920−1960 gg. M.: RUDN, 2011. 383 s.
Mosejkina M.N. Russkaya emigraciya v stranah Latinskoj Ameriki v 1920-30 gody // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 98–115.
N. O. Pis'mo iz Zhenevy // Zakon i sud. 1929. № 3. Stb. 91–94.
Nazemceva E.N. Politiko-pravovoe polozhenie russkih emigrantov v Kitae v kitajsko-sovetskih otnosheniyah 1920–1949 gg. M.: IV, 2017. 477 s.
Nazemceva E.N. Pravovoj status bezhencev kak faktor mezhgosudarstvennyh otnoshenij v sravnitel'no-istoricheskom kontekste: vzaimodejstvie SSSR i Kitaya v uregulirovanii pravovogo polozheniya russkih emigrantov v 1920-e – 1940-e gg. // Sravnitel'naya politika. 2018. T. 9. № 4. S. 51–66. DOI: https://doi.org/10.24411/2221-3279-2018-10004
Pravovoe polozhenie rossijskoj emigracii v 1920–1930-e gody. Sb. nauch. trudov / nauch. red. Z.S. Bocharova. SPb.: Sudarynya, 2006. 353 s.
Russkie bezhency: Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-e gody). Sb. dokumentov i materialov / sost., publ., vvedenie, primechaniya, biograficheskij kommentarij, imennoj ukazatel' Z.S. Bocharova). M.: ROSSPEN, 2004. 400 s.
Russkie vo Francii. Spravochnik / pod red. V.F. Zeelera. Parizh: Sarach, 1937. 86 s.
Sabennikova I.V. Rossijskaya emigraciya. (1917−1939): sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie. Tver': Zolotaya bukva, 2002. 429 s.
Sergienko V., Aurilene E. Pravovoe polozhenie russkih v Man'chzhurii (1920-e gg.) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2007. № 6. S. 142–149.
Simonova T.M., Glushkovskij P. Istoriya russkoj emigracii v Pol'she v 1919−1939 gg.: novye istochniki i sovremennaya istoriografiya problemy // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2018. T. 17. № 1. S. 50–73. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-1-50-73.

St-j A. Kak byl v dejstvitel'nosti vybran Ya.L. Rubinshtejn // Poslednie novosti. 1935. 3 noyabrya.
Tauber L.Ya. Liga nacij i yuridicheskij statut russkih bezhencev. Belgrad: b/i, 1933. 32 s.
Chemu svideteli my byli… Perepiska byvshih carskih diplomatov. 1934–1940 / MID RF; Sluzhba vneshnej razvedki RF. V 2 kn. M.: Geya, 1998. 1179 s. Kn. 1. 430 s.
Yashchenko A.S. Yuridicheskoe polozhenie russkih za granicej // Russkij Berlin / sost., predisl. i personalii V.V. Sorokinoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. S. 38–42.
Gafarowski D. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti uregulirovaniya pravovogo statusa russkih bezhencev v mezhvoennyj period // VIII mezhdunarodnaya nauchno–prakticheskaya konferenciya «Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki». Praha, 2014. C. 486–494. DOI: 10.13140/2.1.5115.7440
Hathaway J.C. The evolution of Refugee Status in International Law: 1920–1950 // International and Comparative Law Quarterly. 1984. Vol. 33. N. 2. P. 348–380.
Holborn L.W. The Legal Status of Political Refugees, 1920–1938 // The American Journal of International Law. 1 October 1938. Vol. 32. N 4. P. 680–703.
Klein-Gousseff C. L'exil russe: la fabrique du réfugié apatride, 1920–1939. P.: CNRS, 2008. 335 p.
Marrus M.R. The Unwanted: European Refugees from First World War Through the Gold War. Philadelphia: Temple University Press, 2002. 414 p.
White E. The legal status of Russian refugees, 1921-1936 // Comparativ. Zeitschrift fur Globalgeschichte und Vergleichende Gesellshaftsforschung. 2017. P. 18-38. Sajt University of the West of England. URL: http://eprints.uwe.ac.uk/id/eprint/33611

Бочарова Зоя Сергеевна, *доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; kpzg@mail.ru*

The role of the Russian emigration of the 1920–1930s in the development of universal refugee status

The article states the role of emigre organizations in the development of legal status for Russian refugees. Two stages of emigration lawmaking are clearly in evidence. The first stage dealt with issuing special identity certificates known as Nansen passports. The second saw the efforts of emigrant lawyers to adopt a unified legal status for Russian refugees. Emigrants' controversial positions on rationale for rejecting Russian passports and introducing new stateless ones are highlighted. The article shows both the role of Zemgor in elaborating the Certificate, and the role of the Central Legal Commission for the Study of the Situation of Russian Refugees in the preparation of the Agreement (1928) and the subsequent Convention (1933) relating to the status of Russian and Armenian refugees.

Keywords: advisory committee at the High Commissioner for Russian Refugees, Meeting of Ambassadors, K.N. Gulkevich, M.N. Girs, F. Nansen, T. Johnson, A.N. Mandelstam

Zoya Bocharova, *Dr. Sc. (History), Professor of UNESCO Chair on Global Problems of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University; kpzg@mail.ru*

П. Б. Михайлов

НОВОЕ ОБРАЩЕНИЕ К ПАТРИСТИКЕ «ПАРИЖСКОЕ БОГОСЛОВИЕ» РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ И «НОВАЯ ТЕОЛОГИЯ» ФРАНЦУЗСКИХ КАТОЛИКОВ

В фокусе исследования – обращение православных и католических богословов середины XX в. к истокам христианской традиции, получившее название «патристического возрождения». В качестве главных свидетелей привлекаются наиболее заметные, творческие представители теологической науки того времени: с православной стороны – представители т.н. «парижского богословия» (С.Н. Булгаков, Г.Ф. Флоровский, В.Н. Лосский), с католической – деятели неформального движения, получившего именование «новой теологии» (А. де Любак, Г.У. Бальтазар, Ж. Даниелу, И. Конгар). Предлагается типология основных подходов в обращении к единому древнему наследию; устанавливаются параллели и аналогии, сходства и различия.

***Ключевые слова*:** *патристика, обращение к истокам, «парижское богословие», «новая теология», православное богословие, католическое богословие*

Христианскому сознанию свойственно обостренное чувство истории. Знаменита фраза Марка Блока, с которой он начинает свою «Апологию истории»: «христианство – религия историков»[1]. Г.В. Флоровский продолжает его мысль: «христианство по существу своему есть решительное обращение к истории»[2]. История, предстоящая перед христианским сознанием, многозначна. В первую очередь, это – благовестие, евангельский нарратив, во вторую – история распространения Благой вести. Этим обстоятельством обусловлена такая характерная особенность теологического сознания христиан, как настойчивое обращение к своему прошлому, постоянная оглядка на недосягаемые образцы христианского свидетельства. В этом вечном диалоге с прошлым черпается вдохновение к его продолжению в настоящем. Одним из аспектов этого диалога является обращение христианской мысли к патристике, как средоточию мысли и опыта исторического христианства, запечатленного в наследии отцов Церкви. В середине XX в. этот процесс наблюдался с новой силой. К патристике были обращены взоры выдающихся богословов эпохи, предъявляющей христианам новые требования и ставящей перед ними новые вопросы.

Первое обращение к патристике наблюдается в рамках того исторического феномена, который получил название «парижского богословия» Русского Зарубежья. Именно Париж оказался главным местом притяжения интеллектуальных и духовных сил России, вынужденно поки-

[1] Блок 1986. С. 6.
[2] Флоровский 2005. С. 671.

нувших Родину. Парижское богословие связано с учебными богословскими заведениями русской эмиграции, начиная с 1920-х гг. действовавшими в Париже, прежде всего со Свято-Сергиевским православным богословским институтом (ССИ; основан в 1925 г., и существует до сих пор, став наиболее влиятельным православным богословским учебным заведением для всего XX в.), где протекала деятельность С.Н. Булгакова, Г.В. Флоровского, А.Д. Шмемана и многих других, а также с более камерным Православным богословским институтом св. Дионисия (СДИ; основан в 1944 г. в связи с развитием православия западного обряда[3]), в котором преподавал в послевоенные годы В.Н. Лосский. Термин «парижское богословие» был введен в обращение о. Сергием Булгаковым, в актовой речи, произнесенной им на десятилетие Сергиевского института (1935): «…новое русское богословие рождается из нужд и в связи с преподаванием. Из его трудов и дней выросла целая богословская литература, создалась особая школа – Парижского богословия»[4]. Несмотря на некоторую дискуссионность этого термина[5], он закрепился в историографии[6] и вполне корректно отражает изучаемое явление.

Другое обращение к патристике происходит в то же время, точнее, с середины 1930-х, в двух монашеских и одновременно научно-учебных заведениях Католической церкви – в иезуитском колледже «Фурвьер» в Лионе и в доминиканской монастырской школе Сольшуар, которая первоначально располагалась в г. Турне (Бельгия), а затем перебралась в Париж. Тогда в этих центрах подобрались выдающиеся интеллектуальные французского католичества, представленные такими именами, как: А. де Любак, Г.У. Бальтазар, Ж. Даниелу в иезуитском крыле и И. Конгар, М.-Д. Шеню — в доминиканском. В своих многочисленных публикациях им удалось сформулировать обновленную программу для католической теологии, отчасти реализованную на Втором Ватиканском соборе Католической церкви (1962–1965). Это неформальное движение получило со стороны своих критиков название «новая теология» с ярко выраженным негативным оттенком. Однако и этот термин прижился в историографии[7], а его представители вошли в экспертный корпус Собора и стали фактически «поварами» его постановлений[8].

Между представителями «парижского богословия» и «новой теологии», их исходными интуициями и программами наблюдаются пора-

[3] Подробнее см.: Кострюков 2016.
[4] Булгаков 2007. С. 429–432.
[5] Об этом, в частности, см.: Киприан (Керн) 1999. С. 87.
[6] Недавние исследования предлагают расширенное прочтение термина “парижское богословие”, распространяя понятие на широкий круг авторов, принадлежащих к русской богословской традиции в эмиграции, см.: Louth 2015. P. 143.
[7] См., напр.: Metteppeningen 2010.
[8] См.: Витштадт 2003. С. 530.

зительные совпадения. Не удивительно, что между ними возникали профессиональные контакты, порой переросшие в дружеские отношения[9]. Одним из совместных проектов стало периодическое издание «Живой Бог: религиозные и философские перспективы» (Dieu vivant: Perspectives religieuses et philosophiques. P., 1945–1955), в котором приняли живейшее участие Ж. Даниелу, Г.У. Бальтазар, Г. Марсель, Р. Гуардини, а со стороны русских богословов в редколлегию вошел В.Н. Лосский. Цели издания были заявлены в духе обращения к патристике, который разделялся почти всеми участниками проекта: читателям предлагалось вместе с авторами отправиться на поиски своих духовных, богословских и герменевтических корней у отцов, чтобы заново открыть «христианскую культуру, сосредоточенную на Писании и вместе с тем открытую современным течениям»[10]. Русские и французские богословы были движимы не только совпадающими мотивами обращения к христианскому наследию, но часто независимо друг от друга прокладывали сходные пути к нему. Близость этих явлений при очевидных различиях, обусловленных конфессиональной и культурной принадлежностью, делает перспективным их компаративное изучение, тем более что недостатка в теоретических разработках у представителей обеих групп нет, а плодотворность исторических исследований подтверждается их воздействием на исторические события. Со стороны «парижского богословия» наиболее влиятельными инициаторами обращения к патристике стали С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский и В.Н. Лосский; со стороны «новой теологии» – А. де Любак, Ж. Даниелу, Г.У. Бальтазар и И. Конгар.

С.Н. Булгаков (1871–1944) известен, прежде всего, как религиозный философ и активный деятель русского Серебряного века. После принятия священства в годы Гражданской войны он обращается к богословию и в течение четверти века создает и публикует значительный корпус теологических сочинений: «Свет Невечерний» (1917), «Купина Неопалимая» (1927), «Лествица Иаковля» (1929), «Агнец Божий» (1933), «Утешитель» (1936), «Невеста Агнца» (1945), наконец, увидевшее свет уже после смерти автора, последовавшей в 1965 г., «Православие». Вполне закономерно, одним из источников его богословия оказалось патристическое наследие, но подход к нему у о. Сергия достаточно свободен: он не столько изучает патристику, выверяя собственные богословские интуиции, сколько обращается к ней за подтверждением своих концепций. В программе преобразования православного богословия, которую вынашивал Булгаков, патристика играет подчиненную роль.

---

[9] См., в частности, уникальные свидетельства о личных встречах и общении между Флоровским и Шмеманом, с одной стороны, и Конгаром и Даниелу, с другой. – Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский 2019. С. 196, 244–245.

[10] Dieu vivant 1945. P. 4.

Исследователь путей православного богословия в Новое время свящ. Эндрю Лаут систематизирует замысел С.Н. Булгакова по преобразованию современного православного богословия следующим образом: 1) расширение круга свидетелей истины, включая в него святых недавнего прошлого; 2) развитие догмата, которое понимается как непрестанное продвижение в постижении бездонного смысла Боговоплощения; 3) наконец, литургическое обоснование догмата[11]. Первый пункт предполагает, что круг свидетелей не ограничивается патристикой; не меньшим авторитетом обладают и другие источники религиозного вдохновения. И действительно, Булгаков в своем обращении к патристике провозгласил идею высвобождения из-под гнета патристического авторитета. При этом, сам авторитет отцов Церкви нисколько не ставился им под сомнение; он отрицал лишь его фундаменталистское понимание. В программной статье 1937 г. он пишет: «…усвоение непогрешительности всякому высказыванию церковных писателей и по всяким вопросам представляет собой настоящую патрологическую ересь, которая утвердилась в средневековье и была распространена в эпоху XII–XV веков, на востоке и особенно на католическом западе… [однако] православное богословие не талмуд, и истинное почитание отцов должно совершаться не по букве, а по духу»[12]. В этом же тексте слышатся отзвуки травматического спора о Софии, в котором Булгаков оказался главным ответчиком[13]: «…запретить новую проблематику (по сравнению с отцами Церкви), а соответственно и новую доктрину, означало бы впасть в антиисторический талмудизм, а вместе и в своеобразную патристическую ересь»[14]. Яркие выражения «антиисторический талмудизм» и «патрологическая ересь» – по всей видимости, замаскированный выпад С.Н. Булгакова против идей своего младшего коллеги и друга Г.В. Флоровского. Такое предположение подтверждается через свидетельство третьего лица: известный философ, профессор ССИ, В.Н. Ильин в отклике на статью Флоровского «О смерти крестной» уподобляет ее автора «древним талмудистам»[15]. Свидетельства патристики занимают значительное место в текстах Булгакова, но он обращается к ним, как правило, лишь за поддержкой своих собственных построений, причем авторитетность тех или иных ее представителей для него второстепенна. Так, он порой смело апеллирует к мнению богословов, отвергнутых Церковью еще в древности, как, например, Аполлинарий Лаодикийский.

[11] Louth 2015. P. 42–59.
[12] Булгаков 1997. С. 13.
[13] Изложение этого сюжета см.: Уильямс 2009. С. 43–72.
[14] Булгаков 1997. С. 17.
[15] «Можно сказать, что наподобие древних талмудистов автор воздвигает вокруг евангельской темы гигантскую ограду из святоотеческой литературы». – Ильин 1931–1932. С. 89.

Итак, для С.Н. Булгакова обращение к патристике носит информативный, а не нормативный характер. Она обогащает знание об истине, но не обосновывает его. Потому проверка богословских утверждений на верность патристическому наследию как специальная задача им не ставится. В лице Булгакова современный богослов мыслит себя вполне независимо от древней традиции, хотя и не отрекается от нее. Он не столько развивает патристическое богословие, сколько строит собственное, избирательно пользуясь патристическим ресурсом. Метод Булгакова больше всего сходен с новаторским подходом современного ему католического богослова Г.У. фон Бальтазара (1905–1988)[16], резко и решительно отвергавшего неологизмы и стоящие за ними принципы, такие как «неопатристика», «неосхоластика», и уподоблявшего буквальное воспроизведение исторических форм в современном контексте «эксгумации древности»[17]. Патристикой не ограничивается круг источников богословского вдохновения и религиозной истины; этот круг значительно шире. Поэтому патристическая теология несет для обоих богословов лишь вспомогательную нагрузку. Их богословские построения представляют собой в полном смысле авторское богословие при полной ответственности за собственное творчество, что неизбежно ставит проблему рецепции их идей богословским сообществом.

* * *

Как уже отчасти было показано, принципиально иной подход к патристическому наследию у Г.В. Флоровского (1893–1979), принадлежащего к следующему поколению богословов русской эмиграции[18]. Флоровский обратился к изучению патристики после весьма содержательной интеллектуальной работы в философском и общественно-публицистическом пространстве русской эмиграции 1920-х гг. Переехав в Париж из Восточной Европы, он принял священный сан и приступил к чтению лекций по патристике в ССИ. В 1931 г. он издал двухтомник, посвященный греческим отцам[19]. Здесь выяснение отношений между древним и современным, старым и новым понималось как самостоятельная научно-богословская задача, породившая в свою очередь

[16] Г.У. фон Бальтазар – автор 80 монографий, около тысячи статей, большого числа переводов с древних и современных языков и комментированных изданий по теологии, истории литературы, эстетике и философии. По крайней мере три его монографии специально посвящены патристике: Максиму Исповеднику (Balthasar 1941), Григорию Нисскому (Balthasar 1942) и Оригену (Balthasar 1957). Подробнее об использовании им патристического наследия см.: Михайлов 2017. С. 136–148.

[17] См.: Balthasar 1942. P. VIII.

[18] Автор монографии, посвященной Г.В. Флоровскому, П.Л. Гаврилюк, называет поколение С.Н. Булгакова и других богословов-деятелей Серебряного века «модернистами», а следующих за ними Г.В. Флоровского, В.Н. Лосского и других – «неопатристическими богословами». См.: Гаврилюк 2017. С. 17.

[19] Флоровский 1931; 1933.

исследовательскую программу, названную ее автором «неопатристическим синтезом»[20]. Эта программа мыслилась ее создателем как платформа для православного свидетельства в современном мире, отвечая тому же предназначению богословия, как его формулировал для себя и С.Н. Булгаков, а именно, ответу на вопрос: как возможно системное изложение богословского знания для современного мира? Впрочем, у Г.В. Флоровского вопрос формулируется еще острее, а именно, как «богословское исповедание в условиях апокалиптической борьбы»[21], при том, что в конечном счете предназначение православного богословия, и для Булгакова, и для Флоровского одно — это проповедь евангельской истины во всякое время и во всякой культуре.

Поначалу, в 1930-е гг., «неопатристический синтез» мыслился Флоровским, как программа прежде всего для русского богословия, как задачи, стоящие перед русским христианством, призванным преодолеть свое отчуждение от первоистоков православия, стряхнуть с себя разнообразные исторические наросты в виде различных доктрин, преимущественно новоевропейского западного и нехристианского происхождения, и возродиться в обновленной церковности. Флоровский полагал, что от современного русского Православия во имя «воссоздания нашей Родины»[22], настоятельно требуется преодоление «разрывов»: 1) церковного – между богословием и благочестием, 2) социального – между интеллигенцией и народом, 3) культурного – между религией и современной культурой. Но после войны Флоровский толковал эти идеи в более широком – общеправославном и даже общехристианском контексте.

Программа Флоровского предлагает следовать патристическому синтезу, неоднократно явленному в истории, например, «каппадокийскому синтезу» или «халкидонскому синтезу», представляющим собой реализацию широких исторических инициатив по координации различных областей мысли, современной культуры и церковного устройства, связанных с деятельностью великих каппадокийцев – Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского (вторая половина IV в.) и проведением IV Вселенского собора в г. Халкидон в 451 г.; она должна служить его продолжением и развитием в изменившихся исторических и культурных условиях. «Нам следует… – писал он, – попытаться создать для нашего времени жизненный синтез всего христианского опыта»[23]. Обращение к отцам Церкви основано на убеждении в том, что пат-

[20] История сложения программы, источники и влияния, ключевые тексты, содержание и воздействие, а также основная библиография отражены в статье: Михайлов 2017. С. 654–657.

[21] Ср.: Флоровский 1937. С. 518−519.

[22] Из письма Г.В. Флоровского Н.Н. Глубоковскому 8.08.1918, см.: Сосуд избранный 1993. С. 244.

[23] Флоровский 2000. С. 217.

ристическое наследие содержит все необходимые ресурсы для ответов на вызовы современности. Современное богословие должно заняться научной и церковной актуализацией древней христианской мысли. Первому направлению отвечают соответствующие церковно-научные дисциплины историко-теологического круга; второму – обновление литургической жизни Церкви. В отношении последнего Флоровский следует заветам Булгакова, писавшего о необходимости литургического обоснования догмата, что оказалось закладкой нового типа богословской мысли, специфически характерной для русского православного богословия, но уже следующего поколения после самого Флоровского – литургического богословия. В дальнейшем оно получило впечатляющее развитие, прежде всего в трудах Шмемана. Итак, непременным условием программы Флоровского является укорененность современного богословия в традициях древнего христианства и в церковном опыте соборности. Свою программу он формализовал в виде четырех постулатов[24]:

1) восстановление «патристического стиля» – обращение к патристике должно быть продолжением дела отцов;

2) «кафолическое сознание» как соотнесение личного с целым Церкви – иными словами, континуальность, или связь в экзистенциальном пространстве;

3) «историческое сознание» христианских догматов как исторических событий – иными словами, континуальность, или связь в историческом пространстве

4) «христианский эллинизм» понимаемый не только как *теология культуры*, «эллинизм иконы» или всего литургического строя православной церкви, но и как *эллинизм Евангелия*, и *эллинизм догматики*.

На последнем пункте следует остановиться отдельно. Этот постулат – христианский эллинизм – является раскрытием всех остальных тезисов программы. Именно здесь выясняется та ценность и значение патристического наследия, которыми оно наделяется у Флоровского. Христианский эллинизм и есть тот самый «патристический стиль», высокий идеал, заявленный в первом пункте программы. Этот образцовый эллинизм Флоровский видит в трех родовых признаках христианской религии, да и всякой религии вообще – нарративе, доктрине, культе:

– язык первохристианской общины – в переносном и в прямом смысле: «В сущности, быть христианином – значит быть греком, ибо наш основополагающий авторитет навсегда – греческая книга, Новый Завет. Христианская Весть была навсегда запечатлена в греческих категориях»[25];

– христианская метафизика как богословие Церкви – «Эллинизм обозначает философию… а философия значит лишь призвание человече-

[24] См.: Флоровский 1937. 506–509.

[25] Цит. по: Георгий Флоровский 1995. С. 155.

ского разума к познанию высшей Истины, ныне явленной и совершенной Словом Воплощенным»[26];

– церковная культура – в частности, «эллинизм иконы»[27].

Концепция христианского эллинизма играет в этой программе роль ограничителя и критерия для всякого богословского творчества, выполняя функцию нормативной рамки, за пределы которой опыт мысли не должен простираться. В данном случае мы имеем дело с последовательным *эксклюзивизмом* патристики. Этот подход можно выразить афоризмом: нет ничего в Откровении, чего бы не было у отцов Церкви.

Типологически к подходу Г.В. Флоровского ближе всего идеи его коллеги по патристическим исследованиям Жана Даниелу (1905–1974), богослова, историка, профессора Католического института в Париже, эксперта II Ватиканского собора, в последние годы ставшего кардиналом Католической церкви[28]. Концептуальное осмысление современного значения патристики представлено в его программной статье 1946 года «Современные направления религиозной жизни»[29]. Он свидетельствует о характерном для религиозной мысли послевоенного времени обращении к ее насущным истокам – Библии, отцам Церкви и Литургии. Даниелу особенно высоко оценивает актуальность отцов, говоря: «Они не просто достоверные свидетели минувшего. Они представляют самую насущную пищу для современных людей, поскольку именно у них мы находим набор категорий, присущих современной мысли и утраченных схоластическим богословием»[30]. Под этими категориями Даниелу разумеет понятие истории и проблему спасения. Он формулирует близкие идеи к концепции христианского эллинизма Флоровского, когда говорит о том, что «христианство, нашедшее первоначально выражение в формах греко-римской культуры, призвано также воплотиться в других великих мировых культурах – в культурах Индии, Китая и Африки»[31]. Но если по Флоровскому христианский эллинизм есть абсолютный стандарт для всех времен и культур, иными словами, эллинистический синтез – непререкаемый образец для любого другого культурно-исторического синтеза, то Даниелу решает этот вопрос в соответствии с концепцией «инкультурации христианства»[32] – воплощения христианской проповеди и церковности в тех формах, которые предоставляет ему та или

---

[26] См. неопубликованное: Флоровский 1916−1979. C0586. Box 1; Folder 4.
[27] См.: Флоровский 1938. С. 509.
[28] Подробнее см.: Михайлов 2009. С. 13–31.
[29] Рус. перевод см.: Даниелу 2010. С. 14–30.
[30] Там же. С. 19.
[31] Там же. С. 29.
[32] «Инкультурация» — важный термин для современного католичества, означающий использование для богословской проповеди тех коммуникативных средств, которые предоставляются средой-адресатом этой проповеди. См.: Congar 1982.

иная культура. Итак, если в случае Г.В. Флоровского можно говорить о некоем эксклюзивизме патристики, то у Ж. Даниелу речь скорее идет о ее парадигмальном, или образцовом, но не исключительном характере для мировой проповеди и распространения христианства.

* * *

В.Н. Лосский (1903–1958), сын выдающегося философа Н.О. Лосского, относится к тому же поколению, что и Г.В. Флоровский, но в отличие от последнего он пришел в богословие через историческую науку. В годы Гражданской войны он успел поучиться в Петроградском университете у выдающихся историков И.М. Гревса и Л.П. Карсавина, а эмигрировав, осел в Париже, где работал над диссертацией о немецком теологе Мейстере Экхарте. Через западную средневековую мистику он обратился к ее истокам в греческой патристике и до конца жизни разрабатывал ее ключевые богословские темы, предприняв опыт создания завершенного богословского синтеза.

Все три крупные произведения В.Н. Лосского – «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», «Боговидение» и «Догматическое богословие»[33] – являются реализацией программы «неопатристического синтеза» Флоровского. И именно Флоровский одним из первых высоко оценил «Очерк мистического богословия…» как «исследование того, что можно описать как “неопатристический синтез”»[34]. П.Л. Гаврилюк, автор интеллектуальной биографии Г.В. Флоровского на фоне эпохи, приходит к следующему заключению о значении программы Флоровского для Лосского: он «…был первым русским богословом, откликнувшимся на призыв Г.В. Флоровского вернуться к наследию отцов Церкви, чтобы создать новый синтез»[35]. И он же отмечает, что в этом обращении Лосского отличает подчеркивание «логической взаимосвязи идей, а не их конкретно-историческая генеалогия»[36]. Гаврилюк видит различие в подходах Лосского и Флоровского по линии: синхрония – диахрония, или: историческая теология у Флоровского и систематическая теология у Лосского. Такой взгляд в целом верен с тем лишь уточнением, что для Лосского эти самые идеи существуют не только в пространстве логики, но в актуальном онтологическом пространстве христианского присутствия, в пространстве православного Предания. Лосский обращается к патристике не как историк, а как полноправный наследник и продолжатель. Это и есть характерное для него «творческое присутствие богослова внутри истории идей»[37], о котором писал его верный ученик, знаток и свидетель его богословия Оливье Клеман.

---

[33] Лосский 2013; 2000; 1972.
[34] Цит. по: Гаврилюк 2017. С. 439.
[35] Гаврилюк 2017. С. 440–441.
[36] Там же. С. 437.
[37] Цит. по: Уильямс 2009. С. 38.

Лосский в отличие от Флоровского не был профессиональным патрологом. Он никогда не читал специальных курсов по патристике, не проводил самостоятельных патрологических исследований. При этом он постоянно работал с патристическими текстами и вдохновлялся учениями отцов Церкви. Однако его жизненной заботой и практическим делом было создание нового синтеза православного богословия. Сын В.Н. Лосского, Николай Владимирович (1929–2017), пишет о последовательном различении между патристической теологией и знанием отцов Церкви (la théologie patristique et la connaissance des Pères de l'Église), которого старший Лосский методически придерживался: «Он говорит нам, что патристическую теологию следует отличать от знания отцов Церкви. На самом деле, всякий может знать творения отцов, причем даже весьма основательно и глубоко эрудированно. Это относится к библиотечной деятельности и кабинетной работе, которая не предполагает с необходимостью христианскую веру. Иметь патристическое сознание – это нечто совершенно иное. Это означает рецепцию в точном церковном смысле слова Божественного Откровения в полноте Пятидесятницы, простирающейся до сего дня по образу отцов Церкви»[38]. В.Н. Лосский был не только наследником патристики, но и её сознательным продолжателем. В этом и заключается его особенность как богослова.

Роуэн Уильямс в фундаментальной монографии, посвященной богословию В.Н. Лосского[39], показывает, что Лосский обращается к отцам за подтверждением своих заветных мыслей о существе *личности* и возможности построить на этом основании персоналистскую богословскую систему[40]. Он ставит перед собой задачу создания нового богословского синтеза на основании патристического наследия, но во многих случаях его разработки оказываются спорными и небезупречными с точки зрения корректности проведения исторического исследования. В частности, на ключевое для тринитарного и христологического богословия понятие *ипостаси* обращал внимание Ю.А. Шичалин в статье о понятии личности у В.Н. Лосского[41], наглядно показав, что Лосский «вчитывает» современную религиозно-философскую персоналистскую проблематику в достаточно строгий и определенный логико-богословский концепт патристики. Немало более локальных примеров подобного рода чтения «отцов глазами русского [религиозного] мыслителя» находит и Р. Уильямс[42]. Однако за этой достаточно обоснованной критикой стоит важный

[38] Lossky 2008. P. 8 (перевод мой. — *П. М.*).
[39] Уильямс 2009.
[40] В связи с этим Уильямс формулирует ключевой вопрос для всего своего исследования: «…насколько заинтересованность В.Н. Лосского в догматическом синтезе искажает его историческую перспективу?». – Уильямс 2009. С. 120.
[41] Шичалин 2018. С. 325–359.
[42] Уильямс 2009. С. 303.

вопрос о самой возможности существования современного богословия, нового богословского синтеза, или же православие должно довольствоваться «богословием повторения»? Русский богослов, безусловно, придерживается первого ответа. И даже более того, он дает полный отчет в фундаментальных установках своего авторского синтеза.

Лосский ясно определяет природу богословия как такового: «мыслить богословски — значит мыслить не об… откровении, а мыслить им, через него»[43]. «Христианское богословие в конченом счете всегда только средство, только некая совокупность знаний, долженствующая служить той цели, что превосходит всякое знание. Эта конечная цель есть соединение с Богом, или обожение (θέωσις)»[44]. Об отцах Церкви и некоторых патристических текстах Лосский порой говорит как о богодухновенных, в частности о столь важном для себя авторе Ареопагитского корпуса. Он руководствуется правилом: «…что правильно для Священного Писания, то столь же верно и для богословского Предания Церкви»[45]. Сознание своего единства с отцами, погружение в их мир делает его обращение к их наследию равноправным соучастием. Он видит в их мысли и опыте те смыслы, которые ими, возможно, не угадывались, следуя известному герменевтическому правилу Ф. Шлейермахера: понимать автора лучше, чем он сам себя понимал. Лосский идентифицирует себя с патристической традицией и становится сам ее «глазами».

В большей части своих трудов Лосский выступает как исторический теолог, работающий с богословским наследием православия. Однако постановка богословских проблем и их последовательное разрешение несут на себе явный отпечаток мысли самого автора с его собственной исторической перспективой и ответственностью; вопросы к патристике формулируются исходя из его времени и мировоззрения, при том что для Лосского историческая дистанция несущественна. Справедливо заключение Уильямса: «…В.Н. Лосский на самом деле пытается решить ряд “постпатристических” проблем главным образом “постпатристическими” средствами – средствами его родной философской традиции»[46]. Патристика – это неисчерпаемое наследие, на основании которого создается новая богословская система, призванная ответить на ключевые современные вопросы, прежде всего, проблему личности.

Парадоксальным образом В.Н. Лосский, несмотря на болезненный разрыв с С.Н. Булгаковым в период спора о Софии (см. выше), оказывается многим обязан методу Булгакова; его отношение к патристике вовсе чуждо какого-либо закосневшего талмудизма. Булгаков в известном

[43] Лосский 1996. С. 154.
[44] Лосский 2013. С. 12.
[45] Лосский 2013. С. 32–33.
[46] Уильямс 2009. С. 232.

смысле расчистил путь для богословия Лосского. Однако, чувствуя себя совершенно естественно в патристической мысли как в среде обитания собственного богословия, Лосский сохраняет к нему не только почтительные, но и священные чувства. Отличие же Лосского от Флоровского заключается в том, что для последнего исторический план богословской истины является определяющим, тогда как для Лосского исторический аргумент выполняет подчиненную роль, а осознание исторической дистанции, столь важное для Флоровского (тезис об историчности и эллинизме патристики) становится едва заметным. Таким образом, у Лосского мы имеем дело с *инклюзивизмом* патристики, причем той особенной формой инклюзивизма, при которой авторское начало стремится раствориться во включенном в собственное творческое поле целым, хотя при этом сохраняется проблема долевого соотношения в новом богословском синтезе авторского начала с патристическим наследием.

Подходу В.Н. Лосского оказывается близким патристический метод некоторых выдающихся католических богословов из числа его современников. Среди представителей «новой теологии» по крайней мере два богослова работали в сходной методологической парадигме «инклюзивизма патристики»: ученый иезуит, профессор Лионского университета, эксперт II Ватиканского собора и впоследствии кардинал Анри де Любак (1896–1991)[47] и ученый доминиканец, известный экуменический деятель, также входивший в экспертный корпус II Ватиканского собора, на склоне лет ставший кардиналом Ив Конгар (1904–1995)[48]. Эти богословы разрабатывали разные темы, но главная была общая – тема Церкви, или экклезиология. Будучи глубоко эрудированными знатоками христианского наследия, они предпринимали самостоятельные исследования в области исторической экклезиологии, имея ввиду стратегическую цель: предложить современности ресурсы для обновления церковной проповеди в соответствии с новыми запросами, почему их и называют «главными архитекторами обновления католической экклезиологии XX века»[49]. Многие книги Любака посвящены этой теме, наиболее значительные – «Католичество», посвященное новому раскрытию природы Церкви, и «Corpus mysticum» – исследование исторического учения о Евхаристии[50]. Среди огромного числа публикаций Конгара многие посвящены экклезиологии, в частности, большие исторические обзоры учения о Церкви от древности до Нового времени[51]. Одним из основных ресурсов в их изысканиях закономерно стали патристические источники во всем их богатстве и разнообразии. Патристический прин-

[47] Подробное жизнеописание и анализ богословских идей: Михайлов 2016. С. 28–33.
[48] Детальные сведения об этом богослове см.: Михайлов 2015. С. 569–576.
[49] См.: Flynn 2004. P. 52.
[50] Любак 1992; Lubac 1944.
[51] Congar 1968; 1970.

цип теологии де Любака вполне раскрывает его высказывание: «В моих книгах нет ничего от меня»[52], – все его тексты исходят из традиции. Конгар перечисляет первостепенные источники своего богословия, «среди которых Писание, отцы Церкви, Литургия, великие Соборы, сама церковная жизнь, христианская община»[53]. Как и в случае В.Н. Лосского у А. де Любака и И. Конгара патристика направляет и материально обеспечивает их теологические синтезы, но не предопределяет их и не замещает их собственным содержанием. Это новое, но глубоко традиционное слово в истории богословия; это состоятельные теологические синтезы, завершенные на основе патристики.

Итак, предложенная типология обращений к патристике в православном и католическом богословии XX в. содержит следующие позиции. У С.Н. Булгакова это обращение носит информативный характер при явном сознании, с одной стороны, завершенности и удаленности патристической эпохи, с другой — принципиально иной актуальности нынешнего времени. Его метод можно определить как такой тип работы с древним наследием, при котором патристика избирательно включается в современное богословское построение, порой достаточно произвольно, обеспечивая его строительным материалом. Сходным подходом отмечена мысль Г.У. Бальтазара, отвергающего неологизмы «неопатристика» и «неосхоластика» и решительно использующего ресурсы древнего богословия для нового системостроительства. Г.В. Флоровский формулирует нормативный статус патристического наследия как абсолютного образца истины (*эксклюзивизм патристики*). С некоторыми отличиями этому подходу следует Ж. Даниелу. Пониманию патристики как образца соответствует и основное место применения результатов патрологических изысканий в образовательной и научной сфере. Наконец, для В.Н. Лосского характерен такой подход к патристическому наследию как *инклюзивизм патристики*, при котором свидетельство отцов Церкви служит достоверным указанием на истину божественного откровения, которую богослов стремится познать и запечатлеть в современном богословском синтезе. В отличие от булгаковского это такой тип положительного инклюзивизма, при котором современная богословская мысль сама сознательно включается в патристическую традицию, хотя при этом не всегда соблюдается должная дистанция с самим историческим предметом. К последнему можно отнести «архитекторов» современной католической экклезиологии и «поваров» II Ватиканского собора – А. де Любака и И. Конгара, влияние которых указывает на возможные области применения новых богословских синтезов, созданных на патристическом основании.

---

[52] Цит. по: Balthasar ; Chantraine 1983. P. 37.
[53] Цит. по: Flynn 2004. P. 27.

БИБЛИОГРАФИЯ

Витштадт К. Накануне II Ватиканского Собора (1 июля – 10 октября 1962 г.) // История II Ватиканского собора. Т. I. М.: ББИ, 2003. С. 480–589.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: «Наука», 1986. 256 с.

Булгаков С.Н. Догмат и догматика // Живое предание. Православие в современности. Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 8–25.

Булгаков Сергий, прот. При реке Ховаре (Речь на акте в 10-летие Парижского Богословского института) // Протоиерей Сергий Булгаков. Путь Парижского богословия. М.: Изд-во храма святой мученицы Татьяны, 2007. С. 428–432.

Гаврилюк П. Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. Киев: ДУХ И ЛІТЕРА, 2017. 535 с.

Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М.: Прогресс, 1995. 417 с.

Даниелу Ж. Современные направления религиозной мысли // Наследие святых отцов в XX веке. Итоги исследований. М.: ПСТГУ, 2010. С. 14–30.

Ильин В.Н. Новые книги // Путь № 30 (1931–1932). С. 86–89.

Киприан (Керн), архим. Четверть века // Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. СПб.: «Алетейя», 1999. С. 85–90.

Кострюков А. А. О некоторых причинах неудачи православия западного обряда // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ (2016). Вып. 2 (69). С. 80–97.

Лосский В.Н. Боговидение // Богословие и боговидение: Сборник статей. М., 2000. С. 112–272

Лосский В.Н. Вера и богословие // Он же. Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Изд. Св.-Владимирского Братства 1996. С. 149–160.

Лосский В.Н. Догматическое богословие // Богословские труды (1972). Сб. 8. С. 129–183.

Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. СТСЛ, 2013. 585 с.

Любак А. де. Католичество. Социальные аспекты догмата. М.; Милан, 1992. 397 с.

Михайлов П.Б. Ганс Урс фон Бальтазар и историческая теология // Швейцарская теология и русская религиозная философия. Рецепция и воздействие: Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 136−148.

Михайлов П.Б. Жан Даниелу (1905–1974): кардинал, ученый, богослов // Вестник ПСТГУ. Богословие – Философия. I: 3 (27). М., 2009. С. 13–31.

Михайлов П.Б. Конгар // Православная энциклопедия. Т. 36. (2015). С. 569–576.

Михайлов П.Б. Любак Анри де // Православная энциклопедия. Т. 42 (2016). С. 28–33.

Михайлов П.Б. Неопатристический синтез // Православная энциклопедия, т. XLVIII (2017). С. 654–657.

Сосуд избранный: история российских духовных школ. СПб.: Борей, 1994. 464 с.

Уильямс Р. Богословие В.Н. Лосского: изложение и критика / Пер. с английского. Киев: ДУХ И ЛІТЕРА, 2009. 336 с.

Флоровский Г.В. Византийские отцы V–VIII веков. Париж: YMCA-Press, 1933. 260 с.

Флоровский Г.В. Восточные отцы IV века. Париж: YMCA-Press, 1931. 240 с.

Флоровский Г.В. Затруднения историка-христианина // Он же. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии. СПб.: РХГА, 2005. С. 671–707.

Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1937. 601 с.

Флоровский Г.В. Утрата библейского мышления (1951) // Он же. Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 210–217.

Флоровский Г., прот. «На древе крестном…» // Georges Florovsky Papers, 1916−1979. Princeton University Library. C0586. Box 1; Folder 4.

Шичалин Ю.А. О понятии “Личности” применительно к триединому Богу и Богочеловеку Иисусу Христу в православном догматическом богословии // Рождение персонализма из духа Нового времени: Сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М.: ПСТГУ, 2018. С. 325–359.

Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский: Письма 1947–1955 годов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 447 с.

Balthasar H.U. von. Kosmische Liturgie. Das Weltbild Maximus des Bekenners. Freiburg i. B, 1941. 373 p.
Balthasar H.U. von. Parole et mystère chez Origène. Paris, 1957. 146 p.
Balthasar H.U. von. Présence et pensée. Essai sur la philosophie religieuse de Grégoire de Nysse. Paris: Beauchesne, 1942. 152 p.
Balthasar H.U. von; Chantraine G. Le cardinal Henri de Lubac. L'homme et son œuvre. Paris; Namur, 1983. 145 p.
Clément O. Vladimir Lossky, un théologien de la personne et du Saint-Esprit // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата №№ 30–31 (1959). P. 137–206.
Congar Y. Diversité et communion. Paris, 1982. 260 p.
Congar Y. L'Ecclésiologie du haut Moyen Âge: De S. Grégoire le Grand à la désunion entre Byzance et Rome. Paris, 1968. 420 p.
Congar Y. L'Église: De S. Augustin à l'époque moderne. Paris, 1970. 484 p.
Dieu vivant: Perspectives religieuses et philosophiques. № 1 (1945). 4 p.
Flynn G. Yves Congar's Vision of the Church in a World of Unbelief. Ashgate, 2004. 292 p.
Lossky N. Vladimir Lossky, témoin de l'orthodoxie en Occident // Messager de l'Église orthodoxe russe. № 8. Mars-Avril 2008. P. 5–10.
Louth A. Modern Orthodox Thinkers. From the Philokalia to the present. L.: SPCK, 2015. 382 p.
Lubac H. de. Corpus mysticum. L'Eucharistie et l'Église au Moyen Âge. Étude historique. Paris, 1944. 369 p.
Mettepenningen J. Nouvelle Theologie — New Theology. Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II. London: T & T Clark International, 2010. 218 p.

REFERENCES

Wittschaft K. Nakanune II Vatikanskogo Sobora (1 ijla – 10 oktjabrja 1962) // Istorija II Vatikanskogo sobora. T. I. M.: BBI, 2003. S. 480–589.
Bloch M. Apologija istorii, ili Remeslo istorika. M.: Nauka, 1986. 256 s.
Bulgakov S.N. Dogmat i dogmatika // Zhivoe predanije. Provoslavije v sovremennost'. M., 1997. S. 8–25.
Bulgakov Sergij pr. Pri reke Hovare // Protoierej Sergij Bulgakov. Put' Parizskogo bogoslovija. M., 2007. S. 428–432.
Gavriljuk P. Georgij Florovsky i religiozno-filosofsky renessans. Kiev, 2017. 535 s.
Georgij Florovsky: svjashennosluzhitel', bogoslov, filosof. M.: Progress, 1995. 417 s.
Danielou J. Sovremennije napravlennija religioznoj misli // Nasledije svjatih otzov v XX veke: Itogi issledovanij. M., 2010. S. 14–30.
Iljin V.N. Novie knigi // Put' № 30 (1931–1932). S. 86–89.
Kiprian (Kern), archim. Chetvert' veka // Svjato-Sergievskoe Podvorje v Parizhe. K 75-letiju so dnja osnovanija. SPb., 1999. S. 85–90.
Kostruko A.A. O nekotorih prichinah neudachi pravoslavija zapadnogo obrjada // Vestnik PSTGU. Serija 2: Istorija. Istorija RPC (2016). Vip. 2 (69). S. 80–97
Lossky V.N. Bogovidenije // Bogoslovie i bogovidenije: Sbornik statej. M., 2000. S. 112–272
Lossky V.N. Vera i bogoslovije // Spor o Sofii. Stat'i raznich let. M., 1996. S. 149–160.
Lossky V.N. Dogmaticheskoje bogoslovie // Bogoslovskie trudi (1972). Vip. 8. S. 129–183.
Lossky V.N. Ozherk misticheskogo bogoslovija Vostochnoj Zerkvi. Dogmaticheskoje bogoslovie. STSL, 2013. 585 s.
Lubac A. de. Katolichestvo. Socialnii aspekti dogmata. M.; Milan, 1992. 397 c.
Mikhaylov P.B. Gans Urs von Balthasar i istoricheskaja teologia // Shweizarskaja teologia i russkaja religioznaja filosofia. Rezepzija i vozdejstvie. Sb. statej. SPb, 2017. S. 136−148.
Mikhaylov P.B. Zhan Danielou (1905–1974): cardinal, uchenij, bogoslov // Vestnik PSTGU. Bogoslovije – Filosofia. I: 3 (27). M., 2009. S. 13–31.
Mikhaylov P.B. Kongar // Pravoslavnaja enzyklopedija. T. 36. (2015). S. 569–576.
Mikhaylov P.B. Lubac Anri de // Pravoslavnaja enzyklopedija. T. 42 (2016). S. 28–33.
Mikhaylov P.B. Neopatristicheskij sintez // Pravoslavnaja enzyklopedija, т. XLVIII (2017). S. 654–657.
Sosud izbranni: istorija rossijskich duchovnih zhkol. SPb., 1994. 464 s.
Uiljams R. Bogoslovije V.N. Losskogo: izlozhenije i kritika. Kiev, 2009. 336 s.

Florovsky G.V. Vizantijskie otzi V–VIII vekov. Parizh, 1933. 260 s.
Florovsky G.V. Vostochnie otzi IV veka. Parizh, 1931. 240 s.
Florovsky G.V. Zatrudnenija istorika-hristianina // Florovsky G.V. Hristianstvo i zivilizatcia. Izbrannie trudi po bogosloviju i filosofii. SPb., 2005. S. 671–707.
Florovsky G.V. Puti russkogo bogoslovija. Parizh, 1937. 601 s.
Florovsky G.V. Utrata biblejskogo mishlenija // Florovsky G.V. Isbrannie bogoslovskie stat'i. M., 2000. S. 210–217.
Florovsky G.V. "Na dreve krestnom…" // Georges Florovsky Papers, 1916−1979. Princeton University Library. C0586. Box 1; Folder 4.
Shitchalin U.A. O ponjatii "Lichnosti" primenitel'no k triedinomu Bogu i Bogocheloveku Iisusu Hristu v pravoslavnom dogmaticheskom bogoslovii // Rozhdenie personalizma is duha Novogo vremeni: Sbornik statej po genealogii bogoslovskogo personalizma v Rossii. M., 2018. S. 325–359.
Prot. Alexandr Schmemann. Prot. Georgij Florovsky: Pis'ma 1947–1955 godov. M., 2019. 447 s.
Balthasar H.U. von. Kosmische Liturgie. Das Weltbild Maximus des Bekenners. Freiburg i. B, 1941. 373 p.
Balthasar H.U. von. Parole et mystère chez Origène. Paris, 1957. 146 p.
Balthasar H.U. von. Présence et pensée. Essai sur la philosophie religieuse de Grégoire de Nysse. Paris: Beauchesne, 1942. 152 p.
Balthasar H.U. von; Chantraine G. Le cardinal Henri de Lubac. L'homme et son œuvre. Paris ; Namur, 1983. 145 p.
Clément O. Vladimir Lossky, un théologien de la personne et du Saint-Esprit // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата №№ 30–31 (1959). P. 137–206.
Congar Y. Diversité et communion. Paris, 1982. 260 p.
Congar Y. L'Ecclésiologie du haut Moyen Âge: De S. Grégoire le Grand à la désunion entre Byzance et Rome. Paris, 1968. 420 p.
Congar Y. L'Église: De S. Augustin à l'époque moderne. Paris, 1970. 484 p.
Dieu vivant: Perspectives religieuses et philosophiques. № 1 (1945). 4 p.
Flynn G. Yves Congar's Vision of the Church in a World of Unbelief. Ashgate, 2004. 292 p.
Lossky N. Vladimir Lossky, témoin de l'orthodoxie en Occident // Messager de l'Église orthodoxe russe. № 8. Mars-Avril 2008. P. 5–10.
Louth A. Modern Orthodox Thinkers. From the Philokalia to the present. L.: SPCK, 2015. 382 p.
Lubac H. de. Corpus mysticum. L'Eucharistie et l'Église au Moyen Âge. Étude historique. Paris, 1944. 369 p.
Mettepenningen J. Nouvelle Théologie – New Theology. Inheritor of Modernism, Precursor of Vatican II. London: T & T Clark International, 2010. 218 p.

Михайлов Петр Борисович, *кандидат философских наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; locuspetri@rambler.ru*

New Patristic renaissance: "Paris theology" of the "Russia abroad" and the "nouvelle théologie"

A turning of the mid-20th-century Orthodox and Catholic theologians to the sources of Christian tradition, known as a Patristic renaissance, is under the scrutiny. The main witnesses are S.N. Bulgakov, George Florovsky and V.N. Lossky ("Paris theology") from the Orthodox side, and H. de Luvac, H.U. von Balthasar, J. Daniélou and Y. Congar ("nouvelle théologie") from the Catholic side. Author proposes a kind of typology of different approaches to the ancient heritage, some parallels and differentiation.

Keywords: patristics, recursus ad fontes, "Paris theology", "nouvelle théologie", Orthodox theology, Catholic theology, comparative study

Petr Mikhaylov, *PhD, docent of the Orthodox University of St Tikhon (Moscow); locuspetri@rambler.ru*

Е. О. Гранцева

ИСПАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И РОССИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ЖИЗНЬЮ

В статье сделана попытка проанализировать место России в испанском интеллектуальном и общественном дискурсе начала XX века, выделить ключевые феномены и факторы влияния, определить точки пересечения и противоречия в восприятии испанцами русской культуры (прежде всего, литературной и идейной ее составляющих) и внешнеполитического образа Российской империи.

***Ключевые слова*:** *Российская империя, Испания, «Поколение 98 года», образ другого, диалог культур, международные отношения, русская литература*

Серебряный век – термин, одинаково применимый как к русской, так и к испанской культуре рубежа XIX–XX вв. Схожесть ключевой проблематики, близость эстетических подходов, взаимное открытие и притяжение, характеризующие двусторонний культурный диалог в этот период, неизменно вызывают исследовательский интерес. Начало XX в. преобразило культуру Испании, обозначив новую веху в ее развитии. Серебряный век (термин в 1975 г. ввел историк литературы Хосе Карлос Майнер[1]) здесь обозначен сменой мировоззренческой парадигмы и неразрывно связан с феноменом «Поколения 98 года», воспринявшего, развившего и транслировавшего новые установки и ценности.

Термин «поколение» является ключевым для испанской культуры XX в. и, прежде всего, речь здесь идет о «Поколении 98 года» (его также называют «поколением катастрофы», так как поражение в испано-американской войне 1898 г. и потеря последних колоний были восприняты испанским обществом как национальная трагедия). Представители именно этого «поколения» преобразили интеллектуальную жизнь Испании, а их работы определяли национальный культурный контекст на протяжении следующих десятилетий. Речь идет, прежде всего, об интеллектуалах (к ним примыкали также художники и музыканты), творчество которых было опосредовано осмыслением тотального кризиса, охватившего Испанию в конце XIX в. Среди них — Мигель де Унамуно, Пио Бароха-и-Несси, Асорин (Хосе Мартинес Руис), Антонио Мачадо и др. Испания, ее судьба — основная тема, их волнующая и, по сути, традиционная для испанской культуры. Трудный выбор между модернизацией, европейскими ценностями и идеей об особом пути Испании, приверженностью собственным духовным основам, требовал осмысления исторического пути страны, ее культурного наследия. Характерно, что,

[1] Mainer 1981.

воспроизводя символику национальной культуры, испанские интеллектуалы неизменно обращались к русскому литературному контексту.

Особая роль в выявлении ключевых составляющих влияния русской литературы на испанскую культуру начала XX в. и, особенно, на представителей «Поколения 98 года» принадлежит таким отечественным исследователям как И.А. Тертерян, В.Е. Багно, К.С. Корконосенко[2], а также испанисту французского происхождения И. Лисоргу[3].

Цель данной статьи – проанализировать место России в испанском интеллектуальном и общественном дискурсе начала XX в., выделить ключевые феномены и факторы влияния, определить точки пересечения и противоречия в восприятии испанцами русской культуры (прежде всего, литературной и идейной ее составляющих) и внешнеполитического образа Российской империи. Хронологические рамки связаны с периодом 1898–1917 гг. (от момента формирования «Поколения 98 года» в Испании до революционных событий, определивших начало нового этапа российской истории). Несмотря на удаленность как с точки зрения географии, так и в отношении взаимных интересов, Россия в рассматриваемый период вызывала интерес испанцев не только в связи со своей экзотичностью и грандиозными размерами, но, прежде всего, по причине ее возрастающего культурного влияния в Европе и потенциальных возможностей в сфере внешней политики. Специфическое восприятие испанцами России, во многом определялось пристрастиями или идеологическими установками политической и интеллектуальной элиты, обусловленными собственными интересами.

В рассматриваемый период образ России в Испании формировался в контексте исторических событий, таких как Русско-японская война, революция 1905 года, начало Первой мировой войны. Не менее значимое воздействие на восприятие испанцами России оказывало и знакомство с культурой, увлечение классической русской литературой, идейное влияние русских мыслителей. И если первая составляющая, по большей части, была обусловлена прагматическими интересами и политической ангажированностью, вторая – рождала почву для идеализации и, вместе с тем, способствовала тонкому восприятию испанскими интеллектуалами философских основ русской культуры, позволяла им прочувствовать родственные связи с ней.

В период между 1870 и 1910 гг. в Испании отмечается заметное повышения уровня образования. Число неграмотных в этот период сократилось с 71% до 50%[4]. Одновременно, благодаря удешевлению печатной продукции, испанскому читателю стало доступно большинство

[2] Тертерян 1973; Багно 2006; Корконосенко 2018.
[3] Lissorgues 2011.
[4] Juliá, García Delgado, Jiménez, Fusi 2003. P 446.

значимых произведений русской литературы. На первом этапе посредником выступала Франция. Так, еще 1845 г. происходит знакомство испанцев с творчеством Н.В. Гоголя, благодаря переводу с французского Л. Виардо краткой версии «Тараса Бульбы». Интересно, что русскую литературу для испанцев открывали, в первую очередь, испанские писатели и интеллектуалы. Иногда посредством выстраивания диалога в собственном творчестве или воспринимая идеи и методы. Как отмечает В.Е. Багно, «одним из главных популяризаторов великого русского романа XIX в. и пропагандистом русского нигилизма и анархизма в Испании стала Эмилия Пардо Басан, графиня, ортодоксальная католичка, не знавшая русского языка и никогда не бывавшая в России»[5]. Будучи в Париже, она прониклась любовью к русским романам, способствовала их переводам и изданию на родине, выступала с лекциями о русской литературе в Мадриде, позднее опубликованными под названием «Революция и русский роман»[6]. Так испанские писатели и читатели открыли для себя Достоевского, Толстого, Тургенева и Чехова.

Этическая программа, являющаяся неотъемлемой частью русской литературы, ее возможности в преодолении конфликта между возвышенным и типичным – вот то, что особенно близко было Э. Пардо Басан, а за ней и многим другим представителям испанской литературы.

В этот период русская литература выступила в качестве путеводной звезды, открывавшей испанцем далекую Россию. И именно литература показала родство проблематики и универсальность ключевых вопросов, одинаково волновавших столь разные народы.

Надо отметить, что отношения между Российской империей и Испанией в начале XX в. не были приоритетными для обеих сторон. Торговые и дипломатические контакты развивались в дружественном ключе, но носили поверхностный характер. Отсутствие общих интересов снимало вопрос о возможных конфликтах. К тому же, на уровне государственного взаимодействия, немаловажную роль играл монархический строй, несмотря на отсутствие тесного родства между российской династией Романовых и испанскими Бурбонами. При этом положение России и Испании на мировой политической арене различалось кардинально. Испанцы только что пережили потерю последних колоний, а Российская империя в этот момент обрела максимальный территориальный масштаб. При этом и одна, и другая сторона были заинтересованы в продвижении своих интересов во взаимодействии с Великобританией и Францией. И в этом контексте Испанию очень интересовала возможность поддержки со стороны России.[7]

---

[5] Багно 2018. С. 237.
[6] Pardo Bazán 1887.
[7] Россия и Испания. Документы и материалы 1997. С. 293.

Помимо заинтересованности в России для решения собственных внешних проблем, российская карта часто разыгрывалась и во внутренней политической борьбе испанских либералов и традиционалистов. И здесь одним из действующих лиц вновь становится русская литература. Характерный пример – освещение русско-японской войны и революционных событий 1905 года на страницах испанской прессы[8].

С начала января 1904 г. в одной из наиболее значимых испанских газет начала XX в. *El Imparcial* регулярно появляются заметки о нарастании напряженности между Россией и Японией[9]. Отношение испанцев к этому конфликту, который в целом воспринимался в обществе равнодушно, было связано, прежде всего, с важностью сохранения нейтралитета[10] и достаточно наглядно демонстрировало сформировавшийся на тот момент в Испании образ Российской империи. Среди испанских интеллектуалов имелось немало тех, кто испытывал симпатии к России, но им было непросто защищать ее от нападок либералов. На страницах испанских газет по отношению к Российской империи часто звучали упреки в тирании и репрессиях. Что касается Японии, то здесь ситуация была противоположной – трансформации, произошедшие в этой далекой восточной стране после 1868 г., вызывали одобрение испанских либералов. Такое положение способствовало трансляции политической проблематики Испании на восприятие русско-японской войны и роли России, прежде всего, в контексте антимонархических взглядов.

Испанская пресса подвергала резкой критике действия русских командующих. *El Heraldo de Madrid* в мае 1904 г. осуждает русских генералов, чья некомпетентность, по мнению издания, ставит под вопрос престиж царского оружия[11]. После поражения российского флота в Корейском проливе, когда конец войны был уже близок, испанские корреспонденты так комментировали ситуацию: «Россия не понимала и не смогла адекватно оценить японскую революцию 1868 года, последствия которой привели к преображению Японии, военно-морская сила которой позволяет назвать ее теперь Пруссией Востока... Россия продолжала иметь дело с Японией, как будто в ней ничего не изменилось. ...Результатом стала война... Потеря Порт-Артура и, возможно, Владивостока, потеря Маньчжурии и другие потери… Все это стало для России расплатой за ошибки»[12]. Вслед за этими поражениями и нежеланием властей заканчивать войну, Россию ждали новые потрясения внутри страны: «кровавое воскресение», волна выступлений рабочих и восста-

[8] См.: Россия XX века… 2018.
[9] El Imparcial. 04.01.1904; 06.01.1904.
[10] См. подробнее: Calderón de la Barca 1995.
[11] El Heraldo de Madrid. 02.05.1904; El baluarte del Zar en el Mar Amarillo // El Heraldo de Madrid. 11.06.1904.
[12] El Heraldo de Madrid. 12.06.1905.

ние матросов на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический». Все это подкрепляло неприятие испанскими либералами российской монархии. Испанская пресса также с вниманием следила за событиями в России, негативно оценивая действия властей, осуждая жестокость и возмущаясь российскими порядками[13].

В хоре этой критики громко звучит и голос «Поколения 98 года». Мигель де Унамуно в своем творчестве и на страницах испанской прессы часто обращался к идеям и темам русских писателей и философов, воспринимая Российскую империю как поле борьбы идеального и реального. Еще в 1901 г. он писал: «…в глубине души я был и остаюсь прежде всего анархистом. Однако мне ненавистен сектантский и догматический смысл, который в него вкладывается… Толстой был одним из тех людей, душа которых наиболее глубоко затронула мою душу; его произведения оставили во мне весьма значительный след»[14]. Одним из практических воплощений «толстовского присутствия» стал для испанского писателя роман «Мир в войне» (1897). Произведение Толстого здесь, по словам З.И. Плавскина, «послужило толчком, активизировавшим мысль Унамуно, и помогло ему сформулировать свои взгляды на историю, в чем-то сходные с толстовскими, но в самом существенном решительно отличающиеся от них»[15]. В *El Heraldo de Madrid* от 2 февраля 1905 г. в заметке: «О Святой России» опубликованы горькие слова Унамуно: «Исконное здесь – это Царь и Священный Синод... Кто такие Толстой и Горький? Нечто экстравагантное и наносное, связанное с французской, английской и немецкой литературой… Для власти те русские плохи, кто пользуется ситуацией, чтобы совершить революцию, в то время как страна ведет войну… Но русский народ не хочет воевать против японцев, потому что они не сделали ему никакого вреда, скорее он сможет увидеть в них своих освободителей… а самое страшное – это бессознательные массы бедных солдат, которые стреляют в своих родителей и братьев и защищают дело тиранов...»[16]. В это же время выходит заметка в испанском иллюстрированном издании *Blanco y Negro* «В доме Горького», где корреспондент описывает в деталях встречу с Марией Федоровной Андреевой в момент, когда Горький находился в заключении в тюрьме Турецкого бастиона Петропавловской крепости[17]. Автор со всей эмоциональностью пытается отразить абсурдность заключения писателя и его коллег в разгар революционных событий 1905 года и передает слова поддержки от европейских литераторов и читателей.

---

[13] El Imparcial. 22.01.1905.
[14] Цит. по: Багно 2006. С. 406-407.
[15] Плавскин 2009. С. 205.
[16] Unamuno 1905.
[17] Gomez Carillo 1905. P. 18.

Немногим ранее, это же издание посчитало нужным познакомить испанцев с типажами, представленными на страницах произведений Горького и Чехова. Как отмечает автор публикации, их изображение с кратким описанием объясняет, что произошло в России в январе 1905 г. Читателя знакомят с тремя представителями одной профессии, но разной судьбы: императорский кучер (почти элита), ямщик тройки и обычный ямщик, находящийся внизу социальной лестницы. Также представлен агент полиции и дворник, который, в обязательном порядке, является полицейским осведомителем. Замыкается череда образов провокационным контрастом великолепия дворянки в домашнем платье и скромностью праздничных одежд и повседневной жизни крестьян[18]. Эти образы, как бы сошедшие со страниц популярных в Испании произведений русской литературы, демонстрируют глубину социальных проблем, характеризующих, по мнению издания, российскую действительность.

На страницы испанских газет все чаще попадали репортажи об ужасных событиях, происходящих в России. 9 ноября 1905 г. мадридская газета *ABC* приводит информацию об одном из самых страшных еврейских погромов в Одессе: «Население пытается восстановить спокойствие, но сдержать волнение сложно. Ночью улицы пустынны, а дома закрыты. Больницы и перевозки полны раненых… С субботы и до сегодняшнего дня погибло более четырехсот человек. Кладбищ недостаточно, чтобы похоронить такое количество жертв. В центре города есть целый район, который был полностью опустошен»[19].

В связи с ситуацией, сложившейся в Российской империи, крупнейшие испанские газеты *El Imparcial* и *El Heraldo de Madrid* посчитали нужным иметь там своих собственных корреспондентов. Знаменитый испанский журналист и ученый Висенте Вера отправился в поездку по Транссибирской железной дороге, о чем писал для *El Imparcial*: «Из Санкт-Петербурга до Москвы курсируют поезда, в которых обслуживание не отличается от европейского. В Москве, бывшей столице России, берет начало железнодорожная линия, которая проходит через Сибирь и имеет два финальных пункта – Владивосток и Порт-Артур... Расстояние от Москвы до Порт-Артура составляет 9000 километров и на поезде его можно преодолеть за 14 дней ... В Маньчжурии нередки нападения на поезда»[20]. Его корреспонденции, освещавшие события русско-японской войны, заняли особое место на страницах испанской прессы.

Еще более интересной фигурой представляется специальный корреспондент *El Heraldo de Madrid* в России Луис Мороте-и-Греус. Владелец испанского издания, Хосе Каналехас, отправил его в Россию,

[18] Blanco y negro. 04.02.1905. P. 14.
[19] ABC. 09.11.1905.
[20] El Imparcial, 22.02.1905.

чтобы он на месте ощутил, что происходит в далекой империи, столкнувшейся с чередой трагедий. При этом Луис Мороте – типичный образец испанского интеллектуала рубежа XIX–XX вв., представитель регенерационизма, имевшего непосредственную связь с «Поколением 98 года». От своего кумира, Л.Н. Толстого, с которым ему удалось встретиться и побеседовать, Мороте получил следующую оценку: «Мне испанец симпатичен. Он член парламента. Образованный, гораздо образованнее, чем многие английские корреспонденты»[21]. Действительно, Луис Мороте на тот момент – писатель, юрист и политик, а также опытный журналист, бравший интервью у Папы Льва XIII и побывавший в эпицентре событий в ходе войны на Кубе. Глубоко увлеченной русской литературой, он в 1901 г. перевел и издал в Валенсии роман Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник».

В качестве корреспондента *El Heraldo de Madrid* в Российской империи Мороте встретился не только с Львом Толстым, но и с рядом выдающихся представителей русской культуры, включая Горького и того же Мережковского. Эти встречи вылились в серию публикаций в *El Heraldo de Madrid*, а затем были объединены в книгу «Стадо душ», первое издание которой вышло в Валенсии в 1905 г.[22] Продолжением стала работа Мороте «Дума. Революция в России»[23], посвященная российским политическим событиям и опубликованная в том же году.

Луис Мороте не был уверен, примет ли его Толстой, сомневались в удаче и знакомые журналиста: «Никто не советует мне идти, и даже некоторые русские знакомые пытаются отговорить меня. Зачем стремиться на встречу с Толстым в его доме, затерянном в снегах, если есть большая вероятность, что нам так и не удастся встретиться?». Но для испанца Толстой представлялся «звездой века, гением времени, славой человечества» и, отправляясь в далекую страну, он был уверен, что «приехать в Россию и не видеть Толстого, это то же самое, что не побывать в России». Мороте повезло, он не просто встретился с великим русским писателем, но и сделал это в один из знаковых моментов в истории России XX в. – сразу после революционных событий 1905 года.

Испанец так описывает свою поездку к Толстому: «Нет покрывала, чтобы покрыть ноги, и сани настолько малы, что кучер должен встать, чтобы мои ноги могли здесь уместиться. Холод парализует меня. Я не слышу, я не понимаю, я не вижу, я не чувствую... Парализующий страх, что он меня не примет, погрузил меня в такое волнение, что я стал говорить с русскими слугами Толстого по-испански, не понимая этого»[24].

---

[21] Литературное наследство… 1979. С. 170.
[22] Morote (a) 2005.
[23] Morote (b) 2005.
[24] El Heraldo de Madrid. 06.03.1905.

После долгого ожидания к испанцу вышел ученик и биограф Толстого Петр Сергиенко, сказав, что Толстой его примет, но предупредил: «ничего не спрашивайте, пусть говорит». Во время ожидания испанский журналист с интересом изучал старый кабинет писателя, где создавался роман «Война и мир», отмечая, что на видных местах стоят портреты Диккенса и Шопенгауэра, а также семейные фото.

Описывая самого Толстого, журналист отмечал: «Его борода длинная и серебристая. Он больше похож на земледельца, чем на графа, но идеальная чистота и аккуратность одежды разрушает эту иллюзию». Больше всего журналиста поразил взгляд Толстого, «созданный землей, потому что земля – мать всего, но, в то же время, еще глубже, потому как своими произведениями, своими идеями, которые ни с чем не могут сравниться, он проникает в саму суть человечества»[25].

В ходе интервью речь шла не только о России. Толстой спрашивал журналиста об Испании, о социалистах, анархистах, основных газетах и позиции *El Heraldo de Madrid* по рабочему вопросу. Испанский журналист говорил с русским писателем о литературе и жизни. Но политические вопросы были в центре внимания и, прежде всего, вопрос о том, что земля должна принадлежать народу.

В доме Толстого Луиса Мороте пригласили к обеду. В отличие от кулинарного изобилия, которым угощали гостя, еда писателя была более чем скромной. «Суп, кусок черного хлеба, бисквит, смоченный молоком, и чашка чая с лимоном – такова пища, согласующаяся со строгими вегетарианскими принципами, великого Толстого»[26]. По мнению испанца, жизнь писателя похожа на жизнь монаха, его обычаи больше характерны для аскета, чем для аристократа. Сам испанский журналист был антиклерикалом и агностиком, но выражал уважительное отношение к религиозным взглядам Толстого, в котором чувствовалось «глубокое общение с Христом», несмотря на отлучение от Церкви.

Толстой интересовался международной ситуацией и, особенно, крестьянским вопросом как в России, так и за рубежом, включая Испанию, удивив Мороте осведомленностью о событиях в Хересе 1878 года. По мнению графа, «это универсальные проблемы, которые пересекают границы и имеют отражение и на Востоке, и на Западе». Говоря о событиях в России, Толстой напрямую обвинял царя в том, что он спровоцировал войну, пагубные последствия которой сравнимы с тем, чем стало поражение Испании в войне с Соединенными Штатами в 1898 г.: «Много лет вы будете оплакивать молодежь, похороненную на Кубе, Пуэрто-Рико и на Филиппинах ...Говорят, что мир изменился, стал гуманнее, но что можно сказать о том, что происходит на Дальнем Восто-

[25] El Heraldo de Madrid. 06.03.1905.
[26] Ibidem.

ке? Мы, также как Испания, теряем честь и жизни наших людей... И что ждет Японию, которая сумела совершить прорыв, но теперь может увязнуть в организации новой войны и впасть в бред величия?»[27].

Мороте особенно впечатлили революционные идеи Толстого, который утверждал, что XX век будет более справедлив, чем предыдущий. Он покинул Ясную Поляну в уверенности, что именно здесь «находится источник, направляющий мысль всего человечества»[28].

Луис Мороте произвел на Толстого приятное впечатление своей эрудированностью[29]. Сохранилось и мнение Толстого об Испании, высказанное им после этой встречи: «У них процветает католицизм… Социализма в Испании почти что нет; в парламенте нет ни одного социалиста, а анархисты есть, в парламенте их трое, они мирные анархисты, без насилия. Они против консерватизма, католицизма, милитаризма; проповедуют крайние взгляды анархизма. Так, как у нас в России»[30].

С Максимом Горьким Луис Мороте встретился в Эстонии. В разговоре о войне русский писатель выразил мнение, схожее с позицией Толстого, о том, что поражение России может принести пользу простому народу, но пацифизма автора «Войны и мира» Горький не разделял. Для него война – инструмент освобождения: «Если японцы нас не победят, революция в России затянется на века. Война была и будет, несмотря на великие бедствия, которые она производит, фактором прогресса, провоцируя к действиям народы, которые не хотят или не могут постоять за себя… Россия! Япония будет стоить нам дороже, чем Бонапарт»[31].

Наряду с критикой политики российских властей, в первом десятилетии XX в. в Испании все больше растет интерес к русской литературе. Помимо уже упомянутых Э. Пардо Басан и Л. Мороте, сделавших очень много для ее популяризации, надо назвать и Франсиско Фернандеса Вильегаса. Педагог, писатель, драматург и журналист, известный под псевдонимом Зеда, он много лет редактировал мадридский журнал *La Epoca*, где в 1900 г. им была опубликована статья о Достоевском, а в 1901 г. – роман «Преступление и наказание». Переводами произведений Толстого и Горького на испанский язык занимался также редактор барселонской газеты La Vanguardia, журналист, военный репортер и политический комментатор Аугусто Риера. Именно ему принадлежит перевод «Фомы Гордеева» Горького, сделанный всего три года спустя, после выхода романа в России. В это же время испанцы знакомятся и с произведениями Чехова – в 1904 г. на испанском опубликована «Дуэль».

---

[27] Ibidem.
[28] El Heraldo de Madrid. 06.03.1905.
[29] Литературное наследство 1979. С. 170.
[30] Там же.
[31] El Heraldo de Madrid. 15.03.1905.

Первые прямые переводы Пушкина на испанский язык были сделаны Хулианом Худериасом, критиком, историком и журналистом, публиковавшим в журнале *La Lectura* многочисленные статьи о русских писателях. Благодаря ему в 1913 г. на испанском впервые были опубликованы произведения Леонида Андреева[32].

Анализируя воздействие русской литературы на испанскую, прежде всего на «Поколение 98 года», К.С. Корконосенко отмечает: «превращение явлений в знаки происходило в культурном сознании испанцев и со словами-понятиями «Толстой», «Война и мир», «Крейцерова соната», «Исповедь», а начиная примерно с 1910-х гг. этот ряд пополняется терминами «Достоевский», «Раскольников», «братья Карамазовы»»[33].

В начале второго десятилетия XX в. международная обстановка в преддверии Первой мировой войны способствовала сближению Испании и Российской империи[34]. Значительную роль в этом сыграло отсутствие интереса России к проблемам Западного Средиземноморья, в то время как Испания не имела заинтересованности в вопросах, связанных со спором по восточному направлению, и в балканских проблемах. Россия выступила в качестве посредника в решении «испанского вопроса» странами «Сердечного Согласия», итогом которого стало решение об испанском нейтралитете, благожелательном к странам Антанты.

Так сложилось, что в формировании представлений испанцев о России особая роль принадлежит двум женщинам из Галисии, северо-западной провинции Испании. Первая из них – Э. Пардо Басан, открывшая для испанцев великую русскую литературу. Вторая – показывала российскую жизнь без прикрас накануне и во время великих потрясений. С начала Первой мировой войны среди иностранных корреспондентов в Российской империи одним из самых громких стало имя Софии Касановы. Еще до своей российской одиссеи, она снискала литературную славу, была близка к королевскому двору и держала в Мадриде салон, где собирались выдающиеся испанские писатели, художники и политические деятели. Выйдя замуж за приват-доцента Казанского университета поляка Лютославского, Касанова продолжала дело Висенте Вера и Луиса Мороте, став постоянным зарубежным и военным корреспондентом испанских изданий на территории Российской империи (до этого большинство испанских изданий перепечатывали материалы европейской прессы). София Касанова работала в качестве корреспондента газеты *ABC*, а также сотрудничала с такими испанскими изданиями как *La Época*, *El Liberal*, *El Imparcial*, журналом *Galicia* и зарубежными изданиями *Gazeta Polska* и *New York Times*. Несмотря на то, что самые

[32] См: Испанская библиография… 2015.
[33] Корконосенко 2018. С. 253.
[34] Медников 2011.

громкие ее репортажи связаны с революционными потрясениями 1917 г. (включая интервью с Львом Троцким), ее корреспонденции начала Первой мировой войны оказали значительное влияние на формирование образа Российской империи в Испании. События и атмосферу, которые характеризовали Российскую империю в эти годы она ярко описывала в своих провокационных заметках[35], вплоть до того, что в марте 1916 г. советник Российского посольства в Испании Ю.Я. Соловьев попросил испанскую сторону подвергнуть предварительной цензуре ее «тенденциозные» и «оскорбительные» репортажи из Москвы[36].

Несмотря на то, что многие испанские интеллектуалы активно участвовали в политической жизни своей страны и выступали в рассматриваемый период как публицисты и журналисты, транслируя зачастую весьма негативный образ Российской империи, влияние на их образ мыслей русской литературы нельзя оставить незамеченным.

«Поколение 98 года» обращается как к творчеству ключевых авторов русской литературы, так и к их образам. Как отмечает В.Е. Багно, «не последнюю роль в выработке творческих методов Унамуно, Ганивета, Асорина, Барохи и других авторов «поколения 98-го года» сыграла русская литература… Толстой был одним из самых почитаемых поколением авторов, воспринимавшийся ими не только как писатель, но и как “совесть” человечества»[37].

Помимо влияния на испанскую литературу, надо отметить значительное влияние Толстого на правовое сознание и юридическую практику в Испании. Этой проблеме посвящена работа Х. Кальво Гонсалеса «Душа и закон. Толстой среди юристов. Испания (1890–1928)»[38]. Как и в случае с литературой, ключевыми темами здесь становятся этическое содержание творчества русского писателя, интеллектуальный радикализм его мышления, последовательная защита свободы, осуждение принуждения и зависимости, антимилитаризм и пацифизм.

Влияние русской литературы на Испанию, безусловно, не ограничивается периодом существования Российской империи, более того, после революционных событий 1917 года начинается новый этап российско-испанского взаимодействия, немалую роль в котором сыграли и переводчики-эмигранты, осевшие в Испании и продолжившие знакомить испанцев с шедеврами русской литературы. События 1917 года преобразили дальнейшую историю всего мира, революционные потрясения представили испанцам другую Россию, которая манила и отталкивала, но не могла оставить равнодушным.

---

[35] Garrido Caballero 2018.
[36] См.: Россия XX века… 2018. С. 38-40.
[37] Багно 2006. С.406.
[38] Calvo Gonzáles 2010.

Любопытно то, как литературная русофилия начала XX века преломилась в годы максимального практического сближения двух стран в творчестве Антонио Мачадо, самого младшего представителя «Поколения 98 года». Ближе к концу жизни, в годы гражданской войны в Испании, он станет одним из самых последовательных идеалистов и апологетов СССР. Но и тогда для поэта Советский Союз будет не только и не столько оплотом революции, но, прежде всего, страной Достоевского, Тургенева и Толстого. Как пишет Мачадо, «в их произведениях оформились добродетели, составляющие суть России, именно там… послание славянской души, глубоко человеческое, которое, кажется, открывает новый мир… он новый по отношению к мелкому и провинциальному миру современной западной литературы… Под влиянием своей деспотичной империи, татарского или монгольского духа, церкви, застывшей в византийской традиции, славянская душа ухватила и сделала лучшие проявления христианства своими. Только русские, судя по их великой литературе, показывают нам жизнь христиан… подлинное братское чувство, освобожденное от уз крови и аппетитов плоти… только на русском языке это слово – брат – передает суть сострадания, любви и силу человеческой привязанности, которая пересекает границы семьи, племени, нации, обретая сердечную вибрацию бесконечности»[39].

Начало XX века представляет собой удивительный период, связанный с качественными трансформациями интеллектуальной и художественной жизни Испании. Идеи, сформулированные «Поколением 98 года» и их последователями, положили начало духовному освобождению, изменению роли интеллигенции в жизни страны, формированию гражданского общества. Этот процесс сопровождался знакомством испанских интеллектуалов с богатством русской литературной традиции, ее творческим восприятием и осмыслением. На этом пути трудно было избежать идеализаций и упрощений, а также воспринять всю сложность конфликта между литературой и жизнью, в равной степени характерную как для российской, так и для испанской традиции. И, вместе с тем, влияние русской литературы как на испанскую культуру XX века, так и на формирование образа России в Испании трудно переоценить.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Асорин. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1989. 574 с. [Azorín. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 574 s.

Багно В.Е. «Революция и роман в России» Эмилии Пардо Басан // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М.: Индрик, 2018. С. 237-242 [Bagno V.E. «Revolyutsiya i roman v Rossii» Emilii Pardo Basan // Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kul'tur. Tri stoletiya otnosheniy. M.: Indrik, 2018. 928 s. S. 237-242].

Багно В.Е. Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. 477 с. [Bagno V.E. Rossiya i Ispaniya: obshhaya granicza. SPb.: Nauka, 2006. 480 s.]

[39] Machado 1937. P. 9.

Валье-Инклан, Р. дель. Избранные произведения в двух томах. Л.: Художественная литература, 1986. 463 с., 608 с. [Valye-Inklan, R. del. Izbrannyye proizvedeniya v dvukh tomakh. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 463 s., 608 s.]

Испанская библиография в образах: 12 веков книжного искусства в Испании. Русская литература в Испании. Bibliografía española en imágenes: 12 siglos de libros españoles. Literatura rusa en España. Каталог выставки. Madrid: Ministerio de educación, cultura y deporte, 2015. 52 p. [Ispanskaya bibliografiya v obrazakh: 12 vekov knizhnogo iskusstva v Ispanii. Russkaya literatura v Ispanii. Bibliografía española en imágenes: 12 siglos de libros españoles. Literatura rusa en España. Katalog vystavki. Madrid: Ministerio de educación, cultura y deporte, 2015. 52 p.]

История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. 872 с. [Istoriya Ispanii. T. 2. Ot voyny za ispanskoye nasledstvo do nachala XXI veka. M.: Indrik, 2014. 872 s.]

Корконосенко К.С. Поколение 98 года и Россия // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений. М.: Индрик, 2018. 928 с. С. 253-259 [Korkonosenko K.S. Pokoleniye 98 goda i Rossiya // Ispaniya i Rossiya: diplomatiya i dialog kultur. Tri stoletiya otnosheniy. M.: Indrik, 2018. 928 s.]

Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 1. М.: Наука, 1979. 544 с. [Literaturnoye nasledstvo. T. 90. U Tolstogo. 1904–1910. «Yasnopolyanskiye zapiski» D. P. Makovitskogo. Kn. 1. M.: Nauka, 1979. 544 s.]

Малиновская Н. Тема с вариациями. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 528. [Malinovskaya N. Tema s variatsiyami. M.: Tsentr knigi Rudomino, 2014. 528 s.]

Мачадо А. Избранное. М.: Художественная литература, 1975. 348 с. [Machado A. Izbrannoye. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 348 s.]

Медников И.Ю. Российско-испанские отношения в годы Первой мировой войны // ЭНОЖ «История». 2011. Вып. 8: Новые перспективы в изучении истории Испании. [Mednikov I.Yu. Rossijsko-ispanskie otnosheniya v gody` Pervoj mirovoj vojny` // Istoriya: e`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal. 2011. Vy`p. 8: Novy`e perspektivy` v izuchenii istorii Ispanii. URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/rossisko-ispanskie-otnoshenia.html].

Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев: Новый круг, 1994. 317 с. [Ortega-i-Gasset J. Etyudy ob Ispanii. Kiev: Novyy krug, 1994. 317 s.]

Плавскин З.И. Литература Испании. От зарождения до наших дней. Т.2: XIX-XX вв. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 435 с. [Plavskin Z.I. Literatura Ispanii. Ot zarozhdeniya do nashikh dney. T.2: XIX-XX vv. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2009. 435 s.]

Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб.: Канун, 2001. 536 с. [Pogranichnyye kultury mezhdu Vostokom i Zapadom: Rossiya i Ispaniya. SPb.: Kanun, 2001. 536 s.]

Проблемы культурного пограничья. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 504 с. [Problemy kulturnogo pogranichya. M.: IMLI RAN, 2014. 504 s.]

Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917. Т. II. 1800–1917. М., 1997 [Rossiya i Ispaniya: dokumenty` i materialy`. 1667–1917. V 2 t. T. 2. M.: Mezhdunarodnye otnoshenia,1997. 364 c.]

Россия XX века на страницах испанской прессы и в свидетельствах дипломатов / Гранцева Е.О., Филатов Г.А., Володько А.В., Паисова А.А. М.: Весь мир, 2018. 320 с. [Rusia del siglo XX en las páginas de la prensa española y en el testimonio de diplomáticos / Grantseva E., Filatov G., Volodko A., Paisova A. / M.: El mundo entero, 2018. 320 p.]

Унамуно М. де. Избранное в 2 томах. Ленинград: Художественная литература, 1981 [Unamuno M. de. Izbrannoye v 2 tt. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1981]

Blanco García C. Sofía Casanova e Emma Goldman na revolución rusa. En Pazos A. Vida e tempo de Sofía Casanova (1861–1958). Madrid: Editorial CSIC, 2010. 188 p.

Calderón de la Barca V. Las salpicaduras de una guerra lejana. La guerra ruso-japonesa de 1904-1905 y, la neutralidad española según la Prensa española de la época // Revista Española del

Pacífico Asociación Española de Estudios del Pacífico (A.E.E.P.). №5. Año V. Enero-Diciembre, 1995.
Calvo González J. El alma y la ley. Tolstói entre juristas. España (1890–1928). Madrid: Comunicación social, 2010. 311 p.
Garrido Caballero M. Miradas españolas sobre la Rusia Soviética (1917—1929) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2017. T. 8. Vypusk 10 (64). URL: http://history.jes.su/s207987840001999-7-1
Gomez Carillo E. En casa de Gorky // Blanco y negro. 25.02.1905. P. 18.
Juliá S., García Delgado J.L, Jiménez J.C., Fusi J.P. La España del siglo XX. Madrid: Marcial Pons, 2003. 638 p.
La literatura española del siglo XIX y las literaturas europeas. Actas del V Coloquio de la Sociedad de Literatura Española del Siglo XIX. Barcelona: Universitat, PPU, 2011.
Machado A. Sobre la Rusia actual // Hora de España. 1937. № 9. P. 5-12.
Mainer J.-C. La edad de plata (1902–1939): ensayo de interpretación de un proceso cultural. Madrid: Cátedra, 1981. 466 p.
Morote L. Rebaño de almas (el terror blanco en Rusia). Valencia, Madrid: F. Sempere y Compañía, 1905(a). 240 p.
Morote L. La Duma: La revolución en Rusia. Valencia, Madrid: F. Sempere y Compañía, 1905(b). 199 p.
Pardo Bazán E. Dos tendencias nuevas en la literatura rusa. El hampa y la bohemia (Máximo Gorki). La conciliación pagano-cristiana (Demetrio Merejkowsky) (Conclusión) // La Lectura. 1901. №5. P. 32-40.
Pardo Bazán E. La revolución y la novella en Rusia (lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid: Imprenta y fundición de M. Tello, 1887. 281 p.
Unamuno M. de. Lo de la Santa Rusia // El Heraldo de Madrid. 02.02.1905.

Гранцева Екатерина Олеговна, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент исторического факультета ГАУГН; kgrantseva@yandex.ru*

Between literature and life: Spanish intellectuals and Russia in the beginning of the 20th century

The article attempts to analyze the place of Russia in the Spanish intellectual and social discourse of the early twentieth century, to identify key phenomena and factors of influence, to identify points of intersection and contradictions in the Spaniards' perception of Russian culture (first of all, its literary and ideological components) and the foreign policy image of the Russian Empire.

Keywords: Russian Empire, Spain, “Generation 98”, image of the Other, dialogue of cultures, imagology, international relations, Russian literature, intellectuals

Ekaterina Grantseva, *PhD (History), senior research fellow, Institute of World History (RAS); associate professor, History Faculty, State Academic University for the Humanities; kgrantseva@yandex.ru*

А. В. Громова

УЧАСТИЕ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА В СОЗДАНИИ СВЯТО-НИКОЛЬСКОГО ПОДВОРЬЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В Г. БАРИ

Статья посвящена участию российских Императоров и Великих князей в создании Императорского Православного Палестинского общества, Русской Палестины на Ближнем Востоке и Барградского храма с подворьем в Италии.

***Ключевые слова*:** *Святитель Николай, г. Бари, Российский Императорский Дом, Императорское Православное Палестинское Общество*

С X века, после принятия христианства на Руси широко распространяется почитание великого святого неразделенной церкви Святителя Николая Архиепископа Мир Ликийских Чудотворца. На протяжении веков множились храмы, посвященные Св. Николаю, передавались из поколения в поколение сказания о его чудесных явлениях и незамедлительной помощи в бедах, опасностях и скорбях. Иностранцы, посещавшие Россию, называли его «Русский Бог».

Почитание Св. Николая наряду с поклонением святыням Иерусалима, Сирии, Палестины, Египта и Св. Афона стало отличительной чертой широкого паломнического движения всех слоев российского общества. Стремление помолиться о прощении грехов в местах земной жизни Спасителя всегда соединялось с желанием посетить Миры Ликийские и Бари, куда в 1087 г. были перенесены мироточивые мощи Св. Николая. С начала XII в. складывается паломническая традиция объединять путешествия в Святую Землю с молитвой в базилике Св. Николая в Бари. Согласно церковному преданию сам Святитель совершил паломничество в Иерусалим. Продолжением его молитв в Святой Земле стало благоустроение Сионского монастыря в Мирах Ликийских.

Святой равноапостольный князь Владимир, согласно Никоновской летописи, отправляет в 1001 г. первые посольства – паломничества на Ближний Восток. Со времен крестителя Руси князя Владимира поклонение христианским святыням становится частью государственного строительства и действенным инструментом внешней политики. Знаменитое «хождение» игумена Даниила (1106–1108) было не только паломнической, но и дипломатической миссией: король крестоносцев Балдуин принимал его как посланца русских князей, и лампаду на Гробе Господнем Даниил затеплил от имени всех князей русских.

Император Петр I впервые обозначил в международном политическом договоре права православных русских паломников. Екатерина Великая в двух статьях Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией от 10 июля 1774 г. оговаривает условия о «твердой защите» Право-

славия в Османской империи и о беспрепятственном хождении паломников в Иерусалим и по святым местам[1]. Александр I щедро финансирует Иерусалимскую Патриархию в связи с огромными расходами на ремонт храма Гроба Господня после пожара 1808 г.[2] и открывает Иерусалимские подворья: в Москве, при храме святого апостола Филиппа[3], и в Таганроге. Николай I учреждает 11 февраля 1847 г. Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме – и вновь это государственная внешнеполитическая акция, и начальник Миссии находится в двойном подчинении: не только Св. Синода, но и Министерства иностранных дел[4].

Первым августейшим паломником в Святой Земле должен был быть, по некоторым сведениям, император Николай I. Подобная перспектива вполне вписывается в контекст средиземноморской политики Николая Павловича – с посещением Римского Папы и собора Святого Петра в Риме в 1845 г. с идеей возвращения (с благословения Папы) мощей святителя Николая Чудотворца из Бари в Миры Ликийские, наконец, с ультиматумом 1853 г. и последовавшей Крымской войной в защиту попранных прав Православной Церкви в Вифлеемском храме.

В мае 1859 г. Иерусалим посетил брат Александра II великий князь Константин Николаевич, глава Военно-Морского ведомства, с супругой Александрой Иосифовной и сыном Николаем[5]. Это сразу позволило решить ряд насущных проблем, связанных с приобретением русских недвижимостей в Иерусалиме и укреплением российского политического влияния. В октябре 1872 г. Святую Землю посетил в ходе длительной ознакомительной поездки по Турции и Ближнему Востоку другой брат царя – великий князь Николай Николаевич Старший, будущий герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг.[6] И дело было, помимо государственных и геополитических интересов, в личном духовном устремлении русских самодержцев, проникнутых традиционным религиозным воспитанием. Император Александр II выразил общее отношение российских самодержцев к земной родине Спасителя: «C'est une question de coeur pour Moi. (Это для меня вопрос сердца)».[7]

Но наибольшее значение в развитии русско-иерусалимских духовных связей имели паломничества в Святую Землю брата императора Александра III Великого князя Сергея Александровича. Первое из них

---

[1] Под стягом России… С. 82-83.
[2] Безобразов 1911. С. 20-52.
[3] Иерусалимское патриаршее…
[4] Лисовой 1999. С. 39.
[5] Переписка Императора Александра II… С. 96-97.
[6] Лисовой 2003. С. 105.
[7] «Этому сердечному отношению к Святой Земле и русскому присутствию в Святой Земле Император оставался верен всю жизнь и завещал его своим преемникам Александру III и Николаю II». Дмитриевский 1907(б). С. V.

он совершил 21-31 мая 1881 г. вместе с братом, Великим князем Павлом Александровичем и племянником Великим князем Константином Константиновичем (впоследствии известным поэтом К.Р., президентом Академии наук). Непосредственным поводом к поездке стали трагические утраты в царской семье: кончина императрицы Марии Александровны (в 1880 г.) и убийство Александра II (1 марта 1881 г.[8] Паломничество Великих князей в Святую Землю имело огромное значение для последующего развития Русской Палестины. Заинтересованное отношение Сергея Александровича к русско-палестинским проблемам позволило в следующем году создать в Петербурге Православное Палестинское Общество (под его председательством и покровительством).

Общество призвано было, согласно уставу, осуществлять три основных функции: организация и обустройство русских паломников в Палестине (к 1914 г. через его подворья ежегодно проходили до 10 тыс. чел.); помощь и поддержка Православию на Ближнем Востоке путем благотворительной и просветительной работы среди арабского населения (Общество содержало к 1914 г. 113 школ и учительских семинарий в Палестине, Сирии, Ливане); научно-исследовательская и издательская работа по изучению исторических судеб и современного положения Палестины и всего ближневосточного региона, библейской филологии и археологии, организации научных экспедиций и раскопок, пропаганде знаний о Святой Земле в российском обществе[9].

1 октября 1888 г. Великий князь Сергей Александрович с супругой Великой княгиней Елизаветой Федоровной и братом Павлом Александровичем совершают новое паломничество в Иерусалим, для участия в торжественном освящении храма св. равноапостольной Марии Магдалины небесной покровительницы Императрицы Марии Александровны в Гефсимании. Программа путешествия включала посещение выдающихся достопримечательностей и святых мест Восточного Средиземноморья. Паломничество в Святую Землю стало одним из важнейших моментов в созревании решения Елизаветы Федоровны о переходе в православие. 5 января 1891 г. она пишет цесаревичу Николаю Александровичу (будущему государю Николаю II): «Я наконец решила присоединиться к вашей религии и хочу сделать это к Пасхе, чтобы иметь возможность причаститься на Страстной неделе. Это великий шаг, т.к. для меня начнется новая жизнь, однако я верю, что Господь благословит такое решение». И двумя месяцами позже: «Суббота перед Вербным

[8] Как писал секретарь Палестинского Общества выдающийся историк русского дела на Востоке А.А. Дмитриевский, «христианскую ревность и горячую любовь к Святой Земле царственные Родители передали в наследие своим Августейшим детям»Дмитриевский 1907(а). С. 426.

[9] Указ Императора Александра III… Т.2. С. 192-197; Собрание узаконений и распоряжений правительства… С. 1652-1662; Юбилейные торжества… Т 18. С. 399.

воскресением будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву»[10] (Великий князь Сергей Александрович уже назначен генерал-губернатором Москвы). 13 апреля 1891 г. Принцесса Гессенская и Прирейнская Элла перешла в православие через таинство миропомазания.

24 марта 1889 года Высочайшим указом Обществу было присвоено почетное именование Императорского (ИППО)[11]. На протяжении всей своей истории ИППО пользовалось августейшим, а значит, государственным вниманием и поддержкой. Во главе его стояли преемственно Великий князь Сергей Александрович (с момента основания Общества до дня своей гибели 4 февраля 1905 г.), а после его кончины – вдова покойного Великая Княгиня Елизавета Федоровна, ныне причисленная к лику святых Русской Православной Церкви.

Кроме Палестины русские паломники издавна стремились посетить итальянский город Бари, в котором хранятся святые мощи Николая Чудотворца. После поклонения Гробу Господню многие считали необходимым поклониться и гробнице святителя Николая, претерпевая по пути многие невзгоды и лишения.

Дело о приобретении в русскую собственность развалин древней церкви, именуемой Новый Сион, и окружающих ее земель, в селении Демре, в турецком округе Каш, началось в январе 1850 г., когда известный писатель-паломник А.Н. Муравьев[12], возвращаясь из второго своего путешествия в Святую Землю[13], посетил развалины древних Мир Ликийских. «С благословения и при содействии митрополита Филарета Муравьеву удалось собрать *25* тыс. рублей пожертвований для восстановления древнего храма. Предполагалось расчистить все развалины и затем, соображаясь с их расположением и найденными остатками, постараться воссоздать по их указаниям новую церковь. Так на руинах древней большой базилики была воздвигнута небольшая современная церковь, освященная в 1861 г. Впоследствии сбор средств на восстановление базилики в Мирах Ликийских осуществлялся афонскими монахами Свято-Пантелеимонова монастыря, а после начала русско-турецкой войны пожертвования собирались в Николо-Александровской часовне в Петербурге. В ноябре 1886 г. права на Мирликийское владение были переданы Великому князю Сергию Александровичу.

В сентябре 1888 г., Св. Синод, желая сосредоточить Мирликийское дело в одних руках, передал Православному Палестинскому обществу капитал, собранный на восстановление храма в Мирах Ликийских,

---

[10] Письма преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны. С. 141.
[11] Собрание узаконений и распоряжений правительства … С. 2038-2039.
[12] Хохлова 2001.
[13] Филарет (Дроздов) 1869.

достигший к тому времени 73 046 руб. 32 коп., а также приписал к Обществу саму часовню[14]. Великий князь Сергей Александрович с соизволения Александра III принял на себя звание ктитора. Как председатель Палестинского Общества, он постоянно поднимал вопрос о возвращении в русское владение церкви и земельных участков в Мирах. Но все меры не имели успеха. Более того, в 1891 г. Османский государственный совет постановил считать приобретенные Россией в Мирах земли потерявшими своих владельцев.

4 февраля 1905 г. бомбой террориста был убит Великий князь Сергий Александрович. После его гибели часовня в Петербурге была перестроена по проекту инженера П.Д. Мегорского, ее окружили стенами, возвели главки, 30 ноября 1905 г., епископ Нарвский Антонин освятил Барградский Николо-Александровский храм. Простояла эта временная церковь недолго, Палестинское Общество в память о своем первом председателе решило осуществить новый строительный проект. Первый камень нового Николо-Александровского храма был заложен Великой Княгиней Елизаветой Федоровной 8 сентября 1913 г., 15 декабря 1915 г. храм был освящен.[15]

Обязанности Председателя Палестинского Общества возложила на себя, с Высочайшего соизволения, Великая княгиня Елизавета Федоровна. Получив извещение о Высочайшем соизволении, Великая княгиня телеграфировала 14 февраля 1905 г. в Совет ИППО: «Сердечно утешена милостью Государя поручить мне председательствовать в Императорском Православном Палестинском Обществе. Сподобившись великого счастья поклониться Гробу Господню, я с тех пор сохраняю крепкую любовь и уважение к деятельности Общества. Уповаю, что молитвами моего незабвенного дорогого мужа Господь вразумит меня и поможет в совместной работе с достойными деятелями Общества служить на благо Его высоко-святым целям».[16]

В годы ее председательства совершились многие выдающиеся события в жизни Русской Палестины и Палестинского Общества. 6 декабря 1906 г. было освящено здание нового Николаевского подворья на Русских Постройках в Иерусалиме. 21 мая 1907 г. в Петербурге и Иерусалиме торжественно праздновали 25-летний юбилей деятельности ИППО. Согласно дневнику императора Николая II: «В 3 часа во Дворце состоялось празднование 25-летия Палестинского Общества, сперва был отслужен молебен в Петровской зале, после чего в Купеческой происходило заседание»[17]. Государь почтил Председателя Общества Высочай-

[14] Церковные Ведомости. 1888. С. 261.
[15] Барградский комитет 2017. С.282.
[16] АВПРИ, ф. РИППО, оп. 373/1, д.195. Л. 18-18 об.
[17] Дневники… 1991. С. 368.

шим рескриптом, в котором был подведен впечатляющий итог четверти века работы Общества: «Ныне, обладая в Палестине владениями ценностью почти в два миллиона рублей, ИППО имеет 8 подворий, где находят приют до 10 тысяч паломников, больницу, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение с 10400 учащихся; за 25 лет им выпущено в свет 347 изданий по палестиноведению»[18].

В 1910 г., по инициативе Великой княгини Елизаветы Федоровны, было принято решение купить участок земли в Италии, в Бари, а затем приступить к строительству там подворья Палестинского Общества.

7 января 1911 г. из Москвы в Италию выехал известный духовный писатель и проповедник, активный деятель Московского отдела ИППО, будущий священномученик, протоиерей Иоанн Восторгов. 20 января 1911 г. он послал в Совет Общества телеграмму об успешной покупке земли[19], а 2 февраля 1911 г. Елизавета Федоровна обратилась к императору Николаю II с докладом, в котором сообщалось о намерении Палестинского Общества построить в Бари храм во имя святителя Николая и произвести в 1911 г. во всех храмах и монастырях России тарелочный сбор на сооружаемый храм, приуроченный к празднику перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бари[20].

«Милый Ники!

Посылаю тебе свой доклад по важному вопросу о строительстве в Бари русской церкви и дома для паломников. Конечно, единственный человек, кого, я уверена, святитель Николай желал бы во главе этой святой работы в его честь и ради твоего народа, который любит его больше всех святых, – это ты, наш император, имеющий утешение носить в крещении имя святого Николая.

Может быть, ты сочтешь возможным поставить на докладе резолюцию, что ты хочешь быть главой комитета.

Будь так добр, напиши королю Умберто, чтобы он дал согласие и помог в строительстве нашего храма. Он попечитель собора святого Николая в Бари, хотя у папы на него ставропигиальные права. Участок на сегодняшний день куплен на имя частного лица, очень удобный, рядом с вокзалом, в оливковой роще, и оттуда идет трамвай прямо до базилики – наилучшее местоположение и замечательно дешево. Этот участок даже сориентирован правильно на восток[21]. …да почиет на этом предприятии благословение св. Николая и да станет это умилительное дело благословением и божественной связью между ним и твоим народом и ярким эпизодом твоего царствования – как утешение во многих скорбях, которые тебе приходится нести»[22].

Доклад был одобрен. Одновременно Николай II учредил Барградский комитет и стал первым жертвователем, пожаловав от себя и Им-

[18] Юбилейные торжества… С. 399.
[19] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 665. Л. 19.
[20] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 681. Л. 5.
[21] Письма Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны. С. 157-158.
[22] Там же. С. 196.

ператрицы 10 тыс. руб.[23] Главой Барградского комитета был назначен вице-председатель ИППО князь А.А. Ширинский-Шихматов[24].

Академик архитектуры Алексей Викторович Щусев, только что закончивший по заказу Великой княгини Елизаветы Федоровны успешное строительство Покровского собора Марфо-Мариинской обители милосердия, где она была настоятельницей, был приглашен Палестинским обществом для проектирования храма Святителя Николая и паломнической обители в 1910 г. После перенесения проекта в Бари заказ сохранился за зодчим, более того, он стоял у самых истоков этого предприятия. На первоначальных эскизах Щусева паломнического комплекса в Бари прослеживается связь с предшествующим проектом. Композиция плана симметрична, в ее центре – снова пятиглавый храм, странноприимные номера расположены в боковых крыльях. В процессе дальнейшего проектирования Щусев все больше отходил от мирликийского прообраза и симметричного решения. Планируя фасады в русском стиле, архитектор обращался и к ростовской, и к владимиро-суздальской, и к новгородско-псковской, и к московской архитектуре. Подобные эксперименты со стилями характерны для творческого метода Щусева[25].

В середине-конце лета 1911 г. все эскизы были снова представлены великой княгине. В начале 1912 г., завершив работу над рассмотренным комплектом чертежей, Щусев приступил к составлению презентационной графики, которую надлежало представить на суд императора. 30 мая 1912 г. в Большом Кремлевском дворце Николай II рассмотрел эскизный проект Щусева и составленную им предварительную смету. Общая сумма сметы приближалась к 414680 руб.[26] На листе с изображением западного фасада сохранилась резолюция «Утверждаю. Николай», заверенная тогда же князем А.А. Ширинским-Шихматовым. После этого было выпущено воззвание о сборе денежных средств, проиллюстрированное фотографиями с проекта Щусева. В нем же дано краткое описание будущего сооружения.[27] Приблизительно в то же время Щусев заказал скульптору Сергею Александровичу Евсееву изготовление макета

[23] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 682. Л. 47.

[24] Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930), князь, русский государственный и общественный деятель, тверской губернатор, гофмейстер Высочайшего Двора, действительный статский советник, прокурор и управляющий Московской синодальной конторой, обер-прокурор Святейшего Синода, сенатор, член Государственного Совета, участник монархического движения в России и эмиграции, публицист. Руководил подготовкой торжеств по прославлению преп. Серафима Саровского в 1903 г. Вице-председатель Императорского Православного Палестинского общества при Великой княгине Елизавете Федоровне, в 1917 г. избран его Председателем, затем возглавил Совет Палестинского общества в эмиграции.

[25] Евстратова 2017. С. 22.

[26] «Наш долг служить и сеять…» С. 72-74.

[27] Евстратова 2017. С. 50.

подворья из гипса с покраской. Щусев показывал макет великой княгине Елизавете Федоровне, обсуждая с ней изменения в проекте[28].

А.В. Щусев выполнил проект храма и подворья в образцах новгородско-псковских сооружений начала XV в., соединив здания крытыми переходами. Храм с двухъярусной звонницей рассчитывался на 200 человек, располагал помещениями для ризницы и книгохранилища. Здание подворья-странноприимницы по плану заключало в себе: в нижнем этаже – приемную, три общие палаты для паломников, помещения для священника и смотрителя и в верхнем этаже – 3 комнаты для паломников 1-го разряда, 14 комнат 2-го разряда, парадные покои для почетных гостей и общую столовую. В 3-м этаже южной части дома намечено было помещение для псаломщика. В полуподвальном помещении южной части дома, имевшей большие окна, предполагалось сделать обширную народную трапезную со сводчатыми потолками, соединенную с находящимися в верхнем этаже кухней и хозяйственными помещениями посредством электрического подъемника. В здании странноприимницы планировались кладовые для паломнических вещей, умывальные палаты для больных паломников с небольшой приемной для врача. На внутреннем дворе возводилось отдельное здание для прачечной, бани и других хозяйственных служб, устраивались водоемы для хранения дождевой воды, колодец. Все свободное место вокруг занимал сад с цветником. Общая сумма сметы приблизилась к 414680 руб.

Разработанный Щусевым план был одобрен Великой княгиней и в день празднования перенесения мощей св. Николая Чудотворца, 9 мая 1913 г., состоялась торжественная закладка подворья. По окончании богослужения была прочитана присланная Елизаветой Федоровной телеграмма: «Соединяюсь в молитвах с вами в этот торжественный день основания нашего храма и дома для паломников. Помоги вам Бог. Нахожусь на богомолье. Теперь еду на торжество канонизации Святого Ермогена. Елисавета»[29]. Автор проекта академик Щусев также прислал поздравительную телеграмму: «Поздравляю с закладкой, желаю успеха святому делу». Современники так описывают церемонию закладки:

> «9 мая в назначенное для закладки время, около 5 часов пополудни, русский участок стал быстро наполняться приглашенными почетными гостями. Все свободное место вблизи помоста было занято тысячной толпой нарядно одетых итальянцев, с любопытством ожидавших начала русского церковного торжества. Среди присутствовавших находились президент провинциального совета сенатор Баленцони, городской голова города Бари профессор Сабино Фиорезе с членами городского совета, президент Апулии города Витто Манцари, консулы иностранных государств, а также представители местных газет при полном, однако, отсутствии католического духовенства...

[28] Щусев 1914. С. 25-27.
[29] Юшманов 1913. С. 7.

Итальянские гости восхищались самобытностью русского церковного зодчества и выражали удовольствие, что на долю города Бари выпала честь приютить у себя столь красивые и художественные здания, которые, несомненно, станут лучшим украшением города.
В тот же день вечером городской голова Сабино Фиорезе телеграфировал председателю Барградского комитета: "Закладка храма, которую Императорское Православное Палестинское общество посвящает святителю Николаю Чудотворцу, скрепляет узы, соединяющие наш город с благородным русским народом, воины которого в минуты пережитого Италией бедствия оказали ей самоотверженную помощь. В качестве истолкователя этих чувств выражаю горячее пожелание счастья вашему Государю и величия славянским народностям»[30].

Для непосредственного руководства ходом работ на месте Барградский комитет учредил «Строительную комиссию по сооружению в г. Бари храма Святителя Николая и странноприимницы для русских паломников». В 1913 г. во время приема у Великой княгини она поручает комиссии озаботиться сооружением временного приюта и церкви в Бари для паломников, не дожидаясь окончания строительства. 23 декабря 1913 г. временная церковь была освящена во имя св. Николая Чудотворца и с тех пор в ней осуществлялось ежедневное богослужение[31].

Строительство подворья в Бари приближалось к завершению, и Барградский комитет настоял на осмотре проведенных работ пожизненным членом ИППО князем Олегом Константиновичем. Прибыв в Бари 3 июля 1914 г., он подробно изучал состояние дел, давал указания по разным вопросам, среди них: изменение способа отопления всех помещений с печного на пароводяное и смена глухой каменной ограды подворья на легкую железную решетку, которая позволила бы лучше видеть храм со стороны улицы. В течение двух дней князь Олег осматривал постройку, а затем созвал заседание Строительной комиссии. Покидая Бари 15 июля, он взял с собой некоторые документы, намереваясь лично доложить о результатах своей ревизии великой княгине Елизавете Федоровне[32]. До начала Первой мировой войны оставалось 4 дня. Жить ему оставалось несколько месяцев. 27 сентября 1914 г. князь Олег был смертельно ранен в бою в Галиции и два дня спустя скончался.

Члены строительной комиссии были озабочены оказанием помощи русским, в спешке покидавшим Европу из-за начала военных действий. Тем не менее, строительство продолжалось. После вступления Италии в войну против Австро-Венгрии в мае 1915 года Барградский комитет распорядился предоставить помещения странноприимного до-

[30] Дмитриевский 1915. С. 34-36.
[31] «Наш долг служить и сеять…». С. 291-192. В 1921 г., после освящения нижнего храма подворья во имя св. Спиридона Тримифунтского, временная церковь была разобрана.
[32] Лисовой 2006. С. 299-300.

ма итальянскому Красному Кресту под лазарет для раненых воинов, хотя внутренние работы еще не были закончены[33]. Оставалось осуществить отделку и художественное оформление интерьеров.

В издании Барградского комитета 1915 г. указано: «стены парадных покоев, приемной, трапезных, передней и внутренних переходов, а также на лестницах предположительно покрыть теремной росписью, наиболее отвечающей древнерусскому виду всего здания». Тогда же ИППО обратилось к Щусеву с просьбой составить проект меблировки ризницы, в связи с идеей организовать при подворье музей русской художественной старины и «использовать сооружаемые по древнерусским образцам барийские здания для ознакомления дружественного нам итальянского народа и посещающих Италию иностранцев»[34].

К началу 1916 г. сформировалась концепция росписей храма Святителя Николая в Бари. В качестве прообраза были выбраны фрески Дионисия из Ферапонтова монастыря (проба стилизации под них в Николо-Александровском храме Петербурга оказалась удачной). Для исполнения утверждены художники В.А. Плотников и В.С. Щербаков[35].

Для создания цветового акцента паломнического ансамбля важно было найти подходящего живописца. Существуют документы об одобрении Елизаветой Федоровной эскизов Н.К. Рериха к некой иконе святителя Николая, которые могли относиться к рассматриваемой теме[36].

Привлекала эта работа и К.С. Петрова-Водкина, который уже несколько раз сотрудничал с архитектором. Выявлена акварель Петрова-Водкина «Михаил Архангел» для крыльца церкви. Меч архангела опущен, легкий разворот фигуры в сторону ступеней как бы приглашает взойти. За его спиной древний город на морском берегу – условное изображение Бари. В левой руке он держит православный храм, тем самым снова вводится символическая взаимосвязь с образом Николы Можайского, который, подобно Михаилу Архангелу, охраняющему вход, стоит на страже подворья.Параллельно с работами Петрова-Водкина для росписей в Бари рассматривались предложения двух молодых художников – А.В. Яковлева и В.И. Шухаева.

В конце февраля 1917 г. столица погрузилась в беспорядки, произошел государственный переворот. После отречения от престола Николая II Елизавета Федоровна сочла необходимым отказаться от своего поста, чтобы ни в чем не повредить в сложившейся ситуации дальнейшей деятельности Общества. 9 апреля 1917 г. Совет уже не «императорского» Православного Палестинского Общества принял отставку Великой княгини. Жить ей оставалось немногим более года.

---

[33] Евстратова 2017. С. 111.
[34] Дмитриевский 1915. С. 55, 58-59.
[35] Евстратова 2017. С. 153.
[36] По этому вопросу летом 1914 г. Щусев писал художнику.

Октябрьская революция положила конец исканиям художников. Проект Щусева так и не был полностью завершен. Плотников умер в охваченном мятежом Петрограде; Яковлев и Шухаев вскоре оказались в эмиграции. Та малая часть работы над росписями, которая была выполнена до революции, позволяет понять, что в Бари готовилось не только религиозное, но и громкое художественное событие, задуманное с привлечением крупнейших мастеров того времени[37].

Российские императоры и великие князья внесли огромный вклад в создание Православного Палестинского общества, Русской Палестины на Ближнем Востоке и Барградского храма с подворьем в Италии.

9 мая 1998 г. по соглашению Московской Патриархии с муниципалитетом г. Бари Щусевский храм и часть странноприимного дома (т.н. царские покои) были переданы Русской Православной Церкви.

В 2008 г. был завершен процесс возвращения России всего Барградского подворья.

БИБЛИОГРАФИЯ

АВПРИ, ф. РИППО. Оп. 373/1. Д. 195.
АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 665.
АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д..681.
АВПРИ, ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 682.
Барградский комитет и строительство подворья Императорского Православного Палестинского Общества в г. Бари, Италия//Москва – Святая Земля Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Каталог Международной Юбилейной выставки. М., 2017.
Безобразов П.В. О сношениях России с Палестиной в XIX в. Исторический очерк. 1. Император Александр Патриарх Поликарп//Сообщения ИППО, 1911. Т.XXII, вып. 1.
Дмитриевский А.А. Державные защитники и покровители Святой Земли и Августейшие паломники у Живоносного Гроба// Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества, 1907(а), вып. 3-4.
Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907. Вып. 1. Русские учреждения в Святой Земле до 1889 г. СПб., 1907(б). 380 с.
Дмитриевский А.А., Юшманов В.Д. Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы святителя Николая Мирликийского в Бар-граде. СПб, 1915. 66 с.
Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991. 736 с.
Евстратова М., Колузаков С. «Храм Святителя Николая в Бари. А.В. Щусев». М., 2017.
Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М.: Терра, 1994. 384 с.
Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. 432 с.
Иерусалимское патриаршее в Москве подворье, что у Арбатских ворот // А.Н. М.: тип. Е.И. Погодиной, 1881. 32 с
Колузаков С.В. Казанский вокзал А.В. Щусева. Невоплощенный замысел "Мира искусства"// Третьяковская галерея Приложение к № 2 (55). М.:Фонд «Грани», 2017, 58 с.
Лисовой Н.Н. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме: история и духовное наследие//Богословские труды. Сб. 35. М.: Изд. Моск. Патр., 1999.
Лисовой Н.Н. «Президенты Палестины». Памяти первых председателей ИППО Вел.Кн. Сергия Александровича и Вел. Кн. Прмц. Елизаветы Федоровны. // Православный Палестинсикй сборник., 100-й выпуск М., 2003.

[37] Колузаков 2017.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 510 с.

«Наш долг служить и сеять…». Миссионерская деятельность Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Каталог выставок: Великая княгиня Елизавета Федоровна и Святая Земля; Почитание святителя Николая в России и Италии. М.: ДАРЪ; Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество, 2011. 111 с.

Письма преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Сост. Т.В. Коршунова, Е.Н. Понкратова, О.С. Трофимова. М.: Православное Сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2011.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. СПб., 15 сентября 1889 г. № 103. Ст.858.

Указ Императора Александра III от 8 мая 1882 г.: Об утверждении Устава Православного Палестинского Общества, утвержденного на взносы и пожертвования//Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр.3. Т.2. Указы № 855, 857.

Филарет (Дроздов, Василий Михайлович). Письма митрополита московскаго Филарета к А.Н.М(уравьеву). 1832-1867. Киев: в Тип. И. и А. Давиденко, 1869. 2, XII, 692 с

Хохлова Н.А. Андрей Николаевич Муравьев литератор. СПб., 2001. 248 с.

Церковные Ведомости. 1888. № 47.

Щусев А.В. Странноприимный дом и храм во имя св. Николая Мирликийского в гор. Бари в Италии//Зодчий. № 3, СПб., 1914.

Юбилейные торжества Императорского Православного Палестинского Общества в Петергофе и Петербурге//Сообщения ИППО. 1907. Т.18. Вып. 3-4.

Юшманов В.Д. Закладка русского храма во имя Святителя Николая Чудотворца в городе Бари. СПб., 1913. 16 с.

REFERENCES

Bargradskij komitet i stroitel'stvo podvor'ja Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva v g. Bari, Italija//Moskva – Svjataja Zemlja Velikogo Knjazja Sergeja Aleksandrovicha i Velikoj Knjagini Elizavety Fedorovny. Katalog Mezhdunarodnoj Jubilejnoj vystavki. M., 2017.

Bezobrazov P.V. O snoshenijah Rossii s Palestinoj v XIX v. Istoricheskij ocherk. 1. Imperator Aleksandr Patriarh Polikarp // Soobshhenija IPPO, 1911. T.XXII, vyp. 1.

Dmitrievskij A.A. Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshhestvo i ego deja-tel'nost' za istekshuju chetvert' veka. 1882-1907. Vyp. 1. Russkie uchrezhdenija v Svjatoj Zemle do 1889 g. SPb., 1907. 380 s.

Dmitrievskij A.A. Derzhavnye zashhitniki i pokroviteli Svjatoj Zemli i Avgustejshie palomniki u Zhivonosnogo Groba // Soobshhenija Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva, 1907, vyp. 3-4.

Dmitrievskij A.A., Jushmanov V.D. Svjataja Rus' i Italija u mirotochivoj grobnicy svjatitelja Nikolaja Mirlikijskogo v Bar-grade. SPb, 1915. 66 s.

Dnevniki Imperatora Nikolaja II. M.: Orbita, 1991. 736 s.

Evstratova M., Koluzakov S. «Hram Svjatitelja Nikolaja v Bari. A.V. Shhusev». M., 2017.

Perepiska Imperatora Aleksandra II s Velikim Knjazem Konstantinom Nikolaevichem. Dnevnik Velikogo Knjazja Konstantina Nikolaevicha. M.: Terra, 1994. 384 s.

Pod stjagom Rossii. Sbornik arhivnyh dokumentov. M., 1992. 432 s.

Ierusalimskoe patriarshee v Moskve podvor'e, chto u Arbatskih vorot // A.N. M.: tip. E.I. Pogodinoj, 1881. 32 s.

Koluzakov S.V. Kazanskij vokzal A.V. Shhuseva. Nevoploshhennyj zamysel "Mira iskusstva"// Tret'jakovskaja galereja Prilozhenie k № 2 (55). M: Fond «Grani», 2017, 58 s.

Lisovoj N.N. Russkaja Duhovnaja Missija v Ierusalime: istorija i duhovnoe nasledie//Bogoslovskie trudy. Sb. 35. M.: Izd. Mosk. Patr., 1999.

Lisovoj N.N. «Prezidenty Palestiny». Pamjati pervyh predsedatelej IPPO Vel.Kn. Sergija Aleksandrovicha i Vel. Kn. Prmc. Elizavety Fedorovny. // Pravoslavnyj Palestinsikj sbornik., 100-j vypusk M., 2003.

Lisovoj N.N. Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svjatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M.: Indrik, 2006. 510 s.

«Nash dolg sluzhit' i sejat'…». Missionerskaja dejatel'nost' Velikoj knjagini Elisavety Feodorovny. Katalog vystavok: Velikaja knjaginja Elizaveta Fedorovna i Svjataja Zemlja; Pochitanie svjatitelja Nikolaja v Rossii i Italii. M.: DAR##; Elisavetinsko-Sergievskoe prosvetitel'skoe obshhestvo, 2011. 111 s.

Pis'ma prepodobnomuchenicy Velikoj Knjagini Elizavety Fedorovny. Sost. T.V. Korshunova, E.N. Ponkratova, O.S. Trofimova. M.: Pravoslavnoe Sestrichestvo vo imja Prepodobnomuchenicy Elizavety, 2011.

Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvujushhem Senate. SPb., 15 sentjabrja 1889 g. № 103. St.858.

Ukaz Imperatora Aleksandra III ot 8 maja 1882 g.: Ob utverzhdenii Ustava Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva, utverzhdennogo na vznosy i pozhertvovanija//Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr.3. T.2. Ukazy № 855, 857.

Filaret (Drozdov, Vasilij Mihajlovich). Pis'ma mitropolita moskovskago Filareta k A.N.M(urav'evu). 1832-1867. Kiev: v Tip. I. i A. Davidenko, 1869. 2, XII, 692 s

Hohlova N.A. Andrej Nikolaevich Murav'ev literator. SPb., 2001. 248 s.

Cerkovnye Vedomosti. 1888. № 47.

Shhusev A.V. Strannopriimnyj dom i hram vo imja sv. Nikolaja Mirlikijskogo v gor. Bari v Italii//Zodchij. № 3, SPb, 1914.

Jubilejnye torzhestva Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshhestva v Petergofe i Peterburge//Soobshhenija IPPO. 1907. T.18. Vyp. 3-4.

Jushmanov V.D. Zakladka russkogo hrama vo imja Svjatitelja Nikolaja Chudotvorca v gorode Bari. SPb., 1913. 16 s.

***Громова Анна Витальевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, председатель Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество»; a.v.g.15@mail.ru*

The Participation of the Russian Imperial family in the establishment of the Russian Orthodox Church St. Nicholas Metochion in Bari

The article is devoted to the participation of Russian Emperors and Grand Dukes in the establishment of the Imperial Orthodox Palestine Society, the Russian Palestine in the Middle East and the Orthodox Church and Metochion in Bari (Italy). Emperor Nicholas II, Grand Duke Sergiy Aleksandrovich and Grand Duchess Elizaveta Fyodorovna initiated these worthy endeavours and took an active part in their implementation.

Keywords: St. Nicholas, Bari, Russian Imperial Family, Imperial Orthodox Palestine Society

***Anna Gromova**, PhD, Senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Chairman of the Supervisory Committee of the "Elizabeth and Sergiy Educational Society" Foundation, for Support of Mercy and Charity Traditions; a.v.g.15@mail.ru*

А. В. Володько

КНЯЖНА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА ШАХОВСКАЯ – «СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВЕКА», БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТОР РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Статья посвящена необычайно разносторонней личности: поэту, прозаику, эссеисту, журналисту – княжне Зинаиде Алексеевне Шаховской, ее литературной деятельности и неоценимому вкладу в мировую культуру.

***Ключевые слова*:** *Зинаида Алексеевна Шаховская, Русское зарубежье, Франция*

Когда речь заходит о женщинах-литераторах русской эмиграции, сразу вспоминается внушительный список великих имен: Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус, Надежда Тэффи, Нина Берберова, Ирина Одоевцева, трагически погибшая в нацистском концлагере Мать Мария (поэтесса Е. Кузьмина-Караваева)... В том же ряду стоит и Зинаида Алексеевна Шаховская – личность, может быть, не такая известная, но столь же выдающаяся. В ней поражает прежде всего необычайная разносторонность – как Цветаева и Гиппиус, она писала стихи, как Берберова и Одоевцева – романы, как мать Мария – участвовала в Движении Сопротивления. Кроме того, она была журналистом, редактором, литературным критиком, оставила после себя интереснейшие мемуары.

З.А. Шаховская в равной степени принадлежала русской и фрацузской литературе: большая часть ее произведений написана по-французски, под псевдонимом Jacques Croisé (Жак Круазе), а также Зинаида Сарана. Она была членом Общества французских писателей, Пенклуба и Синдиката французских критиков; Офицер ордена Почетного легиона, получила высшую правительственную награду, присуждаемую деятелям литературы и искусства – звание Командора Ордена Искусств и Словесности, награждена золотой медалью Парижа[1]. В этом смысле Зинаиду Алексеевну, пожалуй, можно сравнить только с ее многолетним «другом-недругом» Владимиром Набоковым, получившим известность не только как русский, но и американский писатель. Правда, в отличие от космополита Набокова, она всегда оставалась русской патриоткой и истовой православной верующей. Отчасти противопоставляя себя и свое поколение представителям «третьей волны» эмиграции, З.А. Шаховская не раз подчеркивала, что они были беженцами и покинули Россию не по своей воле.

[1] Арьев 2005. С. 690-691.

Зинаида Алексеевна родилась в Москве 30 августа (12 сентября) 1906 года. По отцу она принадлежала к тульской ветви древнего княжеского рода Шаховских, происходившего от Рюриковичей, а по матери – к потомкам знаменитого архитектора Карло Росси. О дореволюционной России у нее сохранились в основном окрашенные ностальгией воспоминания о счастливом детстве в родительском поместье Матово под Тулой, хотя она и успела в 1916 г. поступить в Екатерининский институт в Петербурге. В своих воспоминаниях она написала: «О том, что представляла собой Россия в эпоху, когда я родилась, мне известно лишь по учебникам истории, документам, статистическим данным, по литературе, мемуарам и рассказам очевидцев»[2].

Обладая незаурядным аналитическим даром, она могла по сведениям «из вторых рук» оценить ситуацию на утраченной родине накануне революционных потрясений: «Перегнать Америку! Для этого России надо было всего лишь избежать войны, революции и четырех десятилетий, ничего, кроме могущества ядерной державы и космических рекордов, не принесших русскому народу в возмещение перенесенных им страданий и миллионов жертв»[3].

Уже в весьма юном возрасте на долю княжны Шаховской выпало немало испытаний: сначала развод родителей, потом революция, арест матери чекистами, бегство из родного дома на Юг, занятый белыми, – сначала в Харьков, затем в Новороссийск, и, наконец, отъезд в Константинополь в 1920 г. Так началась эмигрантская эпопея Зинаиды Шаховской, которую она в своих воспоминаниях охарактеризовала емко и ярко: «Это богатство [наследие русской жизни и культуры – *А.В.*] обратилось для меня в дым, в мираж. Совсем ребенком мне придется с пустыми руками выйти в дальний путь и, странствуя, лишь подбирать колосья в чужих полях»[4].

В Константинополе Зинаида Шаховская училась в американском женском колледже, когда в 1923 г. семья перебралась в Бельгию – продолжила образование Брюсселе, в католическом монастыре Берлеймон, а затем в Париже, в Протестантской школе социального обеспечения. Тогда же Зинаида, через брата Дмитрия[5], издававшего литературный журнал «Благонамеренный», приобщилась к литературной жизни «русского Монпарнаса», став парижским представителем этого журнала.

---

[2] Шаховская 2006. С. 6.

[3] Там же. С. 7.

[4] Там же. С. 8. Отметим, что отец Дмитрия и Зинаиды Шаховских, известный либерал, не захотел покинуть родину, устроился сторожем в собственном бывшем имении, и в 1921 г. трагически погиб, замерзнув насмерть в зимние холода.

[5] Дмитрий Алексеевич Шаховской – весьма значительная фигура Русского зарубежья. Эмигрировав, он стал поэтом и издателем, а затем принял монашеский постриг под именем Иоанн, и закончил свои дни в сане Архиепископа Сан-Францисского.

Там же, в Париже, княжна Шаховская в 1926 г. вышла замуж за графа Святослава Малевского-Малевича – тоже человека весьма незаурядного и разностороннего: достаточно сказать, что он был и физиком (учился у Нильса Бора), и художником, и дипломатом на бельгийской службе. С Малевским-Малевичем они не расставались до самой его смерти в 1973 г. Вскоре после свадьбы молодая семья на полтора года отправилась в Бельгийское Конго, где Малевский-Малевич получил работу в отделении фирмы «Мануконго» (впечатления о пребывании в Африке нашли отражение в рассказе «Одиночество»).

По возвращении в Европу Шаховская полностью отдалась литературному творчеству. В Брюсселе она публикует три сборника стихов: «Двадцать одно» (1927 г., под псевдонимом Зинаида Сарана), «Уход» (1934) и «Дорога» (1935). Ее поэзию высоко оценивали литераторы и критики. Так, Г. Адамович увидел в ее стихах черты «общепарижского поэтического стиля»: «Немного иронии, немного грусти, остановки именно там, где ждешь развития темы: рецепт знаком. Но пользуется им Шаховская с чутьем, находчивостью и вкусом»[6]. Современный исследователь ее творчества А.Ю. Арьев полагает, что «с эстетической точки зрения стихи – самая выразительная часть русскоязычной литературной работы Шаховской». Ее поэзия лишена стилистических изысков Серебряного века: «она ассоциативна в том смысле, что обозначает глубокие чувства, не поддающиеся прямому называнию, хотя и связанные с самыми простыми вещами. Ее девиз – “Храни несказанное слово”– говорит о том, что оно призвано точнее мысли передать пережитое ощущение бытия. Приметы этого бытия – это приметы, не отчуждаемые от русской жизни, какой бы она ни была в самые неустроенные, тревожные периоды исторического существования. Поэтому так просты основные слова-символы, на которые Шаховская опирается в стихах: земля, небо, сердце, крест, ветер, бледный свет зари, ломоть хлеба…»[7].

Живя попеременно в Брюсселе и Париже, она стала активным участником русского Союза молодых писателей и поэтов в Париже, печаталась в эмигрантских «Современных записках», «Русских записках» и других изданиях[8], познакомилась со многими видными литераторами Русского зарубежья. В 1932 г., получив бельгийское гражданство, работала корреспондентом брюссельской газеты «Суар Иллюстре», побывала в Литве, Польше, Эстонии, в т.ч. в Печорах (входивших тогда в состав эстонского государства), где вновь приобщилась к «русской жизни». Позднее она вспоминала, что в Печорах чувствовала себя больше «дома», чем в Москве, где жила с мужем-дипломатом в 1956–1957 гг.

---

[6] Петрова 1997. С. 712.
[7] Арьев 2005. С. 691.
[8] См. Горбунова 2010. № 1. С. 64.

Другим направлением ее деятельности стала литературная критика и переводы стихов – З. Шаховская стремилась познакомить бельгийского читателя с русской литературой, причем как эмигрантской, так и советской[9]. Она всегда считала русскую культуру и словесность единым целым, искусственно разделенным на две части – советскую и эмигрантскую. Это было связано с ее твердым убеждением: нельзя ставить знак равенства между политическим строем и страной, народом. Так, после нападения Германии на СССР З.А. Шаховская, в отличие от многих эмигрантов (включая собственного брата), ошибочно увидевших в гитлеровском вторжении шанс на освобождение России от советского режима, сразу заняла четкую позицию: невзирая на ненавистный коммунистический режим желала победы русскому народу. В ее неизменной любви и сочувствии к русскому народу, кстати, кроется одна из причин ее размолвки с Владимиром Набоковым, с которым Шаховскую связывала близкая дружба. Перед войной, побывав в Берлине у супругов Набоковых, она вспоминала: «Происходившее в Германии раздражало Набоковых вдвойне: во-первых, из-за их неприязни ко всякой диктатуре, а во-вторых, из соображений личных: Вера Набокова была еврейкой. Советский режим они любили не более, чем любили русский народ, – а я, конечно, вставала на защиту последнего: мне было непонятно, как можно в одном случае осуждать расизм, а в другом подобный же расизм исповедовать»[10]. Впрочем, в этих убеждениях у нее был весьма выдающийся единомышленник: прочитав ее книгу «Ma Russie Habillée en URSS» (1958), где описывались впечатления о пребывании в советской столице, Шарль де Голль в письме З. Шаховской написал: «Ваша Россия есть то, что она есть, была тем, чем она была, будет тем, чем она будет. Во что бы ее ни “одевали”, ничто не может переменить ее сущность… очень большого, очень дорогого, очень человечного народа нашей общей земли»[11].

Начало Второй мировой войны застало Шаховскую и Малевского-Малевича в Бельгии. Следуя своим антифашистским убеждениям, они не стали «отсиживаться»: Святослав Святославович поступил добровольцем в бельгийскую армию, а затем вместе с союзными войсками эвакуировался в Англию, где служил в дипломатическом ведомстве бельгийского правительства в изгнании. Зинаида Алексеевна стала сестрой милосердия во французском военном госпитале, а после поражения Франции участвовала в Движении Сопротивления. Лишь в начале 1942 г. она с огромными трудностями сумела перебраться в Лондон, воссоединилась с мужем и работала редактором во Французском информационном

[9] Подробнее см. Coudenys Wim. Глас вопиющей в литературной пустыне…
[10] Шаховская 2006. С. 340.
[11] Петрова 1997. С. 712.

агентстве. В первые послевоенные годы З.А. Шаховская – бельгийский военный корреспондент в Германии и Греции. Именно она поведала западной общественности об ужасах концлагеря Дахау, публиковала репортажи с Нюрнбергского процесса.

Позднее она вернулась к литературной деятельности, но писала теперь в основном на французском языке. В 1949 г. вышел ее первый «французский» роман (под псевдонимом Жак Круазе) «Европа и Валерий» («Europe et Valerius»), удостоенный Премии Парижа. Далее последовал ряд романов, в частности, «От слова – к крови» («La Parole devient Sang», 1955) и «Смертельные игры» («Jeu de Massacres», 1956), навеянные событиями 1950-х гг. в Марокко, где она жила вместе с мужем. Обе книги были высоко оценены французской критикой. Широкую известность во Франции и Англии получили ее исторические произведения: за книги «Повседневная жизнь Москвы в XVII веке» («La vie quotidienne a Moscou au XVII siecle», 1963) и «Повседневная жизнь Петербурга в эпоху романтизма» («La vie quotidienne a St Petersbourg a l'epoque romantique», 1967) она получила премии Французской академии.

К историческим темам она обращалась и на родном языке: это статьи «Веселое имя Пушкина» (1971) и «Трагедия Петра и трагедия России» (1972). Последняя, как отмечает А.Ю. Арьев, весьма важна для понимания ее взгляда на историю. Основной тезис, сформулированный Шаховской, звучит так: «Всякая революция уничтожает ценности – всякая эволюция прибавляет новые ценности к старым». Под этим углом зрения она анализирует деятельность Петра I, отмечая у него недостаток образования, в частности, по сравнению с другим реформатором того времени – его сестрой царевной Софьей. Эта «интеллектуальная неподготовленность» Петра в сочетании с недюжинной энергией толкала его к революционной ломке унаследованного порядка не потому, что тот никуда не годился, а потому, что молодой царь попросту не понимал его сути, направленности его развития[12]. Версия, если и неортодоксальная, то несомненно имеющая право на существование.

К «пушкинской теме» Шаховская возвращается в изящной зарисовке из жанра «альтернативной истории» «Старость Пушкина» (1972), где поэт, выживший после дуэли и избавившийся от некоторых «вольнодумных» иллюзий, готовится к собственному семидесятилетию и рассуждает о свободе, литературе, судьбах России и ее месте в мире.

Помимо литературных трудов, З.А. Шаховская активно занимается общественной деятельностью: в 1960-х гг. была ответственной за культурную программу русского отдела французского радио, а с 1968 по 1978 год была главным редактором газеты «Русская мысль» – одного из самых значительных периодических изданий Русского зарубежья, кото-

[12] Арьев 2005. С. 691.

рое она сумела, по словам историка эмиграции Ивана Толстого, «поднять на новый уровень».[13] З.А. Шаховская отмечала: ««Русская мысль» не хочет быть газетой какой-либо партии. Она предоставляет свою свободную трибуну даже тем, чье мнение редакция не разделяет»[14]. Это понравилось не всем: так, А.И. Солженицын упрекал газету за то, что она предоставила «трибуну» Жоресу Медведеву. Однако, З.А. Шаховская твердо отстаивала право каждого выразить свои убеждения. В конце концов она все же вынуждена была уйти из газеты, «не сработавшись» с представителями «третьей волны» эмиграции в редакции[15]. Но она активно сотрудничает с литературными журналами Бельгии, Франции, США и Швейцарии. Она – член Общества французских писателей, Пен-клуба, Синдиката французских критиков.

Особое место в творческом наследии Зинаиды Алексеевны Шаховской занимают ее воспоминания. Здесь и литературные мемуары «Отражения» (1975) с яркими портретами И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, В.Ф. Ходасевича, Е.И. Замятина, М.И. Цветаевой, А.М. Ремизова, и «В поисках Набокова» (1979) – сочетание личных воспоминаний о писателе с исследованием его творчества. В 1960-х на французском языке вышли четыре тома ее автобиографии «Tel est mon siécle» («Таков мой век», в 2006 г., к 100-летию писательницы мемуары были изданы в России). Помимо интереснейшего рассказа о собственной жизни, эта книга содержит множество метких наблюдений и глубоких суждений об истории России и Европы в XX в., ее основных событиях и тенденциях.

Долгая и яркая жизнь «свидетельницы века», блистательного литератора, княжны Зинаиды Алексеевны Шаховской, сумевшей внести выдающийся вклад в мировую литературу, завершилась 8 июня 2001 г. (похоронена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа). К счастью, она успела увидеть первые публикации своих произведений в России, которую всегда помнила и всегда любила.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арьев А. Ю. Шаховская Зинаида Алексеевна // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: в 3-х т.: Т. 3. М.: ОЛМА ПРЕСС Инвест, 2005. С.689-692.

Бойко С.С. Зинаида Шаховская в «Русской мысли»: позиция редактора в газетной полемике // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика». 2013. N 20 (121). С. 110-116.

Горбунова А.И. Чувство потери Родины у младшего поколения «первой волны» русской эмиграции (мемуары З.А. Шаховской «Свет и тени») // Гуманитарные науки и образование. Саранск: Изд-во Морд. гос. пед. ин-та, 2010, № 1. С. 64-67.

Интервью И. Толстого, посвященное 60-летию газете «Русская мысль», 20 апреля 2007 г. Сайт Радио «Свобода» // URL: https://www.svoboda.org/a/388952.html

[13] См.: Интервью И. Толстого, посвященное 60-летию газеты «Русская мысль»…
[14] Бойко 2013. С. 111.
[15] См.: Медведев 2011. С. 141.

Медведев Ф. Мои великие старухи, СПб, «БХВ-Петербург», 2011. 432 с.
Мы. Женская проза русской эмиграции // Сост., вступ. статья, коммент. О. Демидовой. СПб: РХГИ, 2003. 624 с.
Петрова Т. Шаховская Зинаида Алексеевна // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 711-713.
Шаховская З. К нашим читателям // Русская мысль. 19 сентября 1968. № 2704. С. 1.
Шаховская З. Общность надежды и опасности // Континент. 1974. № 1. С. 287–288.
Шаховская З. По поводу разногласий // Русская мысль. 15 мая 1975. № 3051. С. 6.
Шаховская З. Все о тех же прогулках // Русская мысль. 15 июля 1976. № 3112. С. 9.
Шаховская З. В поисках Набокова. Отражение. М.: Книга. 1991. 320 с.
Шаховская З. Таков мой век. М. «Русский путь», 2006. 627 с.
Coudenys Wim. Глас вопиющей в литературной пустыне: З. А. Шаховская и русская эмиграция в Бельгии // Revue des études slaves, tome 73, fascicule 1, 2001. pp. 151-166.

REFERENCES

Ar'yev A. YU. Shakhovskaya Zinaida Alekseyevna, v kn.: Russkaya literatura KHKH veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: biobibliograficheskiy slovar'. T. 3. M.: OLMA PRESS Invest, 2005. S.689-692.
Boyko S.S. Zinaida Shakhovskaya v «Russkoy mysli»: pozitsiya redaktora v gazetnoy polemike // Vestnik RGGU. 2013. No. 20 (121). Seriya «Filologicheskiye nauki. Literaturovedeniye. Fol'kloristika». M.: RGGU, 2013. S. 110-116.
Gorbunova A.I. Chuvstvo poteri Rodiny u mladshego pokoleniya «pervoy volny» russkoy emigratsii (memuary Z.A. Shakhovskoy «Svet i teni») // Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye. Saransk: Izd-vo Mord.gos.ped.in-ta, 2010, № 1. S.64-67.
Interv'yu I.Tolstogo, posvyashchennoye 60-letiyu gazete «Russkaya mysl'», 20 aprelya 2007 g. Sayt Radio «Svoboda» // URL: https://www.svoboda.org/a/388952.html
Medvedev F. Moi velikiye starukhi, SPb, «BKHV-Peterburg», 2011. 432 s.
My. Zhenskaya proza russkoy emigratsii Sost., vstupit. stat'ya, kommentarii O. Demidova. SPb.: RKHGI, 2003. 624 s.
Petrova T. Shakhovskaya Zinaida Alekseyevna // Russkoye zarubezh'ye. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka. Entsiklopedicheskiy biograficheskiy slovar'. M.: ROSSPEN, 1997. S. 711-713.
Shakhovskaya Z. K nashim chitatelyam // Russkaya mysl'. 19 sentyabrya 1968. № 2704. S. 1.
Shakhovskaya Z. Obshchnost' nadezhdy i opasnosti // Kontinent. 1974. № 1. S. 287–288.
Shakhovskaya Z. Po povodu raznoglasiy // Russkaya mysl'. 15 maya 1975. № 3051. S.6.
Shakhovskaya Z. Vse o tekh zhe progulkakh // Russkaya mysl'. 15 iyulya 1976. № 3112. S. 9.
Shakhovskaya Z. V poiskakh Nabokova. Otrazheniye. M.: Kniga, 1991. 320 s.
Shakhovskaya Z. Takov moy vek. M. «Russkiy put'», 2006. 627 s.
Coudenys Wim. Glas vopiyushchey v literaturnoy pustyne: 3. A. Shakhovskaya i russkaya emigratsiya v Bel'gii // Revue des études slaves, tome 73, fascicule 1, 2001. pp. 151-166.

Володько Анна Вячеславовна, *научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; avolodko@inbox.ru*

Princess Zinaida Shakhovskaya - a "witness of the century" and a brilliant Russian emigre writer

The article is devoted to the life of Princess Zinaida A. Shakhovskaya, a person of many talents – she was a poet, novelist, essayist and journalist – to her creative work, and her invaluable contribution to the global culture.

Keywords: Zinaida A. Shakhovskaya, Russian immigrant community, Russia, France

Anna Volodko, *researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: avolodko@inbox.ru*

К. К. Васильев

СТАРАЯ РУССКАЯ ПРОФЕССУРА В ЭМИГРАЦИИ А.И. ИГНАТОВСКИЙ (1875-1955)

Впервые вводятся в научный оборот архивные источники, позволяющие восполнить ряд пробелов в биографии профессора-терапевта А.И. Игнатовского, научная деятельность которого связана с Петербургской военно-медицинской академией (1899–1908), а также с университетами: Новороссийским (Одесса; 1908–1911), Варшавским (1911–1917), Донским (Ростов-на-Дону; 1917–1920), а после политической эмиграции с университетами в Белграде (1922–1941, 1944–1946) и Скопье (1947–1955).

Ключевые слова: *А.И. Игнатовский, история медицины, терапия, Россия, Югославия*

Захват власти большевиками, гражданская война, победа в этой войне «красных» привели к массовой эмиграции. Российские беженцы этой первой волны сформировали «общество в изгнании». Можно считать, что время существования «России за рубежом» – период с 1919 по 1939 г., а особенностью этой эмиграции было то, что значительную долю в ней составляли люди с высшим образованием, и поэтому не случайно она вошла в историю как «культурная эмиграция».

Одним из центров российской эмиграции стало Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. – Королевство Югославия)[1]. В КСХС, широко раскрывшем двери свои для политических эмигрантов из России, врачи и ученые-медики имели возможность применить свои обширные знания. В этих специальностях нуждалось это славянское государство. Ученые-медики и врачи делали все для культурного роста принявшей их страны, а многие из них были с большим опытом как научной, так и практической работы. По нашим расчетам, в КСХС оказалось более 200 врачей и 13 профессоров-медиков.

Среди последних был профессор-терапевт Александр Иосифович Игнатовский. О нем мы находим сведения в ряде биографических словарей, увидевших свет в Сербии[2], России[3], на Украине[4]. Однако на сегодняшний день нет обстоятельного исследования его жизни и деятельности, что понятно, так как в советский период не было принято писать о «белой эмиграции». Данная работа является первой попыткой восполнить некоторые существующие пробелы, хотя, безусловно, формат статьи не позволяет досконально исследовать процесс формирования его

[1] Раев 1994. С. 17, 34-35.
[2] Литвињенко 2007. С. 126-127.
[3] Российское… 2011. С. 301.
[4] Професора… 2016. С. 119-120.

как ученого-медика в России и детально проследить его судьбу в эмиграции. При этом мы будем опираться как на опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот архивные источники. Среди них стоит выделить автобиографию проф. Игнатовского, материалы его личного архива, привезенные из Сербии; личное дело студенческой поры из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)[5] и дело профессора Новороссийского университета, которое хранится в Государственном архиве Одесской области (ГА ОО)[6].

Родился Александр Игнатовский в Смоленске в небогатой семье дворянина, католика, отставного коллежского регистратора (низший гражданский чин в «Табели о рангах») Иосифа Иосифовича Игнатовского и Марии Ивановны, урожденной Вансович, дочери губернского секретаря (гражданский чин XII класса), православной. В его метрике в качестве дня рождения обозначено 4 марта 1875 г. (16 марта по новому стилю). Между тем в югославской его автобиографии указана другая дата – 18 марта[7]. Мы не раз сталкивались с ошибками при переводе дат с юлианского стиля на григорианский. Видимо, и здесь дело обстоит таким образом. Крестили младенца в православной Покровской церкви г. Смоленска. Отметим, что иногда проф. Игнатовский давал свое отчество в русской народной форме, т.е. не «Иосифович», а «Осипович».

В 1885 г. Саша Игнатовский поступил в Новгородскую гимназию, где в 1894 г. получил аттестат зрелости. В том же году он подал прошение о зачислении его в Императорскую Военно-медицинскую академию (ИВМА) в Петербурге. Если в начале XIX в. типичным было то, что высшее медицинское образование шли получать дети священнослужителей, а дворянство не считало для себя престижным карьеру врача, то в конце этого века среди-студентов медиков мы видим много дворян.

В ту эпоху в ИВМА был пятилетний срок обучения и, таким образом, А. Игнатовский учился в Академии в 1894–1899 гг. Трудолюбие и талант, проявленные во время учебы, позволило ему окончить вуз со званием «лекаря с отличием». Затем он по конкурсу был оставлен в alma mater для усовершенствования на три года по кафедре врачебной диагностики и общей терапии, которой руководил ученик С.П. Боткина проф. Михаил Владимирович Яновский (1854–1927). Под руководством последнего Александр Иосифович выполнил докторскую диссертацию «К вопросу о влиянии на тепловой обмен водяных ванн и душей различной температуры у здоровых и лихорадочных».

Согласно существовавшей в то время практике после этого Игнатовский получил командировку за границу с научной целью на два года

[5] РГВИА. Ф. 316. Оп. 65. Д. 1268. Л. 1-25.
[6] ГА ОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1302. Л. 1-62.
[7] Игњатовски. Архив автора.

(январь 1903 г. – декабрь 1904 г.) По возвращении он был зачислен в группу врачей, положенных к оставлению при клиническом госпитале и избран приват-доцентом Академии. На летние месяцы следующего года он вновь отправляется в заграничную командировку, а вернувшись, назначается ассистентом на кафедру своего учителя проф. Яновского.

В петербургский период Игнатовский женился на дочери потомственного дворянина Анастасии Николаевне Ковалевой, православной, детей в семье не было, как, впрочем, у профессора и во втором браке.

В 1908 г. А.И. Игнатовский Высочайшим приказом был переведен на службу в Министерство народного просвещения и назначен экстраординарным профессором в Императорский Новороссийский университет (ИНУ) по кафедре частной патологии и терапии. (Такие назначения оформлялись именно таким образом – за подписью Императора). Но в 1911 г., мы застаем его уже на кафедре факультетской терапевтической клиники в Императорском Варшавском университете. С 1912 г. он ординарный профессор по той же кафедре. Проф. Игнатовский не упускал возможность пройти усовершенствование и в 1913 г. получил очередную заграничную командировку, чтобы поработать в Париже, в Пастеровском институте у проф. И.И. Мечникова.

В 1914 г. завершился мирный этап карьеры ученого и медика. С началом войны долг позвал его на фронт. Он стал консультантом Красного Креста на Западном фронте, где принимал участие в борьбе с инфекционными болезнями. После Февральской революции по вызову военного министра А.И. Гучкова некоторое время занимал должность помощника Главного военно-санитарного инспектора в Петрограде.

После прихода к власти в октябре большевиков, он покинул столицу – вернулся в Варшавский университет, который во время войны был эвакуирован в Ростов-на-Дону и функционировал как Донской университет. Здесь он вновь занял свою кафедру и был избран председателем Донского (бывшего Варшавского) медицинского общества.

Гражданская война огненной колесницей прокатилась по стране, не дав возможности никому, даже представителям самых мирных профессий остаться в стороне. А.И. Игнатовский с семьей разделил испытания, которые обрушились на противников большевиков. Сначала был вынужден вместе с военным госпиталем перебраться из Ростова-на-Дону в Новороссийск, затем в конце 1920 г. с армией Врангеля эвакуироваться из Крыма, пройти скорбный путь русского беженца: Константинополь, Салоники, Сербию. Так он оказался в КСХС, где быстро нашел работу по специальности, став внештатным бактериологом в лаборатории Главного военного госпиталя в Белграде.

Медицинская профессура делилась на две группы: теоретики и клиницисты. За рубежом они оказались в разном положении. Клинические кафедры (терапия, хирургия, педиатрия, офтальмология и т.д.) в

Болгарии, КСХС, в новообразованных странах-лимитрофах в основном занимали местные уроженцы – опытные практические врачи, имевшие ученые степени. Однако граждане этих стран не стремились отказываться от приносившей доходы лечебной практики в пользу чистой науки. Вследствие этого здесь не было ученых анатомов, физиологов, гистологов, фармакологов, патофизиологов и т.д. Поэтому российские профессора-теоретики были более востребованы в сравнении с их коллегами клиницистами, которых местные кадры воспринимали как конкурентов; они имели больше шансов продолжить научную карьеру в эмиграции.

Вместе с тем, в балканских странах были сильны русофильские настроения. Судьба А.И. Игнатовского является тому подтверждением. В 1922 г. его избрали ординарным профессором только что созданной Первой «интерной» клиники медицинского факультета Белградского университета. Первый год работы был посвящен организации клиники. Осенью 1923 г. началось преподавание специальной патологии и терапии. Проф. Игнатовский стал первым заведующим этой клиники и возглавлял её двадцать лет. Это было в полном смысле его детище, организованное по образцу аналогичного заведения Варшавского университета. В этом медицинском учреждении был устроен противотуберкулезный диспансер, где профессор бесплатно осматривал бедных детей и студентов, в том числе русских эмигрантов. Им было организовано общество для сбора добровольных пожертвований для больных туберкулезом («Белая ромашка»). Клиника стала одной из лучших в стране, что является, безусловно, заслугой А.И. Игнатовского. В 1929 г. она была переведена в специально выстроенное для нее здание.

Профессор активно участвовал в общественной жизни русской колонии. В качестве товарища председателя он вел большую работу в созданном в начале 1920-х гг. в Белграде Русско-сербском медицинском обществе. Основной задачей объединения была охрана профессиональных интересов российского медицинского сообщества. Много внимания приходилось уделять вопросам подтверждения медицинского образования – в ужасе массовых эвакуаций многие беженцы остались вообще без каких-либо документов на руках. До 1922 г. было выдано 180 удостоверений, подтверждавших статус соискателей. Общество много сделало для того, чтобы врачи-беженцы в 1924 г. приобрели право частной практики в КСХС. До этого они могли работать только в государственных медицинских учреждениях, а разрешение на частную практику выдавалось в виде исключения и на один год, по истечении которого его приходилось возобновлять, что было совсем не просто. Н.М. Зернов вспоминал: «Труднее всего было положение нашего отца (доктора М.С. Зернова – *К.В.*). <…> Перед началом сезона начинались у нас волнения. Обычно моя старшая сестра брала на себя хождения по мытарствам. Приходилось искать доступа к влиятельным людям, просить их помо-

щи, объяснять безвыходность нашего положения. Несколько раз ей удавалось чудом добиться в последний момент отмены рокового для нас запрещения практики. Но эти хлопоты имели и свою положительную сторону, благодаря им нам удалось встретиться с великодушными людьми, готовыми оказать помощь бесправным беженцам, которые, кроме искренней благодарности, не могли ничем заплатить за эту поддержку»[8].

Общество вело большую научную работу. В начале 1920-х с периодичностью около двух раз в месяц проводились заседания, на которых обсуждались актуальные научные медицинские вопросы. Организацией их занимался А.И. Игнатовский. Эти встречи посещало значительное число, как русских, так и сербских врачей. Звучали доклады и на русском, и на сербском языках. Уже за первый сезон, с осени 1920 г. по весну 1921 г., было проведено 9 научных заседаний. На одном из них свой доклад «Случай Parathyphi A с локализацией процесса в плевре в форме экссудативного плеврита» представил публике проф. Игнатовский. В следующем – 1921/22 г. – он сделал сообщение: «Впечатления от 34-го Немецкого конгресса по внутренней медицине в Висбадене». Он же поместил отчеты о научных заседаниях Общества в русскоязычном берлинском журнале «Врачебное обозрение»[9].

О масштабах и значимости работы Общества можно судить по тому, что уже в 1922 г. в нем состояло свыше 120 членов. Со второй половины 1920-х гг. оно стало пополняться выходцами из России, получившими медицинское образование в Югославии.

Жизнь вошла в новое русло, казалось, устоялась. В приютившей его стране профессор добился признания. В Белграде А.И. Игнатовский вырастил несколько поколений сербских врачей, создал свою научную школу. Среди его учеников были проф. Радивое Берич, проф. Павле Дрецун, проф. Бранислав Станоевич, проф. Татьяна Шкурина и др. Однако оказалось, что проф. Игнатовский прошел еще не все испытания, предназначенные ему судьбой.

В 1939 г. началась Вторая мировая война и в 1941 г. Югославия была оккупирована Германией. А.И. Игнатовскому было уже 66 лет, отставка, казалось, была закономерна и своевременна – он был уволен на пенсию. Но не в его натуре было находиться на «заслуженном отдыхе», он продолжал работать как консультант в железнодорожной больнице. После освобождения Югославии в 1944 г. и прихода к власти в стране Тито, он вернулся в университет на прежнюю должность (этому не помешало и его прошлое «белого» эмигранта). Ему было уже под семьдесят, но он чувствовал в себе силы и желание работать, а в условиях послевоенной разрухи его знания и опыт были востребованы. Через два

[8] За рубежом… 1973. С. 118.
[9] Игнатовский 1922; 1923.

года – в 1946 г. – когда в стране жизнь более или менее наладилась, он освободил кафедру для представителя нового поколения ученых.

После Второй мировой войны в Скопье (ныне столица Северной Македонии; тогда в составе Югославии) создается медицинский факультет в местном университете. В провинциальном вузе была острая нехватка кадров. Казалось бы, пожилому профессору было сложно сниматься с обжитого места, но он отозвался на призыв молодого рассадника высшего медицинского образования и в 1947 г. возглавил кафедру пропедевтики с клиникой в далеком провинциальном Скопье. С 1948 г. из-за нехватки специалистов, по просьбе медицинского факультета, он стал заведовать одновременно еще и клиникой инфекционных болезней. Труд профессора и его влияние ощущалось не только в двух руководимых им клиниках, но и в факультетском совете и факультетских комиссиях. Он был также председателем секции внутренних болезней местного Медицинского общества врачей. Наконец, в 1952 г. через пять лет после переезда из столицы в Скопье проф. Игнатовский освобождает кафедру пропедевтики с клиникой, но по желанию медицинского факультета продолжал руководить клиникой инфекционных болезней из-за отсутствия профессора-специалиста. В этой должности он проработал до своей смерти. Здесь, в Скопье он создал научную школу и оставил после себя плеяду учеников: проф. Давчев, проф. Миронский, проф. Неделковский, проф. Перчинков и др.

За свою продолжительную научную жизнь профессор А.И. Игнатовский опубликовал около 80 научных трудов. На русском языке увидел свет учебник «Клиническая семиотика и симптоматическая терапия» (1919; 1923 г.). В период с 1929 по 1938 г. этот труд, в доработанном виде (суммарно 1638 стр.) увидел свет в Белграде и стал одним из первых учебников, изданных на сербском языке. Вторая и третья его части были переизданы в 1946 и 1942 гг. соответственно. Кроме того, в 1952 и 1954 гг. в Скопье вышли 1-я и 2-я части учебника «Основи интерне пропедевтике». Третья же часть этого учебника увидела свет в 1963 г., уже после смерти профессора, при участии его сотрудников по медицинским факультетам Белграда и Скопье.

В августе 1955 г. – А.И. Игнатовский поехал на отдых в Есенице (в Словении; тогда в составе Югославии), где 18 августа скончался в возрасте 80 лет. Из Есенице тело было перевезено в Белград и похоронено на русском участке Нового кладбища в семейной могиле, где в 1933 г. была похоронена его первая супруга Анастасия Николаевна.

Итак, жизнь проф. Игнатовского естественно делится на два периода – на родине и в изгнании. На родине он прошел стандартный тогдашний путь человека науки в Российской империи. Будучи зрелым профессионалом, А.И. Игнатовский оказался в Югославии, где его знания и опыт были востребованы в двух новых очагах высшего медицин-

ского образования – в Белграде, а затем в Скопье. Принадлежавший ко второму поколению одной из ведущих отечественных терапевтических школ – Боткинской, он стал в Югославии (Сербии и Северной Македонии) основателем своей научно-терапевтической школы. Тем самым он осуществил перенос традиций российской научно-терапевтической школы С.П. Боткина на Балканы.

Вторая жена профессора А.И. Игнатовского Ирина Александровна (скончалась в 1998 г. в Скопье) писала, что супруг её хотел, чтобы на родине узнали об его работах, и эта статья в какой-то мере является исполнением его желания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Государственный архив Одесской области. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1302.Л. 1-62.
Игнатовски А. Извод «Курикулум вите». (Архив автора).
Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 316. Оп. 65. Д. 1268. Л. 1-25.
За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых). Paris: YMKA-PRESS, 1973. 561 с.
Игнатовский А. Отчет о научных заседаниях Русско-сербского медицинского общества. Врачебное обозрение (Берлин). 1922. № 1. С. 43–44.
Игнатовский А. Отчет о научных заседаниях Русско-сербского медицинского общества за 1921/2 год. Врачебное обозрение (Берлин). 1923. № 3. С. 148–149.
Литвиненко С. Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007. С. 126-127.
Профессора Одесского национального медицинского университета. 1900-2015. Биографический словарь. Одесса, 2016. С. 119-120
Раев М. Россия за рубежом. М., 1994. 296 с.
Российское научное зарубежье. Биобиблиографический справочник. М., 2011. С. 301.

REFERENCES

Za rubezhom. Belgrad-Parizh-Oksford. (Hronika sem'i Zernovyh). P.: YMKA-PRESS, 1973. 561 s.
Ignatovskij A. Otchet o nauchnyh zasedaniyah Russko-serbskogo medicinskogo obshchestva. Vrachebnoe obozrenie (Berlin). 1922. № 1. S. 43–44.
Ignatovskij A. Otchet o nauchnyh zasedaniyah Russko-serbskogo medicinskogo obshchestva za 1921/2 god. Vrachebnoe obozrenie (Berlin). 1923. № 3. S. 148–149.
Litvinenko S. Ruski lekari u Srbiji i Crnoj Gori. Beograd, 2007. S. 126-127.
Professora Odesskogo nacional'nogo medicinskogo universiteta. 1900–2015. Biograficheskij slovar'. Odessa, 2016. S. 119-120.
Raev M. Rossiya za rubezhom. M., 1994. 296 s.
Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e. Biobibliograficheskij spravochnik. M., 2011. S. 301.

***Васильев Константин Константинович**, профессор, доктор медицинских наук, кафедра социальной медицины Одесского национального медицинского университета, Украина: vasylyevkk.odessa@gmail.com*

Old Russian professoriate in emigration: A.I. Ignatovsky (1875-1955)

Recently discovered archival documents allow to fill a number of gaps in the biography of Professor therapeutist Alexander Ignatovsky, whose academic work was connected with the Petersburg Military Medical Academy (1899–1908), as well as with the Universities of Novorossiysk (Odessa; 1908–1911), Warsaw (1911–1917), Donskoy (Rostov-on-Don; 1917–1920), and, during the years of his exile, with the universities in Belgrade (1922–1941, 1944–1946) and Skopje (1947–1955).

Keywords: A.I. Ignatovsky, history of medicine, therapy, Russia, Yugoslavia

***Kostiantyn Vasyliev**, Professor, Doctor of Medical Sciences, Social Medicine Department Odessa National Medicine University; Ukraine: vasylyevkk.odessa@gmail.com*

В. В. Голубинов

РУССКИЙ КОНСУЛ, ОРИЕНТАЛИСТ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛУБИНОВ (1879–1951)[1]

В статье говорится о судьбе русского эмигранта – дипломата, ориенталиста, двоюродного деда автора – Сергея Петровича Голубинова, чья карьера была прервана революцией и гражданской войной на посту российского консула в Исфагане (Персия), освещаются основные вехи его биографии, рассказывается о его службе (до весны 1920 г.), пути в эмиграцию и жизни в Германии и Франции. Статья дополняет материалы конференций «Люди и судьбы Русского Зарубежья» (2015, 2016, 2017), «1917 год в судьбе Русского Зарубежья» (2017) и другие публикации, включая биографию сына С.П. Голубинова – Всеволода (французского писателя Сержа Голона).

***Ключевые слова*:** *Сергей Петрович Голубинов, русская революция, русская эмиграция, история российской дипломатии, Персия, история семьи*

В 1995 г. на кладбище в Нанси многое показалось непривычным: порядок, простор, возможность быстро отыскать нужное захоронение. Прибыв сюда, чтобы посетить могилу двоюродного деда Сергея Петровича Голубинова, я с женой Александрой и несколькими, вновь обретенными после долгого – в 70 лет – перерыва в семейном общении, французскими родственниками (сыном и внуками Сергея Петровича) сбились с дороги. В конторе администрации за пару минут получили план участка с отмеченным маршрутом. Несколько поворотов и мы на месте. Строгий гранитный памятник, у подножья которого покоятся дед, его жена и дочери. Заслуживающая уважения жизнь, достойный памятник. С российской родней судьба распорядилась иначе. Не найти могил родителей Сергея Петровича на Смоленском кладбище (его архив сгорел), брата, погибшего в Дальлаге, сестры, умершей в блокаду Ленинграда и похороненной в братской могиле на Серафимовском кладбище, племянницы Натальи, скончавшейся в детстве в Севастополе во время Гражданской войны. От креста на могиле его первой жены в Тегеране осталось только фото. Эфемерными памятниками им становятся лишь страницы настоящего, далекого от завершения, исследования.

Потомственный дворянин Воронежской губернии, внук штабс-капитана Александра Алексеевича Голубинова (1793–1849), участника 26 сражений Отечественной войны 1812 года, включая Бородино и Битву под Лейпцигом, Сергей Петрович Голубинов родился 24 января (5 февраля) 1879 г. в Вильне в семье Петра Александровича Голубино-

[1] Благодарю за содействие в поисках информации мою семью, потомков С.П. Голубинова, а также: Д. Ванюкова, В. Гениса, Т. Гладкову, В. Дзевановского, Р. Дэвиса (R. Davies), Е. Миронову, А. Плотто, М. Сорокину, Е. Суриц, П. Трибунского, В. Хазана, Д. Шаховского и многих других.

ва (1832–1901), чиновника по особым поручениям при попечителе учебного округа. Мать – Екатерина Викторовна, урождённая Шелепина (1855–1901), дочь священника. Сергей был крещен 18 февраля в Виленской приходской Николаевской церкви, как и его младший брат Евгений (1880–1937), впоследствии ставший военным врачом, и старшая сестра Нина (1878–1942), школьный врач.

Сергей Голубинов обучался в Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге, с 11 лет – пансионер и стипендиат «им. Его Величества». Несмотря на разницу всего в год с младшим братом, Сергей после смерти родителей был его опекуном. В 1897 г. окончил гимназию с серебряной медалью, показав отличное поведение и любознательность по всем предметам, особенно в латинском и греческом, поступил на факультет восточных языков Петербургского университета – с освобождением от платы за обучение и стипендией им. Переяславского. Дополнительно планировал поступить на Учебное отделение восточных языков при Азиатском Департаменте МИД Российской империи или в Петербургский археологический институт. Для этого летом 1900 г., будучи в студенческом отпуске, впервые побывал в Персии, в Гилани, что позволило осенью 1901 г. осуществить намеченное. Известный востоковед и дипломат С.В. Чиркин, несколько лет прослуживший в Персии, а в то время только сверхштатный слушатель Учебного отделения восточных языков, спустя годы вспоминал знакомство с новым однокурсником:

> «Нашими новыми коллегами были В.М. Писарев[2] – университетский – и М.М. Попов[3] – лазаревец, к ним вскоре присоединился и очередной сверхштатный – С.П. Голубинов, одного выпуска с Писаревым по университету. Он попал в слушатели Учебного отделения, <…> съездив в Персию, <…> он осуществил свою поездку на свой счет, использовав для нее три летних месяца. Он проехал до Исфагана[4] и был в самом центре страны, откуда, в виде вещественного доказательства, привез мраморную намогильную плиту, сбытую ему одним из местных поставщиков "старины" в качестве "антика". Возможно, что Голубинов и сам прекрасно знал, что покупает, но несомненно, что этот мраморный документ, хотя и был ему тяжелой обузой в пути, сослужил свою службу для поступления его в Учебное отделение, так как он преподнес его в дар этому учреждению и тем расположил <начальника Учебного отделения восточных языков> И.А. Иванова в свою пользу»[5].

В 1903 г. С.П. Голубинов окончил факультет восточных языков с дипломом 1-й степени (студенческая диссертация – «Тайна единения с богом в подвигах старца Абу-Саида[6]») и Учебное отделение восточных языков МИД. 22 февраля 1903 г. был определен на службу в чине кол-

---

[2] В.М. Писарев – вице-консул в Ардебиле, впоследствии советник Российского посольства в Риме.

[3] М.М. Попов – российский дипломат, выпускник Лазаревского института.

[4] Исфаган (Эсфахан, Исфахан) – город в Иране в 340 км к югу от Тегерана.

[5] Чиркин 2006. С. 45.

[6] Абу Саид Майхани (967–1049) – суфийский мистик, богослов, поэт.

лежского секретаря по ведомству МИД с причислением к Первому Департаменту и 20 мая 1903 г. прибыл к месту служения в Бухару вместе с молодой женой Серафимой Александровной Голубиновой, выпускницей Белостокского института благородных девиц, дочерью генерал-майора Александра Карловича Васильковского (прибл. 1840–1910).

Условия проживания младших чинов русских дипломатов в Бухаре были спартанскими, если не сказать тяжелыми, «антигигиеническими»[7]. Зимой в предоставленной молодой семье небольшой квартире было холодно, летом температура доходила до +30°С. Поблизости – выгребные ямы, открыть окна невозможно. 23 августа того же года у супругов родился первый ребенок из трех – Всеволод (1903–1972). Двое других: Ирина (1905–1973) и Ростислав (1908–1992). В Бухаре Сергей Петрович – драгоман Политического агентства (1903), переводчик при эмире Бухарском, произведен в титулярные советники (1904). Изучил местный диалект, приобрел «солидный служебный опыт», перевел с английского книгу А. Гамильтона «Афганистан» (1908). Получил назначение в Персию, как секретарь генерального консула в Тавризе (1908), затем в Тегеране (1910). В Тавризе, где в 1908 г. началось восстание против власти шаха и куда под предлогом защиты русских и иностранных учреждений и подданных были введены российские войска, Сергей Петрович оказался в центре событий. Революция была подавлена, на грабежи и убийства российских граждан последовали военно-полевые суды и смертные приговоры. Голубинов испытывал «постоянное нервное напряжение, переутомление и упадок сил», поддерживал «свою нервную систему подкожными вспрыскиваниями мышьяка», испросил и получил трехмесячный отпуск ввиду своего «болезненного состояния». По словам генерального консула в Тавризе А.Я. Миллера, тому было «тяжело расставаться с таким прекрасным сотрудником и товарищем». Перед отпуском в июне 1909 г. С.П. Голубинов по делам службы посетил Тифлис и Эривань. Для самозащиты ему был выдан револьвер системы «Браунинг». Побывал в Петербурге, где работал переводчиком при Эмире Бухарском во время визита того в столицу (1910). Был принят в члены Общества русских ориенталистов и опубликовал в годовом отчете Общества доклад «Рост энджуменов[8] в государственной жизни современной Персии» (1910). Был возвращен в Персию, командирован в Макинское ханство, назначен вице-консулом в Баязиде (1910). Управляющий вице-консульством (1910), с 1911 г. – вице-консул, в Урмии. На новом месте жена заболела тифом. По отчету русской больницы в Тегеране за 1911–1916 гг., эпидемия брюшного тифа в этих местах не только «не прекра-

[7] Здесь и далее, где другое не указывается особо, цитируются документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (см. список источников).

[8] Энджумены – местные выборные комитеты в Персии в период Конституционной революции 1905–1911 гг.

щается никогда», но год от года только возрастала. Антисанитарная обстановка, голод, инфляция, множество бездомных давали «хорошую почву для эпидемических заболеваний», все чаще случаи тифа встречались среди приезжих европейцев, включая летальные исходы. Серафима Голубинова скончалась 29 января 1911 года в возрасте 28 лет.

Дипломатическая служба в Персии в начале XX в. – занятие почетное, интересное, но крайне трудное и рискованное, учитывая сложные военно-политические обстоятельства. Тавриз и Урмия – города Южного (в современной топонимике – Иранского) Азербайджана, историко-географической области на северо-западе Персии – в те годы места столкновения многих политических сил. В 1905 г. на территории Южного Азербайджана, с его выгодным стратегическим положением, богатыми природными ресурсами, дорогами, идущими к Черному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану, были размещены подразделения русской армии – для защиты экономических интересов и усиления позиции России. В результате Англо-русской конвенции 1907 г. регион был признан российской сферой влияния, но стал полем борьбы между Россией и Турцией с центральной в этом противостоянии курдской проблемой. «Турки стремятся во что бы то ни стало настроить курдов во вред России и создать в Персии новую смуту для оправдания <своих> новых захватов», – писал в отчете в российскую Миссию с места событий вице-консул Голубинов, считая, что увеличение случаев насилий над местными христианами – армянами и ассирийцами – вызвано подстрекательством со стороны турецких властей. Роль и методы Голубинова в осуществлении на практике и на местности политики Российской империи освещены в книге М.С. Лазарева «Курдский вопрос». Вице-консул старался «всячески поощрять расположенных к <России> курдов в их стремлении к самобытности и в их исторической ненависти к турецкому владычеству». В то же время в Урмии Сергей Петрович – участник и организатор ряда боевых операций и экспедиций, сторонник решительных действий для обеспечения порядка и защиты местных христиан и «мирных жителей от внешних и внутренних грабежей»[9].

О «твердой политике» Голубинова и его «смелых и решительных действиях», о «скорых, умелых и энергичных» распоряжениях по предотвращению «мятежа», ожидавшегося в Урмии, и по аресту его зачинщиков, писал в 1911 г. начальник Урмийской духовной Православной миссии архимандрит Сергий, в миру А.П. Лавров: «вице-консул в Урмии Сергей Петрович Голубинов за свое короткое сравнительно пребывание в Урмии настолько успешно ведет здесь дело, что ни один русский человек, живущий здесь, не сказал до сих пор ни одного ропотного слова о его деятельности»; страна была «спокойствием отчасти обязана

[9] Лазарев М.С. 1972. С. 285.

конвою и энергичному руководительству им г. вице-консула С.П. Голубинова», «наше русское имя стоит теперь высоко – и это не только благодаря присутствию войск, но главным образом благодаря разумной национальной твердой политике Сергея Петровича», чья «деятельность представителя М.И.Д.» была столь «благоплодна». С.П. Голубинов действовал решительно, не избегая опасности для жизни под огнем противника. В 1910 г. в Урмии он, в ответ на серию преступлений на конфессиональной почве, «был командирован в селение Хосров арестовать шайку разбойников. Айсоры-католики, уже убившие тридцать человек, угрожали смертью русским миссионерам…»[10] Один из преследуемых успел сделать несколько выстрелов по отряду казаков во главе с вице-консулом. В декабре 1911 г. решительные действия вице-консула и его ультиматум губернатору Урмии помогли восстановить порядок, возобновить и далее обеспечивать прервавшуюся во время беспорядков связь с городом Хоем и частями Хойского отряда русских, остановили враждебные в отношении русских действия вождей курдов и фидаев, подбивавших местных кочевников разгромить русское консульство. Экстренные меры по защите местных христиан были предприняты Голубиновым в декабре 1911 г. в селении Сир.

15 июня 1913 г., выехав из Урмии, недалеко от с. Гулистан, вице-консул вместе с отрядом из 30-ти казаков 1-го Горско-Моздокского полка под командованием хорунжего А.А. Агоева были обстреляны курдами из нескольких десятков винтовок. Русский конвой ответил огнем. Под его натиском курды, по количеству бойцов пятикратно превосходившие русских, беспорядочно бежали. В июле 1913 г. вместе с отрядами генерал-майора Н.Н. Воропанова, Голубинов участвовал в сражении с курдами для обеспечения защиты христианского населения у с. Сир. Однако совместный проект Воропанова и Голубинова по передаче ассирийцам-несторианам земель, освобожденных от курдского управления, а также вырученных при этом денег в пользу раненых и семей убитых русских солдат вызвал отрицательную реакцию МИД. В ответной телеграмме чиновника для особых поручений при министре иностранных дел В.О. Клемма говорилось: «не в наших интересах выступать по отношению их <курдов> исключительно в роли власти карающей». Клемм писал: «В задачи наши отнюдь не входит ответственность за спокойствие на всей Урмийской равнине, а только защита наших подданных и поддержание коммуникаций». Действия Голубинова вызвали осуждение и выговор со стороны посланника в Персии С.А. Поклевского, ему было приказано быть осторожным, «не уклоняться от защиты только русских интересов», поступать так, чтобы его действия «не навлекли турецкого гнева». Тем не менее Сергей Петрович, поддерживая престиж России в

[10] Стрелянов 2007. С. 27.

регионе, продолжил действия против грабежей христианского населения, по соблюдению безопасности дорог и караванного сообщения, не боясь военных инцидентов, вплоть до прямых столкновений с турецкими войсками. Руководство в Петербурге реагировало негативно: «вся наша деятельность в Урмии как будто направлена на то, чтобы доказать турками и курдам, что мы их не боимся. Этот вызов совершенно безумен… мы должны думать о своем непосредственном деле, а престиж есть уже производная величина, любование на себя со стороны».

Вероятно, из-за повышенной активности в противостоянии турецкой политике С.П. Голубинов был отозван из Урмии, что сам трактовал, как «уступку Императорского правительства турецким настояниям в курдском вопросе». Не берусь судить, на чьей стороне правда, да и была ли она в этом административном конфликте, где за политикой и государственными интересами скрывалась межнациональная драма.

21 октября 1913 г. С.П. Голубинов был назначен консулом в Рио-де-Жанейро (с февраля 1914 г.). На новом месте он оказался вовлечен в пикантную историю, поселив в своей квартире в консульстве сбежавшую в Бразилии от мужа русскую даму с ребенком. Роман закончился скандалом, который завершился для него весьма удачно. После жалобы супруга, направленной в Петербург министру иностранных дел, его вернули на Родину. Он прибыл в Петроград в разгар Первой мировой войны – в 1915 г. Министерство нашло ему применение, соответствующее призванию, интересам, чаяниям, опыту, а главное, духу времени. Теперь его решительность и антитурецкий бэкграунд были востребованы на театре военных действий – в его любимой Персии. Новый чин (коллежский советник) и новое назначение – консул в Исфагане.

Находясь недолгое время в Петрограде, он успел второй раз жениться, в Персию возвратился с супругой Натальей Николаевной Литвиновой (1889–1967), дочерью полковника Н.А. Литвинова (1851–1896). По дороге произошло неприятное происшествие, раскрывающее характер дипломата. Решительный и практичный в служебных делах, Сергей Петрович порой проявлял удивительную наивность в делах житейских. По дороге к месту назначения он взялся исполнить личную просьбу английского посланника в Тегеране Чарльза Марлинга и привезти из петроградской ремонтной мастерской в Персию часы его жены – фирмы «Бушерон», осыпанные бриллиантами. Аккуратно упакованные и уложенные в сундук с другим имуществом, часы были сданы в багаж и кем-то похищены во время транспортировки. Жандармский розыск ни к чему не привел, и Голубинову пришлось компенсировать послу убытки.

Вернувшись в Персию, Голубинов включился в мероприятия по «ликвидации германо-австрийской деятельности в Исфагане». 6 марта 1916 г. город был с боем занят 1-м Запорожским полком русского экспедиционного корпуса генерала от кавалерии Н.Н. Баратова. Возвраще-

ние русского консульства в Исфаган – древнюю столицу Ирана – в сопровождении военного отряда произвело сильное впечатление не только на всю Персию, но и на Афганистан, поставило «бродившие по всему югу германо-австрийские банды в безвыходное положение. Весь германо-австрийский план отпадения Южной Персии рушился в самом зачатке». Был ликвидирован очаг германской агитации, направленной на вовлечение кочевого племени бахтиар в резню против русских и англичан, был арестован бывший немецкий консул, учреждена русская военная полиция, открыт Исфаганский лазарет Красного креста «в любезно предоставленной ему части Английского госпиталя», быстро приобретший популярность у местного населения благодаря тому, что «врач Красного креста доктор Милопулос бесплатно лечил и отпускал лекарства всем обращающимся к его помощи туземцам». В течение нескольких лет вице-консул преследовал «самого дерзкого и упорного» местного разбойника Риза Хана Джузуни, безуспешно пытаясь склонить его к мирному компромиссу с местными властями и консульством. Российские военные вместе с консулом конфисковывали имущество антироссийски настроенных шейхов, громили отряды нелояльных России главарей бахтиар, обеспечивали охрану дорог и телефонных проводов от разбойных нападений, небезуспешно старались создать из Исфагана «надежный очаг нашего <российского> влияния, о который разобьются все происки наших явных врагов и все течения чуждой нам англо-бахтиарской политики». Благодаря этому вскоре «Исфаган имел возможность снабжения всей Персии предметами первой необходимости». С.П. Голубинов был награжден орденами: Бухарскими – Золотой звезды 3-й (1903) и 2-й степени (1910), Французским колониальным – кавалерским крестом Черной звезды (1907), Св. Станислава 3-й степени (1909), Св. Анны 3-й степени (1910), Прусской Короны 3-й степени (1914).

События 1917 года все изменили, разворачиваясь в Персии, как и в России, по нарастающей. С зимы 1916/17 г. над Исфаганом навис призрак голода. Зерно вздорожало вдвое. Консульство боролось со спекулянтами, предпринимало меры против хлебного кризиса, поддерживало твердые цены на хлеб, арестовало главных спекулянтов зерном – фактических создателей искусственного голода – и агитаторов за «священную войну» против Англии и России, противодействовало росту насилия в городе и окрестностях, боролось за прочность российского влияния в Персии, выслеживало германо-турецких агентов, задерживало и высылало из города австрийских и немецких агентов-офицеров, разоблачало слухи, антироссийскую и панисламистскую пропаганду.

Февральская революция в России первоначально была встречена в Персии с энтузиазмом. В апрельском отчете за 1917 год консул Голубинов писал: «Большинство населения усмотрело в этой перемене залог обновления Российской государственной мощи и более справедливого

отношения русской политики к интересам широких слоев населения Персии». В условиях самостийного формирования солдатских комитетов в казачьих полках, прикомандированных к консульству, особо остро встала проблема «сохранения дисциплины и боеспособности исфаганского отряда» русских казаков. Множились затруднения с фуражом и довольствием. Упал курс рубля. При этом консульству удавалось находить силы и средства для продолжения постоянных мероприятий по реставрации старинных персидских зданий в городе со стороны и за счет консульства, например, старинной мечети на главной улице Исфагана и одной из главных персидских достопримечательностей – дворца XVII в. Али-Капу. Эти мероприятия в сочетании с провозглашением Временным правительством «веротерпимости» произвели на местное население весьма выгодное для России впечатление. Консула пригласили посетить мечеть, реставрации которой он столь много способствовал.

Но очень быстро все переменилось в весьма неблагоприятном для консульства направлении. Появилась угроза сахарного и керосинного голода, положение сдвигалось в сторону анархии. Сказывались успехи германофильской пропаганды. В итоге положение России в Исфагане после революции сильно пошатнулось. Летом 1917 г. участились столкновения казаков с отрядами Риза Хана, сопровождавшиеся жертвами со стороны русских. Эпидемия тифа, террористические акты, грабежи домов, полиция начала кооперироваться с грабителями. Консульство пыталось найти сторонников среди персидских демократов, субсидировало две газеты демократического направления. Но город наводнили протурецкие агитаторы, ширились призывы к изгнанию русских из Исфагана. Российские войска покинули город: ставропольский казачий полк выступил в Хамадан. Осенью воцарилась полная анархия. Положение немного выправилось после прибытия дивизиона (две сотни) 9-го сибирского казачьего полка в сентябре 1917 г. Но дороговизна пшеницы, отсутствие фуража и зерна для нужд отряда при консульстве сделали ситуацию взрывоопасной. С первых чисел октября в городе воцарился голод при безучастии городской администрации. На улицах Исфагана – умирающие от голода и трупы. Начался голодный бунт, сопровождаемый разбоем и грабежами. Упала дисциплина и в русских войсках, где события 1917 г. привели к разложению армии не только в метрополии, но и в Персии. Известны свидетельства В.Б. Шкловского, оказавшегося в Урмии в это время в качестве помощника комиссара Временного правительства, о случаях немотивированного насилия и жестокости со стороны российских солдат в отношении курдского населения. Только немногие искренние друзья России высказывали, по словам консула Голубинова, «глубокое огорчение по поводу охватившей наше отечество анархии и уверенность, что настоящее положение вещей не может долго удерживаться и государство Российское не может погибнуть».

Положение русских дипломатов в Персии усложнялось с каждым днем. В период революции и продолжающейся войны посольство и консульства продолжали работать. Сотрудники дипломатических учреждений выполняли свой долг в условиях недостатка и часто просто отсутствия средств. Голубинов в сентябре 1917 г. предупреждал руководство:

«У меня имеется несколько интересных немецких писем, документально устанавливающих факт отправки в Персию немецких "военных экспедиций", для организации вооруженного восстания против наших (и англичан) дипломатических учреждений. Факт этот, разумеется, ни для кого из нас не был тайной, но пока он еще не был подтвержден документально».

После Октябрьской революции посольство в Тегеране отказалось признать большевиков; последовало этому решению и вице-консульство в Исфагане. В этой ситуации консул Голубинов сохранял спокойствие и уверенно придерживался программы действий по борьбе с голодом в городе и по обеспечению безопасности российского консульства. В феврале 1918 г. он писал управляющему Миссией в Тегеране:

«Благодаря тем мерам, которые нами были приняты как в хлебном вопросе для населения, так и в отношении русских войск, симпатия всех слоев населения к нашему Консульству настолько прочны, что никакая персидская революция меня стращить не может и я в этом отношении совершенно спокоен. Конечно, я исключаю из своего оптимизма большевиков, Риза Хана и хулиганов. Но большевики до Исфагана не дойдут, для Ризы Хана имеется казачья бригада, а хулиганы не такая сила, с которой можно было бы серьезно считаться».

Во время гражданской войны российские консульства и посольства работали, подчиняясь министру иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака С.Д. Сазонову. В Персии сложилась особенно сложная ситуация: достигнутый за 10 лет до этого паритет с Англией пошатнулся, новая советская власть начала борьбу за влияние в регионе, аннулировав прежние соглашения, провоцируя национальные силы и планируя экспорт революции. В январе 1919 г. С.П. Голубинов писал:

«Как ни скверно наше материальное положение, но я мечтаю только об одном: досидеть в Исфагане до того счастливого момента, когда у нас появится всеправительство не в Омске, или в Уфе, как теперь, а в Москве или Петрограде. Здесь я, по крайности, со своей громадной семьей (у нас 6 детей) завтракаем и обедаем каждый день, а что бы я делал теперь в России! С ужасом думаю, что будет дальше!».

В Персии выгодоприобретателями от ослабления России и политики большевиков стали англичане. После перемирия с Германией в ноябре 1918 г. исфаганцы понемногу возвращались к мирной жизни, их симпатии склонялись в сторону Великобритании. В ходе переговоров и заключения новых коалиций администрация города арестовала главарей разбойников, включая Риза Хана, его казнили 12 августа 1919 г. на городской площади, а восемь других главарей по распоряжению губернатора Исфагана 5 сентября были «выведены за город и залиты в известь». Освобождение города от налетов разбойных банд привлекло английских, американских и японских предпринимателей. Заброшенные база-

ры возобновили работу. Жизнь возрождалась. Даже открылся персидско-английский клуб, президентом которого стал губернатор города, а двумя вице-президентами – английский и российский консулы. Это были временные улучшения и несбывшиеся надежды. Как сообщал консул Голубинов, в декабре 1919 г. по городу распространились «зловещие слухи о скором появлении большевистских банд в Северной Персии и о невозможности для англичан защищать Персию в виду разложенности самой Англии. Говорят, что в городе находятся уже большевистские агитаторы…». С 20 января 1920 года усилились упорные слухи о взятии большевиками Красноводска (совр. название города – Туркменбашы).

В таких обстоятельствах было принято решение о закрытии консульства. В Государственном архиве РФ сохранилась переписка консула Голубинова в Исфагане с Миссией в Тегеране по финансово-хозяйственным вопросам, связанным с завершением работы и эвакуацией. Обсуждались проблемы продажи дома, распоряжения имуществом (самовары, карты, пишущая машина «Мерседес», мебель, лошади, канцелярские принадлежности и пр.). Ответственным в Исфагане должен был остаться консульский агент, и.о. исфаганского отдела банка И.И. Шубин. Сам Голубинов планировал выехать в Тегеран «не позднее середины марта» 1920 г. и еле успел осуществить задуманное. В апреле азербайджанские и иранские демократы подняли восстание против иранского правительства и поддерживающих его англичан. В мае в Гиляне при поддержке военного десанта советской Каспийской военно-морской флотилии под командованием Ф. Раскольникова власть перешла к повстанцам. 5 июня была провозглашена Гиланская Республика (Советская Республика Гилан) со столицей в Реште, Реввоенсоветом, правительством и армией. Реввоенсовет новой республики телеграфировал наркомвоенмору Советской России Л.Д. Троцкому: «волею трудового народа в Персии образовалась Советская власть, которая начала создавать Красную Персидскую армию на принципах создания Российской Красной армии для уничтожения поработителей персидского народа»[11].

Голубинов с беременной женой и пятью детьми от первого и второго браков (старший сын в 1919 г. уехал в Севастополь) с трудом покинули Тегеран, со многими мытарствами переехали через Кавказ, в Батуми провели две ночи на вокзале, сели на французский пароход компании Paquet, который 9 апреля 1920 года за 6 дней пути доставил их до Константинополя. 12 апреля они пароходом отбыли в Марсель, прибыли во Францию 18 апреля, а затем проследовали в Дижон и Нанси.

---

[11] РГАСПИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 21. Л. 44. Среди красноармейцев был и поэт Велимир Хлебников, приписанный к армии в качестве лектора. Думать о том, что пути поэта и консула могли пересечься, интересно, но непродуктивно; сам Сергей Петрович вряд ли мог сожалеть, что этого не случилось.

Активный, деятельный, решительный, жесткий, личностно ориентированный на действие, никогда не боявшийся, по воспоминаниям его младшего брата, ответить обидчику, вплоть до применения силы, на консульской службе показавший себя как самостоятельный политик, участник военных экспедиций, бесстрашный и безжалостный к врагу, С.П. Голубинов в изгнании, в условиях высокой энтропии, утратив дело всей своей жизни – дипломатическую службу, будучи в расцвете лет, обладая прекрасным образованием, знанием языков, не нашел себя, «потерял задачу». Покинув Персию с деньгами на счету в Лондонском банке и большими надеждами, он и сам разорился, и утратил средства, полученные женой по наследству в Польше: не смог найти работу по специальности, сменить профессию и приспособиться к новой службе (кратковременная работа в банке в Нанси окончилась неудачно).

Сохранилась переписка 1920-х гг. Сергея Петровича с дипломатом и востоковедом В.Ф. Минорским. Голубинов и Минорский – почти ровесники (дни рождения совпадают, но с разницей в 2 года), коллеги (в МИД с 1903 г., на дипломатической службе – в Персии, в эмиграции – во Франции) и корреспонденты. В письмах – описание событий с сентября 1917 (Исфаган) по январь 1922 г. (Нанси). Сергей Петрович пишет о политической обстановке, семье, житейских обстоятельствах, финансовых проблемах, обращается к Владимиру Федоровичу за помощью. Оптимизм сменяется тревогой, отчаянием. В 1919 г. Минорский для него – важнейшее звено, «связывающее остатки великой России с Персией. Вы снабжаете нашу Миссию не только деньгами, но и политическими инструкциями всеправительства»[12]. Весной 1920-го – последняя надежда на помощь в катастрофической ситуации, связанной с кражей всех наличных денег по пути из Тегерана в Константинополе. В конце мая 1920-го Минорский – спаситель, помогший разрешить проблемы с банком: «Без Вас мы погибли бы бесповоротно. Теперь же мы спасены… Никогда не забуду Вашей легкой руки»[13]. Но уже в августе 1921 г. Сергей Петрович сетовал, что «заботы о будущем прямо отравляют жизнь»[14]. В январе 1922-го Минорский – единственный человек, у кого можно попросить совета, как поступать в беженских обстоятельствах. Ответы Минорского не известны, но Голубинов в те дни принял оказавшееся ошибочным решение: «Кто может заработать, тому, конечно, лучше жить в стране с высокой валютой, а кто проживает последнее, тому лучше проживать свои гроши в дешевой Германии, чем в дорогой Франции, или еще более дорогой Англии, Швейцарии и т.д.»[15].

[12] ИВР РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 558. Л. 9.
[13] Там же. Д. 559. Л. 13 об.
[14] Там же. Л. 23.
[15] Там же. Л. 30.

Голубиновы переехали в Германию со всеми своими сбережениями, некоторое время жили в Визенау недалеко от Франкфурта-на-Одере, где потерпели финансовый крах в гиперинфляцию «ревущих двадцатых». Уцелело и опубликовано автором статьи письмо С.П. Голубинова из Германии в Великобританию, к тестю его брата – бывшему управляющему министерством просвещения Российской империи, профессору Николаю Константиновичу Кульчицкому (1856–1925) от 22 Ноября 1924 года: «…Наше положение остается критическим. Если мы не дай Бог не получим на днях денег под закладную, то в пору погибнуть»[16].

Выжить помогли дети, постепенно подраставшие, начинавшие собственный трудовой путь и активно приспосабливавшиеся к эмигрантской жизни. Всего у Сергея Петровича было 8 детей: помимо Всеволода, Ростислава и Ирины (от первого брака), близнецы Вера (1916–1994) и Надежда (1916–1986), Илья (1918–1944), Людмила (1920–2006), Георгий (1922–2017). Всеволод и Ростислав стали геологами, работали в экзотических местах планеты. Всеволод достиг высокого жизненного и профессионального успеха и прославился как французский писатель Серж Голон, соавтор (с женой Анн Голон) серии приключенческих романов про Анжелику – Маркизу Ангелов. Ростислав составил и опубликовал геологические карты ряда районов Французской Западной Африки и работы по геологии Сенегала, Гвинеи и Марокко. Ирина работала стенографисткой, принимала участие во французском Сопротивлении. Илья – горный инженер, работал на серебряном и медном руднике в Ла Плань в Савойских Альпах, лейтенант Французских внутренних сил – армии участников Сопротивления, погиб в бою с нацистами во время подготовки к высадке войск союзников во Франции в 1944 г. Вера, Надежда, Людмила, Георгий стали дантистами.

Сергей Петрович Голубинов умер 9 февраля 1951 года в Нанси.

Революция и последующая гражданская война застали С.П. Голубинова на высшем пике его профессиональной карьеры. Получив свое главное назначение накануне революции – в 1916 г., он все потерял, но нашел возможность выжить и эвакуироваться из охваченного революцией и войной места службы, а затем, оставив свои профессиональные заслуги и достижения в прошлом, реализоваться в семье, сумев вывезти за рубеж, вырастить и воспитать восьмерых детей, давших в итоге большой генеалогический куст внуков и правнуков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 20; Ф. 144. Оп. 488. Д. 4482 (К. 500), 4609, 4716, Оп. 489. Д. 142б, 175б, 529б, 1035б, 1036б; Ф. 147. Оп. 485. Д. 3277; Ф. 194. Оп. 528/2. Д. 10, 11, 17, 56, 148; Ф. 289. Оп. 570/1. Д. 414. Оп. 570/2. Д. 1113, 1380; Ф. 291. Оп. 614. Д. 54, 1041; Ф. 293. Оп. 571. Д. 6, 12, 19.

Государственный архив Воронежской области. Ф. 29. Оп. 126. Д. 61.

[16] Leeds Russian Archive. 1365/5. P. 2.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4465; Ф. Р4738. Оп. 1. Д. 74, Оп. 2. Д. 161, 162а.
Домашний архив семьи Голубиновых.
Институт восточных рукописей РАН, СПб. Архив востоковедов. Ф. 134. Оп. 3. Д. 558, 559.
Российский государственный исторический архив (СПб). Ф. 796. Оп. 436. Д. 1796.
Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 465. К. 12. Д. 95.
Центральный государственный исторический архив (СПб). Ф. 268. Оп. 1. Д. 2953; Ф. 14 Оп. 3. Д. 34224. Оп. 8. Д. 497.
Leeds Russian Archive. Leeds University Library (Leeds, Great Britain). Kul'chitskii Family Collection. LRA/MS 1365/5.
Гамильтон А. Афганистан / Пер. с англ. С.П. Голубинова. СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 334 с.
Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая мысль, 2003. 416 с.
Голубинов В.В. Благородство имени и судьбы: Евгений Петрович Голубинов (1880–1937) // Вестник морского врача. Севастополь. 2008. № 5. С. 190–194.
Голубинов В.В. Военный врач на холме беззакония: (Материалы к биографии Евгения Петровича Голубинова (1880–1937)) // Вестник морского врача. Севастополь, 2010. № 10. С. 178–190.
Голубинов В.В. «Никогда не забуду Вашей легкой руки». Коллега и корреспондент В.Ф. Минорского – Сергей Петрович Голубинов (1879–1951) // Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966). СПб.: ИВР РАН, 2013. С. 51–54.
Голубинов В.В. «Все знакомые попадали к нам на Адмиральскую» (Война, революция и эмиграция в домашней истории) // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. Составитель И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 465–482.
Голубинов В.В. «Наше положение остается критическим» С.П. Голубинов и Н.К. Кульчицкий: двойной портрет на фоне переписки // 1917 год в истории и судьбе российского зарубежья. Составитель М.Ю. Сорокина. М.: Вифсаида; Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 417–428.
Голубинов В.В. «Прием в гражданство СССР считаем нецелесообразным» – Материалы к биографии Сержа Голона – Всеволода Голубинова (1903–1972) // Люди и судьбы Русского Зарубежья. Вып. 4. Под ред. А.Б. Ефимова и Е.М. Мироновой / М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 109–140.
Голубинов В.В. Накануне успеха. Злоключения соавтора «Анжелики» Серж Голон между Конго и Советским Союзом // Connaisseur. Прага, 2018. Вып. 1. С. 190–205.
Голубинов С.П. Роль энджуменов в государственной жизни современной Персии. СПб.: б. и., 1910. 7 с.
Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте. М.: Вече, 2007. 448 с.
Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. Пер. с англ. Е.А. Верховской, Н.И. Лисовой. М.: Центрполиграф, 2004. 544 с.
Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.
Миронова Е.М. От Певческого моста до улицы Гренель. 1917–1918. М.: ИВИ РАН, 2013. 253 с.
Стрелянов П.Н. (Калабухов) Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. 442 с.
Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М.: Русский путь, 2006. 368 с.
Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. 352 с.
Широкорад А.Б. Персия – Иран. Империя на Востоке. М.: Вече, 2010. 384 с.
Шкловский В.Б. Северная Персия и наши войска // Новая жизнь. Пг., 1918. 24 февраля (9 марта). № 38. С. 3.
Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие. М.: Новости. 1990. 390 с.
Qasimov M. Russian policy in South Azerbaijan during First World War // Journal of Azerbaijani Studies. 2000. Vol. 3. No 2. P. 48–52.

REFERENCES

Gamil'ton, A. Afganistan / Per. s angl. S.P. Golubinova. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1908. 334 s.
Genis V.L. Vice-konsul Vvedenskij. Sluzhba v Persii i Buharskom hanstve (1906-1920 gg.). Rossijskaya diplomatiya v sud'bah. M.: Social'no-politicheskaya MYSL', 2003. 416 s.
Golubinov V.V. Blagorodstvo imeni i sud'by: Evgenij Petrovich Golubinov (1880–1937) // Vestnik morskogo vracha. Sevastopol'. 2008. № 5. S. 190–194.
Golubinov V.V. Voennyj vrach na holme bezzakoniya: (Materialy k biografii Evgeniya Petrovicha Golubinova (1880–1937)) // Vestnik morskogo vracha. Sevastopol', 2010. № 10. S. 178–190.
Golubinov V.V. «Nikogda ne zabudu Vashej legkoj ruki». Kollega i korrespondent V.F. Minorskogo – Sergej Petrovich Golubinov (1879–1951) // Chteniya pamyati V.F. Minorskogo (1877–1966). SPb.: IVR RAN, 2013. S. 51–54.
Golubinov V.V. «Vse znakomye popadali k nam na Admiral'skuyu» (Vojna, revolyuciya i emigraciya v domashnej istorii) // Metropoliya i diaspora: dve vetvi russkoj kul'tury. Sostavitel' I.Yu. Belyakova. M.: Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2015. S. 465–482.
Golubinov V.V. «Nashe polozhenie ostaetsya kriticheskim» S.P. Golubinov i N.K. Kul'chickij: dvojnoj portret na fone perepiski // 1917 god v istorii i sud'be rossijskogo zarubezh'ya. Sostavitel' M.Yu. Sorokina. M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna, 2017. S. 417–428.
Golubinov V.V. «Priem v grazhdanstvo SSSR schitaem necelesoobraznym» – Materialy k biografii Serzha Golona – Vsevoloda Golubinova (1903–1972) // Lyudi i sud'by Russkogo Zarubezh'ya. Vyp. 4. Pod red. A.B. Efimova, E.M. Mironovoj / M.: IVI RAN, 2017. S. 109–140.
Golubinov V.V. Nakanune uspekha. Zloklyucheniya soavtora «Anzheliki» Serzh Golon mezhdu Kongo i Sovetskim Soyuzom // Connaisseur. Praga, 2018. Vyp. 1. S. 190–205.
Golubinov S.P. Rol' endzhumenov v gosudarstvennoj zhizni sovremennoj Persii. SPb., 1910. 7 s.
Emel'yanov A.G. Kazaki na persidskom fronte. M.: Veche, 2007. 448 s.
Kazem-Zade F. Bor'ba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii. Per. s angl. E.A. Verhovskoj, N.I. Lisovoj. M.: Centrpoligraf, 2004. 544 s.
Lazarev M.S. Kurdskij vopros (1891–1917). M.: Nauka, 1972. 472 s.
Mironova E.M. Ot Pevcheskogo mosta do ulicy Grenel'. 1917–1918. M.: IVI RAN, 2013. 253 s.
Strelyanov P.N. (Kalabuhov) Kazaki v Persii. 1909–1918 gg. M.: Centrpoligraf, 2007. 442 s.
Chirkin S.V. Dvadcat' let sluzhby na Vostoke: Zapiski carskogo diplomata. M.: Russkij put', 2006. 368 s.
Shishov A.V. Persidskij front (1909–1918). Nezasluzhenno zabytye pobedy. M.: Veche, 2010.
Shirokorad A.B, Persiya – Iran. Imperiya na Vostoke. M.: Veche, 2010. 384 s.
Shklovskij V.B. Severnaya Persiya i nashi vojska // Novaya zhizn'. Pg., 1918. 24 fevralya (9 marta). № 38. S. 3.
Shklovskij V.B. Sentimental'noe puteshestvie. M.: Novosti. 1990. 390 s.
Qasimov M. Russian policy in South Azerbaijan during First World War // Journal of Azerbaijani Studies. 2000. Vol. 3. No 2. P. 48–52.

Голубинов Виктор Владимирович, *независимый исследователь, Москва; viktorgolubinov@gmail.com*

Russian consul, orientalist Sergei P. Goloubinow (1879–1951)

The article discusses a fate of a Russian émigré – a diplomat, an orientalist, a great-uncle of the author, Sergei Petrovich Goloubinow, whose career as Russian consul in Isfahan (Persia) was interrupted by revolution and civil war. Main milestones in his biography are highlighted. The author traces Sergei Goloubinow's service (until the spring of 1920), his path to emigration, and life in France and Germany. The article supplements the materials of conferences "People and destinies of the Russian Emigration" (2015, 2016, 2017, 2018) and "1917 and the fate of the Russian Emigration" (2017), including the biography of S.P. Goloubinow's son – Vsevolod Goloubinoff (French writer Serge Golon).

Keywords: Sergey P. Goloubinow, Goloubinoff, Russian revolution, Russian emigration, history of Russian diplomacy, Persia, home history

Victor Goloubinov, *independent researcher, Moscow; viktorgolubinov@gmail.com*

В. Ю. Волошина, В. П. Корзун

Е. Ф. МАКСИМОВИЧ – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ "ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ" ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ[1]

В статье на примере судьбы и творчества Е.Ф. Максимовича поставлена проблема факторов успеха и неуспеха профессиональной карьеры представителей "второго поколения" историков русского зарубежья. Авторы пришли к выводу, что условия и образ жизни сказались на стиле научного творчества и отметили дрейф от научного к публицистическому. Эти обстоятельства во многом задавали горизонты видения исторической науки в метрополии, она воспринималась как раздражающее «чужое». Статья написана с использованием материалов отечественных и пражских архивов, а также научных публикаций и эмигрантской периодической печати.

Ключевые слова: *историческая наука русского зарубежья, поколения историков-эмигрантов, советская историческая наука, научное сообщество*

В 1920-е гг. за рубежом оказалась значительная часть российской академической и вузовской профессуры, в т.ч. несколько сотен историков. В монографии В.Т. Пашуто приводятся данные о более 200 ученых[2], по подсчетам Ю.Н. Емельянова их было 359[3].

По-разному сложились их судьбы. В отличие от других категорий эмигрантов профессура имела более высокий адаптационный потенциал (знание европейских языков, высокий уровень образования и квалификации), а интернациональный характер науки и давние связи с научными центрами облегчали мучительный процесс социально-психологической адаптации. Вместе с тем, отсутствие правового статуса, национально ориентированная кадровая политика стран-реципиентов, недостаточная профессиональная востребованность, недоступность отечественных архивов и библиотек, постоянная нехватка денежных средств, острая жилищная проблема, не позволяли большинству российских историков даже "старшего поколения" в полную силу продолжить научную деятельность[4]. Еще более сложным было положение историков т.н. "младшего поколения", которое порой называют "незамеченным". Последний термин был введен в середине 1950-х писателем-мемуаристом зарубежья В.С. Варшавским. Он применял этот термин к поколению литераторов зарубежья, становление которых проходило в середине 1920 – начале 1940-х гг.[5] С момента появления и до сих пор правомерность тер-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397».
[2] Пашуто 1992. С. 115-190.
[3] Емельянов 2008. С. 9.
[4] Волошина 2013.
[5] Варшавский 2010.

мина "незамеченное поколение" вызывает немало споров[6], поскольку речь идет о коллективном портрете эмигрантской молодежи. Принадлежность к поколению определяется не только общностью возраста, но и ценностными предпочтениями, поведенческими практиками, внешними и индивидуальными условиями самореализации.

Понятие поколений используется и в истории исторической науки, в частности, при анализе науки зарубежья 1920–1930-х гг. Как правило, выделяют первое или "старшее" поколение и второе "молодое", причисляя к последнему тех историков, которые, получив образование в России и, будучи оставленными на кафедрах для приготовления к профессорскому званию, не успели реализоваться на Родине.

Ко второму поколению историков-эмигрантов, занимавшихся русской тематикой, можно отнести Г.В. Вернадского (1887–1973), который хотя и защитил магистерскую диссертацию в октябре 1917 г. и получил кафедру в Пермском университете, все же в ноябре 1920 г. был вынужден покинуть Россию вместе с остатками добровольческих войск; Б.А. Евреинова (1888–1933), С.Г. Пушкарева (1888–1984), А.Ф. Изюмова (1885–1950), М.М. Карповича (1888–1959), В.В. Саханева (1885–1940), М.Т. Флоринского (1894–1981), М.В. Шахматова (1888–1943). Одним из них в эмиграции удалось защитить магистерские диссертации, другим нет, но они оставались в профессии. К их числу относится и герой нашей статьи Евгений Филимонович Максимович (1896–1965).

Скудные биографические данные Е.Ф. Максимовича рассыпаны в исследованиях, посвященных пражским историкам-эмигрантам и научным институциям в Праге[7]. По сути, первой публикацией, специально посвященной ему, можно считать нашу вводную статью к публикации его рукописи «Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский», хранящейся в архиве музея Национальной литературы Праги[8].

Интерес к судьбам и научному наследию историков-эмигрантов "второго поколения" в современной историографии не случаен. Он связан, во-первых, с антропологическим поворотом, характеризующимся интересом к человеческому измерению, в т.ч. в интеллектуальной истории. История науки не может быть сведена лишь к ее вершинам, интеллектуальный ландшафт разнообразен. «Сливки взбиваются из молока». Во-вторых, он связан с актуализацией в современном эмигрантоведении проблем адаптации и социальной истории науки. Важно понять, как происходит становление ученого вне привычных академических рамок в чуждой национальной культуре, чем объясняется успех и неуспех карьерной траектории, какую роль в этом играет «креативность индиви-

[6] Каспэ 2005; Васильева 2008.
[7] Емельянов 2008; Ковалев 2012; Пашуто 1992; Шпаковская 2001.
[8] Волошина, Корзун 2019.

да… давление материальных условий, общественных норм, правил и стереотипов, рутинных поведенческих моделей, шаблонов мышления, груз предрассудков, известных прецедентов, накопленного жизненного опыта и сети межличностных связей, растраченных сил, несбывшихся желаний и надежд»[9]. В какой-то степени эти вопросы могут быть прояснены на примере жизни и творчества Е.Ф. Максимовича, хотя на данном этапе эта работа сопряжена с определенными сложностями. В архиве русской эмиграции в Доме-музее М.И. Цветаевой (Москва) хранится личный фонд Евгения Филимоновича Максимовича, переданный его вдовой Екатериной Александровной в 1990-е гг. В нем находятся документы семейного архива, относящиеся к «пражскому» периоду жизни Е.Ф. Максимовича и А.А. Кизеветтера[10]. К сожалению, до сих пор фонд не разобран и недоступен для исследователей.

Максимович Евгений Филимонович родился в Харькове в семье директора Харьковской мужской гимназии. В 1913 г. он поступает на историко-филологический факультет Харьковского университета[11], который оканчивает в 1917 г., будучи оставленным для приготовления к профессорскому званию. Дальнейшее обучение было прервано из-за начавшейся Гражданской войны[12]. В университете он специализировался по истории России, его студенческое сочинение «Боярская Дума в XVI столетии по изданным Посольским книгам» было отмечено золотой медалью[13]. Его научным руководителем был проф. В.И. Савва[14], читавший в университете курсы «Русской истории до XVIII века», и «Российской историографии». В этом учебном заведении историографическая традиция имела глубокие корни и была представлена такими знаковыми именами как В.П. Бузескул и Д.И. Багалей. Последний читал курс российской историографиии, но Максимовичу уже не довелось его прослушать. Как отмечает в своей монографии харьковская исследовательница Ю. Киселева, с «1909/10 учебного года вместо Д.И. Багалея чтение

---

[9] Репина 2006. С. 19.
[10] Шпаковская 2001. С. 168.
[11] Список студентов Императорского Харьковского университета… С. 135.
[12] T- RZIA-4-1-27; L. 24-25.
[13] Отчет о состоянии и деятельности… С.5-8.
[14] Савва Владимир Иванович (1865 – ок. 1920) воспитанник Нежинского историко-филологического института кн. Безбородько. Окончил его в 1888 г., преподаватель женской гимназии Оболенской в Харькове. С 1895 г приват-доцент по кафедре русской истории в Харьковском университете. С 1900 г преподаватель в Харьковском институте благородных девиц. В 1902 г. защитил магистерскую диссертацию «Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей». В период 1906–1908 гг. работал в Нежине. Затем вернулся в Харьковский университет. С 1912 г. профессор в Харьковском университете. В 1918 г. должен был состояться диспут по защите его докторской диссертации. Расстрелян большевиками.

курса российской историографии в Харьковском университете продолжил преподаватель кафедры русской истории В.И. Савва. Рукописи лекций В. И. Саввы свидетельствуют о том, что и раньше историографические сюжеты входили в содержание его лекций». Читаемый им курс «Российской историографии» состоял из «общей части» (т.е. источниковедческой), которая читалась в первом семестре, и из «специальной части» (во 2-м семестре), в которой рассматривалась «разработка российской истории в XVIII–XIX вв.»[15]. Таким образом, уже на студенческой скамье, Максимович мог получить солидную источниковедческую и историографическую подготовку[16].

Волею исторических судеб путь в науку оказался прерванным. Не приняв большевистскую власть, молодой историк воевал против нее в составе Вооруженных сил юга России, а в 1920 г. вместе с остатками армии Врангеля эвакуировался в Турцию, где оказался в Галлиполийском лагере. Стремясь не допустить морального разложения армии, командование ужесточило дисциплину, регулярно проводило в лагере военные и штабные учения, парады и смотры, организовало работу шести военных училищ, двух офицерских школ и нескольких общеобразовательных курсов. Для проведения последних в Галлиполи был создан «Союз бывших младших преподавателей русских высших учебных заведений», который стал фактически филиалом Русской академической группы в Константинополе. В состав Союза вошел Е.Ф. Максимович. В 1921 г. он прочел слушателям курс «Русская история в период Смуты» (31 час). Одновременно он преподавал историю в русской гимназии, созданной в Галлиполи по инициативе и под патронатом баронессы О.М. Врангель. После объявления Чехословацким правительством «Русской акции» члены Союза, в т.ч. и наш герой, принимали участие в организации набора студентов для обучения в Чехословакии из числа галлиполийцев и проводили для них проверочные испытания[17].

В 1923 г. вместе с набранными студентами он переехал в Чехословакию и после женитьбы (1924) на дочери А.А. Кизеветтера Екатерине Александровне был «обречен» на жизнь в научном сообществе. В 1926–1945 гг. Максимович работал в отделе документов РЗИА, был ученым экспертом архива, хотя не входил в состав его Экспертной комиссии. Преподавал в Русском народном университете в Праге, был членом правления Русского исторического общества (РИО), членом-сотрудником русской академической группы в Праге, входил в состав научно-

[15] Кісельова 2014. С. 152.

[16] В апреле 1930 г. на заседании Русского исторического общества в Праге он произнес речь «Памяти В.И. Саввы (к 10-летию со дня смерти), а в ноябре 1931г. на заседании того же общества прочитал доклад «Академик В.П. Бузескул». (Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции… С. 29, 83.)

[17] Доклад Академической группы в Константинополе… С. 44.

исследовательского объединения при Русском Свободном университете, являлся действительным членом правления Археологического института Н.П. Кондакова, который до 1952 г. входил в состав Славянского института. С 1945 г. до выхода на пенсию работал в Славянской библиотеке, был сотрудником Чешского агентства печати[18]. Увлекался шахматами. Умер в 1965 г. в Праге.

Как видим, биография Е.Ф. Максимовича – это «разорванная биография» того поколения, которое называют потерянным. Используя выражение О. Мандельштама, можно сказать, что он принадлежал к числу людей, которые были выброшены социальной трансформацией из своих биографий «как шары из бильярдных луз»[19]. Академическая карьера не состоялась, хотя, в конечном счете, наш герой оставался в профессии, будучи ее «чернорабочим», работая в перечисленных выше институциях и время от времени пытаясь спрямить свою биографическую траекторию и «прорваться в большую науку». Его университетская исследовательская тема по истории Боярской Думы в XVI в. вряд ли могла быть продолжена в силу оторванности от источниковой базы, хотя известны две статьи историка, вышедшие в эмиграции, в русле его прежних интересов[20]. Очевидно, такая ситуация стимулировала поиск нового проблемного поля, новой точки приложения своих сил, о чем свидетельствуют его доклады на заседаниях различных обществ. Так в РИО в Праге он выступил со следующими докладами: «Международное положение ко времени начала русско-турецкой войны 1877–1978 гг.» (май 1927 г.); «Князь С.Н. Трубецкой в подготовке к восстанию 14 декабря» (30 янв. 1928 г.); «Попытка пересмотра вопроса об опричнине» (28 мая 1931 г.); «О церковно-земском соборе 1549 г. (к вопросу о первом земском соборе)» (14 апреля 1932 г.); «Хронографическая летопись: малоизученный летописный памятник» (21 ноября 1932 г.); «О положении современной русской исторической науки» (18 сентября 1936 г., Археологический институт им. Н.П. Кондакова). Еще два доклада он сделал в Русском Свободном университете: «Историческая наука в СССР: последние сдвиги» (20 ноября 1936 г.) и «Новый официальный учебник истории СССР и русская историческая наука» (23 ноября 1937 г.)[21] Большая часть этих докладов не была связана с его прежними университетскими интересами. Нашли отражение в его творчестве и историографические сюжеты. Они значимы для понимания оценки российского историографического процесса эмигрантским историком, находящимся внутри пражского на-

[18] Емельянов 2008. С. 462.
[19] Мандельштам 1928. С. 56.
[20] Максимович 1930; Он же. 1933.
[21] Записки Русского исторического общества в Праге… С. 188, 189; Историческая наука российской эмиграции… С. 74, 176, 194, 201; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции… С. 385, 387, 448.

учного сообщества, сопричастным деятельности его институций, знакомого с оценками в советской исторической науке представителей как старшего, так и младшего поколений отечественных гуманитариев. Обсуждение русской, а тем паче советской науки, было частью историографического быта русских эмигрантов.

Итак, остановимся на нескольких известных нам историографических работах Е.Ф. Максимовича. В Праге в Литературном архиве Музея национальной литературы (Literarni archive Pamtniku narodniho pisemnictvi), в фонде писателя К.А. Чхеидзе[22] находятся материалы профессора А.А. Кизеветтера и Е.Ф. Максимовича. Там и была нами обнаружена рукопись последнего «М.Н. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский»[23]. Это, скорее всего, доклад или эссе, презентация сохраняющейся в эмиграции дореволюционной культурной научной традиции, в рамках которой важная роль принадлежит интеллектуальным героям, признанным классикам отечественной историографии, каковыми, безусловно, являются указанные интеллектуальные богатыри. Интересны размышления автора о роли историка в формировании исторической памяти общества и национальной культуры в целом. Автором поставлена задача:

> «…уяснить вклад каждого из них в сокровищницу русской культуры, их роль в формировании нашего национального самосознания, в создании живущего в нашей душе образа нашего исторического прошлого. В этом процессе роль больших историков вообще очень велика, но она редко оценивается по достоинству. Мало кто отдает себе отчет в том, что бытующая в обществе на коллективном и индивидуальном уровнях картина исторического прошлого, которая оказывает громадное влияние на общественно политические взгляды является, в сущности, лишь бледным и смутным отражением образа этого прошлого, некогда привидевшегося тому или другому крупному историку. Глубина мысли, богатство использованного материала, и в особенности, художественный и архитектонический талант историка определяют насколько сообщенный им образ оказывается живучим, насколько он запечатлевается не только в сознании современников, но и последующих поколений»[24].

Карамзин, Соловьев, Ключевский позиционируются в тексте Максимовича как представители определенных этапов развития российской науки и культуры, даже типов научного творчества, а не как представители социально-классовых групп, что было характерно для находивших-

---

[22] Чхеидзе Константин Александрович (1897–1974) – писатель, философ, евразиец, лектор Евразийского семинара (с 1924), член Союза русских писателей и журналистов за границей. С 1923 г. жил в ЧСР. В 1945 г. был арестован СМЕРШем, вывезен в СССР и осужден на 10 лет лагерей. В 1955 г. вернулся в ЧСР // Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике… С. 64.

[23] Památník národního písemnictví. Fond Ccheidze Konstantin Alexandrovič (№ 230) Maksimovic Jevgenij Filimonovic; Максимович 2019. С. 322-327.

[24] Максимович 2019. С. 324.

ся на стадии становления марксистской историографии. Это не исключало, а скорее предполагало обращение автора к исторической обусловленности научного творчества историков. К примеру, по Максимовичу, Н.М. Карамзин – историк «ритор», его творчество всецело принадлежит «эпохе Александровского ампира, а корнями своими восходит к еще более блистательной Екатерининской эпохе». Менее явственно такая обусловленность прослеживается у «мыслителя» С.М. Соловьева, и «художника» В.О. Ключевского, хотя социальная направленность концепции последнего определена достаточно четко. Высоко оценивая художественное мастерство, «живопись» историка и придавая большое значение образу в формировании исторической памяти, Максимович и сам стремился к художественному построению текста, создавая образы историков-классиков, в известном смысле, канонизируя их. Показательна в этом плане концовка его текста: «Ритор, мыслитель и художник – таковы были три крупнейшие индивидуальности, наложившие печать своего духа на видение нами исторического прошлого».

Эта работа представляет интерес также в плане сохранения и усвоения подходов, сложившихся в отечественной историографии в конце XIX – начале XX в., в частности включение ее в класс наук о культуре (В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский). И, как мы отмечали раньше, «эта линия была надолго утрачена в советском историографическом нарративе, но продолжала жить в Русском Зарубежье»[25]. Почему и в каком виде? И развивалась ли она? Это предстоит выяснить исследователям, осмысливая историографические тексты эмигрантских историков в длительной хронологической перспективе и, возможно, открывая новые имена историографов. И все же нельзя не обратить внимания на некоторую небрежность подготовленного Максимовичем текста: в нем допущено как неверное цитирование классиков, так и неточности в датах. Возможно, это издержки публицистичности текста, недоступности первоисточника, либо следствие утраты профессионализма[26].

Интерес Максимовича к советской историографии нашел отражение в его статье «Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм», опубликованной в 1936 г. в «Современных записках»[27]. В ней, по сути дела, отрицается наличие у советской науки сущностного содержания, она рассматривается лишь как сниженный уровень бытования вульгаризированного марксизма («марксизма-ленинизма» советского извода). Как считал Максимович, характерным для марксистской идеологии, особенно в ленинском варианте, становится «отрицание автономного значения науки», что привело к тому, что «в СССР наука вообще, а ис-

[25] Волошина, Корзун 2019. С. 321-322.
[26] Там же. С. 323-324 (примеч. № 17-19 к публикации рукописи Максимовича).
[27] Максимович 1936. С. 409-420.

тория по преимуществу, является рабою политики (как в средние века "служанкой богословия"))»[28]. Основная концептуальная установка Максимовича – подлинная историческая наука в Советской России может быть представлена лишь в досоветском, домарксистском, «до марксистско-ленинско-покровском варианте». Отсюда его глубокий пессимизм по отношению к перспективам ее развития.

В развитии советской историографии Максимович выделяет и характеризует четыре этапа (1917; 1918–1921; 1922–1927; 1929–1934), которые он оценивает с точки зрения материальных условий существования страны в целом и научного сообщества, в частности, степени свободы творчества, характера взаимоотношений науки и власти. Его прогноз на будущее весьма пессимистичен, поскольку ученый предвидит «новое усиление коммунистического гнета» и новый тур репрессий против уже «очень немногочисленных» буржуазных историков. К сожалению, ожидания репрессий оказались оправданными, поскольку впереди были 1937 год и кампания борьбы против космополитизма. Не оправдалось другое – несмотря на трагизм эпохи, изломанные судьбы ученых, историческая наука в СССР все же сохранила и, весьма значительный, потенциал развития. В определенной степени это признавали даже историки эмиграции. Близкий Максимовичу по духу, родственным связям и отношению к советской гуманитаристике А.А. Кизеветтер, выделял все же молодых, талантливых, научно перспективных советских исследователей, в частности М.В. Нечкину (будущего классика советской исторической науки). Более развернутую характеристику состояния советской исторической науки, и заметим, более фундированную, давал А.В. Флоровский, у которого весьма критическое отношение к советской исторической науке и реалиям (политическим в особенности) ее существования сочеталось с признанием, что она «богата и обильна научными плодами», по крайней мере, в приоритетных областях исследования[29].

Процесс профессиональной адаптации человека в инокультурную среду сложен и многогранен. Несложившаяся академическая карьера Е.Ф. Максимовича, на наш взгляд, может считаться одним из вариантов стратегии поведения представителей «второго поколения» историков-эмигрантов, хотя этот вопрос еще требует дополнительных исследований в плане персонификации. Стремление научного сообщества Зарубежья воссоздать дореволюционную систему воспроизводства научных кадров в конечном итоге оказалось безуспешным. В условиях выживания большинство представителей «молодой научной поросли» были вынуждены разрываться между необходимостью добывания средств к существованию и желанием заниматься наукой. Условия жизни не могли

[28] Максимович Е.Ф. 1936. С. 409.
[29] Архив РАН, Фонд 1609, Оп. 1. Д. 46, Л. 11.

не сказаться на стиле научного творчества, наблюдается дрейф от научного к публицистическому. Эти обстоятельства во многом задавали горизонты видения исторической науки в метрополии, она воспринималась как раздражающее «чужое».

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив Российской Академии Наук (РАН). Фонд 1609.

Slovanská knihovna v Praze. Trezor – Ruský zahraniční historický archiv v Praze. T-RZIA-4-1-27; L. 24-25.

Васильева М.А. «Незамеченность» как поэтика и опыт (о полемике вокруг «незамеченного поколения» В.С. Варшавского // Нансеновские чтения 2007. СПб.: Изд-во «Сударыня», 2008. С. 424-437.

Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: «Русский путь» / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. 544 с.

Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: «Форум», 2013. 448 с.

Волошина В.Ю., Корзун В.П. Классики в историографическом дискурсе Е.Ф. Максимовича // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2019. С. 315-322.

Доклад Академической группы в Константинополе и ее отделения в Галлиполи // Съезды русских академических организаций за границей. Прага. 1923. С. 43-45.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939) / сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Praha: Euroslavica. 1998. 342 с.

Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. 494 с.

Историческая наука российской эмиграции 20–30-х гг. XX века (Хроника) / С.А. Александров. М.: АИРО–XX, 1998. 312 с.

Каспэ И.М. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛО. 2005. 192 с.

Максимович Е.Ф. Н.М. Карамзин – С.М. Соловьев – В.О. Ключевский // Мир историка: историографический сборник. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2019. С. 322-327.

Максимович Е.Ф. Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современные записки. Париж, 1936. № 46. С. 409-420.

Максимович Е.Ф. Первосоветник Думы Боярской // Записки Русского исторического общества. Прага. 1930. Кн. 2. 141-162.

Максимович Е.Ф. Церковно-земский собор 1549 года // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 9. Белград. 1933. С. 1-15.

Мандельштам О.Э. Конец романа. Ленинград: Изд-во «Академия» 1928. С. 52-56.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета на 1914–1915 академический год. Харьков, Тип. «Печатное дело». 1915. Кн. 4,Ч. офиц. С. 5-8.

Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М. Изд-во «Наука», 1992. 401 с.

Репина Л.П. Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-н/Д., 2006. С. 5-19.

Список студентов Императорского Харьковского университета на 1913–1914 академический год. Харьков. Тип. «Печатное дело». 1914.

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под ред. Л. Белошевской. Прага. Славянский Институт АН ЧР. 2001. Т. II. 639 с.

Шпаковская М.А. Одиннадцать лет в эмиграции (Из жизни профессора А.А. Кизеветтера в Праге) (по материалам московских архивов) // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». 2001. № 1. С. 163-169.

Кісельова Ю.А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті : монографія. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. 252 с.

REFERENCES

Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS). The 1609 Fund.

Slovanská knihovna v Praze. Trezor – Ruský zahraniční historický archiv v Praze. T-RZIA-4-1-27; L. 24-25.

Vasil'eva M.A. «Nezamechennost'» kak poetika i opyt (o polemike vokrug «nezamechennogo pokoleniya» V.S. Varshavskogo // Nansenovskie chteniya 2007. SPb.: Izd-vo «Sudarynya», 2008. S. 424-437.

Varshavskij V.S. Nezamechennoe pokolenie. M.: «Russkij put'» / Dom russkogo zaru-bezh'ya im. Aleksandra Solzhenicyna. 2010. 544 s.

Voloshina V.YU. Vyrvannye iz rodnoj pochvy. Social'naya adaptaciya rossijskih uchenyh-emigrantov v 1920-1930-e gody. M.: «Forum», 2013. 448 s.

Voloshina V.YU., Korzun V.P. Klassiki v istoriograficheskom diskurse E.F. Maksimovicha // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 12. Omsk. Izd-vo Om. GU. 2019. S. 315-322.

Doklad Akademicheskoj gruppy v Konstantinopole i ee otdeleniya v Gallipoli // S"ezdy russkih akademicheskih organizacij za granicej. Praga. 1923. S. 43-45.

Dokumenty k istorii russkoj i ukrainskoj emigracii v CHekhoslovackoj respublike (1918–1939) / sost. Z. Sladek, L. Beloshevskaya. Praha: Euroslavica. 1998. 342 s.

Emel'yanov YU.N. Istoriya v izgnanii: Istoricheskaya periodika russkoj emigracii (1920–1940-e gody). M.: NP ID «Russkaya panorama», 2008. 494 s.

Istoricheskaya nauka rossijskoj emigracii 20–30-h gg. XX veka (Hronika) / S.A. Aleksandrov. M.: AIRO–XX, 1998. 312 s.

Kaspe I.M. Iskusstvo otsutstvovat'. Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury. M.: NLO. 2005. 192 s.

Maksimovich E.F. N.M. Karamzin – S.M. Solov'ev – V.O. Klyuchevskij // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 12. Omsk: Izd-vo Om. GU, 2019. S. 322-327.

Maksimovich E.F. Istoricheskaya nauka v SSSR i marksizm-leninizm // Sovremennye zapiski. Parizh, 1936. № 46. S. 409-420.

Maksimovich E.F. Pervosovetnik Dumy Boyarskoj // Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva. Praga. 1930. Kn. 2. 141-162.

Maksimovich E.F. Cerkovno-zemskij sobor 1549 goda // Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade. Vyp. 9. Belgrad. 1933. S. 1-15.

Mandel'shtam O.E. Konec romana. Leningrad: Izd-vo «Akademiya» 1928. S. 52-56.

Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta na 1914–1915 akademicheskij god. Har'kov, Tip. «Pechatnoe delo». 1915. Kn. 4,CH. ofic. S. 5-8.

Pashuto V.T. Russkie istoriki-emigranty v Evrope. M. Izd-vo «Nauka», 1992. 401 s.

Repina L.P. Intellektual'naya istoriya v chelovecheskom izmerenii // CHelovek vtorogo plana v istorii. Vyp. 3. Rostov-n/D., 2006. S. 5-19.

Spisok studentov Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta na 1913–1914 akademicheskij god. Har'kov. Tip. «Pechatnoe delo». 1914.

Hronika kul'turnoj, nauchnoj i obshchestvennoj zhizni russkoj emigracii v CHekhoslovackoj respublike / pod red. L. Beloshevskoj. Praga. Slavyanskij Institut AN CHR. 2001. T. II. 639 s.

SHpakovskaya M.A. Odinnadcat' let v emigracii (Iz zhizni professora A.A. Kizevettera v Prage) (po materialam moskovskih arhivov) // Vestnik RUDN. Ser. «Mezhdunarodnye otnosheniya». 2001. № 1. S. 163-169.

Kisel'ova YU.A. Stanovlennya ta rozvitok istoriografiї v imperators'komu Harkivs'komu universiteti. H.: HNU imeni V.N. Karazina, 2014. 252 s.

***Волошина Валентина Юрьевна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: valvoloshina@rambler.ru*

***Корзун Валентина Павловна**, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского: Korzunv@mail.ru*

E.F. Maksimovich: a representative of the "second generation" of historians among the Russian exiles

The article is focused on the life and work of E.F. Maksimovic and discusses the factors of success and failure of the professional career of the “second generation” of émigré historians of the Russian diaspora. The authors concluded that the style and living conditions affected the style of academic work and noted the drift from academia to journalism. These circumstances largely set the horizons of the vision of historical discipline at home, which was perceived as an annoying "alien". The article used materials from Russians and Prague archives, as well as academic publications in the emigrant periodicals.

Keywords: historiography, historical science of Russian abroad, generations of immigrant historians, Soviet historical science, academic community, “divided biography”

***Valentina Voloshina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of modern Russian history and historiography, Dostoevsky Omsk State University; valvoloshina@rambler.ru*

***Valentina Korzun**, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Department of modern Russian history and historiography, Dostoevsky Omsk State University; Korzunv@mail.ru*

П. Н. Базанов

ПРОФЕССОР Н.Е. АНДРЕЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В статье реконструируются вехи жизни и основные направления творчества выдающегося историка и литературоведа русской эмиграции Николая Ефремовича Андреев, впервые приводятся уникальные сведения из Бахметевского архива. Особое внимание обращено на исторические и культурологические работы Н.Е. Андреева и его вклад в историю эмиграции. Показано влияние трудов Н.Е. Андреева на современную наука, доказывается, что они являются актуальным историческим знанием.
***Ключевые слова*:** *Н.Е. Андреев, русская эмиграция, история, институт Кондакова*

Доктор Карлова университета, директор Кондаковского института, профессор Кембриджского университета Николай Ефремович Андреев (1908–1982) менее известен, чем многие его современники в Русском Зарубежье. Вместе с тем, его жизнь и творчество достойны детального изучения. Биография историка порой напоминает захватывающий приключенческий роман: родился в России, бежал с родителями и армией Н.Н. Юденича в Эстонию, учился в Таллине и Праге, стал известным ученым, пережил немецкую оккупацию и советский арест, сумел выехать в Великобританию и преподавал в Кембриджском университете.

Н.Е. Андреев родился в 1908 г. в селе Ржевка (ныне район Санкт-Петербурга). В конце 1919 г. его родители вынуждены бежать с Северо-Западной армией в Эстонию. Семья Андреевых чудом пережила ужасы эвакуации и поселилась в Таллине. Коля Андреев поступил в знаменитую Русскую городскую гимназию и уже в школьные годы начал публиковать критические статьи по литературе в местной прессе.

После окончания с отличием гимназии Андреев решает стать историком и поступает в 1927 г. на философский факультет Карлова университета в Праге. Его преподавателями были известные историки и филологи: А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, В.А. Францев, С.И. Гессен, Л. Нидерле и мн. др. На втором курсе талантливый студент получает личную стипендию президента Чехословакии Т.Г. Масарика. Одновременно его судьба оказалась связана с “Seminarium Kondakovianum” (затем «Институт им. Н.П. Кондакова»). После окончания университета, под влиянием сотрудников Семинариума, русских ученых Н.П. Толля, А.П. Калитинского, Г.А. Острогорского, Н.М. Беляева и Д.А. Расовского, Андреев начинает работать над первым научным исследованием – диссертацией «О деле дьяка Висковатого”, как литературном и идейном явлении»[1].

[1] Опубл. под назв.: О «Деле дьяка Висковатого». – Андреев 1932.

В начале 1930-х гг. в целом сложились научные интересы молодого ученого, связанные с историей России XVI в., в частности периода правления Ивана Грозного, историей псковской земли и иконоведением. В пражский период академической карьеры Н.Е. Андреев проделал путь от библиотекаря, затем секретаря «Института Кондакова» до поста его директора в 1939–1945 гг. В трудах института выходят его самые известные научные работы: «Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства», «Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании», «Иван Грозный и иконопись XVI века»[2] и др.

В обстановке «Русской Праги» – синтеза политической, философской, литературной и научной мысли и поиска – Андреев не оставался чисто академическим, кабинетным ученым историком. Он – активный участник собраний пражской литературной группы «Скит». Возвращаясь периодически в Таллин к родителям, Николай Ефремович выступал с лекциями по литературе и истории России, печорского края. В Печорах он неоднократно бывал с историко-этнографическими экспедициями. В начале 1930-х гг. Андреев – основатель и постоянный автор литературно-художественного сборника «Новь» (Таллин), печатался в ведущих эмигрантских периодических изданиях «Воля России», «Числа», «Знамя России» и др. Одним из первых он оценил талант молодого тогда писателя В.В. Набокова-Сирина[3]. Молодой историк, так и не стал членом ни одной из многочисленных политических организаций Русского Зарубежья, хотя некоторые из его статей в русских эмигрантских газетах носили четко выдержанный антибольшевистский характер. При этом во многом иронически относясь к политическому экстремизму и доктринерству эмигрантов, он порой даже бравировал либерализмом и беспартийностью, но обозначал свою общественную позицию так «…мы все были русские националисты, мы все были патриоты …»[4].

Новый период начался в жизни 37-летнего Н.Е. Андреева после окончания Второй мировой войны. Он пишет 2 ноября 1948 г. известному общественному деятелю В.М. Зензинову: «в мае 1945 г. был арестован органами Красной армии и 27 месяцев провел в заключении («предварительные следствия») в сов. лагерях и тюрьмах сов. оккупационной армии в Германии. В конце концов выяснилась полная моя политическая невиновность, меня освободили с путевкой в Чехословакию, «домой» (в Праге я жил уже 18 лет), но оная республика до сего дня не соблаговолила даже дать мне ответ на мои отношения о разрешении въезда. Я жил много месяцев в Берлине. Тем временем, я получил приглашение (на год) лекторства по истории России и истории русской ли-

[2] Андреев 1935; 1936; 1938.
[3] Андреев 1930. С. 6.
[4] Андреев1996. С. 292.

тературы в Славянском отделении Кембриджского университета. Британцы вывезли меня на самолете из Берлина и некоторое время я жил в Британской зоне, а затем улетел в Англию и сейчас читаю два курса и веду семинары в Кембридже»[5]. В том же письме он вспоминает, как виделся в июне 1945 г. в предварительном заключении с С.П. Постниковым, сидел вместе с лидером евразийцев П.Н. Савицким, которому потом помогал материально и с помощью Б. Рассела, способствовал освобождению из второго заключения. Едва вырвавшись из тюрьмы, Андреев просил экстренной помощи у Зензинова для своих знакомых – поэта Ю.П. Иваска, художника Е.Е. Климова и философа С.А. Левицкого, оказавшихся в конце 1940-х гг. в лагерях для перемещенных лиц[6]. По отзывам современников Н.Е. Андреев всегда характеризовался как добрый и очень отзывчивый человек. Эти его качества сильно помогли соотечественникам, которые оказались после войны в дипийских лагерях в Германии под угрозой репатриации и реального заключения в СССР.

Основным местом работы английского периода жизни для Андреева стал Кембридж. В 1955 г. его выбрали членом колледжа Св. Марии Магдалины, в 1968 г. действительным членом Клэр Холл, а в 1973 г. он получил заслуженное назначение ad hominem (личное) экстраординарного профессора славяноведения, пока не ушел в официальную отставку в 1975 г. Андреев также читал курс лекций по русской истории в Лондонском университете. Научные и педагогические контакты связывали его и с Оксфордским, Эдинбургским, Восточной Англии, Даремским, Манчестерским, Ноттингемским и другими университетами Англии. Историк читал курсы лекций по истории Киевской и Московской Руси, русской общественной мысли, вел семинары о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Весь англоязычный мир знает русскую историю XVI–XVII вв. в интерпретации Н.Е. Андреева: он является автором статей в знаменитой энциклопедии «Британника»: «Иван Грозный», «Ермак Тимофеевич», «Курбский», «Строгановы», «Земский Собор», «Федор I», «Борис Годунов», «Федор II», «Смутное Время», «Василий IV Шуйский». Он также написал две главы в Cambridge Companion to Russian Studies (Пособие по изучению русской истории и культуры).

Н.Е. Андреев принимал живое участие в культурной и научной жизни послевоенной эмиграции. Он регулярно печатался в русской зарубежной периодике («Новый журнал», «Возрождение», «Новое русское слово», «Русская мысль», «Посев», «Грани» и др.), поддерживал

[5] Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V.M. Zenzinov Papers. Box. 33. Files: DP's Correspondence (G-I).

[6] Там же.

постоянные контакты с представителями эмигрантских общественных кругов в разных странах. Его публикации в журналах и газетах солидаристов отличались взвешенностью и научной постановкой вопросов, а выступления и доклады на «посевовских» конференциях во Франкфурте-на-Майне характеризовались академичностью и в то же время увлекательностью, темпераментностью и тем неповторимым у русских ученых огнем, с которыми отстаивается правота своих научных убеждений. «Тем замечательнее в каждой его работе заново проявляемая строгость к себе, выверенность каждого шага, осторожность и точность формулировок, воздержание от преждевременных обобщений, внимание к доводам противников, отсутствие всякой горячности в полемике»[7].

Историк Н.Е. Андреев стоял у истоков эмигрантоведения – синкретической науки об истории и теории русской эмиграции XX века. Он одним из первых оценил вклад в эмигрантоведение труда В.С. Варшавского «Незамеченное поколение»[8] и опубликовал большую и объективную рецензию на первое издание знаменитой книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании»[9]. В известном сборнике «Русская литература в эмиграции» (под редакцией историка философии Н.П. Полторацкого), Андреев выдвинул термин «русская эмигрантика» для обозначения всех источников и литературы о русской эмиграции вне зависимости от научной или практической области деятельности, отметив рост удельного веса и значения эмигрантики за рубежом, а также провидчески предсказав «эпоху открытия внутрирусским читателем»[10] наследия отечественной эмиграции[11]. Уже в конце жизни Н.Е. Андреев опубликовал фундаментальную, итоговую статью «О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год» в сборнике «Одна или две русские литературы»[12].

Интересно, что ученый-эмигрант Н.Е. Андреев был хорошо известен в СССР. На родине на его работы ссылались и писали рецензии знаменитые историки допетровской России: В.Т. Пашуто, А.А. Зимин, Р.Г. Скрынников, С.Я. Лурье, Н.Н. Масленникова и др., со многими он состоял в переписке. Автор данной статьи услышал имя Николая Ефремовича Андреева от своего преподавателя истории доктора исторических наук, профессор Ленинградского государственного института культуры Натальи Николаевны Масленниковой (1927–2010) в 1986 г. Она в течение многих лет не только переписывалась с профессором из

[7] Вейдле 1971 С. 283.
[8] Андреев 1956. С. 4-5.
[9] Андреев 1957. С. 164-176.
[10] Андреев 1972(б). С. 31.
[11] Широкое распространение термин «эмигрантика» получил после 2009 г. благодаря появлению сайта филолога О.А. Коростелева (http://emigrantika.ru)
[12] Андреев 1981. С. 91-102.

Кембриджа, но и посылала ему книги по истории псковской земли. Уникальный случай, но эмигранта Н.Е. Андреева даже печатали на родине. В 1962 г. Пушкинской дом опубликовал его статью «Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного»[13]. В том же номере увидела свет развернутая рецензия Н.Н. Масленниковой на статью Н.Е. Андреева «Филофей и его послание Ивану Васильевичу»[14].

Н.Е. Андреев быстро стал известным и признанным ученым в западном мире. Именно он поставил, образно выражаясь, «точки над и», в двух научных спорах. Первая дискуссия развернулась в эмигрантской среде вокруг выдвинутой на страницах «Социалистического вестника» меньшевиками Е. Юрьевским (псевдоним Н.В. Вольского) и П.А. Берлиным концепции о политической идентичности и тождественности «Третьего Рима» с Третьим интернационалом, что позволило им объявить Россию извечным носителем идеи мирового господства империализма. Основанием для этого послужили письма монаха Елизаровского монастыря под Псковом Филофея, в которых дана ставшая знаменитой в XIX в. формула «два Рима пали, третий Рим (Москва) стоит, а четвертому не бывати». Это чисто религиозная, православная идея старца провинциального псковского монастыря не получила никакого распространения в XVI в. Только в XIX–XX вв. старцу Филофею стали приписывать создание комплекса идей и чувств, якобы отражавших сущность русской натуры и веками питавших русский империализм, а затем и коммунистическую экспансию. По мнению профессиональных борцов с «извечным российским империализмом», из Московской Руси и пришла в СССР идея мировой революции – как известного стремления Москвы к мировому господству. Против этой антинаучной гипотезы выступил известный историк профессор Йельского университета Николай Иванович Ульянов, который убедительно в статье «Комплекс Филофея» доказал подложность русофобской теории. В среде профессиональных историков, читавших публицистические произведения старца Филофея, аргументация Н.И. Ульянова нашла поддержку, а вот публицисты в особенности левых убеждений были неприятно удивлены. В защиту своих убеждений левые использовали традиционный прием – обсуждение не сути вопроса, а личности дискутанта. Как всегда, политика стала побеждать науку. Дискуссия принимала более широкий характер, и в качестве арбитра был призван Н.Е. Андреев. Сотрудников «Социалистического вестника» он устраивал, так как его дядя Николай Николаевич Андреев был видным меньшевиком, и Николая Ефремовича они знали с детства. Н.И. Ульянов признавал высокий научный авторитет специалиста в истории Псковской земли XVI века. После личной

[13] Андреев 1962. С.117-148.
[14] Масленникова 1962. С. 569-581.

переписки с участниками дискуссии Н.Е. Андреев сделал вывод о тенденциозности меньшевиков, отсутствии какой-либо работы над источниками и совершенной публицистичности их доводов. Будучи профессиональным историком и специалистом именно в псковской истории XVI в., Андреев писал, что, якобы существовавшая мессианская теория «Москва – Третий Рим», не имеет исторической базы и является публицистической подменой этой идеи авторами XX века. Он посвятил этой научной проблеме фундаментальную статью «Филофей и его послание Ивану Васильевичу»[15]. Через несколько лет Н.И. Ульянов переопубликовал «Комплекс Филофея» в сборнике «Свиток»[16], а Н.Е. Андреев в рецензии на сборник повторил свои аргументы и выводы.

Второй раз Н.Е. Андреев выступил арбитром, когда развернулась дискуссия о подлинности переписки между царем Иваном Грозным и князем Андреем Курбским. Она появилась, когда американский славист Эдуард Кинан в 1971 г. в книге «Апокриф Курбского – Грозного: происхождение “переписки”, приписываемой князю А.М. Курбскому и царю Ивану IV» выдвинул предположение, что письма Ивана IV Грозного и боярина А.М. Курбского были подделкой 1620-х гг. князя С.И. Шаховского. Э. Кинан обнаружил, что в первом послании Курбского процитированы два редких источника: так называемый «Плач» монаха Исайи Каменец-Подольского и его же «Жалоба», которые, как он утверждал были написаны одновременно и уже после появления первого письма Курбского. За эту работу Гарвардский университет в США присудил американскому ученому премию Т. Вильсона первой степени.

Против предположения Э. Кинана выступили советские историки, в особенности Р.Г. Скрынников. Лучший специалист в истории России XVI–XVII вв., специально написал ряд критических статей и рецензий и даже монографию «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана» (1973). Ленинградский историк доказал, что «Жалоба» написана раньше «Плача» и оба произведения имеют общего предшественника, которого и цитирует А.М. Курбский. Полемика, инициированная американским историком, приобрела международный масштаб.

И снова решающее слово осталось за Н.Е. Андреевым. За несколько лет до описываемых событий Э. Кинан защитил диссертацию на тему «Москва и Казань, 1445–1552: исследование о “степной” политике» под руководством украинского историка О. Прицака в Кембриджском университете? и поэтому лично знал Николая Ефремовича. Андреев написал статью «Мнимая тема»[17]? в которой, независимо от Скрынникова, доказал, что не князь Курбский заимствовал сюжеты из

[15] Andreyev N. P. 1—31
[16] Андреев 1973. С.233-241.
[17] Андреев 1972(а). С. 258-272.

текста «Плача Исайи Каменец-Подольского», а наоборот, тем самым разрушив, краеугольный камень гипотезы Э. Кинана.

В 1953 г. Н.Е. Андреев написал для сборника НТС «Обновленная Россия» научную статью «Переяславский договор»[18], направленную против украинских фальсификаторов истории, для которых уже более 100 лет «Переяславская рада» была своеобразной «красной тряпкой». В статье убедительно доказывается, что никакого договора не было, а казаки и население Малороссии целовали крест на верность русскому царю, т.е. становились подданными без каких-либо условий. Профессионализм сказался и в том, что он не только проанализировал источники, но благодаря виртуозному анализу украинской историографии, прежде всего М.С. Грушевского, показал, что историки-сепаратисты прекрасно осведомлены об истинных обстоятельствах событий. Великолепно характеризуют статью Андреева две цитаты. Первая про местную элиту XVII в.: «Самым отрицательным в этом эгоизме казацкой шляхты была ежеминутная готовность пожертвовать народом и страной во имя личного честолюбия и кружковых интересов»[19]. Вторая выявляет позицию автора: «Известно, что выученики Киево-Могилевского коллегиума, превратившегося в 1694 г. в Киевскую Академию, прочно вошли в историю развития великорусской и российской культуры, достаточно назвать имена Епифания Смотрицкого, Симеона Полоцкого, Милетия Смотрицкого, св. Дмитрия Ростовского, наконец, Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Факт этот также является опровержением самостийной ереси о враждебности культур – великорусской и украинской, которые на самом деле перешли в этот период к созданию общей российской культуры в рамках единого Российского государства»[20].

В конце жизни Н.Е. Андреев очень болел, он почти потерял зрение, но диктовал свои прекрасные мемуары «То, что вспоминается», умер он 25 февраля 1982 г. Закончим статью словами хорошо его знавшего философа Р.Н. Редлиха: «Жизненный путь Н.Е. Андреева – это путь русского – сохранившего верность России – ученого-историка за рубежом»[21].

БИБЛИОГРАФИЯ

Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V.M. Zenzinov Papers. Box. 33. Files: DP's Correspondence (G-I).

Андреев Н. Заметки о журналах. «Новый журнал». Книги 37-42 // Русская мысль. 1956. 24 янв. С. 4-5.

Андреев Н. Иван Грозный и иконопись XVI века // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1938. Vol.10. С. 185-200.

[18] Андреев 1953. С. 65-112.
[19] Андреев 1992. С. 214.
[20] Там же С. 216.
[21] Редлих 1982. С. 63.

Андреев Н. Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописании // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1936. Vol. 8. С. 259-278.
Андреев Н. Литература в изгнании // Грани. 1957. №33. С. 164-176.
Андреев Н. Митрополит Макарий, как деятель религиозного искусства // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1935. Vol. 7. С. 228-244.
Андреев Н. Мнимая тема (О спекуляциях Э.Л. Кинана) // Новый журнал. 1972(а). №109. С. 258-272.
Андреев Н.Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом). 1962. Т. 18. С. 117-148.
Андреев Н. Об особенностях и основных этапах развития русской литературы за рубежом (Опыт постановки темы) // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972(б). С. 15-38.
Андреев Н.Е. О «Деле дьяка Висковатого» // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1932. Vol. 5. С. 191-241.
Андреев Н.Е. О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // Одна или две русских литературы? Lausanne, 1981. С. 91-102.
Андреев Н.Е. Переяславский договор // Обновленная Россия. Вып. 1. Франкфурт н/М., 1953. С. 65-112.
Андреев Н.Е. Переяславский договор // Грани. 1992. №165. С. 179-217.
Андреев Н. «Свиток» Н.И. Ульянова // Новый журнал. 1973. №113. С.233-241. Рец. на кн.: Ульянов Н. Свиток. Нью Хэвен: Киннипиак, 1972. 223 с.
Андреев Н. Сирин // Новь. 1930. октябрь. С. 6.
Андреев Н.Е. То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Таллинн, 1996. Т. I. С. 292.
Вейдле В. Об исторических трудах Н.Е. Андреева // Новый журнал. 1971. № 105. С. 282-286.
Масленникова Н.Н. К истории создания теории «Москва – Третий Рим» // Труды отдела древнерусской литературы / ИРЛИ (Пушкинский Дом). 1962. Т. 18. С. 569-581.
Редлих Р. Н.Е. Андреев // Посев. 1982. № 4. С. 63.
Andreyev N. Filofey and his Epistle to Ivan Vasilyevich // Slavonic and East European Review. 1959. Vol. 38. P. 1-31.

REFERENCES

Andreev N. Zametki o zhurnalax. «Novy'j zhurnal». Knigi 37-42 // Rus. my'sl'. 1956. 24 yanv. S. 4-5.
Andreev N. Ivan Grozny'j i ikonopis' XVI veka // Seminarium Kondakovianum. – Praga, 1938. Vol.10. S. 185-200.
Andreev N. Inok Zinovij Otenskij ob ikonopochitanii i ikonopisanii // Seminarium Kondakovianum. Praga, 1936. Vol. 8. S. 259-278.
Andreev N. Literatura v izgnanii // Grani. 1957. №33. S. 164-176.
Andreev N. Mitropolit Makarij, kak deyatel' religioznogo iskusstva // Seminarium Kondakovianum. Praga, 1935. Vol. 7. S. 228-244.
Andreev N. Mnimaya tema (O spekulyaciyax E'.L. Kinana) // Novy'j zhurnal. 1972(a). № 109. C. 258-272.
Andreev N.E. Ob avtore pripisok v licevy'x svodax Groznogo // Trudy' otdela drevnerusskoj literatury' / IRLI (Push. Dom). 1962. T. 18. S. 117-148.
Andreev N. Ob osobennostyax i osnovny'x e'tapax razvitiya russkoj literatury' za rubezhom (Opy't postanovki temy') // Russkaya literatura v e'migracii. Pittsburg, 1972(b). S. 15-38.
Andreev N.E. O «Dele d'yaka Viskovatogo» // Seminarium Kondakovianum. Praga, 1932. Vol. 5. S. 191-241.
Andreev N.E. O nekotory'x faktorax razvitiya zarubezhnoj vetvi russkoj literatury' s 20-go po 40-j god // Odna ili dve russkix literatury'? Lausanne, 1981. S. 91-102.
Andreev N.E. Pereyaslavskij dogovor // Obnovlennaya Rossiya. Vy'p. 1. Frankfurnt n/M.,1953. S. 65-112.
Andreev N.E. Pereyaslavskij dogovor // Grani. 1992. №165. S. 179-217.

Andreev N. «Svitok» N.I. Ul'yanova // Novy'j zhurnal. 1973. № 113. S. 233-241. Rec. na kn.: Ul'yanov N. Svitok. N'yu Xe'ven: Kinnipiak, 1972. 223 s.
Andreev N. Sirin // Nov'. 1930. oktyabr'. S. 6.
Andreev N.E. To chto, vspominaetsya: Iz semejny'x vospominanij Nikolaya Efremovicha Andreeva (1908–1982). Tallinn, 1996. T. I. S. 292
Vejdle V. Ob istoricheskix trudax N.E. Andreeva // Novy'j zhurnal. 1971. № 105. S. 282-286.
Maslennikova N.N. K istorii sozdaniya teorii «Moskva – Tretij Rim» // Trudy' otdela drevnerusskoj literatury' / IRLI (Push. Dom). 1962. T. 18. S. 569-581.
Redlix R. N.E. Andreev // Posev. 1982. № 4. S. 63.
Andreyev N. Filofey and his Epistle to Ivan Vasilyevich // Slavonic and East European Review. 1959. Vol. 38. P. 1-31.

Базанов Петр Николаевич, *доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; bazanovpn@list.ru*

Professor N.E. Andreev and his contribution to the study of Russian history and culture

The article reconstructs the milestones of life and work of an outstanding Russian émigré historian and literary critic, Nikolai Efremovich Andreev. Particular attention is drawn to the historical and cultural studies by N.E. Andreev and to his contribution to the history of emigration. The author demonstrates the influence of Andreev's works on contemporary scholarship. It is shown that the works by N.E. Andreev are relevant historical knowledge. The article presents new documents from the Bakhmetev archive.

Keywords: N.E. Andreev, Russian emigration, history, Kondakov Institute, Cambridge University

Peter Bazanov*, Dr.Sc. (History), Professor, the St. Petersburg State Institute of Culture; bazanovpn@list.ru*

С. С. Левошко

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НИКОЛАЯ ИСЦЕЛЕННОВА И ЕГО ВКЛАД В ПРАВОСЛАВНОЕ ИСКУССТВО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В XX ВЕКЕ

Статья посвящена многогранному наследию одного из лидеров культурной жизни русского Парижа – архитектора-художника Николая Ивановича Исцеленнова (1891–1981), его исключительной роли в осмыслении и поиске направлений продолжения русского православного искусства, популяризации его в Европе и мире. Благодаря ему, деятельность Общества «Икона» превратилась в оригинальное творческое и духовное явление Русского зарубежья. Его храм-памятник Иова Многострадального в Брюсселе, иконописные произведения вошли в историю русской православной архитектуры и искусства XX в. Представлен опыт наследования и освоения Исцеленновым и его кругом традиций русского православного искусства.

Ключевые слова: *Николай Исцеленнов, Русское зарубежье, общество «Икона», православное искусство, архитектура, иконопись, наследие*

Религиозное искусство России на рубеже XIX–XX вв. впервые после XVII в. приобрело самостоятельное значение, выдвинулось на первый план, обрело стилеобразующий характер. Об этом явлении писал Н.И. Исцеленнов в 1955 г. в статье «Искусство иконописи: собор Василия Блаженного»: «Казалось, мы переживаем эпоху возрождения, новой славы древнего русского искусства. Судьба решила иначе. Россия пошла по другим путям»[1]. Условия религиозной свободы Русского зарубежья дали возможность продолжения русского православного искусства и архитектуры, насильно прерванного революцией в России. Новые произведения культуры стали воплощением творческих исканий эмигрантов, которые были характерны для духовно-религиозной жизни Русского зарубежья 1920–1930-х гг., и проявлялись во всех сферах обновления языка Церкви: в мысли, литургии, истории и, что особенно сложно, по замечанию Н. Струве, в православном искусстве[2].

Сегодня можно уже достаточно обоснованно говорить, что в области православной архитектуры особых достижений в европейском Русском зарубежье в XX в. не произошло. Это объясняется не отсутствием талантливых зодчих, а комплексом социокультурных и экономических причин и, не в последнюю очередь, очень ограниченными финансовыми возможностями православных приходов (при этом почти всегда проектирование велось бесплатно), повсеместной необходимостью приспособления под храмы существующих построек разного назначения, очень небольшими размерами церквей, возводившихся, как правило, на клад-

[1] Исцеленнов 1955. С. 12.
[2] Струве 2000. С. 316.

бищенских погостах, что требовало образной сдержанности, скромности. Однако художественный уровень отдельных сооружений был высоким, отмеченным подлинной оригинальностью, отличался художественным вкусом и мастерством. В православном храмостроительстве проявили себя А.А. Бенуа и Н.И. Исцеленнов во Франции, В.А. Брандт и Н.П. Пашковский в Чехии, И.Н. Кудрявцев в Финляндии, А.И. Владовский в Эстонии. Не говоря уже о русских архитекторах в Сербии – В.М. Андросове, В.В. Лукомском, Г.И. Самойлове, И.А. Рыке, в произведениях которых происходил синтез национальных традиций, возрождался дух сербской средневековой архитектуры и рождалось новое формообразование, чему способствовала, конечно, сама православная среда. Нет, наверное, европейской страны Русского зарубежья, в которой не было бы хоть одного православного сооружения, отличающегося несомненными художественными достоинствами.

В эмиграции удалось вернуться к очень строгой иконописи, которую в России вновь открыли только в начале XX в. В Русском зарубежье «она была не только повторена, но обновлена и изнутри оживлена соприкосновением с художественными веяниями века, сопряжена с интенсивной богословской работой»[3]. В характере иконописи воплотился тот дух свободы для религиозного творчества, который стал возможен для Церкви только в эмиграции и который был осознан, и воспринят деятелями парижской «Иконы». Как пишет Исцеленнов, одной из своих целей это общество ставило «продолжение искусства иконы», и даже имело в своей практике «попытку создания современного светского искусства, опиравшегося на красоты древней иконы»[4]. Общество «Икона», созданное в 1927 г., постепенно приобрела известность в мире, объединила многих деятелей Русского зарубежья и выдающихся иконописцев, среди них – Д.С. Стеллецкий, Л. А. Успенский, Г. И. Круг, П.А. Федоров, Ю.Н. Рейтлингер, княгиня Е.С. Львова. Благодаря личности Исцеленнова практическая и теоретическая работа Общества «Икона», которое он возглавлял почти три десятилетия (1951–1979), превратилась в оригинальное творческое и духовное явление Русского зарубежья[5].

Николай Иванович Исцеленнов – архитектор, иконописец, график и общественный деятель Русского зарубежья прожил долгую жизнь (12.06.(31.05)1891, Иркутск – 24.02.1981, Сент-Женевьев-де-Буа) и оставил богатейшее творческое наследие[6], которое в большинстве своем известно. В России первые словарные статьи об Исцеленнове появились

[3] Струве. 2000. С. 316.
[4] Исцеленнов 1973. С. 84.
[5] Общество «Икона» в Париже. Т. 2. С. 13.
[6] Большая часть наследия Н.И. Исцеленнова хранится за рубежом: в архиве Общества «Икона» (председатель после Исцеленнова по н/в – З.Е. Залесская); в семейном архиве Вестерлунд (Westerlund) и музее искусств в Рованиеме (Финляндия).

в ряде биобиблиографических изданий последнего десятилетия XX в.[7] В статье его земляка, иркутского историка Ю.П. Лыхина, имя Исцеленнова впервые было представлено в «до-эмигрантском» и «эмигрантском» периодах[8]. В последующих публикациях, эмигрантскому, как вновь изучаемому периоду уделялось больше внимания[9]. В 2011 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Исцеленнова, и ему, как графику и литератору, посвятил статью в нью-йоркском «Новом Журнале» Ренэ Гера, который на закате жизни брал у него интервью? и охарактеризовал его как человека «совершенно блистательного»[10].

Архитектурные объекты, главным из которых является храм-памятник Св. Праведного Иова Многострадального в Брюсселе, и всеобъемлющая выдающаяся деятельность Исцеленнова в обществе «Икона» оставили как бы в тени наследие других сфер творчества, мало кому известно, что архитектор был к тому же великолепным художником-графиком и иллюстратором. В 2002 г. вышел 2-томный труд «Общество “Икона” в Париже», посвященный 75-летию «Иконы», подготовленный по зарубежным архивным источникам и зарубежной прессе 1920–1990-х гг.[11] Составители сборника выразили надежду, «что этот первый значительный по объему материала сборник окажет свое содействие никогда не прекращавшемуся диалогу культур России и Франции». На сегодняшний день сборник содержит, пожалуй, наиболее полные и разнообразные сведения об эмигрантском периоде жизни Исцеленнова (1920–1981): биографические данные, мемуары его и современников, его творчество, публицистика (перепечатка ряда публикаций из эмигрантских изданий), редкие репродукции икон, чертежи проектов иконостасов.

В работах известного московского искусствоведа А.А. Стригалева рассматривается первый пореволюционный период творчества Исцеленнова, 1918–1920[12]. Архитектора он называет личностью с загадочной биографией. Слишком уж разнятся два периода: российский (три года экспериментов и проектно-конкурсной практики в Москве после окончания Академии художеств) и зарубежный (61 год). Периоды «до» и «после» эмиграции по своим творческим установкам были противоположны друг другу, от неоклассицистических и авангардных поисков к национальным корням. Однако сегодня биография архитектора уже не кажется «загадочной». Он не был исключением «из ряда вон», и творческую судьбу Исцеленнова можно считать довольно типичной для рус-

[7] Северюхин, Лейкинд 1992. С. 88; 1994 С. 224; Лейкинд, Махров, Северюхин 2000.С. 306-308; Лыхин, Крючкова. С. 122-125.
[8] Лыхин 1998. С. 60-65.
[9] Левошко 2003. С. 152-159; 2004 С. 244- 257.
[10] Гера 2012. С. 237-246. Гера Р. 2012 [электронный ресурс].
[11] Общество «Икона» в Париже…
[12] Стригалев 1999. С. 63-64; Стригалев 1985. С. 9, 29.

ского художника-эмигранта: вынужденный разрыв с Отечеством означал неминуемый разлом, начало нового пути. А.А. Стригалев, не имея в распоряжении фактов эмигрантской жизни архитектора, тем не менее, точно определил: «можно только утверждать, что Исцеленнов был истово и вечно ищущей в искусстве натурой, хотя цели его поиска на протяжении жизни радикально менялись»[13].

Будучи студентом второго курса императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге (1911), на каникулах Николай получил редкую возможность поработать помощником на реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме. Там в 1913 г. должно было состояться празднование 300-летия Дома Романовых. В результате русский стиль стал его первым увлечением, который в Академии художеств среди студентов, да и профессуры считался «mauvais gout» («безвкусие»). Тем не менее, в конкурсе на проект православной колокольни в русском стиле именно ему единогласно присудили первое место. «Церкви, колокольни, монастыри. Я хотел заниматься этим. Хотел создавать прекрасное, строить церкви как мои предки; другого я от жизни и не требовал. Русская церковная архитектура открылась мне, показала бесконечную ценность и возможности красоты, и в тот момент, когда я уже было потянулся за чудом, – все рухнуло», – вспоминал Николай Иванович в Париже[14]. Его воспоминания были записаны в Париже русско-финским племянником – Ристо Весте, в результате чего родилась уникальная книга «Нет другого искусства, кроме красоты – три художника-эмигранта» об Исцеленнове и художницах Марии и Аделаиде Лагории (2001)[15].

В 1911/12 гг. по заданию Археологической комиссии Исцеленнов провел натурные обследования православных церквей в Иркутске[16]; в конкурсе 1913 г. на проект часовни-памятника в честь 300-летия Дома Романовых в Каменец-Подольске получил первую премию. Будучи академистом, он принимал участие в работах под руководством столичных зодчих В.А. Покровского, А.В. Щусева, С.С. Кричинского – последовательных приверженцев неорусского стиля, которые, несомненно, оказали влияние на становление его профессионального мировоззрения[17].

В интервью корреспонденту «Русской мысли» (1971), Исцеленнов утверждал, что возведенная в Санкт-Петербурге в 1915 г. церковь свт. Николая Чудотворца при Императорском Палестинском обществе (ул.

---

[13] Стригалев 1999. С. 63.

[14] Risto Veste. P. 29.

[15] Ристо Вестерлунд (1919–1987, Risto Vesterlund), финский танцор. Сын родной сестры архитектора Зинаиды Ивановны Исцеленновой (в замужестве Вестерлунд).

[16] Известия Императорского археологического комитета. С. 107-121.

[17] Студенческие работы Исцеленнова не обнаружены в Музее Академии Художеств; две работы 1913–1914 гг. как ученика И. Фомина хранятся в ГНИМА им. Щусева в фонде Гордеева (справка Евстратовой); две работы 1917 г. под одинаковым названием «Архитектурная фантазия» хранятся в Государственной Третьяковской галерее.

2-я Советская; утрачена, 1932) была построена по его проекту, но поскольку он был еще слишком молод для официального авторства и полной ответственности за постройку, проект был подписан С.С. Кричинским[18]. Еще одним проектом, в котором Исцеленнову-студенту довелось участвовать под руководством талантливейшего Кричинского, был Федоровский собор в честь 300-летия Дома Романовых[19]. В списке российских храмовых проектов Исцеленнова имеется еще один (1914) – плавучей церкви Общества трезвости на пароходе, ходившем по северным рекам. Это должен был быть пятиглавый храм с колокольней, причаливавший к берегам, где располагались поселения без собственной церкви.

В предреволюционной Академии художеств Исцеленнов стал лидером элитарного кружка старшекурсников «Duodecim» (лат. «Двенадцать», 1905), в нем объединились 12 учеников Л.Н. Бенуа, чтобы бороться за возможность возрождения классических традиций в архитектуре и развитие «имперского искусства». «Duodecim» известен печатными выступлениями, пропагандировавшими актуальность архитектурного ордера как вечной и универсальной композиционной системы.

На формирование художественных вкусов Коли Исцеленнова в большой мере повлиял театр, а именно театр В. Мейерхольда, он даже занимался в театральной студии мастера, считавшегося «опасным модернистом». На его глазах творилась история русского театра, рождались новые формы сценического действа. Декорации и костюмы Головина приводили юного Исцеленнова в восторг: «Мы жили для искусства, дышали его атмосферой. На самом деле, я “родился” в стенах Академии. Премьера была для нас семейным праздником»[20]. Отсюда увлечение в эмиграции сценографией, близким, по сути, к архитектуре пространственно-временным искусством. Совместно с женой, художницей М.А. Лагорио он создал проект декорации для Пражской немецкой оперы к «Сказкам Гофмана» Ж. Оффенбаха (1924), с С.Я. Эфроном и режиссером-англичанином А. Бреем мечтал создать театр-студию в Праге.

Революцию Исцеленнов воспринял как удар, перевернувший жизнь. Десятки лет спустя, он скажет, что именно тогда, когда он вышел с премьеры Мариинского театра в феврале 1917 г., решилась его судьба, именно тогда он сбился с пути, заблудился, и никогда более не нашел дорогу назад. Кто-то Чужой взял его за руку и повел по жизни против

---

[18] Фицхелаурова 1971. С. 7. То же самое Исцеленнов рассказывал Ристо Весте. При этом в штаб-квартире Общества «Икона» (как выяснилось, это кабинет бывшей квартиры семьи Исцеленновых на Rue Guenegaud в Латинском квартале) имеется рисунок Исцеленнова (картон, гуашь, ок. 40 х 50 см) церковь свт. Николая Чудотворца, и его же рукой автором проекта указан архитектор Кричинский.

[19] Рисунок и этого собора, выполненный в одно время и в одной манере с упомянутым рисунком, стоит на мольберте в квартире.

[20] Risto Veste. P. 34.

его воли[21]. Страшный 1918 год был наполнен для него событиями. Он окончил Академию, умер отец, он переехал в Москву, туда же из Иркутска перебралась мать. Молодой архитектор в силу своей «истовой» художнической натуры активно пытался найти свое место в культурной жизни новой столицы. Заметим, что его имя – это единственное имя архитектора-эмигранта (!), вошедшее в «Энциклопедию русского авангарда»[22]. Впоследствии Исцеленнов ни разу не вспоминал свои экспериментаторские работы в авангардных группировках (Живскульптарх, 1919–1920). В памяти остались только те работы в России, которые были связаны с магистральным направлением его творчества в эмиграции.

В 1920 г. Н.И. Исцеленнов вместе с матерью бежал в Финляндию. В Хельсинки вместе с другим архитектором-беженцем Л.Е. Курпатовым, знакомым еще по Академии художеств, он проработал чуть более года в мебельно-интерьерной фирме Пауля Бумана. Участвовал в трех выставках салона искусств Стринберга, в которых выставлялся И.Е. Репин и его круг. Газета «Helsingin Sanomat» отметила серию работ «Московские типы» молодого русского художника: «Эти картины являются свидетельством современной истории, конечно, из-за этого переворота, который сам художник видел, и ужасы которого хотел показать другим… Актуальность его работ прямо потрясает»[23].

Если Финляндия была, условно говоря, «пересадочным пунктом» по пути в эмиграцию (хотя и важным, здесь Исцеленнов женился на художнице М.А. Лагорио (1892–1979)), то берлинский период (1921–1924) стал насыщенным и плодотворным в искусстве. В Берлине 1920-х гг., «Мекке русского книгоиздательства», он, по большей части, занимался книжной графикой. Вместе с братом жены, инженером А.А. Лагорио, арендовали издательство «Трирема» с собственной типографией. Николай Иванович специализировался на выпуске литографических книг-альбомов, автолитографированных малотиражных книг. В 1922 г. он выпустил альбом своих рисунков «Московские типы» и книгу А.М. Ремизова «Пляс Иродиады» с собственными литографиями, в 1923 – «Берлинские уличные типы» и автолитографированную книгу «Экклезиаст». Всего было издано порядка десятка книг. Тиражи были небольшие, но пользовались повышенным вниманием[24]. Уже в те ранние эмигрантские годы молодые мастера-супруги, Н. Исцеленнов и М. Лагорио стали выставляться в престижных немецких галереях. Представили серию гравюр на дереве и линолеуме и картин в кабинете графики Генриха Трит-

[21] Risto Veste. P.34-35.
[22] Энциклопедия русского авангарда. С. 386
[23] Helsingin Sanomat. 1920, 28 maya.
[24] По справке Г. Кратца в шести библиотеках Европы хранятся книги издательства ва «Трирема» 1922–1923 гг. «Пляс Иродиады» переиздан в Берлине (1986, репринт) и в Москве (2009).

тлера в Берлине, в Мюнхене в галерее нового искусства Ганса Гольца, в галерее во Франкфурте-на-Майне. Входили в совет «Дома искусств» (профессиональной организации русских писателей и художественных деятелей) в Берлине. Персональную выставку в самой известной галерее Праги – Дворце искусств Рудолфинум (1924–1925) помогло организовать имя Ганса Гольца. Помимо картин и графики, Исцеленнов представлял там театральные и архитектурные эскизы.

В течение своей очень долгой творческой жизни Н.И. Исцеленнов с М.А. Лагорио участвовали во множестве выставок в городах Европы: старинного и современного русского искусства в Брюсселе в 1928 г., в Париже в 1931 и 1935 гг., в Большом дворце на Салонах Независимых (1951–1959) и др. В Галерее изобразительного искусства в г. Наход (Чехия) и сегодня экспонируются работы Исцеленнова на религиозные темы в осовремененной живописной манере древнерусской иконы.

Основной темой художественно-графического наследия Исцеленнова было изображение русских монастырей и храмов, пейзажей русских городов, а основным стилем – национально-романтический стиль, модернизированный историческим временем.

В 1927 г. Исцеленнов участвовал в международном конкурсе на проект русской православной церкви в Берлине. Первое место получил другой известный петербургский архитектор Н.В. Васильев, по его проекту эта церковь и была построена (Fehrbellinerplatz, no. 5). Несколько позже, видимо в период, когда зарабатывал росписью фарфора в стиле русского модерна для фабрики кн. Ф.Ф. Юсупова «Фолья» (мастерство росписи Исцеленновы освоили в Праге), он расписал пять тарелок на тему собственных архитектурных эскизов берлинского храма 1927 г.

С 1925 г. и до конца дней Исцеленновы жили в Париже, европейском центре Русского зарубежья. Знакомство Исцеленнова с председателем общества «Икона» В.П. Рябушинским во многом определило его судьбу. Как известно, главная цель Общества – изучение и охрана древней иконы, иконописной традиции и православного искусства, знакомство Запада с русской иконописью. Имея возможность оценить культуру России «на расстоянии», Исцеленнов стал углубленно заниматься проблемой возрождения древнерусского искусства, прежде всего храмостроительства и иконописи. Своим жизненным призванием в эмиграции он считал, прежде всего, создание православных храмов и их интерьеров[25]. Компетенция Исцеленнова в сфере православного зодчества и иконописи, реализованные проекты принесли известность и заслужили признание эмигрантской культурно-православной среды Европы. Нынешний председатель «Иконы» З.Е. Залесская вспоминает, что «посте-

[25] Корреспондент «Русской мысли» в заглавии своей статьи подчеркнула главное его занятие: «Специалист по церковной архитектуре». – Фицхелаурова 1971.

пенно он стал очень сведущим иконоведом и специалистом по архитектуре древних храмов, и к нему стали обращаться за советами со всего мира»[26]. Но заниматься самым близким ему делом – проектами православных храмов – Исцеленнову приходилось не часто. Карьеру свою он считал довольно скромной, потому что, посвятив свою деятельность русской православной архитектуре до революции, он вынужден был покинуть Рос-сию, «а церковное строительство за границей нельзя назвать карьерой. А скорее – неким мученичеством!»[27].

Одним из главных направлений деятельности «Иконы» была организация открытых лекций (по данным юбилейного издания, с 1927 по 1983 г. состоялось около 120 лекций). Николай Иванович самоотверженно делился своими знаниями: по подсчетам Р. Гера, с 1938 по 1973 г. он провел более 50-ти таких встреч[28]. Читал он не только в «Иконе», но и в Обществе охранения русских культурных ценностей, кружках и клубах Русского студенческого христианского движения (РСХД).

Другим важнейшим направлением деятельности Общества было издание каталогов и книг по православной иконе, организация выставок: состоялось 42(!) выставки, в большинстве которых участвовал Исцеленнов, в 1948 г., например, на 30-й выставке Общества он представил свои работы на архитектурную тему. В деятельности парижской «Иконы» принимали участие члены-корреспонденты из других городов Франции и всего мира. Это самым непосредственным образом содействовало распространению идей и результатов деятельности Общества. С 1964 г. Исцеленнов заочно преподавал финским православным иконописцам. Эти уникальные заочные курсы были основаны им в содружестве с профессором Л. Успенским. По всей видимости, курсы явились своеобразным продолжением предшествующих контактов Николая Ивановича с хельсинским архитектором И.Н. Кудрявцевым, завязавшихся в процессе их совместной работы в 1953 г. над интерьером Ильинской церкви в Хельсинки[29]. Таким образом, Мастер внес свою весомую лепту в историю финского православного иконописания.

Исцеленнов еще в молодости демонстрировал способности к исследованиям, теоретическим дискуссиям, критике: известен его доклад в годы экспериментаторства в Москве о новых функциях и форме «О возрождении чистого значения архитектурного сооружения как храма нового культа». Он – автор самой первой статьи на Западе об авангардных архитектурных опытах в России (1922)[30].

---

[26] Общество «Икона» в Париже. Т. 2. С. 13.
[27] Фицхелаурова 1971. С. 7.
[28] Гера 2012. С. 242-243.
[29] Сохранилось более 70 писем Н.И. Исцеленнова к И.Н. Кудрявцеву, они хранятся в Национальной библиотеке Финляндии в Хельсинки (фонд И.Н. Кудрявцева).
[30] Iszelenov 1921. P. 89-91.

В 1950–1970-х гг. Исцеленнов много публиковался в русских изданиях Парижа – в литературно-политическом журнале «Возрождение» и газете «Русская мысль», сотрудником редакций которых какое-то время он являлся. Зачастую его статьями открывался очередной номер «Возрождения».

Историко-теоретические работы Исцеленова в основном посвящены русскому религиозному искусству, его эволюции в Русском зарубежье: «Судьба Санкт-Петербурга по его храмам» (1956), «О храмах, куполах и многоглавии» (1957), «Вера, Надежда, Любовь и София – Премудрость, Матерь их» (1956), «О колоколах» (1972), «Кремль» (1958), «О русской иконописи: храм Василия Блаженного» (1955), «Смертью смерть поправ: Православные иконы Воскресения Христова» (1956) и др. Эти публикации устанавливают факт целенаправленной работы мастера над проблемой православного зодчества в XX в. не только в практическом, но и теоретическом планах, они дают также представление о его творческих установках и стилистическом выборе.

Анализируя развитие церковной архитектуры в России, он пытался предугадать ее будущее, в работе «Судьба С.-Петербурга по его соборам» проследил исторический путь православного храма сквозь призму идеологии сменяющих друг друга эпох государственного правления[31]. Подчеркнув возврат в православной архитектуре России начала XX в. к древнерусским художественным традициям, он завершает работу словами: «С.-Петербург, вторая столица Русского Государства, превратив Россию в могучую европейскую державу, кончил два века своего классического величия молитвой Православной Руси, со своим царем припавшей к святым иконам в древних традиционных русских храмах…»[32]. Среди петербургских храмов 1909–1910 гг. постройки автор выделил те, архитектурный стиль которых был ближе всего его творческому мировоззрению: собор Федоровской иконы Божьей Матери в Царском Селе (арх. В.А. Покровский), храм-памятник Спас на водах (арх. М.М. Перетяткович), церковь на Пороховых заводах близ Шлиссельбурга (арх. В.А. Покровский), церковь свт. Николая Чудотворца и благ. кн. Александра Невского на подворье Палестинского общества и собор в память 300-летия дома Романовых (арх. С.С. Кричинский). Они «…были наполнены прекрасными образами, частью старинными, частью новой работой по старой традиции»[33]. Духовный и профессиональный опыт, полученный еще в студенческие годы в России, и художественно-стилевые пристрастия умудренного новым опытом Художника, как видим, со временем только утвердились.

---

[31] Исцеленнов 1956. С. 7-14.
[32] Там же. С. 14.
[33] Исцеленнов 1955. С. 12.

Храм-памятник в Брюсселе во имя Святого и праведного Иова Многострадального (1937) был главным сооружением в архитектурном творчестве Мастера, хотя и не единственным. Он занимался реконструкцией лютеранской кирхи под православный храм Свято-Сергиевского подворья в Париже (звонница и купол, 1932); построил церковь Святых Александра Невского и Серафима Саровского в Льеже (Бельгия, 1934; в 1953 г. был построен новый храм при участии Исцеленнова). Художник много работал над убранством храмов. По его проектам были созданы иконостасы в церкви Знамения Божьей Матери в Париже (конец 1920-х, иконы Д.С. Стеллецкого при участии Е.С. Львовой и Р.В. Лукина; сейчас находится в церкви на бульваре Экзельманс, 87); в Ильинской церкви на православном кладбище в Хельсинки (написал иконы в царских вратах); в русском православном храме св. Троицы замка Монбельяр под Бельфор во Франции (иконы Е.С. Львовой); святого Серафима Саровского в Париже (1932, иконы П.А. Федорова и др.); церкви св. Георгия при русском интернате для мальчиков в Медоне под Парижем (1950-е, иконы Е.С. Львовой, Г.В. Морозова и Т. В. Ельчаниновой). Занимался Мастер также отливкой колоколов и росписью фресок.

В Русском зарубежье храм зачастую осознается, кроме всего прочего, памятником русской культуры, русского церковного зодчества. Поэтому закономерно, что и в конкурсе на проект храма в память Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных основным условием было создание сооружения – «памятника скорби о годах смуты» – по образу древнерусских церквей. Однако при этом требовалось, чтобы церковь «…своими архитектурными формами не создава[ла] контраста с архитектурным пейзажем современного западноевропейского города»[34]. Перед конкурсантами ставилась задача тактичного внедрения в сложившуюся историческую среду. Это условие профессионального подхода к градостроительному решению, лишенному каких-либо намерений выделиться в застройке чуждой архитектурой.

У истоков идеи сооружения храма в Брюсселе в 1929 г. стоял секретарь П.Н. Врангеля Н.М. Котляревский. Строительный Комитет имел свои отделения во всех странах, где были значительные русские колонии. Художественно-техническая комиссия (И.Я. Билибин, Н.П. Краснов, П. Муратов и Н.Л. Окунев) избрала в качестве образца для участников конкурса придел шатровой каменной церкви Преображения Господня в подмосковном селе Остров конца XVI в.[35] В опыте наследования, стилизации исходного образца, а иногда и прямого повторения форм виделся путь возрождения традиций древнего национального стиля в новых для Церкви условиях. Окунев подчеркнул, что присущее архи-

[34] Вестник Комитета по сооружению в Брюсселе Русского Православного храма. С. 6-8.
[35] Вестник Комитета… С. 8.

тектуре островского храма Спаса Преображения «счастливое сочетание псковской конструкции с наружной отделкой в московском духе имело успех в Москве в период, когда преобладал еще вкус к более строгим и гармоничным формам церковной архитектуры, столь характерным для всего древнерусского зодчества»[36]. Комплекс Преображенского храма уникален для русской архитектуры эпохи Ивана Грозного. Но дело не в архитектуре, а в символическом значении церкви для российской эмиграции, задумавшей храм-памятник, обращенный в будущее.

На конкурс 1934 г. было подано множество проектов, среди которых исцеленновский был признан лучшим. Заложенный в январе 1936 г. храм-памятник, в 1937 г. был вчерне завершен. Однако строительные и художественные работы по его завершению велись очень долго, были прерваны на все годы войны, и освящение храма произошло только в 1950 г. (инженер-строитель Э. Фричеро).

Храм-памятник, дом причта с колокольней и ограда образуют комплекс, расположенный в живописной части Брюсселя. Двухъярусная колокольня представляет собой стройный восьмерик, дом причта решен по образу древних монастырских трапезных палат XVI в. Храм, вмещающий до 400 прихожан, перекрыт парусным сводом, снаружи имитирующим систему ступенчатых арок. Сонм из 36 кокошников является единственным выразительным средством в торжественно-лаконичном образе церкви. Архитектура придела островской церкви, воссозданная в брюссельском храме-памятнике, описана в трудах по истории русской архитектуры[37]. Имеет смысл говорить лишь о том, что отличает его от прототипа. Исцеленновский проект изначально не мог быть абсолютно точной копией образца: придел Преображенской церкви преобразован в самостоятельный храмовый объем. В 1968 г. над входом появилась мозаика с изображением палладиума дома Романовых Федоровской иконы Божьей Матери (худ. Н.Б. Мейендорф) в соответствии с традицией ярославской архитектурной школы. В проекте применено новое конструктивное решение перекрытия, использован бетон в качестве материала, применена новая концепция художественной структуры интерьера. «Счастливый выбор прототипа позволил талантливому архитектору, в конечном итоге воздвигнуть храм в еще более удачном виде, нежели сам придел [церкви] села Острова», – писал «Вестник западноевропейской епархии Русской зарубежной церкви»[38].

Убранство храма-памятника предельно лаконично, стены оставлены практически не расписанными. В алтарной апсиде стенопись – образ Богоматери Оранты, исполненный самим зодчим; на южной стене

[36] Окунев 1935. С. 11.
[37] Ильин 1980. С. 75-94.
[38] Цит. по: Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 399.

большой образ святителя Николая также работы Исцеленнова, а на северной – образ Богоматери Печерской (кн. Е.С. Львовой). Благодаря первозданной чистоте стен, все внимание концентрируется на композиционно и художественно доминирующем в пространстве храма трехъярусном иконостасе (проект Исцеленнова), киотах-памятниках, кануне и мемориальных досках. Все иконы для храма исполнены Е.С. Львовой, Н.И. Исцеленновым, архимандритом Киприаном (К.Э. Керн).

«Входя в этот храм, зная Николая Ивановича, сразу появляется ощущение индивидуальности и самобытности характера, вложенного в постройку храма. И снаружи, и внутри храм очень ладный, продуманный и красивый во всей своей совокупности», - написала З.Е. Залесская, единомышленник и друг Исцеленнова[39].

Одновременно с сооружением каменного храма был возведен и другой памятник: на внутренних стенах – памятные доски с именами жертв смуты. Они были призваны стать «могильными плитами» для тех, кто был лишен возможности христианского погребения: близкие погибших могли приехать в храм как на могилу. Есть мемориальная доска и в память о строителях храма. Подобно тому, как это всегда происходит в храмах-памятниках, в брюссельском храме, увековечившем имена новомучеников и сотен людей, произошло совмещение сакральной функции с мирской: храм стал также памятником жертвам революции.

Особенность храма-памятника состоит в воссоздании архитектуры образца, точном, насколько возможно, его копировании. Исцеленнов воссоздал архитектурную форму, с одной стороны, олицетворяющую национально-русскую архитектуру допетровской Руси, а с другой – форму, известную русской эмиграции своим символическим содержанием. По словам священника А. Трубникова, «Храм воистину прекрасен. Никаких претензий – только строгое совершенство линий, та драгоценнейшая “мера вещей”, чувство которой являлось талантом, …который во многих областях, особенно же в церковном искусстве, унаследовали от своих учителей в культуре древние русские люди»[40].

Храм-памятник Николаю II имеет выдающееся историко-культурное значение, реализованное в той важной роли, которую он играет в жизни русской эмиграции. Это знаковое сооружение для своего времени в то же время обладает несомненной архитектурно-художественной ценностью, наследует традиции православной архитектуры России начала XX в., воплощает искания в религиозном творчестве русской художественной эмиграции.

---

[39] Залесская З.Е. Без названия. Рукопись (Биография и творчество Н.И. Исцеленнова, 30.04.2004). Выражаю глубокую благодарность З.Е. Залесской за предоставленную возможность использовать рукопись. (Передано С.С. Левошко в 2009 г.).

[40] Цит. по: Общество «Икона» в Париже. Т. 1. С. 402.

Брюссельский храм всемирно известен, его возведение – яркая страница жизни Церкви в русском рассеянии. Храм исполняет свою функцию по сей день, охраняется бельгийским королевским правительством как памятник архитектуры и является культурной достопримечательностью города. Это лучшее подтверждение вклада представителей Русского зарубежья в мировую культуру.

Осмысляя отличия традиционных икон от современных концепций западного искусства XX в., Н.И. Исцеленнов резюмировал: «Наша эпоха окутана дымкой западного искусства, которая сейчас принимает нереалистичные формы. Наряду с этим, русская иконопись продолжает существовать, и в ней даже раскрываются тенденции к развитию»[41].

Исследование творческой судьбы, состоявшейся именно в эмиграции, показало, как глубоко одаренная от природы и широко образованная, неординарная личность смогла использовать те немногочисленные возможности, которые уготовила жизнь. Н.И. Исцеленнов сумел оставить значительное творческое наследие, несмотря на два эпохальных события – русскую революцию и вторую мировую войну, неотвратимо ворвавшихся в судьбу, после которых он так и не смог, по собственному убеждению, «найти дорогу назад», т.е. к себе. Однако сегодня мы можем констатировать, что своей общественной и научной деятельностью, творчеством Мастер внес существенный вклад в наследование, продолжение и развитие на новом историческом этапе традиций русского православного искусства. Его талантом и творческим наследием обогатилось не только Русское зарубежье, но также Запад, и сегодня можно с уверенностью сказать, что оно стало частью отечественной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вестник Комитета по сооружению в Брюсселе Русского Православного храма. Брюссель 1935. № 3 (март).

Гера Р. Н.И. Исцеленнов – архитектор, художник и книжный график // Русский мір. Пространство и время русской культуры. 2012. № 7. С. 237-246.

Гера Р. Н.И. Исцеленнов – архитектор, художник и книжный график. К 120-летию со дня рождения // Новый Журнал. 2012, № 266. http://magazines.russ.ru/nj/2012/266/g12.html

Известия Императорского археологического комитета. Вып. 50. СПб., 1913.

Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI в. М.: Искусство, 1980. 242 с.

Исцеленнов Н.И. О русской иконописи: Храм Василия Блаженного // Возрождение. Париж, 1955. № 39. С. 12.

Исцеленнов Н.И. Общество «Икона» в Париже // Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1973. (Доп. изд.) С. 82-85.

Исцеленнов Н. Судьба С.-Петербурга по его соборам // Возрождение. 1956. № 54. С. 7-14.

Левошко С.С. Русское архитектурное зарубежье первой трети XX в.: храмы-памятники Николаю II в Шанхае (арх. А. И. Ярон) и Брюсселе (арх. Н. И. Исцеленнов) // Вопросы всеобщей истории архитектуры / Ред. А.А. Воронов. М.: УРСС, 2004. Вып. 2. С. 244- 257.

Левошко С.С. Архитектурное наследие Русского Зарубежья: храмы-памятники Николаю II // Трибуна русской мысли. 2003. № 2 (6). С. 152-159.

[41] Risto Veste. P.84.

Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д. Я. Художники Русского Зарубежья, 1917–1939: биографический словарь. СПб.: Издательство «Нотабене», 2000. 720 с.
Лыхин Ю.П. Николай Иванович Исцеленнов: возвращение из забытия // Земля Иркутская. 1998. № 10. С. 60-65.
Лыхин Ю.П., Крючкова Т.А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 г.). Биобиблиографический словарь. Иркутск: Изд. АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.
Общество «Икона» в Париже / Сост. Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В. М.: Прогресс-Традиция, 2002. В двух томах. Т. 1. 600 с.; Т. 2. 288 с.
Окунев Н.Л. Храм Преображения в селе Остров под Москвою // Вестник Комитета по сооружению в Брюсселе Русского Православного храма. Брюссель 1935. № 3 (март).
Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (191–1941). СПб, 1994. 587 с.
Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. СПб., 1992. 400 с.
Стригалев А.А. Воспоминания Кринского об Исцеленнове // Проблемы истории советской архитектуры: Сб. науч. тр. М.: ЦНИИП градостроительства, 1985. 127 с.
Стригалев А.А. К «новой архитектуре» через синтез искусств. Живскульптарх // Художественные модели мироздания. М.: Наука. 1999. В двух кн. Кн. 2. XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира. 364 с.
Струве Н. А. Православие и культура /2-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь, 2000. 632 с.
Фицхелаурова М. Беседа с архитектором Н.И. Исцеленновым – специалистом по церковной архитектуре // Русская мысль (Париж). 1971. 21 октября (№2865).
Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство, архитектура / авторы-сост. Ракитин В.И., Сарабьянов А.Д. М.: Глобал Эксперт энд Сервис Тим, 2013. В 3 т. Т. I. А-К. Биографии. 527 с.
Helsingin Sanomat, 1920, 28 мая.
Iszelenov N. Die Architectur in Russland // Frühlicht, 1921, № 3. P. 89-91.
Risto Veste. Now other art than beaty – three Emigrant Artists. Rovaniemi, 2001. 116 p.

REFERENCES

Vestnik Komiteta po sooruzheniyu v Bryussele Russkogo Pravoslavnogo hrama. Bryussel' 1935. № 3 (mart).
Gera R. N.I. Iscelennov – arhitektor, hudozhnik i knizhnyj grafik // Russkij mir. Prostranstvo i vremya russkoj kul'tury. 2012. № 7. S. 237-246.
Gera R. N.I. Iscelennov – arhitektor, hudozhnik i knizhnyj grafik. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya // Novyj Zhurnal. 2012, № 266. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2012/266/g12.html
Izvestiya Imperatorskogo arheologicheskogo komiteta. Vyp. 50. SPb., 1913.
Il'in M.A. Russkoe shatrovoe zodchestvo. Pamyatniki serediny XVI v. M.: Iskusstvo, 1980. 242 s.
Iscelennov N.I. O russkoj ikonopisi: Hram Vasiliya Blazhennogo // Vozrozhdenie. Parizh, 1955. № 39. S. 12.
Iscelennov N.I. Obshchestvo «Ikona» v Parizhe // Kovalevskij P.E. Zarubezhnaya Rossiya. Parizh, 1973. (Dop. izd.). S. 82-85.
Iscelennov N. Sud'ba S.-Peterburga po ego soboram //Vozrozhdenie. 1956. № 54. S. 7-14.
Levoshko S.S. Russkoe arhitekturnoe zarubezh'e pervoj treti HH v: hramy-pamyatniki Nikolayu II v Shanhae (arh. A. I. Yaron) i Bryussele (arh. N. I. Iscelennov) // Voprosy vseobshchej istorii arhitektury / Red. A.A. Voronov. M.: URSS, 2004. Vyp. 2. S. 244- 257.
Levoshko S.S. Arhitekturnoe nasledie Russkogo Zarubezh'ya: hramy-pamyatniki Nikolayu II // Tribuna russkoj mysli. 2003. № 2 (6). S. 152-159.
Lejkind O.L., Mahrov K.V., Severyuhin D. Ya. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ya, 1917–1939: biograficheskij slovar'. SPb.: «Notabene», 2000. 720 s.
Lyhin Yu.P. Nikolaj Ivanovich Iscelennov: vozvrashchenie iz zabytiya // Zemlya Irkutskaya. 1998. № 10. S. 60-65.
Lyhin Yu.P., Kryuchkova T.A. Ikonopiscy, mastera i hudozhniki Irkutska (XVII vek – 1917 g.). Biobibliograficheskij slovar'. Irkutsk: Izd. AEM «Tal'cy» , 2000. 408 s.
Obshchestvo «Ikona» v Parizhe / Sost. Vzdornov G.I., Zalesskaya Z.E., Lelekova O.V. M.: Progress-Tradiciya, 2002. V dvuh tomah. T. 1. 600 s.; T. 2. 288 s.

Okunev N.L. Hram Preobrazheniya v sele Ostrov pod Moskvoyu // Vestnik Komiteta po sooruzheniyu v Bryussele Russkogo Pravoslavnogo hrama. Bryussel' 1935. № 3 (mart).
Severyuhin D.Ya., Lejkind O.L. Hudozhniki russkoj emigracii (1917–1941). SPb, 1994. 587 s.
Severyuhin D.Ya., Lejkind O.L. Zolotoj vek hudozhestvennyh ob"edinenij v Rossii i SSSR (1820–1932): Spravochnik. SPb., 1992. 400 s.
Strigalev A.A. Vospominaniya Krinskogo ob Iscelennove // Problemy istorii sovetskoj arhitektury: Sb. nauch. tr.. M.: CNIIP gradostroitel'stva, 1985. 127 s.
Strigalev A.A. K «novoj arhitekture» cherez sintez iskusstv. Zhivskul'ptarh //Hudozhestvennye modeli mirozdaniya. M.: Nauka. 1999. V dvuh kn. Kn. 2. XX vek. Vzaimodejstvie iskusstv v poiskah novogo obraza mira. 364 s.
Struve N. A. Pravoslavie i kul'tura / 2-e izd., ispr. i dop. M.: Russkij put', 2000. 632 s.
Fickhelaurova M. Beseda s arhitektorom N.I. Iscelennovym – specialistom po cerkovnoj arhitekture // Russkaya mysl'. (Parizh). 1971. 21 oktyabrya (№ 2865).
Enciklopediya russkogo avangarda. Izobrazitel'noe iskusstvo, arhitektura / avtory-sost. Rakitin V.I., Carab'yanov A.D. M.: Global Ekspert end Servis Tim , 2013. T. I. A-K. Biografii. 527 s.
Helsingin Sanomat, 1920, 28 maya.
Iszelenov N. Die Architectur in Russland //Frühlicht, 1921, № 3. P. 89-91.
Risto Veste. Now other art than beaty – three Emigrant Artists. Rovaniemi, 2001. 116 p.

***Левошко Светлана Сергеевна**, кандидат архитектуры, доцент, ведущий научный сотрудник, Филиал ЦНИИП Минстроя РФ Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), ведущий научный сотрудник: s_levoshko@mail.ru*

Cultural heritage of Nikolai Istselennov and his contribution to Orthodox art of Russian Diaspora in the 20th century

This article is devoted to the versatile heritage of the artist and architect Nikolai Ivanovich Istselennov (1891–1981) – one of the cultural life leaders of Russian Paris and to his exceptional role in understanding and examining possible directions for the advancement of Russian Orthodox art in the Russian diaspora and its popularization throughout Europe and the world. The association “Icona”, which he headed for 30 years, turned into a creative and spiritual phenomenon of the Russian Diaspora. His iconography and temple monument honouring Iov Mnogostradal’nyi in Brussels became the treasury of Russian religious art of the XX c. In addition, the inheritance experiences and familiarisations of Iscelennov in relation to his circle of traditions of Russian Orthodox art in the Russian diaspora is presented.

Keywords: Nikolai Istselennov, Russian abroad, the society “Icon”, Orthodox art, architecture, iconography, heritage

***Svetlana Levoshko**, Ph.D. (Architecture), associate Professor, the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation; Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, leading research fellow: s_levoshko@mail.ru*

С. И. Михальченко

ЭМИГРАНТСКИЕ ГОДЫ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ТАРАНОВСКОГО[1]

Статья посвящена эмигрантскому периоду (1920–1936) биографии известного российского историка, юриста, организатора науки и образования Федора Васильевича Тарановского (1875–1936), его научной и педагогической работе в Белградском университете в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии). В эти годы он внес большой вклад в изучение истории славянского, в том числе сербского права. Характеризуется его деятельность на посту председателя Русского Научного института в Белграде. Статья написана на основе преимущественно неопубликованных источников из российских и зарубежных архивов.

Ключевые слова: *Ф.В. Тарановский, история права, русская эмиграция, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Белградский университет*

Биография историка и юриста Федора Васильевича Тарановского (1875–1936)[2], была, пожалуй, типична для представителей русской академической среды начала XX в., к рубежному для многих представителей отечественной интеллигенции 1920 году он прошел путь, традиционный для университетского преподавателя. Окончив Варшавский университет, был оставлен для приготовления к профессорскому званию (под руководством известного историка права Ф.И. Леонтовича), затем преподавал там же. После защиты в 1905 г. магистерской диссертации занимал кафедру истории государства и права в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, затем в Юрьевском университете. В 1911 г. стал доктором государственного права. В 1917 г., спасаясь от революционных неурядиц, уехал к родственникам в Полтавскую губернию. В 1918 г. был среди основателей Всеукраинской Академии наук.

В 1919 г. он принял активное участие в деятельности пропагандистского органа деникинского правительства – ОСВАГа, читал публичные лекции на занятом белыми юге России[3]. Наступление большевиков побудило отправиться в Крым, откуда он с женой и тремя детьми отправился в эмиграцию. Переход в Константинополь французского парохода затянулся на три недели[4], при этом семья Тарановского расположилась в трюме на ящиках. Затем последовали еще несколько недель пребывания на Принцевых островах. Наконец, стало известно, что беженцев готово принять вновь образованное Королевство сербов, хорва-

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-09-00437).

[2] Биографические данные см., напр.: Усенко 1993; Томсинов 2003; Гончарова 2018.

[3] Спекторский. Воспоминания. Л. 414.

[4] Савчук 2010. С. 130; Гончарова 2018. С. 344.

тов и словенцев (КСХС) (с 1929 г. – Югославия). «В связи с переездом в Сербию у Тарановского остро встал денежный вопрос, – вспоминал его попутчик С.П. Тимошенко. – На острове кормили даром, но теперь для покупки билетов и для путевых расходов требовались деньги. Тарановский решил продать имевшиеся у него гимназическую и университетскую золотые медали. Для выполнения этой операции мы отправились на противоположный берег залива в Истанбул и там на одном из "базаров" продали медали». Затем Тимошенко и Тарановский осмотрели стамбульские достопримечательности и, как отмечал Тимошенко, осмотр собора Св. Софии, «сопровождавшийся историческими объяснениями Тарановского», произвел на него большое впечатление[5]. После переезда из Константинополя через Болгарию, весной 1920 г. семья, наконец, оказалась в КСХС среди почти 45 тысяч русских эмигрантов[6].

В переполненном беженцами Белграде квартиру найти было очень трудно, поэтому Тарановские, как и многие другие русские, поселились в расположенной рядом с пригородом Белграда Земуном немецкой деревне Франценсталь. «Земун находится на том же правом берегу Дуная, что и Белград. Но их отделяет Сава. До конца мировой войны Земун входил в состав Венгрии. Посему сейчас же за Савой начиналась "бежанија", место, куда сербы бежали от турок, которые только в 1867 году по требованию России очистили Белград, вернее, белградскую крепость Калемегдан <...> Земун находится на низком берегу Дуная. Некоторые его кварталы даже ниже реки и отделены от нее дамбой», – такое описание оставил свидетель событий[7]. Белград, в котором предстояло работать Тарановскому, его современнику Д.И. Дорошенко напоминал Екатеринослав, «каким он бывает в начале осени после сухого, бездождевого лета». Город еще не оправился от войны. Как отмечал мемуарист, «каких-либо видных, больших зданий было мало, да и те обшарпанные. Большинство домов – низенькие одноэтажные зданьица, крытые черепицей. Деревьев мало, в основном акация. Покрытие на улицах очень плохое, разбитое, за исключением двух-трех главных улиц, мощенных деревом. Все спалено солнцем, прокурено, запорошено…»[8].

Истощенное войной молодое государство готово было принять на работу квалифицированных специалистов. В 1920-е гг. в университетах КСХС работало более 70 русских профессоров, обучалось более 1100 студентов[9]. Кроме Тарановского, в КСХС наряду со многими другими профессорами-юристами оказался и его друг Е.В. Спекторский[10]. Спек-

[5] Тимошенко1963. С. 189.
[6] Јовановић 2012. С. 176.
[7] Спекторский. Воспоминания. Л. 441; Л. 745-746.
[8] Дорошенко 1969. С. 471.
[9] См.: Йованович 2005. С. 332.
[10] См.подробнее: Михальченко, Ткаченко. 2013.; 2017.

торский вспоминал: «Белградский университет принял 35 русских профессоров. На юридическом факультете, кроме приехавших раньше нас К.М. Смирнова и А.В. Соловьева были избраны Ф.В. Тарановский, М.П. Чубинский и я. Назначения все еще не было. Чубинский отправился в министерство узнать, в чем дело. Там ему сказали, что назначены Михайло Павлович, Теодор Василевич и Евгений Василевич. Это были мы. Мы еще не знали, что сербские фамилии кончаются на ич, и что нам не надо писать после имени отчество, ибо его принимают за фамилию»[11]. Вскоре практически все вакантные кафедры Белградского университета были заняты русскими профессорами. Тарановский (в декабре 1920 г. в письме жившему тогда в Константинополе и ищущему место историку Г.В. Вернадскому) сетовал, что устроиться в Белградский университет возможно только на богословский факультет, другие факультеты переполнены. Предлагал коллеге рассмотреть другие варианты трудоустройства – в семинарию, гимназию или на вновь открытый философский факультет в Скопле (Скопье)[12].

Тарановский был избран профессором кафедры истории славянского права. По этой кафедре преподавание не велось долгие годы[13], она была замещена только благодаря появлению Тарановского и Соловьева. «И они занялись сильно запущенной историей сербского права. Тарановский давал синтез уже опубликованного материала, а Соловьев стал искать новый материал в архивах и монастырях»[14].

Студенты-юристы были мало настроены на изучение теоретического материала. К тому же, лекции по необязательным курсам студенты вовсе не посещали, приходя только на экзамены, что в Сербии было обычным делом[15]. Несерьезное, в общем, отношение слушателей к историко-правовым предметам не способствовало формированию Тарановским школы в Белградском университете. Более популярен и значим, как научный руководитель, он был для представителей молодого поколения эмигрантов, знавших его еще в России. Тарановский принимал участие в судьбе историка права М.В. Шахматова[16]. Племянник известного источниковеда А.А. Шахматова, выпускник Петербургского университета и участник Белого движения, Мстислав Вячеславович Шахматов (1888–1943) в 1920 г. эмигрировал вначале в КСХС, а в 1922 г. – в Чехословакию, где преподавал в Праге на образованном тогда же Русском юридическом факультете (РЮФ). 19 июня 1927 г. Шахматов на

[11] Спекторский. Воспоминания. Л. 461
[12] Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives. G. Vernadsky papers. Box 10. F.V. Taranovskii letters. 20.12.1920.
[13] Тарановски Т. 1933. С. 234.
[14] Спекторский. Воспоминания. Л. 463. См. также: Кандић. 2002. С. 315 и др.
[15] Спекторский. Воспоминания. Л. 740.
[16] Гаген 2008.

РЮФ защитил магистерскую диссертацию «Учение русских летописей домонгольского периода о государственной власти». Не останавливаясь на достигнутом, он решил подготовить докторскую диссертацию. Ее тему Шахматов активно обсуждал со старшими коллегами, послав письма с вариантами формулировок и Спекторскому, и Тарановскому[17]. Тем временем, РЮФ с 1929 г. был на грани закрытия[18]. Сокращались и выплаты от чехословацкого правительства в рамках «русской акции». К тому же, у Шахматова резко ухудшилось здоровье. «Судьба Шахматова меня сильно тревожит, – писал Тарановский Спекторскому 19 марта 1931 г. – Поговорю с Беличем[19], может быть, ради памяти дяди он устроит племянника куда-либо по библиотечной части. Неужели тактаки ничего нельзя сделать для него в Любляне!»[20]. В итоге докторская работа Шахматова была защищена по русским дореволюционным правилам уже после смерти Тарановского в 1938 г. в Белграде[21].

Вскоре после приезда русских профессоров-эмигрантов, в Белграде было создано Общество русских ученых КСХС во главе со Спекторским; товарищем председателя стал Тарановский[22]. Через некоторое время от Общества русских ученых откололась особая «академическая группа», избравшая своим председателем Ф.В. Тарановского. Внук Тарановского О.В. Жардецкий полагал, что «в Обществе остались главным образом монархисты, включая математиков и инженеров, а Группу возглавили более либерально настроенные» ученые»[23]. Но, скорее, прав был Спекторский, замечавший, что главной причиной раскола были личные трения среди некоторых членов группы[24].

Важным местом приложения организаторской и творческой активности Тарановского стал Русский научный институт (РНИ) в Белграде[25]. При открытии института в 1928 г. один из его организаторов, Е.В. Спекторский, отметил, что институт будет преследовать исследовательские и просветительские цели[26]. Первым председателем института стал Спекторский, а после его переезда в Любляну в 1930 г. на эту должность избрали Тарановского, при этом ему пришлось покинуть пост Председа-

[17] ARS. Письмо М.В. Шахматова Е.В. Спекторскому. 01.01.1928 г.
[18] Михальченко 2015.
[19] Белич, Александр (БелиЋ, Александар) (1876–1960) – филолог-славист, доктор филологии (1904), профессор (с 1906) и ректор (1933–1934) Белградского университета. Академик (1906) и президент (1937–1960) САНИ. Один из главных организаторов помощи русским ученым-эмигрантам в Югославии.
[20] ARS. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому. 19.03.1931.
[21] ARS. Письмо М.В. Шахматова Е.В. Спекторскому. 12.09.1939.
[22] См.: Труды. С. 279. Российская эмиграция. С. 90-91.
[23] Жардецкий 2012. С. 300.
[24] Спекторский. Воспоминания. Л. 784.
[25] Йованович 2005. С. 327-328; 2011. С. 336-360.
[26] Спекторский 2008. С. 185.

теля Академической группы. Он возглавлял институт вплоть до своей кончины в 1936 г. и немало сделал для подъема престижа института.

Согласно отчету о деятельности РНИ, Тарановский тридцать раз выступал на его заседаниях с докладами на разнообразные историко-правовые темы; читал он от института и публичные лекции в разных городах Югославии[27]. В течение двух лет вел в РНИ семинарий по истории русского права земского периода. За время своего существования (1928–1941 гг.) институт выпустил 17 томов записок, многие материалы которых не потеряли научной ценности до сих пор; в Белград приезжали по приглашениям института представители русской диаспоры в Европе из Парижа, Софии, Праги, Берлина и, несмотря на то, что большинство эмигрантов в Югославии были бывшие военные, казаки и т.п., лекции пользовались большой популярностью.

И Спекторский, и Тарановский для экономии отпускавшихся на содержание института средств вынуждены были исполнять «обязанности не только председателя, но и делопроизводителя и даже курьера». Спекторский шутя замечал, что Тарановский поначалу осуждал такую практику «с точки зрения идеального правового государства», но, возглавив РНИ, быстро понял, что в создавшейся обстановке нельзя было действовать иначе и продолжил традицию[28]. Институт активно участвовал в праздновании юбилеев русских писателей, деятелей науки и культуры, российских университетов[29].

15 февраля 1931 г. было отмечено 50-летие со дня смерти Ф.М. Достоевского. На вечере выступили П.Б. Струве, А.П. Погодин, Л.М. Сухотин[30]. Придерживавшийся научной добросовестности и порядочности, Тарановский довольно критически отнесся к выступлениям коллег. «На докладе Сухотина мне пришлось выступить в защиту русской историографии, которую С[ухотин] одним взмахом похерил, порекомендовав вернуться к Карамзину. Ах уж эти неофиты народности и патриотизма!» – с иронией восклицал он в письме Спекторскому. Струве же вовсе, по его мнению, заводил в Институте «вредную в научном отношении и, строго говоря, недопустимую манеру говорить всякому обо всем, не считаясь со специальностью»[31].

Тарановский не остался в стороне также от празднования юбилеев А.С. Пушкина и И.С. Тургенева, опубликовав о них большие статьи в сербских журналах. Не прекращал он и активной деятельности по своей

[27] Спекторский 2008. С. 206-208.
[28] Спекторский. Воспоминания. Л. 784-785.
[29] Михальченко, Ткаченко 2018.
[30] Сухотин Лев Михайлович (1879–1948) – историк, д. член Императорского Общества Истории и Древностей Российских. В эмиграции в Югославии, был директором гимназии в Белграде.
[31] ARS. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому. 2.03.1931.

основной научной специальности, опубликовав несколько десятков исторических и правовых книг, статей и рецензий[32]. Работа ученого не оказалась незамеченной в Югославии – в 1932 г. он был избран членом Сербской Королевской Академии[33].

В Земуне, где Тарановский прожил все эмигрантские годы, им был создан религиозно-философский кружок. В письме от 17.05.22 он делился с Г.В. Вернадским радостью по поводу начала работы кружка, «оазиса в душевной пустыне эмигрантской жизни»[34]. Как вспоминал участник заседаний В.В. Зеньковский, «работали мы дружно, все прежнее или забылось, или отодвинулось», причем «самым интересным и живым членом и участником этих собраний был сам Ф.В. Широко образованный, привыкший к точным юридическим формулировкам, он мыслил очень ясно и четко и всегда укреплял свои религиозные позиции пережитым опытом»[35].

В последние годы жизни здоровье Тарановского ухудшилось, некоторое время он провел в лечебнице около Граца в Австрии, а его бывший коллега по Юрьевскому университету М.Ю. Пергамент, ставший советским дипломатом в Китае, предложил жене Тарановского Марии Николаевне денежную помощь с тем, чтобы это осталось «между ними и Богом», но она с благодарностью отказалась[36].

Иногда Тарановские проводили летний отпуск на водах на югославских курортах. «2 сентября поедем в Врнячку Банью на три недели, – писал Федор Васильевич Спекторскому 7 августа 1934 г. – Пора уже себя поласкать»[37]. Несмотря на нездоровье, он был полон планов. «Живу довольно интенсивно – читаю, думаю, обдумываю темы для новых исследований», – отмечал он в том же письме.

Планам не суждено было осуществиться. 22 января 1936 г. он провел занятия со студентами, на следующий день был запланирован его доклад «Послевоенная историография средневекового болгарского права» в РНИ[38], но прочитан не был – 23 января Тарановский скончался.

В 1941 г., при бомбардировке немцами Белграда, архив Тарановского был почти полностью уничтожен, оказались утраченными многие

---

[32] Материалы, 1931. С. 309-311; 1941. С. 337-338.

[33] https://web.archive.org/web/20160305013621/http://www.sanu.ac.rs/Clanstvo/IstClan.aspx?arg=561. Тарановский был избран со второй попытки. В 1931 г. его забаллотировали – для избрания не хватило двух голосов. (ARS. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 17.02.1931).

[34] Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives. G. Vernadsky papers. Box 10. F.V.Taranovskii letters. 17.05.1922.

[35] Зеньковский 1994. С. 53.

[36] Спекторский. Воспоминания. Л. 742.

[37] ARS. Письмо Ф.В. Тарановского Е.В. Спекторскому, 07.08.1934.

[38] Спекторский 1936. С. XX; 2008. С. 194.

его неизданные труды[39]. Но Имя Тарановского не забыто - его наследие активно используется[40], книги и статьи до сих пор переиздаются[41], а учебники используются в преподавании[42].

БИБЛИОГРАФИЯ

ARS (Arhiv Republike Slovenije). Fond AS.1901. Škatla.1.

BA (Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives). G. Vernadsky papers. Box 10. F.V. Taranovskii letters.

Бојовић С. 200 година Београдског универзитета. 1808–2008. Историја институције. Београд, 2008. 480 с.

Гаген С.Я. История права как наука в трудах М.В. Шахматова (1888–1943) и современность // Imagines Mundi. Альманах исследований всеобщей истории. Екатеринбург, 2010. С. 120-125.

Гончарова Е.А. Жизнь и научная деятельность Ф.В. Тарановского накануне эмиграции // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2(43). С. 341-345.

Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920). Мюнхен, 1969. 543 с.

Жардецкий О.В. Воспоминания о первой русской эмиграции в Югославии: уроки истории // Проблемы славяноведения. Брянск, 2012. Вып. 14. С. 280-327.

Желдыбина Т.А. Правовое учение Ф.В. Тарановского в контексте сравнительно-исторического правоведения // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2012. № 2(84). С. 67-72.

Зеньковский В. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. XXVI. С. 3-64.

Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. 488 с.

Йованович М. Русский научный институт в Белграде (1928–1941): обзор организации и деятельности // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2011. Т. X. С. 336-360.

Кандић Љ. Историја правног факултета у Београду. 1905–1941. Друга књига. Београд, 2002.

Ковалев М.В. Русский Институт в Праге (1922–1938 годы) // Вестник Новосибирского госуниверситета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1: История. С. 121-134.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931–1941. Вып.1-2.

Матич О. Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М., 2017. 584 с.

Михальченко С.И. Высшее образование русского зарубежья: новые документы // Проблемы славяноведения. Брянск, 2015. Вып. 17. С. 152-157.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С.31-53.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский: частная жизнь в эмиграции // Люди и судьбы русского зарубежья. М., 2017. Вып. 4. С. 264-274.

Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. «Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934»: подготовка юбилейного издания // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития. Материалы IX Международ. науч. семинара. М., 2018. Ч. 1. С. 366-372.

Михальчич Р. История сербского права в трудах Федора Тарановского // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 223-236.

Мудриєвська Л.М. Державно-правові погляди Ф. В. Тарановського. Автореф. дис. канд. юр. наук. Київ, 2010.

Омельченко О.А. Федор Васильевич Тарановский // Право и жизнь.1994. №6. С.329-331.

[39] Омельченко 1994. С. 331.

[40] См.: Омельченко 1985; Михальчич 1996; Мудриєвська 2010; Желдыбина 2012.

[41] Тарановский 2014; Pax Rossica…

[42] Тарановский 2001.

Омельченко О.А. Московское государство в историографическом наследии Ф.В. Тарановского // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 51-76.
Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / Сост. Е.А. Бондарева. М., 2012. С. 188-223.
Савчук В.С. Федір Васильович Тарановський: тернистий шлях до еміграції // Чорноморський літопис. 2010. № 1. С. 124-131.
Спекторский Е.В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv.Ф.01-30.230. Е.х. II.
Спекторский Е.В. Десятилетие Русского Научного института (1928–1938) // Русский Белград. М., 2008. С.184-211.
Спекторский Е.В. Жизнь и личность Ф.В. Тарановского // Записки РНИ. Белград, 1936. Вып.13. С. I-XX.
[Спекторский Е.В.] Столетие Киевского университета Св. Владимира: 1834–1934. Белград, 1935.101 с.
Тарановски Т. Увод у историју словенских права. Београд, 1922. 208 с.; 2-е изд. Београд, 1933. 260 с.
Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб., 2001. 552 с.
Тарановский Ф.В. История русского права. М., 2014. 238 с.
Тимошенко С.П. Воспоминания. Париж, 1963. 416 с.
Томсинов В.А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции. Статья 6-я: Федор Васильевич Тарановский: судьба и творчество // Законодательство. 2003. № 4. С. 87-90; № 5. С. 87-91.
Труды русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. 344 с.
Усенко І.Б. Академік Ф.В. Тарановський // Правова держава. Київ, 1993. Вип. 4. С. 130-143.

REFERENCES

ARS (Arhiv Republike Slovenije). Fond AS.1901. Škatla.1.
BA (Columbia University. Rare book library. Bakhmeteff Archives). G. Vernadsky papers. Box 10. F.V. Taranovskii letters.
Bojović S. 200 godina Beogradskogo univerziteta. 1808–2008. Istorija institucije. Beograd, 2008. 480 S.
Gagen S.YA. Istoriya prava kak nauka v trudakh M.V. Shakhmatova (1888–1943) i sovremennost // Imagines Mundi. Yekaterinburg, 2010. S. 120-125.
Goncharova Ye.A. Zhizn i nauchnaya deyatelnost F.V. Taranovskogo nakanune emigratsii // Biznes. Obrazovaniye. Pravo. 2018. № 2(43). S. 341-345.
Doroshenko D. Moyi spomyny pro nedavnye-mynule (1914–1920). München, 1969. 543 p.
Zhardeckij O.V. Vospominaniya o pervoj russkoj emigracii v Yugoslavii: uroki istorii // Problemy slavyanovedeniya. Bryansk, 2012. Vyp. 14. S. 280-327.
Zheldybina T.A. Pravovoye ucheniye F.V. Taranovskogo v kontekste sravnitelno-istoricheskogo pravovedeniya // Vestnik Saratovskoy gos. yuridich. akademii. 2012. № 2 (84). S. 67-72.
Zen'kovskij V. Moi vstrechi s vydayushchimisya lyud'mi // Zapiski Russkoj akademicheskoj gruppy v SShA. N'yu-Jork, 1994. T. XXVI. S. 3-64.
Jovanović M. Russkaya emigratsiya na Balkanakh. 1920–1940. M., 2005. 488 S.
Jovanović M. Russkiy nauchnyy institut v Belgrade (1928–1941): obzor organizatsii i deyatelnosti // Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii. M., 2011. T. X. S. 336-360.
Kandić LJ. Istorija pravnog fakulteta u Beogradu. 1905–1941. Druga knjiga. Beograd, 2002.
Kovalev M.V. Russkiy Institut v Prage (1922–1938 gody) // Vestnik Novosibirskogo gosuniversiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2017. T. 16. № 1: Istoriya. S. 121-134.
Materialy dlya bibliografii russkih nauchnyh trudov za rubezhom. Belgrad, 1931–1941. Vyp.1-2.
Matich O. Zapiski russkoj amerikanki: Semejnye hroniki i sluchajnye vstrechi. M., 2017. 584 s.
Mikhalchenko S.I. Vysshеye obrazovaniye russkogo zarubezhya: novyye dokumenty // Problemy slavyanovedeniya. Bryansk, 2015.Vyp.17. S. 152-157.
Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. Evgeny Vasilyevich Spektorsky // Voprosy istorii. 2013. № 1. S. 31-53.

Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. E.V. Spektorsky: chastnaya zhizn v emigratsii // Lyudi i sudby russkogo zarubezhya. M., 2017. Vyp. 4. S. 264-274.
Mikhalchenko S.I., Tkachenko E.V. «Stoletiye Kiyevskogo universiteta Sv.Vladimira: 1834–1934»: podgotovka yubileynogo izdanya // Sovremennye problemy knizhnoy kultury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitya. Materialy IX Mezhdunarod. nauch. seminara. M., 2018. Ch.1. S. 366-372
Mihal'ćić R. Istoriya serbskogo prava v trudakh Fedora Taranovskogo // Russkaya emigratsiya v Yugoslavii. M., 1996. S. 22-236.
Mudryevska L.M. Derzhavno-pravovi pohlyady F.V. Taranovskoho. Avtoref. dys. kand. yur. nauk. Kyiv, 2010.
Omelchenko O.A. Moskovskoye gosudarstvo v istoriograficheskom nasledii F.V. Taranovskogo // Razvitiye prava i politiko-pravovoy mysli v Moskovskom gosudarstve. M., 1985. S. 51-76.
Omelchenko O.A. Fedor Vasilyevich Taranovskiy // Pravo i zhizn.1994.№6. S. 329-331.
Pax Rossica. Russkaya gosudarstvennost' v trudah istorikov zarubezh'ya / Sost. E.A. Bondareva. M., 2012. S. 188-223.
Savchuk V.S. Fedir Vasylovych Taranovskyy: ternystyy shlyah do emihratsii // Chornomorskyy litopys.2010.№ 1. S.124-131.
Spektorskij E.V. Vospominaniya // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv. F.01-30.230. E.h.II.
Spektorsky E.V. Desyatiletie Russkogo Nauchnogo instituta (1928–1938) // Russkiy Belgrad. M., 2008. S. 184-211.
Spektorsky E.V. Zhizn i lichnost F.V.Taranovskogo // Zapiski RNI. Belgrad, 1936. Vyp.13. S. I-XX.
[Spektorsky E.V.] Stoletie Kievskogo universiteta Sv.Vladimira: 1834–1934. Belgrad, 1935. 101 s.
Taranovski T. Uvod u istorijy slovenskih prava. Beograd, 1922. 208 s.; 2-e izd. – 1933. 260 s.
Taranovskij F.V. Enciklopediya prava.SPb., 2001. 552 s.
Taranovskij F.V. Istoriya russkogo prava. M., 2014.238 s.
Timoshenko S.P. Vospominaniya. Parizh,1963. 416 s.
Tomsinov V.A. Pravovaya mysl russkoy poslerevolyutsionnoy emigratsii. Statya 6: Fedor Vasilyevich Taranovsky: sudba i tvorchestvo // Zakonodatelstvo. 2003. №№ 4-5.
Trudy russkih uchenyh za granitsey. Berlin,1923.T. II.344 s.
Usenko I.B. Akademik F.V.Taranovskyy//Pravova derzhava.Kyïv, 1993.Vyp.4. S. 130-143;

Михальченко Сергей Иванович, *доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского: smikh10@mail.ru*

Emigrant years of Fedor Vasilyevich Taranovsky

The article is devoted to the emigrant period (1920-1936) in the life of the famous Russian historian, lawyer, organizer of science and education Fedor Vasilyevich Taranovsky (1875-1936). It describes his acade and educational work at the University of Belgrade in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Yugoslavia). During these years he made a great contribution to the study of the history of Slavic, and especially Serbian, law. His activities as chairman of the Russian Scientific Institute in Belgrade are also characterized. The article is based on mostly unpublished sources from Russian and foreign archives.

Keywords: Taranovsky F.V., History of Law, Russian emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, University of Belgrade

Sergey Mikhalchenko*, Dr.Sc. (History), Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University; smikh10@mail.ru*

М. В. Кротова

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ ИНЖЕНЕРА ВЛАДИМИРА БАРРИ

Статья посвящена истории жизни инженера путей сообщения Владимира Андреевича Барри (1876–1959), который, оказавшись в эмиграции в Маньчжурии, служил профессором Харбинского политехнического института. Барри был типичным представителем русской интеллигенции, сформировавшейся до революции: высокообразованный, не обошедший увлечений социальными вопросами, но беспомощный в политике. Его биография является отражением противоречивых событий российской истории, состоит из неожиданных поворотов, а жизненный путь Барри является примером служения раз и навсегда избранному делу. Статья основана на неопубликованных материалах архивов РГИА, ЦГИА СПб, ГАХК.

***Ключевые слова*:** *В.А. Барри, Харбинский политехнический институт, КВЖД, Северная Маньчжурия, Харбин, русская эмиграция*

Владимир Андреевич Барри (1876–1959) был известен в среде харбинской эмиграции в основном как автор виадука, соединившего две части города, разделенного железнодорожными путями. В существующих сегодня справочниках и энциклопедиях по истории русской эмиграции в Китае о нем так и пишут: инженер, строитель виадука в Харбине[1]. Однако за несколькими строками, как это часто бывает, скрывается полная внутреннего драматизма жизнь. Судьба В.А. Барри является отражением противоречивых событий российской истории первой половины XX в. Половина его жизни прошла в дореволюционной России, затем судьба забросила его в эмиграцию, но упокоился он на родине. Можно прочертить линию его судьбы: Москва – Митава[2] – Санкт-Петербург – Воронеж – Санкт-Петербург – Пермь – Владивосток – Харбин – Иркутск. Талантливым инженер-путеец, он старался держаться подальше от политики, считая, что его задача – служить России, но так или иначе оказался втянут в водоворот истории.

Владимир Барри родился в Москве 1 февраля 1876 г. Отец – Андрей Антонович Барри был французом (к сожалению, не удалось проследить его родословную). Согласно личному делу В.А. Барри, его отец был коллежским асессором, штатным преподавателем 2-ой московской военной гимназии[3]. Мать – Софья Петровна Чагина – происходила из старинного дворянского рода Тверской губернии. Владимир был кре-

[1] В биобиблиографическом словаре А.А. Хисамутдинова о нем сказано только несколько слов, причем фамилия указана неправильно: «Бари Владимир Андреевич (? – ?) – инженер. Профессор Харбинского политехнического института. Строитель виадука в Харбине». См.: Хисамутдинов 2001. С. 48.

[2] Сегодня – г. Елгава в Латвии.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 1. Д. 585. Л. 54.

щен в православии, обучался до 5 класса в московском реальном училище. Отец вскоре умер, и Софья Петровна вынуждена была переехать в г. Шавли Ковенской губернии. Владимир был переведен в Митавское реальное училище, полный курс которого окончил в 1896 г., и в том же году поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения императора Александра Первого – одно из лучших высших учебных заведений России.

Профессия инженера транспорта на рубеже веков, когда в стране активно строились железные дороги, была и престижной, и востребованной. На протяжении долгих лет, даже в эмиграции, сохранялось их корпоративное братство. Н.А. Тахтамышева в исследовании о судьбах инженеров-путейцев указала на типические черты их судеб: в основном это были молодые люди из небогатых и незнатных семей, выросшие в провинции, вынужденные рассчитывать только на себя, добившиеся многого своим трудом[4]. Таким был и В.А. Барри. Курс, на котором он учился, был одним из самых сильных. Многие из выпускников 1902 г. (всего институт в том году окончило 136 человек) стали видными учеными, инженерами, политическими деятелями. Один из самых известных – Николай Виссарионович Некрасов, кадет, министр путей сообщения Временного правительства. Несколько однокашников Владимира Андреевича оказались вместе с ним в 1920-х гг. в Харбине, на КВЖД: Б.В. Остроумов, Л.А. Устругов, В.П. Максимов, В.Ф. Бучацкий[5].

После окончания института Барри был назначен начальником дистанции на строительстве железнодорожной линии Вологда – Вятка. 14 июля 1902 г. он вступил в брак с Ольгой Николаевной Котляревской (1881–1937). Она родилась в 1881 г. в Перми, окончила Павловский институт благородных девиц в Петербурге, где учились девочки из дворянских семей, преимущественно сироты, дочери офицеров, по окончании института получавшие диплом со званием домашних учительниц. Ольга Николаевна знала французский, немецкий, английский, была романтической натурой, увлекалась литературой и искусством.

С 1 марта 1905 г. В.А. Барри поступил на службу в управление Юго-Восточной железной дороги в Воронеже, в технический отдел службы пути. В декабре 1905 г. он был арестован в составе группы из шести человек за участие в железнодорожной забастовке в поддержку восстания. Вся группа была помещена в Острожскую каторжную тюрьму, где они содержались в течение месяца, а затем наш герой через этапные тюрьмы был переведен в Орловскую политическую тюрьму, где провел около семи месяцев[6]. Видимо, это обстоятельство повредило его

[4] Тахтамышева 2014. С. 311.
[5] Там же. С. 312.
[6] Титов 1996. № 14. С. 8.

репутации. Сам Барри об этом факте ни в одной из своих автобиографий не упоминал. Но в бумагах эмигранта-антибольшевика М.П. Головачева в списках «ответственных коммунистических работников Правления КВЖД» за 1928 год под номером 32 числился Барри Владимир Андреевич с пометкой «бывший каторжный»[7].

После освобождения Барри пришлось оставить государственную службу на железной дороге. Он переехал в Санкт-Петербург, где занялся изучением железобетона и железобетонных сооружений. В апреле 1907 г. он организовал строительную контору по производству железобетонных и строительных работ ВЕАБИ, которая просуществовала до весны 1918 года. Барри участвовал в подготовке проектов и строительстве ряда значимых объектов Санкт-Петербурга: Народного дома, здания Азовско-Донского банка, надстройки четвертого этажа Европейской гостиницы, стапелей и мастерских Балтийского судостроительного завода, здания Невской ниточной мануфактуры, железобетонных сводчатых перекрытий 4 храмов в Петербурге, нескольких мостов и др.[8]

Дела шли успешно, Владимир Андреевич выстроил для себя чудесный особняк на Петроградской стороне. Ольга Николаевна окончила императорские драматические курсы при театральном училище, видимо, пробовалась в театре, занималась литературным творчеством, общественной и благотворительной деятельностью. Когда началась война, Ольга Николаевна окончила курсы сестер милосердия, была товарищем секретаря Петроградского общества попечения о душевнобольных[9].

В конце 1915 года по решению министерства торговли и промышленности Барри был направлен на Урал для строительства заводских корпусов (Пермский пушечный завод, Гороблагодатский округ). За два года по его проектам и под его руководством было возведено более двадцати заводских зданий в Мотовилихе, Верхней Туре, Нижней Туре, Кушве и др. на общую стоимость 8 млн. рублей[10]. Семья жила в Перми. Преуспевающий инженер Барри был далек от политики, увлекшись работой и грандиозными проектами. Но, судя по всему, к октябрьскому перевороту 1917 г. он отнесся отрицательно. Во всяком случае, с установлением советской власти в Пермской губернии он предпочел увезти семью в более безопасное место. В автобиографии 1949 года он указал: «С прекращением работ к весне 1918 г. переехал во Владивосток»[11].

Владивосток с весны 1918 года находился под контролем союзнических войск и различных антибольшевистских правительств. В августе 1918 года Л.А. Устругов, его однокурсник, в то время член правле-

[7] Golovachev Collection. Box #4. Bakhmeteff Archive…
[8] РГИА. Оп. 13. Д. 85. Л. 8.
[9] Весь Петроград на 1917 год… С. 47.
[10] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023. Л. 8.
[11] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 85. Л. 9.

ния Общества КВЖД, назначил Барри инженером с поручением обследовать возможность реорганизации Владивостокских портовых мастерских Морского ведомства[12]. На базе мастерских Барри создал Дальневосточный механический и судоремонтный завод (Дальзавод) и занял пост Председателя его Правления. Однако и на краю России его настигла политика: образование заводского комитета подвигло его на то, чтобы подать в отставку[13]. К сожалению, в современной истории Дальзавода во Владивостоке его имя даже не упоминается.

В начале февраля 1921 г. 45-летний В.А. Барри прибыл в Харбин, скорее всего, по приглашению нового управляющего КВЖД Б.В. Остроумова, еще одного своего однокурсника. В Харбине уже было много инженеров-путейцев, здесь существовал Союз инженеров полосы отчуждения КВЖД. С 1 января 1922 г. Барри поступил на службу в Правление КВЖД инженером технического отдела с окладом 6 тыс. рублей, а с августа он начал преподавание в Харбинском политехническом институте (ХПИ)[14], которому посвятит 22 года своей жизни.

ХПИ был одним из лучших высших учебных заведений, созданных русской эмиграцией в Китае. Здесь сохранялись традиции русского высшего образования, уклад академической жизни. Студенты ХПИ называли себя с гордостью «политехниками», инженерами – новыми строителями жизни, «новыми механиками сложной жизненной машины»[15]. Барри стал заведующим кафедрой железобетона (всем заведующим присваивали звание профессора), читал курсы по своей специальности, руководил дипломными проектами. Один из первых выпускников ХПИ, Г.В. Мелихов вспоминал: «Владимир Андреевич Барри… научил, в частности, меня не только “понимать” железобетон, но и навсегда полюбить его, относиться к нему как к живому существу»[16].

Кроме службы на КВЖД и работы в институте Барри проектировал здания и сооружения в Харбине. Многие сохранились до наших дней. Его считали выдающимся строителем. В Харбине по его проекту был перекрыт вагонный цех Главных мастерских КВЖД. В 1926 г. вместо существовавшего ранее деревянного моста был возведен виадук между Новым городом и Пристанью, соединивший две части города. Инженерное сооружение длиной 51 м, шириной 27,6 м, с проезжей частью в 21,4 м и тротуарами с обеих сторон по 3,1 м было построено всего

[12] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023 Л. 6.
[13] Там же. Л. 7.
[14] Русско-Китайский Политехникум был открыт в Харбине 17 октября 1920 г., с апреля 1922 г. он стал называться Русско-Китайский Политехнический институт, с 1 ноября 1928 г. – Харбинский политехнический институт (ХПИ). Сначала он готовил техников путей сообщения, с 1922 г. – инженеров.
[15] Шматов 1929. С. 2.
[16] Мелихов 2003. С. 88.

за 5 месяцев без заклепок и болтов. На торжественном открытии путепровода присутствовала вся администрация Харбина. Он сохранился до сегодняшнего дня, признан памятником истории и культуры, о чем свидетельствует памятная доска, установленная на специальном обелиске[17].

Политическая обстановка в Маньчжурии, усиление влияния СССР в Китае заставили русских изгнанников приспосабливаться к новым условиям. По условиям соглашений 1924 г. между СССР и Китайской республикой о совместном управлении КВЖД работать на дороге могли только советские или китайские граждане. Барри и другие «спецы» подали заявления в Генконсульство СССР в Харбине о «восстановлении советского гражданства», часть служащих предпочли принять китайское подданство. Принятие решения советскими властями занимало порой годы, на это время консульство выдавало квитанции. Положение «квитподданных» позволило служащим до поры сохранить свои места на КВЖД. Решение Барри о принятии советского гражданства сделало его подозрительной фигурой для эмиграции. Эмигрант И.С. Ильин оставил в своем дневнике желчную запись от 24 октября 1924 г.: «Старший инженер Барри, который был правее правого, теперь стал явным сторонником большевиков и подал заявление о желании перейти в совподданство»[18]. Но и для советского лагеря он оставался чужим, «бывшим», «спецом», «редиской» – «красным» снаружи, «белым» внутри.

Ситуация обострилась в период советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. В июле местные власти отстранили «советскую верхушку» от работы на КВЖД и выслали ее из страны. Стремясь сорвать работу дороги, профсоюзные активисты призвали всех служащих к увольнению с их должностей. Но большинство работников КВЖД, в числе которых был и Барри, отказались выполнить это распоряжение. Временно и.о. Управляющего КВЖД стал китаец Фан Цигуань, также выпускник Петербургского института путей сообщения, с которым Барри и другие инженеры-путейцы были близко знакомы. Они продолжили работу на КВЖД, что советская администрация посчитала предательством. После окончания конфликта в октябре 1930 г. о предоставлении советского гражданства речи уже идти не могло, о чем Барри и получил уведомление Президиума ЦИК СССР[19]. В числе других высших служащих он был уволен с дороги вследствие «несостояния в гражданстве СССР или Китая». Теперь в его китайском виде на жительство в графе «подданство» было указано: «эмигрант». При увольнении он был лишен заштатного пособия, которое составляло внушительную сумму. Он подал иск в суд на КВЖД, но, по-видимому, ничего не добился.

---

[17] Крадин 2010. С. 224.
[18] ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 243.
[19] РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1097. Л. 127.

Служба на КВЖД давала большие преференции. Помимо значительной зарплаты, дорога предоставляла жилье. Барри жили в просторном особняке в Новом городе на Новоторговой улице[20], пользовались репутацией людей «с большими средствами и большой квартирой»[21]. В гостеприимном доме встречались как эмигранты, так и советские граждане[22]. Ольга Николаевна держала литературный салон, покровительствовала молодым поэтам[23]. В.А. Слободчиков вспоминал, что в салоне «немного веяло декадентством и авангардизмом»[24]. Дочь Зина[25] училась в гимназии Христианского союза молодых людей, окончив ее в 1931 году. После увольнения В.А. Барри с КВЖД семье пришлось оставить казенный особняк и перебраться в менее престижный эмигрантский район Модягоу, прозванный в Харбине «Царским селом».

В 1932 г. осложнилось положение Барри и в Политехническом институте. Смена советского руководства КВЖД, переход значительной части преподавателей в эмигрантский лагерь привели к постановке вопроса о реорганизации ХПИ. Предполагалось прекратить его субсидирование, а полученную экономию направить на выплату стипендий для студентов, обучающихся в СССР[26]. Однако такому решению воспротивилась китайская администрация. Более того, десять преподавателей-эмигрантов (из намеченных советской администрацией к увольнению 21) были оставлены на службе – их не смогли заменить «за неимением надлежащих специалистов»[27].

Дальнейшие события – оккупация Маньчжурии Японией, образование государства Маньчжоу-Го, продажа КВЖД – изменили жизнь русской колонии. В 1935 г. Барри подал заявление в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), где он зарегистрировался как эмигрант, получив маньчжурский (годовой) паспорт № 16724. Барри продолжал работать профессором ХПИ, получая 3500 гоби в месяц[28]. Однако вскоре, в октябре 1935 г. история с готовностью принять советское гражданство бумерангом настигла его. Вследствие доноса, в котором приводились факты его «просоветской деятельности», он все же потерял работу в институте[29]. В 1936 г., перешагнув 60-летний рубеж,

[20] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 268. Л. 24.
[21] «Нам не уйти от Родины навеки…». С. 165.
[22] Так, дочь Барри Зина дружила с сестрами Ильиными из семьи эмигрантов.
[23] Когда жизнь так дешево стоит… С. 317.
[24] Слободчиков 2005. С. 136.
[25] По сведениям О.И. Ильиной-Лаиль, Зина Барри (1915–1993) была приемной дочерью в семье Барри. См.: Русская семья… С. 89.
[26] РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 861. Л. 22.
[27] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023. Л. 3.
[28] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023. Л. 1.
[29] Там же. Л. 5.

Барри стал безработным, и два года существовал случайными работами по проектированию и производству работ для частных лиц.

Не перенеся обрушившихся на семью испытаний, в январе 1937 г. покончила с собой Ольга Николаевна. В расследовании БРЭМ было указано: «Причина смерти Барри Ольги Николаевны – самоубийство (приняла веронал), связанное с тем, что супруг проиграл всё имущество в карты»[30]. Здесь же была указана характеристика на В.А. Барри, который искал работу: «Барри… большой специалист по вопросам железобетонного строительства, но известен пристрастием к карточной игре. В моральном и политическом отношении ничего плохого сказать нельзя»[31]. В конце концов, он был назначен председателем союза подрядчиков и поставщиков при Бюро. В это же время он выполнял частные заказы – например, реконструировал здание кинотеатра «Модерн». В годы Второй мировой войны он, как и многие эмигранты, на волне антияпонских настроений перешел в лагерь «оборонцев», для которых СССР и Родина стали идентичными понятиями.

Новый период жизни В.А. Барри наступил осенью 1945 г., после победы Красной армии в советско-японской войне и советской оккупации Маньчжурии. В связи с нехваткой специалистов в октябре 1945 г. Барри был принят на работу в Управление Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД)[32] главным инженером проектной конторы службы пути. Он вновь, как и многие русские жители Маньчжурии, подал заявление в Генконсульство СССР в Харбине с просьбой о восстановлении гражданства СССР и получил советский паспорт от 17 мая 1946 г. № 030427/ГХР31097[33]. Барри был также привлечен к преподаванию в восстановленном ХПИ. Приказом от 24 декабря 1945 г. он был назначен заведующим кафедрой конструкций[34]. В этот период он активно работал: читал лекции, руководил дипломной практикой, участвовал в научных конференциях, написал несколько статей (всего В.А. Барри опубликовал более 40 работ).

До начала 1950-х выехать из Маньчжурии из-за гражданской войны в Китае было практически невозможно. Но после передачи КЧЖД КНР, а также на фоне растущих антирусских настроений в Китае, в апреле 1954 г. русским жителям Маньчжурии был разрешен въезд на территорию СССР для работы на целине. 12 августа 1954 г. 78-летний

---

[30] Там же. Л. 29. В записных книжках Вс.Н. Иванова за 1961 год есть выразительная фраза: «Любовь, не кончившаяся смертью, - пошлость! Ольга Николаевна Барри». См.: «Непрерывное движение духа…» С. 360.

[31] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023. Л. 32.

[32] Китайская Чанчуньская железная дорога – это объединенные КВЖД и ЮМЖД, которые перешли в совместное советско-китайское управление в августе 1945 года.

[33] РГИА. Ф. 323. Оп. 13. Д. 85. Л. 4.

[34] Там же. Л. 10-11.

Барри с дочерью и двумя внуками (в анкетном листе от 1950 г. было указано: дочь вдова с 2 детьми)[35] выехал в СССР. Он поселился в Иркутске, где работал заведующим кафедрой железобетона в Иркутском институте народного хозяйства[36]. В 82 года Владимир Андреевич ушел на пенсию, подарив институту свою библиотеку на 8 языках. Через год, 18 мая 1959 г. он скончался и был похоронен на кладбище Иркутска[37]. Внуки и правнуки В.А. Барри занимаются поиском корней, историей фамилии, восстановлением биографии деда.

История жизни инженера-путейца Владимира Андреевича Барри, на первый взгляд, ничем не примечательная, полная зигзагов, является частью общего портрета российской интеллигенции, жившей на сломе эпох. Но будучи прекрасным специалистом, Барри воспитал плеяду инженеров, сохранив традиции дореволюционного технического образования. Символично то, что имя инженера В.А. Барри в памяти харбинцев связано именно с виадуком – мосты все-таки соединяют, а дело инженера – в первую очередь, «устроение земли».

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8.
ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3023.
РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 268.
РГИА. Ф. 323. Оп. 9. Д. 1097; Оп. 13. Д. 85.
ЦГИА СПб. Ф. 381. Оп. 1. Д. 585.
Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. [Пг.]: издание т-ва А.С. Суворина «Новое время», [1917]. 930 с.
Когда жизнь так дешево стоит… Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1931 – 1933 гг. /публ. и коммент. В.П. Жобер. СПб.: Нестор-История. 2012. 360 с.
Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 368 с.
Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: «Русский путь», 2003. 440 с.
Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). М.: «Русский путь»; «Викмо-М», 2007. 320 с.
«Нам не уйти от Родины навеки…». Дневники, письма, воспоминания Е.Д. Воейковой-Ильиной. М: Русский путь, 2010. 384 с.
«Непрерывное движение духа…». Дневник и записные книжки Вс.Н. Иванова. Хабаровск: КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», 2012. 380 с.
Русская семья “dans la tourmente dèchaînée...”: Письма О.А. Толстой-Воейковой, 1927 – 1930 гг. / Публ. и коммент. В. Жобер. Изд. 2-е. СПб.: Нестор-История, 2009. 526 с.
Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин, Шанхай. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 431 с.
Таскина Е., Мухин И. Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40-х – 50-х гг. XX в. // Проблемы Дальнего Востока. Москва, 2009. №. 2. С. 91–99.
Тахтамышева Н.А. Инженеры путей сообщения. Три портрета на фоне времени. М.: Изд-во Триумф, 2014. 520 с.
Титов В. Памяти строителя – профессора Барри В.А. //Русские в Китае. Екатеринбург, 1996. № 14. С. 8–9.

[35] РГИА. Оп. 13. Д. 85. Л. 2-3.
[36] Таскина, Мухин 2009. С. 96.
[37] Титов 1996. С. 9.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 384 с.

Шматов Е. Школа труда //Политехник. Харбин, 1929. 25 марта. С. 2.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Golovachev Collection. Box 4.

REFERENCES

Ves' Petrograd na 1917 god: adresnaya i spravochnaya kniga g. Petrograda. [Pg.]: izdanie t-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», [1917]. 930 s.

Kogda zhizn' tak deshevo stoit… Pis'ma O.A. Tolstoj-Voejkovoj, 1931 – 1933 gg. /publ. i komment. V.P. Zhober. SPb.: Nestor-Istoriya. 2012. 360 s.

Kradin N.P. Harbin – russkaya Atlantida: ocherki. Habarovsk: KGUP «Ha-barovskaya kraevaya tipografiya», 2010. 368 s.

Melihov G.V. Belyj Harbin: seredina 20-h. M.: «Russkij put'», 2003. 440 s.

Melihov G.V. Rossijskaya emigraciya v mezhdunarodnyh otnosheniyah na Dal'-nem Vostoke (1925-1932). M.: «Russkij put'»; «Vikmo-M», 2007. 320 s.

«Nam ne ujti ot Rodiny naveki…». Dnevniki, pis'ma, vospominaniya E.D. Voejkovoj-Il'inoj. M: Russkij put', 2010. 384 s.

«Nepreryvnoe dvizhenie duha…». Dnevnik i zapisnye knizhki Vs.N. Iva-nova. Habarovsk: KGBNUK «Habarovskij kraevoj muzej im. N.I. Grodekova», 2012. 380 s.

Russkaya sem'ya "dans la tourmente dèchaînée...": Pis'ma O.A. Tolstoj-Voejkovoj, 1927 – 1930 gg. / Publ. i komment. V. Zhober. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009. 526 s.

Slobodchikov V.A. O sud'be izgnannikov pechal'noj… Harbin, Shanhaj. M.: ZAO Centrpoligraf, 2005. 431 s.

Taskina E. Muhin I. Russkie iz Kitaya. Sud'by repatriantov 40-h – 50-h gg. HH v.//Problemy Dal'nego Vostoka. Moskva, 2009. №. 2. S. 91–99.

Tahtamysheva N.A. Inzhenery putej soobshcheniya. Tri portreta na fone vre-meni. M.: Izd-vo Triumf, 2014. 520 s.

Titov V. Pamyati stroitelya – professora Barri // Russkie v Kitae. Ekaterinburg, 1996. № 14. S. 8–9.

Hisamutdinov A.A. Rossijskaya emigraciya v Aziatsko-Tihookeanskom regione i Yuzhnoj Amerike: Biobibliograficheskij slovar'. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2001. 384 s.

Shmatov E. Shkola truda // Politekhnik. Harbin, 1929. 25 marta. S. 2.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Golovachev Collection. Box 4.

***Мария Владимировна Кротова**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ): mary_krot@mail.ru*

Twists of the fate of engineer Vladimir Barry

The article discusses the life story of a transport engineer Vladimir Andreyevich Barry Статья (1876–1959) who emigrated to Manchuria and taught at the Harbin Polytechnic Institute. Barry was a typical Russian pre-revolutionary intellectual: highly educated, not without interest in social issues, but rather helpless in the world of real politics. His life reflects dramatic events of the Russian history, is full of unexpected turns but also serves as an example of dedication to one's life goal. The article is based on unpublished documents from the Russian State Historical Archive, Central State Historical Archive at St Petersburg, State Archive of the Khabarovsk region.

Keywords*: *V.A. Barry, Harbin Polytechnic Institute, Chinese Eastern Railway. North Manchuria, Harbin, Russian emigration

***Maria Krotova**, Dr. Sc. (History), Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics: mary_krot@mail.ru*

С. А. Батуренко

РУССКИЙ ИСТОРИК И СОЦИОЛОГ А. П. ЩАПОВ О ПРИЧИНАХ ПОДЧИНЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются описанные известным русским историком и социологом географического направления Афанасием Прокопьевичем Щаповым причины подчиненного положения женщины в России. А.П. Щапов был одним из первых социологов, поставивших в XIX веке вопрос о роли женщины в развитии общества, об особенностях интеллектуального развития русского народа в целом, и его влиянии на сложное социальное положение женщины.

***Ключевые слова*:** *феминистская социология, женский вопрос, русская социология, неравенство полов, социальное положение женщины, А.П. Щапов*

Современные социологи активно обсуждают предметную область феминистских и гендерных исследований. Часто, говоря о феминистской социологии как специфическом междисциплинарном направлении науки, мы ассоциируем ее с зарубежными разработками, считая, что основные достижения в этой области принадлежат западным ученым. Однако феминистский дискурс был заложен в русской социологии еще в период ее классического развития. В XIX в. сложились исторические, интеллектуальные, социально-экономические предпосылки, которые способствовали возникновению в социальных науках сначала «женского вопроса», а затем и феминистского дискурса. Проблема положения женщин в обществе вызывала живой интерес у представителей разных направлений социологической науки в России XIX – начала XX в.: позитивистского, неопозитивистского, субъективной социологии, генетической, неокантианской, марксистской, географического направления.

Среди представителей неокантианского направления, уделявших внимание данной проблеме – Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов[1], также основатель генетической социологии М.М. Ковалевский[2], представитель географического направления в социологии А.П. Щапов [3], марксистского направления – А.М. Коллонтай[4], представитель субъективной социологии С.Н. Южаков[5], неопозитивистской социологии – П.А. Сорокин[6].

[1] Петражицкий 1906; 1907; Хвостов 1917; 1914; 1906; 1911.
[2] Ковалевский 1910; 1908; 2014.
[3] Щапов 1906a; 1906b; 1906c; 1908.
[4] Коллонтай 1972.
[5] Южаков 1906; 2008.
[6] Сорокин 2008.

В настоящей статье мы остановимся на описании причин подчиненного положения женщин в России в работах русского историка, публициста, философа, этнографа, социолога позитивистского направления Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876). Географическое направление развивалось в рамках позитивистской социологии наряду с органицистскими концепциями. Это натуралистическое направление мысли не было представлено в качестве детально разработанной целостной теории, скорее можно говорить о его существовании как тенденции или позиции ряда обществоведов, придающих особое значение роли природной среды при объяснении социальных явлений.

Область научных интересов А.П. Щапова широка: он занимался изучением истории русского раскола, духовной жизни русского народа, происхождения и сущности государства, русской общины, положения женщин в России, отношения между человеком, обществом и природой. В качестве его заслуг в мировой науке можно отметить особое внимание к роли мыслящего меньшинства в обществе, выделение психического аспекта в социальном поведении человека, указание на возможности и опасности общественных аномальных состояний. Щапов анализировал влияние природной среды на содержание и характер протекания социальных процессов, занимался разработкой теории социального прогресса, основным фактором которого считал деятельность разума в освоении и техническом подчинении природы социально-экономическим силам. Деятельность разума рассматривалась с точки зрения, во-первых, историко-географического распределения населения; во-вторых – его историко-этнографической организации; в-третьих, со стороны естественно-психологических, а также социально-педагогических условий развития. Ученый показывает содержание жизни русского народа, выявляя его этнические характеристики, природные условия существования, особенности воздействия географический среды на нравственную жизнь и мировоззрение людей. Географический и идейный факторы рассматриваются как две основные движущие силы общественного развития.

Одной из центральных тем Щапова была история интеллектуального развития России. Он искал причину отсутствия в древней Руси «интеллигентного, мыслящего класса», анализировал препятствия для «умственного развития» общества, указывая на особенности «естественно-психологических» и «социально-педагогических» условий развития, на низкий уровень психологического, физиологического, антропологического состояния древнерусского населения. Рассматривая историю России, на протяжении которой, как отмечал Щапов, практическая работа преобладала над теоретическим развитием, внешние чувства над разумом, и «рабочий народ» над «мыслящим классом», следовало искать пути преодоления сложившейся ситуации. Решение вопроса Щапов видел в переустройстве народного труда на кооперативных основа-

ниях. Он также выступал за реформы народного миросозерцания посредством общего естественнонаучного обучения, воспитания новых поколений, раскрепощения женщин. Исследование «женского вопроса» составляло важнейшую часть общих представлений о путях спасения России, что объясняет большое внимание ученого к этой проблеме, выраженное в работах последнего периода его творчества.

Вопросам роли женщины в обществе, влияния общественных представлений на положение женщины, отношения к женщине в сфере семьи и труда, причин подчиненного положения женщины в России ученый посвятил ряд своих работ: «Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности», «Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России», «Положение женщины в России по допетровскому воззрению», «Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества», «О развитии высших человеческих чувств».

В работе «Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности» автор подтверждает выводы французских ученых, специалистов в области сравнительной антропологии, о значении женщины в прогрессе человеческой природы. Всегда имело место историческое преобладание мужчин, ставящее женщину в зависимое положение, исключая ее из сферы общественной, исторической деятельности, но, даже в рамках «теремного» домашне-семейного рабства, ей всегда удавалось в большей или меньшей степени становиться заметной в истории общества. Автор ссылается на слова из статьи парижского профессора антропологии (опубликована в «Отечественных записках» в 1845 г.): «корни человеческого усовершенствования диких племен заключаются в женском организме, так что причиной одичалости этих племен есть униженное состояние женщины. Если это открытие распространится на другие племена, то окажется, что женщина – главный деятель в процессе воспроизведения – представляется нам новою формою или силою общественного прогресса»[7].

Работы Ч. Дарвина также послужили основанием для объяснения А.П. Щаповым процессов общественно-исторического влияния женщины в развитии антропологического, этического, телесного и душевного типа различных племен. Автор пишет: «Если, с одной стороны, выход ее в эти эпохи на свет истории вызывался силою исторического развития новых социально-гуманных идей, то, с другой стороны, и самое выступление ее на поприще общечеловеческой деятельности, в переходные эпохи, в свою очередь, много содействовало возбуждению во многих поколениях новых высших антропологи-социальных идей и социально-гуманных чувств и стремлений, которые, затем, с новою силою прогрес-

[7] Щапов 1906b. С. 32.

сивно действовали на усовершенствование общего антропологического и, особенно, психического – умственного, нравственного и социального типа передовых цивилизованных народов»[8]. В качестве примера, Щапов рассматривает т.н. эпохи «господства женщин», периодически проявляющиеся в истории, начиная с раннего периода развития общества: творчество Кристины Пизанской в XV в., деятельность французских женских салонов и кружков перед Французской революцией, а также роль в России императрицы Екатерины Великой в закладывании основ социальной гуманизации человеческой природы русского человека. По мнению автора, даже в условиях ограниченной роли женщины, отчетливо просматривается ее влияние «в исторической выработке общественного прогресса, в антропологическом и социальном развитии народа», имеющее не меньшее значение, чем воздействие господствующей силы государства, избранной личности из числа государственных, гражданских или научных деятелей. В связи с чем, Щапов призывает внимательно рассматривать все составные части и сложные народные силы, участвующие в прогрессивном развитии русского народа.

Ссылаясь на Дарвина, Щапов рассматривает женщину с точки зрения ее прогрессивной силы как в улучшении расовых и антропологических национальных качеств народности, так и в развитии нового лучшего антропологического социального строя, независимо от ее сословной принадлежности. Сила влияния на прогресс связывалась им с обладанием женщиной специфической способности к развитию гуманной союзной социальности, ее стремлением к созданию прочного сплочения группы, поскольку в ходе исторического развития человеческой природы в женщине, по сравнению с мужчиной, оказались более развиты инстинкты социальной симпатии. В своей известной работе «О происхождении человека» Дарвин также писал о специфических качествах, которыми обладают женщины, таких как большая нравственная мягкость и менее развитое чувство эгоизма. Под влиянием материнских инстинктов женщина проявляет симпатию, доброту и любовь не только по отношению к своим детям, но также и к своим ближним. Мужчины, в отличие от женщин, чаще соперничают с другими, при этом, как отмечал Дарвин, соперничество доставляет мужчине удовольствие и способствует развитию честолюбия и эгоизма. Эти качества, по мнению ученого, «составляют естественное и роковое достояние мужчины»[9].

Причины подчиненного положения женщины в России Щапов частично раскрывает в работе «Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России» (1871), описывая исторические социальные процессы, лежащие в основе первобытного положе-

[8] Там же.
[9] Цит. по: Щапов 1906b. С. 53.

ния женщины и отношения к ней. По мнению ученого, порабощение женщины было связано в первую очередь с двумя основными факторами: преобладанием физической силы мужчин и господстве чувства страха перед ней: «…этот страх все более и более невольно деморализовал и, наконец, доводил до полной рабской покорности силе мужчины. Но при всем этом женщина до последней возможности боролась против гегемонии мужчины». Борьба эта имела специфический характер, в процессе осознания женщинами своей, менее развитой физической и мускульной силы осуществлялся поиск иных способов воздействия, а именно посредством силы ума и мудрости. Щапов отмечает, что женщина силой ума старалась перехитрить «мужчин-врагов», называя это первобытной фазой борьбы за свободу и равноправие, в результате чего «...женщина возбуждала страх в мужчинах, как хитрейшая, мудрейшая "вещая дева", "лихая баба-ведунья", "яга баба-ведьма", и если уже не физической силой, то своим хитрым ведунством и чародейством иногда пересиливала самых сильных мужчин-недругов»[10].

Стремление сильных мужчин к порабощению женщин, как считает ученый, особенно усилилось при переходе славянских племен от чистозоологической формы кровосмесительных и насильственных браков к антропологической форме браков неродственных, договорных. Пример – большое число славянских племен, имеющих обычай силой похищать женщин из чужих родов на специальных религиозно-обрядовых игрищах между селами. Таким образом, установившийся и долго господствовавший обычай хищнического, насильного «умыкания девиц» оказался новым источником первобытного порабощения женщины.

Щапов также говорит о влиянии преобладающей физической силы мужчин и господстве чувства страха перед ней на формирование нравственно-юридических представлений, что закрепляло подчиненное положение женщины в обществе. Подчиненность женщины, бесправность ее личности утверждена была страхом княжеской власти, страхом первого славяно-русского закона. Согласно установлению «Русской Правды», незамужняя женщина не могла самостоятельно владеть собственностью и стать самостоятельным членом общины, рода. По закону сильнейшего, человеческое достоинство и жизнь женщины ценились значительно ниже по сравнению с мужчиной. Господство чувства страха перед таинственными силами внешней и человеческой природы непосредственно влияли на мировоззрение людей, на основании этого влияния складывались не только представления о роли женщины, но в целом и идеалы человеческого совершенства. Физическая мускульная сила, способная внушить страх, стала первобытным идеалом совершенства, основной ориентацией для молодого поколения.

[10] Щапов 1906а. С. 62.

В работе «Положение женщины в России по до-Петровскому воззрению» (1873) Щапов описывает то влияние, которое оказывало общее мировоззрение на представление о личной, семейной и общественной жизни женщины. На основе «закона сильнейшего» произошло первобытное покорение женщины мужчине, которое было признано и утверждено народной верой, а затем еще одним фактором порабощения женщины стала византийская доктрина. Вместе с тем Щапов отмечает и положительное влияние введения христианства на изначально установившееся подчиненное положение женщины: благодаря введению христианства, увеличилось значение матери, изменилось отношение к похищению женщин, многоженству, бракам в близкой степени родства, заключению браков против воли. При этом основным ориентиром поведения и соблюдения церковного таинства брака был «страх Божий». На основании «страха Божия» условия брака и брачной жизни были подчинены строгому церковному уставу. Но вместе со строгими правилами брачной жизни в народе укоренился и аскетический взгляд на женщину. Автор пишет: «Все поучения “о женах” направлены были к тому, чтобы воспитать и глубоко укоренить в уме народном странное убеждение, что самое “естество женское вельми есть зло”, что “жена сотворена сетью бесовскою прельщающею человека на зло”». При этом церковные служители опирались на поучения Иоанна Златоуста, «слово о лукавых женах» или поучение «о женщинах или красоте», порождавших в общественном сознании страх «злых жен», «человеконенавистный страх женщины, как зловреднейшего страшилища бесовского, как дьявольской, сатанинской соблазнительницы и губительницы людей, – такой человекобоязненный страх женщины воспитывался и передавался наследственно от отцов детям»[11]. Посредством воспитания младшего поколения подобное отношение к женщине еще больше укоренялось в общественном сознании, формировались традиции, социальные нормы и ценности. Автор приводит в пример популярную в рассматриваемый период притчу «о женской злобе», передаваемую от отца сыну.

Положение женщины, как отмечает ученый, характеризовалось рабской подчиненностью мужу, общественному гнёту, позору, оскорблению, эгоистическими стремлениями со стороны общества в целом. Установленные нормы и ценности отразились и на юридическом положении женщины. Общество не могло дать женщине ничего другого как полную подчиненность мужу, личное и общественное бесправие. Соответственно, государственное законодательство, основанное на данном религиозно-общественном сознании, утверждало существующий принцип страха жены перед мужем, в нравственно-юридическом отношении женщина признавалась несамостоятельной, бесправной, подчиненной

[11] Щапов 1906с. С. 108-109.

юридическому господству мужчины. Сложившиеся юридические нормы становились еще одним фактором, обусловливающим подчиненное положение женщины в обществе: «Когда на женщину смотрели как на “бесовскую совокупницу и соблазнительницу богоспасаемым мужам”, – тогда какое другое положение могло ей дать общество в семье и общежитии, кроме наглухо замкнутого уединения в тереме»[12].

В тот период сложились и массовые представления об умственных способностях женщин («Повесть о премудрости Соломона»). Под влиянием византийской литературы женщину считали менее развитой в умственном отношении по сравнению с мужчинами, неспособной рассуждать собственным умом, что отражено, например, в «Домострое», согласно которому, «...женщина, как менее умная, чем мужчина, лишена была всякого права самостоятельной мысли, самостоятельного распоряжения даже в делах домашних, ибо на то был ум мужа – главы жены, который своими наставлениями и “плеткою вежливенько” учил ее страху Божию и рабскому послушанию»[13].

Под влиянием представлений об умственных способностях женщин складывались также и представления о возможности ее занятости в сфере труда. В общественном сознании укоренилось убеждение в том, что для женщины невозможно и нежелательно любое общественное занятие, кроме домашней, хозяйственной деятельности. Если говорить о женщинах, принадлежащих к высшим сословиям, то здесь ситуация была более наглядной, знатные женщины не имели большого значения и в домашнем хозяйстве. Фактически они занимали подневольное место, сидя взаперти и не имея другого занятия, кроме рукоделия (шитьё, вышивание), что в свою очередь влияло на возможности расширения кругозора и умственного развития женщины. Любое общественное занятие для нее было невозможно, поскольку всякое вмешательство женщины в дела общественные считалось величайшим злом. Любые попытки выйти за рамки «домашнего заключения» пресекались, такая женщина немедленно называлась «злой женой». Даже деятельность некоторых великих княгинь, оказывающая влияние на общественные события, вызывала всеобщее негодование и рассматривалась как дело богопротивное. С возможностями занятости в общественной сфере связан еще один важный вопрос –как могла женщина в сложившихся условиях получить уважение со стороны членов семьи и общества. Если говорить о расширении сферы деятельности для женщин, здесь была возможна только одна общественная работа – филантропическая, только такая деятельность не вызывала порицания, поскольку внушалась и направлялась «страхом Божиим», но она возможна была только для женщин богатых.

[12] Щапов 1906с. С. 111.
[13] Там же.

Высшим нравственным идеалом женщины признавалось богобоязненное поведение и обладание проистекающими из этого добродетелями. Автор отмечает: «Женщина, отличавшаяся страхом Божиим и проистекавшими из него добродетелями, возбуждала всеобщее удивление, как редкое явление среди массы "злых жен", отличавшихся "бесстрашием Божиим". В лице такой только женщины дивились "разуму" и славили Бога»[14]. Щапов так описывает идеальные женские типы Древней Руси: «Чтобы женщине очистить, сбросить с себя позорно-оскорбительное клеймо "бесовской совокупленицы, сети сатаниной, спасаемым соблазна" и т.д., и заслужить похвалу и прославление, – она должна была всю свою жизнь проводить в "богобоязнестве" и страхе бесовских искушений, в умерщвлении плоти, в посте, покаянии, коленопреклонениях и денно-нощных молитвах да в делах милосердия от своего рукоделия; она должна была смиренно вынести все иго семейного послушания и рабства, выстрадать все горе оскорблений, лишений и бедствий житейских – семейных, замужних и общественных. Чтобы доказать людям, обществу, что она не "совокупленница бесовская", – ей нужно было самой выдержать страшную борьбу с "бесами" семейной жизни, внушавшими раздоры семейные, самодурство отцов, мужьев, свекров и свекровей, ссоры слуг или рабов и т п.»[15]. Только соответствуя этому идеальному образу, женщина могла заслужить уважение. Так произошла трансформация от первобытного религиозно-языческого страха перед «мудрой девой» к чувству благоговения перед «богодарованною мудростью» святой женщины.

Вместе с тем общий взгляд на женщин автор характеризует как «человеконенавистный, злобный и боязливо-недоверчивый». В соответствии с таким взглядом на женщину формировалось и ее представление о необходимом и должном, ее настроение и развитие. Это способствовало выработке особых способов поведения женщин, основанных на хитрости и непрямом влиянии и воздействии. Женщина была вынуждена скрывать свои естественные стремления и желания под страхом византийско-аскетической морали. Аскетическая доктрина повлияла на физические, умственные и нравственные качества женщины, на представления о любви, брачной жизни супругов. Мужчинам рекомендовалось при выборе жены руководствоваться исключительно «страхом Божиим и упованием на волю Божию». Автор пишет: «Если и позволялось восхищаться чем-нибудь в женщине, то ничем другим, как только глубоким чувством ее смирения и всеми внушаемыми им добродетелями; в самой телесной организации богобоязненной женщины, во всем сложении ее членов видели живой символический отпечаток чувства страха Божия,

[14] Щапов 1906с. С. 114.
[15] Щапов 1906с. С. 115.

молитв к Богу, трех лиц Божества, аскетических подвигов и христианского милосердия»[16]. Созерцать и описывать естественную телесную красоту женщины, без идеи красоты небесной, божественной считалось грехом. Сформированный высший нравственный идеал женщины, представления о правилах семейной жизни оказались фундаментальными факторами подчиненного положения женщины в обществе.

Анализ работ А.П. Щапова позволяет говорить о том, что он был одним из первых социологов, кто внес заметный вклад в разработку проблемы положения женщины в российском обществе. Ученый закладывает основы феминистского дискурса в русской социологии. Он описывает особую роль женщины в развитии общества, специфику процессов, на основе которых складывалось положение женщины и отношение к ней, историю установления подчиненного положения женщины в России. Автор обращает внимание общественности на проблемы становления и воспроизводства гендерных различий, гендерного неравенства, одним из первых предпринимает попытку изучения причин подчиненного положения женщины в российском обществе.

Современная феминистская социология, которую часто считают западным явлением, занимается исследованием многих вопросов, которые были поставлены русскими социологами еще в XIX в. Актуальной проблематикой для современной науки является изучение исторической динамики образцов и предписаний маскулинности и феминности, коммуникации индивидов, следующих образцам мужского и женского поведения, гендерные стереотипы и установки. Для русской социологии конца XIX – начала XX в. особое значение имели вопросы, связанные с образованием и правовым положением женщин, изучением женских общественных движений, а также множество других проблем, сохраняющих актуальность в современной науке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аристов Н.Я. А.П. Щапов: жизнь и сочинения. СПб., 1883 [Aristov N.YA. A.P. SHCHapov: zhizn' i sochineniya. SPb., 1883.

Ковалевский М.М. Высшее женское образование // Вестник Европы. 1910. № 6 [Kovalevskij M.M. Vysshee zhenskoe obrazovanie // Vestnik Evropy. 1910. № 6].

Ковалевский М. Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7-8 [Kovalevskij M. Mozhno li zakryvat' zhenshchinam dostup v universitety? // Soyuz zhenshchin. 1908. №7-8].

Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: ЛИБРОКОМ, 2014 [Kovalevskij M.M. Ocherk proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti. M.: LIBROKOM, 2014].

Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972 [Kollontaj A.M. Izbrannye stat'i i rechi. M., 1972].

Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995 [Kozlovskij V.V. Istoriya russkoj sociologii XIX–XX vv. M., 1995].

Петражицкий Л.И. О пользе политических прав женщин. СПб., 1907 [Petrazhickij L.I. O pol'ze politicheskih prav zhenshchin. SPb., 1907].

[16] Щапов 1906с. С. 121.

Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915 [Petrazhickij L.I. O zhenskom ravnopravii. Rech', proiznesennaya v Gosudarstvennoj Dume 6 iyunya 1906 g. Pg., 1915].

Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008 [Sorokin P.A. Sistema sociologii. M.: Astrel', 2008].

Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. М., 1917 [Hvostov V.M. ZHenshchina v obnovlennoj kul'ture. M., 1917].

Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914 [Hvostov V.M. ZHenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sud'by zhenshchiny. Priroda zhenshchiny. ZHenskij vopros. M., 1914].

Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1906 [Hvostov V.M. ZHenshchina nakanune novoj epohi (Dva etyuda po zhenskomu voprosu). M., 1906].

Хвостов В.М. О равноправии женщин. М., 1911 [Hvostov V.M. O ravnopravii zhenshchin. M., 1911].

Щапов А.П. Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России. Сочинения. Т. 2. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 55-104 [SHCHapov A.P. Vliyanie obshchestvennogo mirosozercaniya na social'noe polozhenie zhenshchiny v Rossii. Sochineniya. T. 2. SPb.: Izd. M.V. Pirozhkova, 1906. S. 55-104].

Щапов А.П. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности. Сочинения. Т. 2. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906. С. 31-55 [SHCHapov A.P. Znachenie narodnoj zhenshchiny v antropologicheskom i social'nom razvi-tii russkoj narodnosti. Sochineniya. T. 2. SPb.: Izd. M.V. Pirozhkova, 1906. S. 31-55].

Щапов А.П. Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества. Сочинения. Т.3. 1908. С. 431-605 [SHCHapov A.P. Mirosozercanie, mysl', trud i zhenshchina v istorii russkogo obshchestva. Sochineniya. T.3. 1908. S. 431-605].

Щапов А.П. Положение женщины в России по до-петровскому воззрению. Сочинения. Т. 2. СПб., 1906. С. 105-154 [SHCHapov A.P. Polozhenie zhenshchiny v Rossii po do-petrovskomu vozzreniyu. Sochineniya. T. 2. SPb., 1906. S. 105-154].

Южаков С.Н. Женщина-избирательница: (К вопросу о реформе русского избирательного права). М., 1906 [YUzhakov S.N. ZHenshchina-izbiratel'nica: (K voprosu o reforme russkogo izbiratel'nogo prava). M., 1906].

Южаков С.Н. Социологические этюды. М.: Астрель, 2008 [YUzhakov S.N. Sociologicheskie etyudy. M.: Astrel', 2008].

Батуренко Светлана Алексеевна, *кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; level_s@rambler.ru*

A Russian historian and sociologist A.P. Shchapov on the reasons for the subordinated position of women in the Russian society

The article considers the reasons of the subordinated position of the women in Russia described by Afanasy Prokopyevich Shchapov, a famous Russian historian and the sociologist of the geographical school. Shchapov was one of the first 19th- century sociologists who raised a question of the woman's role in social development, about the intellectual development of the Russian people in general, and its influence on a complex social status of women.

Keywords: feministic sociology, women's issue, Russian sociology, gender inequality, social status of women, A.P. Shchapov

Svetlana Baturenko, *PhD in Sociology, Associate Professor of History and Theory of Sociology, Lomonosov Moscow State University; level_s@rambler.ru*

Д. В. Гарбузов, Н. Ю. Николаев, С. П. Рамазанов

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ О ВОЙНЕ И МИРЕ

В статье рассмотрены взгляды Н.И. Кареева на проблемы войны и мира. Проанализирована оценка ученым таких социально-политических явлений как «прогресс», «солидарность», «борьба», «война», «мир», «милитаризм», «вооруженный мир», «всеобщая воинская повинность», «пацифизм» и пр. Раскрыто содержание историко-социологической концепции «прогресса» и человеческого «замирения». Выявлены необходимые, по мнению Кареева, условия для установления всеобщего мира. Определена общественная позиция ученого в период Первой мировой войны.

***Ключевые слова*:** *мир, война, милитаризм, прогресс, воинская повинность, солидарность, гонка вооружений, пацифизм*

Среди представителей отечественной общественной мысли рубежа XIX–XX вв., обращавшихся к проблемам войны и мира, особняком стоит фигура Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Чрезвычайно разносторонний ученый – социолог, историк, философ, педагог – он не чуждался и политической деятельности, будучи членом Конституционно-демократической партии и депутатом Первой Государственной Думы[1]. Хотя антивоенная тематика в его трудах представлена лапидарно и «разбросана» по многочисленным социологическим и историческим работам, проведенный им анализ проблем войны и мира представляет интерес как мнение крупного ученого, напрямую не связанного с антивоенным движением, но, бесспорно, ему горячо сочувствовавшего[2]. Важность анализа миротворческих взглядов Кареева обусловлена также изданием на рубеже XIX–XX вв. его многочисленных учебных пособий по российской и всемирной истории, способствовавших популяризации как исторических знаний, так и позиции самого ученого. Вместе с тем в многочисленных трудах, рассматривающих философско-исторические, конкретно-исторические, социологические и педагогические воззрения ученого, проблематика войны и мира фактически не представлена[3].

Основные принципы общественного мира ученый сформулировал в рамках своей социологической теории. В значительной степени они определялись общими особенностями позитивистского подхода, приверженцем и продолжателем которого был Н.И. Кареев. Сам автор яв-

[1] Соловьев 2007. С. 397.

[2] Н.И. Кареев не состоял ни в каких антивоенных организациях, в отличие, например, от М.М. Ковалевского, возглавлявшего Петербургское отделение общества мира. – См.: Ковалевский 2005. С. 413, 415.

[3] См., напр.: Золотарев 1988; Мягков 1988; Нечухрин 2003. Имеющиеся работы либо сосредотачиваются на оценке Кареевым Первой мировой войны, либо дают самый общий обзор его миротворческих взглядов. – Филимонов 2015; Николаев 2014.

лялся сторонником «этического» подхода в позитивизме[4]. В частности, социология рассматривалась им как наука о солидарности сознательно действующих людей. Человеческий социум, считал ученый, будучи более сложным эволюционным аналогом живого организма, обладает фундаментальными, автоматически действующими механизмами отбора, которые в процессе исторического развития систематически устраняют функционально вредные и опасные элементы и, наоборот, сохраняют и поддерживают полезные и конструктивные явления социальной жизни и практики. В результате, происходит спонтанная, естественная прогрессивная эволюция человеческого общества, которое постепенно трансформируется из однородного, слабо дифференцированного состояния во все более разнородное и сложноорганизованное. Соответственно, социальные конфликты, начиная от локальных проблем и заканчивая войнами между государствами, рассматривались Н.И. Кареевым как аномалии, отклонения от нормы, вызванные недостаточной отрегулированностью социальной структуры и практики в процессе эволюционного развития человеческого общества.

Кареев осуждал вульгарный биологизм в изучении общественно-исторических явлений. Ученый соглашался с мнением, что человеческое развитие в самом своем элементарном, первобытном виде может быть соотнесено с эволюцией общежития высших животных, но, в отличие от мира природы, социогенез сопровождался специфическими, присущими лишь человеку чертами. «На всех ступенях своего развития, – писал Кареев, – …общество имеет своим принципом солидарность, отличающуюся от солидарности между частями организма тем, что индивидуумы сплачиваются здесь в одно целое без непосредственной физической связи; последнюю заменяет *психическое* (курсив наш. – авт.) взаимодействие»[5]. В этом, на наш взгляд, принципиальное отличие социологической теории общественного замирения Кареева от аналогичной теории М.М. Ковалевского, который рассматривал социальный прогресс как процесс усиления солидарности на основе *договорного* замирения[6].

Кареев противопоставлял борьбу и солидарность, видя в них полярные признаки общественного развития. Борьба представляла собой «факт антисоциальный» и, если в обществе она и присутствовала, то находилась в «деятельном антагонизме» с принципом солидарности. Естественный отбор имел целью наследование качеств, разъединяющих людей, в то время как социальный прогресс выступал механизмом объединения и кооперации[7]. В то же время ученый признавал необходи-

[4] Рамазанов 1999. С. 55-56.
[5] Кареев 1897. С. 79.
[6] Ковалевский 1910. С. 156-158.
[7] Кареев 1897. С. 285.

мость борьбы за существование, но лишь объединенного человеческого сообщества против природы. Борьба же одних людей против других должна постепенно исчезнуть из человеческого общежития. Вопреки мнению, объявлявшему борьбу за существование неискоренимым и извечным спутником всемирной истории, Кареев считал, что интеллектуальный, нравственный и социальный прогресс позволят в будущем гармонизировать человеческие потребности и возможности[8]. По мнению ученого, прогресс в сфере психологии, заключался в развитии духовного взаимодействия и необходимых для мирного человеческого общежития качеств и навыков – симпатии, альтруизма, совести, чувства справедливости и пр. Они служили нравственным основанием новых форм общественного устройства – солидарности, регулирования отношений, кооперации, которые делали любую борьбу «излишней, ненужной, вредной»[9]. Следовательно, если в обществе и присутствовала борьба, это лишь свидетельствовало о недостаточном интеллектуальном и нравственном развитии человечества, его социальной незрелости.

Необходимым условием прогресса являлось постоянное усовершенствование общественной организации. Кареев считал, что лишь благодаря наличию социальных учреждений, принцип солидарности со временем сможет распространиться на все человечество и навсегда прекратит борьбу внутри него, объединив все государства в «обширную всемирную конфедерацию»[10]. Высший идеал человечества, по его мнению, состоял в том, чтобы духовные интересы перевесили материальные, справедливость восторжествовала над эгоизмом, гражданское самосознание разрушило животную обособленность, а повсеместная кооперация вытеснила бы всеобщую борьбу[11].

В то же время, прогресс для Кареева не прямолинеен, а его движение в сторону «далекого и заманчивого идеала» имело к тому же весьма неприятную оборотную сторону. Поступательное развитие европейской цивилизации сопровождалось истреблением и жестокой эксплуатацией целых народов, ростом численности армии и военных расходов, распространением национализма и антисемитизма[12].

Рассуждая о принципах нравственности в общественной деятельности, Кареев отмечал, что «общество не имеет нравственного права ни убивать людей, ни калечить их, ни насиловать их совесть, ни продавать их в рабство и т.п.»[13]. Когда в обыденной жизни допускались такие средства как убийство, например, в виде казни за тяжкое преступление

[8] Там же. С. 393-394.
[9] Там же. С. 286.
[10] Там же. С. 386-387.
[11] Там же. С. 392.
[12] Кареев 1916. С. 12-13.
[13] Кареев 1901. С. 12-13.

или как акт политического террора, действия общества напоминали войну, «в которой люди убивают друг друга, как врагов, которым нужно мстить, которых нужно устрашать»[14]. Война с «ее хитростями и насилиями, с ее убийствами и устрашениями есть зло, есть явление безнравственное и антиобщественное», соглашался ученый, однако требования необходимой обороны будут постоянно вынуждать человечество вступать на этот трагический путь. Современный этап развития требовал признать борьбу как часть социальной реальности. Поэтому ее полное отрицание представлялась ученому сомнительным и неконструктивным учением. Непротивление злу (при этом Кареев не упоминал имя активного популяризатора этой теории Л.Н. Толстого) запрещало не только насилие как таковое, но также самооборону, защиту слабых и правды, то есть то, что необходимо для борьбы с «насильниками и вредными людьми»[15]. Подобный подход претил ученому, который призывал руководствоваться житейским реализмом. Но принятие суровых законов жизни («война всех, против всех», «с волками жить по волчьи выть») и использование допустимых средств самозащиты не означало, по его мнению, превращение людей в животных, а напротив, требовало значительных усилий по их очеловечиванию[16].

Важную роль Кареев отводил тематике войны и мира в литературе научно-популярного и учебного характера. Ориентированные на массового читателя, такие работы издавались большими тиражами и подвергались автором неоднократному редактированию. Например, в дидактических рекомендациях по преподаванию истории в средней школе ученый предлагал не злоупотреблять описанием военных событий в ущерб «главным линиям международной истории»[17].

Свое отношение к войне Кареев сформулировал в ряде учебных пособий для средних образовательных учреждений и научно-популярных работах, нацеленных на историческое самообразование. В 1880–1890-е гг. ученый издал свои курсы по всеобщей истории в виде отдельных книг, которые затем объединил в общий труд с акцентом на «исторический, а не философский характер»[18]. Тем не менее, читатели, для которых он предназначался, должны были обладать хотя бы общими знаниями «среднеучебного курса истории и некоторого научного обра-

---

[14] Там же. С. 13-14.

[15] Там же. С. 14. Отметим, что Кареев критически относился и к отдельным положениям историософии Толстого, расходясь с ним в понимании роли личности в истории и значения человеческой воли как фактора исторической причинности. Так, приведенные писателем причины войны 1812 г., а также предлагаемые им способы ее избежать ученый находил упрощенными, не учитывающими всей сложности и многообразия исторического процесса (Кареев 1887. С. 250-258).

[16] Кареев 1884. С. 123.

[17] Кареев Заметки… 1900. С. 11.

[18] Кареев 1883; Кареев 1887; Кареев 1895.

зования вообще»[19]. Поэтому, несмотря на научно-популярный характер таких работ, проблематика войны и мира в них была представлена более основательно, критично и подробно, чем в учебных изданиях, ориентированных на учащихся средних школ.

По мнению Кареева, древнейшая история человечества наполнена опустошительными войнами, которые зачастую «сопровождались настоящими катастрофами». В лучшем случае эти конфликты задерживали развитие цивилизации, но порой приводили к полному ее уничтожению[20]. Появление государственности и ее дальнейшая институализация позволили сократить число столкновений между странами и народами. Война уже не занимала все свободное время людей, которые могли заняться другими, главным образом мирными, делами. Однако в целом начальный этап построения государственности отличался насильственным характером, особенно на территории Востока и Азии[21]. Эпоха античности первоначально мало чем отличалась от древневосточных деспотий. В этот период месть и вражда рассматривались как добродетели, а в международных отношениях «господствовала голая сила». Однако нравственный прогресс постепенно изменил этические воззрения, провозглашая идеалом «уже не атлетическое тело, не храбрость на войне, не насильственность во всем поведении», а сострадание, любовь к ближнему, братство и человеческую солидарность[22]. Средневековье, особенно в «мрачную эпоху» (IX-X вв.), было временем анархии, общественных бедствий и самого глубокого варварства[23]. Высшим проявлением средневековой воинственности, по мнению ученого, стали крестовые походы, которые не только явились продолжением «других завоевательных мероприятий феодального рыцарства», но и знаменовали собой окончание «воинственных передвижений средних веков»[24].

Основные социально-экономические и политические явления, связанные с проблематикой войны и мира, были подробно проанализированы Кареевым в научном труде «История Западной Европы в новое время». К примеру, под понятием «милитаризм» он подразумевал такое направление политики, «при котором если не все, то очень многие отправления государственной жизни подчиняются, даже в мирное время, стремлению к военному преобладанию или, по крайней мере, к военному могуществу»[25]. Развитие милитаризма напрямую зависело от политических вызовов эпохи и особенностей национально-государственной

[19] Кареев 1903. С. 4.
[20] Там же. С. 10.
[21] Там же. С. 40-41.
[22] Там же. С. 81-84.
[23] Там же. С. 137.
[24] Кареев Учебная книга истории средних веков… 1900. С. 107.
[25] Кареев 1909. С. 122.

политики. Так, Великобритания, в силу своего островного положения, всегда могла обходиться сравнительно небольшой армией, в то время как Пруссия весь новейший период своей истории постоянно наращивала военную мощь, которую успешно конвертировала в геополитическое влияние. В XIX в. Кареев выделял несколько этапов в развитии милитаризма. В начале столетия, в связи с наполеоновскими войнами, на континенте наблюдался значительный рост милитаризма, который несколько снизился в середине века и вновь заметно усилился в его конце[26].

При этом гонка вооружений происходила «приблизительно с одинаковой быстротой» и в «почти одинаковых размерах» во всех европейских государствах, вне зависимости от уровня их культурного или экономического развития. Тем самым рост милитаризма в корне отличался от эволюции производительных сил, «которая совершалась далеко не с одним и тем же темпом и не в одинаковых размерах в странах различного экономического и культурного развития». В результате бедные государства тратили на вооружения такие суммы, которые и в богатых государствах рассматривались бы как весьма и весьма значительные[27].

Кареев выделял ряд причин развития современного ему милитаризма. К числу наиболее важных он относил введение всеобщей воинской повинности. Ученый отметил амбивалентное отношение общества к армейскому призыву. Одни рассматривал его как механизм укрепления демократии, патриотизма и общей дисциплины[28]. Другие видели в нем школу «сервилизма и шовинизма со всеми пороками, развивающимися в казарменной обстановке»[29]. Против призывной системы и милитаризма выступали, по мнению Кареева, прежде всего представители социалистических партий. В противовес им идею сильной армии отстаивали «круги, настроенные более консервативно и гувернаментально». В этом противоборстве ученый видел еще одну важную причину усиления милитаризма. «Кроме внешнего врага, – писал он, – был еще враг внутренний, против которого тоже была нужна вооруженная сила, как опора установленного порядка, всего того, на чем он зиждется, так и того, что им обуславливается»[30].

Еще одной силой, способствовавшей активному росту милитаризма, Кареев считал капитализм. Не сразу осознанная связь между этими двумя явлениями стала обнаруживаться лишь со временем и на рубеже

[26] Там же. С. 122-123.
[27] Там же. С. 126-127.
[28] Недоумение у Н.И. Кареева вызывала позиция М.М. Ковалевского, который считал, что реформа 1874 г. способствовала распространению в народных массах «европейских идеалов свободы, равенства перед законом и общественной солидарности». (Ковалевский 1908. С. 197).
[29] Кареев 1909. С. 128.
[30] Там же. С. 128-129.

XIX–XX вв. она уже не подлежала сомнению. Целые производства своим существованием были обязаны «нуждам военного дела», а единственным заказчиком их продукции выступало милитаризированное государство. Капиталистическая экономика постоянно сталкивалась с проблемой сбыта произведенных товаров и вывоза капиталов. Одним из механизмов решения данной проблемы, наряду с выходом на внешние рынки и захватом колоний, за которые ожесточенно соперничали великие державы, являлся милитаризм. «Расходы на военное дело, – утверждал ученый, – сами по себе тоже играют роль своего рода регулятора, устанавливающего известное равновесие между производством и потреблением, так как изготовление всего того, что нужно для сухопутной армии и военного флота, поглощает в большой мере и избыточные капиталы, и избыточную рабочую силу капиталистического строя»[31].

По мнению Кареева, в конце XIX в. мир стал свидетелем парадоксального социально-экономического явления – милитаризм выступал источником индустриального развития, которое, в свою очередь, создавало условия, необходимые для процветания первого. Ученый признавал, что между мирными устремлениями индустриального строя, с одной стороны, и взаимосвязью капитализма с милитаризмом, с другой, существовало «вопиющее противоречие». Тем не менее, миролюбивый посыл капитализма оказался не способен перебороть общие выгоды от гонки вооружений, а влияние милитаризма на индустриальную жизнь государств оказалось настолько велико, что «если бы в один прекрасный день правительства сразу вздумали разоружиться, это вызывало бы страшное экономическое потрясение»[32].

Негативно отзывался Кареев о состоянии «вооруженного мира», ставшем неотъемлемой частью международных отношений на рубеже XIX–XX вв. Истоки напряженности на европейском континенте в начале XX в. он видел в итогах Франко-прусской войны. Третья республика не смирилась с понесенными территориальными потерями и жаждала реванша. В то же время объединенная Германия рассматривалась европейскими государствами как опасный и беспокойный сосед, чьи заверения о стремлении к «общему миру» не соответствовали ее реальной политике. С момента окончания Франко-прусской войны великие державы находились в неустойчивом состоянии «вооруженного мира», страшась войны и непрерывно увеличивая свои военные расходы. Свой вклад в усиление международной напряженности вносили и постоянные военно-технические изобретения, заставляя «европейские государства находиться как бы в хроническом состоянии перевооружений»[33].

---

[31] Там же. С. 129-131.
[32] Там же. С. 131-132.
[33] Там же. С. 118-120.

В то же время, по наблюдению ученого, постоянная угроза войны служила своеобразной гарантией сохранения мира. Усложнившаяся международная обстановка и накопленные огромные запасы вооружений требовали тщательных подсчетов соотношения сил в случае гипотетического столкновения. В результате, противоборствующие стороны старались политические конфликты по возможности разрешать компромиссом. Сторонником мира выступал и класс капиталистических предпринимателей, который становился все более влиятельным в политическом отношении. Несмотря на определенные выгоды милитаризма для отдельных отраслей капиталистического производства, господствующие классы, как считал Кареев, осознавали тот колоссальный вред, который нанесла бы европейская война хозяйственному развитию континента, особенно с учетом сложившихся тесных торгово-экономических связей. В выигрыше от войны между враждебными союзами оказалась бы Америка, «и это также заставляло господствующие классы и правительства задумываться над вопросами войны и мира и над вопросами общеевропейских интересов»[34]. Свою роль играло и постепенное усиление антивоенных настроений в обществе, главным образом, среди представителей интеллигенции и пролетариата.

Помимо общественного существовал и правительственный пацифизм, чья активность выразилась в созыве двух Гаагских мирных конференций (1899 и 1907). Инициированный Россией первый «парламент мира», по мнению Кареева, был встречен иностранными государствами недоверчиво, как по причине недоверия к искренности миролюбивых устремлений Петербурга, так и в силу серьезных сомнений относительно достижения на конференции значительных результатов. Итоги мирного собрания ученый оценивал не слишком высоко, выделяя лишь создание международного третейского суда. Свидетельством общей неудачи конференции стала невозможность политиков предотвратить последовавшие затем войны (англо-бурскую, русско-японскую) и приостановить столь тяготившую население гонку вооружений[35]. Еще более критически Кареев характеризовал результаты работы второй мирной конференции, по окончании которой рост военных расходов не только не прекратился, но принял еще более «колоссальные размеры»[36].

Вместе с тем, по мнению Кареева, в начале XX в. проявились объективные тенденции, связанные с ростом пацифистского движения, куда рекрутировались как видные общественные деятели, так и известные политики. «Своей конечной целью, – писал он, – они поставили совершенное уничтожение войны и полное разоружение народов, ближайшей

[34] Там же. С. 521-522.
[35] Кареев 1916. С. 18-19.
[36] Там же. С. 20-21.

же – по крайней мере уменьшение вооружений и предупреждение и ограничение войн»[37]. В качестве средств всеобщего умиротворения пацифисты предлагали, помимо прямого воздействия на государственные структуры, пропаганду в обществе и воспитание на принципах миролюбия молодежи, содействие кодификации международного права и создание межгосударственных объединений[38]. Наиболее последовательно антивоенные требования отстаивали левые партии. Однако с началом Мировой войны, по мнению ученого, европейские социалисты в подавляющем большинстве опровергли репутацию космополитического и антинационального движения, поддержав патриотическую позицию правительств. Наиболее проправительственной выглядела позиция германских социал-демократов, что дало ученому повод упрекать их в неприкрытой поддержке милитаризма и империализма[39].

Катастрофу 1914 г. Кареев, как и подавляющее большинство представителей либеральной интеллигенции, встретил с горечью и недоумением. Однако, в отличие от многих соотечественников, ученый не требовал никаких территориальных приращений для России и не пытался рассмотреть конфликт через призму борьбы цивилизации и варварства.

Содержание статьи Кареева в публицистическом сборнике «Чего ждет Россия от войны?» заметно отличалось от общей тематики книги[40]. «Я позволю себе перевернуть вопрос, – писал он, – и говорить не о том, чего ждет Россия от войны, а что ждет Россию после войны, и ограничу притом свою тему областью науки»[41]. Ученый сетовал на разрыв научных связей, в результате чего российские ученые лишились возможности читать не только немецкие или австрийские журналы, но и периодические издания Великобритании, Франции, Италии и других «союзных с нами и нейтральных наций»[42]. Между тем, по его мнению, наука представляла собой интернациональное явление и общечеловеческое достояние, а задача ученых состояла в том, чтобы сдерживать страсти и мирно разрешать возникавшие противоречия[43].

---

[37] Там же. С. 22.
[38] Там же.
[39] Кареев 1917. С. 527-540.
[40] Своеобразным alter ego Кареева в данном сборнике стал П.Н. Милюков, который выступил с масштабной программой национально-государственного переустройства Европы, предусматривавшей значительные территориальные приобретения для России. Подобные взгляды Милюкова выглядели тем более необычно, если учитывать его энергичную антивоенную деятельность в 1900-е гг. (Милюков 1915).
[41] Кареев Мысли о русской науке… 1915. С. 81.
[42] Там же. С. 81-82. Уже после окончания войны Кареев с горечью писал, что «никому в голову не могло прийти, что мы, русское общество, так долго будем отрезаны от Запада, что долгое-долгое время не будем видеть ни газет и журналов, ни книг и географических карт» (Кареев 1922. С. 3).
[43] Кареев Мысли о русской науке… 1915. С. 83.

Кареев осуждал позицию германских коллег, в заявлениях которых было «менее всего научного духа, но много шовинистического задора и высокомерия»[44]. Война когда-нибудь закончится, и тогда перед Германией и Россией встанет проблема восстановления добрососедских отношений. Кареев призывал не следовать путем немецких ученых, которые перенесли борьбу в «мирную сферу науки». Он надеялся, что этот дурной пример не окажется заразительным, и в российской академической среде победят благоразумие и здравый смысл. К числу анекдотических ситуаций Кареев относил отказы школьников изучать историю Германии и немецкий язык, а антигерманские высказывания отдельных коллег считал обидными и постыдными проявлениями человеконенавистничества[45]. Недоумение у него вызывало и высокомерное желание некоторых отечественных публицистов увидеть в войне против Германии цивилизационно-освободительную миссию России. Такие взгляды он считал опасным заблуждением, в основе которого лежало стремление «считать себя лучше других и на этом основании признавать себя вправе их исправлять от того самого зла, в которое мы рискуем впасть сами»[46].

В то же время, в работах Кареева военного периода присутствовала, по словам Н.П. Фрейберг, «завуалированная антантофильская точка зрения» и «густо союзническая ориентация»[47]. Рассматривая противоборствующие в войне межгосударственные альянсы в исторической ретроспективе, Кареев отмечал «немецкую опасность» как важнейший фактор военно-политической консолидации великих держав. Именно чувство страха перед растущей германской мощью заставило объединиться самодержавную Россию и республиканскую Францию, а Великобританию выйти из столь привычного для нее состояния «блестящей изоляции»[48]. При этом, указывал Кареев, геополитические объединения 1870–1890-х гг. главную свою задачу видели в обеспечении международной стабильности и недопущении мировой войны. Демонстративное миролюбие современники наблюдали в созданном в 1873 г. Союзе трех императоров. Сохранение мира, правда «вооруженного», декларировалось как основная цель Тройственного союза (1882). Для поддержания европейского мира был образован и русско-французский союз (1891–1893). В результате, существование военных альянсов, объединявших великие державы, многими рассматривалось как важный аспект проведения миролюбивой дипломатии, как эффективное средство профилактики международных столкновений. Однако политика Цен-

[44] Там же. С. 83-85.
[45] Там же. С. 84-85.
[46] Там же. С. 96-97.
[47] Буржуазные историки… 1931. С. 83-84.
[48] Кареев Прошлое двух союзов… 1915. С. 24-25.

тральных держав постепенно менялась, и к началу 1910-х гг. они уже готовились к превентивной войне, а неформальный лидер этого союза – Германия стремилась к мировому господству[49].

После 1917 г. ученый не изменил своим принципам, хотя антивоенные мотивы в его работах советского периода встречались значительно реже. В «Общем курсе истории XIX и XX века», раздел о международной политике Кареев начинал с разбора мнения Г.Т. Бокля о том, что культурный прогресс приведет к полному исчезновению войн между цивилизованными нациями. Автор упрекал английского историка в плохом предвидении и, хотя речь шла о геополитической ситуации 1850–1860-х гг., складывалось ощущение, что он экстраполировал ее на начало XX в.[50] Еще более жесткой критике Кареев подвергал рост милитаризма в Европе после окончания Франко-прусской войны и «до взрыва 1914 года». Он признавал, что более чем сорокалетний период без масштабных конфликтов благотворно сказался на экономическом развитии региона, но указывал на иллюзорность такого мира, отсутствие для него фундаментальных оснований. «Многие даже воображали, – не без самоиронии писал Кареев, – что милитаризм охраняет международный мир и что войска существуют не для того, чтобы воевать, а чтобы обеспечивать выгоды, получаемые от промышленности и торговли»[51].

Важным моментом является определение причин негативного отношения ученого к вооруженным конфликтам, милитаризму и сопутствующим ему социально-экономическим явлениям. Мнение В.А. Филимонова о том, что пацифистские убеждения Кареева были связаны с его апперцепцией семейных традиций потомственных военных, представляется недостаточно аргументированным. Тем более что сам ученый вспоминал о своем детском увлечении боевыми мундирами, оружием и военной историей[52]. Куда более убедительной выглядит привязка миролюбия Кареева к его либеральным воззрениям. Именно российские либералы (М.М. Ковалевский, Л.А. Камаровский, П.Д. Долгоруков, М.А. Таубе, С.А. Котляревский и др.) стояли у истоков отечественного антивоенного движения[53]. В то же время позиция большинства отечественных либералов-миротворцев вполне допускала оборонительные и даже в отдельных случаях колониальные войны. Тот же Кареев, осуждая борьбу, которую вели за колонии великие державы, одновременно отмечал позитивное влияние культуры, экономических и научно-технических достижений европейских стран на развитие отсталых народов[54].

---

[49] Там же. С. 46-47.
[50] Кареев 1919. С. 376-377.
[51] Кареев 1923. С. 140.
[52] Филимонов 2015. С. 107; Кареев 1990. С. 54.
[53] Павлова 1999. С. 29-30.
[54] Кареев Учебная книга новой истории... 1900. С. 298-304.

Безусловно, подобные взгляды были весьма далеки от этического максимализма и анархо-пацифизма Л.Н. Толстого и его немногочисленных последователей, категорически не признавших войны в любом их проявлении[55]. Потому Кареева, как, впрочем, и подавляющее большинство критиковавших войну обществоведов рубежа XIX–XX вв., следует, строго говоря, относить к пацифицистам (или интернационалистам), т.е. сторонникам постепенного устранения милитаризма из человеческого общежития через реформы. Кроме того, приверженцы этого направления в миротворчестве признавали необходимость оборонительных войн и наличия соответствующих вооруженных сил для защиты страны от внешней агрессии[56].

Таким образом, анализ проблем войны и мира присутствовал в историко-социологических работах Кареева весьма заметно. Наиболее интенсивно данную тематику он разрабатывал в период 1880–1910 гг., наиболее важную роль в формировании теории «общего замирения» сыграли социологические работы, написанные им преимущественно в конце XIX в. В то же время в его научно-популярных и учебных трудах антивоенные мотивы присутствовали и после 1917 г.

Николай Иванович Кареев не был активным пропагандистом миротворческих идей, однако негативно относился к росту милитаризма и усилению международной напряженности. Вопрос всеобщего умиротворения он рассматривал с точки зрения роста человеческой солидарности посредством психологического взаимодействия. Исчезновение войн Кареев связывал с объединением государств в международную конфедерацию, которую считал вершиной социального прогресса.

Достойной выглядела позиция ученого в период Первой мировой войны. В его выступлениях отсутствовали шовинистические лозунги и экспансионистские планы. Будучи патриотом, Н.И. Кареев, тем не менее, отрицательно относился к тем отечественным публицистам, которые отвергали заслуги германской культуры или рассматривали войну с Центральными державами как цивилизационную миссию России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул): открытое заседание методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 44-86.

Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 160 с.

Илюхина Р.М. Российский пацифизм вчера и сегодня. М.: ИВИ, 1992. 100 с.

Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 406 с.

Кареев Н.И. Введение в курс истории Древнего мира: (Греция и Рим). 3-е изд. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1895. 101 с.

Кареев Н.И. Введение в курс истории средних веков. Варшава: тип. Носковского, 1883. 48 с.

[55] Илюхина 1992. С. 14-19.

[56] Морданова 2004. С. 36-39.

Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего Востока. СПб.: т. В.В. Комарова, 1887. 80 с.
Кареев Н.И. Европа до и после войны в территориальном отношении : с 2-мя картами. Пг.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922. 81 с.
Кареев Н.И. Историческая философия в романе гр. Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Европы. 1887. № 7. С. 227-269.
Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. Т. 6. Ч. 1-2: Последняя треть XIX века. 1083 с.
Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Т. 7. Ч. 1: Международные отношения до 1907 г. Внутренняя политика отдельных стран до 1914 г. 406 с.
Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: Пг.: тип. М. М. Стасюлевича, 1917. Т. 7. Ч. 2: Общие обзоры экономического развития и социального и умственного движений. Международные отношения в 1908-1914 гг. 369 с.
Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1900. 90 с.
Кареев Н.И. Мечта и правда о российской науке // Русская мысль. 1884. № 12. С. 100-135.
Кареев Н.И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. Изд. 2-е. [Пг.]: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. С. 81-97.
Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 175 с.
Кареев Н.И. Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны. М.: тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1919. 391 с.
Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. 303 с.
Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд., сокр. СПб.: Изд. М.М. Стасюлевича, 1897. 456 с.
Кареев Н.И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время. Пг.: Сеятель, 1923. 272 с.
Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
Кареев Н.И. Прошлое двух союзов великих европейских держав // Вопросы мировой войны: сборник комитета по устройству этапного лазарета имени Высших учебных заведений Петрограда / под ред. проф. М.И. Туган-Барановского. Пг.: Право, 1915. С. 21-47.
Кареев Н.И. Учебная книга истории средних веков. С историческими картами. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1900. 236 с.
Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. С историческими картами. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича. 1900. 339 с.
Ковалевский М. М. Дарвинизм в социологии // Памяти Дарвина: [сб. ст.]. М.: Науч. слово, 1910. С. 117-158.
Ковалевский М.М. Моя жизнь: воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. 781 с.
Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1908. 242 с.
Милюков П.Н. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны: сб. ст. Изд. 2-е. [Пг.] : «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. С. 53-66.
Морданова А.Р. Теоретическое осмысление пацифизма и пацифицизма // Социологические институты: ретроспекция и реальность. Материалы VII межвузовской региональной научной конференции (Омск, 15 ноября 2003 г.). Омск: Изд. ОмГУ, 2004. С. 36-42.
Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.
Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003. 349 с.
Николаев Н.Ю. Проблемы войны и мира в историко-социологических трудах Н.И. Кареева на рубеже XIX-XX вв. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 года) / отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. Ч. I. С. 179-181.

Павлова Т.А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 28-42.

Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века.. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ГУ, 1999. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. 144 с.

Соловьев К.А. Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп.. М.: Новое издательство, 2007. С. 395-400.

Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 106-112.

REFERENCES

Burzhuaznye istoriki Zapada v SSSR (Tarle, Petrushevskij, Kareev, Buzeskul). Otkrytoe zasedanie metodologicheskoj sekcii ot 18 dekabrya 1930 g. // Istorik-marksist. 1931. № 21. S. 44-86.

Zolotarev V.P. Istoricheskaya koncepciya N. I. Kareeva: soderzhanie i ehvolyuciya. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1988. 160 s.

Ilyuhina R.M. Rossijskij pacifizm vchera i segodnya. M.: IVI, 1992. 100 s.

Kareev N.I. Vvedenie v izuchenie sociologii. SPb.: tip. M. M. Stasyulevicha, 1897. 406 s.

Kareev N.I. Vvedenie v kurs istorii drevnego Vostoka. SPb.: tip. V.V. Komarova, 1887. 80 s.

Kareev N.I. Vvedenie v kurs istorii Drevnego mira: (Greciya i Rim). 3-e izd. SPb.: tip. I. N. Skorohodova, 1895. 101 s.

Kareev N.I. Vvedenie v kurs istorii srednih vekov. Varshava: tip. Noskovskogo, 1883. 48 s.

Kareev N.I. Evropa do i posle vojny v territorial'nom otnoshenii : s 2-mya kartami. Pg.: Izd. M. i S. Sabashnikovyh, 1922. 81 s.

Kareev N.I. Istoricheskaya filosofiya v romane gr. L.N. Tolstogo «Vojna i mir» // Vestnik Evropy. 1887. № 7. S. 227-269.

Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v Novoe vremya.. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1909. T. 6. Ch. 1-2: Poslednyaya tret' XIX veka 1083 s.

Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v Novoe vremya. Pg.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1916. T. 7. Ch. 1: Mezhdunarodnye otnosheniya do 1907 g. Vnutrennyaya politika otdel'nyh stran do 1914 g. 406 s.

Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v Novoe vremya: Pg.: tip. M. M. Stasyulevicha, 1917. T. 7. Ch. 2: Obshchie obzory ehkonomicheskogo razvitiya i social'nogo i umstvennogo dvizhenij. Mezhdunarodnye otnosheniya v 1908-1914 gg. 369 s.

Kareev N.I. Zametki o prepodavanii istorii v srednej shkole. SPb.: tip. I.N. Skorohodova, 1900. 90 s.

Kareev N.I. Mechta i pravda o rossijskoj nauke // Russkaya mysl'. 1884. № 12. S. 100-135.

Kareev N.I. Mysli o russkoj nauke po povodu tepereshnej vojny // Chego zhdet Rossiya ot vojny: sb. st. Izd. 2-e. [Pg.]: «Prometej» N.N. Mihajlova, 1915. S. 81-97.

Kareev N.I. Mysli o sushchnosti obshchestvennoj deyatel'nosti. 2-e izd., dop. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1901. 175 s.

Kareev N.I. Obshchij kurs istorii XIX i XX veka do nachala mirovoj vojny. M.: tip. T-va I. D. Sytina, 1919. 391 s.

Kareev N.I. Obshchij hod vsemirnoj istorii. Ocherki glavnejshih istoricheskih ehpoh. SPb.: Brokgauz-Efron, 1903. 303 s.

Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii. 3-e izd. SPb.: Izd. M.M. Stasyulevicha, 1897. 456 s.

Kareev N.I. Ocherki social'no-ehkonomicheskoj istorii Zapadnoj Evropy v novejshee vremya. Pg.: Seyatel', 1923. 272 s.

Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1990. 384 s.

Kareev N.I. Proshloe dvuh soyuzov velikih evropejskih derzhav // Voprosy mirovoj vojny : Sbornik komiteta po ustrojstvu ehtapnogo lazareta imeni Vysshih uchebnyh zavedenij Petrograda / pod red. prof. M. I. Tugan-Baranovskogo. Pg.: Pravo, 1915. S. 21-47.

Kareev N.I. Uchebnaya kniga istorii srednih vekov. S istoricheskimi kartami. SPb.: tip. M. M. Stasyulevicha. 1900. 236 s.

Kareev N.I. Uchebnaya kniga novoj istorii. S istoricheskimi kartami. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha. 1900. 339 s.

Kovalevskij M.M. Darvinizm v sociologii // Pamyati Darvina. M.: Nauch. slovo, 1910. S. 117-158.

Kovalevskij M.M. Moya zhizn': vospominaniya. M.: ROSSPEHN, 2005. 781 s.
Kovalevskij M.M. Ocherki po istorii politicheskih uchrezhdenij Rossii. SPb.: tip. B.M. Vol'fa, 1908. 242 s.
Milyukov P.N. Territorial'nye priobreteniya Rossii // Chego zhdet Rossiya ot vojny: sb. st. Izd. 2-e. [Pg.]: «Prometej» N.N. Mihajlova, 1915. S. 53-66.
Mordanova A.R. Teoreticheskoe osmyslenie pacifizma i pacificizma // Sociologicheskie instituty: retrospekciya i real'nost'. Materialy VII mezhvuzovskoj regional'noj nauchnoj konferencii (Omsk, 15 noyabrya 2003 g.). Omsk: Izdanie OmGU, 2004. S. 36-42.
Myagkov G.P. «Russkaya istoricheskaya shkola». Metodologicheskie i idejno-politicheskie pozicii. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1988. 198 s.
Nechuhrin A.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.). Grodno: GrGU, 2003. 349 s.
Nikolaev N.YU. Problemy vojny i mira v istoriko-sociologicheskih trudah N. I. Kareeva na rubezhe XIX-XX vv. // Kul'tura, nauka, obrazovanie : problemy i perspektivy : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Nizhnevartovsk, 7 fevralya 2014 goda) / otv. red. A.V. Korichko. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014. Ch. I. S. 179-181.
Pavlova T.A. Istoricheskie sud'by rossijskogo pacifizma // Voprosy istorii. 1999. № 8. S. 28-42.
Ramazanov S.P. Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka. Volgograd: Izd. Vol.GU, 1999. Ch. 1: Postanovka i popytka resheniya problemy. 144 s.
Solov'ev K.A. Nikolaj Ivanovich Kareev: «Osnovat' novuyu Rossiyu, kotoraya budet sushchestvovat' dlya svoih grazhdan» // Rossijskij liberalizm: idei i lyudi / pod obshch. red. A.A. Kara-Murzy. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. S. 395-400.
Filimonov V.A. N.I. Kareev i Pervaya mirovaya vojna : vzglyad ochevidca i refleksiya istorika // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 1. S. 106-112.

Гарбузов Дмитрий Викторович, *доктор философских наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Волжского филиала Волгоградского государственного университета; buendia@bk.ru*

Николаев Николай Юрьевич, *кандидат исторических наук, доцент кафедры социально гуманитарных дисциплин Волжского политехнического института; nikcam@mail.ru*

Рамазанов Сергей Павлович, *доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета; sp-ram@yandex.ru*

Nikolay Ivanovich Kareev about the war and peace

The article considers the views of the famous historian and sociologist N.I. Kareev on the problems of war and peace. The authors analyzed his interpretation such complex socio-political phenomena as “progress”, “solidarity”, “struggle”, “war”, “peace”, “militarism”, “armed peace”, “universal military service”, “pacifism» The content of the historical and sociological concepts of “progress» and human “pacification” is disclosed. The necessary conditions, according to Kareev, for establishing universal peace were revealed. The social position of the scholar during the First World War has been identified.

Keywords: peace, war, militarism, progress, solidarity, arms race, pacifism, pacificism

Dmitry V. Garbuzov, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Criminal Law and Process, Volzhsky Branch office of Volgograd State University; buendia@bk.ru*

Nikolai Y. Nikolaev, *Candidate of Sciences (History), Associate Professor Volzhsky Polytechnic Institute (Branch) of Volgograd State Technical University; nikcam@mail.ru*

Sergey P. Ramazanov, *Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Volzhsky Branch office of Volgograd State University; sp-ram@yandex.ru*

А. В. Торкунов

ИСТОКИ (ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ) РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена поиску истоков формировавшейся самобытной школы международных отношений в России в конце XIX –начале XX в. Такие истоки видятся, во-первых, в стремительном развитии военной стратегии и географии в Российской империи, а во-вторых, в бурной общественно-политической дискуссии о вариантах внешнеполитического развития Российского государства в описываемый период. Можно предположить, что на пересечении этих двух трендов в первой половине XX в. могла зародиться уникальная российская школа международных отношений, которая заняла бы важное место в ряду других национальных традиций – англосаксонской, немецкой, французской и др. Однако ее естественное развитие было прервано драматическими событиями XX века, и теперь можно только догадываться, на какие ракурсы мировой политики такая школа могла бы обратить свое внимание.

***Ключевые слова*:** *российская школа международных отношений, военная стратегия, военная география, западничество, евразийство*

В современном мире международные отношения и внешняя политика государства благодаря развитию информационных технологий перестали быть чем-то далеким и таинственным. Обыватель ежедневно узнает бесчисленные цифры, факты и оценки международной обстановки, в результате чего почти каждый может составить собственное мнение о природе и сущности мировой политики. Потому всё чаще приходится сталкиваться с позициями, предполагающими, что межгосударственные отношения являются случайным результатом сиюминутной политической конъюнктуры, психологических установок лидеров, ситуации на рынках товаров и услуг или чего-то еще в этом роде. Соответствующий интерпретационный фон усиливает в массовом сознании тренд в понимании международных отношений как сферы хаотических взаимодействий, не обладающих внутренней структурой и закономерностями, а значит, не подлежащий анализу и прогнозированию.

Вместе с тем, в последнее столетие международные отношения стали полноценной научной дисциплиной, в которой сложились свои концепции, теории и школы. Их можно распределить на три кластера. В первом – истории международных отношений – внешняя политика государств понимается через их прошлое, когда современные проблемы являются, прежде всего, результатом неразрешенных коллизий в прошлом. Во втором – теории/социологии) международных отношений – характер поведения государства на международной арене определяется внутренней политической, социально-экономической и культурно-цивилизационной спецификой страны. Наконец, в третьем – географии

международных отношений – логика поведения страны на международной арене определяется ее географическим положением. Всё это формирует междисциплинарный характер науки о международных отношениях – на стыке истории, обществознания и географии. Для стереоскопического представления о международной системе необходимо понимание всех трех парадигм, однако научное знание продолжает развиваться отдельно в каждой из этих школ.

Российская школа международных отношений традиционно является исторической, что было предопределено как ее генезисом из истории внешней политики государства, так и идеологизированным путем развития общественных наук в XX в. в нашей стране. В то же время, западные школы международных отношений – преимущественно обществоведческие. Это привело нас к такому казусу, когда, развивая политологический подход к данной сфере, наши ученые вынуждены заимствовать значительные наработки у западных коллег. Иногда из этого делается неверный вывод о том, что и теория международных отношений является «прозападной» дисциплиной, которую не стоит развивать на российской почве. Помимо того, что, как известно, наука не имеет национальности, против данной позиции есть и другой аргумент: системный подход к пониманию международных процессов зародился далеко не только на Западе. На излете истории Российской империи формировалась самобытная, но в то же время не оторванная от мировой науки школа изучения международных процессов. И это не позволяет считать теорию международных отношений исключительно англосаксонским детищем. Некоторым идеям, зародившимся в рамках этой парадигмы в России, и посвящена эта статья.

В современном мире считается, что факторами, определяющими внешнеполитическую линию государств, являются политический и экономический. Однако во времена зарождения международных исследований как самостоятельной дисциплины таким ведущим фактором считался географический. Соответственно, у теории международных отношений и геополитики как научных направлений была общая колыбель. Российская же географическая школа международных отношений была бы вероятно невозможна без традиций исследований в области военной географии. Поэтому по меньшей мере одним из ключевых истоков российской науки о внешней политике следует считать работы профессора Академии Генштаба П.А. Языкова «Опыт теории военной географии» (1837) и «О ходе и развитии теории стратегии» (1839)[1] и его ученика, военного министра Д.А. Милютина «Критическое исследование военной географии и военной статистики» (1846)[2]. Называя то,

[1] Языков 1838.
[2] Милютин 1846.

что мы сегодня понимаем под политической географией, военной статистикой, Милютин, по современным оценкам, впервые в мировой науке предложил системный подход к учету внешних (в том числе пространственных факторов) к пониманию стратегии государства.

Выдающимся учеником и последователем Милютина был А.Е. Снесарев. По мнению некоторых современных исследователей, в своих многочисленных трудах о Средней Азии и в классическом учебнике по военной географии[3] он даже предвосхитил появление двух ключевых идей основоположников политической географии: шведа Р. Челлена о ключевых элементах могущества государства[4] и британца Х. Маккиндера о конфигурации планеты, предполагающей особую роль Центральной Азии в мировой политике (теория хартленда)[5].

Академическая дискуссия с зарубежными теориями мирового могущества не ограничивалась, конечно, военно-стратегическими исследованиями. Сын великого русского путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский[6], например, представил широко аргументированную критику теории А.Т. Мэхэна о неизбежном противоборстве морских и сухопутных держав в мире, вытекающем из геологической структуры Земли. Тем самым были поставлены под сомнение разработки британской и германской реалистских школ геополитики, опиравшихся на аксиому американского адмирала. Другой родственник известного русского ученого – брат И.И. Мечникова Лев Ильич Мечников, выделив причины возникновения мировых цивилизаций, обобщив их типологию и проследив динамику мирового политического процесса в логике противоборства цивилизаций, задолго до А. Тойнби и О. Шпенглера сформулировал основы цивилизационной школы в международных исследованиях[7].

Другим не менее важным источником будущей русской школы международных отношений следует признать укорененную традицию социально-философской полемики о судьбе Родины и ее мирополитических ориентирах. Можно сказать больше: традиционный спор о соотношении России с Европой и, возможно, вытекающей отсюда цивилизационной идентичности и внешнеполитической стратегии является ключевой дихотомией становления российских международных исследований. И до сих пор исследовательское поле российской науки о международных отношениях в значительной части структурируется в зависимости от того, как представители различных течений отвечают на вопрос, следует ли считать Россию частью Европы или нет.

---

[3] Снесарев 1906; 2011.
[4] Якунин, Зеленев, Зеленева 2008. С. 198.
[5] Рябцев 2018. С. 362-391.
[6] Семенов-Тян-Шанский 1915.
[7] Мечников 1898.

Эту традицию можно отсчитывать даже с концепции «Москва – Третий Рим» Филофея Псковского или переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Но предметно структурировалась эта дискуссия именно в середине XIX в. Двумерное представление данного диспута в формате спора «западников» (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, Н.П. Огарев, П.В. Анненков, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и др.) со «славянофилами» (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский и др.) представляется нам чрезмерно упрощающим сложную палитру тогдашних мнений и позиций. В частности, невозможно отнести ни к одному лагерю выдающегося русского дипломата и мыслителя А.М. Горчакова. Развивая эту мысль, А.П. Цыганков предлагает свою версию членения русской политической мысли – «западники», «державники» и «третьеримцы» – подчеркивая при этом идейную неоднородность внутри каждой из этих «школ»[8].Именно на стыке двух тенденций – успехов в развитии военной стратегии и широкой общественно-политической дискуссии о будущем страны – появляется плеяда авторов, которых можно считать предтечами российской школы международных отношений – Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и Г.Н. Трубецкой.

Наибольшую известность в свое время Н.Я. Данилевскому принесли его разработки в области пространственных предпосылок территориальной экспансии России на Балканы с последующим созданием Всеславянской конфедерации со столицей в Константинополе. Эти идеи структурно созвучны планам мирного переустройства политической карты мира, скажем, Р. Челлена или К. Хаусхофера, и в таком смысле и по отношению к ним справедлива критика классической геополитики с ее социал-дарвинизмом и географическим детерминизмом.

Однако нынешний ренессанс интереса к Данилевскому связан с другим. В своих построениях о глубинных противоречиях в отношениях России и Европы он отошел от реалистской парадигмы, характерной для его времени, с приматом рационального выбора в формировании национальных интересов, и предложил почти конструктивистскую трактовку закономерностей международных отношений. Россию и Европу, оказалось, разделяют не интересы, а почти противоположные культурно-цивилизацион-ные типы. И даже больше: Европа в понимании себя противопоставляет себя России, а Россия – Европе, создавая противоречие, не разрешаемое даже сходностью целей в политике[9]. Эту мысль развивал и К.Н. Леонтьев, предполагавший, что византийское наследие не стало объединяющим началом для России и Европы, а, наоборот, было

[8] Цыганков 2013.
[9] Данилевский 2008.

осмыслено как антагонистическое Западу, благодаря чему у России появились основания ощущать себя отдельной цивилизацией[10].

Еще дальше продвинулся Г.Н. Трубецкой. В книге «Россия как великая держава» он не только постулирует основы некой стратегии, но, что нам важнее, на базе детального анализа соотношений потенциалов в железнодорожном транспорте фактически подводит к будущей неореалистской теории баланса сил, в которой устойчивость и развитие международной системы обеспечиваются балансом не столько национальных интересов, сколько сил безопасности соперничающих стран[11].

Именно эти размышления основоположников русского евразийства, а не просто их геостратегические моделирования, и позволяют нам считать их предтечами гипотетической самобытной российской школы международных отношений.

Даже беглый взгляд дает основания полагать, что соединение академических разработок школы военной и политической географии с философскими изысканиями русских мыслителей породило бы в XX веке самостоятельную российскую школу международных отношений. Это видно и по развивавшейся в эмиграции в 1920-1930-е годы (в первую очередь, в Софии, Праге, Берлине и Париже) школы т.н. евразийцев – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.

Их идеи не были адекватно переосмыслены ни на Родине, ни на Западе. Это поколение осталось тупиковой ветвью русской философии. Попытки воскресить евразийство в XXI в. оказались идеологизированными, далекими от академических стандартов, не учитывали прогресса, совершенного международной наукой, и потому подвергаются обоснованной критике и даже остракизму[12].

И всё же интересно задаться вопросом – если бы течение истории изменило свой ход и Россию и не потрясли события, приведшие к демонтажу традиционной государственности и утрате большей части интеллектуальной элиты – стала бы российская школа международных отношений уникальной в череде других национальных традиций: англосаксонской, немецкой, французской…? И главное, если предположим, что стала бы, в чем мог состоять потенциал ее самобытности, в какой ипостаси она могла обогатить мировую науку?

Попробуем провести параллели с русской культурой, которая к началу минувшего века успела занять место среди великих национальных культур. Безусловно, соответствующие феномены есть часть общей европейской художественной традиции. Но нельзя не отметить,

[10] Торкунов 2017. С. 353–375.
[11] Трубецкой 1910. С. 21-139.
[12] Окунев, Кучинов 2013.

что в их становлении отразились черты уникальности, специфические и порой едва уловимые черты того, что именуют русской цивилизацией. Именно благодаря этим последним русская литература, русская музыка считаются отдельными вехами в развитии западного искусства. Вероятно, это могло бы ждать и российскую школу международных отношений, зарождавшуюся на изломе веков.

Продолжая эту линию размышлений, попробуем предположить, что российская школа международных отношений, выпестованная к тому же традициями особого феномена – русской интеллигенции, – могла добавить к западным школам, например, психологизм, то есть внимание к личностным и духовным аспектам мировой политики. Это движение, вероятно, оказалось бы в струе будущего французского структурализма и иконографики, что привело бы к расцвету конструктивистской школы задолго до ориентализма Э. Саида. К другому варианту подталкивает тяготение русской культуры начала XX века к авангардизму и символизму. Не случайно в последние годы российские теоретики международных отношений все чаще говорят о присутствии в истории некоего иррационального начала, которое воздействует на нее через элемент случайности, и о синергии хаоса или «природно-стихийном начале», которое воздействует на историю независимо от воли людей[13]. Вероятно, влияние этих направлений на международные исследования позволило бы быстрее отойти от линейной трактовки мирового прогресса, еще долго доминировавшего в школах модерна и позитивизма на Западе.

Таким образом, есть основания полагать, что динамичное развитие российской школы международных отношений могло бы сделать науку о международных отношениях менее европоцентричной и обратило бы ее внимание на незападные паттерны развития раньше, чем это произошло с приходом постколониализма и субалтернизма вместе с деколонизацией Востока.

Кто-то отнесет эти построения к «снам международника», сочтет неуместными фантазиями. Что ж, мне тоже никогда не удавалось постичь всей глубины мысли, заключенной в сакраментальной формуле, согласно которой история не имеет сослагательного наклонения.

К сожалению, в естественный ход развития русской школы международных отношений вмешалась разрушительная сила революции. И сегодня эта школа воссоздается фактически заново, с опорой на теоретические разработки других национальных школ, но и с пониманием собственной традиции и национальных корней.

---

[13] См., напр.: Современные глобальные проблемы… С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. [Danilevskiy N.YA. Rossiya i Yevropa / Sostavleniye i kommentarii YU.A. Belova. M .: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008]

Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ / Пер. с фр. М.Д. Гродецкого. СПб.: Редакция журнала «Жизнь», 1898. [Mechnikov L.I. Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennykh obshchestv s fr. M.D. Grodetskiy. SPb .: Redaktsiya zhurnala «Zhizn'», 1898]

Милютин Д.А. Критическое исследование военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846. [Milyutin D.A. Kriticheskoye issledovaniye voyennoy geografii i voyennoy statistiki. SPb.: Voyennaya tipografiya, 1846]

Окунев И.Ю., Кучинов А.М. Сопряжение пространства и власти: Многообразие ликов современной геополитики // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3-4 (34-35). С. 74-84. [Okunev I.YU., Kuchinov A.M. Soputstvuyushcheye prostranstvo i vlast': Mnogoobraziye likov sovremennoy geopolitiki // Mezhdunarodnyye protsessy. 2013. T. 11. № 3-4 (34-35). S. 74-84]

Рябцев В.Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы. М.: АИРО, 2018. С. 362-391. [Ryabtsev V.N. Iz istorii geopoliticheskoy mysli v Rossii. XX vek: maloizvestnyye stranitsy. M.: AIRO, 2018. S. 362-391]

Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915. [Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk ofitsial'noy geografii. Pg., 1915]

Снесарев А.Е. Введение в военную географию. М.: Центриздат, 2011. [Snesarev A.Ye. Vvedeniye v voyennuyu geografiyu. M.: Tsentrizdat, 2011]

Снесарев А.Е. Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. [Snesarev A.Ye. Indiya, kak glavnyy faktor v sredneaziatskom voprose. Vzglyad tuzemtsev SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1906]

Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 19. [Sovremennyye global'nyye problemy / Otv. red. V.G. Baranovskiy, A.D. Bogaturov. M.: Aspekt-Press, 2010. S. 19]

Торкунов А.В. Константин Леонтьев. Философ на дипломатическом поприще // Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2,5 / 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 353–375. [Torkunov A.V. Konstantin Leont'yev. Filosof na diplomaticheskom poprishche // Torkunov A.V. Po doroge v budushcheye - 2,5 / 3-ye izd., Dop. i pererab. M.: Aspekt Press, 2017. S. 353-375]

Трубецкой Г.Н. Россия как великая держава // Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам. В 2 т. М., 1910–1911. Кн. 1. 1910. С. 21-139. [Trubetskoy G.N. Rossiya kak velikaya derzhava // Velikaya Rossiya: sbornik statey po voyennym i obshchestvennym voprosam. V 2 t. M., 1910–1911. Kn. 1. 1910 g. S. 21-139]

Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Инфра-М, 2013. [Tsygankov A.P. Mezhdunarodnyye otnosheniya: traditsii russkoy gosudarstvennoy mysli. M.: Infra-M, 2013]

Языков П.А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначаемых. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1838. [YAzykov P.A. Opyt teorii voyennoy geografii, dlya sooruzheniya krepostey prednaznachennykh. SPb.: Tipografiya A. Voyeykova i K°, 1838]

Якунин В.И., Зеленев Е.И., Зеленева И.В. Российская школа геополитики. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 198. [Yakunin V.I., Zelenev Ye.I., Zeleneva I.V. Rossiyskaya shkola geopolitiki. SPb .: SPbGU, 2008. S. 198]

***Торкунов Анатолий Васильевич**, академик РАН, доктор политических наук, профессор, ректор МГИМО; Московский государственный институт международных отношений (университет); rectorat@inno.mgimo.ru*

The origin of the Russian School of International Relations in the 19th century

The article looks into the origin of a distinctive School of International Relations in Russia in the late 19th – early 20th c. Its emergence can be seen firstly in the rapid development of military strategy and geography in the Russian Empire; and secondly in the turbulent social and political debate about the options for the development of the Russian foreign policy in the period described. It can be assumed that the intersection of these two trends in the first half of the 20th century could create a unique Russian School of International Relations, which would occupy an important place alongside other national traditions – Anglo-Saxon, German, French, etc. However, its natural development was interrupted by the dramatic events of the beginning of the 20th century. Now, one can only guess what facets of world politics such a school could turn its attention to.

Keywords: theory of international relations, Russian school of international relations, military strategy, military geography, Westernism, Eurasianism

Anatoly V. Torkunov, *Doctor of Political Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO-University; MGIMO-University; rectorat@inno.mgimo.ru*

В. В. Малаховская, А. К. Малаховский, Е. М. Савичева

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ АРАБИСТИКИ АКАДЕМИК ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ

И.Ю. Крачковский (1883–1951) – выдающийся востоковед, арабист, исламовед, один из основоположников научной школы отечественной арабистики. Оставил богатейшее творческое наследие, причем большинство трудов ученого внесли практически равноценный вклад как в филологические, так и исторические науки. Его перу принадлежит более 500 печатных трудов, десятки неопубликованных рукописей, научных докладов, лекций, набросков по арабской поэзии периода «джахилийи», средневековой и новоарабской литературе, арабскому литературному языку и его диалектам, истории арабской культуры, ислама, истории отечественного и зарубежного востоковедения, что свидетельствует о многогранном таланте ученого, широте его научных интересов, блестящей эрудиции, редком даровании.

***Ключевые слова*:** *востоковедение, арабистика, исламоведение, новоарабская литература, арабский язык и его диалекты, культура, наука, рукописи*

Чтобы в полной мере оценить научный вклад И.Ю. Крачковского в российскую арабистику, востоковедение и культуру в целом, обратимся к биографии ученого, проследим его яркий творческий путь, ознакомимся с бесценным научным наследием академика[1].

Игнатий Юлианович родился 4 (16) марта 1883 г. в г. Вильно (Вильнюс) в семье директора Учительского института. Его отец, Юлиан Фомич Крачковский, был деятелем народного просвещения, мать, Анна Анатольевна Пщелко, воспитывала детей. В дружной семье Крачковских царил дух творчества: отец обладал прекрасным голосом, мать хорошо играла на фортепиано, сестра Юлия училась пению в музыкальном училище. Сам же Игнатий еще в гимназии освоил игру на фисгармонии, цитре, что впоследствии дало ему возможность стать активным участником студенческих концертов в Петербурге[2].

Интерес к восточной культуре проявился у Игнатия Юлиановича с детских лет, когда он начал самостоятельно изучать восточные языки. В автобиографии, написанной им на арабском языке и опубликованной в Дамаске в журнале Арабской Академии наук, он признается, что на выбор им научной стези как главного предназначения и смысла жизни в значительной степени повлиял образ жизни и увлечения отца, который «днем и ночью корпел над книгами и бумагами, изучая и осмысливая прошлое и его деятелей»[3]. Юлиан Фомич получил церковное образование, окончив Петербургскую духовную академию, владел несколькими

[1] И. Ю. Крачковский: биобиблиографический указатель…
[2] Крачковская 1958. С. 17.
[3] Крачковский 1927. С. 123.

иностранными языками, собрал большую библиотеку, в которой была представлена коллекция книг по истории и философии. Он занимал высокие должности – от инспектора народных училищ до директора Туркестанской учительской семинарии и председателя Виленской Археографической комиссии. В период научно-педагогической деятельности Юлиан Фомич активно публиковался – это были статьи и монографии по истории православной церкви, истории города Вильно, русско-польским отношениям. Высокий уровень исследовательской культуры отца, проявившейся в кропотливой работе с источниками, строгости и аккуратности, объективности и логичности изложения своих мыслей[4], а также восточный колорит жизни в Туркестане, очевидно, повлияли на становление И.Ю. Крачковского как серьезного ученого и определили востоковедческую направленность его научной деятельности.

Благодаря отцу своего гимназического друга О. Штейнберга Игнатий Юлианович познакомился с древнееврейской азбукой, в городской библиотеке Вильно держал в руках двухтомную арабскую грамматику выдающегося французского лингвиста и ориенталиста Сильвестра де Саси (1758–1838), а от няни во время проживания семьи Крачковских в Ташкенте усвоил узбекский язык[5].

В 1901 г. Крачковский заканчивает в Вильно гимназию с золотой медалью и поступает на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. В его формировании как тонкого знатока Востока, ученого с мировым именем огромную роль сыграли видные российские востоковеды – В.В. Бартольд, Б.А. Тураев, П.К. Коковцев, Р.Р. Розен, Н.А. Медников, А.Э. Шмидт и др. Арабский язык и литературу он осваивал под руководством Шмидта, Медникова и Розена; сирийским диалектом овладевал с помощью носителей языка, проживавших в России арабов – Фадлаллаха Сарруфа Дамасского и Антуна Хашаба из Триполи[6]. Персидскому языку Крачковского обучал иранист В.А. Жуковский, турецкому – П.М. Мелиоранский, эфиопским – Б.А. Тураев, древнееврейскому – П.К. Коковцев. По истории Востока он брал уроки у известного исламоведа В.В. Бартольда. Его учителя и наставники были крупнейшими учеными-востоковедами того времени. Прекрасное знание арабского, персидского, турецкого, древнееврейского, нескольких западноевропейских языков (он владел более чем двадцатью языками) свидетельствует о незаурядном таланте, страстным желании постигать новое, неизведанное, стремлении к научному поиску[7]. В 1905 г. он бле-

[4] Голуб 1904.
[5] Крачковская 1958. С. 18.
[6] Крачковский 1927.
[7] В студенческие годы он зарекомендовал себя заинтересованным, мотивированным, аккуратным и дисциплинированным читателем, поэтому в университетской и в публичной библиотеках ему доверяли самые редкие издания (Крачковский 1927).

стяще окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, получив золотую медаль за сочинение «Халиф аль-Махдий. Материал для истории правления Халифа Махдия, по арабским источникам». Он остается на кафедре арабской словесности. С начала 1906 г. Игнатий Юлианович ведет дневник, записи в котором свидетельствуют о его фантастической работоспособности, интенсивном ритме научной деятельности.

В январе 1908 г. И.Ю. Крачковский был командирован на Восток для более глубоких научных изысканий. В течение двух лет он находился на стажировке в Сирии, Ливане, Палестине и Египте. В Ливане на восточном факультете Бейрутского университета он изучал живые арабские диалекты и современную арабскую литературу**,** а в университетской библиотеке трудился над арабскими рукописями[8]. В Палестине он совершил ознакомительную поездку по Иерусалиму и Назарету, познакомился с жизнью христианских монастырей на Святой Земле, изучил христианские пасхальные обряды. Здесь же позднее Игнатий Юлианович будет заниматься просветительской деятельностью в школах, которые курировало Императорское православное палестинское общество (ИППО), принимать экзамены; будучи членом комиссии по вопросам преподавания русского, арабского и западных языков, он настаивал на реформировании и модернизации палестинских школ в духе времени[9].

За короткий период пребывания в Каире (12 марта – 21 апреля и декабрь 1909 г.) ученому удалось познакомиться и в дальнейшем поддерживать тесные контакты с известными представителями арабской интеллектуальной элиты, например, с писателем, публицистом, историком Джирджи Зайданом, проживавшим в Египте, но имевшим ливанские корни, и каирским журналистом Салимом Кобейном. В переписке с российским ученым арабские коллеги крайне эмоционально выражали ему свою признательность. Так, основоположник арабского исторического романа Дж. Зайдан писал: «Я восхищен Вами с того момента, когда Вы посетили мой дом в Каире, и благодарен за похвальное слово, адресованное мне в Вашей статье об арабских романах»[10]. Будучи в Каире, Крачковский успел посетить и подробно ознакомиться с шедеврами музея египетских древностей, памятниками средневековой эпохи, известными во всем мусульманском мире мечетями.

Проникновение в аутентичную среду, погружение в культурно-цивилизационные пласты Ближнего Востока позволило Крачковскому на практике закрепить основы полученного университетского образования, ощутить атмосферу и колорит стран, которым он в дальнейшем

[8] Беляев, Винников 1954. С. 92.
[9] Надирадзе 1974. С. 162-166.
[10] Крачковский 1911. С. 6.

посвятит свои многочисленные научные труды, лично узнать многих представителей арабской интеллигенции, филологов и историков, писателей и публицистов, начать с ними плодотворное научное сотрудничество. Так, крупному арабскому филологу А. ас-Салхани он помогал выполнять работу по комментированию древних арабских текстов.

Интересны некоторые детали путешествия И.Ю. Крачковского на Арабский Восток, которыми он делится в своих статьях. Дольше всего он прожил в Ливане. Там совершал он пешие и верховые прогулки по горам и селам. «Всю эту область Ливана я обследовал в трех главных направлениях: на юг, запад и восток. Все сие проделал частью пешком, частью верхом, несмотря на всю мою нелюбовь к этому спорту, пришлось пожертвовать собой и с большой солидарностью упражняться в гарцевании по здешним дорогам»[11]. В Сирии и Ливане ученый знакомился с бытом арабов, постигал особенности диалектов арабского языка. «В его письмах и дневнике было отмечено более 130 названий городов, селений, гор, источников и рек, которые он посетил, а все разъезды по Сирии, Палестине и Египту составляют 2500 километров, не считая переезда Петербург–Бейрут и обратно», - отмечала его супруга[12].

В дальнейшем Игнатий Юлианович часто бывал на Арабском Востоке. Соприкосновение с тем миром, который он изучал и любил, о котором много писал, общение с носителями арабского языка и культуры, знакомство с богатейшими фондами библиотек Каира и Бейрута, Дамаска и Алеппо, Иерусалима и Александрии – все это давало обширный материал для его научно-исследовательской деятельности[13].

В 1910 г. И.Ю. Крачковский стал приват-доцентом, в 1918 – профессором Петроградского, затем Ленинградского университета; 9 ноября 1921 г. – действительным членом Российской Академии наук, затем - действительным членом АН СССР. С 1922 по 1929 гг. академик Крачковский стоял во главе отделения исторических наук и филологии АН. С 1916 по 1951 г. И.Ю. Крачковский руководил работой Арабского кабинета Азиатского музея (позднее Институт Востока АН СССР). Академик был инициатором создания и руководителем Ассоциации арабистов СССР (1934–1938). Он также являлся вице-президентом Русского географического общества (1938–1945).

И.Ю. Крачковский известен как крупный специалист по классической арабской поэзии. В 1915 г. он получил степень магистра арабской словесности после успешной защиты диссертации, посвященной творчеству средневекового арабского поэта Абу аль-Фараджа аль-Вава ад-Димашки, написанной преимущественно на редких арабских рукопи-

[11] Крачковская 1974. С. 15.
[12] Там же. С. 19.
[13] Савичева 1999. С. 28-29.

сях. Работа с арабскими рукописями – несомненная заслуга ученого, его огромный вклад в становление отечественной арабистики.

Выдающийся педагог И.Ю. Крачковского академик В.Р. Розен, будучи деканом факультета восточных языков Петербургского университета, создал научную школу, которая занималась исследованием найденных арабских рукописей. Кроме Крачковского, которому, пожалуй, единственному удалось обобщить в своих трудах наиболее заметные открытия своего учителя, членами этого научного коллектива были блестящие востоковеды и исламоведы, среди них – Н.Я. Марр (1864–1934), С.Ф. Ольденбург (1869–1934), Н.А. Медников (1855–1918), А.Э. Шмидт (1871–1939), В.В. Бартольд (1869–1930). Вклад Крачковского в отечественную науку в значительной степени связан с десятками его работ, посвященных истории востоковедения, прежде всего, арабистики, наследию своих учителей и коллег в России и за рубежом.

Фарах Сухейль, известный ливанский ученый, писатель, переводчик, культуролог и религиовед, отмечал, что после Октябрьской революции в России произошли существенные изменения в области научных исследований и в сфере образования, что неизбежно затронуло и востоковедение. В 1920-е гг. стал реализовываться научный проект по изучению Востока, в связи с чем, в азиатскую часть СССР, а также в некоторые арабские и европейские страны были направлены группы ученых для поиска и работы с оригинальными рукописями[14].

И.Ю. Крачковский посвятил немало времени и сил работе над арабскими рукописями из отечественных и зарубежных собраний, являющимися уникальными источниками для изучения жизни, быта, культуры и письменности арабских народов. Он составил библиографию арабских рукописей, хранящихся в Ленинграде, досконально исследовал редкие арабские рукописи об арабских поэтах Абу-л-Фарадже аль-Вава Дамасском, Абдаллахе ибн аль-Мутаззе и Абу-л-Аля аль-Маари, изучил надписи на коже, найденные на горе Муг в Таджикистане, и на пластинах из бронзы, датированных периодом сабейского царства в Южной Аравии. Его автобиографическая книга «Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях»[15], охватывающая ключевые эпизоды научно-исследовательской деятельности советского ученого, была переведена на ряд иностранных языков, в том числе на арабский, и удостоена Государственной премии (1951).

Фундаментальные сочинения И.Ю. Крачковского по новоарабской литературе и истории арабской культуры конца XIX – начала XX в., периода так называемой «Нахды» (с араб. яз. – подъем, возрождение), – «Исторический роман в современной литературе», «Новоарабская лите-

[14] Фарах 1981. С. 90.
[15] Крачковский 1945.

ратура», «Арабская литература в XX веке» и др. – положили начало исследованиям в данной области не только у нас в стране, но и на Западе, а также в самих арабских странах. Имя академика заняло почетное место в мировой науке. Работы по арабской литературе составляют львиную долю его творческого наследия. Среди последователей И.Ю. Крачковского на этом научном направлении были такие известные ученые, как востоковед и переводчик Л.С. Некора, тонкий знаток арабского языка и литературы Д.В. Семенов, академик А.Е. Крымский, талантливый арабист, исламовед, тюрколог и иранист.

И.Ю. Крачковский вел обширную переписку с прославленными представителями новоарабской литературы – Махмудом Теймуром, Таха Хусейном, Ахмедом Зеки Абу Шади, Амином ар-Рейхани, Михаилом Нуайме, известными филологами – Мухамедом Курд Али, Абд аль-Кадиром аль-Магриби и многими другими[16]. Эпистолярное наследие Игнатия Юлиановича стало важным историческим источником как для осмысления его вклада в развитие науки, так и для выявления характера и направленности тех контактов и связей, которые он устанавливал и поддерживал на протяжении всей своей жизни.

Ученый познакомил российских читателей с творчеством выдающихся арабских писателей – Касима Амина, Таха Хусейна, Амина ар-Рейхани, Махмуда Теймура, сделав перевод их произведений на русский язык. Под редакцией Крачковского увидело свет первое полное русское издание одной из популярнейших в мире книг – «Тысяча и одна ночь». Его исследования по истории арабской художественной литературы содержат большой фактический материал по культурной, а также социальной истории арабских стран.

Еще один научный и гражданский подвиг И.Ю. Крачковского: после начала Великой Отечественной войны коллектив ленинградских востоковедов под его руководством собрал библиографию всех источников по арабской географической литературе (XVI–XVIII вв.), находившихся в блокадном городе. Огромную помощь и поддержку в этой масштабной работе Игнатию Юлиановичу оказала Кульсум Оде-Васильева – востоковед, специалист по Арабскому Востоку, первая женщина-профессор – выходец из арабского мира, член Императорского православного палестинского общества. За самоотверженную работу по сохранению в блокадном Ленинграде научных и культурных ценностей Крачковского наградили двумя орденами Ленина и двумя медалями за сохранение научных и культурных ценностей (1944).

Венцом работы ученого с источниками по арабской географической литературе стала его «Арабская географическая литература»[17],

[16] Оде-Васильева 1956; Нуайме 1981.
[17] Крачковский 1958. Т.4.

считающаяся одним из лучших трудов по истории географических знаний в мировой арабистике и ставшая, по мнению многих специалистов, классикой в этой области[18]. Эта работа была издана Лигой арабских государств в 1963 г. и уже претерпела несколько переизданий[19].

Бесценен вклад И.Ю. Крачковского в исламоведение. Он был одним из авторов первого международного многотомного издания «Энциклопедии ислама» (т. 1–4, Лейден-Лейпциг, 1913–1924). Его комментированный перевод Священной книги мусульман с арабского языка на русский стал неординарным событием в научной жизни страны. Ученый работал над переводом Корана в течение восьми лет, создавая добротный и точный подстрочник, причем не для печати; шел сложный поиск необходимых научных решений. Заметим, что рукописный материал незаменим для понимания творческой лаборатории ученого, анализа самого творческого процесса.

Перевод Корана был опубликован посмертно в 1963 г. в Москве, затем неоднократно переиздавался, и до сих пор, как отмечают специалисты-исламоведы, конкурирует с появившимися впоследствии переводами, литературно обработанными и подготовленными переводчиками к печати[20]. Благодаря проделанной академиком огромной работе широкой общественности стал доступен один из ценнейших историко-культурных и литературных памятников мирового значения, важный источник раннего периода истории ислама, ознакомление с которым способствует лучшему пониманию обычаев, традиций, образа жизни мусульманских народов. Известный российский востоковед-арабист Е.А. Резван, оценивая эту масштабную работу, неоднократно подчеркивал, что по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И.Ю. Крачковского превосходит не только русские, но и многие европейские переводы[21]. И вот еще одно мнение специалиста: «Новый подход Крачковского к переводу Корана состоял в том, что переводчик стремился передать текст Корана, опираясь исключительно на первоисточник, не прибегая к богословским комментариям. Этот метод оказался продуктивным и нашел своих последователей как среди отечественных, так и среди зарубежных исламоведов»[22]

Научно-исследовательской деятельности и творческому вкладу академика И.Ю. Крачковского в арабистику и востоковедение посвящено значительное число работ – монографий, научных статей, докладов, воспоминаний отечественных и зарубежных ученых. В этой связи мож-

[18] Beckingham 1997. P. 293.
[19] Крачковский 2004.
[20] Фролов, Моисеева 2017. С. 69.
[21] Резван 2001.
[22] Гогоберидзе 2009. С. 124.

но назвать таких крупных востоковедов, как В.В. Бартольд (1869–1930), Н.И. Конрад (1891–1970), В.А. Крачковская (1894–1974), Н.Я. Марр (1864–1934), С.Ф. Ольденбург (1863–1934), К.В. Оде-Васильева (1892–1965), В.Б. Луцкий (1906–1962) и др. Об Игнатии Юлиановиче Крачковском писали и западные исследователи – В.Ф. Минорский (1877–1966) (Англия), Х.А. Гибб (1895–1971) (Англия), Г.Кампфмейер (1864–1936) (Германия) и др., и все они высоко чтили ученого и с большим интересом и доверием относились к его научному творчеству.

И.Ю. Крачковский внес весомый вклад в упрочение роли востоковедения и арабистики в современной российской науке; он участвовал во всех серьезных трудах об Арабском Востоке в 1930-1940-е гг.[23]

Известный отечественный китаист В.М. Алексеев, который более четырех десятилетий был другом семьи Крачковских, утверждал: «Ни один из сотрудников Института востоковедения никогда не умел так научно поставить коллективную исследовательскую работу, как Игнатий Юлианович. Всякая наиболее научная инициатива и всякое выполнение работы такого порядка непременно связаны с ним, причем в масштабах не кабинетских, но и внеакадемических, мировых масштабах»[24].

Научные заслуги И.Ю. Крачковского были высоко оценены. Они отмечены многими правительственными наградами. Его научная деятельность получила признание и зарубежных коллег в странах Востока и Запада: И.Ю. Крачковский – почетный, член ряда зарубежных академий и востоковедных обществ Сирии, Индии, Германии, Великобритании, Ирландии, США, Бельгии и Польши.

Игнатий Юлианович четыре десятка лет посвятил педагогической работе. С 1910 г. он преподавал в Петербургском (затем Ленинградском) университете, с 1944 по 1951 г. заведовал там кафедрой арабской филологии восточного факультета. Он подготовил и воспитал целую плеяду отечественных арабистов, многие из которых стали затем крупными учеными. Его ученики и последователи доминировали в отечественной арабистике в течение нескольких десятилетий, начиная с 1930-х гг., особенно в таких научных областях, как филология, лингвистика, источниковедение и культурология. Такие ученики академика, как Т.А. Шумовский, А.А. Долинина[25], Б.Я. Шидфар, О.Б. Фролова, стали известными учеными, преподавателями, переводчиками.

Ученый умер 25 января 1951 г. на 68-м году жизни в своем кабинете, в окружении рукописей и книг, что было весьма символично. Он призывал «узнать настоящий Восток, не закутанный дымкой наших собственных фантазий, не отраженный вогнутым зеркалом надменного

[23] Оде-Васильева 1956. С. 17.
[24] Алексеев 1982. С. 49-50.
[25] Долинина 1985. С. 107-117.

европейского высокомерия»[26]. Современники ученого, как его советские коллеги по цеху, так и зарубежные исследователи, отмечали высокие человеческие качества Игнатия Юлиановича, называя его «человеком благородного ума и характера»[27].

Вся кипучая деятельность И.Ю. Крачковсого подтверждает наличие устойчивых традиций и преемственности в отечественной науке. Являясь последователем российской востоковедческой школы, достигшей на рубеже XIX –XX вв. весьма высокого уровня, он заложил основы советской и российской арабистики, традиции ее развития, верность которым сохраняется по сей день. Он – один из немногих специалистов-востоковедов первой половины XX в., сохранивший по сей день высокий рейтинг цитирования как в своей стране, так и за рубежом.

Нельзя не отметить и практическое значение трудов академика Крачковского для установления и развития российско-арабских культурных связей, в чем несомненная заслуга принадлежит интеллигенции, как российской, так и арабской. Благодаря ее усилиям народы России и арабских стран открывали друг друга, познавали самобытные национальные культуры, постигали подлинный смысл тех непреходящих ценностей, которые сближают народы, помогают им лучше понимать друг друга, глубже и правдивее оценивать вклад каждого народа в общечеловеческую цивилизацию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев В.М. Академик И.Ю. Крачковский. Предисловие и посвящение // Наука о Востоке (Статьи и документы). М., Наука, 1982. С. 48-51.

Беляев В.М., Винников И.Н. Памяти акад. И.Ю. Крачковского. (16.III.1883 – 24.I.1951) // Палестинский сборник. Вып. I, (63). Л., 1954. С. 91-105.

Гогоберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону. 2009.

Голуб В. Юлиан Фомич Крачковский: Биографический очерк – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904.

Долинина А.А. Игнатий Юлианович Крачковский как исследователь арабской литературы // Народы Азии и Африки. 1985. № 2. С. 107-117.

Крачковская В.А. Первые шаги в науке магистранта И.Ю. Крачковского // Памяти И.Ю. Крачковского. Л.: ЛГУ, 1958. С. 3-20.

Крачковская В.А. Путешествие И.Ю. Крачковского на Ближнем Востоке (1908–1910) // Палестинский сборник. Вып. 25 (88). Л., 1974. С. 10-19.

Крачковский И.Ю. Автобиография // Маджаллат ал-Маджма ал-Илми ал-араби (Журнал Арабской Академии наук). Дамаск, 1927. Ч. 3, 4. Т. 7. С. 122-128 (на араб. яз.).

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. М., 2004.

Крачковский И.Ю. Возникновение и развитие новоарабской литературы. П., 1922.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.–Л., 1955–1960. Т. 1-6.

Крачковский И.Ю. Исторический роман в современной арабской литературе. СПб, Сенатская Типография, 1911.

Крачковский И.Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. М., 1945.

[26] Крачковский 1922. С. 73.

[27] Albert R. Chander 1947. P. 500.

Крачковский И.Ю.: Биобиблиографический указатель / Отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, Альфарет, 2007.

Надирадзе Л.И. Из истории Палестинского Общества // Палестинский сборник. Вып. 25 (88). Л., 1974. С. 162-166.

Нуайме М. Крачковский рассказывает об арабских рукописях // Ат-Тарик. Бейрут. № 2. 1981. С. 139-142 (на араб.яз.).

Резван Е.А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Оде-Васильева К.В. Мои воспоминания об академике И. Ю. Крачковском // Палестинский сборник. Вып. 2 (64/65). Л., 1956. С. 127-136.

Савичева Е.М. Игнатий Юлианович Крачковский (1881–1951) // Энциклопедический словарь юного историка. М., Педагогика-Пресс, 1999.

Фарах Сухейль. Советское востоковедение и арабское население // Ат-Тарик. Бейрут, 1981. № 5. С. 81-106 (на араб.яз.)

Фролов Д.В., Моисеева С.А. Рецензия на: Крачковский И.Ю. Труды по истории и филологии христианского Востока (сост. А.А. Долинина). М., Наука-Восточная литература, 2015 // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017, том 76, № 3. С. 69-72.

REFERENCES

Alekseev V.M. Akademik I.Yu. Krachkovskij. Predislovie i posvyashchenie // Nauka o Vostoke (Stat'i i dokumenty). M., Nauka, 1982. S. 48-51.

Beckingham C.F. Reviewed Work. A History of Arab Islamic Geography (9th-16th Century A.D) by Sayyid Maqbul Ahmad // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 7, № 2 (July 1997). P. 293-295.

Belyaev V.M., Vinnikov I.N. Pamyati akad. I.Yu. Krachkovskogo. (16.III.1883 – 24.I.1951) // Palestinskij sbornik. Vyp. I, (63). L., 1954. S. 91-105.

Chander, Albert R. List of Works Translated under the Russian Translation Project // Philosophy and Phenomenological Research. Vol.7. № 3 (March 1947). P. 497-502.

Dolinina A.A. Ignatij Yulianovich Krachkovskij kak issledovatel' arabskoj literatury // Narody Azii i Afriki. 1985. № 2. S. 107-117.

Farah Suheil. Sovetskoe vostokovedenie i arabskoe naselenie // At-Tarik. Bejrut, 1981. №5. S. 81-106 (na arab.yaz.).

Frolov D.V., Moiseeva S.A. Recenziya na: Krachkovskij I.Yu. Trudy po istorii i filologii hristianskogo Vostoka (sost. A.A.Dolinina). M., Nauka-Vostochnaya literatura, 2015 // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2017, tom 76, № 3. S. 69-72.

Gogoberidze G.M. Islamskij tolkovyj slovar'. Rostov-na-Donu. 2009.

Golub V. Yulian Fomich Krachkovskij: Biograficheskij ocherk – Vil'na: Tip. A.G. Syrkina, 1904.

Krachkovskaya V.A. Pervye shagi v nauke magistranta I.Yu. Krachkovskogo // Pamyati I.Yu. Krachkovskogo. L.: LGU, 1958. S. 3-20.

Krachkovskaya V.A. Puteshestvie I.Yu. Krachkovskogo na Blizhnem Vostoke (1908–1910) // Palestinskij sbornik. Vyp. 25 (88). L., 1974. S. 10-19.

Krachkovskij I.Yu. Avtobiografiya // Madzhallat al-Madzhma al-Ilmi al-arabi (Zhurnal Arabskoj Akademii nauk). Damask, 1927. CH. 3, 4. T. 7. S. 122-128 (na arab. yaz.).

Krachkovskij I.Yu. Arabskaya geograficheskaya literatura. M., 2004.

Krachkovskij I.Yu. Vozniknovenie i razvitie novoarabskoj literatury. P., 1922.

Krachkovskij I.Yu. Izbrannye sochineniya. M –L., 1955–1960. T. 1-6.

Krachkovskij I.Yu. Istoricheskij roman v sovremennoj arabskoj literature. SPb., Senatskaya Tipografiya, 1911.

Krachkovskij I.Yu. Nad arabskimi rukopisyami: Listki vospominanij o knigah i lyudyah. M., 1945.

Krachkovskij I. YU.: Biobibliograficheskij ukazatel' / Otv. red. N.V. Kolpakova. SPb.: BAN, Al'faret, 2007.

Nadiradze L.I. Iz istorii Palestinskogo Obshchestva // Palestinskij sbornik. Vyp. 25 (88). L., 1974. S. 162-166.

Nuajme M. Krachkovskij rasskazyvaet ob arabskih rukopisyah // At-Tarik. Bejrut. №2. 1981. S. 139-142 (na arab.yaz.).
Ode-Vasil'eva K.V. Moi vospominaniya ob akademike I.Yu. Krachkovskom // Palestinskij sbornik. Vyp. 2 (64/65). L., 1956. S. 127-136.
Rezvan E.A. Koran i ego mir. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001.
Savicheva E.M. Ignatij Yulianovich Krachkovskij (1881–1951) // Enciklopedicheskij slovar' yunogo istorika. M., Pedagogika-Press, 1999.

***Малаховская Вера Владимировна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, malakhovskaya-vv@pfur.ru*
***Малаховский Алексей Кимович,** кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, malakhovskiy_ak@pfur.ru*
***Савичева Елена Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений Российского университета дружбы, savicheva@mail.ru*

At the Root of the Russian Arabic Studies: Academician Ignaty Yulianovich Krachkovsky

Ignatiy Yulianovich Krachkovsky **(**1883-1951) was an outstanding expert in the field in Oriental, Arabic and Islamic studies, one of the founders of the Russian school of Arab studies. His tremendous academic heritage is of an exceptional value both for philological and historical sciences. More than 500 printed works, dozens of unpublished manuscripts, scientific papers, lectures, scetches and other materials on the Arab Jahiliya poetry, medieval and neo-Arab literature, Arab language and its dialects, history of Arab culture, history of Islam, history of Russian and foreign Arab studies written by I. Yu. Krachkovsky reveal the multi-faceted talent of this researcher, broadness of his scientific interests, his brilliant erudition and unique talent.

Keywords: Oriental Studies, Arab Studies, Islamic Studies, modern Arab Literature, Arab language and its dialects, culture, science, manuscripts

***Vera Malakhovskaya**, PhD in Philology, senior lecturer, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; malakhovskaya-vv@pfur.ru*

***Alexey Malakhovsky**, PhD in History, associate professor, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; malakhovskiy_ak@pfur.ru*

***Elena Savicheva**, PhD in History, associate professor, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow; savicheva@mail.ru*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ВЛАСТЬ

Г. К. Кочешков, Е. Л. Сараева

ФЕВРАЛЬСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1917 ГОДА В РЕФЛЕКСИИ ЛИДЕРОВ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА

Статья посвящена анализу идей лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе о краткосрочных факторах февральского революционного кризиса 1917 г. «Прогрессисты» считали главным виновником революции власть. По их мнению, бессилие правящей элиты предопределило неизбежность падения монархии. Лидеры Прогрессивного блока выделили краткосрочные факторы Февральской революции: неудачная, непопулярная затяжная война, обрушившая авторитет власти и вызвавшая проблемы в социально-экономической сфере; неспособность правительства эффективно решать задачи государственного управления; ориентация монархии на традиционные ценности; некомпетентность ряда министров; конфликт правительства с Думой; социокультурный раскол общества; возмущение народа своим бесправием и уровнем жизни, отсутствие хлеба в столице; максималистские лозунги радикальных партий, наивное доверие масс к левым агитаторам; популярность идеи революции; нежелание солдат идти на фронт, власть пыталась, но не смогла использовать силовые методы подавления революции. «Прогрессисты» интерпретировали исторический процесс в рамках дихотомии традиции – новации.

***Ключевые слова*:** *Февральская революция, 1917 год, Прогрессивный блок, Государственная дума Российской империи, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, В.В. Шульгин*

Осмысление противоречий российского исторического процесса, предопределивших крушение монархии в феврале – марте 1917 г., является важной исследовательской задачей[1]. Современники Февральской революции 1917 г., понимая ее влияние на изменение вектора движения России, дали свой анализ обстоятельств, обусловивших крушение империи. Большой интерес представляют версии развития социально-политического конфликта в феврале 1917 г., развиваемые в текстах лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе, участвовавших в смене власти: кадетов *В.А. Маклакова* и *П.Н. Милюкова*, прогрессиста *С.П. Мансырева*, октябристов *М.В. Родзянко* и *С.И. Шидловского*, лидера фракции националистов *В.В. Шульгина*. Реализуемая в данной статье исследовательская задача заключается в реконструкции и интерпретации идей либеральных и умеренно-правых лидеров Прогрессивного блока о краткосрочных обстоятельствах, способствовавших возникновению и углублению кризиса государственности.

[1] Проблема природы русской революции исследуется многими современными учеными. Оценка историографической и методологической значимости их работ дана в нашей предыдущей статье, посвященной анализу идей лидеров Прогрессивного блока о долговременных факторах революции. См.: Кочешков, Сараева 2018.

По мнению думских деятелей, процесс трансформации политических и социальных отношений на основе идей правопорядка и расширения свобод граждан в позднеимперский период не привел к прочному укоренению инноваций, поскольку сторонники «старины», находясь у власти, защищали неограниченную власть монарха как национальную специфику России. Противостояние традиционалистов и конституционалистов могло не привести к революции, если бы высшая бюрократия в условиях Первой мировой войны смогла решить насущные задачи. Краткосрочные обстоятельства, вызвавшие революцию в России, были связаны с войной, считали лидеры Прогрессивного блока. «Проигранная война всегда грозит революцией…», объяснял происхождение социально-политического кризиса Шульгин[2]. «В ряду факторов, определивших *особую физиономию* второй революции, войне 1914–1918 гг. принадлежит, конечно, первое место», она привела к «народным бедствиям», «расстройству торговли и транспорта», утверждал Милюков[3]. Думские деятели, возмущенные поражениями, большими неоправданными потерями, потребовали от власти ответить за военные неудачи и пойти на соглашение с Думой. В феврале 1917 г. протестные настроения охватили все слои общества, утверждали «прогрессисты». Война обострила нерешенные в России проблемы, усилила «отрицательное отношение» обывателей к власти; «три года неудачной войны и клеветнические слухи об измене оказались достаточными, чтобы поколебать, если не искоренить прежние чувства» к монарху[4]. «Прогрессисты» сознавали, что было утрачено доверие народа к монарху и правительству. Но реакция власти на рост недовольства населения была не вполне адекватной: она требовала от него сплочения во имя победы России, эксплуатируя национальные чувства русских людей, не решая его насущные проблемы.

Главным виновником революции «прогрессисты» считали *власть*, выражая ее неэффективность словами «бессилие», «безволие», «растерянность», бездействие, которые проявлялись в ее неспособности учесть запросы общества, понять причины роста недовольства народа, найти конструктивное решение социально-экономических проблем, пойти на соглашение с Думой, организовать работу торговли и транспорта, снабжения городов продовольствием, обеспечить победы на фронте[5]. «Бессилие власти», по убеждению Шульгина, предопределило «неизбежность падения» монархии. Недееспособность власти вела к падению ее авторитета, люди отказывались «повиноваться» императору. «Что-то подточенное падало (…) все в России делалось “по приказу его императорского величества”. Это был электрический ток, приводящий в жизнь

[2] Шульгин 1990. С. 484.
[3] Милюков 2001.
[4] Маклаков 1954. С. 353-354.
[5] Милюков 2001.

все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием». «Явственно чувствовалась растерянность правительства»; «…революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти, состоит в ощущении властью своего собственного бессилия». Бессилие власти Шульгин объяснял неудачным составом правительства: «Но дело было, конечно, не в хлебе… Это была последняя капля…». «Монархия, которая по тысячам причин, и может быть, больше всего собственными руками, приготовила себе гибель. (…) Она была обречена благодаря тому, что упрямилась, цепляясь за своих Штюрмеров…»[6]. Выбор министров, считали «прогрессисты», определялся степенью преданности монарху, а не деловыми качествами и способностью продумать механизм решения сложных социально-экономических и политических задач. Шульгин считал, что из кризиса страну могли вывести только государственные деятели масштаба Столыпина. Родзянко писал о падении престижа царской власти[7]. И Мансырев оценивал состояние власти как «растерянность» и «бездействие», пугавшее расстройством системы управления, что было страшно, опасно, угрожало интересам «несчастной России». «Сверху разруха продолжалась и после убийства Распутина дошла до апогея»; в конце февраля правительство «совершенно бездействовало», «отказалось от власти», министры «перепугались и попрятались»[8]. По мысли Маклакова, в годы войны в стране «рухнул» порядок, начался кризис современного государства[9].

Милюков критиковал власть за упорство в защите старых порядков, «затяжной» «конфликт старой государственности с новыми требованиями» и «новой общественностью», усиление влияния при дворе «проходимцев», «состояние полнейшей неуверенности в завтрашнем дне», изоляцию от населения, политику репрессий, неудовлетворительную организацию работы транспорта, отказ сменить состав правительства в соответствии с требованиями Думы. По Милюкову, «государство было органически не способно» улучшить положение дел в стране и армии[10]. Определяя главную причину конфликта Совета министров с Думой, Милюков писал: правительство, отказавшись от заключения соглашения с Думой по вопросу о составе министров, пошло на «конфликт» и «открытый разрыв» с народным представительством и обществом. Он был уверен в том, что основная причина революции в феврале 1917 г. заключалась в низкой дееспособности правительства, не воспринимавшего новые идеи, предложения оппозиции.

---

[6] Там же. С. 433, 429, 436, 458, 489.
[7] Родзянко 1929.
[8] Мансырев 1991. С. 100-101,103, 104, 105.
[9] Маклаков 1954. С. 378-379.
[10] Милюков 2001.

Первая мировая война стала внешним вызовом власти, которая не смогла использовать весь имевшийся у страны потенциал. «Прогрессисты» искали варианты переформатирования правительства, чтобы задействовать другие силы и резервы общества. С точки зрения лидеров Прогрессивного блока, бессилие власти создало угрозу национально-государственным интересам России. В первые дни революции они искали возможности действовать в рамках закона. Однако «недоверие к правительству» вынудило их искать пути «установления какого бы то ни было порядка», чтобы не допустить хаоса[11]. Ценность «порядка» возрастала в сознании «прогрессистов», его обеспечение стало приоритетным направлением их деятельности того времени.

«Прогрессисты» не рассматривали Думу как институт власти, не относили себя к правящей элите, не брали на себя ответственность за политику последней. Они называли себя «общественностью», народными представителями. В дни Февральской революции они были убежденными монархистами. В их представлении монархия имела заслуги перед Россией, длительное время обеспечивала ее единство, могущество[12], являлась осью политической системы, объединяла нацию, защищая геополитические интересы страны и ее суверенитет. Отказ от монархии мог привести к крушению всех институтов государства. И с исторической, и с политической точек зрения, считали они, России нужен был институт монархии. На протяжении всех дней революции они искали варианты ее сохранения. Даже 3 марта 1917 г. Милюков убеждал вел. кн. Михаила Александровича, членов Временного комитета Думы и Временного правительства, что «Монарх… это – ось… Единственная ось страны. … Если вы откажетесь… будет анархия… хаос… кровавое месиво… Монарх – это единственный центр… Единственное общее…»[13]. Шульгин назвал эти «вещие слова» мудрыми. В феврале–марте 1917 г. «прогрессисты» действовали прагматично. Изначально желая настоять на проведении политической реформы, они быстро осознали, что кризис власти вел к разрушению государства, революция поставила страну перед выбором: государственный порядок или анархия.

По мнению «прогрессистов», важным обстоятельством развития кризиса в феврале 1917 г. был рост недовольства населения политикой власти, неудачным ходом боевых действий, многочисленными социальными и бытовыми проблемами, вызванными войной. В отличие от социалистов, «прогрессисты» боялись кризиса власти, который мог повлечь за собой хаос и гражданскую войну. С их точки зрения, этот ход событий был худшей альтернативой развития конфликта. Они стреми-

[11] Шидловский 1991. С. 120.
[12] Маклаков 2006. С. 14.
[13] Цит. по: Шульгин 1990. С. 538.

лись не допустить реализации этого сценария. Думские лидеры понимали, что правительство быстро теряло авторитет в обществе. Это углубляло раскол между властью и оппозицией, а диалог как форма его преодоления становился все менее реальным.

Как «прогрессисты» оценивали умонастроение обывателей, от поддержки которых зависел итог противостояния сторон в борьбе за власть? По мысли Маклакова, на обывателях держится государство. Политическим лидерам, в т.ч. кадетам, важно было знать мнения частных людей, «какой материал массы из себя представляли и какие средства они давали нам для борьбы»[14]. В феврале 1917 г. произошла политическая переориентация средних городских слоев и социальных низов. Недоверие к власти определило надежду на Думу как защитницу их интересов. Маклаков отмечал недостаточное развитие политического сознания обывателей, не разбиравшихся в формах правления, не мысливших политико-правовыми категориями верховенства закона, разделения властей, теоретическими понятиями. Он привел в воспоминаниях ходячую фразу в 1917 г.: «Пусть будет республика, но чтобы царем в ней был Николай Николаевич». Доверие к Государственной думе в среде городских обывателей родилось еще до революции 1917 г. Во время избирательных кампаний кадеты объясняли свои программные позиции на митингах. Интерес горожан к программе кадетов был высоким. «В глазах обывателя мы, несомненно, были партией “политической свободы и социальной справедливости”», писал Маклаков[15]. Прочность позиций власти, были убеждены Маклаков и Шульгин, определяется ее поддержкой обществом. В феврале 1917 г. городские обыватели поддержали не правительство, а Думу, что стало одной из причин крушения монархии.

Думские лидеры считали безответственными обещания, раздаваемые народу левыми партиями. Они фиксировали рост их популярности в рабочей среде и набор лозунгов, которыми социалисты на митингах увлекали рабочих и солдат. Радикалы оперировали идеями благополучия, свободы, равенства, господства над другими, обещали светлую жизнь после свержения самодержавия. «Прогрессисты» обвиняли радикалов в создании мифа о счастливом обществе, господствующее положение в котором займет народ. В 1917 г. рабочие наивно поверили левым агитаторам: «в эти обещания верили и за эти мечты многие гибли»[16]. В этих условиях либералам было трудно объяснять рабочим, что надо отстаивать порядок на основе верховенства права.

Народ в революции, его интересы – тема размышлений либералов о его роли в крушении монархии. Каковы были причины народного

[14] Маклаков 1954. С. 348-349.
[15] Там же. С. 354.
[16] Там же. С. 358. Обман и самообман стали способами радикалов в борьбе за власть, писал Маклаков.

движения? Почему именно настроения народа стали «горючим» материалом» революции? Маклаков и Милюков выделяли глубинные ментальные истоки народного движения, писали о разочаровании народа во власти, о том, что на протестные настроения простых людей влиял раскол нации, в контексте которого в высших и низших слоях общества формировались различные представления о «своих» и «чужих». По мнению Маклакова, в революции проявился взгляд народа на богатых как «чужих», поскольку «господа» презрительно относились к социальным низам. Представления о социальной несправедливости усиливали неприязнь к «господам»: «принадлежность к «униженным и оскорбленным» воспитывала в людях чувства сострадания, солидарности, и в результате привычку друг за друга стоять»[17]. Рабочие и крестьяне с ненавистью относились к чиновникам, дворянам, буржуям, интеллигенции, ко всем богатым людям, презиравшим «чернь». У народа было желание отомстить за унижения, бесправие, нищету. В поведении народа проявились устойчивые стереотипы восприятия «господ» как врагов, уличное движение 1917 г. обнаруживало не только сиюминутные его истоки – нехватка денег, продовольствия, продолжение непопулярной войны, но и черты ментального сознания социальных низов, сформировавшегося в условиях длительного несоблюдения прав человека в России.

Важнейшим социальным условием революции было недовольство своим положением «обиженных классов»[18], накопивших ненависть к верхам, утверждал Маклаков. Протестные настроения, связанные с сохранением «старины», он охарактеризовал как «нетерпение», «накопленное против порядков …озлобление», обусловившее «внизу революционные настроения и дерзания»[19]. Народные массы в феврале 1917 г. считали справедливым наказать всех, причастных к их бедам, «мстили тем классам, кого в прошлом считали своими обидчиками», объяснял Маклаков поведение социальных низов[20].

Мансырев, желая подчеркнуть, что воспроизводит чужую риторику, взял в кавычки слова одного из представителей возмущенной толпы, заявившего, что он привел в Таврический дворец «30 врагов народа» для расправы[21]. Причины «растущего негодования» народа Мансырев видел в «усталости от войны», упадке «национального чувства», в призывах социалистов «к всечеловеческой “свободе, братству, равенству”». Важнейшая причина роста недовольства обывателей в столице – нехватка продовольствия: «Сильно стал обостряться продовольственный вопрос…. За единственным исключением все общественные круги откры-

[17] Там же. С. 401.
[18] Там же. С. 358.
[19] Там же. С. 296.
[20] Там же. С. 407.
[21] Мансырев 1991. С. 108-109.

то бранили правительство»[22]. Милюков отмечал, что обыватели считали виновником своих бед правительство, в резком тоне ругали всех лиц, имевших отношение к решению продовольственного вопроса[23]. Шидловский получил от знакомых сведения, что «брожение возникло на почве недостатка хлеба в некоторых лавках на Выборгской стороне»[24].

Революция выросла из озлобления народа, и в этом был ее трагизм. Охранное отделение еще 5 февраля фиксировало: «Озлобление растет, и конца его росту не видать»[25]. «Они – революционеры – не были готовы, но она революция – была готова»[26]. Милюков характеризовал народ как «бессознательный и темный», «сохранивший мировоззрение иных столетий»[27]. Мансырев писал: «Бестолочь невообразимая: солдаты и рабочие походя хватают на улицах того или другого… просто по виду – если не понравится»[28]. Народ придал революции необратимый характер. В годы войны власть катастрофически быстро теряла поддержку в разных слоях населения, разочарование во власти – важнейшая причина протеста народа, уставшего от войны, нищеты, голода, бесправия, считали думские лидеры. С их точки зрения, народ имел право выйти на улицу и потребовать от власти решить их насущные проблемы.

Шульгин писал о тревожном настроении думских депутатов, которые отнюдь не были сторонниками революции. «Уже несколько дней мы жили как на вулкане… В Петрограде не стало хлеба… Произошли уличные беспорядки… Но дело было, конечно, не в хлебе… Это была последняя капля… Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти… И даже не в этом… Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала…». «А улица надвигалась и вдруг обрушилась… тридцатитысячная толпа, которою грозили с утра, оказалась не мифом, не выдумкой от страха»[29]. Шульгин понимал, что придется считаться с уличным движением. «Страна уже слушает тех, кто левей, а не нас», горько сознавал он власть толпы[30].

По Маклакову, опасность народного движения заключалась в том, что «некультурное большинство» исходило только из своих «примитивных имущественных желаний»[31], а не национально-государственных интересов. «Прогрессистам» поступали сведения о захвате толпами Ар-

[22] Там же. С. 95, 100.
[23] Маклаков 1954. С. 401.
[24] Шидловский 1991. С. 120.
[25] Цит. по: Милюков 1990. С. 246.
[26] Шульгин 1990. С. 429.
[27] Милюков 2001.
[28] Мансырев 1991. С. 108.
[29] Шульгин 1990. С. 436, 444.
[30] Там же. С. 418.
[31] Маклаков 2006. С. 320.

сенала, о пожаре в здании Окружного суда[32], об арестах и убийствах офицеров, чиновников. Думцы поняли, что возмущение людей вышло за правовые границы. Маклаков не искал в народном бунте мотивов правды и социальной справедливости. Будучи юристом, он оценивал общественные события в контексте правовых идей. Катастрофическим итогом революции он считал разрушение законного порядка в стране.

Рассматривали ли думские лидеры деятельность Прогрессивного блока как один из факторов революции? «Прогрессисты» не хотели использовать революционные методы борьбы за власть. Но Шульгин опасался, что критика ими правительства вела к росту революционных настроений, усиливала недовольство политикой верхов[33]. Прогрессивный блок ранее стоял между правительством и обществом, преследуя цель не допустить революции. В феврале думские лидеры должны были решить, с кем они: со старой властью или с народом[34]. Сначала стремились спасти монархию. Гучков объяснял им: «в этом хаосе… надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию… Без монархии Россия не может жить…»[35]. С целью сохранения монархии думские лидеры были готовы пожертвовать монархом, писал Шульгин[36].

Как «прогрессисты» интерпретировали свою поддержку революции с 27 февраля? Как они объясняли, почему, будучи противниками революции, они пошли на углубление политического кризиса и сыграли важнейшую роль в крушении монархии? Думские деятели писали, что в февральские дни они испытывали страх перед уличной толпой. Она угрожала основам государственности – закону и порядку. «Прогрессисты» стремились «овладеть» уличным движением и не допустить полного развала институтов государства. В дни революции они выступили как «государственники», спасавшие разваливавшийся аппарат управления. Вечером 27 февраля, как свидетельствовал Милюков, думские деятели предприняли «меры к созданию новой власти»[37], чтобы не допустить анархии в городе, они создали Временный комитет Государственной думы. Этот шаг вел к отказу от диалога с Николаем II. «Прогрессисты» это понимали. В их трактовке, думские лидеры, создавая Временный комитет, исходили из следующих обстоятельств: недоверие народа к власти, неуправляемость уличного движения, отсутствие порядка в городе, отказ Николая II пойти на соглашение с Думой. Мотивы этого выбора Шидловский объяснял следующим образом: «Недоверие к правительству было таково, что никто даже и не заикнулся о поддержке его

[32] Шидловский 1991. С. 121.
[33] Шульгин 1990. С. 425-426.
[34] Там же. С. 442; Родзянко 1929.
[35] Цит. по: Шульгин 1990. С. 498.
[36] Шульгин 1990. С. 458.
[37] Милюков 1990. С. 252.

в целях восстановления порядка, а стали делаться разные предложения относительно установления какого бы то ни было порядка»[38]. Поддержание порядка в городе и стране стало, с точки зрения «прогрессистов», первостепенной национальной задачей. Контекст этой ценностной мотивировки – сохранение государственности. Уже в те дни «прогрессисты» сознавали, что революционный кризис вел к развалу государства. В эмиграции, анализируя противостояние различных сил, они единодушно интерпретировали его итог как катастрофу для государственности, России, бездонную пропасть «обвала», бедствие[39].

Согласно Милюкову, с 27 февраля думцы действовали по ситуации. Мансырев и Шульгин писали о настроении думцев: «полная растерянность» и «бессилие»[40]. Они вынуждены были считаться с фактической ликвидацией власти в Петрограде и с массовыми уличными выступлениями. «Взбунтовался полк… Убили командира… Казаки отказались стрелять… братаются с народом… На Невском баррикады… масса перешла “к действиям”»[41]. «В городе продолжался хаос, все возраставший. … Группы лиц, никому не известных и никем не уполномоченных, стали заниматься арестами тех деятелей старого режима и офицеров, которых по их соображениям надлежало арестовать; всех арестованных затем приводили в Таврический дворец». В Петрограде хозяйничали уличная толпа и войска, руководствовавшиеся инстинктами «разрушения»[42]. Эти факты принимались думскими лидерами во внимание, когда решали вопрос, с кем Дума – народом или властью? Сначала они чувствовали свое бессилие, а затем поняли, что надо научиться управлять «взбунтовавшейся Россией», писал Шульгин о мотивах принятия решений думскими деятелями. «То, чего мы боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»[43].

Советы рабочих и солдатских депутатов, узнали думцы, «организовывали массу… работали над тем, чтобы подчинить ее себе»[44], ставили под свой контроль почту, телеграф, железные дороги, типографии; эти факты захвата тревожили думских деятелей[45]. «Прогрессисты» увидели в Советах силу, способную взять власть в свои руки, а для них это был худший вариант развития событий. Когда «прогрессисты» узнали, что Советы уже контролируют в столице почти все стратегически важные объекты, они, изначально не имея «никакого плана», реши-

[38] Шидловский 1991. С. 120.
[39] Шульгин 1990. С. 435.
[40] Мансырев 1991. С. 103; Шульгин 1990. С. 435.
[41] Шульгин 1990. С. 439, 440.
[42] Шидловский 1991. С. 121-122.
[43] Шульгин 1990. С. 440, 445.
[44] Шульгин 1990. С. 453.
[45] Шидловский 1991. С. 123.

ли «овладеть движением, стать во главе его, не дать разыграться анархии»[46]. Советы и «Улица» вынуждали Думу делать шаги, которые даже не обсуждались депутатами днем раньше.

Давлением на Думу стало паломничество рабочих и солдат к Таврическому дворцу. Думские деятели дали свое объяснение этому паломничеству. По мнению Шульгина, Дума пользовалась авторитетом у рабочих и солдат, поскольку она стояла между народом и правительством. Восставшим нужен был «центр движения», в ней видели новую власть, растерянные люди «молили руководства, им нужен был «символ революции»[47]. Солдаты шли к Думе, надеясь, что их не отправят на фронт. Мансырев объяснял поход возбужденной толпы к Таврическому дворцу ее стремлением «требовать указания от Думы, что им делать, а также просить ее взять в свои руки власть, так как правительство ничего не делает»[48]. Об уважении горожан и военных к депутатам Думы свидетельствовал факт, что парламентариев пропускали через все заставы. Шидловский писал, что «звание члена Государственной думы» давало «в первые дни революции беспрепятственный пропуск повсюду»[49].

Народ не понимал, что Дума меньше всего стремилась возглавить революцию, она была вынуждена повести за собой взбунтовавшиеся массы, чтобы не допустить анархии. 27 февраля думские деятели решили, что если они не смогут влиять на народ, то уличное движение окажется под контролем левых партий и Советов. Лидеры Думы с облегчением поняли, что войска в столице «за “Государственную думу”… Что вообще “революционная” столица за Государственную думу… Это давало надежды как-нибудь, быть может, овладеть движением, стать во главе его, не дать разыграться анархии…»[50]. Озвучивая позицию думцев, Милюков писал: «Все ясно сознавали, что от участия или неучастия Думы в руководстве движением зависит его успех или неудача»[51]. Шульгин опасался развала армии, если «сейчас же не будет, кому повиноваться»[52]. «Прогрессисты» пошли на диалог с «взбунтовавшимся» народом, поскольку пользовались его доверием, не было войск для разгона демонстрантов, надо было восстановить порядок.

Дума вечером 27 февраля стала символом революционной России, центром власти. «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг…». Милюков также утверждал, что думские лидеры, создав Временный комитет Гос-

[46] Шульгин 1990. С. 446, 453.
[47] Там же. С. 438, 455-456.
[48] Мансырев 1991. С. 103.
[49] Шидловский 1991. С. 120.
[50] Шульгин 1990. С. 446.
[51] Милюков 2001.
[52] Шульгин 1990. С. 459.

ударственной думы, фактически взяли на себя функции власти, понимая ответственность за принятые решения[53]. В рефлексии Шульгина, в февральские дни все были «растеряны», не понимая, кто «враг», а кто «друг». «Прогрессистам» надо было расставить приоритеты. Их объединяла идея спасения России, в риторике Шульгина, «дело России»[54].

Диалог с протестующим народом предусматривал поиск «прогрессистами» идей, способных обеспечить их согласие с революционными массами. «Прогрессисты» выступали с речами перед рабочими и солдатами, объясняя, какие задачи стоят перед Россией и обществом: сохранение государства, обеспечение правопорядка, защита отечества. Ощущая сначала свое бессилие в условиях паралича власти и уличных выступлений, думские лидеры смогли быстро понять, какой дискурс поможет убедить народ воспринимать их идеи: «революция», «разумная свобода», «родина и армия», «верность родине», «родина-матушка», «спасение России». Они выступали на митингах. Народ слушал и кричал «Ура!», отмечал Шульгин реакцию простых людей на речи представителей Думы[55]. Риторика «прогрессистов» имела патриотический характер. Будучи противниками уличных выступлений, думцы вынуждены были разговаривать с массами, чтобы снизить накал революционных страстей, внедрить в их сознание свою версию событий, контролировать массы, не допустить хаоса, навести порядок в городе. Народ поверил думским деятелям, приветствовал их на уличных митингах, на предприятиях, в казармах, где они появлялись по приглашению самовыдвиженцев снизу. Думские ораторы ежедневно уверяли митингующих, что революция уже победила, настало время конструктивной работы – восстановления деятельности государственных учреждений, фабрик и заводов.

Лидеры Прогрессивного блока не стремились использовать революционные способы борьбы за власть. Они не считали деятельность блока одной из причин Февральской революции, но признали, что, не будучи революционерами, сознавая свой долг перед Россией, были вынуждены возглавить революцию с целью создать новый механизм управления страной. Мотивацию думцев раскрыл Шульгин: Дума стояла «на патриотической почве»[56]. В сущности, их шаги по созданию новых органов управления и участие думских деятелей в отречении Николая II позволяет характеризовать Прогрессивный блок как одного из ключевых участников Февральской революции. В этом заключалось «двусмысленное положение» Думы[57].

---

[53] Милюков 1991. С. 15, 17.
[54] Шульгин 1990. С. 443.
[55] Там же. С. 461-462, 473.
[56] Там же. С. 456.
[57] Там же. С. 455.

Таким образом, интерпретация «прогрессистами» февральских событий и позиций участвовавших в них влиятельных сил позволяет выявить общие черты их гражданской и политической идентичности. Чертами гражданской идентичности лидеров «прогрессистов» были представления о защите прав человека законами, праве личности на свободное волеизъявление в рамках законов. Значимые ценности, определявшие светскую, нововременную политическую идентичность либеральных думцев, – верховенство закона, правопорядок, народовластие, конституция, гражданское общество, права человека, сильная государственность, Россия. Ценностная система обусловила видение думцами-интеллектуалами национальных приоритетов развития России – взаимодействие государства с общественностью на условии защищенности прав личности. Аксиологические позиции либералов того времени в целом соответствовали задачам цивилизованного развития России, ориентиром которого должно было стать верховенство права. Они представляли интересы модернизационной тенденции развития России. Гражданская и политическая идентичность «прогрессистов» предопределяла их оппозиционность традиционалистам, видевшим в вековых «устоях» – самодержавии и привилегиях дворянства – главную черту русского исторического пути. Носители изменчивости и преемственности – «прогрессисты» и правительство – в условиях глубокого революционного кризиса февраля 1917 г. не смогли прийти к диалогу. Риторика думских интеллектуалов существенно отличалась от официальной позиции единения вокруг Государя, веры в монархию и Божий промысел, и от риторики революционеров.

Обращает на себя внимание терминологическая близость рефлексии «прогрессистов», оперирование близкими по смыслу понятиями. Дискурс думских лидеров о власти в феврале 1917 г. представлен такими ее оценками, как «старина», «бессилие», «безволие», «бездарность», «растерянность». Они связывали «бессилие» правительства с его ориентацией в большей степени на традиции государственности, чем нововременной опыт преобразований, и с составом министров, более удовлетворявшим представлениям Николая II, чем общества, о деловых качествах и интеллектуальном багаже лидеров политической элиты. Деятели Прогрессивного блока, тексты которых мы анализировали в данной статье, были единодушны в своем мнении, что самодержавие перестало быть главным «устоем» России, поскольку оно адекватно реагировало лишь на отдельные запросы общества, далеко не полностью уясняло задачи развития страны.

«Прогрессисты» рассматривали революцию как социально-политический кризис, интерпретируя факторы его возникновения в контексте проблемы «власть – общество». Они выделили краткосрочные обстоятельства, обусловившие конфликт между этими силами в феврале 1917

года: неудачная, непопулярная затяжная война, обрушившая авторитет власти и вызвавшая проблемы в социально-экономической сфере; неспособность правительства эффективно решать задачи во всех отраслях государственного управления; ориентация монархии на традиционные ценности; некомпетентность ряда министров; конфликт правительства с Думой; социокультурный раскол общества; возмущение народа своим бесправием и уровнем жизни, отсутствие хлеба в столице; максималистские лозунги радикальных партий, наивное доверие масс левым агитаторам; популярность идеи революции; нежелание солдат идти на фронт, власть пыталась, но не смогла использовать силовые методы подавления революции. «Прогрессисты» выявили признаки политического кризиса (отсутствие у высших государственных деятелей политической воли, незнание ими способов решения актуальных задач, низкий авторитет в обществе, отказ от компромиссов с оппозицией, недооценка потребностей обывателей), социальной нестабильности (недовольство обывателями своим положением, массовые уличные протесты в столице).

Многофакторный анализ причин Февральской революции – одно из достоинств «прогрессистской» версии, но она имеет и черты односторонности. Они указаны Маклаковым. Одна из них: права государства не менее важны, чем права обывателей. Развивая его мысль, мы можем утверждать, что в условиях войны государство имело право на мобилизацию ресурсов, принуждение, дисциплинирование, объединение усилий всех слоев общества на решение задач, определенных властью. Государственные интересы в военное время могут доминировать над частными. Вышедшие на улицу обыватели, как отмечали думцы, защищали свои значимые для них потребности, имея на это право, но они не сознавали национально-государственные интересы. Другой аспект критики либерального воззрения на причины революции опять же был предложен Маклаковым: важен анализ не только ошибок власти, но и ее достижений и направления политики. Милюков не акцентировал внимание на плодотворных результатах законодательной деятельности в период Думской монархии. А в российской практике периода Думской монархии складывался механизм решения многих задач. Третий аспект критики либеральной версии февральских событий заключается в мысли Маклакова о важности конфликтующим силам искать решения в рамках законов, а не занимать непримиримые позиции.

«Прогрессисты» выделили главные противоборствующие силы в Февральской революции – власть, общественность и народ. В их противостоянии они и искали причины конфликта, характеризовали интересы и восприятие друг друга. Глубина кризиса определялась «прогрессистами» в терминах «раскол», «разрыв», они понимали, что компромиссный вариант между конфликтующими сторонами маловероятен. Значимость оценки «прогрессистами» кризиса заключается в выявлении принципи-

альных разногласий различных сил, обусловленных не только их идейными установками, но и практическим жизненным опытом, а также в важности мысли о компромиссе, в осуждении непримиримости позиций как фактора, ведущего к катастрофе.

В дискурсе лидеров Прогрессивного блока о народе есть многосторонние оценки причин его протеста («бесправие», «бедствия»), эмоционального отношения народа к власти («нетерпение», «озлобление»), характера его движения («взбунтовавшаяся Россия», «бурлящее месиво», «хаос», «буря» (Шульгин), «рабочее движение», «народные волнения», «хаос, все возраставший» (Милюков), «вооруженный бунт», «беспорядки», «хаос» (Мансырев). В текстах «прогрессистов» преобладающая оценка уличного движения – «бунт». Доказывая адекватность этой характеристики, они подчеркивали его стихийность, «бесформенность», неуправляемость, правовой нигилизм, опасность для государственности, жизни людей. Фиксируя факты расправы рабочих и солдат в дни революции над чиновниками, интеллигентами, офицерами, они отмечали слабое развитие гражданского сознания протестующих, не желавших признавать право других слоев общества на защиту жизни и имущества. «Прогрессисты» сочувствовали уставшим от бед простым людям, но и осуждали убийства как антизаконные действия. Значимой является и мысль «прогрессистов» о том, что судьбу отечества не должна решать уличная толпа, руководствующаяся чувством ненависти. В февральские дни 1917 г. «прогрессисты» ясно поняли, что революция имела огромный разрушительный потенциал. Они стремились минимизировать отрицательные последствия революции и сохранить государственность.

В критической оценке левых партий просматривается позиция «прогрессистов» – неприятие мифологии как способа влияния на людей, самозахвата административных зданий как методов государственного переворота, радикализации радикалами настроения масс с целью подогреть их ненависть. В ненависти социальных низов к верхам и заключался «горючий материал» революций, утверждали «»прогрессисты», занимавшие принципиально отличную от левых позицию поддержания правопорядка.

В дискурсе думских деятелей есть различия в характеристике роли либеральной общественности в возникновении революции. Большинство авторов текстов воспринимали Думу как нейтральную сторону, сначала не участвовавшую в конфликте и в нём не заинтересованную, а предложения Прогрессивного блока оценивали как антикризисную программу. Выделяется взгляд Маклакова на деятельность либералов. Он критиковал кадетов за излишний радикализм политических требований. С его точки зрения, либералы использовали не все возможности для соглашения с правительством, полагал, что поиск компромиссного варианта выхода из кризиса был важнее для государственности, чем штурм

власти. Маклаков в своем анализе событий в большей степени, чем Милюков, руководствовался государственно-национальными интересами, выявлял ошибки кадетов, обусловленные их программой, тактикой, наивностью теоретиков.

«Прогрессисты» интерпретировали исторический процесс в рамках дихотомии «старый порядок» – новые силы. Лидер кадетов, недовольный стагнацией третьеиюньской политической системы, видел выход в проведении новой конституционной реформы, целью которой должно стать изменение механизма формирования правительства. Отказ от нее привел к революционному слому системы управления в России, полагал Милюков. «Прогрессисты» с сожалением отмечали, что власть находилась во власти своих стереотипов мышления, включая представление о верноподданнических настроениях народа. Они оценивали позиции традиционалистов в дни революции как сдерживающий барьер, акцентировали внимание на конфликтном характере своих взаимоотношений с правительством. В их представлении, монарх и его министры еще не свыклись с мыслью о том, что Дума стала значимой институциализированной традицией. Власть, поддерживая третьеиюньскую систему, искала варианты укрепления в этой конфигурации традиционных сил, не желая вывести страну на новый виток обновлений. Думские лидеры в 1915–1917 гг. сознавали необходимость смены правящей элиты, прихода к власти лиц, способных реагировать на вызовы времени в интересах государства и общества. Они сожалели, что конституционный процесс в 1905–1916 гг. не убедил Николая II в важности формирования новой команды реформаторов. По мыслию «прогрессистов», преобладание традиционалистов во власти – одно из обстоятельств ее низкой дееспособности в годы войны и революции.

Политический кризис в феврале 1917 г. привел к быстрому изменению отношения думских лидеров и социальных низов к монархии и правительству, Критическое отношение к власти стало основой их временного компромисса. Наблюдался кризис общественного сознания, проявившийся в разрушении веры в монархию и росте надежд на новые силы, прежде всего, народное представительство.

Развивая мысль «прогрессистов» в контексте обозначенной ими дихотомии традиции – новации, мы можем утверждать, что реформаторский процесс в России позднеимперского периода не только не вышел за рамки традиций, но и зависел от них. Российское самодержавие, веками сохраняя политическую стабильность, на этапе модернизации, когда появились новые общественные силы, обнаружило недостаточную гибкость реагирования на их запросы. Обращение власти преимущественно к прежним методам решения задач, ориентация в разные периоды на достижение противоречивых целей, обусловили возникновение конфликта между участниками исторического процесса. Грани-

цы новаций определялись традиционалистскими силами, удерживавшими власть. Приоритеты традиционалистов не были поколеблены даже в кризисной ситуации февраля 1917 г., когда остро встал вопрос о смене ориентиров развития. Традиционная тенденция движения не предполагала полного учета общественного мнения, интересов разных социальных групп. В феврале 1917 г. оппоненты потребовали от правительства прислушаться к голосу общественности, народа. Однако ему не хватило понимания необходимости вести диалог с обществом, соотносить свою политику с новыми задачами развития страны. Монархия эксплуатировала реформы с целью защиты традиционалистских устоев. Включение в государственный механизм народного представительства в 1905 г. не привело к существенной трансформации идеологии власти, базовые ценности которой остались неизменными. Идеологическая революция, происходившая в России в первое десятилетие двадцатого века, не вовлекла в свое дискуссионное поле правящую элиту.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 300-316 [Kocheshkov G.N., Saraeva E.L. Istoriko-kul'turnye istoki fevral'skogo revolyucionnogo krizisa 1917 g.: idei liderov Progressivnogo bloka // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 65. S. 300-316].

Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж. Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1936. В 4 вып. 610 с. [[Maklakov V.A. Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroj Rossii (vospominaniya sovremennika). Parizh. Izd. zhurn. Illyustrirovannaya Rossiya, 1936. V 4 vyp. 610 s.]

Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954 [Maklakov V.A. Iz vospominanij. N.Y., 1954. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html]

Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 335 с. [Maklakov V.A. Vtoraya Gosudarstvennaya duma. Vospominaniya sovremennika. 20 fevralya – 2 iyunya 1907 g. M.: ZAO Centrpoligraf, 2006. 335 s.]

Мансырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 95-119 [Mansyrev S. P. Moi vospominaniya o Gosudarstvennoj dume // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 95-119].

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. URL: https://royallib.com/read/milyukov_pavel/istoriya_vtoroy_russkoy_revolyutsii.html#20480 [Milyukov P.N. Istoriya vtoroj russkoj revolyucii. M., 2001].

Милюков П. Н. Война и вторая революция. Пять дней революции (27 февраля -- 3 марта). // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 3-29 [Milyukov P. N. Vojna i vtoraya revolyuciya. Pyat' dnej revolyucii (27 fevralya - 3 marta). // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 3-29].

Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с. [Milyukov P. N. Vospominaniya. M.: Sovremennik, 1990. T. 2. 446 s.]

Родзянко М.В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1929. 271 с. [Rodzyanko M.V. Krushenie imperii. L.: Priboj, 1929. 271 s.]

Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 120-153 [SHidlovskij S.I. Vospominaniya // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M., 1991. S. 120-153].

Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 832 с. [SHul'gin V. V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. 832 s.]

Кочешков Геннадий Николаевич, *доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; kocheshg@mail.ru*

Сараева Елена Леонидовна*, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; els5656@yandex.ru*

Revolutionary crisis of February 1917 in the reflection of the leaders of the Progressive bloc

The article is devoted to the analysis of the ideas of the leaders of the Progressive bloc in the IV State Duma of the Russian Empire on the short-term factors of the 1917 February Revolution. The main culprit of the revolution was the authorities, in the Progressists' opinion. The powerlessness of the ruling elite, according to the Progressists, predetermined the inevitability of the fall of the monarchy. Leaders of the Progressive bloc singled out short-term circumstances that predetermined the February Revolution of 1917: an unsuccessful, unpopular, protracted war that has downed the authority of the government and caused problems in social and economic sphere; inability of the government to effectively solve tasks in all branches of public administration; orientation of the monarchy on traditional values; incompetence of a number of ministers; the conflict between the government and the Duma; socio-cultural division of society; indignation of the people with their lack of rights and lowering of living standards, lack of bread in the capital; the maximalist slogans of radical parties, the naive confidence of the masses in the left-wing agitators; the popularity of the idea of revolution; the soldiers' unwillingness to go to the front. The authorities tried, but could not use force to suppress the revolution. The Progressists interpreted the historical process within the dichotomy of tradition - innovation.

Keywords: 1917 February revolution in Russia, Progressive bloc, State Duma of the Russian Empire, V.A. Maklakov, P.N. Milyukov, V.V. Shulgin

Gennadii Kocheshkov*, Doctor of history, Professor, Chair of Russian history department at the Yaroslavl State Pedagogical University; kocheshg@mail.ru*

Elena Saraeva*, Doctor of history, Associate professor of Russian history department at the Yaroslavl State Pedagogical University; els5656@yandex.ru*

В. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

ВРЕМЯ ОЛЬДЕНБУРГА. POST FACTUM

1. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга[1]

Академик Сергей Федорович Ольденбург, крупнейший российский историк первой трети XX в. – востоковед, искусствовед, филолог, этнограф – будучи Непременным секретарем Академии наук (ПАН/РАН/АН СССР), фактически руководил российской академической наукой в 1904–1929 гг. Административная нагрузка не позволила ему опубликовать при жизни главный свой труд – «Описание пещер Чан-фо-дун близ Дунхуана». После кончины С.Ф. Ольденбурга его вдова Е.Г. Ольденбург взяла на себя подвижнический труд по написанию биографического очерка С.Ф. Ольденбурга и попытке организовать силами коллег по АН СССР издание его труда. Ее переписка – официальная с президентом АН СССР В.Л. Комаровым и Непременным секретарем АН СССР Н.П. Горбуновым и частная – с крупнейшими учеными И.Ю. Крачковским и В.И. Вернадским и его супругой, представляющая собой диалог из прошлого с новой эпохой, полной лишений и равнодушия, в попытке продлить «время Ольденбурга», будет опубликована во 2-й части данной работы (вып. 69).

***Ключевые слова*:** *АН СССР, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, И.Ю. Крачковский, В.Л. Комаров, Н.П. Горбунов, архив РАН, историческая память, научное наследие*

> «Дай Вам Бог нести и дальше с тем же мужеством свою жизненную утрату и хранить память о нем, собирая материалы для его жизнеописания, как Вы делаете теперь»[2].

Первую четверть XX века в истории российской академической науки можно назвать временем Ольденбурга. 2 октября 1904 г. на заседании Общего собрания Императорской Петербургской академии наук экстраординарный академик С.Ф. Ольденбург был избран Непременным секретарем ПАН[3]. Так, еще не будучи ординарным действительным членом Академии наук[4], в возрасте 41 года, С.Ф. Ольденбург занял основной руководящий пост в академической науке[5]. Время Ольденбурга фактически закончилось в 1929 г.: в ходе «академического дела»

[1] Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект «Всемирная история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.» № 18-18-00367).

[2] Из письма И.М. и М.С. Гревс к Е.Г. Ольденбург по случаю годовщины смерти академика С.Ф. Ольденбурга. – СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 17. Л. 15.

[3] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1904. Д. 151. Л. 56.

[4] Избрание С.Ф. Ольденбурга ординарным академиком по литературе и истории азиатских народов состоялось только 1 ноября 1908 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1908. Д. 155. Л. 69).

[5] Многогранной деятельности академика Ольденбурга – научной и административной – была посвящена Международная конференция, приуроченная к 150-летию со дня его рождения; см.: Попова 2016.

он избежал ареста, однако подвергся жесткой «проработке» в советской печати и лишился основных руководящих постов.

17 октября 1929 г. исполнилось 25 лет со дня избрания С.Ф. Ольденбурга Непременным секретарем АН, а через две недели, 30 октября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило текст телеграммы председателя Совнаркома А.И. Рыкова президенту АН СССР А.П. Карпинскому о необходимости снять Ольденбурга с должности Непременного секретаря АН. Тогда же телеграмма с обоснованием «необходимости принять отставку Ольденбурга», за подписями М.Н. Покровского, Ю.П. Фигатнера и С.М. Кирова, была послана А.И. Рыкову, И.В. Сталину и Г.К. Орджоникидзе[6]. Судьба Ольденбурга была решена. 30 октября, келейно, после получения телеграммы Рыкова, на закрытой части заседания Общего собрания, Ольденбург был вынужден отречься от исполнения этих обязанностей[7], временно перешедших к В.Л. Комарову.

1 ноября 1929 г. заместитель Наркома просвещения СССР М.Н. Покровский, активно добивавшийся смещения Ольденбурга с поста Непременного секретаря, так описывал суть произошедшего в своем отчете в Политбюро ЦК ВКП(б) об Общем собрании АН СССР: «Не приходится от себя скрывать, что первое впечатление среди академиков от происшедшего было оглушительное. Буржуазные ученые, даже самые близкие к нам, совершенно не привыкли к такого рода методам действия в академических учреждениях, и явная растерянность читалась на лицах даже столь к нам близких членов Академии наук, как Архангельский[8]. Я убежден, что это впечатление понемногу пройдет, в особенности, если станет очевидным, что экстренное удаление Ольденбурга не есть простой шаг расправы, но первый шаг к радикальному изменению всего характера и всей структуры Академии наук… Академия, в которой руководящий персонал сменяется простым распоряжением советской власти, есть такое же научное учреждение, как и всякое другое научное учреждение Советского Союза. Телеграмма А.И. Рыкова одним почерком[9] пера “советизировала” Академию наук, это, конечно, огромный шаг вперед»[10]. Таким образом, для партийных руководителей советской науки Ольденбург был основным препятствием на пути установления полного контроля над академической наукой.

---

[6] АН РП. 74–75 (№40).

[7] Закрытая часть заседания Общего собрания АН СССР (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 251. Л. 22). См. также сообщения в прессе (Красная газета за 15 ноября 1929 г.): «В архивах академии наук спрятаны важные политические документы. Академик Ольденбург отстранен от должности непременного секретаря».

[8] Архангельский, Андрей Дмитриевич (1879–1940) – российский советский ученый-геолог, действительный член АН СССР (1929).

[9] Так в оригинале.

[10] АН РП. 78 (№40).

14 ноября состоялось первое заседание комиссии по разработке проекта реорганизации Академии наук «в соответствии с запросами социалистического строительства», уже без Ольденбурга[11], сама Академия наук перешла в ведение Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР[12]. 20 декабря 1929 г. Ольденбург отказался от должности председателя Комиссии по изучению племенного состава[13]. Началась травля ученого: научные общества – большие и малые – спешили избавиться от его присутствия в своих рядах[14]. Последние четыре года своей жизни вплоть до кончины 28 февраля 1934 г. С.Ф. Ольденбург руководил Институтом востоковедения АН СССР.

Академическое дело 1928–29 гг. в значительной степени изменило облик самой академии: обновился кадровый состав (произошло насыщение членов академии партийными деятелями, людьми, далекими от науки, но абсолютно лояльными к партийному руководству), иной стала атмосфера, изменилось предназначение науки в стране[15]. Среди прочих свойств АН СССР, характерных для нее после 1929 г., можно выделить следующие: введение в научные исследования во всех областях знания обязательного унифицированного мировоззрения, введение принципа «партийности» науки, неограниченный контроль над всей деятельностью АН со стороны государства, подчинение всей научной деятельности АН потребностям развития народного хозяйства, бюрократизация и плановый характер научной работы. Символом подчинения АН СССР государственной власти стали принятие новых уставов (1930, 1935), ее переподчинение СНК в декабре 1933 г. и принудительный перевод из Ленинграда в Москву в апреле 1934 г. Вся наука должна была быть поставлена на службу социалистической реконструкции страны[16].

Практически никого, кроме нескольких старых коллег Ольденбурга, не интересовала ни древняя и средневековая история Великого шелкового пути, ни буддийское искусство. Советское востоковедение декларировало свою приверженность изучению современности народов Востока как элементу борьбы против колониальных режимов. Издание

---

[11] ЛРАН. IV. 689.
[12] ЛРАН. IV. 693.
[13] ЛРАН. IV. 694.
[14] См., например, §18 выписки из Протокола заседания ЦИК Бурят-Монгольской АССР от 12 декабря 1929 г. № 22/13 «Об отводе из состава членов Научного общества имени Банзарова академика Ольденбурга»: Постановили: «Академика Ольденбурга в связи с раскрытыми предательскими действиями его в Академии наук отвести из состава членов Научного общества имени Банзарова, а также из состава почетных членов Государственного института Культуры Бурреспублики». Зам. Секретаря БурЦИК Зюряев (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 99. Л. 313).
[15] Неслучайно некоторые академики, избранные еще до революции, говорили в это время, что «Академия больше не наша». См.: Tolz 1997. С. 68–86.
[16] Занкевич 1957. С. 18, 29–34.

работ и написание биографического очерка бывшего Непременного секретаря академии наук (императорской, российской, советской), «вычищенного из рядов» по указке сверху, выглядело, мягко говоря, неактуально. Время Ольденбурга закончилось.

Директором Института востоковедения стал акад. А.Н. Самойлович (1880–1937), президентом АН СССР после смерти А.Н. Карпинского был избран В.Л. Комаров (1869–1945), Непременным секретарем АН СССР стал Н.П. Горбунов (1892–1938). Самойлович и Горбунов были расстреляны. Комаров тяжело болел. Чистки, проработки, репрессии стали рядовым явлением. Однако и в это время отдельные члены академического сообщества стремились по мере сил способствовать сохранению памяти о коллеге. Само это, кроме прояснения личных отношений внутри академии, может служить значимым маркером ее гетерогенности в данный период и примером сопротивления господствующему дискурсу. К числу таких академиков принадлежали Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951) и Владимир Иванович Вернадский (1863–1945).

Академик В.И. Вернадский – давний друг С.Ф. Ольденбурга, входил вместе с ним, И.М. Гревсом, Д.И. Шаховским, А.А. Корниловым в «Братство» – общество интеллектуалов, возникшее в 1880-е гг. Дружба членов «Братства» оказалась на редкость крепка, отношения товарищества и заботы друг о друге члены общества поддерживали до последнего часа жизни каждого из них[17]. В период после смерти Ольденбурга Вернадский руководил Радиевым институтом (до 1939 г.) и Биогеохимической лабораторией АН СССР (до конца жизни). Исключительный авторитет позволял ему заступаться за коллег, просить о помощи для вдов своих старых друзей, участвовать в сохранении их памяти. В Архиве РАН сохранилась обширная переписка между ними, охватывающая несколько десятилетий[18], и вполне естественно, что он принимал активное участие в усилиях сохранить научное наследие С.Ф. Ольденбурга и увековечить его память составлением биографического очерка.

Для характеристики отношения В.И. Вернадского к памяти Ольденбурга характерно следующее высказывание выдающегося арабиста и историка науки И.Ю. Крачковского, также участвовавшего в деятельности по сохранению научного наследия академика Ольденбурга: «Вы зна-

[17] Как признавался сам В.И. Вернадский, Ольденбург был одним из тех, кто инициировал и поддерживал его выборы в действительные члены ПАН. Он же способствовал тому, что Вернадский дал согласие занять должность товарища министра народного просвещения в 1917 г., когда министром был сам Ольденбург. – Документы см.: Филиппова 1981. С. 202, 287.

[18] Е.Г. Ольденбург переписывалась с семьей Вернадских и при жизни супруга. Сохранилось 61 письмо, отправленное ею лично Н.Е. Вернадской (АРАН. Ф. 518. Оп.3. Д.1199а), а также одно письмо, отправленное Е.Г. и С.Ф. Ольденбургами обоим супругам Вернадским (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 1–2).

ете, как я ценю Ваше отношение ко мне и к моим работам; в этой подписи я почувствовал как бы ответ так близко связанного с Вами С.Ф. Ольденбурга»[19]. Для Крачковского и Вернадского голос Ольденбурга продолжал звучать и почти десятилетие после его ухода из жизни.

Другим коллегой С.Ф. Ольденбурга, принявшим активное участие в его посмертной судьбе, был академик (с 1918 г.) Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942), готовивший к печати главный труд Ольденбурга – «Описание пещер Чан-фо-дун близ Дуньхуана». Нельзя сказать, что Ольденбурга и Щербатского связывали дружеские отношения[20]. Последний принадлежал к числу тех академиков, которые в первой половине – середине 1920-х гг. осуждали многие шаги руководства академии, в личной переписке он даже ратовал за «смену министерства» [21], явно имея в виду отставку и склонного к компромиссам с властью Ольденбурга. Сам Непременный секретарь весьма нелицеприятно высказывался о личных качествах ведущего специалиста по индийской философии[22]. Вместе с тем, они прекрасно понимали научное значение трудов друг друга, а Щербатской, очевидно, осознавал и глубину трагедии Ольденбурга, пожертвовавшего собственной научной деятельностью ради организации работы академии. Щербатской принимал достаточно активное участие в подготовке к изданию неопубликованного наследия старшего коллеги, но болезни и начавшаяся война, эвакуация и кончина не позволили ему завершить начатое дело, хотя за несколько лет при помощи О.А. Крауш[23] ему все же удалось подготовить машинописный вариант главного труда Ольденбурга с рукописными вставками.

И все же судьба этого исследования академика Ольденбурга оказалась незавидной. Как уже отмечалось в литературе[24], к научной судь-

---

[19] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 859. Л. 6; цит. по: Росов 1993: 86.

[20] См. их переписку: Вигасин 2008. С. 273–443.

[21] См. его письмо академику П.К. Коковцову от 24.09.1927 г.: СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 444. Л. 17.

[22] См. запись в дневнике Е.Г. Ольденбург от 27.05.1926 г. в связи с выдвижением кандидатуры С.А. Жебелева в действительные члены АН: СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 56. Л. 115.

[23] Крауш, Ольга Александровна (1902–1942), после окончания школы делопроизводитель в военно-хозяйственном управлении НКВД, секретарь Комиссии СНК по содействию работам АН СССР, в конце 1920-х гг. – гражданская жена А.Е. Ферсмана (см.: Филиппова 1985. С. 142, 144), востоковед-иранист, ученица А.А. Фреймана и Э.А. Бертельса в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1929–1932), управляющий делами и ученый секретарь Таджикско-памирской экспедиции (1932–1934), заместитель Ученого секретаря БАН (1935–1936), в январе-июне 1936 г. – личный секретарь Непременного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова, в 1938 г. – сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1939 – м.н.с. ИВ РАН. Проживала в одном доме с семьей Ольденбургов (Васильевский остров, 7 линия, д. 2). В фонде Ольденбурга сохранились ее письма (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 303).

[24] Вигасин 2008.С. 230.

бе самого ученого вполне могут быть применимы слова, сказанные им в некрологе памяти В.П. Васильева: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историею науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд – все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды “первых томов”, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний»[25].

История такого «несбывшегося мечтания» самого Ольденбурга в 1934–1955 гг. была недавно на основе материалов из СПбФ АРАН до некоторой степени реконструирована И.В. Тункиной[26], однако материалы московских собраний Архива Российской академии наук и ряд документов из СПбФ АРАН ранее для этих целей не привлекались, такой исторический источник, как переписка, не использовался, а судьба биографического очерка об С.Ф. Ольденбурге не рассматривалась вовсе.

Эпистолярные документы содержат для реконструкции истории научного наследия академика Ольденбурга и его коллег много новой информации: гибель в наводнении 1924 г. архива Д.А. Клеменца, хранившегося в квартире Ольденбургов[27], обстоятельства прерванной тяжелой болезнью работы Ф.И. Щербатского над подготовкой к изданию материалов II Русской туркестанской экспедиции Ольденбурга (1914–1915), равнодушие других коллег к судьбе наследия Ольденбурга, участие АН СССР в финансировании работ по этому направлению и помощь Е.Г. Ольденбург в написании биографического очерка, личное участие В.И. Вернадского и президента АН СССР В.Л Комарова в этих делах.

Безусловно, главным хранителем памяти о С.Ф. Ольденбурге стала его вдова Елена Григорьевна Ольденбург (урожд. Клеменц, в первом браке Головачева; 1875–1955), племянница давнего друга и коллеги С.Ф. Ольденбурга – Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914), фактически открывшего для современной науки историко-культурные богатства Турфанского оазиса и прилегающих к нему областей. В доме Клеменца в 1898 г. С.Ф. Ольденбург и познакомился с будущей женой[28]. Они заключили брак в 1923 г. Конечно, храня память о покойном супруге, Е.Г. Ольденбург действовала в значительной степени по своей инициативе, однако она была и членом комиссии АН СССР, созданной 8 марта 1934 г. (через полторы недели после кончины академика Ольденбурга) Непременным секретарем АН СССР специально для разбора

[25] Ольденбург 2012. С. 302.
[26] Тункина 2016. С. 336–341.
[27] АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 11–11об.
[28] Каганович 1994. С. 127.

и приема его архива. В состав комиссии вошли: академик Самойлович (председатель), Е.Г. Ольденбург, Г.А. Князев[29], представитель Государственного Эрмитажа, Г.П. Вашке[30] (секретарь) и В.А. Забиров[31].

Несмотря на значительные усилия, которые прикладывали вдова и коллеги академика С.Ф. Ольденбурга, АН СССР ограничивалась финансированием работы О.А. Крауш по перепечатке материалов экспедиции в Восточный (Китайский) Туркестан в 1914–1915 гг. Вопрос о составлении биографического очерка никак не находил своего решения. И даже вопрос о постановке ограды на могиле Ольденбурга требовал согласования на уровне Президиума[32].

Так, 13 декабря 1939 г., т.е. пять с половиной лет после кончины С.Ф. Ольденбурга, на заседании Ученого совета Института востоковедения слушали предложение академика В.М. Алексеева[33] о составлении биографии С.Ф. Ольденбурга. Постановили: 1) принять к сведению, что Елена Григорьевна Ольденбург занимается составлением хронологической канвы биографии С.Ф. Ольденбурга, 2) после завершения ее работы, заслушать ее на заседании Ученого совета и обсудить вопрос о составлении полной биографии С.Ф. Ольденбурга[34]. Возможно, отложившийся в том же архивном деле черновик краткой характеристики этой биографии, составленный самой Е.Г. Ольденбург, был подготовлен как раз для того, чтобы получить поддержку со стороны академии. На основании широкой источниковой базы, включавшей материалы протоколов Академии наук, периодической печати, переписки, официальных документов, ею были составлены 3 400 карточек, на которых жизнь выдающегося ученого оказалась расписана буквально по дням[35]. Она писала коллегам с просьбой переслать ей копии писем покойного супруга[36], встречалась с людьми, знавшими его еще в студенческие годы[37] и т.д.

Еще один из ее источников написания биографии следует упомянуть особо. С 1924 г., т.е. на следующий год после заключения брака,

---

[29] Князев, Георгий Алексеевич (1887–1969) – историк-архивист, директор Архива АН СССР (1929–1963).

[30] Вашке, Галина Георгиевна (1911–?) – помощник ученого секретаря ИВ АН СССР.

[31] Забиров, Вали Абдурахманович (1897–1938) – советский востоковед-тюрколог, археограф, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР; репрессирован. СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 10.

[32] Нельзя не отметить, что в настоящее время состояние захоронения С.Ф. Ольденбурга на Литераторских мостках – весьма прискорбное.

[33] Алексеев, Василий Михайлович (1881–1951) – советский китаист, историк, переводчик, действительный член АН СССР (1929).

[34] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 11.

[35] СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 12.

[36] Там же см. письмо об этом от Р.О. Шор.

[37] Сохранилась, напр., записка Ф.И. Щербатского к П.К. Коковцову с просьбой найти время для встречи с Е.Г. Ольденбург по этому вопросу: СПбФ АРАН. Ф. 779. Оп. 2. Д. 444. Л. 21.

Е.Г. Ольденбург начала вести дневник – ценнейший памятник эпохи – важнейший источник сведений по истории академической науки Советской России середины – второй половины 1920-х гг. Отдельные сообщения этого дневника неоднократно использовались исследователями, однако представляется целесообразным и введение в науку всего источника. Е.Г. Ольденбург становится хроникером академии в один из самых трагичных моментов ее истории. Оставляя в стороне вопрос о степени автоцензуры, неизбежной в условиях складывающегося тоталитарного общества и почти всеобщего «двоемыслия», отметим, что автор дневника достаточно подробно и прямо пишет не только о несогласии академического сообщества с действиями властей, но и, например, об уничтожении кадетских архивов Ольденбурга в ожидании неминуемого ареста. Это делает понятным, что стояло за нашедшим отражение в ее письмах настойчивым стремлением вернуть себе дневники, оказавшиеся в руках нового академического руководства, и почти испугом корреспондентов, отмечавших, как В.И. Вернадский: «Конечно, не надо было их им отдавать». «Они», однако, дневники вернули. Вероятно, до «нужных» глаз они так и не дошли. Не менее интересны и письма Е.Г. Ольденбург, в особенности тем корреспондентам, которые хорошо знали академика Ольденбурга, были его товарищами и сотрудниками, заботились (или должны были заботиться) о сохранении его научного наследия. В этих письмах ярко представлена атмосфера, царившая в Академии наук второй половины 1930 – начала 1940-х, со всей остротой в них видны лишения, выпавшие на долю многих ученых, а также их семей после их кончины. Яркие характеристики даются целому ряду руководителей академических учреждений и самой Академии наук.

Главное дело последних 20 лет своей жизни Е.Г. Ольденбург довести до логического завершения не смогла: биография С.Ф. Ольденбурга, над которой она работала долгие годы, написана так и не была[38], а главный труд его жизни еще только готовится к печати. Тем не менее, событийная канва деятельности Е.Г. Ольденбург по увековечиванию памяти супруга может быть реконструирована достаточно полно.

После кончины Ольденбурга 28 февраля 1934 г. Елена Григорьевна как член комиссии по разбору и приему архива покойного супруга, начинает собирать материалы для составления биографического очерка. Определенную роль в этом играет Комиссия по истории академии наук (председатель – И.Ю. Крачковский). Работа идет достаточно быстро, и к маю 1934 г. ей удается довести этот очерк до момента избрания Ольденбурга в Академию наук (не уточняется в каком качестве – адъюнкт, экстраординарный, ординарный академик), а на основе академических

[38] «Опыт биографии» С.Ф. Ольденбурга, и весьма удачный, выдержавший два издания, см.: Каганович 2013.

материалов – до 1933 г. Елену Григорьевну преследуют болезни, ей приходится продавать книги Сергея Федоровича, однако деньги она получить не может и вынуждена прибегать к помощи академика Крачковского для обеспечения возможности работать дальше. Помощь Крачковского нужна и для получения доступа к архивным материалам Академии и в частности – Института востоковедения (бывшего Азиатского музея), которым до самой смерти руководил С.Ф. Ольденбург.

Параллельно Е.Г. Ольденбург трудится над подготовкой к изданию неопубликованных работ Ольденбурга по фольклору. В апреле 1934 г. эти статьи переданы ей в фольклорную секцию АН СССР. Ответственным за подготовку издания назначен М.К. Азадовский. Одновременно начинается работа по подготовке к изданию главного труда Ольденбурга, не изданного при его жизни и даже не подготовленного к печати – «Описания пещер Чан-фо-дун близ Дунхуана». Работа над этими материалами требует особой компетенции, и к концу 1935 г. вопрос остается нерешенным. Коллеги Ольденбурга – академики-востоковеды Самойлович, Орбели и Щербатской – по разным причинам участия в этом начинании не принимают. И.Ю. Крачковский был занят подготовкой к печати лекций С.Ф. Ольденбурга по истории Индии. Однако он не сумел завершить этот проект, и подготовленный им том выйдет в свет лишь спустя полвека после его кончины. По просьбе А.Н. Самойловича начинается работа по сбору некрологов памяти ученых, которые писал Ольденбург. Уже современники оценили их значение для истории науки и отметили особый характер этих текстов, делавший из «отчетов особый род почти художественной литературы»[39]. И это издание будет осуществлено лишь много лет спустя усилиями А.А. Вигасина[40].

В декабре 1935 г. Е.Г. Ольденбург решает просить президиум АН СССР образовать комиссию по изданию трудов академика Ольденбурга. Делопроизводителем комиссии должна стать О.А. Крауш. Издателем материалов экспедиции в Дунхуан становится в декабре 1935 г. академик Щербатской. Препятствует началу работы конфликт с И.А. Орбели.

К концу 1936 г. Елена Григорьевна доводит до конца биографию Сергея Федоровича. Однако бесследно исчезают записи, сданные ею на хранение в Институт востоковедения. Для их разыскания она вынуждена обращаться к академику В.И. Вернадскому, в президиум АН СССР – к президенту В.Л. Комарову и Непременному секретарю Н.П. Горбунову. В.И. Вернадский принимает деятельное участие в посмертной судьбе С.Ф. Ольденбурга и по мере сил старается помочь Елене Григорьевне. Также необходимую помощь оказывает В.Л. Комаров. АН СССР выделяет средства на работу О.А. Крауш по перепечатке материалов экспе-

[39] Слова сотрудницы Пушкинского дома Е.П. Казанович, цит. по: Каганович 2013. 80.
[40] См.: Ольденбург 2012.

диции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан, над редактированием которых в 1938 г. работает Ф.И. Щербатской. Тяжелая болезнь Щербатского является очередным серьезным препятствием для продолжения работы. Ему требуется время на то, чтобы поправить здоровье. Работа возобновляется: Е.Г. Ольденбург и Щербатской разрабатывают план по изданию работ С.Ф. Ольденбурга. В феврале 1938 г. академик А.М. Деборин должен вернуть Е.Г. Ольденбург ее биографические записи. Подготовка работ С.Ф. Ольденбурга по фольклору прервана, договор на издание расторгнут. Между Еленой Григорьевной и М.К. Азадовским происходит конфликт. В.И. Вернадский помогает Е.Г. Ольденбург получать финансирование для оплаты работы О.А. Крауш. Вернадский проявляет интерес к материалам по геологии, содержащимся в дневниках экспедиции Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 г., однако все материалы погибли в квартире Ольденбургов во время наводнения 1924 г.

Великая Отечественная война, эвакуация В.И. Вернадского, кончина Ф.И. Щербатского, И.Ю. Крачковского и В.И. Вернадского, болезни Е.Г. Ольденбург и отсутствие финансирования прерывают работу по увековечиванию памяти академика С.Ф. Ольденбурга. Однако еще в декабре 1944 года. В.И. Вернадский и Е.Г. Ольденбург обмениваются сведениями по подготовке биографии С.Ф. Ольденбурга. И все же работа фактически не продвигается, а подготовка к изданию трудов и написание биографического очерка академика С.Ф. Ольденбурга откладываются на десятилетия. Наиболее существенная часть этой работы не выполнена до сих пор. Представляется, что понимание истории вопроса является непременным условием и обязательной предпосылкой для завершения этих трудов на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вахромеева О.Б. (сост.). Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004.

Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

Востриков А.И. «С. Ф. Ольденбург и изучение Тибета». Записки Института Востоковедения Академии Наук. 1935. Т. 4. С. 59–81.

Гревс И.М. Личность и дело Ромена Роллана. Опыт истолкования души. СПб., 2017.

Занкевич Е.Х. К истории советизации Российской академии наук. Мюнхен, 1957.

Каганович Б.С. «Начало трагедии (Академия наук в 1920-е гг. по материалам архива С. Ф. Ольденбурга)». Звезда. 1994. № 12. Исторические чтения. С. 124–144.

Каганович Б.Л. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2013.

Ольденбург С.Ф. Европа в сумерках на пожарище войны. Впечатления от поездки в Германию, Англию и Францию летом 1923 года. Пб., 1924. 110 с.

Ольденбург С.Ф. «Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму 1818–1918 годы». Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки. М., 2012. С. 302–322.

Попова И.Ф. (отв. ред., сост.). Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки. М., 2016.

Тункина И.В. «Документы по изучению С.Ф. Ольденбургом Восточного Туркестана в Архиве Российской Академии наук» // Попова И.Ф. (отв. ред., сост.). Сергей Федорович Ольденбург. Ученый и организатор науки. М., 2016. С. 313–348.

Филиппова Н.В. (сост.). Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981.

Филиппова Н.В. (сост.). Письма В.И. Вернадского А.Е. Ферсману (1907–1944). М., 1985.
Bongard-Levin G.M., Lardinois R., Vigasin A.A. Correspondance orientalistes entre Paris et Saint-Pétersbourg (1887–1935). Sylvain Lévi, Alfred Foucher, Émile Senart et Paul Pelliot. Lettres adressées à Sergej F. Ol'denburg, Fedor I. Ščerbatskoj, Vasilij M. Alekseev, Vasilij V. Radlov et Fridrich Rozenberg. P., 2002 (Mémoirs de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. XXVI).
Tolz V. Russian Academicians and the Revolution: Combining Professionalism and Politics. Houndmills, Basingstoke, 1997.

СОКРАЩЕНИЯ

АРАН – Архив Российской академии наук.
АН РП – *Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991. [1]. 1922–1952* / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. 591 с.
ГИМ – Государственный исторический музей
ИВ АН – Институт востоковедения АН СССР
ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры АН СССР.
ЛРАН. IV – Летопись Российской академии наук. Том IV / Отв. ред. Э.И. Колчиеский, Г.И. Смагина. СПб., 2007.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

REFERENCES

Ананьев Виталий Геннадьевич, *кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; v.ananev@spbu.ru*

Бухарин Михаил Дмитриевич, *доктор исторических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; michabucha@gmail.com*

Time of Oldenburg. Post-factum. 1. E.G. Oldenburg, Academic Milieu and the Preservation of Scientific heritage of the Academician S.F. Oldenburg

Sergey Fedorovich Oldenburg was an eminent Russian historian of the first third of the 20th century – an orientalist, art historian, philologist, ethnographer; as the Permanent Secretary of Academy of Sciences (Imperial, Russian, Academy of Sciences of the USSR), he actually directed Russian academic science in 1904–1929. Administrative burden did not allow him to publish his main work – "Description of the Caves Chan-fo-dun near Dunghuang". After S.F. Oldenburg's death, his widow, E.G. Oldenburg, has undertaken selfless work to perpetuate Oldenburg's memory by editing of the "Description of the Caves…" with the help of the colleagues of Oldenburg in the Academy, and by writing his biography. Her correspondence – official with the President of the Academy of Sciences of the USSR V.L. Komarov and Permanent secretary N.P. Gorbunov and private – with famous scholars of the first half of the 20th century, I.Yu Krachkovsky and V.I. Vernadsky and his spouse, represents dialogue of the past with the new era, full of deprivations and indifference, in attempt to prolong "The time of Oldenburg".

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, S.F. Oldenburg, V.I. Vernadsky, I.Yu. Krachkovsky, V.L. Komarov, N.P. Gorbunov, archives of the Russian Academy of Sciences, historical memory, scientific heritage

Vitaly Ananiev*. Dr., Senior tutor, Institute of Philosophy; v.ananev@spbu.ru*

Mikhail Bukharin, *D.Litt., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; michabucha@gmail.com*

О. С. Нагорных

ЭТИКО-ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ПРАКТИК В МЕДИЦИНУ СССР. Дискуссии 1930-х гг.*

Статья посвящена исследованию этико-деонтологических аспектов интеграции элементов восточной медицины в советскую медицину в 1930-х гг. Изучены архивные материалы, посвященные дискуссии в Ученом медицинском Совете Народного комиссариата здравоохранения (УМС НКЗ) РСФСР (1936–1937). Отмечено, что в рассматриваемый период, с одной стороны, врачебное сообщество серьезно обсуждало возможности применения методов восточной медицины в отечественной медицинской науке и клинической практике; с другой стороны, в его профессиональной среде не было единства, в связи с большим количеством противоречий (в их числе слабая доказательная база восточных медицинских практик и этическая составляющая их применения). Особое внимание уделено деятельности Ленинградской инициативной группы по изучению восточной медицины, результатом которой стало решение об открытии в Ленинграде первой клиники восточной медицины.

***Ключевые слова*:** *медицинская этика, исторический источник, восточная медицина, интеграция, дискуссия, Народный комиссариат здравоохранения*

Трансформация международной системы в конце XX – начале XXI в. носит всеохватывающий и глубокий характер, на ее фоне современные отношения России и Китая выходят на новый, более высокий уровень. Китай приобретает статус главного партнера России как в военно-политическом, так и в экономическом плане, продолжая активизировать не только глобальные инициативы (такие как «Один пояс – один путь»), но и множество разнообразных совместных торговых, экономических, культурных проектов[1]. Одновременно в фокусе внимания оказывается и здравоохранение, выступающее в роли социальной сферы (без которой трудно представить себе нормальное развитие государства) и в качестве важной составляющей научных и дипломатических контактов между странами. Современные наукоемкие достижения китайской медицины во многом опережают зарубежные. Специфика организации научного поиска в сфере биотехнологий и темпы развития наук зачастую формируют новые этические вызовы или усложняют имеющиеся нравственные дилеммы, создавая необходимость пересмотра хрупкого консенсуса мирового научного сообщества.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках проекта «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества» (№ 18-78-10018).

[1] Лексютина 2015. С.173-176.

История взаимоотношений СССР и КНР в первой половине – середине XX в. не укладывается исключительно в плоскость межгосударственных политических контактов, экономических связей и регулирования приграничных территорий. Развитие двусторонних связей России и Китая, обусловленных, в первую очередь, общей границей, в течение длительного времени дополнялось новыми формами сотрудничества. В поле общих интересов вошли также культура, образование, медицина.

Наряду с историческим и политологическим анализом различных форм сотрудничества, среди которых на первый план выходят, безусловно, экономические и внешнеполитические факторы, гуманитарная сфера остается важным механизмом взаимодействия стран. В исторической науке все чаще появляются исследования, затрагивающие вопросы различных форм гуманитарного сотрудничества КНР и России как в современном мире[2], так и в исторической ретроспективе[3]. Однако все еще мало внимания уделяется как роли личности ученого в этом процессе, так и влиянию общественно-политической ситуации в стране и в организации науки на выбор предмета исследования. Особенно важным представляется проблема выявления личностных особенностей ученого, а также понимания того, как они отразились на выборе им тактики и стратегии научного поиска в рамках такого сотрудничества, способах его самовыражения в борьбе за отстаивание своих научных взглядов.

Связи России и Китая в области медицины имеют достаточно длительную историю: начавшись с контактов русских врачей в составе Русской духовной миссии в Пекине, они постепенно расширялись. И здесь важно учитывать особенности развития Китая; его политику в области медицины, направленную на заимствование технологий.

История развития медицины и здравоохранения в Китае тесно связана с контактами с Советской Россией. Рассмотрение этого процесса и реконструкция отдельных исторических сюжетов в процессе формирования отношений между двумя государствами в XX в. будут способствовать лучшему пониманию причин возникновения социальных вызовов, возникающих в том числе в академической науке КНР.

В центре внимания – деятельность Ленинградской инициативной группы по изучению восточной медицины, результатом которой стало решение об открытии в Ленинграде первой клиники восточной медицины; а также последствий такого рода начинаний. Основные источники – материалы переписки членов инициативной группы с руководством Ученого медицинского Совета (УМС) Народного комиссариата по де-

[2] Ван Гхун 2017; Виноградова 2018; Гусева, Мамкина 2017; Лузянин 2018. В области медицины и здравоохранения проблемы, связанные с сотрудничеством, также выступают на первый план (Bridie Andrews 2014), среди которых, например, недостаточно разработанный вопрос советско-китайского взаимодействия.

[3] Россия-Китай: четыре века взаимодействия 2013.

лам здравоохранения (НКЗ) РСФСР, лечебными учреждениями и врачами об использовании методов восточной медицины, а также стенограммы заседаний УМС НКЗ РСФСР фонда Управления внешних сношений Министерства здравоохранения СССР Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)[4].

Сформировавшиеся в глубокой древности принципы традиционной медицины и основы врачевания не только прочно вошли в повседневную жизнь и практику лечения китайцев, но и стали культурной ценностью китайской цивилизации. Советские врачи, проявившие интерес к подобной медицине[5], пытались, прежде всего, системно изложить содержательную часть практического применения методов восточной медицины в теории и обобщить доктрину лекарей Древнего Китая.

Появлению первой клиники восточной медицины в Ленинграде предшествовала серьезная полемика, втянувшая в себя не только медиков, но и политическую элиту 1930-х гг. Эти дискуссии относительно открытия клиники связаны с именем одного из представителей рода врачей, Николая Николаевича Бадмаева (1879–1939)[6]. Именно он стал продолжателем дела своего дяди, знаменитого специалиста тибетской медицины доктора П.А. Бадмаева. Будучи приближенным к высшим политическим кругам, занимавшийся лечением таких виднейших деятелей как М. Горький, А.Н. Толстой и др., при поддержке ряда крупных ученых-медиков, а также Н.И. Бухарина, он добился создания при Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ) отдела восточной медицины[7]. В начале 1930-х гг. Институт экспериментальной медицины (ИЭМ) переживал смену руководства, вызванную государственным курсом на политизацию науки. В 1931 г. директор ИЭМ профессор С.С. Салазкин добровольно покинул занимаемую должность, объяснив свой уход сложностью совмещения научной и административной деятельности. Во главе института встал Л.Н. Федоров, имевший опыт организационной работы, занимавший до этого ряд административных должностей, в т.ч. заместителя директора института. Вступив в новую должность, он начал последовательно проводить партийную линию. Когда осенью 1932 г. ИЭМ был преобразован в ВИЭМ, подчиняющийся непосредственно Совету народных комиссаров, Федоров остался на занимаемой должности[8]. Реорганизация института предполагалась в ра-

[4] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2.

[5] Проблема интеграции медицинских практик и методов стала актуальной достаточно давно. Интерес к восточной медицине в России сформировался уже в XIX в. В 1930-е гг. он получил новый виток развития. Интегрированием в медицинской сфере стали случаи частого внедрения каких-либо новых методов диагностики и лечения.

[6] Тибетский лекарь кремлевских вождей. 2004. С. 45.

[7] Отдел существовал с 1934 по 1935 гг. См.: Грекова, Ланге 1994. С. 16.

[8] Грекова 1998. С. 244.

курсе «широкой всесторонней постановки проблемы изучения человека, точнее человеческого организма… во всех связях, в условиях конкретной социальной среды… тесной связи теоретических лабораторий с клиническими…»[9]. В апреле 1934 г. ВИЭМ был переведен в Москву, с сохранением филиала в Ленинграде, с официальным объяснением необходимости теснее связать работу научного центра с народным комиссариатом здравоохранения, а по сути – в связи с общей политикой Сталина по отношению к Ленинграду, убийством С.М. Кирова и проводимыми чистками, направленными на искоренение «вредительства». Профилактика «вредительства» была проведена и среди сотрудников ВИЭМа.

Именно в этот политически сложный период началась дискуссия о появлении нового, инициированного Н.Н. Бадмаевым, направления деятельности института – апробации методов и средств восточной медицины, о чем свидетельствует переписка руководства института с народным комиссариатом здравоохранения по поводу возможности развертывания исследований в этом направлении, начавшаяся в феврале 1932 г. Тогда Федоров продемонстрировал к этому более чем сдержанное отношение, и лишь после неоднократных требований Наркомздрава рассмотреть представленный Бадмаевым проект, вынес его на обсуждение научной общественности института. Не все сотрудники восприняли такую идею однозначно и позитивно, но все же большинство ведущих специалистов одобрили проект, который предусматривал открытие стационара, амбулатории, аптеки, пополняемой за счет экспедиций, проведение лабораторных исследований. Помимо ряда профессоров, идею Бадмаева поддержал и Н.И. Бухарин, в тот период член Президиума ВСНХ СССР, заведующий научно-техническим управлением, занимавший (с 1932 г.) должность директора Института истории науки и техники АН СССР (ИИНиТ), преобразованного из Комиссии истории знаний (КИЗ).

С 1934 г. при институте начало работу бюро по изучению восточной медицины под руководством фармаколога С.В. Аничкова, в состав которого вошли фармакологи А.И. Кузнецов, И.А. Обергард, физиологи А.Д. Сперанский, В.В. Савич, терапевты М.В. Черноруцкий, Г.М. Ланг. Чрезвычайно важной и ответственной была роль специалиста по фармакогнозии А.Ф. Гаммерман, внесшей огромный вклад в формирование фонда лекарственных трав, о чем на заседании бюро 7 апреля 1936 г. сообщил Л.Н. Федоров: «ВИЭМ начал изучение тибетской медицины с организации экспедиций на Дальний Восток под руководством профессора Гаммерман для собирания растительного лекарственного сырья, применяемого в восточной медицине… ВИЭМу удалось создать значительный фонд этих трав… они хранятся в настоящее время в Москве»[10].

[9] Федоров 1933. С. 3.
[10] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 14.

Следующим шагом ВИЭМа была организация при Ленинградской больнице им. В.И. Ленина особого отделения для изучения эффективности восточных лекарственных средств, однако его руководителем был назначен С.П. Заводский. По всей видимости, Л.Н. Федоров предпочел не ставить руководителем клиники самого Н.Н. Бадмаева, в связи с его сомнительной биографией, родственной связью с П.А. Бадмаевым, лечившим семью Николая II. Также его могло смущать и тесное сотрудничество Бадмаева с тибетскими ламами, о реакционной роли которых в 1930-е гг. писали достаточно много (иных специалистов по тибетской медицине, кроме Н.Н. Бадмаева, фактически не было). Таким образом, Н.Н. Бадмаев, несмотря на свой высокий профессионализм и знания в области теории и применения методов восточной медицины, смог занять должность консультанта при клинике. Сам же Л.Н. Федоров отмечал: «Работа в этом отделении шла чрезвычайно вяло. Н.Н. Бадмаев не был приглашен нами в качестве штатного сотрудника, но числился консультантом»[11]. Эта ситуация стала поводом для развертывания дальнейшей дискуссии о компетентности Н.Н. Бадмаева как доктора и специалиста в восточной медицине. Более того, Федоров избегал любых упоминаний о тибетской медицине; даже бюро, изначально ориентированное на восточную и народную медицину, было преобразовано в отдел народной медицины. Вполне возможно, что само понятие «народная медицина» можно было рассматривать как противопоставление академической и клинической медицине. Бадмаев отреагировал на этот шаг весьма негативно, заявив: «Вскоре после открытия отдела восточной медицины он был по чьей-то инициативе переименован в отдел восточной и народной медицины, а впоследствии, утратив и это “и” окончательно превратился в Отдел восточной народной медицины… профессор Федоров низводит восточную медицину до степени знахарства, хотя он по своему положению обязан знать, что как в европейской, так и в восточной – есть и научная, и народная медицина»[12].

Несмотря на попытки убедить коллег, что подобное переименование станет принципиальным отступлением от первоначальной идеи, Бадмаев не смог получить поддержки. Судьба отдела оказалась достаточно бесперспективной: под предлогом структурной реорганизации института отдел народной медицины был закрыт, консультанты освобождены от занимаемой должности, договор с больницей им. В.И. Ленина расторгнут, а больные, которые были набраны для лечения за двухмесячный период, переведены в другие лечебные заведения.

В 1936 г. Л.Н. Федоров инициировал комплексную проверку всех фондов лекарственных средств, на высоком партийном уровне необос-

[11] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 14.
[12] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 9.

нованно обвинив Н.Н. Бадмаева в некомпетентности и расхищении лекарств. Предыстория этого события такова. По просьбе Бадмаева, ВИЭМ выписал некоторое количество восточных лекарственных средств (расплатившись с поставщиком валютой), и они незамедлительно были ему переданы. В апреле 1936 г. на заседании бюро Ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР под председательством Х.Г. Раковского, Федоров, в отсутствии Бадмаева, поднял вопрос о комплексной проверки использования имеющихся запасов лекарственных средств: «по нашим сведениям, их должно было хватить на несколько сот больных… по словам Бадмаева, их настолько мало, что хватило на несколько десятков пациентов… есть основания считать, что импортированные… восточные лекарственные средства были… использованы Н. Бадмаевым для личной практики…»[13]. Резолюция Федорова была однозначной: «ВИЭМ вынужден… поставить вопрос о закрытии клиники… т.к. Бадмаев систематически уклоняется от научной проверки средств восточной медицины… это объясняется отчасти и тем, что Бадмаев как научный работник не стоит на высоте своего положения…»[14].

Обвинения оказались необоснованными. Такие действия и выступление Федорова вызвали негативную реакцию со стороны Бадмаева, который заявил, что «они [высказывания] Федорова недостойны советского врача и директора ВИЭМа». Кроме того, Бадмаев письменно ответил на выпады Федорова относительно траты лекарственных средств[15]:

> «О каких же импортных средствах говорит профессор Федоров? Не о тех, надеюсь, которые я получал для своей личной аптеки через военное ведомство, через Алексея Максимовича Горького, СНК и через комиссию содействия ученым. Это решительно никакого отношения к ВИЭМ не имеет, и повторяю, средства были получены мною для моей аптеки, дабы не оставлять без необходимой помощи большой круг известных людей, пользуемых мною».

Несмотря на словесные «войны» такого рода, авторитет Бадмаева среди членов Ленинградской инициативной группы по изучению восточной медицины оставался высоким. Представители группы высказывались о нем уважительно: «Ленинградская инициативная группа, состоящая из достаточно авторитетных представителей, детально знакомая с врачебной практикой доктора Бадмаева и на протяжении 2-х лет исследовавшая при помощи наиболее компетентных специалистов в области восточной медицины, категорически утверждает, [что] применяемые доктором Бадмаевым средства и методы лечения больных являются теми [же] самыми и о которых трактуется в подлинниках тибетской медицинской литературы, и которыми пользуются и официальные тибет-

[13] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 14.
[14] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 15.
[15] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 7.

ские врачи, в частности, которые служат при Тибетской Миссии»[16]. Стремление Бадмаева на протяжении многих лет добиться возможности научной проверки средств и методов тибетской медицины, которые он применял, стало важным шагом популяризации восточной медицины. В письме, направленном в ВИЭМ, члены группы отмечали:

> «доктор Бадмаев является едва ли не единственным в нашей стране человеком, который занимаясь всю жизнь этим вопросом, обладает соответствующими знаниями и опытом, из чего складывается научная компетентность… попытка профессора Л.Н. Федорова опорочить …доктора Бадмаева в области тибетской медицины является или результатом отсутствия у него необходимой ясности понимания данного вопроса, или заведомо голословным утверждением личного характера…»[17].

В пользу того, что нападки Федорова носили преимущественно личный характер, говорит и то, что он произносил обвинительные речи в отсутствии самого Бадмаева, не выводя его на открытую дискуссию.

Идея открытия клиники восточной медицины была поддержана и руководством Наркомздрава РСФСР.

> Х.Г. Раковский предложил определенный механизм действия: «резолюция Ученого медицинского совета по вопросу о восточной медицине имеет как научное, так и политическое значение… в настоящее время еще трудно окончательно конкретизировать план работы по реализации постановления президиума Ученого совета… было бы хорошо организовать экспедицию… нужно собрать информацию, какую работу выполняют иностранные научные учреждения, занимающиеся восточной медициной и ознакомиться с полученными ими результатами. Перевод на русский язык основных произведений восточной медицины также целесообразен. Однако необходимо установить, какие именно книги следует переводить в первую очередь. Для этого нужно войти в контакт с синологами и Академией наук. В нашей работе мы должны координироваться с ВИЭМом, Академией наук и другими научными учреждениями СССР, интересующимися проблемами восточной медицины и привлечь к этому делу Монгольскую экспедицию Наркомздрава»[18].

В итоге первая клиника восточной медицины все же появилась под Ленинградом, в Парголове, бывшем дворце графа Воронцова-Дашкова на основании Приказа по народному комиссариату здравоохранения РСФСР №34 от 21 января 1937 г.[19]

> Цели будущей клиники были определены как «клиническое и амбулаторное лечение больных методами и средствами восточной медицины; накопление, изучение и обобщение опыта по применению методов восточной медицины, а также лекарственных средств восточной медицины; ознакомление с мето-

[16] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 3.
[17] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 68. Л. 4.
[18] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 67. Л. 15.
[19] В Положении о Ленинградской клинике восточной медицины было отмечено: «в целях изучения и практического применения методов и средств восточной медицины… организуется… в ведении Ленинградского отдела здравоохранения специальный клинический стационар “Клиника восточной медицины”» – Там же. Л. 2.

дами и средствами восточной медицины медиков, командированных для работы в клинику; популяризация восточной медицины, систематизация, обработка экспериментального материала… подготовка к печати научных трудов; изучение восточной медицинской литературы, перевод важнейших трудов на русский язык, создание специальной медицинской библиотеки»[20].

Из документа следует, что надежды на клинику возлагались огромные, а задачи, которые ставились перед ней, были масштабными. Реализовать это было возможно только при наличии достаточного штата профессионально подготовленных и квалифицированных сотрудников и при безусловной поддержке правительства. Клиника восточной медицины должна была соответствовать всем стандартам хорошей клинической базы: ее должен был возглавить «директор-врач, имеющий высшее медицинское образование и диплом медицинского института или медицинского факультета университета системы европейской медицины»[21]. Клиника должна была состоять из стационара для лечения больных, амбулатории с пропускной способностью в 280-300 приемов, аптеки, отдельных научно-исследовательского и лечебно-практического кабинетов, библиотеки, постоянной школы восточного массажа. При этом обговаривалось, что лечение граждан будет осуществляться на бесплатной основе. Заработная плата сотрудников должна была идти за счет средств Народного комиссариата здравоохранения.

Доктор Н.Н. Бадмаев в одном из своих интервью предпринял попытку сказать о перспективности методов восточной медицины, отмечая, что «ни для кого не секрет, что практика восточной медицины долгое время была окружена у нас некоторым недоверием, в ее научность мало верили, ее добросовестность ставили под подозрение… между тем, это совершенная и культурная система, имеющая свое научное обоснование, свою огромную литературу и 2000 летнюю историю. Восточная медицина насчитывает в своем фармакологическом арсенале около 70 тысяч рецептурных формул, многие из которых показывают на практике поразительную лечебную эффективность. Ленинградская клиника восточной медицины будет первым и единственным в мире научно-исследовательским учреждением такого рода»[22].

Н.Н. Бадмаев возлагал на будущую клинику серьезные задачи, а именно: «тщательно изучить и проверить методы восточной медицины и создать первые кадры советских специалистов в этой интересной области человеческих знаний. Мы впервые по-настоящему будем изучать и систематизировать многовековую литературу, переводить на русский язык важнейшие тексты»[23].

---

[20] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д.67. Л. 2-3.
[21] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д.67. Л. 2.
[22] Курортная газета Сочи 28 марта 1937 г. с.6 // ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д.68. Л.12.
[23] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 67. Л. 8.

Информация о клинике распространилась достаточно быстро еще задолго до официального начала ее работы. В специальных фондах ГАРФ можно обнаружить письма граждан из разных регионов с просьбами оказать содействие в получении возможной медицинской помощи по различным клиническим вопросам. Например, сохранилось письмо жительницы Красноярска Шефтель М.А., направленное ВИЭМ с просьбой дать необходимую информацию о клинике и рекомендации для получения в ней медицинской помощи: «у меня пять лет болеет сын, испробовали целый ряд методов лечения, а результатов нет. Вот и я хочу обратиться в эту клинику, а поэтому прошу сообщить мне адрес и фамилию директора… (стиль письма сохранен. – *О.Н.*)»[24]. Как видно из письма, обычные граждане даже при наличии достаточно скудной информации о результатах лечения методами восточной медицины, возлагали на нее большие надежды.

Деятельность по приему пациентов клиника смогла начать только осенью 1937 г., поскольку весной того же года еще было очевидно, что она не укомплектована достаточным оборудованием для полноценной работы[25]. Однако развернуть широкую практическую деятельность на базе этой клиники не удалось. История ее существования завершилась весьма трагично. Изучение восточной медицины в ВИЭМ было фактически прекращено, несмотря на то, что при Ученом медицинском совете Наркомздрава создали специальную комиссию, на которой Л.Н. Федоров сообщил о своем согласии продолжить работу по исследованию фармакологических свойств лекарственных средств восточной медицины. Однако в отчете ВИЭМа за 1938 г. исследования в области восточной медицины не упоминались совсем, хотя информация о такой работе была в отчетах 1933–1937 гг., когда практическое применение восточных практик и их изучение еще проходило. Возможно, это было связано с тем, что 20 апреля 1938 г. Н.Н. Бадмаев по обвинению по статье 58-1а,8, 11 УК РСФСР был арестован, а 26 февраля 1939 г. расстрелян. Его имя как деятеля и практика восточной медицины было реабилитировано только на XX съезде КПСС в 1956 г.

Интеграция восточных медицинских практик в медицину СССР проходила в 1930-е гг. достаточно сложно и неоднозначно. С одной стороны, такие практики, сохраняя историческую преемственность по отношению к традиционной медицинской этике и соотносясь с современной биомедицинской этикой, основаны на богатой традиции, когда медицина, учитывающая моральную составляющую, обобщает практический опыт, накопленный предшествовавшими поколениями восточ-

[24] ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 67. Л. 7.
[25] Об этом 16 мая 1937 г. ученый секретарь Ученого медицинского совета Н. Терзиев уведомил руководство. – ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 2. Д. 67. Л. 6.

ных врачей, обосновывает теоретическую систематику традиционного искусства врачевания Китая, Тибета и пр., передает основы восточной лекарственной терапии. С другой стороны, отсутствие доказательной базы у таких практик часто встречается со скептической реакцией врачей-клиницистов. В ситуации 1930-х гг. важными оказались многие факторы, среди которых и политизация науки, и появление на руководящих должностях людей, для которых более важными оказались общественная атмосфера и новые принципы управления, чем научные изыскания и их практическое применение; и личные конфликты, и неприязнь к коллегам. Однако принудительное внедрение в науку вульгаризированного марксизма вызывало резкий протест со стороны многих ученых-врачей. Не случайно реорганизация ВИЭМ, перевод дирекции в Москву неблагоприятно отразилось на его деятельности.

Анализ архивного материала демонстрирует наличие конфликта не только профессионального характера в медицинской среде, но и личностного. Дискуссия, развернувшаяся вокруг вопроса о перспективности и возможности применения методов восточной медицины, несмотря на многовековую историю положительных результатов, столкнулась с межличностными конфликтами в среде самих врачей; на ее результаты повлияла и политическая обстановка, сложившаяся в СССР в 1930-е гг. Однако интерес к методам восточной медицины был очевиден, он наблюдался не только у врачей-практиков, но и у общественной и политической элиты. Как представляется, именно по этой причине дискуссии относительно этичности и возможности применения методов «бездоказательной», по мнению ряда клиницистов, медицины приобрели широкий масштаб в 1930-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 2.

Ван Гохун Перспективы российско-китайского сотрудничества в области трудовой миграции // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 61-68.

Виноградов А.О. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений. М.: ИДВ РАН, 2018. 112 с.

Грекова Т.И., Ланге К.А. Трагические страницы истории Института экспериментальной медицины (20-30-е гг.) // Репрессивная наука. СПб., 1994. Вып. 2. С. 16-17.

Грекова Т.И. К истории ленинградской клиники восточной медицины // Ариаварта. 1998. № 2. С. 231-256.

Гусева Н.Ю., Мамкина И.Н. Роль образования в развитии российско-китайских отношений: история и современность // Вестник Томского гос. университета. 2017. № 423. С. 77-83.

Лексютина Я.В. Сложности внутреннего и внешнего развития Китая сквозь призму европейского восприятия // Проблемы Дальнего Востока. 2015. N. 2. С. 173-176.

Лузянин С.Г. Россия – Китай: формирование обновленного вида. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.

Тибетский лекарь кремлевских вождей [Н.Н. Бадмаев-племянник П.А. Бадмаева] / Т.И. Грекова. СПб.: Нева, 2004. 382 с.

Федоров Л.Н. Всесоюзный институт экспериментальной медицины при Совнаркоме // Архив биологических наук, 1933. Т.33. Вып.1-2. С. 3.

Bridie Andrews. The Making of Modern Chinese Medicine, 1850–1960. Vancouver, British Columbia, University of British Columbia Press, 2014, 294 p.
Russia and China. A theory of inter-state relations. L.; N.Y.: Routledge Curzon. 2004, 278 p.

REFERENCES

Van Gohun. Perspektivy rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v oblasti trudovoj migracii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 416. S. 61-68.
Vinogradov A.O. Resheniya XIX s"ezda KPK i perspektivy rossijsko-kitajskih otnoshenij. M.: IDV RAN, 2018. 112 s.
Grekova T.I., Lange K.A. Tragicheskie stranicy istorii Instituta eksperimental'noj mediciny (20-30-e gg.) // Repressivnaya nauka. SPb., 1994. Vyp. 2. S.16-17.
Grekova T.I. K istorii leningradskoj kliniki vostochnoj mediciny // Ariavarta. 1998. № 2. S. 231-256.
Guseva N.YU., Mamkina I.N. Rol' obrazovaniya v razvitii rossijsko-kitajskih otnoshenij: istoriya i sovremennost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 423. S. 77-83.
Leksyutina YA.V. Slozhnosti vnutrennego i vneshnego razvitiya Kitaya skvoz' prizmu evropejskogo vospriyatiya // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015. N. 2. S. 173-176.
Luzyanin S.G. Rossiya – Kitaj: formirovanie obnovlennogo vida. M.: «Ves' Mir», 2018.-328 s.
Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij / Pod red. A.V. Lukina. M., 2013.
Tibetskij lekar' kremlevskih vozhdej [N.N.Badmaev-plemyannik P.A.Badmaeva] / T. I. Grekova. SPb.: Neva, 2004. 382 s.
Fedorov L.N. Vsesoyuznyj institut eksperimental'noj mediciny pri Sovnarkome // Arhiv biologicheskih nauk, 1933. T. 33. Vyp. 1-2. S. 3.
Bridie Andrews. The Making of Modern Chinese Medicine, 1850–1960. Vancouver: University of British Columbia Press, 2014, 294 p.
Russia and China. A theory of inter-state relations. L.; N.Y.: Routledge Curzon. 2004, 278 p.

Ольга Станиславовна Нагорных, *кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения РФ; aldan12@yandex.ru*

The ethical-deontological aspects of the integration of Oriental medical practices into the medicine of the USSR: the discussions of the 1930s

The paper is dedicated to the research of the ethical-deontological aspects of integration of some elements of Oriental medicine into Soviet medicine in 1930s. Most of the focus is on the study of the archive materials connected to the discussions held in Academic Medical Board of People's Commissariat of Public Health of the Russian SFSR (1936–1937). It is noted that in the period under review, on the one hand, the medical community was seriously discussing the potential for use of Oriental medical practices in the national medical science and clinical practice; on the other hand, there was no consonance in the professional environment because of a large number of contradictions (from the weak evidential base of Oriental medical practices to the ethical element of its practical use). Special attention is given to the research of activity of Leningrad investigational team studying Oriental medicine, whose work caused the decision to establish the first Oriental medicine clinic in Leningrad.

Keywords: Medical ethics, historical source, oriental medicine, integration, discussion, People's Commissariat of Public Health

Olga Nagornykh*, PhD in History, Associate Professor, Social and Humanitarian Sciences Department, Privolzhsky Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation; aldan12@yandex.ru*

Н. П. Шок, Н. Ю. Пивоваров

«ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ»: ГУМАНИЗМ И ЭТИКА ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАКУРСЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА (1956-1962 ГГ.)[*]

Статья посвящена анализу миротворческой политики советского руководства в период, когда СССР постепенно переходит от открытой конфронтации к мирной конкуренции. Основное внимание уделено рассмотрению идей советского руководства в области глобальной безопасности и этики международного диалога. В качестве основных источников привлекаются материалы высших партийных органов – ЦК ВКП(б)/КПСС, документы о подготовке и участии представителей СССР в различных миротворческих организациях, переписка советских лидеров с представителями мировых общественных организаций, выдающимися учеными и простыми гражданами иностранных государств, демонстрирующая реакции советского руководства на милитаристические и антигуманные шаги в отношении человечества.

***Ключевые слова*:** *холодная война, советская история, ЦК ВКП(б)/КПСС, история биоэтики, гуманизм*

Научно-технический прогресс XX столетия формировал новый образ науки. Ее достижения перестали быть чем-то элитарным; напротив, они активно стали внедряться в человеческую жизнь. Изменения такого рода заставляли мировую общественность задумываться об угрозе безопасности человека; по-новому ставились вопросы о ценности его жизни в целом. Наиболее показательным в этом отношении является процесс развития ядерных технологий во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.[1], стимулирующий выработку советским руководством общих подходов по денуклеаризации и глобальной ядерной безопасности. В настоящей статье такие действия руководителей СССР рассматриваются в ракурсе проблемного поля биоэтики.

В этом отношении особую важность приобретает анализ позиции советского руководства[2], вынужденно реагирующего на мировые де-

[*]Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

[1] Именно со второй половины 1950-х гг. человечество начинает активно рефлексировать по поводу проблем, связанных с ядерной войной, глубже осознавая последствия ядерного заражения биосферы.

[2] Исторические репрезентации, ориентированные на исследование участия советского руководства в поиске путей организации эффективного международного диалога, позволяют более детально изучать современный социокультурный дискурс сохраняющих актуальность мировых проблем. Особенно ярко это прослеживается в активизации международного диалога о глобальной биоэтике, в основе которой лежат идеи глобальной биобезопасности, противодействия новым биологическим угрозам и биотерроризму.

нуклеарные процессы и предлагающего свое видение по формированию «повестки дня» глобальной биобезопасности, с ориентированием на миротворческую политику[3]. При рассмотрении этой проблемы основными источниками для нас служили документы высших партийных органов, собранные в т.н. «тематические» дела Политбюро ЦК КПСС группы 6 «Международные общественные организации», в которую были помещены постановления Политбюро и Секретариата ЦК, а также материалы, на основе которых они принимались; переписка Н.А. Булганина, а затем Н.С. Хрущева с мировой общественностью по вопросам денуклеаризации, включая широкий спектр вопросов, связанных с этикой глобальной безопасности[4]. Все в целом позволяет проследить эволюцию идей гуманизма как в общемировом масштабе, так и на уровне советской страны и ее руководства.

Важно обратить внимание не только на трудности такого диалога, его новые формы, этическую составляющую, но и на т.н. «дипломатический подход» при ответах советского руководства на вопросы зарубежных корреспондентов.

Трудности диалога: проблемы денуклеаризации в первое послевоенное десятилетие

В первые послевоенные годы советское руководство довольно активно пропагандировало идеи тотального запрета ядерного оружия. Для этого использовались как официальные дипломатические каналы, так и неофициальные. К последним, в частности, относится и деятельность миротворческого движения, в первую очередь, Всемирного Совета мира (ВСМ), ставшего рупором советской пропаганды[5].

Напомним, что страна Советов впервые выступила против запрета ядерного оружия на Генеральной Ассамблее ООН еще в 1946 г., но более развернуто и настойчиво вопросы денуклеаризации ее руководство стало поднимать начиная с 1949 г. Это было связано с финальной стадией разработки первой советской атомной бомбы. Так, в итоговый документ Всемирного конгресса, состоявшегося в 1949 г., советским делегатам удалось включить положение о «сокращении вооруженных

[3] Проблема миротворческого движения и его вклада в решение ядерной безопасности довольно подробно изучена в историографии. См., напр.: Хайцман 1962; Мир и разоружение…; Тарле 1988; Larson 1997; Kramer 1999; Робертс 2008; Велембовская 1999; Харахардин 2002; Новик 2011; Егорова 2015; 2015; 2016. При этом исследователи (по причине недоступности ключевых источников) не уделяли достаточного внимания реакциям на эту проблему и проектам высшего советского руководства.

[4] В числе таковых влияние ядерных испытаний на окружающую среду и здоровье людей; распространение ядерного оружия; глобальные прогнозы существования самой человеческой цивилизации; прекращение ядерных испытаний и др.

[5] На заседаниях ВСМ вопросы по мировой денуклеаризации ставились с завидной регулярностью вплоть до середины 1950-х гг.

сил великих держав, запрещении атомного оружия и других средств массового истребления и установлении эффективного международного контроля за использованием атомной энергии лишь в мирных целях»[6].

В марте 1950 г. СССР выступил с идеей проведения мировой кампании по сбору подписей о запрете использования атомного оружия и объявления преступным того правительства, которое передает атомное оружие другой стране[7]. В августе 1950 г. члены советской делегации на заседании бюро комитета Всемирного конгресса сторонников мира должны были донести до мировой общественности идеи о том, что необходимо «не ограничиваться одними требованиями запрещения атомного оружия, а добиваться развертывания и усиления всесторонней борьбы за прочный мир, против новой войны»[8].

После смерти И.В. Сталина вопросы денуклеаризации отходят на задний план; главными темами того периода (1953–1955) становятся окончание войны в Корее и Индокитае, германский вопрос, экономические, политические и культурные последствия ослабления международной напряженности. Новые советские руководители, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев, заявляют, что сокращение ядерного оружия расширит «экономический обмен, которого требуют народы всех стран, как выхода из напряженного положения и как средства повышения жизненного уровня народов»[9]. Очевидно, что поменялась коннотационная составляющая. Если до 1953 г. весь диалог строился на основе ультиматумов, предъявляемых западным странам (поскольку речь шла только о сокращении западного ядерного потенциала), то на ноябрьской сессии ВСМ в Вене в 1953 г. советским делегатам было разрешено упомянуть о стремлении Москвы к диалогу, переговорам «как единственному средству разрешения международных споров»[10].

---

[6] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 2. Л. 108. В «Манифесте Всемирного конгресса сторонников мира», принятом в Париже и опубликованным в «Правде», объявлялось о возможности использования атомной энергии «исключительно для мирных задач и для процветания человечества». Правда. 1949. 27 апреля (№ 117).

[7] Там же. Л. 110.

[8] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 4. Л. 2

[9] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 51.

[10] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 99. Позиция французских и итальянских коммунистов нашла поддержку у консерваторов в советском руководстве. Так, будущий главный советский идеолог М.А. Суслов, подводя итоги работы советской делегации в Вене, в ноябре 1953 г. писал, что вопрос о сокращении вооружений и запрете водородного и других видов оружия массового уничтожения должен быть в центре внимания миротворческого движения, так как он «имеет огромную популярность в силу своего гуманного характера» (Там же. Л. 65). По всей видимости, давая такие предложения, М.А. Суслов действовал с оглядкой на более влиятельного члена ЦК КПСС – министра иностранных дел В.М. Молотова. Не случайно, что спустя несколько дней после записки Суслова, члены Президиума ЦК рассмотрели записку Молотова, в которой предлагалось опровергнуть распространявшуюся в западных СМИ ин-

Западные ученые, помогавшие СССР и чувствовавшие свою личную ответственность за социальный эффект развиваемых ими направлений, инициативно и публично выступали против уничтожения человечества и развития ядерных угроз. Вместе с тем, активно вырабатываемые пессимистические сценарии были негативно восприняты членами ЦК, так как, по их мнению, распространение подобных взглядов не только не содействовало мобилизации общественного мнения против подготовки атомной войны, но, наоборот, порождало «настроение обреченности, подавленности и безнадежности усилий народов перед перспективой неминуемой гибели, что неверно по существу и выгодно только организаторам и пропагандистам атомной войны»[11]. Поэтому уже начиная с конца мая 1953 г. советские миротворцы начинают снижать градус ядерной угрозы.

На пути к глобальной безопасности: новые формы и этика диалога

XX съезд КПСС стал отправной точкой в пересмотре внешнеполитических ориентиров, провозгласив политику мирного сосуществования двух систем. Ядерная безопасность становится одним из важнейших условий такой мирной жизни. Впервые о проблемах ядерной безопасности стали высказываться не только советские общественники, но и первые лица СССР. Так, в августе 1956 г. председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин направил участникам Второй (Токийской) международной конференции против применения атомного и водородного оружия приветственное послание. Ничем не примечательный акт стал исключительно важной инициативой как с политической точки зрения, так и в ракурсе развития глобальной этики диалога государств.

В послании утверждалось, что «Советский Союз неизменно выступает за полное запрещение атомного и водородного оружия и изъятие его из вооружений государств», что «народы мира более всего желают сохранить прочный мир, избавиться навсегда от ужасов атомной войны и использовать величайшее открытие человеческого разума - атомную энергию, не в целях разрушения достижений человеческой культуры, а в целях обеспечения условий мирного созидания, в интересах подъема жизненного уровня всех трудящихся»[12]. Обращение от имени первого лица Советского Союза (Н.А. Булганина) было принципиально новым шагом в демонстрации позиции Москвы по вопросам глобальной безопасности. Так, в ответе председателя ЦИК Японской социал-демократической партии М. Судзуки, одного из организаторов

формацию об отсутствии со стороны США фактов применения бактериологического оружия. Молотов предлагал направить в Китай и Корею специальную комиссию из ученых, чтобы опровергнуть выводы западных журналистов (Там же. Л. 73).

[11] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 8. Л. 174.

[12] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 106.

Токийской конференции, утверждалось, что послание Н.А. Булганина способствовало «ослаблению международной напряженности».

С одной стороны, менялись подходы и отношение советского руководства к проблеме ядерной безопасности, с другой, изменялось и отношение к атомному оружию во всем мире. В марте 1957 г., спустя несколько лет после бездействия, возобновила работу подкомиссия ООН по вопросам разоружения, в повестку дня которой впервые был включен вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия. Чуть позднее, начиная с середины 1957 г., к антиатомному движению и диалогу подключились Норвегия и Франция[13]. Фактически, на всех мероприятиях речь шла о биобезопасности и проблемах ценности жизни в условиях развития науки и технологий, что может быть позиционировано в качестве одной из предпосылок идеи глобального биоэтического дискурса.

С весны 1957 г., под влиянием увеличивающейся международной активности советское руководство начинает постепенно менять дипломатический язык и подходы к решению проблем глобальной безопасности. Если в начале 1957 г. ЦК утверждало тексты (директивы для советских делегаций или приветственные послания), в которых все сводилось к возможной атомной войне[14], то уже в мае – апреле того же года милитаристский тон (акцентирующий угрозу войны, уничтожение человечества и т.д.) постепенно меняется на дипломатический, и Москва включается в мировую кампанию по запрету испытаний ядерного оружия.

«Дипломатия писем» и этика глобального диалога

Новым подходом в выстраивании этики глобального диалога стало широкое использование «дипломатии писем» – посланий высшего советского руководства (от лица председателя Совета Министров, первого секретаря ЦК КПСС или министра иностранных дел) отдельным активистам и общественным организациям. Обращение к мировой общественности от имени первых советских лиц стало важным элементом нового этического подхода к решению глобальных вопросов со стороны Москвы. Первоначально письма отправлялись от имени Н.А. Булганина, но с конца 1957 г. лидером диалога становится Н.С. Хрущев. В декабре 1957 г. он направляет Б. Расселу два письма, что явилось важным политическим шагом в отношении развития этики мирового диалога. В целом, с середины 1957 г. до начала 1962 г. Президиум ЦК КПСС утвер-

[13] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 160. Непосредственным поводом для этого послужили сообщения ученых об опасности заражения людей при выпадении радиоактивных осадков после испытания ядерных бомб.

[14] Например, так обращались советские профсоюзы к профсоюзам Англии и США: «…тревогу миролюбивых народов перед возросшей угрозой вызывает развязывание врагами мира атомной войны […] идея атомной войны все больше овладевает умами некоторых государственных и военных деятелей капиталистических стран» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 187).

дил тексты 52 писем и посланий. Практически ни одно заседание высшего партийного органа этого периода не обходилось без обсуждения проекта очередного послания. Как правило, все советские письма были ответами на корреспонденцию, приходившую на имя высшего советского руководства, в которой в той или иной форме затрагивались проблемы глобальной безопасности. Адресатами институционально были многочисленные общества, комитеты, комиссии, конгрессы и конференции, посвященные борьбе за защиту мира, ядерное разоружение, запрещение атомной и водородной бомбы. Географически они были расположены в Западной Европе (преимущественно, это Англия, Франция, ФРГ), Северной Америке (США, Канада) и Японии. Письма, как правило, публиковались в «Правде», «Известиях», «Коммунисте» и других советских изданиях. В редких случаях публикация сначала появлялась в западном издании (как, например, первое письмо Н.С. Хрущева Б. Расселу); затем имело место его перепечатка в советской прессе. Впрочем, речь шла только о письмах за подписью Хрущева. Письма за подписью А.А. Громыко, ответы советских послов не публиковались.

Важно учитывать, что сам Никита Сергеевич писем не писал; за него это делал аппарат ЦК или МИДа. Например, целый ряд посланий прошел первоначальное согласование в Международном отделе ЦК КПСС, а затем пересылался в секретариат Н.С. Хрущева, о чем свидетельству, в частности, пометы на ряде документов. Отвечало ли советское руководство на все письма, которые получало? Очевидно, нет. Значительная часть писем оседала во внутренних архивах ЦК и МИДа. В лучшем случае, на них стоял росчерк: «т. Хрущев ознакомился», но чаще всего о них просто не докладывали высшему руководству. Существовала строгая избирательность относительно того, на какие письма можно отвечать. Это должны были быть или письма «друзей» (левых активистов, сторонников советского режима, пацифистов), или очень влиятельных фигур (Б. Рассела, религиозных деятелей), или письма от простых граждан, отождествляемых в советской социальной политике с рабочими и крестьянами. Но даже и в этом случае советское руководство игнорировало те письма, в которых либо содержались излишне критические выпады в отношении политики СССР, либо автор письма был не совсем «чист» с идеологической точки зрения.

Возникает вопрос, почему советское руководство начинает использовать «дипломатию писем»? На наш взгляд, это было связано как с личными амбициями Н.С. Хрущева, который после разгрома антипартийной группы в 1957 г. стал фактическим лидером мирового коммунистического движения, так и с кризисом миротворческого движения[15].

[15] Об этом кризисе еще в декабре 1956 г. писал в ЦК КПСС в пространной записке И. Эренбург: «Кризис движения был очевиден в начале минувшего лета […] Оно то

Осознание того, что ВСМ перестает быть рупором советской пропаганды, заставляет Москву не только менять подходы в вопросах глобальной безопасности, но и обращаться к этике гуманистических идей и ценности жизни в рамках международного диалога.

Для иностранцев главными были темы глобального здоровья человека и влияния на окружающую среду радиоактивных веществ, распространяемых в ходе испытаний (т.е. те аспекты, которые сегодня находятся в рамках проблемного поля биоэтики и биобезопасности). Впервые об этом, обращаясь к мировым лидерам, заявил Жолио-Кюри. В телеграмме от 5 июля 1956 г. он призывал незамедлительно прекратить ядерные испытания, поскольку они создавали угрозу «накопления радиоактивных веществ на поверхности земного шара»[16]. Спустя десять дней Жолио-Кюри направил развернутое письмо, в котором более подробно описал опасности радиоактивного заражения: «Люди прямо и косвенно подвержены излучениям, вредное влияние которых еще невозможно точно установить. Даже если прямое излучение меньше дозы, которая считается в настоящее время допустимой, известно, что радиоактивные элементы, которые способны концентрироваться в идущих в пищу растениях, животных и рыбах, могут давать гораздо более сильное и опасное излучение. Таким образом, подверженные длительное время влиянию этих излучений люди станут жертвой генетических нарушений, которые будут приносить горе, страдание и смерть в течение многих поколений»[17]. О заражении воздуха, воды и продуктов питания «в такой степени, которая угрожает самому существованию человечества», писали в своем открытом письме представители Рабочего комитета борьбы против атомной смерти ФРГ в марте 1957 г.[18], а в подписанной 27 октября того же года ведущими немецкими физиками-ядерщиками Оснабюркской резолюции уже в первом абзаце объявлялось, что «народы знают, что атомное оружие угрожает здоровью и существованию всех людей; они знают также [и о том], что многочисленные испытательные атомные взрывы являются большой опасностью для здоровья [людей]… [19] [эти народы осознают, что] интересы существования чело-

выступало против какого бы то было вооружения Германии, то – после некоторых советских заявлений – признавало необходимость создания германской армии, то снова возвращалось к прежней позиции или оно требовало встречи глав пяти держав, высказывалось против встречи четырех и опять-таки меняло свою позицию в зависимости от позиции советской дипломатии или, наконец, в своей оценке перспектив атомной войны оно буквально следовало за нашими определениями» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 10. Л. 39).

[16] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. Л. 70.

[17] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. Л. 71.

[18] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 83.

[19] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 14.

вечества являются первостепенными, по сравнению с любыми национальными и идеологическими интересами».

В письмах поднимались основные проблемы здоровья людей, связанные с продолжающимися испытаниями ядерного оружия. Так, в письме председателя Комитета американских друзей на службе общества Г. Кэдбэри от 23 июля 1957 г., отмечалось, что «всякое продолжение испытаний бомб вызовет болезни, физическое уродство, смерть… [это] затронет будущее самого человека в той степени, в которой ядерная радиация может влиять на наследственность»[20]. Об опасности заболевания лейкемией и раком костей, особенно в детском возрасте, было сказано в меморандуме Всемирной федерации научных работников в августе 1959 г.[21] В этом же документе отмечалось, что радиация из изотопов целия-137 и углерода-14 может привести к опасным мутациям, которые несут вред будущим поколениям, провоцируя такие заболевания как диабет, гемофилия, врожденный идиотизм и другие[22].

Обеспокоенность по поводу вредных радиоактивных выбросов проявляли не только мировые общественные организации и ученые, но и простые люди. Сохранилось несколько писем, рассмотренных Президиумом ЦК, в которых основной темой была проблема здоровья. Например, американские квакеры, жившие неподалеку от Сан-Франциско, жаловались в апреле 1958 г., что из-за выпадения радиоактивных осадков, заражению подверглись их основные продукты питания (овощи)[23]. Чуть позднее, в сентябре 1958 г., обеспокоенность по поводу распространившихся случаев заболеваний лейкемией и костным раком выразил Комитет борьбы за запрещение атомной бомбы и за ядерное разоружение городов Абердин и Маунтин Эш[24].

В письмах на имя ЦК и Н.С. Хрущева поднимались темы войны и проблемы распространения ядерного оружия. Иногда в них рисовались картины мира, уничтоженного ядерной войной. Пример такого описания имеет место в меморандуме Всемирной федерации научных работников: «Человечество не может больше продолжать балансировать на краю катастрофы, подвергаясь постоянной опасности, что какая-либо ошибка или несчастный случай может немедленно вызвать ядерную войну. Многие сотни миллионов людей погибнут как от непосредственного воздействия ядерного оружия, так и от последующего выпадения ядерных осадков. Те же, кто уцелеет в такой войне, будут влачить жалкое существование в условиях страшной нищеты, голода и болезней. Серьезные генетические последствия, которые явятся результатом воз-

[20] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 101.
[21] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 123.
[22] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Там же. 124.
[23] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 120.
[24] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 118.

действия радиоактивных осадков, тяжело отразятся на будущих поколениях. Некоторые из генетиков сомневаются даже в том, сможет ли человечество вообще уцелеть в результате такой катастрофы»[25].

Стремительное развитие технологий и науки еще в середине XX в. актуализировало развитие исследовательской этики или ответственности ученых, задействованных в формировании тех направлений, которые оказывают глобальное и трудно прогнозируемое влияние на многие поколения вперед[26]. В письмах зарубежных корреспондентов часто поднимался вопрос о создании коллективного договора, ограничивающего испытания и вообще использование атомного оружия. Впервые о необходимости такого соглашения писал Б. Рассел, обращаясь к Д. Эйзенхауэру и Н.С. Хрущеву, предлагая им встретиться и «обсудить условия сосуществования, не пытаясь больше добиваться того или иного более-менее скрытого преимущества для своей собственной стороны, а чтобы… постараться добиться таких соглашений и такой перестройки в мире, которые уменьшили бы будущие поводы для борьбы»[27]. Многие общественные организации также предлагали если не подписание коллективного соглашения, то хотя бы создание безатомных зон. Гораздо реже в письмах встречаются предложения о мирном использовании атомной энергии. Так, японский микробиолог С. Кейсин, обращаясь к Н.А. Булганину и Н.С. Хрущеву, заявлял, что нужно молиться о том, чтобы «атомная цивилизация послужила бы не истреблению человечества на всем земном шаре, а стала бы одной из ступеней к процветанию и его истинному счастью»[28]. В этих же письмах имели место общегуманистические идеи запрета ядерных испытаний и/или оружия. Например, в одном из них, составленном от имени трехсот деятелей английской культуры, заявлялось об опасностях ядерной войны именно в духовной сфере такими словами: «Вопрос заключается не в том, чтобы противопоставлять материальные опасности духовному спасению, ибо существует угроза такого же полного и нравственного уничтожения, каким было физическое уничтожение, имевшее место в Хиросиме»[29].

Ответы коммунистических руководителей на письма иностранных граждан и общественных организаций были, как правило, однотипны. Общей чертой, повторяющейся во всех посланиях, исходивших за подписью Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева, А.А. Громыко, советских дипломатов, руководства ВЦСПС, АН СССР и др., было, с одной стороны, стремление доказать адресатам миролюбивость советской политики,

[25] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 122.
[26] Эти дискуссии развиваются и в настоящее время в рамках международного диалога на площадках ООН, Всемирной организации здравоохранения и других структур.
[27] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 184.
[28] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 16.
[29] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 111.

приверженность ее идеям разрядки, а с другой стороны, обвинить США, Великобританию, а с 1961 г. и Францию, в попытках срыва миротворческого процесса (что, в частности, выражалось в отказе от переговоров; продолжающихся или возобновившихся ядерных испытаниях; вводе на вооружение новых видов боеголовок, развязывании новых вооруженных конфликтов и т.д.). «От них, и только от них теперь зависит решение этого вопроса, глубоко волнующего все народы», - неоднократно повторялось в советских письмах[30].

Несмотря на схожесть обсуждаемых вопросов, можно выделить определенный круг тем, затрагиваемых в письмах советских вождей. Безусловно, главной из них является тема запрета испытания ядерного оружия. Впервые об этом заявил Н.А. Булганин в письме Японскому комитету мира в августе 1956 г. Советский премьер выступал за «безотлагательное полное или хотя бы на известный срок прекращение испытаний атомного и водородного оружия»[31]. В июне 1957 г. Президиум ЦК утвердил текст ответного письма председателю социалистической группы консультативной ассамблеи европейского совета Эдвардсу, о том, что СССР готов «в любое время подписать соглашение о безотлагательном и полном прекращении испытаний на неопределенный срок»[32]. Впрочем, в том же месяце, в письме англиканскому священнику Дж. Уотерсу Н.С. Хрущев предлагал ввести пятилетний мораторий на проведение атомных испытаний, заочно отвечая на предложения администрации Эйзенхауэра ввести запрет на один год: «Хорошо известно, что годичный срок, примерно такой срок, который требуется для подготовки к очередным испытаниям. Заявлять, следовательно, о приостановке испытания на один год после проведения серии интенсивных испытаний — это все равно, что, плотно позавтракав, объявить голодовку до обеда»[33]. Уже в феврале 1959 г. в письме на имя Европейкой федерации против атомного оружия Н.С. Хрущев предлагал уменьшить мораторий до четырех лет[34], а уже в июне того же года председатель Совета Министров СССР в письме ассоциации бывших участников движения Сопротивления во Франции предлагал «прекратить на вечные времена испытания атомного и водородного оружия»[35]. Таким образом, единой позиции по срокам прекращения испытаний в ЦК КПСС не было.

Заметим, что советское руководство в лице Н.С. Хрущева активно пропагандировало идею глобального договора о ядерной безопасности. Впервые такие идеи советский лидер озвучил во втором письме Б. Рас-

[30] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 115.
[31] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 25. Л. 138.
[32] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 26. Л. 2.
[33] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 26.
[34] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 40.
[35] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 84.

селу, которое не только стало своеобразным полемическим ответом госсекретарю США А. Даллесу, но и призывало к диалогу двух государств: «Не пора ли одуматься, закончить словесную дуэль, ликвидировать холодную войну, начатую немиролюбивыми народами, и перейти к конкретным переговорам, чтобы в деловой обстановке шаг за шагом продвигаться по пути решения назревших международных проблем, в том числе, и проблем разоружения. А для этого нет необходимости отказаться либо Советскому Союзу, либо Соединенным Штатам Америки от своей идеологии»[36]. В июле того же года Н.С. Хрущев предложил Жолио-Кюри создать международный Комитет или Комиссию по ликвидации холодной войны[37]. О необходимости переговорного процесса объявлял Н.С. Хрущев в письме Английскому комитету защиты мира в январе 1959 г.: «Если не помышлять о войне, то от переговоров никуда не уйти. В условиях мирного сосуществования, альтернативой которого может быть только всемирная война, переговоры между государствами становятся неизбежными»[38]. Важно также и то, что, призывая к переговорному процессу, Н.С. Хрущев руководствовался Уставом ООН, как правовой нормой, регулирующей международные споры[39].

Общим рефреном во всей корреспонденции с Советской стороны звучали общегуманистические идеи. Отвечая на письмо трехсот деятелей английской культуры об опасностях атомной войны, Н.С. Хрущев писал: «Читая проникнутые нескрываемой тревогой строки вашего письма, лишний раз убеждаешься в том, что люди разных профессий и убеждений не только глубоко осознают нависшую над миром угрозу ядерной войны, но и все более решительно выступают в защиту мира. Не трудно понять, что для людей труда, создающих материальные и духовные ценности, само слово “война”, означающее смерть и разрушение, звучит антитезой всей их сознательной деятельности… Человек живет и создает не для того, чтобы по злой воле ослепленных нетерпимостью и ненавистью политиков или ошибок военных уносить человеческие жизни и разрушать плоды их мысли и труда»[40]. В августе 1960 г., приветствуя участников VI Токийской конференции, Хрущев сообщал, что «правительство Советского Союза ставит превыше всего заботу о благе человека»[41]. Гораздо реже в письмах просматривается идея использования атомной энергии в мирных целях. В ответном письме руководству Бретвудского отделения организации «Движение за ядерное разоружение» в августе 1958 г. Н.С. Хрущев написал, что после запре-

[36] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 86.
[37] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 11. Л. 57.
[38] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 29. Л. 40.
[39] Там же.
[40] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 104.
[41] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 129.

щения испытаний, «освобожденная гением человека атомная энергия стала бы полностью служить делу мира»[42]. Имеются лишь единичные случаи, когда советское руководство обращало внимание на проблемы здоровья, связанные с ядерными испытаниями. Так, в директивных указаниях советской делегации на Международной конференции ученых против атомной опасности в Вене в сентябре 1958 г. было написано, что «повышая радиоактивное заражение атмосферы, почвы и воды, увеличивается число тяжелых заболеваний человеческого организма, особенно в детском возрасте, число уродств в будущих поколениях людей»[43]. О здоровье людей упомянул Хрущев в письме священнику Дж. Коллинзу такими словами: «Настало время навсегда покончить с таким положением, когда из-за продолжающихся по сей день испытаний ядерного оружия здоровье и жизнь людей в мирное время подвергаются постоянной и все возрастающей опасности».

Примечательно, что переписка Советского руководства шла только с иностранными гражданами, советские люди в этом не участвовали. Руководитель Твикенхэмского Совета по запрещению ядерного оружия даже спрашивал у Хрущева: «Имеют ли народы Советского Союза такую же возможность протестовать против гонки ядерных вооружений, и, в частности, высказывается ли вашим народом требование об одностороннем прекращении Советским Союзом ядерных испытаний»[44].

Сохранилось лишь небольшое количество писем, непосредственно рассмотренных членами Президиума ЦК КПСС. Одно из них – коллективное письмо жителей г. Бежецка, которые предлагали передать все атомное оружие Советского Союза Америке, «чтобы она им подавилась». «Народы всего мира не видят покоя вот уже 21 год. Постоянное нервное напряжение отражается на здоровье всего населения, в том числе и на цветах нашей жизни – детях. Сколько времени капиталисты и социалисты будут соревноваться в совершенствовании атомного оружия, угрожающего всему миру? Такое соревнование, особенно с подзадориванием, не может кончиться благополучно. Поэтому народ требует от вас положить, наконец, конец игре с огнем и смертью», - считали жители г. Бежецка[45]. Другое коллективное письмо представляет собой обращение учителей Алтайского края, впервые поднявших проблему влияния ядерных испытаний на здоровье людей, в котором упоминалось о смерти жительницы Алтая от контакта с ядерными отходами[46]. Но в целом такая ядерная пропаганда была рассчитана на внешнего читателя, являясь важной частью мирового диалога о глобальной безопасности,

[42] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 74.
[43] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 28. Л. 113.
[44] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 27. Л. 46.
[45] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 5.
[46] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 45.

что никоим образом не было связано с ведением аналогичного диалога внутри страны и/или активизацией гражданского участия в нем.

Москва наряду с пропагандой своей позиции по ядерной проблематике, предпринимала и определенные шаги. 10 мая Верховный Совет СССР обратился к Конгрессу США и Парламенту Англии с предложением о подписании соглашения о запрете ядерных испытаний. 31 марта 1958 г. советское руководство пошло на беспрецедентный шаг – Верховный Совет СССР принял постановление об одностороннем прекращении СССР испытаний атомного и водородного оружия. И хотя такое решение было принято после проведенной Советским Союзом серии мощных испытаний на территории Сибири и Казахстана, оно оказало довольно сильный эффект на мировую общественность. В связи с этим в августе 1958 г. США даже предложили созвать конференцию трех держав по вопросу о запрещении испытаний ядерного оружия на один год. Однако уже с 1960 г. интонации советского руководства постепенно меняются. После инцидента с пилотом Ф. Пауэрсом и срыва саммита четырех в Париже в мае 1960 г.[47] вновь в советских письмах появляются милитаристские нотки. Отвечая священнику Коллинзу о срыве миротворческого диалога, Хрущев заявил: «Агрессивное вторжение американских самолетов в воздушное пространство СССР в канун созыва совещания в верхах и наглое провозглашение подобных полетов государственной политикой США были сознательной провокацией, рассчитанной на создание таких условий, при которых совещание в верхах было бы невозможно»[48]. Сорвались и Женевские переговоры, которые велись уже несколько лет. Причиной этого стали разногласия по деятельности контрольных комиссий, ответственных за распространение ядерного оружия. Англия и США добивались того, чтобы члены контрольных комиссий могли беспрепятственно разъезжать по территории СССР, тогда как Москва увидела в этом требование легализации разведки. С 1961 г. символы милитаризма в языке советских руководителей усиливаются. Так, отвечая Л. Поллингу, Н.С. Хрущев заметил, что человечество «близко к грани новой военной катастрофы»[49], а срыв мирных переговоров объявил «выкатыванием пушек на позиции»[50]. 31 августа 1961 г. Верховный Совет СССР принял указ о возобновлении ядерных испытаний. В его тексте объяснялось, что это связано с реакцией на соответствующие шаги западных держав: «Чтобы отбить у агрессора охоту к преступной игре с огнем, нужно, чтобы он знал и видел, что в мире

[47] Липкин 2016. С. 318-319.
[48] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 30. Л. 81. Впрочем, это еще довольно сдержанная и весьма отретушированная реакция советского руководителя. Об откровенных фразах Н.С Хрущева в советском посольстве в Париже, см.: Таубман 2008. С. 506.
[49] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. Л. 121.
[50] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. Л. 122.

есть сила, готовая во всеоружии отразить любое поползновение на независимость и безопасность миролюбивых государств и что оружие возмездия настигнет агрессора в его собственном логове»[51]. С конца 1961 г. на смену антиядерной риторикие приходит идея всеобщего мирового разоружения. Этому направлению был посвящен проходивший в июне 1962 г. в Москве Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Однако на фоне втягивания двух держав в Карибский кризис, советское руководство начало выражать некоторую обеспокоенность, подавая дипломатические сигналы. Так, в письме председателю компартии Японии С. Носаку в июле 1962 г. Хрущев заявлял, что советское правительство готово договориться «о прекращении испытания ядерного оружия и отдельно, не ожидая, пока будет достигнуто соглашение о всеобщем и полном разоружении»[52]. Однако уже с августа 1962 г. диалог прерывается, а мир скатывается в пучину Кубинского ракетного кризиса.

После смерти И.В. Сталина и XX съезда КПСС советское руководство осознало бесперспективность вооруженного противостояния с капиталистическим миром и объявило о необходимости формирования международного диалога, в т.ч. по вопросам глобальной этики и ядерной безопасности. Смена дискурса советского руководства во многом объяснялась изменившейся международной повесткой. Мировая общественность к середине 1950-х гг. благодаря распространению информации осознала негативные последствия испытаний ядерного оружия как для здоровья человека, так и для окружающей среды.

Можно сделать вывод, что переписка между советским руководством и мировой общественностью стала одним из важнейших инструментов формирования диалога о глобальной биобезопасности. В период «дипломатии писем» мы наблюдаем расцвет самых разных идей и проектов, затрагивающих проблемы денуклеаризации и этики международного договора. Ее анализ показывает, что если для мировой общественности (от Б. Рассела до простых американских квакеров) в центре внимания были проблемы человека, то для советского руководства личность оказалась на периферии; главное внимание оно уделяло всемирному разоружению, запрету ядерного оружия.

Открытым остается вопрос о том, насколько советское руководство было искренним в своих посланиях миру о мире. Пропагандируя всеобщее разоружение и полное уничтожение ядерных запасов, Москва одновременно наращивала свой ядерный потенциал и испытывала новые виды оружия массового уничтожения. Но, следует признать, что период «дипломатии писем» стал важным шагом на пути к выработке глобального диалога о мировой ядерной биобезопасности. Такой меж-

[51] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 31. 104.
[52] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 33. Л. 30.

дународный диалог позволил перейти к новому этапу, завершившемуся, с одной стороны, официальным подписанием договоров в рамках ОСВ и СНП, а, с другой, появлением новых международных организаций[53], объединивших мировую общественность в поиске подходов к решению вопросов, связанных с глобальной биобезопасностью в 1980-е годы[54].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Велембовская Ю.А. Бертран Рассел. Ученый в борьбе против атомной угрозы // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 81-109 [Velembovskaya Yu.A. Bertran Rassel. Uchenyy v bor'be protiv atomnoy ugrozy // Novaya i noveyshaya istoriya. 1999. № 6. S. 81-109]

Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955–1965 годы. М.: Аквилон, 2016 320 с. [Egorova N.I. «Narodnaya diplomatiya» yadernogo veka: Dvizhenie storonnikov mira i problema razoruzheniya, 1955–1965 gody. M.: Akvilon, 2016 320 s.]

Егорова Н.И. Вклад Движения сторонников мира в антиядерные кампании середины 1950-х — начала 1960-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Выпуск 2 (35) URL: https://history.jes.su/s207987840000987-4-1/. DOI: 10.18254/S0000987-4-1 [Egorova N.I. Vklad Dvizheniya storonnikov mira v antiyadernye kampanii serediny 1950– nachala 1960-kh gg. // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2015. T. 6. Vypusk 2 (35) URL: https://history.jes.su/s207987840000987-4-1/. DOI: 10.18254/S0000987-4-1]

Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950 – 1960-е годы // Новая и Новейшая история. 2015. № 6. С. 70–85 [Egorova N.I. Vliyanie dvizheniya storonnikov mira na politiku yadernogo razoruzheniya. 1950–1960-e gody // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2015. № 6. S. 70 – 85]

Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М., 2016. 560 с. [Lipkin M.A. Sovetskiy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov. M., 2016. 560 s.]

Мир и разоружение. Научные исследования/гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1982. 519 с. [Mir i razoruzhenie. Nauchnye issledovaniya/gl. red. N. N. Inozemtsev. M., 1982. 519 s.]

Новик Ф.И. "Оттепель" и инерция холодной войны (германская политика СССР в 1953-1955 гг.). М., 2001. 276 с. [Novik F.I. "Ottepel'" i inertsiya kholodnoy voyny (germanskaya politika SSSR v 1953-1955 gg.). M., 2001. 276 s.]

Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения «холодной войны». 1953-1955 годы//Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 35-75 [Roberts Dzh. Shans dlya mira? Sovetskaya kampaniya v pol'zu zaversheniya «kholodnoy voyny». 1953-1955 gody//Novaya i noveyshaya istoriya. 2008. № 6. S. 35-75]

[53] В числе таковых «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» и др.

[54] Как очевидно, современные государства и сейчас ищут общие подходы… и здесь на месте ядерного оружия возникают такие многокомпонентные вызовы как, например, идея о том, что отдельные технологии, разрешенные в сельском хозяйстве, промышленности и медицине могут быть использованы для создания новых видов биологического оружия (производство которого с каждым годом может становиться дешевле). Предлагают они и новые инициативы, в числе которых, например, инициатива «Один мир, одно здоровье», предложенная Всемирной организацией здравоохранения (когда речь идет об угрозе растущей урбанизации, возникновении новых болезней, распространении эпидемий в новых неожиданных локациях). Все это нуждается как в поиске путей и выработке этики мирового диалога, так и в изучении и привлечении опыта прошлого, учета его ошибок и просчетов в реализации социальных и культурных проектов в области конструирования этики глобальной безопасности сегодня.

Тарле Г.Я. Движение сторонников мира в СССР. М., 1988. 235 с. [Tarle G.Ya. Dvizhenie storonnikov mira v SSSR. M., 1988. 235 s.]
Таубмам У. Хрущев. М., 2008. 850 с. [Taubmam U. Khrushchev. M., 2008. 850 s.]
Хайцман В.М. Советский Союз. Разоружение. Мир. События и факты, 1917-1962. М., 1962. 158 с. [Khaytsman V.M. Sovetskiy Soyuz. Razoruzhenie. Mir. Sobytiya i fakty, 1917–1962. M., 1962. 158 s.]
Харахардин О.С. Сорок лет против третьей мировой… Общественность и проблемы войны и мира (прежде и теперь). М., 2002. 274 с. [Kharakhardin O.S. Sorok let protiv tret'ey mirovoy… Obshchestvennost' i problemy voyny i mira (prezhde i teper'). M., 2002. 274 s.]
Berns K. I. Review of Grand Challenges for Biosafety and Biosecurity, by Segaran P. Pillai. Edited by Stephen Allen Morse. Frontiers in Bioengineering and Biotechnology, vol. 2, (2014). https://doi.org/10.3389/fbioe.2014.00035.
Gostin L. O. "Public Health Emergency Preparedness: Globalizing Risk, Localizing Threats." JAMA 320, no. 17, 2018, p. 1743–1744.
Gursky E., Inglesby T. V., O'Toole T. Anthrax 2001: observations on the medical and public health response. Biosecurity and Bioterrorism. Vol. 1, 2003, p. 97–110.
Kramer M. The Early Post-Stalin Succession Straggle and Upheavals in East-Central Europe, p. 1. - Journal of Cold War Studies, v. 1, 1999, № 1, p. 12-30.
Larson D.W. Anatomy of Mistrust: US-Soviet Relations during the Cold War. Ithaca, 1997.
Nordmann B. D. Issues in Biosecurity and Biosafety. International Journal of Antimicrobial Agents, Global Trends of Emerging Zoonotic Diseases, 36, 2010, p. 66–69.
"WHO | Biosafety and Laboratory Biosecurity." World Health Organization. Электронный ресурс: http://www.who.int/ihr/biosafety/background/en/

***Шок Наталия Петровна**, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ) Минздрава России; shok.nataliya@gmail.com*

***Никита Юрьевич Пивоваров**, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук, Первый МГМУ им. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), научный сотрудник, ПИМУ Минздрава России; pivovarov.hist@gmail.com*

"For World Peace": humanism and ethics of global safety in the ideological policy of the Soviet leadership(1956-1962)

The article is devoted to peacemaking policy of the Soviet leadership during 1956-1962, the period when the USSR gradually moved from an open confrontation to a peaceful competition. The main attention is paid to the analysis of the ideas of the Soviet leadership in the field of global biosafety and bioethics. The main sources are the materials of the highest party organs - the Central Committee of the CPSU(b) / CPSU, including documents on the preparation and participation of representatives of the USSR in various peacekeeping organizations, the correspondence of Soviet leaders with representatives of world public organizations, outstanding scientists, and ordinary people from other countries demonstrating the reaction of the Soviet leadership to militaristic and anti-human measures.

Keywords: Soviet history, history of bioethics, humanism, Central Committee of the CPSU (b) / CPSU

***Nataliya Shok,** Dr. Sc. (History), Professor, Department of Social Sciences and the Humanities, PRMU MOH RF (Nizhny Novgorod), shok.nataliya@gmail.com*

***Nikita Pivovarov,** PhD in History, associate professor, Sechenov University; researcher, Department of Social Sciences and the Humanities, PRMU MOH RF (Nizhny Novgorod); pivovarov.hist@gmail.com*

М. Ц. Арзаканян

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ. ПОКОЛЕНИЯ И ТРАДИЦИИ
Размышления по поводу книги Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик»

Статья представляет размышления автора над книгой Л.А. Сидоровой, посвященной советским историкам трех поколений. В монографии прослежено влияние на их жизнь и творчество религии, художественной литературы, искусства, музыки.

***Ключевые слова*:** *история, советские историки, научные школы, религия, художественная литература, театр, музыка*

Известный российский историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Любовь Алексеевна Сидорова считает себя исследователем-историографом. Конечно, я согласна с этим. Ведь ее перу принадлежат книги «Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия» и «Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков». Однако монография автора «Советские историки: духовный и научный облик», увидевшая свет в самом конце 2017 г., свидетельствует о том, что Л.А. Сидорова уже вышла за рамки строго историографической тематики. Ее новый труд, безусловно, новаторский, скорее можно отнести к направлению интеллектуальной истории. В нем автор обрисовывает духовный облик советских историков трех поколений – представителей «старой школы», первого марксистского поколения («красной профессуры») и послевоенного поколения. Автор пишет о том, как и каким образом, влияли на работу историков религия и вера, идеология, художественная литература, драматический театр, живопись, музыка, какими методами работали историки, какие научные споры вели.

Описанный Л.А. Сидоровой «собирательный образ» я бы все-таки назвала не коллективным, а личностным, потому что перед читателем возникает «галерея портретов» отдельных людей. Автор рассказывает об историках, которые опубликовали воспоминания, вели дневники или переписку, словом, сформировали источниковую базу, с которой она работала. Назовем хотя бы Михаила Михайловича Богословского, Бориса Дмитриевича Грекова, Николая Михайловича Дружинина, Исаака Израилевича Минца, Милицу Васильевну Нечкину, Анну Михайловну Панкратову, Сергея Александровича Пионтковского, Юрия Александровича Полякова, Евгения Викторовича Тарле. Читатель-историк найдет в книге и много известных ему имен, и совсем незнакомых.

В предисловии автор справедливо отмечает, что три поколения ученых, о которых пойдет речь, «обладали существенными различиями в восприятии, как принципов научной деятельности, так и современной им действительности» (с. 7). Но когда я, сама историк в третьем поколении, читала работу, то словно ощущала, как какие-то неведомые нити связывают меня (да и некоторых моих коллег) с прошлым, и думала, как хорошо, что историки «старой школы» заложили интеллектуальные и духовные основы, которые живы по сей день. Хочется сказать тем, кто жил и творил сто лет назад и после войны, что и мы в начале этого сумасшедшего XXI столетия в чем-то такие же как они, и продолжаем, заложенные ими традиции. Л.А. Сидорова собрала и осмыслила огромный материал. Осветить все затронутые ею темы в одной рецензии невозможно. Остановлюсь на особо заинтересовавших меня сюжетах.

Вначале – о проблеме отношения советских историков к религии и церкви. Автор открывает раздел об этом словами: «Важной составляющей… образа российских историков XX в. являются духовно-нравственные принципы, которыми они руководствовались в своей профессиональной и частной жизни», и далее справедливо отмечает: «Эта сфера по самой своей природе является более закрытой, по сравнению, скажем, со сферой общественно-политической, а потому и остается малоизученной» (с. 11). Действительно, мало кто отваживался в советскую эпоху писать о своих религиозных убеждениях. Тем не менее, некоторое представление об отношении советских историков к религии, читая книгу, получить можно. Были среди них истинно верующие люди. К ним относились в первую очередь историки «старой школы», которых к вере приобщали с детства в семье. Некоторые ученые происходили из духовного сословия (с. 15). Они, как правило, ходили в церковь хотя бы время от времени, как например академик Б.Д. Греков. Воцерковленным был другой известный историк – М.М. Богословский. Автор книги пишет, что страницы его дневника «полны рассказов о регулярном посещении им церковных служб, о его раздумьях над судьбами Русской Православной Церкви и о ее роли в России, об отношении к православному вероучению. Воскресные дни для него обычно начинались с посещения службы в храме. Для него это было столь насущно, что, если какие-либо обстоятельства препятствовали посещению им храма, он все же находил возможность хотя бы ненадолго зайти туда» (с. 23). Такие, как он, «болезненно переживали давление в духовной сфере» (с.48).

Представители «красной профессуры» в большинстве своем были атеистами (с. 11). Они, читаем в книге, «были солидарны с проводившейся антирелигиозной пропагандой и сами принимали в ней участие» (с. 48). Нередко в советской России осуждалась даже принадлежность до Октябрьской революции к духовному сословию. В подтверждение напишу несколько слов о своем деде по материнской линии Архипе

Алексеевиче Красновском. Он родился в 1885 г. на Украине в селе Тимоновичи, был сыном сельского пономаря, потерял отца в два года. Его как сироту определили на учебу в Черниговскую духовную семинарию. Дед в юном возрасте принимал участие в революционных событиях 1905–1907 гг., за что его сажали в тюрьму, исключили из семинарии, но потом все-таки дали возможность ее закончить. После этого А.А. Красновский закончил историко-филологический факультет Казанского университета (ни Санкт-Петербургский, ни Московский университеты не приняли у него документы). Дед стал известным историком педагогики, «красным профессором», преподавал в Казанском университете, в конце 1920-х гг. переехал в Москву. Несмотря на духовное образование, он по своим убеждениям был атеистом, никогда не ходил в церковь, однако к своим учителям относился с пиететом и еще до Октябрьской революции написал для «Епархиальных ведомостей» некрологи на их кончины. Так вот в разгар антирелигиозной эйфории в 1931 г. эти некрологи отыскали и в статье «Долой маски с перекрасившихся», помещенной в газете «За пролетарские кадры» (9 апреля 1931 г.) А.А. Красновского назвали «попом без рясы» и уволили с должности профессора и заведующего Высших педагогических курсов при физико-математическом факультете МГУ. Таких историй было немало. Автор книги замечает, что даже историки, в недавнем прошлом проявлявшие «интерес к вопросам религии и веры», теперь совершенно спокойно смотрели на бурную антирелигиозную деятельность советского правительства: «Так, 5 декабря 1931 г., в день разрушения храма Христа Спасителя М.В. Нечкина оставила следующую запись в своем дневнике: «Начали взрывать храм – замечательно» (с. 48).

«Выстоять» в период гонений на церковь и дожить до наших дней смогли религиозные (православные) праздники и обрядность. В монографии приводится тому немало доказательств. Историки в своих дневниках и мемуарах часто упоминают Рождество, Крещение, Благовещение, Вербное воскресенье, Пасху, Троицу. Некоторые ученые справляли свой День Ангела (именины), а 25 января в Татьянин день посещали до ее закрытия Университетскую церковь, посвященную Святой Татьяне. На Пасху во многих семьях в «чистый четверг» пекли куличи и красили яйца. Даже в годы «застоя» в магазине можно было всегда в пасхальные дни купить кулич, который, правда, назывался «кекс весенний».

На жизнь и творчество известных советских историков большое влияние оказывала художественная литература. Как отмечает автор, «художественная литература являлась важным фактором формирования мировоззрения историков, и знание круга их чтения делает понятными многие стороны их отношения к жизни, гражданские и нравственные принципы» (с. 91). «Литературные произведения в стихах и прозе, отечественные и зарубежные, классические и современные, занимали одно

из центральных мест в интеллектуальной жизни советских историков. Это было связано с тем огромным влиянием и авторитетом, которыми художественная литература традиционно обладала в российском обществе на протяжении XIX и XX вв.» (с. 57). Позволю себе добавить, что большое влияние художественная литература оказывала на формирование ученых и других специальностей, хотя, пожалуй, лишь лучших, ярких, талантливых представителей отечественной науки.

Л.А. Сидорова повествует о том, что старшее поколение советских историков прекрасно знало и русскую и зарубежную классику – прозу и поэзию. Е.В. Тарле высоко ценил романы Л.Н. Толстого, М.В. Нечкина внимательно изучала произведения Ф.М. Достоевского, очень любила поэзию, сама сочиняла стихи, И.И. Минц всегда очень много читал, часто критически отзывался о тех или иных мыслях писателей, например И.А. Бунина, буквально анализировал романы Д.А Гранина. Да, историки читали и современных советских писателей, следили за книжными новинками, подписывались на «толстые журналы». Словом, художественная литература занимала значительное место в жизни многих из них. «В глубоко лирических произведениях, – читаем в рецензируемой монографии, – в стихах или прозе, классических или же современных, историки как и все прочие читатели, отыскивали параллели со своими внутренними переживаниями, находили совпадения литературных и собственных жизненных коллизий» (с. 88). Некоторые ученые и писатели были лично знакомы, и общение приводило к взаимовлиянию. А вот Н.М. Коржавин не общался с академиком А.М. Панкратовой. Однако ее жизненный путь так впечатлил писателя, что она послужила прототипом главной героини его поэмы «Танька», выпущенной в 1957 г. (с.103-114). В период «оттепели» публицистика и художественная литература вообще приобрели, выражаясь словами Л.А. Сидоровой, «особый статус». «Лирика Б.Ш. Окуджавы, А.А. Вознесенского, Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского и других поэтов поколения шестидесятников стала одним из символов той эпохи» (с. 103). В Москве и Ленинграде, а зачастую и в провинции, организовывались встречи с известными писателями и поэтами, которые собирали полные залы. Интересно, что и в эпоху «застоя» они продолжались. Писателей даже приглашали в академические институты. Помню, как в самом начале моей работы в Институте этнографии АН СССР в самом конце 1970-х гг. в институт был приглашен очень популярный в ту пору Ю.В. Трифонов. Большой зал на четвертом этаже известного академического здания на улице Дмитрия Ульянова 19, был забит битком. Историки внимательно слушали писателя и передавали ему записочки с вопросами.

В книге Л.А. Сидоровой верно подмечено, что в советское время каждый уважающий себя историк имел личную библиотеку. «Дневники, письма, воспоминания российских историков полны свидетельств того,

что их создатели – истинные библиофилы» (с. 185). Молодые историки, увидев впечатляющие собрания научных и художественных книг своих учителей, и сами хотели следовать такому примеру. Мне, да и другим моим сверстникам, особое удовольствие доставляло фланирование по букинистическим магазинам, которых в Москве в самом центре города было не менее 20-ти. Как же приятно было зайти в «Книжную лавку» у памятника Ивану Первопечатнику, «Пушкинскую лавку» в проезде Художественного театра (ныне Камергерский переулок), знаменитый «Букинист» в Столешникове, куда в свое время захаживали Булгаков и Пастернак, и встретить там старших коллег. А мы, тогда молодые, всегда относились к ним с пиететом. Увы, нет больше этих книжных! Слишком дорога аренда помещения в центре города. «Историческая Москва» теперь уже не для таких магазинов.

Остановлюсь теперь на стиле текстов историков. Как подчеркивает Л.А. Сидорова, «для ряда историков профессионализм в науке был неотделим от художественного творчества. Научность изложения, по их мнению, не могла служить оправданием для нанесения ущерба русскому языку, его обеднения и засорения неоправданно заимствованными терминами» (с. 51). Я бы добавила, что такому правилу следовали лишь избранные. Большинство же исследователей не обращало внимания на свой стиль. Недаром еще в 1962 г. М.Н. Тихомиров, «поборник исследований, написанных живым, богатым языком, критически оценил художественные достоинства книг по истории. «Многие исторические труды нашего времени, – замечал академик, – пишутся и небрежно и невероятно скучно» (с.55). А что уж сказать о нашем времени?! Однако во все времена существовали историки – подлинные стилисты. «Литературный слог М.В. Нечкиной, А.З. Манфреда, Е.В. Тарле, других исследователей – мастеров слова получил высокую оценку в научном сообществе советских историков, был примером для подражания и следования» (с. 55). Они создали настоящие научно-художественные труды.

И еще один важный момент, затронутый в рецензируемой книге – о глубоком удовлетворении творческой работой. Автор освещает его на примере М.В. Нечкиной, которая писала в своем дневнике об «обретении радости от исследовательской деятельности… о счастье напряженного, светлого научного творчества… о счастье мысли» (с. 87). Ничего не изменилось и сейчас. Конечно, в наше время историку часто приходится выполнять труд ремесленника (Скорей, скорей. Даешь на-гора Веб оф Сайнс, Скопус и пр.). И все же остается еще иногда время, когда можно спокойно заняться поиском материала в архиве, обдумать тему, которая тебе интересна. А потом неспешно создать стройный текст и испытать хоть в течение часа ни с чем несравнимое счастье творчества.

Для многих советских историков всех трех поколений очень важным было приобщение к миру искусств. «Духовный мир советских ис-

ториков, – читаем в книге, – вобрал в себя впечатления, которые дарили драматические и оперные спектакли, балет, музыка, классическая и современная живопись. Общение с этими видами искусств, как свидетельствуют источники, по времени уступало чтению художественной литературы, наполнявшей, без преувеличения, едва ли не каждый день многих историков. Но по силе эмоционального воздействия, по роли в духовном и интеллектуальном обогащении они были на равных» (с. 114). Историков всегда интересовала живопись. «Они посещали музеи, знаменитые своими художественными собраниями: Эрмитаж, Русский музей, Третьяковку, Музей изящных искусств, а также выставки современных им художников» (с. 126). Среди ученых всех поколений всегда были поклонники симфонической музыки. «О чрезвычайно сильном впечатлении, которое произвела на него симфония № 2 С.В. Рахманинова, писал Н.М. Дружинин 15 июля 1910 г. …Историк охарактеризовал ее как “симфонию русской тоски и горя”» (с. 124). «А.В. Предтеченский гордился тем, что ему довелось присутствовать на последнем в жизни А.Н. Скрябина концерте. Концерт проходил в малом зале Петроградской консерватории 2 апреля 1915 г.» (с. 124). Впрочем, некоторые историки предпочитали камерные концерты. Они часто проводились в Доме ученых на Кропоткинской улице (ныне ей вернули старое название Пречистинка). Музыканты исполняли небольшие произведения, певцы пели, как правило, романсы. М.В. Нечкина вспоминала, что ей «выпала удача слушать Н.А. Обухову, В.В. Барсову» (с. 115). Любили бывать в Доме ученых жившие неподалеку мои дедушка (профессор А.А. Красновский) и бабушка (химик по специальности).

Н.М. Дружинин был поклонником Веры Комиссаржевской (с. 118), А.М. Панкратова – Алисы Коонен (с. 119). Пользовались успехом и музыкальные спектакли. «На самых дешевых и неудобных местах будущие историки слушали в блестящем исполнении лучшие произведения оперного искусства – “Князя Игоря”, “Евгения Онегина” и “Пиковую даму”, смотрели балеты “Лебединое озеро”, “Пламя Парижа”» (с. 116). С удовольствием замечу, что традиция «единения» историков с искусством продолжается. В Москве в последние годы проходит много интересных выставок живописи, по музейному обмену привозят картины и предметы прикладного искусства из-за рубежа. Редко при посещении подобной выставки я не встречаю кого-нибудь из коллег. Музыкальный театр тоже по-прежнему не обойден историками вниманием. Так на оперных спектаклях я вижу известного византиниста Михаила Вадимовича Бибикова, а видный специалист по истории международных отношений Михаил Матвеевич Наринский предпочитает балеты.

И еще один раздел книги, на который хочу обратить внимание читателей – о научных исторических школах. «Понятие “научной школы”, – пишет Л.А. Сидорова, – прочно вошло в терминологический обиход

историков. Большинство современных исследователей понимает его как объединение ученых в процессе научной деятельности, чаще неформальное, которое обладает целым набором характерных черт. Научная школа имеет отличительные особенности в методах и подходах к изучению истории, собственное "проблемное поле" и хронологические рамки, круг источников и методики работы с ними, определяет свое место в историографической традиции, указывая на предшественников и возможных последователей» (с. 169). Далее автор монографии перечисляет таких именитых основателей «школ», главным образом занимающихся теми или иными аспектами российской истории, как М.Н. Тихомиров, М.В. Нечкина, И.И. Минц, В.И. Бовыкин, П.В. Волобуев, В.П. Данилов, И.Д. Ковальченко, В.Т. Пашуто. Добавлю к ним имена известных советских историков, предметом исследований которых стала зарубежная тематика. Выделю, например, знаменитого французоведа Е.В. Тарле, известного историка античности С.Л. Утченко, видного специалиста в области международных отношений В.М. Хвостова, англоведа М.А. Барга. Замечательно, на мой взгляд, то, что традиция существования советских научных исторических «школ» в отдельных случаях не прерывалась и после ухода из жизни их основателей, а некоторые «школы» существуют и поныне. Благодарные ученики чтят память своих учителей и продолжают исследования в их русле. Дело В.Т. Пашуто продолжили сначала Анатолий Петрович Новосельцев, а затем Елена Александровна Мельникова. Традициям отечественного французоведения не дала угаснуть целая плеяда талантивых ученых, в которую вплетены имена Альберта Захаровича Манфреда, Виктора Моисеевича Далина, Анатолия Васильевича Адо, моего учителя Владислава Павловича Смирнова. Школу по изучению истории международных отношений, основанную В.М. Хвостовым, сегодня блестяще продолжает его ученик Александр Оганович Чубарьян. Отрадно, что при сегодняшних непростых временах для развития науки в целом, поиск путей познания продолжается, и сегодня есть исследователи-историки, которых без преувеличения можно назвать основателями новых научных школ. В Институте всеобщей истории РАН, где я работаю, это – Лорина Петровна Репина, возглавляющая новое направление интеллектуальной истории, и Вера Павловна Буданова, разрабатывающая многогранную тему взаимодействия цивилизаций и варварства.

В заключение хочу еще раз сказать, что в работе Л.А. Сидоровой представлена широкая панорама жизни советских историков трех поколений, освещен целый ряд обстоятельств, с которыми ученые сталкивались в их частной и научной сферах. Прочитав книгу, я поняла, что ее тема поистине неисчерпаема. Буквально каждый раздел монографии мог бы стать предметом для отдельного исследования. Желаю автору новых творческих свершений.

БИБЛИОГРАФИЯ

Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2008. 508 с.

Богословский М.М. Дневники, 1913–1919. М.: Время, 2011. 797 с.

Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. 588 с.

Дневник историка С.А.Пионтковского (1927-1934). Казань: КГУ, 2009. 515 с.

Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2004. №№ 10-12; 2005. №№ 1-2, 5.

Дневник Николая Михайловича Дружинина // Вопросы истории. 1995. №№ 9-10; 1996. №№ 3, 4, 7, 9-10; 1997. № 4.

Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. 454 с.

Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке: советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Наука, 1997. 288 с.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 294 с.

Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН, 2017. 248 с.

REFERENCES

Akademik P.V. Volobuev. Neopublikovannye raboty. Vospominaniya. Stat'i. M.: Nauka, 2008. 508 s.

Bogoslovskij M.M. Dnevniki, 1913–1919. M.: Vremya, 2011. 797 s.

Got'e YU.V. Moi zametki. M.: Terra, 1997. 588 s.

Dnevnik istorika S.A.Piontkovskogo (1927-1934). Kazan': KGU, 2009. 515 s.

Dnevniki akademika M.V. Nechkinoj // Voprosy istorii. 2004. №№ 10-12; 2005. №№ 1-2, 5.

Dnevnik Nikolaya Mihajlovicha Druzhinina // Voprosy istorii. 1995. №№ 9-10; 1996. №№ 3, 4, 7, 9-10; 1997. № 4.

Polyakov YU.A. Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy. M.: ROSSPEN, 1999. 454 s.

Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoj nauke: sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya. M.: Nauka, 1997. 288 s.

Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny HKH veka: sintez trekh pokolenij istorikov. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2008. 294 s.

Sidorova L.A. Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2017. 248 s.

***Арзаканян Марина Цолаковна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru*

Soviet historians. Generations and traditions

The article presents the last monograph by L.A. Sidorova, which is devoted to three generations of Soviet historians. The book traces the influence of religion, fiction, art and music on their life and scientific work.

Keywords: history, soviet historians, scientific schools, religion, fiction, theatre, music

***Marina Arzakanyan,** Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; arzakanian@mail.ru*

Т. Н. Гелла

РЕГИОН РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Рец. на кн.: Непомнящий А.А. Академик С.Ф. Платонов и крымоведение (Белгород: Константа, 2018. 216 с.

***Ключевые слова*:** *крымоведение, С.Ф. Платонов, А.И. Маркевич, археология, археологические съезды, межличностные коммуникации, Экси-Кермен*

История Крыма издавна привлекала внимания отечественных ученых. Историки, археологи, этнографы, филологи, музейные и архивные работники в свое время внесли свой вклад в становление и развитие крымоведения, как в дореволюционное, так и в советское, и постсоветское время. Одним из ярких представителей когорты исследователей крымоведческого направления в настоящее время является Андрей Анатольевич Непомнящий. В 2018 г. в серии «Биобиблиография крымоведения» вышла в свет его монография «Академик С.Ф. Платонов и крымоведение»[1], посвященная взаимоотношениям академика Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) с представителями корпорации ученых Крыма до революции 1917 г. и в первые пятнадцать лет советской власти. Цель исследования автор обозначил следующим образом: «…определить основные направления и содержание научных коммуникаций ученого непосредственно с крымскими коллегами и степень влияния этих контактов на развитие исторического краеведения этой эпохи (конец XIX – первые два десятилетия XX в. – *Т.Г.*)»[2]. Однако А.А. Непомнящий сам отмечает, что на его решение обратиться к освещению деятельности С.Ф. Платонова повлияли подготовка и издание в 2015 г. свода публикаций и рукописей по истории и этнографии народов Крыма 20-30-х годов XX века[3], в котором прослеживается «отпечаток платоновского влияния на научные процессы в изучении региона»[4].

Монография написана на большом документальном материале из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Севастополя, Симферополя. Привлечение уже опубликованных, но главное – неизвестных или малоизвестных источников личного происхождения первых двух десятилетий XX в. позволило ее автору воссоздать научную жизнь и быт крымских ученых в сложный исторический период. Широко использованные

[1] Непомнящий 2018.
[2] Непомнящий 2018. С. 7.
[3] Непомнящий 2015.
[4] Непомнящий 2018. С. 9.

и детально проанализированные А.А. Непомнящим эпистолярные и мемуарные материалы, принадлежащие членам крымского интеллектуального сообщества, стали той основой, которая способствовала воссозданию картины взаимоотношений советских академических структур и их представителей с крымскими учеными. Помимо архивных материалов автором монографии были изучены и привлечены в работе публикации советских и современных российских и украинских исследователей, посвященных деятельности крымских и центральных научных и общественных организаций в деле развития крымоведения.

Структура монографии логична, хронологически и проблемно выстроена. В центре внимания – личность и деятельность академика Платонова и его отношения с представителями региональной крымской исторической школы. Знакомству и дальнейшему сотрудничеству Платонова с профессором Таврического университета, исследователем Крыма А.И. Маркевичем посвящена первая глава монографии. Их знакомство в Вильно в 1893 г. на IX Всероссийском археологическом съезде со временем переросло в «крепкую научную и человеческую дружбу», о чем, как пишет А.А. Непомнящий, свидетельствует их обширная переписка. На протяжении всего повествования в работе приводятся выдержки из эпистолярного наследия этих двух ученых.

Немаловажным моментом, на наш взгляд, является использование автором работы информации, содержащейся в переписке крымского и столичного крымоведов, для характеристики той политической ситуации, которая сложилась в научном сообществе Крыма в первые годы советской власти. Так, А.А. Непомнящий отмечает определенный пессимизм в письмах А.И. Маркевича, вызванный закрытием Таврического университета и красным террором. Показательно, что первые годы становления Советской власти и в центре, и в Крыму автор описывает сквозь призму жизненных перипетий этих двух историков.

С 1922 г. С.В. Платонов – руководитель Постоянной исторической комиссии Академии наук, в начале 1925 г. стал директором Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР), а в августе того же года был избран директором библиотеки АН СССР. Также он являлся председателем Археологической комиссии Академии наук.

Судьба А.И. Маркевича складывалась несколько иначе. Он возглавлял ТУАК, которая в мае 1923 г. была преобразована в новое научное общество – Таврическое общество истории, археологии и этнологии. Были у крымского историка светлые времена: по инициативе его ленинградских друзей – академика С.Ф. Платонова и И.Ю. Крачковского – он был выдвинут кандидатом на избрание членом-корреспондентом АН СССР, которое состоялось только в 1927 г. Однако, несмотря на признанные научные заслуги этого замечательного ученого, материальное положение его семьи оставалось довольно сложным, о чем сви-

детельствуют его письма С.Ф. Платонову с просьбой оказать содействие в рассмотрении «влиятельными лицами в Москве» вопроса о повышении ему заработной платы «за особые труды».

Как представляется, автор монографии нашел удачный прием раскрытия политической и научной ситуации, сложившейся в крымском и центральном советском научном сообществе в первое десятилетие существования Советской власти. Описывая бытовые тяготы на примере жизни одного известного ученого, А.А. Непомнящий в то же время стремится показать, что научная жизнь в Крыму не затихала. В частности, он довольно подробно описывает подготовку к изданию первого тома «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», подчеркивая роль в его публикации не только А.И. Маркевича, но и других историков из Крыма, Москвы, Ленинграда[5]. Не обошел вниманием он и участие Платонова в опубликовании обстоятельного исследования Маркевича «Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму» в «Известиях» АН СССР в 1927 г. Автор монографии высоко оценивает данную статью, хотя ссылается и на отрицательные отклики на нее официальной советской историографии.

Автор также освещает взаимоотношения Маркевича и Платонова с другими крымоведами и столичными учеными: с историком, филологом-эллинистом, археологом С.А. Жебелёвым, видными исследователями Крыма – К.Э. Гриневичем, Н.И. Репниковым, В.Ф. Смолиным. Интерес представляет и небольшой сюжет о малоизвестном факте дружбы Платонова с поэтом М. Волошиным[6].

Значительная часть исследования А.А. Непомнящего посвящена вопросам участия С.Ф. Платонова в подготовке и проведении двух конференций археологов СССР в Керчи (1926) и Херсонесе (1927), а также в подготовке и проведении совместной советско-германской экспедиции в Крым по изучению готских древностей (1929). Подробно проанализирован подготовительный этап организации археологического съезда 1926 г.[7]. Хотя сама идея возрождения археологических съездов в СССР принадлежала руководителю Археологической секции Музейного отдела Главнауки Наркомата просвещения РСФСР В.А. Городцову, в подготовке съезда в Керчи приняли участие известные крымоведы, в т.ч. А.И. Маркевич и секретарь Таврического общества истории, археологии и этнологии Н.Л. Эрнст. Активно в подготовительную и информационную работу включились и ученые из Москвы и Ленинграда: академик С.Ф. Платонов, археологи А.А. Спицын и А.М. Талыгрен, А.В. Орешни-

[5] Непомнящий 2018. С. 34.

[6] Приведены три письма московского историка к поэту (с. 58-59), в которых выражено сожаление о невозможности посетить Коктебель в силу ряда обстоятельств.

[7] Непомнящий 2018. С. 60-72. См. также: Вдовин, Кузьминых, Серых 2008. С. 199-203.

ков (хранитель Исторического музея в Москве) и др. К подготовке съезда привлекались и украинские ученые, которые впоследствии приняли в ней участие: С.С. Дложевский, А.З. Носов, А.П. Новицкий.

А.А. Непомнящий в деталях освещает работу Керченского археологического съезда. Обращает на себя внимание упоминание им издания во время конференции «Бюллетеня Конференции археологов СССР в Керчи», в выпусках которого были представлены сделанные доклады с их краткими тезисами. Поскольку тезисы докладов до недавнего времени оставались малоизвестны, то надо отдать должное автору монографии за проделанную кропотливую работу «по библиографированию всех выступлений на Керченской конференции», введение этой информации в научный оборот в виде сводной библиографии[8], безусловно, имеет большое значение для истории крымоведения.

Повествование о работе конференции автор сопровождает анализом ряда фактов, привлекших внимание участников. К их числу можно отнести доклады заведующего Керченским музеем Ю.Ю.Марти о ходе археологических исследований в районе в годы советской власти, профессора Н.И. Новосадского о «Боспорских фиасах», профессора Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе П.А. Двойченко «О геологических условиях находок неолитов и палеолитов в Крыму», доклад К.Э. Гриневича «Итоги и перспективы научно-исследовательской работы в Крыму в области античной культуры», сообщение В.А. Городцова «О киммерийской культуре» и др. А.А. Непомнящий отмечает, что особый интерес у участников конференции вызвало заседание секции тюрко-татарской археологии, во время которого директором Евпаторийского археолого-этнографического музея П.Я. Чепуриной был сделан доклад о мечети Джума-Джами в Евпатории и сохранившемся там Коране. Ее выступление выявило серьезный конфликт Евпаторийского музея с КрымОХРИСом и в целом – с КрымНаркомпросом по поводу местонахождения Корана – либо в Евпатории, либо в Симферополе[9].

А.А. Непомнящим была проделана большая работа по анализу газетных и журнальных публикаций, посвященных конференции (газета «Красная Керчь», журнал «Историк-марксист»). Не обошел он своим вниманием и межличностные коммуникации. Конференция способствовала установлению многочисленных научных контактов: ее участники активно общались с московским профессором А.А. Захаровым, археологом, историком искусства и науки, крымоведом Н.Д. Протасовым, с академиком Платоновым и др. Обратил он внимание и на интриги, которые имели место среди членов научного сообщества и участников конференции. Это в первую очередь относится к борьбе академика

[8] Непомнящий 2015.
[9] Непомнящий 2018. С. 82-83.

Н.Я. Марра и руководителя Главнауки Ф.Н. Петрова за лидерство в крымоведении. Результатом сложных отношений между двумя историками стал отказ от дальнейшей публикации сборника полноценных докладов участников конференции.

Итоги конференции проанализированы автором в отчетной документации, так и по мемуарным и эпистолярным материалам. В частности, он полностью приводит текст отчета С.Ф. Платонова о конференции в Керчи, помещенный в журнале «Научный работник» за октябрь 1926 г., а также освещает впечатления о съезде других его участников[10]. В целом, как отмечает А.А. Непомнящий, отзывы о конференции были положительными. Можно завершить этот сюжет приведенными автором словами А.И. Маркевича в письме к академику И.Ю. Крачковскому: «По моему мнению, она вышла удачной, хотя чувствовалось отсутствие многих крупных научных величин… Но для первого съезда, созванного после большого перерыва и сложившегося наскоро, да еще в маленьком городке, – Керченская конференция заявила себя хорошо» (с. 106).

Что же касается второй археологической конференции в Херсонесе, то А.А. Непомнящий объясняет свое обращение к ее истории тем, что, хотя ее работа нашла отражение в ряде публикаций советских историков до- и послевоенного времени, в них были обойдены, как он считает, вниманием «научные коммуникации крымоведов, которые выстраивались во время работы конференции и продолжались в дальнейшем как ее результат» (с. 110). Сценарий освещения работы Херсонесской конференции 1927 г. в целом схож с рассказом о предыдущем съезде. Большое внимание автор монографии уделяет анализу подготовительного периода. Наряду с директором Государственного Херсонесского музея К.Э. Гриневичем, организацией конференции занимались Маркевич, Эрнст, Городцов. Именно при подготовке данной конференции негативно проявились отношения К.Э.Гриневича с ленинградскими коллегами из Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в частности, ее председателем Н.Я. Марром.

Конференция начала свою работу 10 октября 1927 г. в Севастополе. На ней было представлено 88 участников. Было образовано две секции – Херсонесская и Общая археология. В ее работе участвовали академик Платонов (Ленинград), член-корреспондент АН СССР Маркевич (Симферополь), Ф.Н. Петров (Начальник Главнауки), нарком просвещения Крымской АССР У.В. Балич и еще много известных ученых СССР. А.А. Непомнящий подробно останавливается на роли академика Платонова в проведении конференции. Он высоко оценил его приветственное выступление, которое, как он заметил, малоизвестно среди современных исследователей. Текст выступления был опубликован в материалах

[10] Непомнящий 2018. С. 96-104.

конференции, но, по мнению автора монографии, «мы имеем дело с цельной работой, а не с тезисами в пересказе редколлегии, как в случае с некоторыми другими выступавшими» (с. 121). А.А. Непомнящий также ссылается на статью академика «Крым и археологические съезды», опубликованную в газете «Маяк Коммуны» за 11 сентября 1927 г. Эта публикация выявлена автором монографии и впервые введена в научный оборот. Показательно, что А.А. Непомнящий акцентирует внимание читателей на тезисе С.В. Платонова о значимости конференций в Керчи и Севастополе, научных коммуникаций в целом для развития археологической науки (с. 123). Приводимые оценки Херсонесской конференции свидетельствуют о том, что высказавшие их участники поразному воспринимали ее работу и итоги. Но в целом автор монографии отмечает, что «по уровню представительства и значительных докладов севастопольская Конференция археологов СССР 1927 года была на порядок ниже аналогичного форума 1926 года, состоявшегося в Керчи». Причиной тому А.А. Непомнящий называет не сложившиеся отношения К.Э. Гриневича с ГАИМК. Однако он считает, что конференция сыграла позитивную роль в «систематизации и дальней активизации изучения Юго-Западного Крыма. Установились новые линии коммуникации между местными учеными и их коллегами из академических центров»[11].

Еще один сюжет в освещении развития крымоведения в 1920-х годах затрагивается в книге – подготовка и проведение совместной советско-германской археологической экспедиции в Крыму в 1929 г. Во-первых, автор обрисовывает политическую обстановку второй половины 1920-х годов, которая отличалась определенной активностью советско-германских отношений. Во-вторых, он дает довольно подробную библиографическую справку и анализ научной деятельности историка и археолога Ф.А. Брауна, который в свое время эмигрировал в Германию и уже в 1920-е годы представлял немецкую историческую школу[12]. В-третьих, в 1928 г. на Эски-Кермене было открыто крупное поселение с остатками крепостной стены. Историк акцентирует внимание читателей на том, что совместная советско-германская экспедиция имела целью изучение т.н. «готской проблемы»[13], т.е. изучения готских памятников в Крыму. Он подчеркивает, что «готский вопрос» и вклад немецкого ученого Ф.А. Брауна в развитие крымоведения детально не изучался в советско/российской историографии. Поэтому обращение Непомнящего к данному сюжету представляется важным. Автор монографии пытается год за годом воссоздать картину взаимоотношений Брауна с его советскими коллегами. И хотя Браун не принял личного

[11] Непомнящий 2018. С. 133-134.
[12] Непомнящий 2018. С. 136-144.
[13] Более подробно см.: Тункина 2008.

участия в советско-германской экспедиции 1929 г., его вклад в ее организацию не подлежит сомнению, что убедительно показано в книге.

Параллельно с освещением организации советско-германской экспедиции в 1929 г. автор монографии повествует о спорах между археологами Н.Л. Эрнстом и Н.И. Репниковым «из-за прерогативного права исследования Эски-Керменского городища». Вести раскопки начал в 1921 г. Эрнст. В 1923–1926 гг. работы на городище проводил Севастопольский музей краеведения, с 1927 г. Центральные государственные реставрационные мастерские совместно с Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР организовали специальную Эски-Керменскую экспедицию, во главе которой поставили известного археолога Н.И. Репникова. В монографии раскрывается суть и ход конфликта, вводятся в научный оборот письма его участников, уточняется роль академика Платонова в его разрешении. Обращение историка к освещению данного конфликта дает нам представление о непростой обстановке в научном сообществе в период становления советской исторической науки и научных школ, об интригах и нечистоплотных действиях, к которым некоторые ученые прибегали в достижении своих целей[14].

А.А. Непомнящий завершает монографию сюжетом о так называемом «Академическом деле» и печальной судьбе ленинградского академика С.Ф. Платонова, который наряду с академиками Н.П. Лихачевым, М.К. Любавским, Е.В. Тарле и пятью членами-корреспондентами был обвинен в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». С.Ф. Платонов был арестован в январе 1930 г., в августе 1931 г. по приговору ОГПУ выслан в Самару, где и умер 10 января 1933 г.

А.А. Непомнящий справедливо замечает, что сфабрикованный политический процесс нанес удар не только по ленинградской и московской научным школам, но затронул и региональное краеведение. «Эти репрессии, – пишет он, – нанесли невосполнимый урон отечественному краеведению. Именно тогда из среды краеведов были удалены наиболее просвещенные, интеллигентные, высококультурные – наиболее «яркие» специалисты» (с. 196).

Завершая анализ данного монографического исследования, необходимо отметить, что его автором была проделана большая работа по сбору, систематизации и презентации интереснейшего материала (в том числе впервые вводимого в научный оборот) о судьбах столичных и региональных ученых, преподавателях и музейных сотрудниках до- и послереволюционного периода. Монография иллюстрирована многочисленными фотоматериалами: фотографии тех историков, о которых рассказывает или просто упоминает автор; сканы документов, журна-

[14] Более подробно см.: Непомнящий 2018. С. 162-191.

лов, газет; изображения городских улиц Керчи, Севастополя, Симферополя, Херсонеса. Написанная хорошим литературным языком, историографическая по содержанию монография сопровождается биографическими справками всех участников повествования, что придает работе особую ценность. А.А. Непомнящему удалось воссоздать картины научной жизни и быта крымских историков и проследить их межличностные коммуникации с учеными Москвы и Ленинграда, в числе которых был и академик Сергей Федорович Платонов. Безусловно, монография А.А. Непомнящего вносит существенный вклад в изучение отечественной интеллектуальной истории на заре становления советской исторической науки и может представлять интерес не только специалистам-историкам, археологам, этнографам, но и читателям, интересующимся историей и культурой Крыма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В. От XVI Всероссийского к I Всесоюзному Археологическому съезду: несбывшаяся надежда // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров: в 3 т. М., ИА РАН. Т. 3. 2008. С. 199-203 [Vdovin A.S., Kuz'minykh S.V., Serykh D.V. Ot XVI Vserossijskogo k I Vsesoyuznomu Arkheologicheskomu s"ezdu: nesbyvshayasya Nadezhda // Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale / otv. red. A.P. Derevyanko, N.A Makarov: v 3 t. M., IA RAN. T. 3. 2008. S. 199-203].

Непомнящий А.А. Академик С.Ф.Платонов и крымоведение. Белгород: Константа, 2018. 216 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27)[Nepomnyashhij A.A. Akademik S.F.Platonov i krymovedenie. Belgorod: Konstanta, 2018. 216 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 27)].

Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. [Nepomnyashhij A.A. Istoriya i ehtnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921–1945). Simferopol': Antikva, 2015. 936 s.]

Тункина И.В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х — начала 1930-х гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале… Т. 3. 2008. С. 249-251 [Tunkina I.V. K istorii izucheniya «gotskoj problemy» v sovetskoj arkheologii 1920-kh — nachala 1930-kh gg. / Trudy II (XVIII) Vserossijskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale… T. 3. 2008. S. 249-251].

Гелла Тамара Николаевна, *доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения, декан исторического факультета, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева; gellat@mail.ru*

Russian region in the context of intellectual history

Review: Nepomnyashhij A.A. Akademik S.F. Platonov i krymovedenie. Belgorod: Konstanta, 2018. 216 s. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 27)

Keywords: Crimea, Platonov, Markevich, archaeology, archaeological congresses, interpersonal communication, Eksi-Kermen

Tamara Gella, *Dr. Sc., Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Dean of the Faculty of History, Orel State University named after I.S. Turgenev; gellat@mail.ru*

Л. М. Артамонова

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ В «QUAESTIO ROSSICA»

В статье сделан анализ материалов, опубликованных в новом научном журнале в 2013-2019 гг. и посвященных «эпохе Просвещения» в России. Показано, как в этих работах ученых-гуманитариев из различных научных центров России, Франции, Болгарии, Германии, Швейцарии, США было расширено теоретическое, методическое и предметное поле исследования данной эпохи. Выявлена заслуга редколлегии журнала, выходящего в Екатеринбурге, ее высокопрофессиональных и продуманных усилий по созданию авторитетного издания для трудов по истории и культуре России, в т.ч. «просвещенного» 18-го столетия.

***Ключевые слова*:** *Россия в XVIII в., историография, литературоведение, научная периодика, международные связи ученых*

Тема истории Просвещения «с большой буквы» неизбывна, к ней постоянно обращаются ученые. Примером тому служит историографический обзор новых подходов к изучению Просвещения во Франции, который вышел недавно в «Диалоге со временем»[1]. Не иссякает и интерес к этой эпохе в прошлом России, что вполне объяснимо сегодняшними проблемами общественного развития, где драматично скрещиваются интересы государства и личности, заставляющие обращаться к опыту XVIII столетия. Выходящий с 2013 г. журнал «Quaestio Rossica», при всей широте представленной в нем проблематики, немало страниц уделил проблемам этой эпохи, утверждая тем самым мысль «европейской идентичности России»[2]. Уже в самом названии журнала звучит псевдо-латинский неологизм, придуманный в XIX в. «Rossica» в историко-культурном употреблении ассоциируется с проблемами, в первую очередь, интеллектуального и художественного взаимодействия Европы и России, столь актуального для XVIII века. В этом названии, как разъяснили сами издатели журнала, подразумевался смысл «Российские исследования»[3], дополненные семантикой российской гуманитарной науки как мирового феномена. Среди многочисленных авторов журнала по этой тематике находятся и члены редколлегии: профессор Сорбонны Ф.Д. Лиштенан, чьи труды о времени правления императрицы Елизаветы Петровны отмечены премиями Французской Академии и имени Д.С. Лихачева, и профессор УрФУ Д.А. Редин.

Невозможно рассмотреть в одном обзоре все публикации журнала об этом столетии, что свидетельствует не только об основательности, но

[1] Занин 2019.
[2] Редин, Соболева 2013. С. 9.
[3] Лиштенан, Соболева, Запарий 2016. С. 104.

и понимании актуальности материала. Например, статьи о втором путешествии Петра Великого в Европу (1716/1717) опубликованы в трех номерах QR[4]. Привлекает установка журнала на сочетание концептуальных подходов с публикацией новых архивных материалов. Так, уникальная переписка соратников Петра П.П. Шафирова и А.Д. Меньшикова[5] перекликается со статьей Т. Базаровой о деятельности барона в Европе[6]. Освещение времени Петра Великого соединяется с проблемами эпохи Просвещения, более близкой мне по интересам. В самом журнале нет резко очерченной грани, привычной для российского научного дискурса, между «эпохой Просвещения» и предшествующими десятилетиями. Стоит согласиться с позицией редакторов, что петровские новшества, «открывшие европейский стиль жизни и сделавшие европейские достижения в различных сферах притягательными для России, были продолжены в просветительских практиках» более поздних лет[7].

Одной из «объединяющих проблем» (Problema volumnis) был объявлен анализ «времени, когда определялись направления исторического пути России, – XVII–XVIII столетия». В этом контексте была опубликована статья К.Д. Бугрова о появлении концепции политической свободы в России конца XVIII в. «в связи с республиканскими интенциями», более чем актуальная для нашего времени[8]. Автор проявил новаторский подход к осознанию представлений русских людей XVIII в. о республике и свободе не через более позднюю политико-правовую терминологию, а путем демонстрации «манеры поведения, связанной с представлением о публичной добродетельной жизни», неприятия не только тирании, но даже «потенциального произвола», неизбежного при монархии[9].

Идея тождества или практической близости понятий российской «модернизации» и «вестернизации» проводится и в других публикациях как отечественных (Д. Редин, Ю. Смирнов, Л. Соболева), так и зарубежных авторов (из Германии – С. Лера и Швейцарии – А. Морар). Подчеркивается «нормальность» исторического развития нашей страны «с точки зрения западных образцов»[10]. Отмечаются успехи «вестернизации» в XVIII в.[11], признается сложный характер взаимодействия европейских и национальных начал в воспитании молодых представителей российской элиты, французского и русского языков в этом процессе[12].

---

[4] См.: Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. N 2; Vol. 6. 2018. N 1; N 3.
[5] Редин, Серов 2017.
[6] Базарова 2018.
[7] Redin, Soboleva 2017. С. 311.
[8] Бугров 2013.
[9] Там же, С. 125-126.
[10] Смирнов 2017. С. 878.
[11] Morard, Soboleva, Redin 2019. С. 15.
[12] Лер 2015. С. 167-168.

Коллега К.Д. Бугрова по Уральскому университету и коллективным монографиям М.А. Киселев рассмотрел процесс вхождения в русский политический лексикон 1750–1760-х и последующих годов «понятий, описывавших формы правления (монархия, аристократия), и понятия "фундаментальные законы", оказавшийся более сложным, чем обычно представлялось. Источниковедческий и текстологический анализ показал отсутствие прямого влияния Монтескье на проект «фундаментальных законов» И.И. Шувалова и Манифест о вольности дворянства, ставший первым введенным в России «фундаментальным законом». Однако они подготовили почву для новой интерпретации этих понятий в правление Екатерины II уже в соответствии с трактатом французского мыслителя «Дух законов»[13].

Не менее интересными и внимательными являются наблюдения за текстами XVIII столетия со стороны филологов, опубликовавших свои статьи в «Quaestio Rossica». Кроме профессиональных литературоведческих и художественных оценок, укажем на важность, многоплановость, корректность полученных культурно-исторических, идейных и иных общих для гуманитарных наук результатов, перспектив их междисциплинарного использования. Так, в работе ученых из Магнитогорска Т.Е. Абрамзон и А.В. Петрова сопоставляются идеи «общего блага» и «общественного договора», с одной стороны, так, как их трактуют законодательные акты и политические сочинения, а, с другой, излагает на протяжении в конце XVII – начале XIX века «главный поэтический жанр эпохи Просвещения – торжественная ода»[14].

К прозаическим жанрам эпохи обращены статьи тюменской исследовательницы Н.П. Дворцовой о первой напечатанной в Сибири книге – повести П. Сумарокова «Училище любви» – месте «встречи русской и европейской культурной традиции»[15], коллег из Мордовии Т.И. Акимовой и из Болгарии А.И. Вачевой о мемуарах Екатерины II как «галантном диалоге», рассмотренном «в контексте культурно-исторического метода и коммуникативного подхода»[16], и как сочинении, предназначенном к публикации, а потому подвергнутом автоцензуре в силу «претензий императрицы на бессмертие»[17]. Автобиографические заметки Екатерины, вместе с другими источниками были также привлечены к анализу мнений императрицы и ее окружения о роли народного образования для создания условий эмансипации человеческой личности[18].

---

[13] Киселев 2017, С. 1144.
[14] Абрамзон, Петров 2017, С. 409.
[15] Дворцова 2017, С. 465.
[16] Акимова 2017, С. 427.
[17] Вачева 2017, С. 437.
[18] Артамонова 2019, С. 526.

Другая статья А.И. Вачевой была посвящена представлению о русских, запечатленному в малоизвестной переписке придворной дамы А.И. Соколовой (де Рибас) с хранителем венского Кабинета медалей и философом-самоучкой В. Жамре-Дювалем. Эта переписка после ее обнародования в 1784 г. помогала формировать «исключительно положительный» и даже «идеализированный образ России, созвучный с идеями и иллюзиями европейского Просвещения»[19]. Несколько иначе характеризовали русских XVIII в., судя по мнению американского исследователя М. Бинне из Восточного университета Вашингтона, британские современники. В ярких праздничных действах, которые наблюдались на протяжении этого столетия в России, англичане, вслед за Болингброком, замечали, прежде всего, патриотический пафос, стремление к возвышению монархии даже за счет собственной свободы[20].

Вообще журнал испытывает особый интерес к эго-источникам в виде дневников и записок, «ценность которых не в "объективном отражении" материальных оснований бытия, а в демонстрации поведения индивидов»[21]. Так, одним из создателей и «главных героев» мемуарной литературы эпохи стал И.В. Лопухин. Екатеринбургская исследовательница Е.Е. Приказчикова показала, что «факты, нашедшие отражение в его "Записках", давали возможность автору верить в жизнеспособность "духовного рыцаря", относя самого себя к наиболее ярким представителям этого этического типа масонской культуры»[22].

В статьях, обращенных к исторической мысли эпохи, следует отметить расширение круга памятников за счет произведений не самых распространенных и изученных историографических жанров, в основу которых положены источники не только письменные, но и «незаписанные» («анекдоты», предания и т.п.). Поставленная в современных исследованиях «трудная задача» выявления следов, казалось бы, ушедшей устной традиции прошлых эпох «не является безнадежной, хотя имеет ограниченное число решений по месту и во времени»[23]. Одним из таких решений может стать новый подход к известному источнику, как это сделала одна из зачинательниц журнала Ф.Д. Лиштенан в отношении «Анекдотов о Петре Великом» Я. фон Штелина. Они представлены ею в статье (посвященной памяти российского ученого Н.А. Копанева – знатока рассматриваемой эпохи и кавалера Ордена Почетного легиона), как образец «того, что необходимо для создания образа России Просве-

[19] Вачева 2018, С. 1114, 1123.
[20] Binney 2017. С. 387, 401.
[21] Редин, Соболева 2018, С. 638.
[22] Приказчикова 2018, С. 724.
[23] Смирнов 2018, С. 362.

щения, даже понимая ограниченность устной памяти»[24]. Другое решение – поиск и изучение малоизвестных сочинений. Примером является анализ летописания Нижнего Поволжья в новое время, представленный волгоградскими учеными А.Л. Клейтманом и И.О. Тюменцевым. Они установили, что тексты местных «летописей» XVIII – середины XIX в. отличаются «большим доверием устной исторической традиции, историческим преданиям и рассказам старожилов»[25].

Большое внимание уделяется в «Quaestio Rossica» результатам архивных изысканий, о чем свидетельствуют материалы, представленные специалистами из Высшей школы экономики (Е.С. Корчмина) и ее Санкт-Петербургского отделения (Е.В. Анисимов – член редакционного совета этого журнала) – это публикация документов об одном из драматических эпизодов биографии видного государственного деятеля и ученого В.Н. Татищева и статья о лесном хозяйстве в помещичьих имениях XVIII – начала XIX в., способствовавшем утверждению понятия «прибыль» в его современном значении[26].

Обзор отражения определенной эпохи на страницах «Quaestio Rossica» позволяет дать и более широкую оценку деятельности журнала. Перед нами редкий случай, когда начинающее научное издание сразу заявило серьезные амбиции. Было обозначено стремление стать «новаторским и консолидирующим» явлением «на рынке научных изданий», укрепить связи между различными региональными, общероссийскими и глобальными научными центрами, «специализирующимися на исследованиях по истории и культуре России с древности до наших дней», предоставить «возможность публикации любым незаурядным и талантливым авторам независимо от их возраста или формального статуса»[27]. Результат быстро оправдал и смелые обещания издателей, и не очень уверенные ожидания читателей. Показателем этого стал «эмпирически зафиксированный факт включения журнала с конца 2015 г. в международную индексируемую базу Web of Science». Новосибирские коллеги, первыми отметившие данный факт в научной периодике, довольно эмоционально поддержали в своем отзыве появление авторитетной площадки «научно-образовательного сообщества россиеведов» на Урале: «Россиеведы всех стран – соединяйтесь!»[28].

Наш обзор показывает, насколько серьезно стремление к созданию журнала, объединяющего гуманитарные исследования по истории и культуре России, было подкреплено за прошедшие годы большой ре-

[24] Лиштенан 2013. С. 169.
[25] Клейтман, Тюменцев 2018. С. 1073.
[26] Анисимов 2019; Корчмина 2018.
[27] Liechtenhan 2013. С. 6-7.
[28] Красильников, Кузнецов 2016. С. 199.

дакторской работой, поддержано глубокими новаторскими трудами коллег из различных российских и зарубежных научных центров. Публикации в «Quaestio Rossica» не только заметно обогатили предметно и теоретически знания об эпохе Просвещения, но и обеспечили полученным результатам широкое распространение и признание в научном сообществе. Великий сын и творец той эпохи Иммануил Кант считал девизом Просвещения: «Sapere aude!». Издатели и авторы обозреваемого журнала, следуя этому завету, «смеют быть умными», успешно совершая свои открытия в прошлом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамзон Т.Е., Петров А.В. Одические версии «общественного договора» в России XVIII в. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Акимова Т.И. «Галантный диалог» с самой собой в мемуарах Екатерины II // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234.

Анисимов Е.В. Дело о доносе В.Н. Татищева 1738 г. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. С. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Артамонова Л.М. Просвещение и социальная эмансипация в представлениях элиты эпохи Екатерины II: от «культурного шока» к модернизационным практикам // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 2. С. 523–536. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

Базарова Т.А. Путешествие вице-канцлера П. П. Шафирова в Западную Европу (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. No 1. С. 46–62. DOI 10.15826/qr.2018.1.281

Бугров К.Д. «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVII в. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 117–127.

Вачева А.И. Ее императорского величества Екатерины II автоцензура // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Вачева А.И. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774) // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Дворцова Н.П. «Училище любви» Панкратия Сумарокова как пространство встречи России и Европы // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

Занин С.В. Немного о "ежах" и "лисах", или откуда возмутся "броненосцы"? (Заметки о "новой культурной истории Просвещения") // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 209-222.

Киселев М.А. Трактат De L'Esprit des Lois Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Клейтман А.Л., Тюменцев И.О. Летописание Нижнего Поволжья XVIII–XIX вв. как социокультурное явление // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. С. 1063–1077. DOI 10.15826/qr.2018.4.346.

Красильников С.А., Кузнецов И.С. «Quaestio Rossica» – журнал нового поколения и новых перспектив // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С.187–204. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.312.

Лер С. Воспитание российского дворянства: от практики образовательных путешествий в Западную Европу к национальным корням культуры (семейства Голицыных и Апраксиных в 1780–1812 гг.) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 158–171. DOI 10.15826/qr.2015.2.102.

Лиштенан Ф.Д. Якоб фон Штелин, придворный историограф и педагог XVIII в. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 160–170.

Лиштенан Ф.Д., Соболева Л.С., Запарий Ю.В. Международный гуманитарный журнал: опыт создания в Уральском федеральном университете // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 2 (102). С. 102–109.

Приказчикова Е.Е. «Духовный рыцарь» И. Лопухин: диалог с властью и совестью // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 3. С. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.

Редин Д., Серов Д. Второе Путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // Quaestio Rossica, Vol. 5. 2017. № 2. С. 471-502. https://doi.org/10.15826/qr.2017.2.229

Смирнов Ю.Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 361-377. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.203.

Смирнов Ю.Н. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 3. С. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. С. 385–405. DOI 10.15826/qr.2017.2.232.

Korchmina E.S. Conceptualising the Notion of "Profit" among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries) // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1144–1159. DOI 10.15826/qr.2018.4.351.

Morard A., Soboleva L., Redin D. Transformations of society, bodily imperfection, and spiritual beauty // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. С. 7-20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.

Redin D.A., Soboleva L.S. The Epoch of the Enlightenment: from the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. С. 303-312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

REFERENCES

Abramzon T.E., Petrov A.V. Odicheskiye versii «obshchestvennogo dogovora» v Rossii XVIII v. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. S. 406–424. DOI 10.15826/qr.2017.2.233.

Akimova T.I. «Galantnyy dialog» s samoy soboy v memuarakh Yekateriny II // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. S. 425–435. DOI 10.15826/qr.2017.2.234.

Anisimov E.V. Delo o donose V.N. Tatishcheva 1738 g. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 1. S. 315–334. DOI 10.15826/qr.2019.1.378.

Artamonova L.M. Prosveshcheniye i sotsialnaya emansipatsiya v predstavleniyakh elity epokhi Yekateriny II: ot «kulturnogo shoka» k modernizatsionnym praktikam // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 2. S. 523–536. DOI 10.15826/qr.2019.2.391.

Bazarova T.A. Puteshestvie vice-kanclera P. P. SHafirova v Zapadnuyu Evropu (1716–1717) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. No 1. S. 46–62. DOI 10.15826/qr.2018.1.281

Bugrov K.D. «Volnost, dar bestsennyy»: o formirovanii respublikanskoy kontseptsii politicheskoy svobody v Rossii kontsa XVII v. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 117–127.

Vacheva A.I. Yeyo imperatorskogo velichestva Yekateriny II avtotsenzura // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 2. S. 436–452. DOI 10.15826/qr.2017.2.235.

Vacheva A.I. Russkiye i Rossiya v perepiske Valentina Zhamre-Dyuvalya i Anastasii Sokolovoy (1762–1774) // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. S. 1110–1128. DOI 10.15826/qr.2018.4.349.

Dvortsova N.P. «Uchilishche lyubvi» Pankratiya Sumarokova kak prostranstvo vstrechi Rossii i Yevropy // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 2. S. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

Zanin S.V. Nemnogo o "yezhakh" i "lisakh", ili otkuda vozmutsya "bronenostsy"? (Zametki o "novoy kul'turnoy istorii Prosveshcheniya") // Dialog so vremenem. 2019. № 66. S. 209-222.

Kiselev M.A. Traktat De L'Esprit des Lois C.-L. Montesquieu i fundamental'nyye zakony v Rossii nachala 1760 gg. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. S. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Kleitman A.L., Tumentsev I.O. Letopisaniye Nizhnego Povolzhya XVIII–XIX vv. kak sotsiokulturnoye yavleniye // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 4. S. 1063–1077. DOI 10.15826/qr.2018.4.346.

Krasil'nikov S.A., Kuznetsov I.S. «Quaestio Rossica» – zhurnal novogo pokoleniya i novykh perspektiv // Noveyshaya istoriya Rossii. 2016. № 3 (17). S.187–204. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.312.

Lehr S. Vospitaniye rossiyskogo dvoryanstva: ot praktiki obrazovatelnykh puteshestviy v Zapadnuyu Yevropu k natsionalnym kornyam kultury (semeystva Golitsynykh i

Apraksinykh v 1780–1812 gg.) // Quaestio Rossica. 2015. № 2. S. 158–171. DOI 10.15826/qr.2015.2.102.
Liechtenhan F.D. Jacob von Stäehlin, pridvornyy istoriograf i pedagog XVIII v. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. S. 160–170.
Liechtenhan F.D., Soboleva L.S., Zapariy Yu.V. Mezhdunarodnyy gumanitarnyy zhurnal: opyt sozdaniya v Uralskom federalnom universitete // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2016. № 2 (102). S. 102-109.
Prikazchikova E.E. «Dukhovnyy rytsar» I. Lopukhin: dialog s vlastyu i sovestyu // Quaestio Rossica. 2018. T. 6. 2018. № 3. S. 711–726. DOI 10.15826/qr.2018.3.323.
Redin, D., & Serov, D. Vtoroe Puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis`max barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) // Quaestio Rossica, Vol. 5. 2017. № 2. C. 471-502. https://doi.org/10.15826/qr.2017.2.229
Redin D.A., Soboleva L.S. Ot redkollegii // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 2. S. 8-10.
Smirnov Yu.N. Retrospektivnyy analiz v zhanre ustnoy istorii besed s zhitelyami doreformennogo rossiyskogo goroda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2018. T. 63. № 2. S. 361-377. DOI 10.21638/11701/spbu02.2018.203.
Smirnov Yu.N. Rossiyskaya imperiya: ot kolonizatsii do revolyutsii // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 3. S. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.
Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 2. S. 385–405. DOI 10.15826/qr.2017.2.232.
Korchmina E.S. Conceptualising the Notion of "Profit" among the Russian Nobility (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries) // Quaestio Rossica. T. 6. 2018. № 4. S. 1144–1159. DOI 10.15826/qr.2018.4.351.
Morard A., Soboleva L.S., Redin D.A. Transformations of society, bodily imperfection, and spiritual beauty // Quaestio Rossica. 2019. T. 7. № 1. S. 7-20. DOI 10.15826/qr.2019.1.359.
Redin D.A., Soboleva L.S. The Epoch of the Enlightenment: from the Voyages of Peter I to the Ideas of the Catherinian Period // Quaestio Rossica. 2017. T. 5. № 2. S. 303-312. DOI 10.15826/qr.2017.2.224.

***Артамонова Людмила Михайловна**, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru*

The Age of Enlightenment in «Quaestio Rossica»

The article analyzes the materials published in the new scientific journal in 2013-2019 and dedicated to the "Age of Enlightenment" in Russia. It shows how these works by humanities scholars from various scientific centers of Russia, France, Bulgaria, Germany, Switzerland, the USA expanded the theoretical, methodological and substantive field of researching this epoch. It reveals the merit of the journal editorial board in Yekaterinburg with highly professional and thoughtful efforts has created an authoritative periodical for works about the history and the culture of Russia, including the "enlightened" 18th century.

Keywords: Russia in the 18th century, historiography, literary studies, scholarly periodicals

***Ludmila Artamonova**, Dr. Sc. (History), Professor, Samara State Institute of Culture, (Samara, Russia): artamonovoi@mail.ru*

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

А. В. Антощенко

«ПОЖЕЛАЙТЕ МНЕ ОДНОГО – ЭНЕРГИИ, ЭНЕРГИИ И ЭНЕРГИИ, И ПОДУМАЙТЕ, ЧТО КРУПНЫЕ ДЕЛА ЛЕГКО НЕ ДЕЛАЮТСЯ» (к 165-летию П. Г. Виноградова)

Публикуется единственное сохранившееся письмо отца, педагога Гавриила Киприановича Виноградова, к сыну Павлу, ставшему впоследствии всемирно известным историком и правоведом. В предисловии публикатор характеризует взаимоотношения между ними. Особо отмечается то, что отец постоянно заботился о создании условий для образования сына, надеясь, что в результате тому удастся повысить свой социальный статус и, соответственно, добиться устойчивого финансового положения. Сын, осознавая значение карьерного роста, все же отдавал предпочтение творческому началу своей исследовательской деятельности и готов был пожертвовать первым ради второго. Именно это различие во взглядах, а не рано наметившиеся идейные разногласия между ними (отец был склонен к консерватизму славянофильского толка, тогда как в молодости сын разделял идеи западнического прогрессизма), были причиной того, что Павел Гаврилович Виноградов в надежде на лучшее понимание и одобрение предпочитал делиться в письмах своими творческими планами не столько с отцом, сколько с матерью и со всеми своими родными.

***Ключевые слова*:** *биография Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), историография феодализма в Англии*

В обширном эпистолярном наследии всемирно известного историка и правоведа Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925) среди многочисленных писем родным сохранилось лишь одно письмо отцу, Гавриилу Киприановичу Виноградову (1810–1885). Тем значимее его содержание и важнее задача понять причины этого.

Будущий ученый родился 18 (30) ноября 1854 г. в Костроме в семье Гавриила Киприановича и Елены Павловны Виноградовых. Отец Павла был выходцем из духовного сословия, «обратившимся» в историка-педагога. По семейным преданиям, собранным племянницей Павла Гавриловича Еленой Николаевной Круг:

> «Гавриил Киприанович принадлежал к кряжистому роду суздальцев. С покон веков его отцы и деды священствовали в лесах Суздальского края. Это были мужицкие священники и священники мужики, кровь от крови и плоть от плоти великорусского народа. В загрубелых руках, от работы косой и мотыгой на своих погостах при шатровых церковках, они все же привыкли держать и хранить книгу. Худо или хорошо, но они освоились с писаным словом, сами учились и учили других грамоте. У Гавриила Киприановича в роду были священники, дьяконы, монахи, схимники»[1].

[1] Круг 2009. С. 295.

Родился Гавриил Киприанович 13 июля 1810 г. в Суздали. По тем же семейным преданиям, появление его на свет было отмечено возникновением семейной реликвии: из далекой Суздальской пустыни старец Адриан, 124-х лет, благословил своего внучатого племянника иконой Архангела Гавриила. Гавриил был единственным сыном суздальского попа. Мать его, Анна Федоровна (в девичестве – Грезьевская) тоже была духовного звания. Фамилия семьи была Яковцевские, по названию деревни Яковцевки, находившейся где-то между Владимиром и Суздалем, откуда они были родом. Подобно большинству детей духовенства, мальчик начал свою учебу в Суздальском духовном училище и продолжил во Владимирской семинарии, где ему заменили фамилию на Виноградова. Как лучшего ученика семинарии его перевели в 1832 г. «в число воспитанников среднего отделения главного Педагогического Института» в Петербурге. Среди товарищей Гавриил выделялся способностью к изучению иностранных языков: по окончании учебы на историко-филологическом отделении института он знал двенадцать языков.

После выпуска из института Г.К. Виноградов вновь оказался в Заволжье. В 1838 г. его назначили по распоряжению попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова старшим преподавателем истории и статистики в Костромской гимназии. В следующем году он стал инспектором, а потом и директором той же гимназии и, в соответствии с должностью, директором всех училищ Костромской губернии. В 1843 г. Г.К. Виноградов женился на Надежде Павловне Абатуровой. Через год у них родился сын Михаил, погибший в юности от случайного выстрела из револьвера. В 1847 г. в семье родился еще один сын – Павел, окончивший Московский университет и ставший юристом, а еще через год – Сергей, выбравший впоследствии военную карьеру[2]. Несколько ранее, 21 сентября 1845 г., Г. К. Виноградов «за выслугу лет был награжден коллежским асессором со старшинством с 25 апреля 1839 года»[3]. Как достигший по гражданской службе чина VIII класса по «Табели о рангах» (т.е. «коллежского асессора») он стал потомственным дворянином, который «сообщает свое состояние всем законным его детям и потомкам обоего пола» и «вносится в книгу дворянского родословия в губернии, в которой сам пожелает». 20 июня 1846 г. Г.К. Виноградов был внесен «с семейством его» (т.е. с женою и сыном Михаилом) в Дворянскую родословную книгу Костромской губернии (в формулярном списке Гавриила Киприановича упоминается 27 дес. земли, принадлежавших ему в Галичском уезде этой губернии)[4]. Полученное за выслугу потомственное дворянство передавалось его законным детям. Так

[2] РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80. Л. 31; Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 (отд. паг.).
[3] ЦГА Москвы. Ф. 418. Оп. 46. Д. 181. Л. 12–12 об.
[4] См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80. Л. 31.

что второй брак Г.К. Виноградова с Е.П. Кобелевой в 1853 г. (после кончины первой жены) не был препятствием для получения дворянского звания всеми его детьми.

Однако не в этом повышении социального ранга детей следует видеть значение Г.К. Виноградова в судьбе его сына Павла, на которого, несомненно, большее духовное влияние оказала мать. «Она сделала большое дело, – говорил о ней Павел Гаврилович, – подняла огромную семью и была верным другом и товарищем отца – исключительного человека, что бывало подчас нелегко. У отца, щедрого и доброго, правая рука иногда не знала, что делает левая»[5].

Г.К. Виноградов, умудренный опытом педагог, был «человеком глубоко религиозным, постоянно серьезно настроенным, добрым, простым, доступным и доверчивым» («консерватором славянофильского толка», как кратко охарактеризовала его Е.Н. Круг). Он отнюдь не стремился навязать свои убеждения детям, а лишь хотел создать им благоприятные условия для учебы, воспитать и обучить наилучшим образом все свое молодое поколение. В том, что касалось предметов и методики обучения детей, авторитет отца был неоспорим. Исходя из собственного опыта, во главу угла их домашних занятий он поставил изучение иностранных языков. Затем следовали остальные науки. Искусства тоже входили в программу образования, как называли в то время процесс формирования личности ребенка, что предполагало не простое овладение им знаниями, но и нравственное и эстетическое его совершенствование. Дети должны были учиться рисованию, каллиграфии, музыке, танцам, гимнастике, а мальчики еще и фехтованию. Последнее занятие было в какой-то мере данью традиции дворянского воспитания. Целая вереница учителей и учительниц, русских и иностранцев, прошла через дом Виноградовых. Все дети оказались способными к иностранным языкам, и скоро они заговорили по-французски и по-немецки. Но усерднее и успешнее всех в овладении языками оказался Павел, который, как и его отец, был полиглотом, овладев также двенадцатью языками.

Павлу шел двенадцатый год, когда он, блестяще сдав экзамены, был зачислен в четвертый класс Московской 4-й мужской гимназии. Причем отец сам подготовил сына к экзаменам в гимназию по русской словесности, истории и латыни[6]. В гимназические годы Павел учился так же успешно, как начал. Несмотря на то, что блестящий гимназический аттестат П. Виноградова давал право на продолжение образования, первое его прошение о зачислении в Московский университет было отклонено «за молодостью лет», поскольку ему было лишь шестнадцать, тогда как в университет по уставу зачислялись «молодые люди, достиг-

[5] Круг 2009. С. 296.
[6] Там же. С. 307.

шие 17-тилетнего возраста»[7]. Юноша собрался было поступить в Александровское военное училище, но, в конечном счете, после ходатайства его отца министерство народного просвещения дало распоряжение принять Павла Виноградова на историко-филологический факультет университета[8]. И хотя в студенческие годы наметились принципиальные идейные расхождения между ними (по свидетельству Е.Н. Круг: «Отец, славянофил, с горечью видел отход сына от стародавних традиций и верований и упрекал его в западничестве. А Павел, молодой, горячий, резко осуждал отца за консерватизм и славянофильство»[9]), отец всегда приходил сыну на помощь в трудных ситуациях, когда нужно было получить поддержку в министерстве народного просвещения. Так было в 1878 г., когда Гавриил Киприанович обратился к А.П. Ширинскому-Шихматову с «покорнейшей просьбой не оставить своим милостивым вниманием и распоряжением о благоприятном исходе» ходатайства совета Московского университета о командировании П.Г. Виноградова на шесть месяцев в Германию и Италию для подготовки магистерской диссертации[10]. Так было и в 1883 г., когда в связи с ходатайством совета Московского университета о направлении П.Г. Виноградова в командировку в Англию на один год и три месяца для сбора в архивах материалов для докторской диссертации, он обратился к министру народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову, «как бывший подчиненный по службе в ведомстве императрицы Марии», с письмом, в котором писал: «Позвольте, Ваше высокопревосходительство, надеяться, что Вы не лишите сына моего возможности продолжить свои ученые труды, разрешив командирование его заграницу, а равно и пособия из сумм министерства, так как нужных на то собственных средств не имеет и не может получить их с моей стороны[11].

Своеобразным личным отчетом о проделанной работе и перспективах командировки стало публикуемое письмо. В нем П.Г. Виноградов четко разграничивал карьерные соображения, связанные с написанием и защитой докторской диссертации, и исследовательские, с которыми однозначно ассоциировались творчество и подлинный успех, не обязательно ведущий к немедленному повышению статуса в университетской иерархии и улучшению материального положения. Именно в верности исследовательским интересам видел смысл своей жизни историк, что, очевидно, встретило непонимание со стороны отца, так как следующее

[7] Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов. Именной указ, данный правительствующему Сенату 18-го Июня 1863 года // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. СПб., 1866. С. 631.
[8] Круг 2009. С. 308.
[9] Там же. С. 314.
[10] РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 303. Л. 75.
[11] РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 694. Л. 29 об.

письмо с новым оправданием собственной позиции Павел Гаврилович адресовал уже всем родным[12]. Однако этот эпизод не стал основой для раздора, поскольку отца и сына связывала общая преданность делу народного просвещения, которому они служили беззаветно. Во время продолжительной болезни отца в 1885 г. Павел Гаврилович, по свидетельству Е.Н. Круг, «как брат милосердия и санитар, служил больному». Последние словами Гавриила Киприановича, обращенными к сыну, были: «Ты – хороший. Бог любит таких»[13].

* * *

Лондон, 19 июля 1883

Дорогой папа!

Пишу тебе на клочке простой бумаги из Британского музея[14], п[отому] ч[то] иначе письмо мое опоздает к 13му числу[15]; вчера вечером некогда было писать. А я никак не хотел бы совсем отсутствовать на твоих именинах; пусть хоть эти листки заменят меня, хотя трудно им будет выразить, как горячо и искренне я желаю тебе всего хорошего. Надеюсь, что вы проведете 13ое число весело и главное, что Володя[16] уже будет у вас в Пушкине[17]. С какой стати послали «Африку»[18] в Ревель? Он, впрочем, говорил мне в Шербурге[19], что весьма вероятна подобного рода командировка после возвращения[20]. Как бы их не назначили только конвоировать каких-нибудь принцев.

Я провожу время в Лондоне самым удивительным образом, наподобие того, как покойный проф[ессор] Петров[21] жил в Москве. Он, говорят, знал только две дороги из своей квартиры – в университет и к Куну[22]. Я больше ходил по лондонским улицам, но зато все мое время, в сущности, распределяется между двумя местами – Британским музеем до обеда и моим «garni»[23] после обеда. Я действительно много работаю и порядочно успел сделать за три недели, проведенные в Лондоне, но как раз теперь моя работа находится в довольно критическом моменте. Приходится погружаться в море мелких подробностей, мест-

[12] См.: «Такова вообще английская жизнь»... С. 88–89.

[13] Круг 2009. С. 315.

[14] Британский музей (основан в 1753 г. и открыт в 1759 г.), обладает богатейшей коллекцией рукописей. Государственный публичный архив Великобритании (Public Record Office) был учрежден в соответствии с законом 1838 г. и сконцентрировал все исторические хранилища Лондона, сюда же стали поступать и некоторые материалы из действующих учреждений.

[15] 13 июля – день рождения Г.К. Виноградова.

[16] Виноградов Владимир Гаврилович (1858–1928) – морской офицер, в то время мичман III экипажа Балтийского флота, родной брат П.Г. Виноградова.

[17] В подмосковном Пушкине семья Виноградовых снимала дачу на лето.

[18] «Африка» – крейсер (впоследствии учебное судно) Балтийского флота (1878–1917), на котором служил В.Г. Виноградов.

[19] Встреча с братом произошла 13 июня и подробно описана в письме П.Г. Виноградова к родным от 28 июня. См.: Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–11 об.

[20] Имелось в виду возвращение корабля из кругосветного плавания в 1880–1883 гг..

[21] Петров Павел Яковлевич (1814–1875) – лингвист-ориенталист.

[22] Кун Александр Людвигович (1840–1888) – ориенталист.

[23] Отель с меблированными комнатами (фр.).

ных фактов, топографических, юридических и хозяйственных мелочей, и так как нырнуть туда надо с головой, на неизвестное время, и с полной неуверенностью относительно направления, по которому выплывешь, то становится очень жутко – разделся уже давно, а все похаживаю на берегу и посматриваю искоса на мутные воды. Первым отделом моей работы здесь должно быть ознакомление со сложившимся феодальным бытом норманнского периода, в кот[ором] необходимо утвердиться вполне, прежде чем переходить к англо-саксонскому и к вопросу о происхождении. Пока дело шло об изучении форм быта в XII и XIII веках по трактатам юристов того времени, можно было двигаться вперед быстро, хотя оказывалось, что в учении английских исследователей придется изменять или добавлять весьма мало. Но вот приходится теперь переходить к изучению экономических фактов, служащих подкладкою формам: материал тут громадный и страшно специальный. Надо будет проработать несколько провинций по хозяйственной статистике Domesday book'а[24] в XI, Черной книги казначейства в XII[25], по казначейским записям и монастырским грамотам. Чтобы сделать это с пользой, надо входить в самые мелкие подробности относительно количества и качества владений такого-то рыцаря или церкви, его запашки, скота, свободных арендаторов и крепостных, поднимать массу вопросов, которыми в пору заниматься местным антикварiям Уилтшира или Сомерсетшира[26]. Мало того, что эти мелкие изыскания и трудны и скучны – они страшно продолжительны и только, если произведены в больших размерах, дают полезные результаты. Повторяю, просто ужас берет перед этой перспективой копаться месяцы, может быть, в этом материале. А еще не известно, что и сколько из него вынесешь. И все бы ничего, если бы эта часть работы была главная и вела прямо к цели, а то ведь это только передняя в целом лабиринте ходов и переходов. По мере того, как я углубляюсь в свою тему, мною овладевают два чувства, которые странным образом перемешиваются, хотя действуют в противоположных направлениях. С одной стороны, является удручающее сознание бессилия перед грудами материала разнородного, частью искаженного, частью отрывочного, всегда мало понятного и иногда труднодоступного, перед сложным сплетением всякого рода вопросов и недоумений, крупных и мелких, критических и конструктивных, касающихся содержания и метода, подробностей и общей комбинации. Это чувство действует не только, когда отступишь от частных изысканий и станешь осматриваться вокруг: оно давит в каждый данный момент работы с большею или меньшею силою, потому что в каждый момент приходится сильно реализировать какую-нибудь особенную трудность этого страшного дела. С другой стороны, хотя гораздо реже, представляется, как было бы славно придти к далекому, невидимому концу, как отделилась бы такого рода работа от существующих исследований, как она могла бы послужить указанием для других исторических работ, подвести итоги длинного ряда сочинений и открыть дорогу новому ряду, какое методическое значение имело бы достижение цели. Надежды или фантазии такого рода толкают вперед среди необозримой песчаной пу-

---

[24] «Domesday book» («Книга Судного Дня») – кадастровая книга, земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1086 г.

[25] «Черная книга Казначейства» («Liber Niger», «The Black Book of the Exchequer») – опись королевских доходов и расходов, составленная в правление короля Генриха II.

[26] Уилтшир и Сомерсетшир – графства на юго-западе Англии.

стыни, но кто знает, не простой ли они мираж, манящий, недостижимый. Как бы то ни было, жребий брошен, раз я попал в эту Сахару, буду двигаться вперед, пока хватит сил. Из всего сказанного вытекает один практический результат – что я теперь совершенно не могу рассчитывать, сколько времени потребует исследование и когда можно ожидать конца. Так как оно составляет, по задуманному плану, органическое целое, из которого нельзя по произволу отделить ту или иную часть, то весьма вероятно, что моей теперешней поездки заграницу едва хватит, или совсем не хватит даже на собирание материала. «Диссертация» может затянуться, но ради «диссертации» нельзя жертвовать «Сочинением». Я знаю, что Вам тяжело будет читать это, п[отому] ч[то] докторская степень и улучшение моего официального положения отдаляются таким образом еще более в туманное будущее. Кареев[27] уже кончил свои 60 листов да еще по философии истории[28] – он, впрочем, двумя курсами меня старше. Но весьма вероятно, что Кулаковский[29], нап[ример], ухитрится произвестись в доктора раньше меня. Не беда – дело не в этом. Только бы разрешить задачу хорошо: скорее можно разрешить не иначе как дурно. Пожелайте мне одного – энергии, энергии и энергии, и подумайте, что крупные дела легко не делаются. Знайте, кроме того, что мысль о доме и семье – одна из сил, поддерживающих меня. Вечером верчусь в своей комнате как, бывало, вертелся в зале и думаю большею частью о вас всех.

Прощайте, будьте здоровы и не скупитесь на письма.

Ваш П. Виноградов

Благодаря моему опоздавшему платью[30] я только на этой неделе мог начать делать визиты лицам, к которым имею рекомендательные письма. Начало очень неудачное. Фр[эд] Мирилиз[31] уехал, проф. Фостера[32] тоже нет теперь в Лондоне, секретаря нашего посольства Крупенского[33] не застал дома. В результате все еще не имею ни единого знакомого в Лондоне. Увидим, что будет дальше.

---

[27] Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, социолог, ученик В.И. Герье. Член-корреспондент Петербургской АН (1910), РАН (1917), АН СССР (1925). П.Г. Виноградов был дружен с Н. И. Кареевым в студенческие годы. Последний «ухаживал» за сестрой историка – Елизаветой Гавриловной. П.Г. Виноградов выступал вторым оппонентом при защите Н.И. Кареевым магистерской диссертации, во время которой возник конфликт между диссертантом и его учителем В.И. Герье, ставший причиной отъезда новоиспеченного магистра в Варшавский университет.

[28] Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Книга была защищена как докторская диссертация в Московском университете в 1884 г.

[29] Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – филолог-классик, византинист, археолог. Был «конкурентом» П.Г. Виноградова во время избрания его «сторонним преподавателем» по кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета в 1877 г. П.Г. Виноградов выступил «неофициальным оппонентом» при защите Кулаковским магистерской диссертации и критично отзывался о ней в письме В.И. Герье.

[30] Багаж с вещами П.Г. Виноградова был послан отдельно и задержался в пути.

[31] Мерилиз (Mirrielees) Фрэд (1851–1914) – шотландский предприниматель, один из представителей семьи Мерилизов, которые совместно с семьей Мьюр владели российским торговым домом «Мьюр и Мерилиз», имевшим флагманский торговый центр в Москве на Петровке (здание современного ЦУМа).

[32] Фостер (Foster) Джордж Кари (1835–1919) – английский химик и физик.

[33] Крупенский Анатолий Николаевич (1850–1923) – дипломат.

Благодарю милую Лизу[34] за ее хлопоты с моими книгами. Если можно, прошу ее отложить номера «Jahibücher für Nationalökonomie und Statistik»[35] (тетрадь в светло желтых обертках) в сторону и поручить Милюкову[36], когда он опять появится, передать их Чупрову[37], которому они принадлежат. Эти тетради лежали на столе в моей комнате.

Если Володя приехал, поздравляю его с именинами и прошу написать мне о себе. Как расстались они с «Африкой»?

Архив МГУ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–6 об. Автограф.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Круг Е.Н. Детство и отрочество П. Г. Виноградова (из семейной хроники) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2009. С. 294–315 [Krug E.N. Detstvo i otrochestvo P. G. Vinogradova (semeinaia khronuka) // Mir istorika. Vyp. 3. Omsk, 2009. P. 294–315].

«Такова вообще английская жизнь». Письма П.Г. Виноградова родным из Англии. 1883–1884 гг. // Исторический архив. 2013. № 1. С. 87–106 [«Takova voobshche angliiskaia zhizn'». Pis'ma P.G. Vinogradova rodnym iz Anglii. 1883–1884 // Istoricheskii arkhiv. 2013. No. 1. P. 87–106].

***Антощенко Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет; antoshchenko@yandex.ru*

«Wish me one thing – energy, energy and energy and think that big business is not easily done»

The only surviving letter from a teacher Gabriel Kiprianovich Vinogradov to his son Paul, who later became a world-famous historian and jurist, is published. In the preface, the publisher describes the relationship between them. It is particularly noted that the father constantly took care to provide conditions for the education of his son, hoping that as a result of this, Paul would be able to improve his social status and, accordingly, achieve a stable financial position. The son, realizing the importance of career growth, still preferred the creative principles of his research activity and was ready to sacrifice the first for the sake of the second. It was this difference in views, rather than the early ideological differences between them (the father was inclined to Slavophilic conservatism, while in his youth the son adhered to the ideas of Westernist progressivism), that lead Paul, in the hope of better understanding and approval, to share in letters his research plans not so much with his father as with his mother and with all his relatives.

Keywords: Paul Vinogradoff's biography, historiography of feudalism in England

***Aleksandr Antoshchenko**, PhD, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of Russian History in Petrozavodsk State University, antoshchenko@yandex.ru*

[34] Виноградова (в замуж. Соколова) Елизавета Гавриловна (1856–?) – педагог, сестра П.Г. Виноградова.

[35] «Jahibücher für Nationalökonomie und Statistik» – немецкий научный журнал по вопросам экономики и статистики, издаваемый в Штутгарте с 1863 г.

[36] Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – историк, публицист, политический деятель, ученик П.Г. Виноградова в Московском университете.

[37] Чупров Александр Иванович (1842–1908) – экономист, статистик, общественный деятель, член-корреспондент (1887) Петербургской АН. Товарищ П.Г. Виноградова.

Н.Б. Граматчикова, М.А. Литовская, Н.А. Михалев, Н.В. Суржикова

«СКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ВЫЛЕЧИЛ БАБКУ АГРАФЕНУ» ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ И ЕЕ СМЫСЛЫ[1]

В публикации актуализируется обозначившаяся в 1920-е гг. проблема поиска путей и форм диалога между большевистской властью и деревней. Перевод на понятный крестьянину язык идеологических установок нового политического режима потребовал наладить «разговор» с деревней, что привело к увеличению числа самоописательных нарративов сельчан. Наряду с этим, однако, стали появляться и псевдофольклорные произведения, созданные профессиональными литераторами. Как показано на примере одного из них, «Сказа о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену», функционал таких историко-литературных мистификаций состоял, помимо прочего, в формировании посмертного мифологизированного образа В.И. Ленина. Анализ ретроспективного источника показывает, что к середине 1920-х г. этот образ в целом уже был очерчен, но при этом недостаточно убедителен в своих деталях. Будучи феноменом переходного периода, «Сказ…» запечатлел невозможную позже травестию сакрального и профанного, а также недоформулированность актуальных и перспективных агитационных установок. Кроме того, ретроспективный источник интересен и важен как олицетворение предчувствия близкой тотальной советизации крестьянского мира, идеи которой уже просочились в публичное пространство.

***Ключевые слова*:** *эго-источники, крестьянский мир, «народная письменность», историко-литературная мистификация, псевдофольклор, модернистская эстетика, культ Ленина, религиозный дискурс*

Письма, дневники и воспоминания российского крестьянства первой половины XX в. явно не относятся к числу малоизвестных эго-источников[2]. Преумножению их в 1920–1930-е гг. напрямую способствовала изменившаяся политическая ситуация в стране, требовавшая как переосмысления, так и добавления категорий и символов, которыми оперировала деревня. Историки советской культуры отмечают, что в этот период «делается попытка с помощью фольклора понять тот *регистр языка, на котором надо говорить с народом*; этим он оказывается интересен как теоретикам, так и практикам нового мира»[3]. Новый, большевистский режим, пытаясь найти подход к неграмотному и малограмотному крестьянству, прежде всего посредством перевода своих пропагандистско-идеологических установок на понятный крестьянину язык, не только присматривался к деревне, но и активно пытался «раз-

[1] Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте» (рук. Н.В. Суржикова).

[2] См., об этом, напр.: Дневник тотемского крестьянина…; Дневные записки усть-куломского крестьянина…; Йокояма 2014; На разломе жизни…; Тепцов 2002; и др.

[3] Архипова, Неклюдов 2010 (http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html)

говорить» деревню, чтобы узнать и понять ее язык. Все это вело к увеличению числа самоописательных опытов сельчан.

Воплощением встречного интереса традиционно закрытой и пока еще готовой к диалогу с новой, советской властью деревни стала «Крестьянская газета», основанная 25 ноября 1923 г. в дополнение к издававшейся с 1918 г. газете «Беднота». «Газета должна освещать крестьянскую жизнь, практически помочь крестьянству разобраться в вопросах хозяйственных, земельных, судебных и др. …осветить крестьянству весь смысл происходящих мировых событий и их тесную связь с жизнью нашей Республики», – писал М.И. Калинин, приветствуя в первом номере «Крестьянской газеты» ее читателей[4]. Следуя этому призыву, изначально нацеленная на превращение крестьянина в читателя и корреспондента, газета активно развивала селькоровское движение, используя его и как канал мониторинга, и как инструмент контроля настроений негородского населения. Как результат, уже к сентябрю 1925 г. с газетой сотрудничало 5 тыс. селькоров (в том числе: 3843 – из РСФСР, около 400 – с Украины и более 150 – из Белоруссии)[5], а современникам авторитетные авторы объясняли, что именно «селькор – это слиток деревни. И деревня имеет лучшего своего знатока [в лице] селькора»[6].

Стоит ли удивляться, что именно селькоры «Крестьянской газеты», получившей в 1924 г. более 240 тыс. писем[7], в июле 1925 г. оказались в центре весьма ответственной кампании по сбору воспоминаний о революции 1917 года на селе. Известно, что в результате ее проведения «Крестьянская газета» получила порядка 500 откликов из 57 губерний и 225 уездов. 85 таких откликов, т.е. менее 20%, впоследствии были отобраны для публикации в вышедших во второй половине 1920-х гг. сборниках документов[8]. В массе своей не соответствующие властному заказу остальные крестьянские рассказы о революции в конце концов были сданы в архив[9], в дальнейшем представляя интерес лишь для профессиональных историков[10]. Историки, однако, так и не удостоили материалы «Крестьянской газеты», 82,2 % которых приходится на письма[11], комплексного фронтального исследования, причем даже в постсоветский период, когда идеологические конвенции ушедшей эпохи утрати-

[4] О партийной и советской печати… С. 283.
[5] См.: РГАЭ. Ф. 396: Редакция «Крестьянской газеты». Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396 Редакция «Крестьянской газеты». Л. 5.
[6] Панферов 1926. С. 15. Цит. по: Красная новь… С. 8.
[7] См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396… Л. 7.
[8] См.: Война крестьян с помещиками…; Революция в деревне…; 1917 год в деревне…. Об истории создания этих сборников см.: Кабанов 1986. С. 182–187.
[9] См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 758, 764, 765.
[10] См., напр.: Голоса крестьян…; Крестьянские истории…; Лившин 2002; Письма смоленских крестьян… 2011; и др. См. также: Кознова 2005; Кузнецов 1996; и др.
[11] См.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. № 1–11: Предисловие к ф. 396… Л. 9.

ли силу, а интерес к несоответствующим этим конвенциям документам резко возрос. Современными исследователями письма сельчан в «Крестьянскую газету» стали интерпретироваться главным образом как «наивные тексты», атрибутивно значимым признаком которых является гетерогенность нарративных и символических форм.

Свидетельства крестьян, поступившие в «Крестьянскую газету», действительно безыскусны даже внешне, поскольку не просто написаны от руки, но и в массе своей лишены признаков сколько-нибудь глубокого знания их авторами правил орфографии и пунктуации. Незатейливые элементы декора, включенные в текст (рамки, волнистые линии), придают посланию сходство с картиной, где автор размещает себя и своих героев, пользуясь непривычным ему письменным вербальным кодом. Отсылкой к миру крестьянства, в котором локальная идентичность еще явно преобладала, также можно считать и то, что практически каждый селькор неизменно подчеркивал, зачастую многократно, свою принадлежность к определенному месту жительства, точке на карте страны, а не к стране как таковой[12]. Все это, однако, не означает, что корреспонденция, отложившаяся в фонде «Крестьянской газеты», архаична и однородна. Высказать такое предположение позволяет, в частности, сохранившийся в том же фонде документ с интригующим названием «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену». Он зримо отличается от других, но вовсе не тем, что напечатан на машинке. Этот текст «безместен», он оставляет читателя в неведении по поводу того, где находятся упоминаемые в источнике дважды дальние Пахомки, и где А. Юрцевым[13] был написан или записан сказ о путешествии бабки Агафьи в Москву, к Ленину. Больше того, детали, которые могут быть истолкованы как приметы послереволюционного времени (Петька-комсомолец, «союз рабочего с крестьянством», антирелигиозная риторика, борьба с неграмотностью в деревне), в «Сказе…» легко распознаются, но не носят выраженного конкретно-исторического характера. Это, скорее, образы и попытки их научного комментирования лишены смысла просто потому, что комментарии не позволяют ничего уточнить. Такую особенность «Сказа…» можно объяснить жанровой спецификой данного источника, напоминающего полуфольклорное-полулитературное произведение[14].

---

[12] См., напр.: РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 235.

[13] «Живая», рукотворная подпись А. Юрцева в документе отсутствует. Вполне возможно, что в документе использовался псевдоним, но возможно и то, что создателем «Сказа...» был литератор А. Юрцев, позднее, в 1927 г., составивший вместе с М. Афониным сборник воспоминаний (см.: На фронт и на фронте…). Эту версию подтверждает интерес автора к феномену «народной памяти», сочетанию имитации народного слова с идеологически верной интерпретацией тех или иных событий.

[14] О бытовании подобных источников см., напр.: Богданов 2009. С. 102–110; Иванова 2002; Русский политический фольклор…; Фольклор России…; и др.

Современному читателю, незнакомому с литературной жизнью послереволюционного периода, «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену» действительно может показаться образцом «народной письменности». Но это впечатление обманчиво, поскольку ретроспективный источник явно создан начитанным автором в рамках модернистской эстетики. В «Сказе…», текст которого типичен для газетных образчиков 1920-х гг., прослеживаются устойчивые тенденции профессиональной словесности того периода[15]. Это лучше всего демонстрирует установка на своеобразно оформленный полифонизм (многоголосие) – прием, который, как тогда считалось, позволяет наиболее органично передавать «язык улицы»:

Рожи расползалися в улыбку.
– факт он нашин[.]
– факт такой он с нами[.]
– ладный парень, землеродный[.]
– хорошо зерно на поле[.]
Петька дальше махом:
– А сейчас он помер. И недавно.
Говорить не дали. Заголдели. Гудом:
– БРЕШЕШ[.]

Реплики отдельных персонажей, которые проявляют себя в тексте только через слово (коллективный портрет «массы» обозначен словом «рожи»), записываются здесь «в столбик» и отделяются друг от друга тире не случайно, а для того чтобы указать на нового говорящего. Также не случайна и «игра» с заглавными и строчными буквами, призванная передавать тон и силу разных голосов. В результате создается впечатление спонтанной речи перебивающих друг друга людей, совокупно формулирующих мысль и выражающих общий настрой.

Отрывочность устной речи, ее многочисленные неправильности, связанные со статусом говорящих, призваны подчеркнуть подлинность народного полилога. Но в тексте «Сказа…» различимы и другие приемы, усиливающие экспрессивность речи:

– Нашему, земляному не поверить?
– Этот не соврет и не обманет[.]
– Потому что большелобый[.]
– Сердцелюбый[.]
– И ученый.

Ритм приведенного отрывка – и это типично для «Сказа…» в целом – подчеркнут специфической записью, делающей прозаический текст похожим на поэтический (см. также: «Нанизала как на нитку рыбу – речи»; «И призвал к восстанью, против кучки зубров, что большую землю топчат, рвут на части. Давят, кровь сасут из работеев» и т.п.).

[15] Об этих тенденциях см. подробнее: Белая 1977; Мущенко 1978. С. 181–221; и др.

Ритмизованность «Сказа…», а также многочисленные инверсии, анафоры и сложные эпитеты («сердцелюбый», «большелобый» и т.п.) – все это указывает на то, что данный текст написан в традиции т.н. «орнаментальной прозы», для которой характерна «повышенная ощутимость повествовательного текста как такового. Между тем за этим понятием скрывается не сугубо стилистический, а структурный принцип, проявляющийся как в тексте, так и в самой повествуемой истории»[16].

В содержательном плане «Сказ…» является характерным для словесности 1920-х гг. эклектичным текстом, в котором соединяются «народный» взгляд на жизнь и отчетливая идеологическая заданность, неминуемое противоречие между которыми сглаживает почти барочная вычурность словесного оформления. Главная задача «Сказа…», как и других подобных произведений, без сомнения, состояла в создании посмертного мифологизированного образа первого руководителя советского государства. Будучи приоритетной для советской печати второй половины 1920-х гг., она решалась по-разному[17], в том числе и посредством использования жанровой формы сказа, служившей для передачи народной точки зрения на происходящее[18]. Но в нашем случае, повествуя о «хожении» бабки Аграфены к ленинскому мавзолею, «наивный рассказчик» если и имел в виду народную точку зрения, то явно не в первую очередь. «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену» был призван выполнять прежде всего пропагандистскую функцию, о чем недвусмысленно свидетельствуют: а) рассказ о создании партии «большелобых парней», о советах как форме государственного устройства, о роли в современной истории неназванного по имени Маркса («Показал он на картине деда, бороду носил что как кудряву рощу роздал по сердцам всем») и Ленина; б) объяснение разницы между культом святых и почитанием Ленина; в) призыв к крестьянам обращаться со своими болезнями в государственные больницы.

Вместе с тем «Сказ…», имитируя несказочную прозу, оказывается сориентирован на передачу достоверной информации. Его основная сюжетная пружина – болезнь бабки Агафьи («болюшка большая в пояснице»), которая отправляет ее сначала в паломничество по монастырям, а потом приводит в мавзолей к Ленину, после чего происходит чудесное исцеление главной героини повествования. Жизнь Аграфены – от «смеюги» Агашки до бабки Агафьи – выстроена в соответствии с типичной для литературы 1920-х гг. схемой, в рамках которой всячески подчерки-

---

[16] Шмид 2003. С. 261.

[17] См. об этом: Богданов С. 194–217; Панченко 2005; Тумаркин 1997; и т.п.

[18] См. тексты о Ленине и их интерпретации в 1920–1930-е гг.: Азадовский 1934; Акульшин 1925; Гринкова 1936; Пясковский 1930; Сейфуллина 1924; Хандзинский 1925; Хлебцевич 1924; и др.

ваются тяготы жизни простого народа при царизме. Но такая схематизация мало влияет на достоверность рассказа, в то же время объясняя, почему одним из ведущих в тексте «Сказа…» оказывается *религиозный дискурс*. «Обида на бога», ссора с ним, так и не пославшим Аграфене избавления от тягот и болезни, не ведут к изменению типа ее сознания. Оно остается религиозным, взывая к авторитету нового святого – Ленина. В «Сказе…», таким образом, очевидна подмена в религиозном дискурсе: на пустующее место Бога примеряется Ленин, на место обитания Бога – Мавзолей как утверждаемый заново центр мира, на место Священного Писания – газета. Рассмотренный в таком ключе текст «Сказа…» обнаруживает свое сходство с апокрифической литературой 1920–1930-х гг., допускавшей бесконфликтное соседство образов советских политических лидеров (Ленина и Сталина) с христианскими святыми и выступавшей прежде всего в качестве формы осмысления происходящего в стране на языке, понятном большинству родившихся до революции граждан[19]. Кроме того, текст развивается настолько же в жанре «хожения», насколько следует популярному в 1920-е гг. дискурсу о санитарной гигиене[20]. Ленин дарует-таки исцеление Агафье, но непрямым путем: бабка обретает излечение не от мощей/мумифицированного тела Ленина, но от системы больниц, выстроенных в советской стране по заветам вождя: «Сам и он не лечит. Но он дал всему народу: лечебницы, больницы. Там вот вылечат твою больную поясницу».

В целом же оценка Ленина, данная в тексте «Сказа…», размыта и неопределенна: с одной стороны, он подчеркнуто «не-святой», «человечий» («Но не бог он, просто умный»), с другой – он «не воняет», тело его не предается тлену, что в народном сознании было одним из признаков святости и напоминало о еще незабытой истории с канонизацией Серафима Саровского 1903 г. При этом характерно, что в «Сказе…» из биографии В.И. Ульянова-Ленина для агиографического канона отбираются именно те факты, которые позже станут, многократно повторяясь, непременными элементами советской ленинианы (например, сюжет о большой дружной семье Ульяновых: «Жили кустом, дружно. Никого не обижали. И их любили крестьяне – простые такие, наши, родные»).

Предваряя публикацию «Сказа о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену», необходимо подчеркнуть, что сегодня этот источник интересен, в первую очередь, как феномен переходного периода, когда процесс канонизации образа вождя еще далек от завершения, но ситуация его смерти в идеологически верном ключе в целом уже определена (в частности, В. Маяковским в 1924 г. уже написана поэма «Владимир Ильич Ленин», аккумулирующая основные элементы образа Ленина,

[19] См. об этом, напр.: Быкова 2013. С. 130; Апокрифические тексты… С. 76–77.
[20] См. об этом, напр.: Орлова 2007.

ставшие впоследствии расхожими характеристиками-клише). Будучи феноменом переходного периода, «Сказ…» запечатлел невозможную позже травестию сакрального и профанного («Ленин не подгадит»; «что лежит он в мавзолее, не гниет он[,] не воняет – он святой», интригующий эпизод с подтягиванием бабкой юбки у тела покойного вождя), а также недоформулированность агитационных установок, которые пока только осторожно нащупываются и апробируются:

– ЛЕНИН УМЕР, ЭТО ПРАВДА. НО ЖИВЕТ ОН С НАМИ, В КАЖДОМ [ИЗ] НАС
КТО СЕЕТ,
КТО КУЕТ,
В КАЖДОМ ЛЕНИН РАБОТЕЕ.

Помимо того, «Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену» примечателен еще и потому, что он, очевидно, являлся одним из первых опытов создания «фольклорных текстов» о советском строе профессиональными литераторами. В этом смысле настоящий документ может рассматриваться не только как свидетельство активной политизации литературы, которая всегда в той или иной мере политизирована, но и как предчувствие близкой тотальной советизации деревни.

Источник публикуется полностью, без изъятий, под авторским заголовком. Текст воспроизводится максимально близко к оригиналу, с сохранением авторского стиля, лексики, орфографии и пунктуации. Недостающие части слов и знаки препинания вставлены только там, где они необходимы для облегчения восприятия и понимания. Явные опечатки исправлены и оговорены в археографических примечаниях. Пометы, исправления и пр. особенности текста также прокомментированы в археографических примечаниях.

СКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ВЫЛЕЧИЛ БАБКУ АГРАФЕНУ[21][22][23]

Семьдесят лет бабке, семьдесят лет на свете живет Агафья. Семь человек детей прижела да от них внучат не перечесть колько.

– Бабка, помирать пора[, –] кажут бабке Агафье[24] все чаще. А бабка сплюнет, повернется в угол, а если на воле [–] к солнцу, крестом обложет и скажет:

– Э милый. Семь десяток прожила и еще поживу. Все и мне кусочек остался бают. Хватит на всех. Свет то он как велик. Зачем помирать то милый, здесь[25] хорошо[,] родный.

---

[21] Заголовок подчеркнут машинописным способом.

[22] В левом верхнем углу страницы рукописная помета *Архив.*

[23] В правом верхнем углу каждой из семи страниц документа от руки проставлены их порядковые номера в формате *1 стр, 2 стр* и т.д.

[24] Заглавная *А* вписана от руки поверх машинописной строчной *а*.

[25] *Здесь* впечатано над строкой вместо зачеркнутого от руки слова *нрбз.*

Не хочется помирать бабке, не хочет помирать старая Агафья. Дышет. Еще[26] живеет.

Все-б хорошо было бабке, если не одно горе Агафьи старой; – большое горе. Болюшка большая была в пояснице у бабке Агафьи – чем других изводила[27]. Кряхтит в непогоду, кряхтит старая – очень уж боль-то большая[28], стойная.

– Бабка, не кряхти старая, – душу как жилу тянеш [.]

– А как не хряктеть-то милый. Болюшка в поясничку стала; оот[29] какая боль-то[,] – разводит руками.

– Ладно тебе бабка, говорил помирать надо[.]

– Не, не Ванюшка, – пусть будет зынько и пить хотца, а свет покидать нудно[.] Вас помотреть еще хотца, внучек[,] котят моих гладить нужно, что-бы жилось им ладно.

– Бабусь, а отчего зуднит в поясничке, а у меня не больно[, –] спросит кубарик Мишка[.]

– От грехов милый, от злобы[30] нашей [, –] скажет и засмеется.

– Бабу, а у меня не будет больно в поясничке?

– Не будет милый, если будеш добрый, любить всех будеш [,] хороший[.]

– Ладная ты у нас бабка, – любить и тебя будем[, –] говорят сыны[.]

– Спасибо детки, спасибо[, –] и опять смеется, кудакчет, – сказки шепчет на печке ребятам.

Бабка не говорит отчего боли. Если спросиш:

– От злобы, что душу давно съели[31][.]

Не верят ребята.

– Что-бы бабка Агафья в злобе? – Что-бы бабка Агафья в гневе? Но если можь от горя; горь у бабки было много – то можно.

Трое сынов у бабке убили – машины убили. Фабричные были. Ну и задохлись. Кровью горлом ходили и сохли; – как сохнет море[,] текая. И сыны ссохли.

Не стало.

– Не, не от этого боли. Бабка дрова пилила. Давно это было, как в сказке— были. На бар крепостные робили. Деревья брала она с духу, большие-большие, одна таскала. Ну[,] может[,] и надорвалась.

Другой сын кажет.

– Вот от чего боли. Отец еще баил. Дерево большое пилили, как сто их – оно и упало, да верхом ударило бабе, тогда Агашке[-]смеюге, накатке.

И перестала Гашка смеяться. Стала ходить к знахаркам. Превращалась в Агафью. Детей родила, страдала, – а боли не унимались. Так семерых родила. Решила:

– Пойду по святцам, по манастырям и землям.

---

[26] *Еще* вписано от руки после зачеркнутого машинописным способом *ЕЩе*.

[27] *Чем других изв* впечатано над строкой вместо зачеркнутого от руки *большое горе*.

[28] Испр. По смыслу, в документе *боьшая*.

[29] *Оот* подчеркнуто от руки.

[30] *Злобы* впечатано над строкой вместо зачеркнутого машинописным способом *грехов*.

[31] Перед *съели* от руки вычеркнут несколько букв *нрбз*.

И пошла[32] Аграфена. Где, и сколько ходила, не знали. Не говорила. Только пришла уже к сынам бабкой, да с той-же болью в пояснице.

Узнала[,] что померли детки. Трое. Отвернулась, ничего не сказала. Только[33] еще сидеватей стала, да перестала ходить в церьковь. Говорили:

– Рассердилась бабка Агафья на бога[.]

Хотя никто и не знал толком

– Какую большую обиду[34] вынесла от него Агафья?[35]

А Агафья все-же молилась. Но только за сынов, за деток, за внучек – себя пропускала.

Так и жила-б бабка Аграфена до смерти, если б…[36]

Но об этом в следующем сказе[.]

II.

Был в городе Симбирске старый бородач учитель Ульнов[37], смотритель народных училищ, – не[38] земель, не домов[,] неимущий.

Были с женой[39] у них дети: – сыны да бабы[.]

Бабы: Александра и Марья[.]

Сыны: Александр, Владимир и Дмитрий. Трое.

Жили кустом, дружно. Никого не обижали. И их любили крестьяне – простые такие, наши, родные.

Старились сами. Зато росли дети. А выросли, стали фалангой и назвались: – революционеры; – что за народ всегда болели, за него страдали.

– Дети хоть куда[, –] говорили крестьяне, хоть и мало знавали. На ощюпь, по чутью[40], брали.

Царь, Александр III, что любил пить водку и вешать – проведал:

Есть Александр Ульянов, что за народ болеет. Поймал его и с другими такимиж повесил.

Тогда поднялся СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ ВЛАДИМИР[41]. Встал. Посмотрел и запомнил.

И еще больше полюбил народ и дело, а назвался ЛЕНИН[,]

что весь мозг свой и большое сердце подарил рабочем людям.

Этот не пошел один. Он созвал народы и держал на вече реч к всему простому люду. Показал он на картине деда, бороду[42] носил[43] что[44] как кудряву рощу[,] роздал по сердцам всем, а после баит:

---

[32] Испр. по смыслу, в документе *понла*.
[33] Испр. по смыслу, в документе *тоько*.
[34] Буква *б* вписана от руки поверх буквы *д*.
[35] Знак вопроса вписан от руки.
[36] Здесь и далее отточия документа.
[37] Здесь и далее так в документе, должно быть *Ульянов*.
[38] Здесь и далее так в документе, должно быть *ни … ни*.
[39] *С женой* вписано от руки над строкой.
[40] *По чутью* вписано от руки над строкой.
[41] Здесь и далее заглавное написание документа.
[42] После *бороду* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.
[43] Буква *л* вписана от руки поверх буквы *нрбз*.
[44] *Что* вписано от руки над строкой.

– Он всех лучьше. С ним пойдем мы. С ним не пропадете. Но не бог он, просто умный.

И призвал к восстанью, против кучки зубров, что большую землю топчат, рвут на части. Давят, кровь сасут из работеев.

Ему поверили[.]

– Нашему, земляному не поверить?

– Этот не соврет и не обманет[.]

– Потому что большелобый[.]

– Сердцелюбый[.]

– И ученый.

Ленин крикнул:

ВОССТАНЬЕ!!![45]

Встал у изголовья и повел народы. Долго вел. В конце побили[46].

– Для того он и назвался Ленин[.]

– Ленин не подгадит.

После стал и правил. Выбрал большелобых парней – партию создал он. Он создал советы. Вместе, сообща что-б ладить.

Много дела делал. Много.

Все счетал на счетах:

– Что кому осталось, надо.

Раздавал. Ругал. И гладил.

Дело.

После как устал, не доглядели просто, как и все, чудно немного даже, ПОМЕР.

Никто не верил.

– Ленин помер? Этот нет, не может.

И сейчас не верят.

А ведь он оставил дело и свои заветы. Он просил скорей исполнить. Строгий, скажет надо – надо зделать![47]

– Непременно надо.

Если правда помер Ленин и оставил дело и заветы, – то исполним [–] отозвалось эхом.

– И заполним все проталы[48][,] что до этого бывали.

И валили к делу. Много. Много.

Ленин помер[,] но он жив на деле зовом.

А лежит он в мавзолее.

III.

На село приехал Петька[-]комсомолец. Сам фабричный, – там в Москве работат. Петька к парням. Раз зашел к товарищу Ванюшке, Аграфены бабки сыну. Заседелся, говорил все, много, ладно.

Уши в трубку, слушали крестьяне[.]

– Петька, правду трепешь, не смущаешь?

---

[45] Восклицательные знаки вписаны от руки.

[46] Так в документе, возможно, должно быть *победили*.

[47] Восклицательный знак вписан от руки.

[48] *Проталы* вписано от руки над строкой вместо вычеркнутого *пробелы*.

– Вот еще[.]

– Ну ладно, баиш дальше.

И опять вбирали уши, пили будто чай в накладку.

Петька говорил о власти. Что она самих их. А потом завел об Ильиче.

О том знакомом, что когда[-]то мельницу у них поставил. Говорил о том, как жил он просто, что он сделал для рабочих, как крепил союз рабочего с крестьянством[.]

Рожи расползалися в улыбку.

– факт он нашин[.]

– факт такой он с нами[.]

– ладный парень, землеродный[.]

– хорошо зерно на поле[.]

Петька дальше махом:

– А сейчас он помер. И недавно.

Говорить не дали. Заголдели. Гудом:

– БРЕШЕШ[.]

Петька богом клясться, хоть не верил в бога. Для увера – показал газету[49].

Тут поверили, но мало. И прочли, прослушали газету смерти. Читали и ревели[50]: старики ходили в сенца часто, бабы наклонялись, в подолы сморкались[51][.]

А прочли, – решили:

– Отослать проверить, что то тут... неладно…[52]

Печка выпустила жало, туловище бабки Агрофены. Бабка слушала, копала уши[,] чтобы[53] лучше слышать, больше слышать. Нанизала как на нитку рыбу – речи. Долго слушала и заключила, после, как сказали умер, что лежит он в мавзолее, не гниет он[,] не воняет – он святой. Тот самый, что один могущий уничтожить боли в пояснице.

Долго ждала бабка. Для того не помирала. Бабье сердце говорило: Погоди[54]. Ще рановато.

Слезла бабка Аграфена с печки. Вышла в сенцы, Петьку поджидает.

Вышел Петька. Аграфена:

– Петя, милый, а к нему прийти[55][-]то можно?

– Можно[,] бабка[.]

– Каже?

– Просто, – жарь в Москву, а тамо спросиш: где и как лежит Ульнов-Ленин[.]

– Ленин[,] Петя?

– Ленин. Самый больший человече, бабка.

И пошел[,] оставил бабку. Бабка в избу. На две стороны поклоны, – реч такую:

---

[49] Знак тире в середине предложения вписан от руки.

[50] Знак двоеточия после *ревели* вписан от руки.

[51] После *сморкались* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.

[52] *Неладно…* вписано от руки.

[53] *Чтобы* вписано от руки.

[54] Перед *Погоди* от руки вычеркнуто слово *нрбз*.

[55] Испр. по смыслу, в документе *прйти*.

– мужички[,]
– бабоньки[,]
– ребятки[,]

– старая я очень стала. А его-то не увижу, каже[56]? Пустите миром, делегаткой[57]. Загалдели:

– Старая ты[,] бабка Аграфена, не увидиш, не расскажеш [.]
– Ничего, глазеет[.]
– Верно, бабку Аграфену[.]
– Бабка смыслом[.]
– Бабка умна[.]
– Бабку, бабку[,] –зашумели ребятишки[58][.]
– Бабку[.]

Так на том и порешили; бабку посылали с раз[ъ]яснен[и]ем, поспросить, ответить:

– Правда ль Ленин бают в мавзолее, и от туда продолжает править.

IV.

Долго ехала Агафья. Все в окно глядела – как-бы не проехать мавзолея.

Ведь сказал же Петька, что он самый больший, ты его увидиш.

И когда подъехали к вокзалу и Москва встречала; бабка сразу молодою, первой из вагона. Пошегала.

Я увижу, он большенный.

Вышла. Площадь, что твое большое поле. Люди, что на праздничной гулянке – масса. Ходят, бегают, катают. Бабка стала.

– Где же Ленин? Может не достала? Рано слезла?

Подошли ребята[59]:

– Бабка, отвести штоль?
– Не, сама шагаю. Вы вот лучше бабке байте, где лежит Ульнов?
– Бабка, к Ленину тебе что ль[60]?
– К ему [,] милый…[61]
– Так иди вот так, все прямо. Дальше спросиш.

Пошегала. Так и шла дорогой бабка, как не спросиш, Ленин-ли, Ульнов, всякий[62] скажет. Удивлялась:

– Как все знают. Значит был высокий. Все видали.

И шагала. И глазела.

Вот и площадь. Пара дядек с пальцем. Палец прямо. Бабка[,] как казал тот палец[,] смотрит; домик, так себе хибара, а над домом сверху надпись.

Бабку выучили читке. Вот теперь и пригодилось. По складам сама читает:

– ЛЕ-НИ-Н ЛЕ-НИ-Н[.]

---

[56] *Каже* напечатано как *какже*, затем вторая буква *к* вычеркнута от руки.
[57] Буква *й* вписана от руки.
[58] Знак тире вписан от руки.
[59] Знак двоеточия после *ребята* вписан от руки.
[60] Частица *ль* вписана от руки.
[61] Знак многоточия вписан от руки.
[62] Буква *й* вписана от руки.

Закричала:

– Вот он, вот он, вот он[,] родный

и пустилась к мавзолею. У дверей остановили[:]

– Пропуск?

Я к нему же, к Ленину, пустите[.]

– Пропуск надо[.]

Бабка стала. Удивленье. Смотрит.

– К нему пропуск?

– Ты что[,] бабка, из деревни?

– Ну да[,] милый, из Пахомки[.]

– Так иди туда вон. Показали. Там тебе дадут бумажку, с ней и шпарь сюда вот[.]

Зашагала бабка. Заворчала:

– Без бумажек посмотреть не можно. Уж его[-]то.

Пропуск дали, как узнали из деревни дальней. Но смеялись, ох и хохатали, как сказала, что приехала узнать всю правду:

– правда ль[,] умер Ленин.

Бабку с пропуском пустили. Опустилась. Увидала: гроб на возвышеньи, красный[63][,] с четырех сторон солдаты[.]

– Сдеся даже[64] не дадут ему покою.

Было бого[65] помянула, да сказали[:]

– В бого он не верил и не любит поминаний. Утерпела.

Бабка стала, растегнула шубку и пошла. С этого началось.

Подошла поближе, увидала[.]

– Экий гололобый, бледен очень. Строгий.

Осмотрелась. Потом мигом юбку к верху подтянула и хотела... да остановили[66][.]

– Что ты[,] бабка, что ты, ашалела. Что ты хочеш?

– Поясничкой приложиться. Как же[,] милый, сорок лет она болеет[.]

– Что ж ты хочеш?

– Боли что б остановились. Он ведь может. Он ведь лечит.

– Ах ты[,] бабка, ах ты старая. Да ведь Ленин[,] как и ты[,] такой же человечий, не святой он[.]

– Знаю милый. Он особенный[,] святой-то. Те не лечат, я ходила.

– Стой ты[,] бабка. Сам и он не лечит. Но он дал всему народу: лечебницы, больницы. Там вот вылечат твою больную поясницу. Поясница у тебя что ль в боли?

– Поясница[,] милый[.]

– Вылечим, неправда. Ленин так велел, что б весь народ лечили. Идем[,] бабка[.]

– [По]стой; дай поклон оставить.

Подошла сказала:

---

[63] Буква *й* вписана от руки.

[64] После *даже* вычеркнуто несколько букв *нрбз*.

[65] Здесь и далее так в документе, должно быть *бога*.

[66] Испр. по смыслу, в документе *остановиои*.

– Привет тебе старый, ото всех крестьян Пахомки. Дальние мы…
Простившись зашегала с важным. К самой Ленинской больнице.

V.

Черезъ месяц возвратилась бабка Аграфена. Боли стали. Бабка молодее[.] Созвала крестьнов. Полна изба наволила слушать. Говорила:

– ЛЕНИН УМЕР, ЭТО ПРАВДА. НО ЖИВЕТ ОН С НАМИ, В КАЖДОМ [ИЗ] НАС
КТО СЕЕТ,
КТО КУЕТ,
В КАЖДОМ ЛЕНИН РАБОТЕЕ.

[…] /V-25. А. Юрцев[67]

РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 765. Л. 294–300. Подлинник (?). Машинопись.

Источники

Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 758, 764, 765.

1917 год в деревне (Воспоминания крестьян) / сост. И.В. Игрицкий; предисл. Я.А. Яковлева. М., 1967.

1917 год в деревне. Воспоминания крестьян / сост. И. В. Игрицкий. М., 1929.

Акульшин Р. Три сказки: Гражданская война и Ленин в народном творчестве // Новый мир. 1925. № 11. С. 120–122.

Апокрифические тексты, оригинальные сочинения духовной культуры и памятники народного суеверия в собрании Государственного архива административных органов Свердловской области / публ. подготовили А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 76–77.

Война крестьян с помещиками в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. Я.А. Яковлева. М., 1926.

Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.

Гринкова Н.П. Воронежская сказка о Ленине // Ученые записки Государственного педагогического института имени А.И. Герцена и Государственного научно-исследовательского института научной педагогики. Л., 1936. Т. II: Факультет языка и литературы. Вып. I. С. 319–325.

Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева (1906–1922 гг.) / подг. В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М., 1995.

Дневные записки усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева. 1902–1953 / подг. текста Т.Ф. Волковой, В.В. Филипповой. М., 1997.

Красная новь Крестьянство на переломе (1920-е). М., 2017.

Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С.С. Крюкова. М., 2001.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 / подг. М.И. Мильчика, М.А. Шумар. М., 1997.

На фронт и на фронте: сб. воспоминаний / сост. М. Афонин и А. Юрцев. М.-Л., 1927. 146 с.

О партийной и советской печати: сб. документов. М., 1954.

Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов. Смоленск, 2011.

Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян / под ред. и с предисл. Я.А. Яковлева. М., 1927.

Сейфуллина Л. Мужицкий сказ о Ленине // Красная новь. 1924. № 1 (18). С. 162–169.

[67] *А. Юрцев* отчеркнуто машинописным способом.

Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) в письмах и воспоминаниях: 1929–1933 гг. М., 2002.

Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов. М., 1994.

Хандзинский Н. «Покойнишный вой» по Ленине // Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. III–IV. С. 53–64.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Азадовский М.К. Ленин в фольклоре // Памяти В.И. Ленина: Сб. ст. к десятилетию со дня смерти. 1924–1934. М.-Л., 1934. С. 881–897 [Azadovskij M.K. Lenin v fol'klore // Pamyati V.I. Lenina: Sb. statej k desyatiletiyu so dnya smerti. 1924–1934. M.-L., 1934. S. 881–897].

Архипова А., Неклюдов С. Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–103 [Arhipova A., Neklyudov S. Fol'klor i vlast' v zakrytom obshchestve // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. № 101. S. 84–103].

Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. Ч. 1: В поисках активности стилевых форм. М., 1977. С. 17–150 [Belaya G.A. Zakonomernosti stilevogo razvitiya sovetskoj prozy dvadcatyh godov. CH. 1: V poiskah aktivnosti stilevyh form. M., 1977. S. 17–150].

Богданов К.А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009 [Bogdanov K.A. Vox populi. Fol'klornye zhanry sovetskoj kul'tury. M., 2009].

Быкова С.И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2013. № 4(3). С. 128–134 [Bykova S.I. Vozhd' kak vrag: negativnye konnotacii obraza I. Stalina v predstavleniyah sovremennikov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. Lobachevskogo. 2013. № 4(3). S. 128–134].

Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 403–431 [Ivanova T.G. O fol'klornoj i psevdofol'klornoj prirode sovetskogo eposa // Rukopisi, kotoryh ne bylo: poddelki v oblasti slavyanskogo fol'klora. M., 2002. S. 403–431].

Йокояма О.Б. Письма русских крестьян: тексты и контексты. В 2-х тт. М., 2014 [Jokoyama O.B. Pis'ma russkih krest'yan: teksty i konteksty. V 2-h tt. M., 2014].

Кабанов В.В. Собирание и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 182–187 [Kabanov V.V. Sobiranie i publikaciya v 20-h godah krest'yanskih vospominanij ob agrarnoj revolyucii i grazhdanskoj vojne v Rossii // Arheograficheskij ezhegodnik za 1984 god. M., 1986. S. 182–187].

Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: дис. … д.и.н. Самара, 2005 [Koznova I.E. Istoricheskaya pamyat' rossijskogo krest'yanstva v HKH veke: dis. … d.i.n. Samara, 2005].

Кузнецов И.А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х годов: дис. … к.и.н. М., 1996 [Kuznecov I.A. Pis'ma v «Krest'yanskuyu gazetu» kak istochnik dlya izucheniya mentaliteta rossijskogo krest'yanstva 1920-h godov: dis. … k.i.n. M., 1996].

Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978 [Mushchenko E.G., Skobelev V.P., Krojchik L.E. Poetika skaza. Voronezh, 1978].

Орлова Г. Организм под надзором: тело в советском дискурсе о социальной гигиене (1920-е годы) // Теория моды. 2007. Вып. 3. С. 251–270 [Orlova G. Organizm pod nadzorom: telo v sovetskom diskurse o social'noj gigiene (1920-e gody) // Teoriya mody. 2007. Vyp. 3. S. 251–270].

Панферов Ф. От селькора к писателю // Крестьянский журнал. 1926. № 10. С. 15 [Panferov F. Ot sel'kora k pisatelyu // Krest'yanskij zhurnal. 1926. № 10. S. 15].

Панченко А.А. Культ Ленина и советский фольклор // Одиссей. Человек в истории. М., 2005. С. 344–366 [Panchenko A.A. Kul't Lenina i sovetskij fol'klor // Odissej. CHelovek v istorii. M., 2005. S. 344–366].

Пясковский А.В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л., 1930 [Pyaskovskij A.V. Lenin v russkoj narodnoj skazke i vostochnoj legende. L., 1930].
Русский политический фольклор: исследования и публикации. М., 2013 [Russkij politicheskij fol'klor: issledovaniya i publikacii. M., 2013].
Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997 [Tumarkin N. Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoj Rossii. SPb., 1997].
Хлебцевич Е. Собирание произведений устного творчества рабочих, крестьян и красноармейцев о Ленине // Коммунистическое просвещение. 1924. № 1. С. 117–118 [Hlebcevich E. Sobiranie proizvedenij ustnogo tvorchestva rabochih, krest'yan i krasnoarmejcev o Lenine // Kommunisticheskoe prosveshchenie. 1924. № 1. S. 117–118].
Шмид В. Нарратология. М., 2003 [SHmid V. Narratologiya. M., 2003].

***Граматчикова Наталья Борисовна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, n.gramatchikova@gmail.com*
***Литовская Мария Аркадьевна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, marialiter@gmail.com*
***Михалев Николай Анатольевич**, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН, n.mikhalev@mail.ru*
***Суржикова Наталья Викторовна**, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт истории и археологии УрО РАН, snvplus@mail.ru*

“A Tale about how Lenin cured old woman Agrafena” historical and literary mystification and its meanings

The publication actualizes the problem of finding ways and forms of dialogue between the Bolshevik government and the countryside that revealed itself in the 1920s. The translation of the new political regime’s ideological guidelines into a language understandable to the peasant demanded that a “conversation” with the countryside be established, which led to an increase in the number of self-descriptive narratives of the villagers. Along with this, however, pseudo-folklore works created by professional writers began to appear. The example of one of them, “A Tale about how Lenin cured old woman Agrafena”, demonstrates that the functionality of such historical and literary hoaxes consisted, among other things, in taking shape of V.I. Lenin’s posthumous mythologized image. Analysis of the retrospective source shows that by the mid-1920s, this image in general has already been outlined, but it was not convincing in its details. Being a transitional phenomenon, “A Tale ...” captures travesty of the sacred and the profane that would be impossible later, it also indicates the lack of formulation of current and future propaganda guidelines. In addition, this retrospective source is interesting and important as it embodies a premonition of the impending total Sovietization of the peasant world, which ideas have already been leaked into public space.

Keywords: ego-sources, peasant world, “folk writing”, historical and literary mystification, pseudo-folklore, modernist aesthetics, Lenin cult, religious discourse

***Natalia B. Gramatchikova**, Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), n.gramatchikova@gmail.com*
***Maria A. Litovskaya**, Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), marialiter@gmail.com*
***Nikolay A. Mikhalev**, Candidate of Historical Sciences, Academic Secretary, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), n.mikhalev@mail.ru*
***Natalya V. Surzhikova**, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, RAS (Ekaterinburg), snvplus@mail.ru*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: СОБЫТИЯ И ПРОЕКТЫ

Т. С. Паниотова, А. В. Кореневский

(НЕ)СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ И СУЖДЕНИЯ О ПРАГМАТИКЕ УТОПИЙ*

В статье рассматриваются итоги Второй Всероссийской (с международным участием) конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «“Город Солнца”: в поисках идеального локуса (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)», состоявшейся в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону) 6-8 ноября 2018 г.; представлен широкий круг проблем, отраженных в докладах, дискуссиях и круглых столах, прошедших в рамках конференции.

***Ключевые слова*:** *утопия и утопизм, утопические проекты, дистопии, ретротопии и антиутопии, прогнозирование и футуризм*

> Любая общность, любая раса, любая цивилизация, которая не стремится поймать будущее и повлиять на него, обречена превратиться в прах, остаться в прошлом.
>
> *Рэй Бредбери*

В диалоге со временем, который вела утопия в нашей стране, ее голос звучал в разных регистрах. Вначале громко и торжественно, когда она, хоть и в урезанном виде (утопический социализм), была “вознесена на пьедестал” и объявлена одним из источников марксизма. В соответствии с ленинским планом монументальной пропаганды имена выдающихся представителей утопического социализма были начертаны на «Памятнике-обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся». Затем ее голос зазвучал тише, потому что утопия оказалась неугодной сталинскому режиму (хотя труды предшественников научного социализма продолжали издаваться и изучаться, в первую очередь, представителями школы акад. В.П. Волгина). Во времена “оттепели”, а затем и “перестройки” утопии был вынесен суровый приговор как “спутнице тоталитаризма” и раздались звуки “реквиема по утопии”[1]. Такая ситуация предопределила ее дальнейшую судьбу и характер исследовательского мейнстрима. Между тем, еще в конце 1980-х – начале 1990-х появились работы, претендовавшие на переоценку роли утопии[2]. Это были значимые, хотя и робкие попытки восстановления исторической справедливости.

*Конференция проведена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-20114.

[1] Название одной из рецензий на повесть А. Платонова «Котлован»: Малухин 1987.

[2] Batalov 1989; Чаликова 1994.

На Западе также существовала определенная цикличность в отношении утопии. Вслед за массовыми протестами 1960-х гг. в Беркли, Мехико и Париже, нередко проходившими под лозунгами Утопии («Будьте реалистами – требуйте невозможного»), наступили иные времена, когда казалось, что утопия окончательно выброшена «в сундук», как неспособная дать ответ на новые вызовы, и когда всякая попытка новой утопии отсылала лишь к грустной реальности осуществленных утопий или антиутопий (Ф. Аинса).

Однако присущее Современности стремление мечтать о лучшем будущем пробивало дорогу, порождая все новые утопические импульсы, а соответственно, и расширение спектра теоретической рефлексии. "Искатели утопии" писали научные труды и оформлялись институционально. Так, в 1975 г. в Северной Америке появилось на свет *The Society for Utopian Studies (SUS)*, а в 1988 г. группой британских ученых было создано *Utopian Studies Society – Europe (USS)*. На счету этих организаций – ежегодные научные конференции, собирающие исследователей утопии со всего мира, а также издание научного журнала *Utopian Studies*, информационного бюллетеня *Utopus Discovered* и многочисленных трудов известных ученых. Среди последних проектов хочется выделить *Трансатлантическую сеть по изучению утопий*, созданную учеными из Аргентины, Бразилии, Мексики и Испании в 2015 г., а также португальский проект *Utopia500*, возникший на волне подготовки XVII Международного конгресса Европейского общества исследователей утопии «500 лет утопий: мир идет туда, куда мы его ведем». Цель проекта Утопия500 – играть активную роль в реализации и распространении утопических идей во всем мире как движущей силы социальных изменений и источника вдохновения для инноваций в науке и технике. Он предполагает максимально широкий спектр утопических исследований, включающих пан-утопию (решение проблемы голода в мире), экотопию, популяризацию наследия великих утопистов, утопический дискурс мультикультурализма и популяризацию "утопического города" Валонгу, которому отводится роль площадки всевозможных утопических практик. Следует отметить также деятельность Группы HISTOPIA Автономного университета Мадрида, которая разрабатывает проект «История будущего: утопия и ее альтернативы в горизонтах ожидания современного мира (XIX–XXI вв.)», ставящий целью распространить область исторических исследований на будущее, начав с изучения разнообразных форм, которые прогноз будущего принимал в эпоху Модерна.

Стремление приоткрыть завесу грядущего, поразмышлять о том, какое будущее ожидает человечество, стало и основной причиной созыва конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «"Город Солнца": в поисках идеального локуса (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы)». Это уже Вторая Всероссийская (с

международным участием) конференция, организованная ЮФУ и посвященная утопии. Первая прошла в 2016 г. и стала частью масштабного международного празднования 500-летнего юбилея «Утопии»[3]. Нынешняя конференция собрала около 150 участников со всей России и 10-ти стран мира: Великобритании, Испании, ФРГ, Бразилии, Молдовы и др. Российские участники представляли более 40 городов нашей страны: Москву (МГУ, МГИМО, РУДН, ВШЭ, и др.), Санкт-Петербург, Казань, Севастополь и Симферополь, Екатеринбург, Магнитогорск, Астрахань, Иркутск, Вологду, Мурманск, Нальчик и др.

Мотивацию устроителей этой конференции, равно как и откликнувшихся на их зов исследователей утопий и утопизма, их убежденность в необходимости изучения данного феномена интеллектуальной культуры нового и новейшего времени, очень точно и емко выражают слова из рассказа Р. Брэдбери «Конвектор Тойнби», взятые в качестве эпиграфа к данной статье. Напомним: в первоисточнике эта фраза вложена в уста главного героя, объясняющего, почему он назвал свою машину времени именем А.Дж. Тойнби. По его мнению, именно к этому сводится главная идея всех сочинений историка, и именно это он хотел доказать современникам, приоткрыв завесу будущего. И хотя в финале рассказа выясняется, что герой оказался мистификатором, как раз его «возвышающий обман», по мысли Брэдбери, привел человечество к светлому будущему. Каков же смысл этого сюжета, и при чем тут Тойнби? Ответ кроется в датировке рассказа: 1984 – это год другого несбывшегося пророчества и название знаменитой дистопии Дж. Оруэлла. Тем самым Брэдбери хотел сказать: пусть не все прогнозы Тойнби сбылись, но, быть может, его предостережения в каком-то смысле уберегли мир от будущего, предсказанного Оруэллом? Таким образом, великий фантаст высказал мысль, очень близкую организаторам конференции: утопист – не «мечтатель», а реальный участник созидания будущего, фактически – его проектировщик. И поэтому важно было рассмотреть утопию не как "музейный объект", а как живую реальность, связанную с надеждами на поиск лучшего мира; протянуть связующую нить от книги Кампанеллы в ее историческом контексте к современным проекциям утопического импульса, проходящим через философский и лингвистический анализ понятия утопия, социальные, политические, культурные практики. Все сказанное предопределило как тематику пленарной сессии, так и содержание докладов, заслушанных на пяти секциях: «Утопия и современные социокультурные практики», «Проблема идеального общества в политической истории», «Идеальные пространства в

[3] Празднование 500-й годовщины «Утопии» Томаса Мора освещалось журналом «Вопросы философии» (2017, № 11: Т.С. Паниотова «“Утопия” после смерти утопий»; Хуан Про «Прочтения Томаса Мора: рефлексия из Испании»).

архитектуре, искусстве и литературе», «Философские аспекты утопизма», «Утопические идеи и эксперименты в истории культуры».

В пленарных докладах Президента *USS*, профессора Лондонского университета Г. Клейса и заслуженного деятеля науки, проф. Г.В. Драча внимание было уделено роли личности в истории и истории общественной мысли. Г. Клейс посвятил свой доклад учению К. Маркса и обоснованию его актуальности для понимания ситуации в современном мире, а Г.В. Драч сосредоточился на личности Кампанеллы, показав ее многогранность и противоречивость. Доклад проф. Т.С. Паниотовой был посвящен рассмотрению архетипа города в истории утопической мысли, взаимосвязи между социальной утопией и архитектурой. Профессор факультета изящных искусств Барселонского университета Р. Иглесиас связал идеи трансгуманизма с технологическими дистопиями в современном искусстве. В докладе проф. В.Д. Бакулова были рассмотрены философско-методологические основы утопии и утопизма.

Идеи пленарных докладов на секциях получили дальнейшую конкретизацию, обросли интереснейшими дискуссиями. Творчество выдающихся представителей утопического жанра и концепции мыслителей, в чьих трудах прослеживается утопическая составляющая, были проанализированы в докладах «Манифест – утопия и реальность» В.Е. Барышевой и Л.В. Желондиевской (Москва), посвященном Ф. Маринетти; социальной утопии К.Э. Циолковского и коммунитарным экспериментам В. Круассака посвятил свои сообщения А.В. Хорунжий (Москва). Панславистская утопия М.П. Погодина получила освещение в выступлении О.О. Завьяловой (Ростов-на-Дону), а христианский социализм В.Ф. Эрна – в докладе Н.А. Шестовских (Екатеринбург).

Около 20 докладов в той или иной степени были посвящены “городской теме”. На секционных заседаниях она получила продолжение и развитие в выступлениях Т.Б. Батыр (Республика Молдова) «Город Солнца и Город Рассвета: утопия и реальность», В.О. Хвостиковой (ЮФУ) «Дезурбанизм М. Охитовича в контексте градостроительных дискуссий 20–30-х гг.», С.Л. Андреевой (Магнитогорск) «Хрустальные дворцы для всеобщего счастья: объективация идеи идеального дома для идеального будущего», А.В. Козловой (Санкт-Петербург) «Ребячий город солнца: ретроспективное перепроизводство утопических проектов советских пионерских лагерей Артек и Орленок в интерпретации их участников (1957–1991)», Д.А. Рубана и Т.К. Молчановой (ЮФУ) «Современная гостиница – городская утопия?»; и др.

Поднятые в докладе Р. Иглесиаса проблемы современной культуры и искусства вызвали живой интерес как у маститых ученых, так и у участников молодежного форума. Проф. О.А. Джумайло и М.А. Романенко (ЮФУ), Е.Н. Антипкина (Саранск) говорили об утопиях в кинематографе; доц. М.В. Покотыло (РГУПС, Ростов-на-Дону), А.В. Маль-

цев, И.А. Черненко – в литературе, И.К. Забубенина –в хореографии. Задача состояла не только в том, чтобы исследовать различные формы утопического импульса в пространстве культуры, но и в том, чтобы показать его "альтер-эго" – дистопии, ретротопии и антиутопии. На молодежном форуме явно обозначился поворот к анализу идейных основ современного антиутопизма, а именно, к философии и психологии трансгуманизма (И.О. Зимина «Киберпанк как разновидность антиутопии», М.С. Желтикова «Образы постчеловека в дистопиях современного кино», А.О. Зуева «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»).

Не меньший, а возможно и больший интерес, чем антиутопическая тематика, вызвали доклады, связанные с современной информационной культурой. Бурное обсуждение докладов «Проблема идентичности в культуре: Инстаграм как современная утопическая практика» (Е.А. Благородова, ЮФУ), «Город Солнца в game пространстве: мифология компьютерных игр» (С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов, Саратов) показало, насколько злободневна эта проблематика.

Чрезвычайно широкими оказались тематические и хронологические рамки секции «Проблема идеального общества в политической истории», что, в общем-то, вполне закономерно: политическая теория и практика представляют собой ту сферу мысли и действия, в которой утопическое сознание находит едва ли не самое широкое поле для своего развития. Если в выступлении А.В. Трухана («Утопия в структуре европейского идеократического сознания») была задана теоретико-методологическая рамка обсуждения, то последующие доклады погружали аудиторию в самую разную, подчас экзотическую, проблематику, обнаруживая неожиданные переклички. В докладе А.В. Кореневского (Ростов-на-Дону) речь шла о наследии польского философа Августа Цешковского, причисляемого и к мыслителям-утопистам, и к предтечам цивилизационного подхода. Византийская тема оказалась связующим звеном между рядом докладов. Н.Д. Николаева попыталась выявить и проанализировать соотношение идеологических императивов и Realpolitik в том курсе, который проводили ромеи по отношению к Западу накануне IV Крестового похода, А.А. Кириллов представил Византию не в качестве политического актора, а как объект мифологизации и утопический паттерн. Созвучные мотивы прозвучали и в докладе А.Д. Тумина, посвященном испанской концепции христианской государственности.

Проблема утопизма (осуществимости идеала) в политической теории и социальной практике стала связующим звеном между докладами, посвященными современности. М.К. Малыхиным были рассмотрены представления В.М. Чернова об этатизме как системообразующем элементе лево- и праворадикальных идеологий; Е.А. Боднар представила свое видение иронической рефлексии в "либеральной утопии" Р. Рорти; в докладах Д.В. Балашова и С.В. Виноградова было представлено соот-

ношение “утопических”, “реалистических” и “конструктивистских” аспектов в теориях справедливости А. Сена, Дж. Ролза и Дж. Коэна.

Политические проблемы обсуждались и на философской секции. Проф. Н.В. Литвак (Москва) в своем докладе о философских основах внешней политики в классических утопиях подчеркнул, что и сегодня во многом гуманистические принципы внешней политики классиков-утопистов критически не переосмыслены и должным образом не концептуализированы. Доклад А.М. Орехова (Москва) вызвал дискуссию: умерла ли утопия в связи с утратой идеалов в постсоветский период или она продолжает жить? модифицируясь и трансмутируясь в другие жанры? Е.В. Золотухина (Ростов-на-Дону) объяснила разницу в представлениях об идеальном обществе Т. Кампанеллы и Э. Фромма не только различием исторических условий, но и несходством «мировоззренческих установок на созерцательность или активизм».

Показателен позитивный настрой по отношению к утопии, присутствовавший не только в теоретических докладах, но и в характеристике различных утопических практик. При этом разброс научных интересов оказался крайне широк. От трактовки женской идентичности в контексте утопического дискурса (А.Ю. Браерская) – до утопизма олимпийского проекта П. де Кубертена (М.А. Богданова, ЮФУ), проектов музеефикации в «утопической России» (О.С. Кириллова, ЮФУ) Ростов-на-Дону и анализа перспектив создания «музея коммунизма» в конкретном локусе среднерусской провинции (Л.М. Ретинский, Москва).

Если сосредоточиться на том, что вызывало наиболее живой отклик, то можно констатировать: стержнем дискуссий была проблема многозначности самого понятия “утопия”, в силу чего оно одновременно обладает и огромным эвристическим потенциалом, и неопределенностью. Как верно заметил в своем выступлении на заключительном пленарном заседании Г. Клейс, понятие “утопия” – “very elastic and flexible”.

В первую очередь это связано с тем обстоятельством, что со времен Т. Мора и Т. Кампанеллы утопизм как способ мышления преодолел границы литературного жанра, разлившись по всей западной культуре, что и продемонстрировали доклады, представившие различные формы бытия утопии в культуре. На протяжении столетий утопия подпитывала и пропитывала другие жанры, что позволяет говорить об утопическом романе, утопической поэзии, утопическом театре, находить утопическое измерение в книгах путешествий и научной фантастике. Утопические идеи воплощались в политических и общественных движениях, экспериментальных сообществах, архитектурном и городском дизайне, изобразительном искусстве, музыке, кино и видеоиграх, различных системах образования. И эту тему, столь актуальную для преподавательского сообщества, не обошли вниманием участники конференции (Л.Е. Яковлева, Москва; К.В. Савельева, Ростов-на-Дону).

Известно, что один из самых жестких и последовательных критиков гумбольдтовской системы университетского образования Роберт Мэйнард Хатчинс считал, что главным ее пороком является чрезмерная заземленность на сиюминутных утилитарных интересах “заказчиков” образования – государства, промышленности, бизнеса. В таком университете получают образование, ориентированное не на завтрашний, а на сегодняшний, если не на вчерашний день. Из-за отсутствия стратегического видения такое образование не оправдывает даже возлагаемых на него задач. Альтернативную модель высшего образования, нацеленную на воспитание ответственных критически мыслящих граждан и лидеров общества, Хатчинс назвал «Университетом Утопии»[4]. И он смог, будучи канцлером Чикагского университета, реализовать свои идеи на практике, именно потому, что сам был харизматическим лидером, обладающим даром предвидения. Обратим внимание на совет читателям книги Хатчинса, данный одним из ее рецензентов: «Читайте “Университет Утопии” так же, как вы читали бы Ветхий Завет. Сфокусируйте свое внимание на значительных и масштабных вопросах. Воздержитесь от искушения заняться буквальным разбором деталей. Это поэзия, пророчество и драма, а не докторская диссертация»[5].

Каково современное понимание утопии? Исследовательские кейсы, ставшие объектом рассмотрения и обсуждения на секционных заседаниях, позволили вычленить как минимум три смысловых контекста, в которых фигурирует понятие “утопия”. С одной стороны, под ним понимают те идеи, которые в принципе неосуществимы, поскольку содержат неразрешимое противоречие, не соотносятся с реальным положением дел, либо вступают в конфликт с фундаментальными природными и социальными законами: вечный двигатель, “свобода, равенство, братство”, мечта о единении славянских народов, “догнать и перегнать Америку”. На уровне обыденного словоупотребления понятие “утопия” в этом смысле легко встраивается в один синонимический ряд с тем, что именуется фантазерством, маниловщиной. Но при кажущейся простоте и очевидности такого суждения здесь есть свои подводные камни, ибо на знаменитое суждение помещика из села Блины-Съедены «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» можно ответить ставшими поговоркой словами из «Бондианы»: «никогда не говори “никогда”».

С другой стороны, наклейку “утопия” очень часто навешивают на любую идею, которая очерчивает желаемый образ будущего и не вполне безупречно подкреплена (или вовсе не подкреплена) убедительными аргументами. Но в данном случае либо следует признать, что это не вполне утопия, либо – что такие “утопии” играют огромную роль в ис-

[4] Hutchins 1953.
[5] Pattillo 1955. P. 242.

тории и познании. Как минимум потому, что подобный подход лежит в основе любой технологии проектирования: суть проектного мышления заключается в том, что проектант должен показать, что и почему его категорически не устраивает в окружающей действительности, далее – противопоставить этому картину желаемого будущего и, наконец, предложить маршрут, по которому из первой позиции можно переместиться во вторую. Но отчасти именно поэтому идеи такого рода обладают колоссальной мобилизующей и вдохновляющей силой, даже если на самом деле по всем "объективным показателям" они нежизнеспособны. Эгалитарный идеал более всего заслуживает наименования утопии, но история показывает, что в сочетании с идеологией "осажденной крепости" он может реализовываться на практике и воплощаться в достаточно устойчивые (до поры до времени) социальные структуры – тому подтверждением служат Спарта, исмаилитское государство в Бахрейне, Советский строй (на раннем его этапе), израильские кибуцы и т.д. – список может быть продолжен сколь угодно долго.

Тревогу вызывает то, что ярлык утопии чаще всего навешивается едва ли не на любой нереализованный проект на том «простом» и «очевидном» основании, что он *не воплощен* в жизнь, а значит *и не мог быть* воплощен. Подобные суждения – из той же филистерской оперы, что и пресловутое «сослагательное наклонение», которого якобы "не знает история". (Хотя, в действительности, М.В. Нечкина, которой приписывают эти слова, писала, что «историку запрещено сослагательное наклонение»[6], как бы предлагая – sapienti sat – догадаться, *кем* запрещено.) Пожалуй, стоит согласиться с В.Г. Хоросом: «Такой подход, по сути, убивает историю как науку. Ведь если историк лишь констатирует то, что было, и задним числом подыскивает этому объяснение, то он покидает почву научного анализа и становится пассивным регистратором событий, если не их апологетом»[7]. На самом деле, наше высокомерие по отношению к предкам и предшественникам основано лишь на том банальном факте, что в отличие от них, рассуждая о том или ином событии прошлого, мы знаем, чем дело закончилось. И именно это знание мешает нам понять степень вероятности того или иного сценария развития событий, а соответственно – степень "реализма" или "утопизма" тех или иных идей, замыслов, проектов. Чтобы понять, где же критерий отличия утопий (точнее – утопичных замыслов) от нереализованных (но потенциально вполне реалистичных) проектов, следует помнить о гениальном методологическом принципе, сформулированном Марком Блоком: «Историк, спрашивающий себя о вероятности минувшего события, по существу лишь пытается смелым броском мысли перенестись во вре-

[6] Нечкина 1975. С. 345.
[7] Хорос 1996. С. 153.

мя, предшествовавшее этому событию, чтобы оценить его шансы, какими они представлялись накануне его осуществления»"[8]. Пожалуй, данная рекомендация пригодна не только для историка, а тема, раскрывающаяся за этим словами столь широка, что еще не одна когорта исследователей, принадлежащих к самым разным гуманитарным цехам, найдет здесь поле для приложения своих сил.

Какова роль утопии в современном обществе? Здесь стоит вспомнить, как Оруэлл определял мотив своего творчества: «Желание подтолкнуть мир в определенном направлении, изменить мысли людей относительно того общества, к какому они должны стремиться»[9]. Эти слова ценны тем, что в них содержится принципиально важное методологическое соображение о природе утопий и отношении к ним: не стоит путать пророчество с метеопрогнозом и ожидать стопроцентного подтверждения предсказаний. Суть утопии – не в конкретных деталях, а в устремленности к идеалу, в задаваемом этим идеалом векторе и широте видения перспективы будущего. И в этом смысле идеал не может не быть утопичным, а утопия – не иметь практической пользы, поскольку то, что зачастую выдается за реализм, на деле оказывается неспособностью к стратегическому мышлению.

Итоги конференции позволяют с уверенностью дать положительный ответ на вопрос, вынесенный в заголовок одного из докладов: «Утопия как философский и литературный жанр: вернется ли она в Россию?». Утопия вернулась, и у нее есть своя аудитория, свои исследователи и даже, в некотором смысле (насколько личная увлеченность сочетаема с требуемой от ученого отстраненностью и беспристрастностью), адепты. В свое время Ф. Полак сказал, что утопия не формулирует последних и предельных вопросов. В крайнем случае – она ограничивается предпоследними. Организаторы конференции уверены, что запланированная на 2020 год очередная, III Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Утопические проекты в истории культуры», также не будет последней.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 319 с.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко, прим. и статья А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. 256 с.

Малухин В. Реквием по утопии // Знамя. 1987. № 10. С. 219-221.

Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. Изд 2-е, перераб. и доп. М.: Мысль, 1975. 398 с.

Оруэлл Дж. Почему я пишу // Оруэлл Дж. Эссе. Статьи. Рецензии / Пер. с англ. А. Старикова. Пермь: «КАПИК», 1992. С. 17-19.

Чаликова В.А. Утопия и свобода: Эссе разных лет. М.: Весть, 1994. 184 с.

[8] Блок (1986). С. 71.

[9] Оруэлл (1992). С. 10.

Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Центр гуманитарного образования, 1996. 171 с.
Hutchins R.M. The University of Utopia. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 103 p.
Pattillo M.M. Rev.: Robert M. Hutchins. The University of Utopia. Chicago // The Journal of Teacher Education. 1955. Vol. 6. No 4. P. 241-242.

REFERENCES

Batalov E.Y. V mire utopii: Pyat' dialogov ob utopii, utopicheskom soznanii i utopicheskikh eksperimentakh. M.: Politizdat, 1989. 319 s.
Bloch M. Apologiya istorii, ili Remeslo istorika / Per. E.M. Lysenko, prim. i statya A.Y. Gurevicha. M.: Nauka, 1986. 256 s.
Chalikova V.A. Utopia i svoboda: esse raznykh let. M.: Vest', 1994. 184 s.
Horos V.G. Russkaya istoriya v sravnitel'nom osveschenii. M.: Tsentr gumanitrarnogo obrazovaniya, 1996. 171 s.
Hutchins R.M. The University of Utopia. Chicago: University of Chicago Press, 1953. 103 p.
Malukhin V. Requiem po utopii // Znamya. 1987. No 10. S. 219-222.
Nechkina M.V. Den' 14 dekabrya 1825 goda. Izd. 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Mysl', 1975. 398 s.
Orwell G. Pochemu ya pishu // Orwell G. Esse. Statyi. Retsenzii / Per. s angl. A. Sterikova. Perm': "KAPIK", 1992. S. 17-19.
Pattillo M.M. Rev.: Robert M. Hutchins. The University of Utopia. Chicago // The Journal of Teacher Education. 1955. Vol. 6. No 4. P. 241-242.

***Паниотова Таисия Сергеевна**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук, Южного Федерального университета; tspaniotova@sfedu.ru*

***Кореневский Андрей Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений Южного Федерального университета; koren@sfedu.ru*

(Un)timely thoughts and judgments about the pragmatics of utopias (review of the scientific conference)

The article deals with the results of the Second All-Russian (with international participation) conference "Utopian projects in the history of culture" on the topic "City of the Sun": in search of the ideal locus "(for the 450th anniversary of the birth of Tommaso Campanella)" held at Southern Federal University (Rostov-on-Don) November 6-8, 2018 with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research; a wide range of issues reflected in the presentations of participants, discussions and round tables held during the conference is presented and analyzed.

Keywords: utopia and utopianism, utopian projects, dystopias, retrotopias and dystopias, forecasting and futurism

***Taisiia S. Paniotova,** Dr.Sc. (Philosophy), Full Professor, Departament of culture, ethics and aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-political Sciences, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); tspaniotova@sfedu.ru*

***Andrey V. Korenevskiy**, PhD in History, Associate Professor, the Head of Department of Russian Medieval and Modern History at Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); koren@sfedu.ru*

Е. А. Воронцова

«РОССИЙСКАЯ АРХИВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» ОТ ИДЕИ К ВОПЛОЩЕНИЮ ЗАМЫСЛА

В статье представлена идея создания «Российской архивной энциклопедии», возникшая у автора в ходе работы над сборником «Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки» (2017), вышедшим в рамках проекта «Роль музеев–библиотек–архивов в информационном обеспечении исторической науки». Дана характеристика необходимых и достаточных условий для создания энциклопедий: научного знания определенного уровня и его носителей – исследователей и тех, кто профессионально делает энциклопедии; системы управления, способной решать организационные и материально-технические задачи и обеспечивать финансирование. Обоснованы полезность архивной энциклопедии для социума, преимущества междисциплинарного подхода, нацеленность на актуализацию документального наследия. Определены ее территориальный и хронологический охваты, тематическая структура.

***Ключевые слова*:** *историческая наука, архивоведение, междисциплинарность, научные центры, российская энциклопедическая школа, проектная деятельность, архивная энциклопедия, историческая память, информационное обеспечение*

Идея создания «Российской архивной энциклопедии» возникла как закономерный итог работы над сборником «Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки», вышедшим в рамках проекта «Роль музеев–библиотек–архивов в информационном обеспечении исторической науки», который реализуется мною как независимым исследователем в сотрудничестве почти с 30 партнерами – научными обществами, институтами системы РАН, вузами, самими музеями-библиотеками-архивами [Воронцова, 2017в].

Подготовка любой энциклопедии – дело чрезвычайно сложное. Поэтому прежде чем приступать к нему, нужно дать ответы на основополагающие вопросы: есть ли необходимые и достаточные условия для ее создания? нужна ли она? если нужна, то кому и для чего? какой ее следует сделать по содержанию и по форме, чтобы она долгие годы была востребована максимально широким кругом читателей-пользователей-потребителей? На наш взгляд, необходимыми и достаточными условиями для создания энциклопедий являются наличие научного знания определенного уровня и его носителей двух категорий – исследователей, работающих в данной области, и тех, кто профессионально делает энциклопедии (редакторов высшей квалификации), а также такой системы управления, которая способна решать организационные и материально-технические задачи и обеспечивать финансирование в должных объемах. Анализ имеющейся литературы, статей сборника «Роль архивов…» и общение с их авторами показали: вышеназванные условия для создания архивной энциклопедии имеются. Обоснуем данное положение.

Достижения архивоведческой мысли и наших предшественников, и современников [библиографию см.: Воронцова, 2017А] дают основания утверждать: изученность архивов и архивного дела в России, а также самой науки об архивах (архивоведения) позволяет репрезентативно отобразить в энциклопедии их сущность и основные вехи развития. Мы располагаем значительным массивом таких исследований, а также энциклопедий и справочников – как традиционных (Брокгауз и Ефрон, Большая советская энциклопедия, Большая российская энциклопедия, региональные энциклопедии и т.д.), так и электронных, путеводителей по конкретным архивам, специализированных периодических изданий, интернет-ресурсов (портал «Архивы России», сайты). В то же время ряд вопросов теории, истории и современного состояния архивов требует дальнейшего изучения. А работа над энциклопедиями как раз стимулирует поиск ответов на такие вопросы, выявление и локализацию «белых пятен», новые научные исследования и, как итог, перевод потенциальной информации источников в актуальную научную информацию.

В России функционируют крупные научные и учебные центры-центры, прежде всего профильный Историко-архивный институт РГГУ [см.: Безбородов, 2017, и др.]. Серьезные исследования ведут сотрудники Архива РАН [Афиани, 2017; Косырева, 2017, и др.], ВНИИДАДа [Лебедев, 2017; Сабенникова, 2017], кафедры источниковедения истфака МГУ им. М.В. Ломоносова [Абрамова, 2017; Голиков, 2017, и др.], профильных кафедр других вузов [Владимиров, Егорова, 2017; Мазур, 2013, и др.]. Несмотря на недавние трансформации сферы образования, систему подготовки кадров для науки об архивах и для архивной отрасли можно охарактеризовать как достаточно эффективную.

Давнюю традицию имеет российская энциклопедическая школа, по-прежнему считающаяся одной из лучших в мире. О справедливости такой оценки свидетельствуют, в частности, отечественные музейная и библиотечная энциклопедии [Российская музейная энциклопедия, 2001; Библиотечная энциклопедия, 2007], близкие по профилю к архивной энциклопедии: все они представляют читателю институты исторической памяти. Чтобы архивная энциклопедия сложилась и выполнила свое предназначение, нужно рационально использовать умение таких профессионалов: сформировать коллектив (с привлечением исследователей) для разработки концепции, рубрикатора, схем статей и пр.; сформулировать адекватные поставленной цели критерии отбора материала и сделать словник (алфавитный и тематический список статей); подобрать компетентных авторов и организовать написание таких статей, в которых будет отображен весь спектр научных интерпретаций фактов (включая и те, с которыми конкретный автор может быть не согласен).

Все это вместе взятое позволит довести дело до завершения, избежав подстерегающих создателей энциклопедий главных опасностей.

Первая из них – время (чем дольше готовится энциклопедия, тем выше риск не завершить дело), вторая – затратность подобных предприятий. Ведение работы как проектной позволяет существенно снизить расходы. Жесткие условия в коммерческих издательствах, которые не могут себе позволить надолго омертвлять капитал, научили специалистов взаимоисключающие требования – работодателя (делать энциклопедии быстро) и профессиональной этики (делать их быстро не в ущерб качеству). Третья опасность – некорректная интерпретация и искажение информации вследствие того, что в основном используется информация не первичная (из исторических источников), а вторичная (из источников историографических – исследований, обзоров). Корректность трактовок связана с особой ролью субъекта в гуманитарных науках, где сам объект исследования имеет субъективное измерение.

Систему управления архивами можно охарактеризовать как достаточно отлаженную. Одна из основных причин – доминирование собственно социальной функции. Известно, что данный институт в классической своей форме сложился в тесной связи с государством [Калачов, 1871, и др.] в качестве находящегося под его контролем и надзором элемента системы регулирования отношений: органов власти друг с другом (и по вертикали, и по горизонтали), государства с гражданами, граждан друг с другом. Он особенно значим как инструмент самоидентификации наций (политических общностей граждан одного государства, занимающих четко отграниченные суверенные территории). Следствием всего этого является, с одной стороны, выраженный интерес к архиву со стороны государства (включая весь комплекс мер поддержки с его стороны, в т.ч. финансирование), а с другой – профессиональная этика, формы самоорганизации сообщества архивистов (сошлемся хотя бы на деятельность Российского общества историков-архивистов) [Стеганцев, 1998].

Что касается пользы архивной энциклопедии для социума, то она очевидна. Знание, информация об архивах для тех или иных целей нужны достаточно широкому кругу пользователей. Многим из нас и не единожды приходилось обращаться в архивы и именно в силу незнания закономерностей их функционирования сталкиваться с проблемами. Подготовка сборника «Роль архивов», проведенные при этом круглые столы показали, что потребность архивистов в профессиональном общении, в «соборном делании» ради общего блага, в просветительстве – жгучая. Работа по созданию энциклопедии поможет ее удовлетворить, потому что она потребует объединения усилий институций и профессиональных сообществ. Такой фундаментальный ресурс верифицированной информации нужен управленцам (сотрудникам Федеральной архивной службы и ее органов на местах, министерств и ведомств разных уровней), в частности для подготовки исторических справок и выработки стратегий развития отрасли. Он будет востребован исследователями (ар-

хивоведами, историками и источниковедами, археографами и документоведами, культурологами и т.д.), а также педагогами профильных вузов и кафедр – и теми, кто учится у них и занимается самообразованием; представителями сообществ по интересам и общественных организаций.

Но нужны ли этим потребителям знания, организованные так, как это делается в энциклопедии? В информационном обществе, где изменения затронули все социальные институты и систему научного знания, где действуют разнонаправленные тенденции (центробежные и центростремительные, интеграции и дифференциации), все чаще звучат заявления о том, что междисциплинарные исследования, рост знаний по экспоненте, лавинообразное развитие электронных информационных ресурсов сделали энциклопедии в классическом их виде необязательными. С этим утверждением согласиться не могу. Наоборот: убеждена, что такой подход дает наилучший результат, ведь именно с ним связаны возможности приращения знания за счет расширения проблемного поля, активного применения сопоставительного анализа. Попробуем разобраться в данном вопросе на примере архивной энциклопедии. Междисциплинарности требует сам объект отображения и описания – архив. Она позволяет уравновесить доминирующий административно-учрежденческий подход (архив – учреждение, «обслуживающее» субъектов права – разные категории юридических и физических лиц) подходами: институциональным (архив – социальный институт); системным (архив – сложноорганизованная система, структура и инфраструктура которой претерпевали существенные трансформации); информационным (архив – система, предназначение которой – преодоление информационной энтропии [Воронцова, 2015а] путем сбора, обработки, хранения и репрезентации информации, а также организация коммуникации участников информационного процесса – хранителей и потребителей, с применением адекватных этим задачам технологий); целостно-онтологическим (архив – синергетическая модель, анализируемая в рамках единства бытия и становления, сочетающая в себе характеристики самоценности – совокупная память, полезности – совокупный опыт, непрерывности – совокупное познание; совокупный банк данных всего человечества) [Хорхордина, 1996; 2003].

Благодаря междисциплинарным исследованиям архив стали рассматривать как институт социальной памяти и культурного наследия [Архив как источник, 2016; Институты нашей памяти, 2005; Попов, 2017; Филюшкин, 2017, и др.]. Изучаются его сходство с музеем и библиотекой и их отличия (документальная память трактуется как особый тип исторической памяти, как «средоточие бесконечного числа структурированных сообщений документов, выступающих в процессе познания как совокупность свидетельств о прошлом» [Козлов, 2017. С. 197]), развитие этой триады от синкретичного единства через дифференциацию к возможному симбиозу в исторической перспективе [Соколов, 2016].

Наука об архиве (архивоведение) существует не изолированно, а в системе наук, предметом изучения которых являются объекты, именуемые документами (и в широком, и в узком смысле), историческими источниками, источниками информации, историографическими источниками, музейными предметами [Тарле, 1961; Хорхордина, 2017а, и др.]. Междисциплинарный подход позволяет представителям разных наук: достичь взаимопонимания путем сопоставления основных понятий каждой из них, выявления сходств и различий по сути и по подходам; лучше логику развития своей науки; и в результате – более эффективно взаимодействовать в интересах постижения истины.

С утверждением, что в последние десятилетия сама идея энциклопедии стала менее значимой для профессионалов, готова согласиться. Однако ее статус характеристики меры и степени конвенциализма сохранился; сохранилась потребность в эталонных информационных ресурсах, аккумулирующих устоявшиеся, апробированные и легитимированные научным сообществом знания. «Сведенная воедино, качественно и количественно репрезентативная, максимально сжатая, жестко упорядоченная, четко структурированная, предельно объективизированная, рассчитанная на длительное бытование информация здесь обретает новые качества, в том числе качество гипертекста, что делает ее чрезвычайно ценной для исследователя. Ее анализ для выявления прорывных направлений и направлений, где прорывов не наблюдается, позволяет подняться на очередную ступеньку в процессе познания прошлого. Поскольку при создании энциклопедий используется вторичная информация, содержащаяся не в первоисточнике, а в обзорах, описаниях, исследованиях, постольку можно сказать, что тут мы имеем дело с саморефлексией исторической науки в квадрате» [Воронцова 2014].

Работа над архивной энциклопедией – шанс по-иному взглянуть на то, что мы сейчас считаем истинным знанием об архиве, проверить это знание, подтвердить или откорректировать его. По-прежнему актуальна цель настоящих энциклопедий (в отличие от их имитаций), сформулированная Дидро и часто цитируемая: «собрать знания, рассеянные по свету, привести их в систему, понятную для людей ныне живущих, и передать тем, кто придет после нас, с тем, чтобы труд предшествующих веков не стал бесполезным для веков последующих, и чтобы наши потомки, обогащенные знаниями, стали добрее и счастливее, и чтобы мы не канули в вечность, не сумев послужить грядущим поколениям». По-прежнему такие информационные ресурсы дают срез научного знания на определенный момент, вследствие чего они становятся аутентичными свидетельствами о времени их создания и о системе знания этого времени.

В констатации того, что мы имеем дело с ростом знаний по экспоненте, исследователи солидарны. В такой ситуации особое значение приобретают скорость получения нужной информации, минимизация

затрат времени на ее поиск. Данное обстоятельство также повышает конкурентоспособность энциклопедий, ведь одно из их немаловажных преимуществ – организация информации в соответствии с принципом: максимум репрезентативной, верифицированной информации в минимальном по объему тексте. Помимо прочего, вследствие сжатия информация обретает новое качество, в связи с чем возрастают возможности для передачи знаний и культурного опыта и происходит существенное приращение и фундаментального, и прикладного научного знания.

Какой же должна быть архивная энциклопедия? В условиях информационного общества с его глобальными информационными сетями (как казалось до недавнего времени, неисчерпаемым источником разнообразной и доступной информации) [Афиани, 2017; Бородкин, 2017; Рашковский, 2015; Черный, 2016; Хмельницкая, 2017 и др.] закономерен вопрос: нужно ли традиционное (на бумаге) издание. На наш взгляд, оно необходимо. Дело в том, что в этом обществе, оснащенном современными информационно-коммуникационными технологиями, действуют факторы риска, оказывающие негативное воздействие на информационный процесс. Имеет место такое повышение интенсивности информационного потока, что человек просто «тонет» в нем. Нарастают информационная энтропия (т.е. рассеивание, искажение, уничтожение информации) и информационный шум (многократное повторения одной и той же информации, часто вне контекста, с ошибками), что чрезвычайно затрудняет поиск. Информация в сетях гипертекуча, вследствие чего она зачастую не отвечает требованиям полноты, достоверности, репрезентативности. Преодолеть эти факторы позволяют сосредоточение и фиксация репрезентативной информации на четко определенный момент, и энциклопедия остается наилучшей для этого формой. Подстраховавшись эталонным традиционным изданием от воздействия негативных факторов, можно и нужно прибегнуть к технологиям, позволяющим информационные ресурсы не только сохранить, но и трансформировать, развивать.

Чтобы архивная энциклопедия стала эталонной, необходимо следовать энциклопедическому канону: соблюдая принцип объективности, собрать в объемном ресурсе верифицированную информацию о совокупности фактов, адекватно отображающих объект (архивы; эту информацию нужно организовать так, чтобы опосредованная текстом коммуникация носителя знания (автора) с познающим субъектом (читателем) была максимально комфортной, что позволит учесть приоритеты основных адресатов, удовлетворить их потребности в знании и заложить потенциал на перспективу, обеспечить востребованность энциклопедии.

Важно реализовать установку на актуализацию документального наследия во всей его полноте и разнообразии, в сопряженности с культурным контекстом нашей и предшествующих эпох, государственным управлением. Для исторической науки и источниковедения ценно изу-

чение конкретных архивов и данного института исторической памяти как феномена, прошедшего в своем развитии ряд этапов, которые можно обозначить так: протоархив; собственно архив; архив на излете, или постархив. Данный подход делает возможным соотнести развитие науки о прошлом с развитием архива как собирателя и хранителя носителей информации (документов), предоставляющего их пользователям.

Целесообразным представляется сделать именно «Российскую архивную энциклопедию», потому что это удовлетворит наиболее важную для нас потребность в научном познании своей истории и культуры и потому что это возможно – в силу большей изученности отечественного опыта. Что касается опыта мирового, то его можно дать в обобщающих аналитических статьях. Для современного этапа следует ограничиться пределами Российской Федерации, а для ряда сюжетов применительно к предшествующим этапам – пределами СССР, Российской империи, Московской Руси и т.д. По времени предпочтительнее максимально возможная глубина – с различением этапа существования собственно архива и предшествовавших ему протоархивных форм (подобно тому, как различают этапы исторической науки и историописания).

Ядро энциклопедии должны составить статьи обо всех федеральных архивах и центральных архивах субъектов РФ (областей, республик, краев), а также об архивах, отобранных на основе ряда критериев: старейшие; обладающие крупными фондами; уникальные в каких-то отношениях и т.д. В дополнение к этому сведения о конкретных архивах (как имеющих специальную статью, так и не имеющих оной) следует поместить и в статьях обобщающего характера. Блок статей по исторически сложившимся группам, типам и видам архивов даст представление об истории формирования, основных этапах развития и современном состоянии этих групп, типов и видов. Основанием для формирования этой части словника энциклопедии послужит классификация архивов. В силу важности этого вопроса позволю себе привести обширную цитату:

> «Действующий федеральный закон “Об архивном деле в Российской Федерации” разделяет архивы на государственные (подчиняются органам государственной власти разных уровней, появились в начале 1990-х), муниципальные (подчиняются местным органам власти), ведомственные (принадлежат ведомствам и учреждениям) и негосударственные (в качестве субъектов права их подразделяют на архивы: физических лиц; приватизированных, и более широко – частных, предприятий, учреждений и организаций; общественных объединений – политических партий, религиозных организаций и т.д.)… По признаку связи с определенной территорией можно выделить следующие группы архивов: общегосударственные (в России это – подведомственные Федеральному архивному агентству федеральные архивы, в ряде государств – национальные… региональные (в России – архивы субъектов РФ, подведомственные органам власти данного уровня, а также имеющие двойное подчинение) и местные (муниципальные – район-

ные и городские) <…> Если посмотреть на архив в рамках институционального и системного подходов, то окажутся возможными классификации по другим признакам и классификации по уже названным признакам, но иные. Архивы физических лиц обернутся личными, семейными, родовыми архивами – по терминологии В.А. Подороги, прижизненными, находящимися в оппозиции к посмертным архивам: первый тип – институциональный (собрание и хранилище исторически пассивных следов прошлого, их социальная идентификация, феномен "чистой историчности"; основные функции – хранить, принадлежать, ограждать, скрывать), второй – создается во времени "истории жизни", скоординирован с поступками, действиями, мыслями его владельца, встроен в его творческие начинания и не может быть удален из биографической истории вплоть до смерти автора… [Подорога, 2001]. Допустима станет классификация по статусу в некой иерархии культурных ценностей, определяющей набор прав и обязанностей архива перед обществом и общества перед архивом (наглядный пример такой группы – архивы, имеющие статус особо ценных объектов…). Можно будет попытаться классифицировать архивы по основному (доминирующему) направлению деятельности, существенно влияющему на критерии отбора архивных документов, комплектование фондов, состав пользователей (вполне очевидная группа по этому признаку – научно-исследовательские архивы, обслуживающие науку и тех, кто ее делает… очевидная на практике группа – архивы, обслуживающие социальные потребности общества).

Не лишена смысла классификация по профилю или специализации, т.е. по связи с конкретной отраслью знания – науки, техники, производства, культуры, искусства (в терминах права – архивы исторические некомплектующиеся и комплектующиеся специализированные). Группа исторических архивов достаточно представительна; есть архивы научно-технические, литературные, художественные… Любопытно было бы посмотреть, как на структуре профильных групп сказываются разнонаправленные тенденции к специализации и интеграции (апофеозом интегративного движения стало создание разного рода центров, одновременно выполняющих функции архива, библиотеки, музея, выставочного комплекса и т.д.).

В парадигме исторической памяти особенно значимыми представляются "узелки на память" – группы: мемориальных архивов и гибридных форм (типа музеев-архивов), создаваемых с целью увековечения памяти о выдающихся представителях человечества и о выдающихся событиях в его истории; протоархивов (древлехранилища, кабинеты, собрания документов). Отметим, что протоархивы – явление отнюдь не только далекого прошлого: они рождаются, существуют и сегодня, а работа с их создателями (особенно методическая, просветительская) практически не ведется. В изучении этих групп архивоведам и архивистам будут очень полезны историки (особенно источниковеды)» [Воронцова, 2017**А**. С. 87–89].

И еще: «По признаку доступности архивы можно подразделить на: публичные (доступные на равных основаниях для любого гражданина и юридического лица), ограниченно публичные (доступные для определенных категорий юридических и физических лиц), доверительные (доступные для доверенных юридических и физических лиц), закрытые или оперативно-текущие (доступные только юридическим лицам и их представителям для выполнения служебных задач)» [Козлов, 2017. С. 52].

К числу существенных относится и вопрос о территориальном размещении архивов, об архивной сети субъектов РФ и России в целом (истории ее формирования, национальной и региональной специфике). Поэтому в энциклопедии нужен блок соответствующих обзорных статей для освещения результатов научного осмысления проблем историко-культурного развития регионов, включая их культурное наследие.

Заметное место в энциклопедии должен занять блок статей по организации архивного дела, это прежде всего статьи о системе управления архивами на разных этапах истории нашего государства, а также об общественных организациях, связанных с архивами, об архивоведческих центрах, о подготовке архивных кадров и об архивных профессиях. Состав статей об основных направлениях деятельности архивов в общем понятен, а вот их содержательное наполнение будет затруднено из-за разрозненности и большого объема оперативной информации. Примерно такова же ситуация со статьями о фондах архивов и типах архивных коллекций: вследствие неполной сохранности источников, а в ряде случаев – их малой доступности, установить факты перемещения коллекций, выделить этапы их формирования будет непросто. Необходим блок статей о реалиях цифровой эпохи – применяемых в архивном деле информационных технологиях, об информационных (в т.ч. сетевых) ресурсах [Данилов, 2008; Норберг, 1997; Ланской, 2017; и др.]. По причинам прежде всего объективного характера сравнительно небольшой будет группа статей по истории архивного дела (статьи о значимых явлениях и событиях, исторических типах архивов, исчезнувших архивах и т.д.). Историческое введение в обобщающих статьях и статьях об архивах усилит историко-культурную составляющую содержания энциклопедии.

Для конструктивной коммуникация представителей архивной сферы и пользователей архивов им требуется овладеть профессиональными языками друг друга [Историки и архивисты, 1998; Каштанов, 1997; Козлов, 1997; Медушевская, 1997; Таркиайнен, 1997; Хорхордина, 2017Б, и др.]. Повышению архивной культуры общества будет способствовать включение в энциклопедию блока небольших по объему архивоведческих статей, содержащих устоявшиеся трактовки терминов, а в необходимых случаях – различные точки зрения на дискуссионные проблемы. При соблюдении этого условия архивная энциклопедия внесет свой вклад в унификацию терминологии и в репрезентацию архивоведческого знания широкому кругу читателей. Наилучшим принципом организации информации в плане ее поиска читателем представляется расположение статей в алфавитном порядке (при наличии именного и предметного указателей). Вопросы об объеме издания, наличии иллюстраций обычно решаются уже после составления словника, на его базе.

Личностный аспект позволит отобразить блок биографических статей. Их героями должны стать люди, оставившие значимый след в ста-

новлении и развитии архивов, в сохранении документального наследия. Формирование данного блока – сложный процесс, как из-за недостаточности информации, так ввиду невозможности избежать субъективности.

Какой результат может быть получен, если удастся избежать указанных выше рисков и реализовать данный проект? В энциклопедии может быть зафиксирован большой массив качественной информации, современный уровень научного знания об архиве. Она поможет существенно продвинуться в плане изучения данного объекта, имеющего многовековую традицию, даст материал для мониторинга органами управления состояния отрасли и выработки стратегий ее позитивного развития на благо всего общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамова Н.Г. О значении архивов для научной и преподавательской деятельности историка // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 775–784.

Архив как источник исторической памяти народа [Электронный ресурс]: Сборник материалов науч.-практ. конф. Челябинск, 2016. 221 с. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

Афиани В.Ю. Архив в глобальном информационном пространстве // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 62–73.

Безбородов А.Б. Институт на Никольской. Система подготовки архивистов и историков в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 767–775.

Библиотечная энциклопедия / Рос. г ос. б-ка; гл. ред. Ю.А. Гриханов; сост.: Е.И. Ратникова, Л.Н. Уланова. М.: Пашков дом, 2007. 1300 с.

Бородкин Л.И. “Цифровой поворот” в гуманитарном знании и трансформация инфраструктуры исторической науки (по материалам XXII Международного конгресса исторических наук) // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 54–62.

Владимиров В.Н., Егорова Е.Д. Роль регионального исторического архива в формировании информационной базы исторических исследований (на примере Государственного архива Алтайского края) // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 718–728.

Воронцова Е.А. Архив как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017(а). С. 81–101.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки и музеи – библиотеки – архивы как хранилища информации: теория, методология, практика // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017(б). С. 73–80.

Воронцова Е.А. Информационное обеспечение исторической науки: к постановке проблемы // 150 лет на службе науки и просвещения: сборник материалов междунар. науч. конф., посвященной 150-летию открытия для публики Чертковской библиотеки, 75-летию бренда «Государственная публичная историческая библиотека» и 130-летию открытия Государственного исторического музея, состоявшейся 5–6 декабря 2013 г. М.: ГПИБ России, 2014(а). С. 363–372

Воронцова Е.А. Музей – архив – библиотека за информационное обеспечение исторической науки и против информационной энтропии // Информационное обеспечение науки: новые технологии: сборник материалов XIX научно-практического семинара БЕН РАН. М.: БЕН РАН, 2015(а). С. 222–231.

Воронцова Е.А. Проект «Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки»: итоги и перспективы // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном об-

ществе: Сборник статей по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. И.В. Зайцев / ИНИОН РАН. – Москва: ИНИОН РАН, 2017(в). С. 265–276.

Голиков А.Г. Исторический факт – архивный документ – историк // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 318–324.

Данилов Д.В. Архивные порталы как центральный элемент единого сетевого архивного информационного пространства // Круг идей: междисциплинарные подходы в исторической информатике: труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2008. С. 94–102.

Институты нашей памяти: архивы и библиотеки в современной России // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. (Специальный выпуск)

Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: Материалы Международной научной конференции 27–28 ноября 1997 г. / Росархив, Российское общество историков-архивистов; ред. В.П. Козлов. М., 1998. 275 с.

Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Труды 1-го археологического съезда в Москве. 1869. / (Изд. под ред. гр. А.С. Уварова). Т. 1. М., 1871. С. 207–218.

Каштанов С.М. Историк не может не идти в архив // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 49–55.

Козлов В.П. Документальная память в архивоведческом знании. М.: Архив РАН, Древлехранилище, 2017. 332 с.

Козлов В.П. Историк и архивист: общее и особенное профессий // Отечественные архивы. 1997. № 6. С. 3–11.

Козлов В.П. О свободе и несвободе документальной исторической памяти // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 41–54.

Косырева Е.В. Источники комплектования Архива Российской академии наук // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 309–317.

Ланской Г.Н. Электронные архивы аудиовизуальных документов: проблемы изучения и использования в исторических исследованиях // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 551–557.

Лебедев В.Д. Роль публикации архивных документов для решения спорных вопросов историографии // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 407–421.

Мазур Л.Н. Профессиональная подготовка документоведов и архивистов в России: от специализации к системе непрерывного образования // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов / Под общ. ред. Л. Мазур и Я. Лосовски. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 287–308.

Медушевская О.М. Историк и архивист: сферы познания ими прошлого // Вестник архивиста. 1997. № 6 (42). С. 27–46.

Норберг Э. Информационные технологии, архивное дело и история // Вестник архивиста. 1997. № 5. С. 17–19.

Подорога В.А. К философии архива. Заметки // Индекс. Досье на цензуру. 2001. № 14. С. 252–266.

Попов А.В. Архивы и библиотеки: общее и особенное в сохранении исторической памяти // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 190–197.

Рашковский Е.Б. Библиотека, архив, музей: наукотворческое призвание в эпоху электронных коммуникаций // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки… 2015. С. 25–33.

Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. 1008 с.

Российская музейная энциклопедия / А.А. Сундиева, Е.А. Воронцова, Т.Н. Кадаурова и др.: В 2 т. М.: Прогресс, «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.

Сабенникова И.В. Зарубежная архивная Россика: репрезентация информационного потенциала архивов русской эмиграции // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 695–707.

Соколов А.В. Документосфера как пространство синтеза музея, библиотеки, архива // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки… 2016. С. 67–84.
Стеганцев М.В. Роль обществ и ассоциаций архивистов в развитии сотрудничества историков и архивистов // Вестник архивиста. 1998. № 1 (43). С. 36–41
Таркиайнен К. Архивист и историк – устойчивый симбиоз или изменение отношений? // Вестник архивиста. 1997. № 6 (42). С. 52–56.
Филюшкин А.И. Архивы и историческая память // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 35–41.
Хмельницкая О.Е. Современный архив как инструмент координации информационных потоков: реальность и перспективы // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки… 2017. С. 784–793.
Хорхордина Т.И. Архивы и информационное обеспечение исторической науки: гуманитарная стратегия коммуникативной функции архивов // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе… 2017(а). С. 228–243.
Хорхордина Т.И. Историк и архивист: взаимодействие в интересах информационного обеспечения исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей… 2017(б). С. 757–767.
Хорхордина Т.И. От архивоведения к архивософии? (К постановке проблемы) // Труды ИАИ. 1996. Т. 33. С. 177–192.
Черный Ю.Ю. Архивы, библиотеки, музеи в глобальной информационной среде // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.О. Чубарьян, В.Р. Фирсов. М.: Этерна, 2016. С. 43–67.
Шмидт С.О. Архивы и историческая наука в современном мире // Вестник архивиста. 1994. № 1–2 (19–20). С. 92–100.

REFERENCES

Abramova N.G. O znachenii arhivov dlya nauchnoj i prepodavatel'skoj deyatel'nosti istorika // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sbornik statej / Avt.-sost. E.A. Voroncova; otv. red. V.YU. Afiani, YU.A. Petrov. M.: Eterna, 2017. S. 775–784.
Arhiv kak istochnik istoricheskoj pamyati naroda: Sbornik materialov nauch.-prakt. konf. (29 sent. 2016 g., CHelyabinsk). CHelyabinsk, 2016. 221 s. opt. disk (CD-ROM).
Afiani V.YU. Arhiv v global'nom informacionnom prostranstve // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 62–73.
Bezborodov A.B. Institut na Nikol'skoj. Sistema podgotovki arhivistov i istorikov v Istoriko-arhivnom institute Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 767–775.
Bibliotechnaya enciklopediya / Ros. g os. b-ka; gl. red. YU.A. Grihanov; sost.: E.I. Rat-nikova, L.N. Ulanova. M.: Pashkov dom, 2007. 1300 s.
Borodkin L.I. "Cifrovoj povorot" v gumanitarnom znanii i transformaciya infrastruktury istoricheskoj nauki (po materialam XXII Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskih nauk) // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 54–62.
Vladimirov V.N., Egorova E.D. Rol' regional'nogo istoricheskogo arhiva v formirovanii informacionnoj bazy istoricheskih issledovanij (na primere Gosudarstvennogo arhiva Altajskogo kraya) // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 718–728.
Voroncova E.A. Arhiv kak bazovyj element informacionnoj infrastruktury istoricheskoj nauki // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017(a). S. 81–101.
Voroncova E.A. Informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki i muzei – biblioteki – arhivy kak hranilishcha informacii: teoriya, metodologiya, praktika // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017(b). S. 73–80.
Voroncova E.A. Informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki: k postanovke problemy // 150 let na sluzhbe nauki i prosveshcheniya: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoj 150-letiyu otkrytiya dlya publiki CHertkovskoj biblioteki, 75-letiyu brenda «Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka» i 130-letiyu otkrytiya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. M.: GPIB Rossii, 2014(a). S. 363–372

Voroncova E.A. Muzej – arhiv – biblioteka za informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki i protiv informacionnoj entropii // Informacionnoe obespechenie nauki: novye tekhnologii: sbornik materialov XIX nauchno-prakticheskogo seminara BEN RAN. M.: BEN RAN, 2015(a). S. 222–231.

Voroncova E.A. Proekt «Rol' muzeev-bibliotek-arhivov v informacionnom obespe-chenii istoricheskoj nauki»: itogi i perspektivy // Transformacii muzeev-bibliotek-arhivov i informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki v in-formacionnom obshchestve: Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo seminara. INION RAN, 21 fevralya 2017 g. / Avt.-sost. E.A. Voroncova; otv. red. I.V. Zajcev. – Moskva: INION RAN, 2017(v). S. 265–276.

Golikov A.G. Istoricheskij fakt – arhivnyj dokument – istorik // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 318–324.

Danilov D.V. Arhivnye portaly kak central'nyj element edinogo setevogo arhiv-nogo informacionnogo prostranstva // Krug idej: mezhdisciplinarnye podhody v istoricheskoj informatike: trudy X konferencii Associacii «Istoriya i komp'yuter». M., 2008. S. 94–102.

Instituty nashej pamyati: arhivy i biblioteki v sovremennoj Rossii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 74. (Special'nyj vypusk)

Istoriki i arhivisty: sotrudnichestvo v sohranenii i poznanii proshlogo v interesah nastoyashchego i budushchego: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 27–28 noyabrya 1997 g. / Rosarhiv, Rossijskoe obshchestvo istorikov-arhivistov; red. V.P. Kozlov. M., 1998. 275 s.

Kalachov N.V. Arhivy, ih gosudarstvennoe znachenie, sostav i ustrojstvo // Trudy 1-go arheologicheskogo s"ezda v Moskve. 1869 / (pod red. gr. A.S. Uvarova). T. 1. M., 1871. S. 207–218.

Kashtanov S.M. Istorik ne mozhet ne idti v arhiv // Otechestvennye arhivy. 1997. № 3. S. 49–55.

Kozlov V.P. Dokumental'naya pamyat' v arhivovedcheskom znanii. M.: Arhiv RAN, Drevlekhranilishche, 2017. 332 s.

Kozlov V.P. Istorik i arhivist: obshchee i osobennoe professij // Otechestvennye arhivy. 1997. № 6. S. 3–11.

Kozlov V.P. O svobode i nesvobode dokumental'noj istoricheskoj pamyati // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 41–54.

Kosyreva E.V. Istochniki komplektovaniya Arhiva Rossijskoj akademii nauk // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 309–317.

Lanskoj G.N. Elektronnye arhivy audiovizual'nyh dokumentov: problemy izucheniya i ispol'zovaniya v istoricheskih issledovaniyah // Rol' arhivov v informacion-nom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 551–557.

Lebedev V.D. Rol' publikacii arhivnyh dokumentov dlya resheniya spornyh voprosov istoriografii // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 407–421.

Mazur L.N. Professional'naya podgotovka dokumentovedov i arhivistov v Rossii: ot specializacii k sisteme nepreryvnogo obrazovaniya // Arhivy Rossii i Pol'shi: istoriya, problemy i perspektivy razvitiya: sbornik nauchnyh trudov / Pod obshch. red. L. Mazur i YA. Losovski. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 287–308.

Medushevskaya O.M. Istorik i arhivist: sfery poznaniya imi proshlogo // Vestnik arhivista. 1997. № 6 (42). S. 27–46.

Norberg E. Informacionnye tekhnologii, arhivnoe delo i istoriya // Vestnik arhivista. 1997. № 5. S. 17–19.

Podoroga V.A. K filosofii arhiva. Zametki // Indeks. Dos'e na cenzuru. 2001. № 14. S. 252–266.

Popov A.V. Arhivy i biblioteki: obshchee i osobennoe v sohranenii istoricheskoj pamyati // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 190–197.

Rashkovskij E.B. Biblioteka, arhiv, muzej: naukotvorcheskoe prizvanie v epohu elektronnyh kommunikacij // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2015. S. 25–33.

Rozhdestvenskij S.V. Istorik–arheograf–arhivist // Arhivnoe delo. 1923. Vyp. 1. S. 1–12.

Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sbornik statej / Avt.-sost. E.A. Voroncova; otv. red. V.YU. Afiani, YU.A. Petrov. M.: Eterna, 2017. 1008 s.

Rossijskaya muzejnaya enciklopediya / A.A. Sundieva, E.A. Voroncova, T.N. Kadaurova i dr.: V 2 t. M.: Progress, «RIPOL KLASSIK», 2001.

Sabennikova I.V. Zarubezhnaya arhivnaya Rossika: reprezentaciya informacionnogo potenciala arhivov russkoj emigracii // Rol' arhivov v informacionnom obes-pechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 695–707.
Sokolov A.V. Dokumentosfera kak prostranstvo sinteza muzeya, biblioteki, arhiva // Rol' bibliotek v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2016. C. 67–84.
Stegancev M.V. Rol' obshchestv i associacij arhivistov v razvitii sotrudnichestva istorikov i arhivistov // Vestnik arhivista. 1998. № 1 (43). S. 36–41
Tarkiajnen K. Arhivist i istorik – ustojchivyj simbioz ili izmenenie otnoshenij? // Vestnik arhivista. 1997. № 6 (42). S. 52–56.
Filyushkin A.I. Arhivy i istoricheskaya pamyat' // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 35–41.
Hmel'nickaya O.E. Sovremennyj arhiv kak instrument koordinacii informacionnyh potokov: real'nost' i perspektivy // Rol' arhivov v informacionnom obes-pechenii istoricheskoj nauki… 2017. S. 784–793.
Horhordina T.I. Arhivy i informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki: gumanitarnaya strategiya kommunikativnoj funkcii arhivov // Transformacii muzeev-bibliotek-arhivov i informacionnoe obespechenie istoricheskoj nauki v informacionnom obshchestve… 2017(a). S. 228–243.
Horhordina T.I. Istorik i arhivist: vzaimodejstvie v interesah informacionnogo obespecheniya istoricheskoj nauki // Rol' arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sbornik statej… 2017(b). S. 757–767.
Horhordina T.I. Ot arhivovedeniya k arhivosofii? (K postanovke problemy) // Trudy IAI. 1996. T. 33. S. 177–192.
CHernyj YU.YU. Arhivy, biblioteki, muzei v global'noj informacionnoj srede // Rol' bibliotek v informacionnom obespechenii istoricheskoj nauki: sb. statej / Avt.-sost. E.A. Voroncova; otv. red. A.O. CHubar'yan, V.R. Firsov. M.: Eterna, 2016. C. 43–67.
SHmidt S.O. Arhivy i istoricheskaya nauka v sovremennom mire // Vestnik arhivista. 1994. № 1–2 (19–20). S. 92–100.

Воронцова Евгения Александровна, *канд. ист. наук, старший научный сотрудник (ученое звание), заведующая сектором Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля; eworonzowa@mail.ru*

«Russian archival encyclopedia»: from an idea to implementation of the concept

The article presents an idea of creating ae “Russian Archival Encyclopedia” that arose from the author during the work on the collection “The Role of Archives in the Information Support of Historical Science” (M., 2017), released on the eve of the 100th anniversary of the Archival Service of Russia as part of the project “The Role of Museums – libraries – archives in the information support of historical science". The characteristics of the necessary and sufficient conditions for creating encyclopedias are listed: scientific knowledge of a certain level and its carriers – researchers and those who make encyclopedias professionally; management system that can solve organizational and logistical problems and provide funding. The usefulness of the archival encyclopedia, the advantages of an interdisciplinary approach, and the focus on updating documentary heritage are substantiated. Its territorial and chronological coverage, thematic structure are determined.

Keywords: historical science, archival science, interdisciplinary, scientific centre, Russian school of encyclopaedic, project activity, archival encyclopedia, historical memory, providing information

Eugenia A. Vorontsova, *Ph.D. in History, Senior Research Fellow (academic title) head of sector of State Museum of history of Russian literature named after V.I. Dal; eworonzowa@mail.ru*

CONTENTS

Russia and the World in the space of interconnections and representations

Elena Mironova
Russian anti-Bolshevik diplomacy and the problem of the conference on the Princes' Islands….... 5
Andrey Schelchkov
Soviet Russia – a "Mecca" for Latin American revolutionaries.
The image of a "messiah" country in the works by Latin American intellectuals…. 21
German Gigolaev
Soviet-Italian interaction in the late 1950s: the economic and cultural aspects.…… 37
Andrejs Gusachenko
The Social activities of Russian youth movements in the Republic of Latvia (1920–1940)…….. 49
Ľubica Harbuľová
Russian scientists in Slovakia. The interaction of Slovakian and Russian science in 1920–1945… 64
Irina Shcheblygina
Russian culture within European context: artistic heritage of Russian emigration in Great Britain… 74
Marina Moseykina
Formation of the Russian world's memorial space in Latin America
in the context of the history of the two waves of emigration…….. 83
Elena Sedova
Pedagogical heritage of Russian emigration in the world educational space……. 98
Zoya Barbarunova, Anastasia Koprshivova
Young Generation of Don, Kuban and Terek Cossacks in Czechoslovak Republic (1920–1930s) 109
Zoya Bocharova
The role of the Russian emigration of the 1920–1930s
in the development of universal refugee status……... 116
Petr Mikhaylov
New Patristic renaissance: "Paris theology" of the "Russia abroad" and the "nouvelle théologie" 133
Ekaterina Grantseva
Between literature and life: Spanish intellectuals and Russia in the beginning of the 20th century…. 149
Anna Gromova
The Participation of the Russian Imperial family
in the establishment of the Russian Orthodox Church St. Nicholas Metochion in Bari……... 163

Russia in the World: persons and fates

Anna Volodko
Princess Zinaida Shakhovskaya – a "witness of the century" and a brilliant Russian emigre writer 176
Kostiantyn Vasyliev
Old Russian professoriate in emigration: A.I. Ignatovsky (1875–1955)…..... 183
Victor Goloubinov
Russian consul, orientalist Sergei P. Goloubinow (1879–1951)……..... 190
Valentina Voloshina, Valentina Korzun
E.F. Maksimovich: a representative of the "second generation" of historians
among the Russian exiles…… 204
Peter Bazanov
Professor N.E. Andreev and his contribution to the study of Russian history and culture……... 215
Svetlana Levoshko
Cultural heritage of Nikolai Istselennov and his contribution
to Orthodox art of Russian Diaspora in the 20th century…… 224
Sergey Mikhalchenko
Emigrant years of Fedor Vasilyevich Taranovsky……..... 239
М.В. Кротова
Зигзаги судьбы инженера Владимира Барри……..... 248

To the roots… Heritage update

Svetlana Baturenko
A Russian historian and sociologist A.P. Shchapov
on the reasons for the subordinated position of women in the Russian society…….. 257
Dmitry V. Garbuzov, Nikolai Y. Nikolaev, Sergey P. Ramazanov
Nikolay Ivanovich Kareev about the war and peace…….. 267
Anatoly V. Torkunov
The origin of the Russian school of international relations in the 19th century……. 282
Vera Malakhovskaya, Alexey Malakhovsky, Elena Savicheva
At the root of the Russian Arabic studies: Academician Ignaty Yulianovich Krachkovsky 290

Intellectuals and Power

Gennadii Kocheshkov, Elena Saraeva
Revolutionary crisis of February 1917in the reflection of the leaders of the Progressive bloc…… 301
Vitaly Ananiev, Mikhail Bukharin
Time of Oldenburg. Post-factum. 1. E.G. Oldenburg, Academic Milieu
and the Preservation of Scientific heritage of the Academician S.F. Oldenburg…… 318

History – Culture – Bioethics

Olga Nagornykh
The ethical-deontological aspects of the integration of oriental medical practices
into the medicine of the USSR: the discussions of the 1930s…… 329
Nataliya Shok, Nikita Pivovarov
"For World Peace": humanism and ethics of global safety
in the ideological policy of the Soviet leadership (1956–1962)..…… 340

Reading books…

Marina Arzakanyan
Soviet historians. Generations and traditions.
On the book by L.A. Sidorova……..……. 356
Tamara Gella
Russian region in the context of intellectual history…….…… 364
Ludmila Artamonova
The Age of Enlightenment in «Quaestio Rossica»..... 372

Publications and translations

Aleksandr Antoshchenko
«Wish me one thing – energy, energy and energy and think that big business is not easily done» 380
Natalia Gramatchikova, Maria Litovskaya, Nikolay Mikhalev, Natalya V. Surzhikova
«A Tale about how Lenin cured old woman Agrafena»:
historical and literary mystification and its meanings…… 388

Events and projects

Taisiia S. Paniotova, Andrey V. Korenevskiy
(Un)timely thoughts and judgments about the pragmatics of utopias
(review of the scientific conference)……... 404
Eugenia A. Vorontsova
«Russian archival encyclopedia»: from an idea to implementation of the concept……... 414

CONTENTS……..... 428

СОДЕРЖАНИЕ

Россия и мир в пространстве взаимосвязей и представлений

Е.М Миронова
Русская небольшевистская дипломатия и проблема конференции на Принцевых островах.... 5

А.А. Щелчков
Советская Россия – «Мекка» латиноамериканских революционеров
Образ страны «мессии» в трудах латиноамериканских интеллектуалов ……... 21

Г.Е. Гиголаев
Советско-итальянское взаимодействие в конце 1950-х годов:
экономические и культурные аспекты…….. 37

А.С. Гусаченко
Социальная деятельность российских молодежных движений
в Республике Латвия (1920–1940)…….. 49

Любица Гарбульова
Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы… 64

И.В. Щеблыгина
Русская культура в общеевропейском контексте:
художественное наследие Русского зарубежья в Великобритании…… 74

М.Н. Мосейкина
Формирование мемориального пространства Русского мира в Латинской Америке
в контексте истории двух волн эмиграции……... 83

Е.Е. Седова
Педагогическое наследие российской эмиграции в мировом образовательном пространстве 98

З.А. Барбарунова, А.В. Копршивова
Молодежь юга России в Чехословацкой Республике (1920–1930-е годы)……. 109

З.С. Бочарова
Роль русской эмиграции 1920–1930-х годов в становлении универсального статуса беженцев 116

П.Б. Михайлов
Новое обращение к патристике: «парижское богословие»
Русского зарубежья и «новая теология» французских католиков……... 133

Е.О. Гранцева
Испанские интеллектуалы и Россия начала XX века: между литературой и жизнью……... 149

А.В. Громова
Участие Российского Императорского Дома
в создании Свято-Никольского подворья Русской Православной Церкви в г. Бари……. 163

Россия в мире: люди и судьбы

А.В. Володько
Княжна Зинаида Алексеевна Шаховская – «свидетельница века»,
блистательный литератор Русского зарубежья…… 176

К.К. Васильев
Старая русская профессура в эмиграции: А.И. Игнатовский (1875–1955)…..……... 183

В.В. Голубинов
Русский консул, ориенталист Сергей Петрович Голубинов (1879–1951)……... 190

В.Ю. Волошина, В.П. Корзун
Е.Ф. Максимович: представитель «второго поколения»
исторической науки Русского зарубежья…….. 204

П.Н. Базанов
Профессор Н.Е. Андреев и его вклад в изучение русской истории и культуры…… 215

С.С. Левошко
Творческое наследие Николая Исцеленнова и его вклад
в православное искусство Русского зарубежья в XX веке…….. 224

С.И. Михальченко
Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского……..... 239
М.В. Кротова
Зигзаги судьбы инженера Владимира Барри……..... 248

К истокам… Актуализация наследия

С.А. Батуренко
Русский историк и социолог А.П. Щапов
о причинах подчиненного положения женщины в российском обществе…….. 257
Д.В. Гарбузов, Н.Ю. Николаев, С.П. Рамазанов
Николай Иванович Кареев о войне и мире…….. 267
А.В. Торкунов
Истоки (гипотетической) российской школы международных отношений в XIX веке... 282
В.В. Малаховская, А.К. Малаховский, Е.М. Савичева
У истоков российской арабистики: академик Игнатий Юлианович Крачковский..... 290

Интеллектуалы и власть

Г.К. Кочешков, Е.Л. Сараева
Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров Прогрессивного блока 301
В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин
Время Ольденбурга. POST FACTUM. 1. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество
в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга……. 318

История – Культура – Биоэтика

О.С. Нагорных
Этико-деонтологические аспекты интеграции
восточных медицинских практикв медицину СССР: дискуссии 1930-х гг…… 329
Н.П. Шок, Н.Ю. Пивоваров
«За мир во всем мире»: гуманизм и гуманизм и этика глобальной безопасности
в ракурсе идеологической политики советской руководства (1956–1962 гг.)..…… 340

Читая книги…

М.Ц. Арзаканян
Советские историки: поколения и традиции. Размышления по поводу
книги Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик»……. 356
Т.Н. Гелла
Регионы России в контексте интеллектуальной истории.
Рец. на кн.: Непомнящий А.А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение (2018)…….. 364
Л.М. Артамонова
Век Просвещения в «Quaestio Rossica»..... 372

Публикации и переводы

А.В. Антощенко
«Пожелайте мне одного – энергии, энергии и энергии, и подумайте,
что крупные дела легко не делаются» (к 165-летию П.Г. Виноградова)…… 380
Н.Б. Граматчикова, М.А. Литовская, Н.А. Михалев, Н.В. Суржикова
«Сказ о том, как Ленин вылечил бабку Аграфену».
Историко-литературная мистификация и ее смыслы…… 388

Научная жизнь: события и проекты

Т.С. Паниотова, А.В. Кореневский
(Не)своевременные мысли и суждения о прагматике утопий…… 404
Е.А. Воронцова
«Российская архивная энциклопедия»: от идеи к воплощению замысла……... 414

CONTENTS……..... 428